ДК
80
К-22
том 6
часть
1-2
Кареев Н.
История Зап.
Европы. СПб., 1909.

DK
80
—
K22

Шифр

5-166222

3-599366

Инвентарный №

6-477371.

Автор Кареев. Н.

Название История

Зап. Европы

кобелев

25/I/53. 7128 Н

~~15/9-56-6438 (9)~~

13359

~~802~~

ПРОВЕРЕНО
1928 2000.

М Н Л
Кабинет истории
ЗАПАДА
1735

Izd. 1892-1917

94(1)
К-22
ПРОВЕРЕНО 1927 года.
DK
80
K22

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Томъ VI.

ПОСЛѢДНЯЯ ТРЕТЬ XIX ВѢКА.

Часть I (1867—1880 годы).

КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
КАБИНЕТ
ИСТОРИИ и ПРАВА
ИНСТИТУТ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1909.

3.В.
1221

3873

Государственная публичная
БИБЛІОТЕКА
477371
Историческая

Другу-женѣ

посвящаю

этотъ томъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ЧАСТИ.

стран.

Вмѣсто предисловія V

Конецъ шестидесятыхъ годовъ.

I. Западно-европейскія конституціи къ концу шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка 1
II. Основаніе Интернаціонала и начало анархизма 37

Семидесятые годы.

III. Франко-германская война 1870—1871 г. 79
IV. Политическое преобладаніе Германіи и усиленіе милитаризма. . 108
V. Разгромъ парижской коммуны и паденіе Интернаціонала . . . 133
VI. Борьба за утвержденіе республики во Франціи 173
VII. Первые годы Германской имперіи и „культуркампфъ“ 224
VIII. Успѣхи соціализма въ Германіи и правительственная борьба съ нимъ 266
IX. Англія послѣ второй парламентской реформы 297
X. Италія въ первое десятилѣтіе послѣ присоединенія Рима . . . 337
XI. Борьба національностей въ Австро-Венгріи послѣ введенія дуализма 352
XII. Отношеніе Западной Европы къ балканскимъ дѣламъ второй половины семидесятыхъ годовъ 388

Перечень главъ второй части.

XIII. Международныя комбинаціи послѣ берлинскаго конгресса.—XIV. Колоніальныя предпріятія европейскихъ державъ въ концѣ XIX в. — XV. Германія въ 1880—1900 гг.—XVI. Франція въ 1880—1900 гг.—XVII. Англія въ 1880 — 1900 гг. — XVIII. Италія въ 1880 — 1900 гг. — XIX. Австро-Венгрія въ 1880 — 1900 гг. — XX. Папство и католицизмъ въ послѣдней трети XIX в. — XXI. Второстепенныя государства въ послѣдней трети XIX в.—XXII. Экономическая эволюція Западной Европы въ послѣднія десятилѣтія XIX в. — XXIII. Рабочее движеніе и соціализмъ въ концѣ XIX в. — XXIV. Очеркъ духовной культуры Западной Европы за послѣднія десятилѣтія XIX в. — XXV. Европейское господство въ другихъ частяхъ свѣта и міровая политика.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

I.

Настоящимъ, шестымъ томомъ заканчивается предпринятая мною въ 1892 году „Исторія Западной Европы въ новое время“, первые пять томовъ которой появились въ свѣтъ одинъ за другимъ между 1892 и 1898 годами [1]). Первоначальнымъ моимъ планомъ, который и былъ приведенъ въ исполненіе въ 1892—3 гг., было довести изложеніе лишь до конца XVIII в., положивъ въ основу читанные мною университетскіе курсы по новой исторіи, но уже и въ то время я предвидѣлъ возможность изданія продолженія, посвященнаго исторіи XIX вѣка, причемъ предполагалъ довести послѣднюю лишь до 1871 г., какъ это и было указано въ предисловіи къ вышедшему въ свѣтъ въ 1894 г. четвертому тому, остановившемуся на 1830 г. Въ основу и IV тома легли мои университетскія лекціи: въ общемъ въ немъ даже была сохранена программа курса, читаннаго мною въ 1878—9 г. въ Московскомъ университетѣ, гдѣ я тогда былъ „стороннимъ преподавателемъ“. Между появленіемъ въ свѣтъ четвертаго и пятаго томовъ прошло четыре года въ виду того, что для періода 1830—1870 г. у меня уже не было заранѣе подготовленнаго матеріала, такъ какъ по этой эпохѣ мнѣ не приходилось читать курса. Работая надъ пятымъ томомъ, я рѣшилъ написать и шестой, дабы довести свою „Исторію“ до конца XIX в., о чемъ и было заявлено въ предисловіи къ пятому тому.

Я тогда не предвидѣлъ, однако, что между появленіемъ въ свѣтъ V и VI томовъ пройдетъ болѣе десяти лѣтъ, какъ это

---

[1]) Предисловія къ отдѣльнымъ томамъ датированы: I—29 августа 1892 г., III—7 марта 1893 г. (второй томъ печатался одновременно съ третьимъ), IV—16 іюня 1894 г. и V—15 октября 1898 г.

вышло на самомъ дѣлѣ. За все это время первые три тома потребовали четырехъ изданій, послѣдніе два — трехъ, а шестой все еще оставался дѣломъ будущаго. Причины этого замедленія были довольно разнообразны, но по времени первою изъ нихъ была, какъ-никакъ, продолжавшееся около семи лѣтъ (1899—1906) мое отстраненіе отъ университетской каѳедры, съ одной стороны, лишившее меня возможности прочесть задуманный-было курсъ по исторіи послѣдней трети XIX вѣка, съ другой, заставившее меня искать другихъ занятій, изъ-за которыхъ пришлось отложить работу надъ VI томомъ. Къ этому именно времени относятся, во-первыхъ, составленіе мною „учебныхъ книгъ“ по новой, средней и древней исторіи, во-вторыхъ, преподаваніе (съ осени 1902 г.) въ Спб. Политехническомъ институтѣ, гдѣ я задумалъ прочитать серію особеннымъ образомъ построенныхъ, „типологическихъ“, какъ я ихъ назвалъ, курсовъ изъ исторіи государственнаго быта. Составленіе и печатаніе этихъ курсовъ въ пяти томикахъ, выходившихъ въ свѣтъ между 1903 и 1908 гг. [1]), конечно, не позволяло мнѣ и думать о скоромъ выпускѣ въ свѣтъ VI тома „Исторіи Западной Европы“. Событія 1905 и 1906 годовъ тоже не могли, конечно, благопріятствовать работѣ.

Кромѣ того, и самая эпоха, которая должна была составить содержаніе VI тома, требовала большой предварительной работы. Правда, по отношенію къ 1870—1900 гг. я былъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ по отношенію къ 1830—1870 гг., составившимъ содержаніе V тома, такъ какъ самъ переживалъ эпоху, въ 1870 г. былъ уже студентомъ и съ того времени слѣдилъ за событіями, читая газеты и политическіе обзоры въ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ, болѣе подробно по другимъ пособіямъ знакомился съ разными явленіями текущей жизни и часто ѣздилъ за границу [2]), но если это и облегчало для меня пониманіе общаго хода исторической жизни на Западѣ, то, съ другой стороны, самая эта близость къ намъ всѣхъ событій и перемѣнъ, наполняющихъ собою исторію послѣдней трети XIX вѣка, страшное обиліе сырого матеріала и въ общемъ недостаточность его предварительной *научной* обработки, являлись для меня довольно-таки важными тормазами. Историческое, т.-е. объективно-

---

[1]) 1. Государство-городъ античнаго міра.—2. Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра.—3. Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ.—4. Западно-европейская абсолютная монархія XVI—XVIII вв.—5. Происхожденіе современнаго народно-правового государства.

[2]) Цѣлый почти годъ (1877—8) я прожилъ въ Парижѣ во время борьбы съ Макъ-Магономъ.

научное отношеніе къ прошлому требуетъ, чтобы это прошлое отдалилось на нѣкоторое разстояніе, да и нужно еще, чтобы фактическій матеріалъ получилъ надлежащую обработку. Въ обоихъ отношеніяхъ десять лѣтъ, протекшихъ послѣ появленія въ свѣтъ V тома, не прошли даромъ, тѣмъ болѣе, что за все это время, хотя бы и урывками, я все-таки готовилъ VI томъ или, по крайней мѣрѣ, думалъ о его содержаніи [1]).

Главною моею заботою при написаніи всѣхъ томовъ „Исторіи Западной Европы“ было выдержать единство плана и руководящаго историческаго взгляда. Однимъ изъ средствъ, къ которымъ я прибѣгалъ при этомъ, было составленіе общихъ, я сказалъ бы — историко-философскихъ обзоровъ разсмотрѣнныхъ эпохъ. Едва окончивъ первые три тома, я написалъ небольшую книжку подъ заглавіемъ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, заключающую въ себѣ „основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ“. Это было своего рода общее résumé первыхъ трехъ томовъ, въ первомъ изданіи котораго каждая строчка даже прямо подкрѣплялась ссылками на отдѣльныя мѣста „Исторіи“. Такое же résumé было мною начато немедленно по выходѣ въ свѣтъ V тома (но окончено и издано много позднѣе) также для IV и V томовъ въ видѣ особой книжки подъ заглавіемъ „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка“. Резюмируя предыдущее, обѣ книжки должны были служить и введеніями къ послѣдующему. По всей вѣроятности, и VI томъ дастъ матеріалъ для подобнаго же обобщенія: тогда сопоставленіе взглядовъ, высказанныхъ во всѣхъ трехъ résumés, покажетъ, насколько авторомъ выдержано единство общаго историческаго міросозерцанія. Конечно, я не стану утверждать, чтобы за слишкомъ полтора десятка лѣтъ это міросозерцаніе оставалось неподвижнымъ, и чтобы новыя точки зрѣнія никоимъ образомъ не опирались на моихъ общихъ историческихъ взглядахъ, тѣмъ болѣе, что я всегда усиленно интересовался теоретическими вопросами исторической науки. Какъ разъ въ промежутокъ между выходомъ въ свѣтъ первыхъ четырехъ и пятаго томовъ „Исторіи Западной Европы“ я послѣ нѣкотораго перерыва вплотную занялся этими вопросами, переиздавъ свои прежнія работы [2]), а главное — написавъ двѣ книжки:

---

[1]) Нѣкоторыя части книги о народно-правовомъ государствѣ являются прямо результатомъ этой работы.

[2]) Историко-философскіе и соціологическіе этюды (1894).

„Введеніе въ соціологію“ и „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“ (обѣ 1896 г.). Обращаю особенное вниманіе на тему послѣдней изъ названныхъ книжекъ, посвященной, пожалуй, самому боевому вопросу середины девяностыхъ годовъ. Въ отдѣльныхъ статьяхъ, изъ которыхъ составилась указанная книжка, я выступилъ самымъ убѣжденнымъ оппонентомъ экономическаго матеріализма, какъ теоріи, стремящейся объяснить всю исторію изъ одного начала, признавъ, однако, съ другой стороны, условное и относительное значеніе этой точки зрѣнія тамъ, гдѣ ее правильно примѣняютъ. Мнѣ тѣмъ легче было придти къ такому взгляду, что уже въ первой своей работѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“ (1879) я проводилъ точку зрѣнія классовой борьбы на экономической почвѣ. Если въ своихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ (1883) я не удѣлилъ ей надлежащаго вниманія, то вѣдь въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ экономическій матеріализмъ и не имѣлъ еще никакой литературы. Какъ бы то ни было, споръ объ экономическомъ матеріализмѣ не могъ пройти безслѣднымъ для моего историческаго міросозерцанія не въ смыслѣ, повторяю, полнаго его измѣненія, а въ смыслѣ его углубленія или расширенія. Изучая для V тома исторію среднихъ десятилѣтій XIX вѣка, когда произошло вообще обостреніе классовыхъ интересовъ и, такъ сказать, обнажился экономическій базисъ соціальной структуры [1]), и когда сама жизнь, такъ сказать, приводила къ идеологіи экономическаго матеріализма, я долженъ былъ читать сочиненія и самого Маркса, и такихъ марксистовъ, какъ Мерингъ или Блосъ, отрицаніе же мною экономическаго матеріализма, какъ общей соціологической теоріи, нисколько не мѣшало мнѣ не только понять историческую необходимость ея возникновенія, но и правильность ея примѣненія къ соціальной сторонѣ исторіи XIX вѣка. Это частное усвоеніе „марксизма“, пожалуй, могло только углубить или расширить ранѣе сложившееся у меня историческое міросозерцаніе, но отнюдь не въ состояніи было заставить меня измѣнить ему кореннымъ образомъ. Кто потрудился бы сравнить основные взгляды VI и V томовъ, тотъ убѣдился бы въ томъ, что между ними нѣтъ разницы, и что въ общемъ во всей „Исторіи Западной Европы“ проводится единый основной взглядъ.

Послѣднее заявленіе я вовсе не просилъ бы понимать въ та-

---

[1]) Объ этомъ экономическомъ базисѣ я писалъ еще во „Введеніи въ исторію новѣйшаго времени“ (Варшава, 1881).

комъ смыслѣ, что если бы я теперь написалъ сразу всѣ шесть томовъ своей „Исторіи“, то написалъ бы ихъ совсѣмъ такъ же, какъ это сдѣлалъ раньше. За эти слишкомъ полтора десятка лѣтъ и историческихъ работъ новыхъ много появилось, и самому мнѣ многое стало представляться яснѣе, чѣмъ прежде, да и прочесть изъ стараго, прежде не читаннаго, я не мало еще успѣлъ. Какія бы, однако, частныя измѣненія я ни внесъ въ отдѣльные томы „Исторіи Западной Европы“, я не сталъ бы мѣнять ни общаго плана этого труда, ни основныхъ его точекъ зрѣнія: рѣчь могла бы идти только о еще болѣе послѣдовательномъ проведеніи принятаго общаго плана, о еще большей вѣрности этимъ основнымъ точкамъ зрѣнія.

Перейду теперь спеціально къ содержанію этого тома.

V томъ былъ посвященъ среднимъ десятилѣтіямъ XIX вѣка— отъ іюльской революціи 1830 г. до паденія второй имперіи въ 1870 г. Въ сущности, бо̀льшая часть тома занята исторіей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, которымъ въ общей исторіи Запада принадлежитъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ слѣдующимъ двумъ десятилѣтіямъ. Пятидесятые годы, послѣ разгрома всѣхъ упованій и стремленій „сорокъ восьмого года“, были эпохой самой безпросвѣтной реакціи, и только въ шестидесятыхъ годахъ возобновилось прерванное побѣдою реакціи прогрессивное культурное, соціальное и политическое движеніе. Вотъ почему пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ XIX в. въ V томѣ было отведено гораздо меньше мѣста, нежели тридцатымъ и сороковымъ, а шестидесятымъ больше, нежели пятидесятымъ. Съ другой стороны, самое изложеніе исторіи шестидесятыхъ годовъ мною было умышленно сокращено въ расчетѣ на то, что нѣкоторые факты по ихъ значенію для слѣдующей эпохи нашли бы скорѣе мѣсто въ VI томѣ, къ которому я нерѣдко и отсылалъ читателя, упоминая о такихъ фактахъ поэтому лишь коротко или вскользь [1]). Три первыя главы настоящаго тома и посвящены еще шестидесятымъ годамъ, съ франко-германскою войною, заканчивающею предыдущій періодъ и открывающею новый. Въ этихъ трехъ главахъ порядокъ изложенія не по странамъ, а по общимъ явленіямъ. (Вообще во всей „Исторіи Западной Европы“ я чередую изложеніе по общихъ явленіямъ съ изложеніемъ по странамъ). Такой же характеръ имѣетъ и глава четвертая — о преобладаніи Германіи и и о милитаризмѣ.

[1]) Подобныхъ ссылокъ на VI томъ въ V томѣ до двадцати. См. стр. 587, 672, 739, 740, 741, 743, 749, 759, 766, 799, 808, 818, 819, 821, 823, 839, 840, 845, и 886 пятаго тома.

Отъ пятой до одиннадцатой (включительно) главы изложеніе идетъ по странамъ и охватываетъ собою семидесятые годы: двѣ главы (V—VI) посвящены Франціи, двѣ (VII—VIII)—Германіи, по одной—Англіи (IX), Италіи (X) и Австро-Венгріи (XI). Для перехода отъ семидесятыхъ къ восьмидесятымъ годамъ—и опять не по странамъ, а по общимъ явленіямъ международнаго характера (восточный вопросъ, тройственный союзъ и колоніальная политика)—служатъ главы XII—XIV. Въ слѣдующихъ пяти главахъ снова разсматривается внутренняя жизнь, за послѣднія два десятилѣтія XIX вѣка, Германіи (гл. XV), Франціи (гл. XVI), Англіи (гл. XVII), Италіи (гл. XVIII) и Австро-Венгріи (гл. XIX); къ нимъ можно прибавить еще главы о папствѣ (гл. XX) и о второстепенныхъ государствахъ вообще за всю послѣднюю треть вѣка (гл. XXI).

Послѣдній отдѣлъ тома, состоящій изъ четырехъ главъ, еще разъ возвращаетъ читателя къ явленіямъ общаго характера. Онъ открывается главою XXII объ экономической эволюціи Западной Европы въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка и завершается главою XXV о мѣстѣ Западной Европы въ міровыхъ политикѣ и торговлѣ къ началу XX вѣка, середину же занимаютъ главы о рабочемъ движеніи и соціализмѣ въ концѣ вѣка (гл. XXIII) и о духовной культурѣ за послѣднія его десятилѣтія (гл. XXIV). Поставивъ своею задачею довести исторію Западной Европы вообще до 1900 г., я отнюдь не стремился къ тому, чтобы въ отдѣльныхъ главахъ и по отдѣльнымъ вопросамъ непремѣнно доводить изложеніе до 1900 г. и никогда не переступать за границу XIX вѣка въ XX столѣтіе: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ я останавливался на какомъ-либо особенно значительномъ фактѣ безразлично передъ 1900 г. или послѣ него, лишь бы только изложеніе являлось законченнымъ и не обрывалось на чисто внѣшней хронологической датѣ.

По примѣру предыдущихъ томовъ отдѣльнымъ главамъ предпосылаются (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ) указанія на соотвѣтственную историческую литературу. Общихъ сочиненій по исторіи всего XIX в. я здѣсь не называю, потому что о нихъ справку читатель можетъ навести въ концѣ первой главы IV тома, гдѣ приведены заглавія сочиненій по политической исторіи прошлаго столѣтія, или въ главѣ XXII того же тома, содержащей въ себѣ обзоръ трудовъ по соціальной его исторіи. Тѣмъ болѣе было бы излишне приводить здѣсь всю эту литературу, что въ большей части названныхъ тамъ сочиненій какъ-разъ мы не найдемъ интересующаго насъ періода, который, какъ нѣчто цѣлое, вообще рѣдко

былъ самостоятельнымъ предметомъ обработки [1]). Также упомянемъ только, безъ подробнаго перечисленія, существованіе разныхъ періодическихъ сборниковъ документовъ, историческихъ ежегодниковъ, систематическихъ корреспонденцій въ журналахъ и газетахъ, иногда перепечатывавшихся отдѣльными книгами [2]),

---

[1]) Во „Всеобщей исторіи“ *Георга Вебера*, имѣющейся въ русскомъ переводѣ, исторія XIX в. съ 1870 г. занимаетъ вторую половину (стр. 335—729) второй части XV тома, вышедшаго въ свѣтъ въ рус. пер. въ 1893 г., и доводится до конца восьмидесятыхъ годовъ. Изъ указанныхъ безъ малаго четырехсотъ страницъ около 50 приходится на исторію войны 1870 г. и коммуны. На періодъ 1870 — 1900 гг. отведенъ также XII томъ извѣстной коллективной „Histoire générale du IV siècle à nos jours“, издававшейся подъ редакціей *E. Lavisse* и *A. Rambaud*. Въ этомъ большомъ томѣ въ девятьсотъ слишкомъ страницъ, существующемъ и въ русскомъ переводѣ („Исторія XIX в.“, изд. *Гранатъ*, томъ VII и VIII), цѣлые большіе отдѣлы заняты исторіей восточноевропейскихъ и внѣ-европейскихъ странъ, въ частности также европейскихъ колоній въ другихъ частяхъ свѣта, а равно такими предметами, какъ науки, искусства, литература и т. п., на исторію же собственно Западной Европы приходится менѣе половины тома, именно немного болѣе 400 страницъ, изъ которыхъ исторія Франціи (*Seignobos'a*) занимаетъ лишь 50 стр., почти столько же исторія Англіи (*Métin'a*), около 40—Австро-Венгріи (*Eisenmann'a*) и столько же Германіи (*E. Denis*), около 30—Италіи (*Pingaud*) и т. п. Неособенно большое развитіе получили отдѣлы по исторіи послѣдней трети XIX вѣка и въ другихъ общихъ (единоличныхъ и коллективныхъ) трудахъ: „Neueste Geschichte“ *Л. Штаке* (Ludwig Stacke) въ обработкѣ и съ дополненіями *H. Stein'a*, вышедшая седьмымъ изданіемъ въ 1908 г., доведена до 1900 г., причемъ изъ 724 страницъ текста на періодъ 1870—1900 гг. приходится 352 страницы, т.-е. около половины всей книги. Въ популярной „Illustrirte Geschichte der neuesten Zeit von der Begründung des zweiten Napoleonischen Kaiserreichs bis sur Gegenwart“ von *Otto Kaemmel* (2 изд. 1902 г.) исторія послѣднихъ тридцати лѣтъ XIX в. занимаетъ вторую, меньшую половину тома (стр. 358 — 648). Значеніе обшаго, спеціально посвященнаго послѣднему времени историческаго обзора имѣетъ вышедшая въ 1908 г. книга (въ 430 страницъ текста) *G. Egelhaaf'a* „Geschichte der neuesten Zeit vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart“ съ преобладаніемъ германской исторіи (и бисмаркіанской точки зрѣнія) надъ исторіями другихъ странъ.

[2]) Авторъ настоящаго труда немало узнавалъ объ иностранной жизни изъ періодическихъ корреспонденцій и обзоровъ, которыя въ свое время помѣщались въ такихъ журналахъ, какъ „Отечественныя Записки“ и „Дѣло“. Современные журналы поддерживаютъ эту традицію, какъ, наприм., „Русское Богатство“, систематически помѣщающее корреспонденціи изъ Франціи, изъ Германіи и изъ Англіи, или „Вѣстникъ Европы“, въ которомъ уже давно однимъ и тѣмъ же лицомъ (г. Слонимскимъ) ведется иностранная хроника. Нѣкоторыя изъ этихъ корреспонденцій выходятъ въ свѣтъ отдѣльными книгами, каковы, наприм., книги Кудрина, Діонео (обѣ изъ „Русскаго Богатства“) или Іоллоса (изъ „Русскихъ Вѣдомостей“). Я всегда былъ ревностнымъ читателемъ берлинскихъ писемъ покойнаго Іоллоса въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и еще до выхода въ свѣтъ ихъ сборника (въ 1904 г.) я высказалъ въ печати (замѣтка въ „Вѣстн. Евр.“ за 1903 годъ о сборникѣ парижскихъ корреспонденцій Н. С.

энциклопедій (въ родѣ Handwörterbuch der Staatswissenschaften“) и т. п. изданій, на которыя не приходится ссылаться, но безъ которыхъ нельзя обойтись при изученіи исторіи XIX вѣка. Что касается до отдѣльныхъ работъ, которыя указываются въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ разнымъ главамъ настоящаго тома, то одною изъ моихъ заботъ было дать по возможности самыя подробныя библіографическія указанія, хотя, конечно, я не могу ручаться за исчерпывающую ихъ полноту [1]).

26 мая 1908 г.

II.

Предисловія въ порядкѣ писанія книгъ бываютъ обыкновенно послѣсловіями, т.-е. предисловіе пишется большею частью когда нетолько готовъ самый текстъ, но и когда онъ уже отпечатанъ, и остается только набрать да отпечатать оглавленіе и обложку. Все предыдущее было написано, наоборотъ, еще въ то время, когда авторомъ былъ только окончательно установленъ планъ настоящаго тома, и былъ собранъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже лишь намѣченъ матеріалъ. И въ данный моментъ выпуска въ свѣтъ одной первой части тома работа собственно надъ второю частью далеко еще не является законченной.

Судя по размѣрамъ, какіе долженъ получить настоящій томъ, разъ первыя двѣнадцать главъ изъ двадцати-пяти уже заняли 421 страницу, есть основаніе ожидать, что въ общемъ получится до девятисотъ страницъ: это и привело автора къ мысли раздѣлить томъ на двѣ части, одну для періода 1867—1880 гг., другую для двухъ послѣднихъ десятилѣтій XIX в. Первая часть, какъ готовая, выходитъ въ свѣтъ, вторая печатается и будетъ, вѣроятно, готова осенью 1909 г. Но авторъ не желаетъ эту первую часть шестого тома выпустить и безъ нѣкотораго послѣсловія въ добавленіе къ помѣщеннымъ выше вступительнымъ страницамъ.

Русанова-Кудрина) мысль о необходимости не дать и корреспонденціямъ Іоллоса затеряться въ старыхъ №№ ежедневной газеты. Если это пожеланіе хоть на короткое время ускорило появленіе книги столь трагически потомъ погибшаго публициста, я готовъ считать это своею заслугою передъ русскимъ обществомъ. Во всякомъ случаѣ, его берлинскія письма всегда очень хорошо помогали мнѣ оріентироваться въ сложныхъ явленіяхъ германской жизни.

[1]) Возможные пропуски восполняются въ добавленіяхъ, приложенныхъ въ концѣ второй части настоящаго тома.

Именно, я хочу сдѣлать еще нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній объ общемъ планѣ VI тома и о его матеріалѣ. Въ каждомъ историческомъ трудѣ, подобномъ настоящему тому, важное значеніе принадлежитъ его архитектоникѣ. Въ чемъ заключается послѣдняя по отношенію къ данной книгѣ, сказано выше. Заранѣе установленный планъ выполняется въ ней довольно строго; какія-либо колебанія у меня были лишь относительно того, какъ разграничить хронологически изложеніе въ парныхъ главахъ, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ странъ въ 70-тыхъ годахъ, съ одной стороны, и въ 80—90-тыхъ, съ другой [1]), но въ общемъ я справился съ этою задачею, хотя и не держался педантически того, чтобы хронологическая грань была проведена вездѣ одинаково и вполнѣ опредѣленно—на 1880 г. Далѣе, излагая внутреннюю исторію отдѣльныхъ странъ, я менѣе всего думалъ о какой-либо общей схемѣ этого изложенія, о какомъ-либо неизмѣнномъ шаблонѣ,—чѣмъ, по моему мнѣнію, грѣшитъ, напр., извѣстная книга Сеньобоса. Наоборотъ, я подходилъ къ каждой странѣ не съ какимъ-либо однообразнымъ вопросникомъ, не съ заранѣе установленными рамками, въ которыхъ былъ бы расположенъ потомъ очень несходный между собою матеріалъ. Моимъ намѣреніемъ скорѣе было выдвинуть на первый планъ то, что въ каждой отдѣльной странѣ представляло нѣчто особенное, наиболѣе характерное для данной страны, индивидуальное, оригинальное. Паспортистъ по готовымъ рубрикамъ отмѣчаетъ, у кого какой лобъ, носъ, ротъ и т. п., но физіономистъ можетъ обходиться безъ этихъ рубрикъ, останавливаясь лишь на тѣхъ чертахъ описываемыхъ лицъ, которыя наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе: у одного это будутъ глаза, взглядъ, у другого—губы, улыбка, у третьяго—нахмуренный лобъ, нависшія брови и т. п. Было бы очень легко построить каждую главу по одному плану: конституція, политическія партіи, министерства, вопросы законодательства, состояніе финансовъ и т. п., но я какъ-разъ избѣгалъ такой схематизаціи, давая для каждой страны свою комбинацію матеріала, да и самый матеріалъ выбирая въ зависимости отъ важности его именно въ данной странѣ и въ данное время, т.-е. смотря по тому, какую роль, важную или неважную, отдѣльныя стороны жизни играли и въ общемъ теченіи дѣлъ страны, и въ сознаніи современниковъ. По этой причинѣ, напр., я выдѣлилъ въ особую главу (VIII) исторію германской соціалъ-демократіи

[1]) Главы о Франціи (V—VI и XVI), Германіи (VII—VIII и XVII), Италіи (X и XVIII), Англіи (IX и XVII) и Австро-Венгріи (XI и XIX).

въ 60-70-тыхъ, чего не было мною сдѣлано ни для какой другой страны. По аналогичной причинѣ въ главѣ объ Италіи говорится сравнительно много о финансахъ, составлявшихъ особенно больное мѣсто въ исторіи именно этого государства. Совершенно также политическія партіи въ отдѣльныхъ странахъ разсматриваются очень неравномѣрно, а въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ отводится побольше мѣста, подробнѣе излагаются не однѣ и тѣ же стороны партійной жизни, а смотря по тому, какая сторона въ томъ или другомъ государствѣ особенно бросается въ глаза. Наприм., въ исторіи германскихъ политическихъ партій болѣе обращаетъ на себя вниманіе систематическая выработка ими своихъ программъ [1]), тогда какъ въ Англіи наиболѣе характерное явленіе представляетъ собою возникновеніе, среди старыхъ, традиціонныхъ партій, совершенно новыхъ организацій [2]). Въ обоихъ отношеніяхъ партійная жизнь въ другихъ мѣстахъ даетъ менѣе выдающихся чертъ, если только не оговориться изъ осторожности, что, по крайней мѣрѣ, исторія партій въ этихъ странахъ еще мало разработана. По сходнымъ же соображеніямъ я не считалъ нужнымъ останавливаться на движеніи населенія въ отдѣльныхъ государствахъ, сдѣлавъ это только для Франціи и для Германіи, изъ которыхъ въ одной населеніе какъ бы застыло на почти неизмѣнной цифрѣ, тогда какъ въ другой, наоборотъ, обнаружился замѣчательный приростъ. Но и въ данномъ случаѣ я нашелъ умѣстнымъ упомянуть объ этомъ даже не въ главахъ, спеціально посвященныхъ исторіи Франціи или Германіи, а заговорилъ о первомъ фактѣ въ связи съ вопросомъ объ относительныхъ силахъ Франціи и Германіи въ международныхъ отношеніяхъ (въ главѣ XIII), а о второмъ—по поводу выступленія Германіи на поприще колоніальной политики (въ главѣ XIV). На этомъ же, наконецъ, основаніи я позволяю себѣ, для лучшаго оттѣненія какой-либо стороны предмета, излагать нѣкоторыя эпизодическія вещи нѣсколько подробнѣе, даже съ нарушеніемъ внѣшней цѣльности отдѣльныхъ главъ эпизодическими отступленіями, если только послѣднія, на мой взглядъ, сколько-нибудь конкретизируютъ по необходимости болѣе абстрактное изложеніе въ цѣломъ. Къ числу такихъ вставокъ я отношу, напр., около четырехъ страницъ о Тэнѣ (стр. 157 — 161) по поводу реакціи, вызванной во французскомъ обществѣ коммуною 1871 года, или тоже около четырехъ страницъ о нѣмецко-чешскомъ спорѣ изъ-за Пражскаго универ-

[1]) См. стр. 238—248 и 287—290.

[2]) См. стр. 322—337.

ситета (стр. 379—383), очень характернымъ для исторіи національныхъ несогласій въ Австріи. Нѣкоторымъ читателямъ такія подробности могутъ показаться излишними, хотя многіе, наоборотъ, будутъ имѣть основаніе жаловаться на то, что вещи, особенно ихъ лично интересующія, изложены слишкомъ кратко. Если бы, однако, обо всемъ въ книгѣ говорилось съ равномѣрною подробностью, она должна была бы выйти въ пять разъ большею.

Отдѣльныя главы первой половины этого тома начинаются общими введеніями, въ которыхъ излагаются факты болѣе ранняго прошлаго. Иногда такіе вступительные обзоры предыдущаго занимаютъ даже довольно много мѣста. Сошлюсь и здѣсь на отдѣльные примѣры. Таковъ, прежде всего,—на десяти слишкомъ страницахъ (59—70)—бѣглый историческій очеркъ анархизма, о которомъ почти ничего вообще не говорилось въ предыдущихъ томахъ „Исторіи Западной Европы“. Таково и все начало главы VI, гдѣ на цѣломъ почти печатномъ листѣ (стр. 173—189) разсказывается прошлое республиканской идеи во Франціи до 4 сентября 1870 г. Чаще всего, однако, эти вступительные обзоры отличаются краткостью, въ общемъ же я считалъ ихъ необходимыми, чтобы не начинать ex abrupto, прямо вводя читателя in medias res. На шестой томъ, когда я его писалъ, я смотрѣлъ,—подобно и предыдущимъ томамъ,—какъ на цѣльное сочиненіе, среди читателей котораго можетъ быть много такихъ, которые не читали предшествующаго тома. Это и вызывало необходимость особыхъ вступительныхъ страницъ къ каждой новой темѣ. И опять-таки эти обзоры прошлаго писались въ томъ размѣрѣ, въ какомъ я это находилъ нужнымъ для каждаго отдѣльнаго случая, отнюдь не связывая себя внѣшнимъ идеаломъ равномѣрности.

Отъ плана книги перехожу къ положенному въ ея основу матеріалу. Читатель увидитъ изъ библіографическихъ указаній, какъ поразительно обширна литература пособій по исторіи отдѣльныхъ странъ, періодовъ времени, событій, сторонъ жизни и т. п. за послѣднюю треть XIX вѣка. Литература эта ростетъ постоянно и очень быстро. Въ то время, какъ окончательно обрабатывался и печатался настоящій томъ, то и дѣло приходилось узнавать о выходѣ въ свѣтъ новыхъ работъ, существованіе нѣкоторыхъ только принимая къ свѣдѣнію и отмѣчая въ библіографіи, чтобы другія, наоборотъ, добывать, просматривать, прочитывать, въ иныхъ случаяхъ соображаться съ ними въ самомъ текстѣ, когда для этого не требовалось особыхъ передѣлокъ гото-

ваго изложенія, въ иныхъ прямо измѣнять изложеніе въ большемъ соотвѣтствіи съ новыми данными или выводами, или же, по крайней мѣрѣ, пользоваться разнаго рода „новинками“ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. По возможности я заботился вообще о наибольшей свѣжести матеріала, дабы книга въ моментъ своего выхода въ свѣтъ не могла считаться уже устарѣлою, хотя, съ другой стороны, если бы я погнался за равномѣрностью и въ этомъ отношеніи для всѣхъ главъ и на всѣхъ страницахъ, я долженъ былъ бы отказаться отъ мысли когда-либо отнести рукопись въ типографію.

Скажу о матеріалѣ и другое. Весьма далекій отъ мысли дать равномѣрное освѣщеніе исторіи всѣхъ странъ Западной Европы или всѣхъ сторонъ ея эволюціи, я, конечно, направлялъ свои поиски за матеріаломъ очень не одинаково, смотря по тому, имѣлъ ли дѣло, напр., съ Германіей или съ Португаліей (и даже съ Италіей), и касалось ли, напр., дѣло приведенія въ исполненіе нѣмецкаго стратегическаго плана въ 1870 г. или культуркампфа, военной реформы во Франціи или выработки конституціи 1875 г. Другими словами, я былъ хозяиномъ въ своемъ исканіи, но вмѣстѣ съ этимъ я, съ другой стороны, не могъ тоже не чувствовать постоянной зависимости своей отъ наличной разработки въ исторической литературѣ тѣхъ или другихъ вопросовъ, меня интересовавшихъ: во многихъ случаяхъ за неимѣніемъ бо̀льшаго и лучшаго приходилось довольствоваться меньшимъ и худшимъ. Разработка разныхъ историческихъ темъ идетъ въ литературѣ далеко неравномѣрно уже по отношенію къ болѣе отдаленному прошлому, давнымъ-давно сдѣлавшемуся предметомъ научнаго изслѣдованія, въ настоящемъ же томѣ мы вообще имѣемъ дѣло съ очень недавнимъ прошлымъ, и чѣмъ дальше подвигался я впередъ въ писаніи его главъ, тѣмъ все болѣе и болѣе изъ области исторіи вступалъ въ область текущей жизни и тѣмъ все болѣе и болѣе долженъ былъ переходить отъ литературы научныхъ обработокъ прошлаго къ литературѣ публицистическихъ обсужденій настоящаго. Отъ конца XIX в. насъ отдѣляетъ только какихъ-нибудь восемь лѣтъ. Въ исторіи это—вчерашній день, а для того, чтобы говорить о вчерашнемъ днѣ такъ, какъ можно говорить о томъ, что было годъ тому назадъ, нужно, чтобы между сегодняшнимъ и вчерашнимъ днями прошла не одна ночь, а 365 ночей. Въ данную минуту, напр., весь міръ занятъ австро-венгерской распрей, о которой ежедневно газеты печатаютъ массу противорѣчивыхъ телеграммъ, корреспонденцій, статей, и мы тѣмъ не менѣе не только не знаемъ, чѣмъ же все

это кончится, но, въ сущности, не знаемъ, какъ все это совершается и движется впередъ. Но это только маленькая иллюстрація того, въ какомъ затрудненіи находится историкъ по отношенію къ научному пониманію и вѣрному дѣйствительности изображенію современности. Я ничуть не хочу сказать, что для историческаго воспроизведенія и объясненія жизни нужно устанавливать какіе-либо отдаленные сроки. Я хочу только сказать, что чѣмъ ближе къ намъ какое-либо событіе или явленіе, тѣмъ меньше у историка, занимающагося синтезомъ всего, добытаго научными работниками, въ цѣльное построеніе, въ распоряженіи аналитически изслѣдованныхъ фактовъ на основаніи систематически собраннаго, критически провѣреннаго и правильно обобщеннаго матеріала. Я постоянно это чувствовалъ, и мое стремленіе къ освѣженію матеріала вытекало изъ убѣжденія, что чѣмъ книга новѣе, тѣмъ, caeteris paribus, болѣе есть надежды на то, что въ ней недавнее прошлое явится въ болѣе историчномъ освѣщеніи, нежели въ книгахъ, къ данному прошлому болѣе близкихъ. Въ жизни происходятъ перемѣны, часто не замѣчаемыя современниками, на нѣкоторомъ же разстояніи оказывается, что народилось нѣчто новое, современниками не предусматривавшееся, между тѣмъ въ высшей степени важное [1]). Современники, оцѣнивая какое-либо явленіе текущей жизни, очень часто это дѣлаютъ въ формѣ предугадыванія могущихъ возникнуть изъ него слѣдствій, но очень хорошо извѣстно, что вся исторія наполнена несбывшимися предсказаніями: я прямо сравнилъ бы исторію съ зеркаломъ, въ которомъ—хорошо ли, худо ли—отражается прошлое, но которое тотчасъ же затуманивается, подергивается непрозрачнымъ налетомъ, тускнѣетъ, какъ только мы его обращаемъ къ будущему. Общія магистрали грядущаго еще можно предвидѣть, но не частныя фактическія комбинаціи. То, что сегодня кажется важнымъ фактомъ, чреватымъ крупными послѣдствіями, завтра можетъ оказаться ничѣмъ, а послѣзавтра быть забытымъ, и наоборотъ, послѣзавтра всѣ, пожалуй, будутъ говорить о томъ, чѣмъ нисколько не интересовались сегодня, хотя объ этомъ уже знали, хотя случилось это еще вчера.

Итакъ, относительно матеріала однимъ я самъ считалъ себя въ правѣ неособенно интересоваться, другимъ вынужденъ былъ довольствоваться въ томъ видѣ, въ какомъ его находилъ, хотя бы

[1]) Наприм., на стр. 328 читатель найдетъ подстрочное примѣчаніе о новомъ явленіи въ политической жизни Англіи, отмѣчаемомъ Сиднеемъ Лоу, какъ фактъ первостепенной важности, еще недостаточно обращающій на себя вниманіе.

этимъ мой интересъ къ вопросу далеко не удовлетворялся. Во всякомъ случаѣ цѣлью моихъ стремленій было, чтобы настоящій томъ въ общемъ отражалъ на себѣ состояніе исторической разработки недавняго прошлаго. Для моего поколѣнія, т.-е. для людей, которымъ во время франко-германской войны было лѣтъ двадцать, а тѣмъ болѣе для людей старшихъ возрастовъ, изображенный въ этомъ томѣ періодъ есть время, ими самими пережитое, болѣе же молодыя поколѣнія только изъ книгъ впервые знакомятся съ событіями не только семидесятыхъ, но и восьмидесятыхъ, даже девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка. И люди моего поколѣнія, и старшіе, и младшіе одинаково могутъ почувствовать себя недостаточно удовлетворенными по отношенію ко многимъ вопросамъ, затронутымъ въ этомъ томѣ. Конечно, причиною этого будетъ или то, что въ такомъ общемъ трудѣ нельзя же все исчерпать, или то, что не окажется совпаденія между моею точкою зрѣнія и ихъ точками зрѣнія, и т. п., но несомнѣнно, большая доля вины должна быть отнесена на счетъ общаго состоянія литературы, наличнаго матеріала, насколько онъ мнѣ извѣстенъ. За каждое указаніе того, что у меня является сколько-нибудь важнымъ пропускомъ, я буду только благодаренъ, такъ какъ расчитываю, что первое изданіе этого тома не будетъ послѣднимъ, судя по тому пріему, какимъ и со стороны критики, и со стороны читателей были встрѣчены первые пять томовъ. Тѣмъ болѣе я могу льстить себя этою надеждою, что изданіемъ исторіи Западной Европы въ послѣдней трети XIX, написанной притомъ нѣсколько иначе, нежели всѣ другія книги, посвященныя этому предмету, я удовлетворяю насущной общественной потребности.

Мы всѣ начинаемъ знакомиться съ современной исторіей и съ текущей политикой, съ недавними событіями и со злобою дня изъ періодической печати, очень плохо на первыхъ порахъ разбираясь въ фактической сторонѣ ежедневныхъ извѣстій и въ общей связи совершающихся событій. Приступая къ такому поверхностному и отрывочному ознакомленію со всѣмъ, что совершается сегодня, люди очень часто не знаютъ того, что было только вчера, потому что вчера еще не начинали читать газетъ, а если и знали, такъ успѣли основательно забыть. Скажу по личному опыту, что многое изъ написаннаго мною въ этой книгѣ было мною въ свое время болѣе или менѣе позабыто настолько, что кое-что какъ бы узнавалось вновь. Нѣсколько больше для запоминанія и пониманія даютъ мѣсячные обзоры текущей жизни въ журналахъ или отдѣльныя статьи о вопросахъ современности, въ ко-

торыхъ, однако, всегда есть большая примѣсь публицистики съ ея интересомъ, направленнымъ больше въ сторону будущаго, нежели въ сторону прошедшаго, составляющаго предметъ исторической науки. Во всякомъ случаѣ и такое чтеніе безъ общей исторической основы и безъ тѣсной связи между текущимъ моментомъ и всѣмъ историческимъ прошлымъ не можетъ дать полнаго удовлетворенія каждому, желающему лучше оріентироваться въ вопросахъ современности. Отсюда потребность въ новѣйшихъ исторіяхъ, въ которыхъ, впрочемъ, къ сожалѣнію, и по винѣ ихъ авторовъ, и безъ ихъ вины, на самыхъ послѣднихъ страницахъ изложеніе бываетъ большею частью скомканнымъ, поверхностнымъ. Единственнымъ способомъ пополнять пробѣлы, образующіеся между сегодняшней газетой и послѣднею страницею самаго новаго труда по новѣйшей исторіи, является чтеніе разныхъ политическихъ ежегодниковъ, представляющихъ собою, однако, скорѣе лѣтописные своды фактическаго матеріала, чѣмъ труды историческаго характера, — занятіе довольно-таки въ концѣ концовъ скучное [1]).

Здѣсь я невольно вспоминаю свои студенческіе годы и жалкое состояніе въ то время исторической литературы по XIX вѣку. Единственнымъ общедоступнымъ пособіемъ на русскомъ языкѣ около 1870 г. была „Исторія новѣйшаго времени“ Лоренца, доведенная только до 1856 г., такъ что о слѣдующихъ пятнадцати годахъ, столь важныхъ въ исторіи Западной Европы, и прочесть-то было негдѣ. Сама эта книга представляла собою не Богъ вѣсть что̀, но все-таки при полномъ отсутствіи другихъ пособій была очень полезна. Только въ восьмидесятыхъ годахъ къ ней прибавилось другое русское пособіе, отнюдь не бывшее лучшимъ, „Очерки новѣйшей исторіи“ Григоровича, образовавшіеся изъ лекцій, читанныхъ въ Академіи Генеральнаго штаба. Впрочемъ, и въ исторической литературѣ Запада дѣло на этотъ счетъ обстояло не лучше. Напр., первый серьезный нѣмецкій компендій, „Geschichte der neuesten Zeit“ Булле, вышелъ въ свѣтъ, — я говорю о первомъ его томѣ, — лишь въ 1876 г., и для того времени его можно было назвать не только лучшимъ, но, пожалуй, даже единственнымъ вообще въ исторической литературѣ. За послѣднія тридцать лѣтъ положеніе дѣлъ измѣнилось: исторій XIX в. существуетъ довольно много, немало есть и рус-

[1]) Нельзя не поставить въ заслугу г. В. Поссе, что онъ написалъ къ одному изъ новыхъ изданій книги Сеньобоса дополненіе въ видѣ историческаго очерка 1897—1907 гг.

скихъ переводовъ, а главное—замѣчается тенденція по возможности доводить изложеніе до нашихъ дней. Послѣднее въ значительной мѣрѣ облегчается необычайнымъ обиліемъ работъ по новѣйшей исторіи отдѣльныхъ странъ или разныхъ сторонъ жизни, наиболѣе важныхъ явленій, событій и т. п., біографій и пр. и пр. Скоро сдѣлается совершенно даже немыслимымъ не только бѣгло пересматривать хотя бы только наиболѣе значительныя публикаціи, но и составлять сколько-нибудь полные ихъ списки. Съ другой стороны, въ этой обширной литературѣ все болѣе и болѣе развивается спеціализація, особенно въ вопросахъ конституціоннаго и административнаго права, финансовъ и экономической политики, положенія рабочаго класса и соціальнаго законодательства, а также разныхъ сторонъ экономической жизни, сельскаго хозяйства, обрабатывающей промышленности, торговли и т. д. и т. д. Чѣмъ спеціальнѣе такіе труды, чѣмъ детальнѣе въ нихъ изложеніе и чѣмъ болѣе въ нихъ техническихъ подробностей, тѣмъ менѣе они непосредственно пригодны въ качествѣ матеріала для общаго историка. Среди громаднаго количества книгъ очень часто ему бываетъ трудно найти то, что ему нужно, найти въ достаточной мѣрѣ обобщенное знаніе, произвести же самому всю предварительную работу—дѣло, конечно, непосильное для одного человѣка. Повидимому, чѣмъ болѣе будетъ усложняться жизнь, съ одной стороны, и чѣмъ бо̀льшая, съ другой, спеціализація будетъ вноситься въ изученіе отдѣльныхъ ея областей со всѣми ихъ техническими деталями, тѣмъ еще и еще затруднительнѣе станетъ въ будущемъ охватывать въ одномъ цѣломъ близкіе къ намъ періоды времени.

18 марта 1909 г.

КОНЕЦЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

I. Западно-европейскія конституціи къ концу шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка [1]).

Конституціонное движеніе въ первой половинѣ XIX вѣка и перерывъ его въ пятидесятыхъ годахъ.—Окончательный переходъ Западной Европы къ конституціонному строю въ шестидесятыхъ годахъ. — Сардинская конституція 1848 г. и превращеніе ея, въ 1861 г., въ конституцію объединенной Италіи. — Переходъ монархіи Габсбурговъ къ конституціонному строю и австро-венгерская конституція 1867 г.—Прусская конституція и ея судьба въ шестидесятыхъ годахъ.—Конституція Сѣверо-Германскаго союза 1867 г.—Перемѣны, совершившіяся въ шестидесятыхъ годахъ въ прежнихъ конституціяхъ (шведской, датской, швейцарской и др.).—Англійская парламентская реформа 1867 г.—Испанская революція 1868 г. и конституція 1869 г.—Уступки либерализму и конституціонализму во Франціи въ 1867—1870 гг.

Въ шестидесятыхъ годахъ XIX в., съ присоединеніемъ къ конституціонной монархіи Савойскаго дома—почти всѣхъ областей Италіи и съ переходомъ къ конституціонализму монархіи Габсбурговъ, въ Западной Европѣ завершился процессъ постепеннаго паденія абсолютизма и

[1]) Въ V томѣ „Исторіи Западной Европы“ помѣщены общіе обзоры состоянія Западной Европы передъ іюльской и февральской революціями (главы I и XVIII) и въ пятидесятыхъ годахъ (глава XXV). Настоящая глава шестого тома имѣетъ такой же характеръ — общаго обзора конституціонной исторіи шестидесятыхъ годовъ, въ особенности передъ кризисомъ 1870—1871 гг. Ниже сдѣланы спеціальныя указанія по конституціямъ отдѣльныхъ государствъ, здѣсь же называемъ общія сочиненія, касающіяся конституціоннаго государства. *А. Градовскій.* Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Часть историческая (1886; вошло и въ составъ „Собранія сочиненій“, т. IV; факты второй половины XIX в. изложены очень бѣгло). — Часть догматическая (1885 и 1895; „Собраніе сочиненій“, т. V). — Государственный строй и политическія партіи въ Западной Европѣ и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. (Сборникъ отдѣльныхъ статей разныхъ авторовъ по странамъ; редакція *Е. Смирнова*). — *G. Jellinek.* Das Recht des modernen

установленія, вмѣсто него, народно-представительнаго строя. Въ восемь десятилѣтій, протекшихъ отъ начала французской революціи до франко-германской войны 1870—71 гг., этотъ процессъ то ускорялся, то замедлялся. Эпоха Наполеона I была, въ сущности, скорѣе продолженіемъ, по общему своему характеру, просвѣщеннаго абсолютизма, а не французской революціи [1]). Паденіе первой имперіи во Франціи сопровождалось введеніемъ конституціоннаго режима не только во Франціи (1814), но и въ другихъ странахъ, какъ-то: въ Сициліи (1812), въ Испаніи (конституція 1812 г. и согласіе на нее Фердинанда VII въ 1814 г.), въ Норвегіи (1814), въ Нидерландскомъ королевствѣ и въ Царствѣ Польскомъ (1815), нѣсколько позднѣе въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ и трехъ маленькихъ саксонскихъ герцогствахъ. Въ эту эпоху, которую замыкаютъ южно-романскія революціи начала двадцатыхъ годовъ, стоялъ также на очереди вопросъ о введеніи конституціи и въ Пруссіи, а даже, казалось, не исключена была возможность и введенія представительныхъ учрежденій въ Россіи, императоръ которой, Александръ I, только-что утвердившій старое сословно-представительное устройство въ Финляндіи (1809) и даровавшій конституцію Царству Польскому, торжественно заявлялъ о своихъ либеральныхъ намѣреніяхъ при открытіи перваго польскаго

Staates (первое изданіе 1900 г.; есть русскій переводъ).—*A. Esmein.* Éléments du droit constitutionnel (первая часть — общая — въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „*А. Эсменъ.* Общія основанія конституціоннаго права“, 1898). — *E. Flandin.* Institutions politiques de l'Europe contemporaine (1901 и слѣд.; предпринятъ переводъ отдѣльныхъ частей на русскій языкъ). — Конституціонное государство. (Сборникъ статей по матеріямъ; изд. „Права“ 1905). — *С. Котляревскій.* Конституціонное государство (1907). — *А. Лоуэлъ.* Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы (1905). Для конституціоннаго права отдѣльныхъ странъ существуетъ большая коллекція *Marquardsen'a* „Handbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart“ (изд. съ 1883 г.), на отдѣльныя монографіи которой ссылки дѣлаются ниже. Самые тексты конституцій имѣются въ сборникахъ *Dareste* (Les constitutions modernes; 1891, изданіе 2), *Demombynes* (то же заглавіе), *В. М. Гессена* и бар. *Б. Э. Нольде* (Современныя конституціи. Сборникъ дѣйствующихъ конституціонныхъ актовъ. Т. I. Конституціонныя монархіи. 1905. Т. II. Федераціи и республики. 1907) и др. Нѣсколько отдѣльныхъ конституцій вышло особыми брошюрами (между ними цѣлая кіевская серія подъ ред. *проф. И. В. Лучицкаго*). Для характеристики того, что представляла собою конституціонная Европа въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ XIX в., можно указать на книгу (теперь, конечно, вполнѣ, устарѣлую) *А. Лохвицкаго* „Обзоръ современныхъ конституцій“ (1865; первое изд. было сдѣлано въ 1862 г.). Монографіи по государственному устройству отдѣльныхъ странъ указываются ниже въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

[1]) Обоснованіе этого взгляда см. въ главахъ IV, VII, IX и X четвертаго тома „Исторіи Западной Европы“.

сейма. Двадцатые годы XIX в. были, наоборотъ, временемъ задержки въ исторіи конституціоннаго движенія. Реакція противъ новыхъ политическихъ принциповъ началась, конечно, раньше и достигла наибольшей силы въ двадцатыхъ годахъ. Испанская конституція 1812 г. еще въ 1814 г. была отмѣнена королемъ, а возстановленіе ея революціей 1820 г. было весьма кратковременнымъ; въ 1823 г. въ Испаніи Франціей по уполномоченію „Европы" былъ возстановленъ абсолютизмъ. Сицилійская конституція 1812 г. тоже была отмѣнена въ 1815 г., а введеніе, въ 1820 г., революціоннымъ путемъ представительства, кромѣ Сициліи, и въ Неаполѣ, только послужило поводомъ для австрійскаго вмѣшательства, тоже отъ имени всей Европы, кончившагося реставраціей абсолютизма (1822). Около того же времени выяснилось, что конституціонныя учрежденія въ Германскомъ союзѣ не распространятся изъ юго-западной Германіи въ сѣверную ея часть и что въ Пруссіи все дѣло съ введеніемъ конституціи окончится только одними разговорами. Въ Россіи, равнымъ образомъ, въ двадцатыхъ годахъ воцарилась реакція, еще болѣе обострившаяся послѣ неудачной конституціонной попытки 1825 г. Такимъ образомъ, сравнивая между собою двѣ эпохи, гранью между которыми представляетъ собою 1820 годъ, мы можемъ сказать, что третье десятилѣтіе XIX в. (1821—1830) было для конституціоннаго движенія неизмѣримо менѣе благопріятнымъ, нежели непосредственно предшествовавшіе годы [1]).

1830 годъ внесъ нѣкоторое оживленіе въ процессъ борьбы за политическую свободу, но оно не было продолжительнымъ и не охватило большихъ районовъ. Введеніе новой конституціи въ Бельгіи (и притомъ конституціи очень либеральной), такъ сказать, уравновѣшивалось отмѣною конституціи въ Польшѣ. Революціонныя попытки въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи были немедленно подавлены, но зато были введены новыя конституціи въ Брауншвейгѣ, Саксоніи, Ганноверѣ, Гессенъ-Касселѣ. Какъ извѣстно, толчкомъ для революціонныхъ движеній въ Бельгіи, въ Польшѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и Германіи послужила іюльская революція въ Парижѣ, но затѣмъ, въ общемъ, реакція опять справилась съ революціей, и тридцатые годы снова были временемъ застоя въ исторіи западно-европейскаго конституціонализма, когда даже отмѣнялись и раньше, и только-что введенныя конституціи. Такъ дѣло обстояло и въ сороковыхъ годахъ, и только 1848 годъ снова оживилъ и усилилъ конституціонныя стремленія въ отдѣльныхъ націяхъ [2]).

---

[1]) Ср. въ моемъ „Происхожденіи современнаго народно-правового государства" главу XIII, въ которой данъ общій очеркъ этой эпохи.

[2]) Ср. въ только-что названной книгѣ главу XV (XVI по 2 изд.).

Въ достопамятномъ „сорокъ восьмомъ году“, казалось, пробилъ послѣдній часъ абсолютизма во всей Западной Европѣ. Во Франціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи (въ Римѣ, въ Венеціи, въ Тосканѣ) и въ Венгріи были провоглашены республики, въ другихъ государствахъ, въ которыхъ еще господствовалъ абсолютизмъ, объявлены были конституціи, даже въ Австріи, въ которой рѣчь о представительномъ образѣ правленія и не поднималась въ эпоху крушенія имперіи Наполеона I. Народно-представительное учрежденіе и притомъ на демократической основѣ должна была получить и Германія, объединенная въ имперію. Но исходъ революціи сорокъ восьмого года совершенно не соотвѣтствовалъ ея первымъ успѣхамъ: весьма быстро за подавленіемъ революціи началась реставрація абсолютизма, гдѣ ничѣмъ даже не прикрытаго, гдѣ замаскированнаго своего рода лже-конституціонализмомъ [1]). Весь періодъ пятидесятыхъ годовъ былъ временемъ новой задержки въ исторіи западно-европейскаго конституціонализма, и только въ шестидесятыхъ годахъ произошло возобновленіе политическаго движенія, приведшее къ тому, что къ 1870 г. конституціонный строй уже повсемѣстно водворился на западѣ Европы [2]).

Исходнымъ пунктомъ политическихъ перемѣнъ, совершившихся въ Западной Европѣ, была австро-сардинская война 1859 г. Съ одной стороны, успѣхи Сардинскаго королевства въ борьбѣ съ Австріей имѣли своимъ результатомъ объединеніе Италіи подъ властью Савойскаго дома, царствовавшаго въ этой части Италіи, и съ распространеніемъ на новое Итальянское королевство сардинской конституціи 1848 г.; съ другой стороны, въ побитой Австріи явилось сознаніе необходимости внутреннихъ реформъ, которое привело къ первымъ попыткамъ конституціоннаго режима въ 1860 г. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ конституціонализму, однако, пришлось выдержать въ средней Европѣ довольно тяжелыя испытанія. Новымъ толчкомъ, имѣвшимъ важныя послѣдствія для средней Европы, была австро-прусская война 1866 г., послѣ которой вторично за короткое время побитая Австрія вынуждена была окончательно перейти къ конституціонному строю, а образовавшійся, вмѣсто стараго Германскаго Союза, новый Сѣверо-Германскій принялъ конституцію со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Превращеніемъ абсолютной Австрійской имперіи въ современную конституціонную Австро-Венгрію и объединеніемъ Германіи на конституціонныхъ началахъ и закончился процессъ перехода континентальныхъ странъ Западной Европы отъ

---

[1]) Ср. тамъ же главу XVIII (XIX по 2 изд.).

[2]) См. общую характеристику реакціи пятидесятыхъ годовъ въ главѣ XXV пятаго тома „Исторіи Западной Европы“.

абсолютизма къ народному представительству,—процессъ, въ исторіи котораго, кстати сказать, вездѣ наблюдаются нѣкоторыя общія черты [1]). Кромѣ отмѣченныхъ фактовъ, стоящихъ въ связи съ совершившимися въ 1859—71 гг. объединеніями Италіи и Германіи, есть и другіе факты, указывающіе на то, что въ шестидесятыхъ годахъ конституціонализмъ на Западѣ находился въ неизмѣримо лучшемъ положеніи, чѣмъ въ пятидесятыхъ. Даже во Франціи Наполеона III въ шестидесятыхъ годахъ начался было поворотъ къ лучшему. Правда, этимъ годамъ далеко не было дано осуществить политическія стремленія сорокъ восьмого года, но во всякомъ случаѣ въ исторіи представительныхъ учрежденій на Западѣ это время можно поставить рядомъ съ періодомъ перваго распространенія конституціонныхъ учрежденій около 1815 г. Задача настоящей главы и заключается въ разсмотрѣніи отмѣчаемаго здѣсь момента.

Начнемъ нашъ обзоръ съ возникшаго въ 1861 г. Итальянскаго королевства [2]), принявшаго сардинскій конституціонный статутъ 1848 г. [3]). Въ 1861 г. дѣйствіе этого статута распространилось на всю Италію, кромѣ областей Папской и Венеціанской, на которыя эта конституція была распространена лишь съ 1866 и 1870 гг.

Нынѣ дѣйствующая итальянская конституція обязана своимъ происхожденіемъ сорокъ восьмому году. Основные ея пункты были обнародованы еще 8 февраля 1848 г., за двѣ недѣли до взрыва февральской революціи въ Парижѣ, а самый статутъ носитъ дату 4 марта, т.-е. дня, когда едва исполнилась недѣля со времени февральскаго переворота. Сардинская конституція относится къ числу октроированныхъ, что прямо и было подчеркнуто во вступленіи къ статуту. Въ этомъ вступленіи тогдашній король, Карлъ-Альбертъ, представлялъ новое устройство, даруемое имъ своему государству, какъ залогъ довѣрія къ населенію и результатъ единственно королевскаго желанія („единственно совѣтовъ сердечныхъ нашихъ попеченій“)—упрочить судьбу страны посредствомъ „широкихъ и сильныхъ представительныхъ учрежденій“, этого „наиболѣе вѣрнаго средства усилить связи неразрывнаго расположенія“ между монархомъ и націей.

---

[1]) О послѣднемъ см. главу XXIV (XXV по 2 изд.) „Народно-правового государства“.

[2]) Исторіи его возникновенія посвящена XXVII глава пятаго тома „Исторіи Западной Европы“. Тамъ же см. литературу по исторіи объединенія Италіи. Спеціально для итальянской конституціи см. *Brunialti.* La costituzione italiana (1881). — *L. Palma.* Corso del diritto costituzionale (1884—1886). — *Brusa.* Das Staatsrecht des Königreichs Italien (1890; въ коллекціи *Marquardsen'a*). — *G. Ruiz.* Storia costituzionale del regno d'Italia. 1848—1898 (1898).

[3]) Переводъ его въ первомъ томѣ сборника *Гессена* и *Нольде*, стр. 264—275.

Сила основного статута и законовъ Сардинскаго королевства утверждались при этомъ „на вѣчныя времена и ненарушимо“; одинъ изъ параграфовъ статута обязывалъ новаго государя при вступленіи на престолъ „приносить въ присутствіи соединенныхъ палатъ клятву въ честномъ исполненіи настоящаго статута“. Съ момента изданія этой хартіи королевство должно было „управляться монархическимъ и представительнымъ правительствомъ“, причемъ король обязывался ежегодно созывать палату депутатовъ и сенатъ, а въ случаѣ роспуска послѣдней созывать новую въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Законодательная власть должна была осуществляться совмѣстно королемъ и обѣими палатами, исполнительная же принадлежать одному королю. Что касается сената и палаты депутатовъ, то составъ перваго опредѣлялся правомъ короля назначать въ него пожизненныхъ членовъ лишь изъ извѣстныхъ категорій лицъ [1]), а составъ второй—введеніемъ, по особому избирательному закону, извѣстнаго ценза, требовавшаго отъ избирателей гражданскаго совершеннолѣтія (въ 21 годъ), грамотности и либо уплаты налоговъ въ размѣрѣ 20—40 лиръ (смотря по мѣстности), либо уплаты аренды за землю не менѣе 500 лиръ или за квартиру, мастерскую, лавку отъ 150 до 400 лиръ (смотря по мѣстности), причемъ имущественный цензъ могъ замѣняться цензомъ образовательнымъ. Въ статутѣ не было параграфа о пересмотрѣ, что̀ позволило вносить въ него измѣненія путемъ обычнаго законодательства, и хотя провозглашенная статутомъ отвѣтственность министровъ передъ палатами и не была точно формулирована, въ Сардинскомъ королевствѣ вошло въ обычай назначать лишь такихъ министровъ, которые могли быть угодны большинству палаты. Статутъ заключаетъ въ себѣ и обычный отдѣлъ о правахъ гражданъ, т.-е. о равноправіи, о неприкосновенности личности, жилища и собственности, о свободѣ печати и правѣ собраній, но параграфы, касающіеся этихъ предметовъ, менѣе опредѣленны и категоричны, нежели соотвѣтствующія статьи бельгійской конституціи 1831 г., являющейся своего рода мѣриломъ либерализма. Въ то время, напр., какъ послѣдняя устанав-

[1]) Именно статья 33 конституціи насчитываетъ такихъ категорій 21, изъ которыхъ отмѣтимъ: высшее духовенство, депутатовъ, пробывшихъ таковыми шесть лѣтъ, высшихъ гражданскихъ сановниковъ и военныхъ генераловъ (иногда послѣ извѣстнаго срока пребыванія въ должности или чинѣ), членовъ провинціальныхъ совѣтовъ послѣ троекратнаго избранія въ президенты, префектовъ послѣ семилѣтней службы, академиковъ при такомъ же условіи и др.; послѣднія двѣ категоріи состоятъ изъ „всѣхъ тѣхъ, которые по своимъ выдающимся заслугамъ дѣлаютъ честь своей родинѣ“, и изъ „лицъ, которыя въ теченіе трехъ лѣтъ платятъ три тысячи лиръ прямыхъ налоговъ со своихъ имѣній или промышленныхъ предпріятій“. Король неограниченъ никакимъ числомъ назначаемыхъ имъ сенаторовъ.

ливала религіозную свободу и, слѣдовательно, равенство вѣроисповѣданій, первая же статья Сардинскаго статута провозглашала католицизмъ государственной религіей, обѣщая только терпимость, въ предѣлахъ закона, другимъ, уже существующимъ исповѣданіямъ, а еще одна статья прямо ограничивала свободу печати необходимостью испрашивать епископское разрѣшеніе на изданіе религіозныхъ книгъ.

Изъ всѣхъ прогрессивныхъ начинаній сорокъ восьмого года въ Италіи въ эпоху реакціи удержалась только одна Сардинская конституція, что̀ не мало содѣйствовало объединительной политикѣ Савойскаго дома. Король, октроировавшій своимъ подданнымъ статутъ, вскорѣ, какъ извѣстно, долженъ былъ отказаться отъ престола, но его преемникъ, Викторъ-Эммануилъ II, не поддался общей реакціи и сохранилъ въ Сардиніи конституціонный образъ правленія [1]). Этому королю тѣмъ легче было выдерживать роль либеральнаго конституціоннаго государя, что въ его распоряженіи въ палатѣ всегда было громадное большинство, состоявшее изъ приверженцевъ династіи и статута. Если этого большинства не было, — какъ то случилось съ первыми тремя палатами, не желавшими утвердить въ 1849 г. мирный договоръ съ Австріей,—король распускалъ палату и добивался того, чтобы новая состояла изъ правительственнаго большинства. Самый фактъ распущенія дѣйствовалъ на избирателей такимъ образомъ, что они посылали въ палату лицъ, благопріятно настроенныхъ по отношенію къ министерству, которое было угодно королю. При такомъ положеніи дѣлъ Виктору-Эммануилу II было не трудно слѣдовать англійской системѣ парламентаризма, проводя подъ его формами, въ сущности, свою личную политику. Установленію этихъ формъ, какъ извѣстно, не мало способствовалъ занимавшій въ теченіе пятидесятыхъ годовъ и до 1861 г. постъ перваго министра Кавуръ, бывшій однимъ изъ видныхъ дѣятелей и самаго объединенія Италіи.

Въ конституціонномъ отношеніи образованіе единаго Итальянскаго королевства было не чѣмъ инымъ, какъ расширеніемъ поля дѣйствія статута Сардинскаго королевства на всю Италію. Такъ какъ присоединеніе къ объединенному королевству было результатомъ народнаго голосованія въ присоединявшихся областяхъ, то первый общеитальянскій парламентъ провозгласилъ Виктора-Эммануила королемъ Италіи не только „Божіею милостью“, но и „по волѣ народа“. Система управленія, выработавшаяся въ періодъ конституціоннаго Сардинскаго королевства, продолжала дѣйствовать и въ объединенномъ Итальянскомъ королевствѣ. Папское запрещеніе вѣрнымъ католикамъ выбирать и

---

[1]) Для послѣдующаго подробности см. въ „Исторіи Западной Европы“, глава V, стр. 677 и слѣд.

выбираться въ палату депутатовъ („ne elettori, ne eletti“) устраняло изъ нея клерикаловъ, бывшихъ и абсолютистами, существованіе же довольно значительнаго избирательнаго ценза держало далеко отъ нея демократовъ, стоявшихъ за республику, такъ что большинство депутатовъ было конституціонно-монархическимъ. Въ немъ были и свои консерваторы, и свои либералы, поперемѣнно находившіеся у власти, но такъ какъ между „правой“ и „лѣвымъ центромъ“, въ сущности, разница была небольшая, то перемѣны министерствъ не имѣли особенно важнаго политическаго значенія, тѣмъ болѣе, что у власти становились большею частью одни и тѣ же дѣятели, за которыми скрывалась своего рода „неизмѣнная мысль“ въ лицѣ самого „короля - джентельмена“ (re-galantuomo), — положеніе дѣлъ, напоминающее намъ французскій парламентаризмъ временъ „короля-гражданина“, Людовика-Филиппа [1]).

Народныя голосованія о присоединеніи къ объединявшейся Италіи происходили весною и осенью 1860 г., выборы въ общеитальянскій парламентъ — въ январѣ 1861 г. Въ эти же самые мѣсяцы сдѣланъ былъ первый приступъ къ введенію конституціоннаго строя и въ Австріи [2]). Та же самая война 1859 г., которая привела въ концѣ

---

[1]) Томъ V, стр. 116 и др. Дальнѣйшее изложеніе исторіи Италіи см. ниже, въ главѣ X.

[2]) Для послѣдующаго подробнѣе томъ V, стр. 721 и слѣд. Тамъ указана и литература по исторіи Австріи въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. Изъ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Австріи см. *М. Бахъ.* Австрія въ первую половину XIX в. (1906).—*H. Friedjung.* Oesterreich von 1848 bis 1860 (1908; два тома).—Для исторіи австро-венгерскаго государственнаго устройства см. *H. J. Bidermann.* Geschichte der oesterreichischen Gesammtstaatsidee. 1526—1804 (1867). — *Timon.* Ungarische Verfassungs- und Rechtsgeschichte mit Bezug auf die Rechtsentwicklung der westlichen Staaten (1904; пер. 2 изд.).—*Tezner.* Die Wandlungen der österr.-ung. Reichsidee (1905).—*B. Rieger.* Ustavní dějiny Rakouska (1903). — *Huber.* Oesterreichische Reichsgeschichte (1902; 2 изд.). — *O. Balzer.* Historya ustroju Austryi w zarysie (1902).—*K. Hugelmann.* Studien zum oesterreichischen Verfassungsrechte (1886).—Для исторіи австро-венгерской конституціи см. также рядъ статей разныхъ авторовъ въ первой части второго тома изд. „Česká politika“. Авторъ статьи о дуализмѣ (Dualismus rakousko-uherský zroku 1867)—*Fr. Fiedler.*—Спеціально для исторіи австро-венгерскаго (и мадьяро-хорватскаго) соглашенія: *L. Eisenmann.* Le compromis austro-hongrois de 1867. Etude sur le dualisme (1904). — *G. Horn.* Le compromis de 1868 entre la Hongrie et la Croatie et celui de 1867 entre l'Autriche et la Hongrie (1907). — *Offermann.* Das Verhältniss Ungarn zu Oesterreich (1902).— *B. Rieger.* O rakousko-uherském vyrovnání z 1867 s přehledem vývoje do r. 1899 (1903).—*Kaizl-Rezek.* Vyrovnání s Uhry r. 1867 a 1877 (1886).—*Bidermann.* Legislation autonome de la Croatie et aperçu de l'histoire du droit croate (1876). — *Pliverić.* Das rechtliche Verhältniss Kroatiens zu Ungarn (1885).— *Его же* Beiträge zum ungarisch-kroatischen Bundesrechte (1886). — *Его же* Der Croatische Staat (1887). — *Kukuljević-Sakcinski.* Die legitimen und historischen Rechte Croatiens und der Ausgleich mit Ungarn (1871; 2 изд. 1883). —

концовъ къ распространенію дѣйствія сардинской конституціи на всю Италію, заставила австрійское правительство выступить на путь реформъ для уврачеванія бѣдствій государства. По императорскому патенту 20 октября 1860 г. государь долженъ былъ пользоваться законодательною властью при помощи областныхъ сеймовъ и рейхсрата, составленнаго изъ делегатовъ отъ этихъ сеймовъ, въ которыхъ были представлены привилегированныя сословія. Съ этою якобы конституціей случилось, однако, то же самое, что̀ и съ первыми двумя октроированными австрійскими конституціями: хотя и по разнымъ причинамъ октябрьскій патентъ 1860 г. точно такъ же не былъ осуществленъ, какъ конституціи 25 апрѣля 1848 г. и конституція 4 марта 1849 г., формально отмѣненная въ 1851 г. Черезъ четыре мѣсяца, 26 февраля 1861 г., было обнародовано дополненіе къ упомянутому патенту, заключавшее въ себѣ на самомъ дѣлѣ новую конституцію, причемъ вводимое государственное устройство уже прямо называлось конституціоннымъ, и Францъ-Іосифъ давалъ обѣщаніе — и лично за себя, и за своихъ преемниковъ — соблюдать эту конституцію, преемникамъ же его даже вмѣнялась въ особливую обязанность присяга на

M. Polec. Parlamentarna povjest kralj. Hrv., Slav. i Dalm. (1899—1900; въ двухъ частяхъ доведена до 1850 г.).—*Ljudevit Gaj.* Gedanken zum Ausgleich Croatiens und Slavoniens mit der Regierung (1864). — Чешская литература обладаетъ немалымъ количествомъ публикацій, посвященныхъ исторіи австрійской конституціи и государственно-правовому положенію Богеміи. Кромѣ коллективнаго предпріятія „Česká politika“ (1906 и слѣд.; ср. выше), назовемъ *Jan M. Černy.* Boj za pravo. Sbornik aktů politických u věcech státu a národa českého od roku 1848. S výklady historickými. (1893). Část I. Až do rozpuštění sněmu Kroměřížského (11 března 1848—7 března 1849). Část. II. Od r. s. Kr. až do vydaní diplomu říjnového (4 března 1849—20 října 1860).—*B. Rieger.* Naš ústavný vývoj od roku 1848 (1897). - *Его же* Rijnový diplom r. 1860 (Osvěta za 1900 r.).—*Его же* Ustava únorová (тамъ же за 1901 г.).—*Его же* Česká státopravní otázka v l. 1848—65 (тамъ же за 1901 г.).—*Ad. Srb.* Sněm český na základě císařského diplomu z r. 1860 a cís. patentu z r. 1861 (въ Prostonárodní spisy politické).—*Z. v. Tobolka.* Počátky konstit. života v Čechach (1898).—*Karel Müller.* Pamětní zasedání sněmu kralovství Českého v měsíci únoru r. 1867 a jeho rospuštění 1867). — *Karel Kramář.* České státní právo (1896). — Нѣкоторый свѣтъ на отношенія въ монархіи Габсбурговъ въ эпоху колебаній между централизмомъ, дуализмомъ и федерализмомъ проливаютъ брошюры и статьи: Centralisation und Decentralisation in Oesterreich (1850).—*Koloman Mailath.* Ungarn und die Centralisation (1850).– Der Dualismus und die oestreichische Armee. Eine Denckschrift dem östreichischen Reichsrathe gewidmet von einem Deutschen Oestreicher. (1867).—Deák's Adress-Entwurf und das Staatsrecht Oesterreichs (1861).—Drei Jahre Verfassungsstreit. Beiträge zur jüngsten Geschichte Oesterreichs von einem Ungar (1864). — *Louis Léger.* La crise autrichienne. Le royaume de Bohême et le fédéralisme (Rev. d. d. M., 1868).—Personalunion, Centralisation, Dualismus. Reden und aus Reden cisleithanischer Minister über Oesterreichs staatsrechtliche Gestaltung (1868).

вѣрность новому основному закону монархіи. Прежде чѣмъ, однако, излагать сущность этой конституціи, отмѣтимъ, что разные элементы населенія Австріи приняли ее недружелюбно: мадьяры отказались отъ посылки своихъ депутатовъ въ центральное представительное учрежденіе, открывшее свои засѣданія 1 мая 1861 г.; чехи выслали своихъ депутатовъ съ оговоркою относительно историческихъ правъ земель короны св. Вацлава, а съ 1863 г. и совсѣмъ перестали принимать участіе въ рейхсратѣ; ихъ примѣру послѣдовали и поляки; среди консервативныхъ круговъ нѣмецкаго населенія тоже было замѣтно неблагосклонное отношеніе къ конституціи. Дѣло кончилось тѣмъ, что самъ императоръ отказался отъ своего созданія и подъ благовиднымъ предлогомъ объявилъ 20 сентября 1865 г., что почелъ за благо пріостановить дѣйствіе конституціи [1]). Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого Австрія вторично была побита, на этотъ разъ Пруссіей, результатами чего были исключеніе монархіи Габсбурговъ изъ Германіи, во главѣ которой становилась Пруссія, и потеря Ломбардіи, отданной Наполеону III для передачи Италіи, находившейся въ союзѣ съ Пруссіей. Еще въ 1865 г. Францъ-Іосифъ вступилъ въ переговоры съ венгерскимъ сеймомъ по поводу домогательствъ мадьярской націи, и теперь пришлось идти на уступки этимъ домогательствамъ, приведшія наконецъ къ превращенію централистической Австріи въ дуалистическую Австро-Венгрію съ возстановленіемъ въ нѣмецкой половинѣ монархіи конституціи 1861 г., въ венгерской половинѣ—конституціи 1848 г. и съ установленіемъ новыхъ отношеній между двумя этими половинами монархіи [2]).

Порядки, установившіеся въ монархіи Габсбурговъ въ 1867 г.,

---

[1]) Что австрійская конституція 1861 года была совершенно неосуществима, это хорошо понимали современники. Вотъ что писалъ, напр., русскій юристъ *А. Лохвицкій* во второмъ изданіи своего „Обзора современныхъ конституцій“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1865 г. (т. I, стр. 177): „Австрійская имперія находится теперь въ любопытномъ историческомъ процессѣ. Императоръ и нѣмецкое населеніе стремятся къ образованію одного государства, такъ чтобы всѣ части, бывшія нѣкогда независимыми владѣніями, и даже сама Венгрія сохранили только провинціальную автономію, а всѣ государственныя права надъ всей имперіей предоставлены были императору и рейхсрату. Амальгамой для такого новаго общаго государства естественно предполагается нѣмецкая національность съ ея языкомъ и цивилизаціей. Но планъ этотъ неосуществимъ“. Далѣе идетъ доказательство этой мысли въ видѣ ссылокъ на историческую, національную и культурную обособленность отдѣльныхъ частей монархіи. „Будущность, заключаетъ авторъ, представляетъ одну только борьбу, и каковъ бы ни былъ ея конецъ, во всякомъ случаѣ данный императоромъ патентъ не можетъ осуществиться“.

[2]) Изложеніе дальнѣйшихъ событій исторіи Австро-Венгріи см. ниже, въ главѣ XI.

рисуются въ такомъ видѣ [1]). Для цислейтанской (австрійской) половины монархіи [2]) возстановлялось дѣйствіе февральскаго „диплома“ 1861 г., которымъ создавался общеимперскій рейхсратъ и опредѣлялись устройство и дѣятельность ландтаговъ отдѣльныхъ коронныхъ земель. Рейхсратъ долженъ былъ состоять изъ палаты господъ и палаты депутатовъ. Въ составъ первой включались совершеннолѣтніе принцы императорской фамиліи (по праву рожденія), „достигшія также совершеннолѣтія главы тѣхъ мѣстныхъ дворянскихъ семей, которыя обладаютъ значительными земельными имуществами въ королевствахъ и земляхъ, представленныхъ въ рейхсратѣ, и которымъ императоръ жалуетъ наслѣдственно это достоинство“, „всѣ, далѣе, архіепископы и тѣ изъ епископовъ, которымъ принадлежитъ княжеское достоинство“ и, наконецъ, по пожизненному назначенію „люди, оказавшіе услуги государству или церкви, наукѣ и искусству“. Палата депутатовъ состояла по конституціи 1861 г.,—что было сохранено и въ законѣ 21 декабря 1867 г., измѣняющемъ основной законъ 1861 г. объ имперскомъ представительствѣ,—изъ трехъ съ половиною сотенъ членовъ, избиравшихся не прямо населеніемъ, а провинціальными ландтагами и притомъ лишь изъ среды своихъ членовъ въ количествѣ, болѣе или менѣе соотвѣтствующемъ населенности земли. Это отдѣльное представительство получили: 1) Верхняя Австрія, 2) Нижняя Австрія, 3) Зальцбургъ, 4) Тироль и Форарльбергъ, 5) Штирія, 6) Каринтія, 7) Крайна, Тріестъ, Герцъ и Истрія, 9) Далмація, 10) Богемія, 11) Моравія, 12) Силезія [3]), 13) Галиція и 14) Буковина, а кромѣ

---

[1]) Въ I томѣ сборника *Гессена* и *Нольде* австрійскіе законы 1867 г. помѣщены въ русскомъ переводѣ на стр. 2—30, венгерскіе законы 1848 и 1867 гг.— на стр. 172—186; что же касается до актовъ австро-венгерскаго соглашенія, то ихъ текстъ можно найти во II томѣ того же сборника на стр. 57 и слѣд. Всѣ эти акты даны еще въ приложеніи (стр. 75—119) къ книгѣ *В. Вильсона* „Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій“ (1905). Кромѣ того, см. Die österreichischen Verfassungsgesetze. Hrsg. von *E. Bernatzik* (1906).—*W. Lustkandl.* Das ungar.-österr. Staatsrecht (1863).—*D. Lévy.* L'Autriche-Hongrie; ses institutions (1872).—*Ulbrich.* Die rechtliche Natur des Oesterreichisch-ungarischen Monarchie (1879).—*Bidermann* (то же заглавіе).—*J. Ulbrich.* Das österreichische Staatsrecht (1904).—*Jellinek.* Ungarisches Staatsrecht (обѣ монографіи въ коллекціи *Marquardsen'a*).—*Pražak.* Rakouskè právo ústavnè (1900—1903).—*G. Kolmer.* Parlament und Verfassung in Oesterreich (1902 и слѣд.).—*Rado-Rothfeld.* Die ungarische Verfassung.—*A. de Bertha.* La constitution hongroise. Précis hist. d'après S. Rado.

[2]) Названіе Австріи Цислейтаніей (а Венгріи Транслейтаніей) объяснено ниже, на стр. 15.

[3]) Рѣчь идетъ о такъ называемой австрійской Силезіи, сохранившейся въ обладаніи Габсбурговъ послѣ отнятія у нихъ большей части этой провинціи Фридрихомъ II.

того, 15) Венгрія, 16) Трансильванія и 17) Венеціанская область. Послѣднюю Австрія въ 1866 г. утратила, а двѣ предыдущія въ 1867 г. были отдѣлены отъ остальныхъ частей монархіи. За этими землями сохранялись и до сихъ поръ сохраняются титулы королевствъ (Богемія, Далмація, „Галиція и Лодомерія съ великимъ герцогствомъ Краковскимъ [1]), эрцгерцогствъ (обѣ Австріи), герцогствъ (Зальцбургъ, Штирія, Каринтія, Крайна, Буковина и Силезія), маркграфствъ (Моравія и Истрія), окняженныхъ (gefürstete) графствъ (Тироль и „Герцъ и Градиска“) и т. п., а число ихъ депутатовъ колебалось между 3 (Зальцбургъ) и 54 (Богемія), если не считать Венгріи (безъ Трансильваніи), которая должна была бы высылать 85 депутатовъ. Имперскій парламентъ долженъ былъ вѣдать общія дѣла имперіи, каковы армія, бюджетъ, налоги и государственный долгъ, банки, торговля и таможни, почта, телеграфъ и желѣзныя дороги, всѣ же остальныя предоставлялись въ вѣдѣніе областныхъ сеймовъ. Каждая изъ перечисленныхъ коронныхъ земель получила свой ландтагъ, которому давалось право не только управлять хозяйственными и благотворительными дѣлами, путями сообщенія и т. п., но и право самообложенія на мѣстныя потребности съ правомъ мѣстнаго законодательства [2]).

Конституція 1867 г. оставила въ прежнемъ видѣ взаимныя отношенія рейхсрата и ландтаговъ. Въ компетенцію рейхсрата и по закону 1867 г. вошли „всѣ дѣла, касающіяся правъ, обязанностей и интересовъ, общихъ для всѣхъ представленныхъ въ рейхсратѣ королевствъ и земель“, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, расширеніемъ понятія общихъ дѣлъ посредствомъ включенія въ ихъ число, наприм., законодательства о правахъ гражданъ и подданствѣ, о вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ, о правѣ союзовъ и собраній, о прессѣ, о народномъ образованіи и т. п. Между прочимъ, особымъ „Основнымъ государственнымъ закономъ объ общихъ правахъ гражданъ для королевствъ и земель, представленныхъ въ рейхсратѣ“ (21 декабря 1867 г.) были установлены равенство всѣхъ передъ закономъ, доступность одинаково всѣмъ гражданамъ всѣхъ государственныхъ должностей, свобода передвиженія лицъ и имуществъ внутри территоріи, отмѣна навсегда всякихъ отношеній подчиненія и зависимости между отдѣльными лицами, свобода личности, неприкосновенность жилища, тайна переписки, право петицій, собраній и союзовъ, свобода устнаго, письменнаго и печатнаго слова (съ запрещеніемъ цензуры и концессіонной

---

[1]) Включеннымъ въ составъ монархіи въ 1846 г. Томъ V, стр. 166.

[2]) Въ сборникѣ *Гессена* и *Нольде* помѣщенъ (т. I, стр. 31 и слѣд.) „Земскій уставъ королевства Богеміи“, отъ котораго другіе мало чѣмъ отличаются. Всѣ они и донынѣ продолжаютъ дѣйствовать, и только избирательная система въ нихъ измѣнилась, о чемъ см. ниже, въ гл. XI и XIX.

системы для газетъ), полная свобода вѣроисповѣданій и совѣсти, свобода науки и преподаванія, равно какъ равноправность народностей [1]). Впрочемъ, для нѣкоторыхъ пунктовъ этихъ обѣщаній въ законъ внесена была оговорка—о „спеціальномъ законѣ относительно допустимости пріостановки, временно и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, дѣйствія указанныхъ правъ отвѣтственною исполнительною властью". Еще большее значеніе имѣетъ, съ характеромъ такого же ограниченія правъ самого рейхсрата, параграфъ 14 закона 1867 г. объ имперскомъ представительствѣ. „Если,—гласитъ этотъ параграфъ,—въ виду крайнихъ обстоятельствъ, въ промежуткѣ между двумя сессіями, окажется необходимою такая мѣра, которая требуетъ, согласно конституціи, созыва рейхсрата, то она можетъ быть установлена, подъ коллективною отвѣтственностью всего министерства, императорскимъ указомъ, на томъ условіи, однако, чтобы она не имѣла цѣлью измѣненія основного закона и не повлекла за собою продолжительнаго обремененія государственнаго казначейства, ни отчужденія государственнаго имущества". Такимъ указамъ параграфъ придавалъ значеніе временныхъ законовъ, теряющихъ силу, „если правительство не найдетъ нужнымъ представить ихъ на одобреніе перваго собравшагося вслѣдъ за обнародованіемъ ихъ рейхсрата" въ первыя же четыре недѣли, или „если одна изъ двухъ палатъ откажетъ имъ въ одобреніи". Этотъ параграфъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что на его основаніи въ Австріи считали возможнымъ даже устанавливать бюджетъ. — Въ особомъ еще законѣ, — тоже датированномъ 21 декабря 1867 г., — „объ осуществленіи правительственной и исполнительной власти" императору вмѣняется въ обязанность, „принимая бразды правленія, приносить въ присутствіи обѣихъ палатъ рейхсрата клятвенное обѣщаніе поддерживать неприкосновенность основныхъ государственныхъ законовъ королевствъ и земель, представленныхъ въ рейхсратѣ, и управлять въ согласіи съ ними и общими законами". Равнымъ образомъ и всѣмъ органамъ государственнаго управленія предписывалось „въ своей служебной присягѣ давать клятву въ соблюденіи неприкосновенности основныхъ государственныхъ законовъ".

[1]) Въ виду особой важности для разноязычной Австріи послѣдняго пункта приводимъ дословно соотвѣтственный (19) параграфъ закона: „Всѣ народности государства равноправны, и каждая народность имѣетъ право охранять и развивать свою національность и свой языкъ. Равноправность всѣхъ партій, существующихъ въ странѣ, признаётся государствомъ въ школѣ, управленіи и общественной жизни. Въ земляхъ, гдѣ обитаютъ нѣсколько народностей, общественныя образовательныя отношенія должны быть устроены такимъ образомъ, чтобы каждая народность, не будучи принуждена изучать второй языкъ, могла получить необходимыя для обученія на своемъ языкѣ средства". См. объ этомъ ниже, въ главѣ XI.

Совсѣмъ особое устройство получила въ 1867 г. Венгрія. Въ сущности въ этой части монархіи Габсбурговъ было возстановлено дѣйствіе конституціи 1848 г., обязанной своимъ происхожденіемъ тогдашней революціи [1]). Эту конституцію составляютъ нѣкоторые отдѣльные законы 1847—48 г., каковы объ образованіи независимаго венгерскаго отвѣтственнаго министерства, объ ежегодныхъ сессіяхъ сейма, о выборахъ депутатовъ сейма на основахъ представительства и др. По основному закону еще 1790—91 г. венгерскій король обязанъ былъ короноваться въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ послѣ перемѣны царствованія. Въ своемъ дипломѣ 1867 г., данномъ Венгріи, Францъ-Іосифъ констатировалъ, что онъ „не могъ короноваться въ качествѣ короля Венгріи и странъ, къ ней принадлежащихъ, въ срокъ, предписанный закономъ“, равно какъ и позднѣе, въ 1861 г., когда былъ созванъ сеймъ для коронованія, которое тоже „не могло состояться по причинѣ тогдашнихъ обстоятельствъ и затрудненій“. Удалось сдѣлать это только въ 1865 г., послѣ чего,—какъ говорится далѣе въ дипломѣ [2]),—„милостью Божіею и на радость родительскому сердцу нашему, возстановленіемъ конституціи намъ удалось устранить наконецъ затрудненія, которыя до сихъ поръ препятствовали нашему вступленію на престолъ и коронованію“. Далѣе Францъ-Іосифъ признавалъ, что сомнѣнія венгерскаго сейма относительно формальной стороны отреченій отъ престола его дяди и отца [3]) имѣли свои основанія; и обѣщалъ, что ни въ коемъ случаѣ недостатки этихъ отреченій „не создадутъ опаснаго прецедента для законной самостоятельности и независимости страны“. Въ обезпеченіе правъ Венгріи въ дипломъ включалось нѣсколько особыхъ параграфовъ. „Свято и неприкосновенно, говорится въ первомъ изъ нихъ, будемъ мы соблюдать... порядокъ королевскаго престолонаслѣдія,... порядокъ коронованія, права Венгріи и принадлежащихъ къ ней странъ, конституцію ея, законную независимость, свободу и территоріальную неприкосновенность“, обезпеченіемъ чего будетъ служить королевская присяга. Второй обѣщалъ хранить священную корону королевства въ самой Венгріи [4]). а четвертый возвращалъ Венгріи право избранія государя въ случаѣ прекращенія потомства эрцгерцоговъ Австріи и т. п.

Въ 1867 г., такимъ образомъ, послѣ долгой борьбы съ австрійскимъ централистическимъ абсолютизмомъ Венгрія возвратила себѣ отдѣльное политическое существованіе и конституціонный строй. По-

---

[1]) Т. V, стр. 575 и слѣд.

[2]) Въ сущности, дипломъ помѣченъ 6 іюня 1866 г., а въ 1867 г. состоялось его включеніе въ число законовъ страны.

[3]) Объ этихъ отреченіяхъ см. т. V, стр. 546.

[4]) Для объясненія этого см. томъ III, стр. 353.

пытка Габсбурговъ превратить земли „короны св. Стефана“ въ простую провинцію централизованнаго государства съ нарушеніемъ даже ея единства (наприм., путемъ отдѣленія Трансильваніи) окончилась полною неудачею. Венгерскій сеймъ, который конституціей 1861 г. низводился на степень областного, или земскаго, возвращалъ себѣ значеніе сейма государственнаго, притомъ гораздо болѣе централистическаго, чѣмъ австрійскій рейхсратъ: въ составѣ земель короны св. Стефана за одною только Хорватіей была сохранена мѣстная автономія, тогда какъ Австрія продолжала состоять изъ полутора десятковъ королевствъ и земель. Самое существо венгерской конституціи, восходящей своими корнями еще къ Золотой буллѣ 1222 г., отличалось отъ существа конституціи австрійской большею силою представительства, большею ограниченностью королевской власти.

Завоеваніе Венгріей независимаго положенія въ монархіи Габсбурговъ привело послѣднюю къ дуалистическому строю, въ основу котораго было положено соглашеніе (Ausgleich) между обѣими половинами монархіи, раздѣленными въ одномъ мѣстѣ рѣкою Лейтою, откуда и ихъ названія Цислейтаніи и Транслейтаніи. Это соглашеніе было выработано совѣщаніями, происходившими между депутаціями отъ австрійскаго и венгерскаго парламентовъ, и затѣмъ было санкціонировано какъ въ самой Австріи, такъ и въ Венгріи, въ первой—„закономъ 1867 г., касающимся общихъ дѣлъ Австрійской монархіи и порядка ихъ отправленія“, во второй—закономъ того же года, „относящимся къ предметамъ общихъ интересовъ, которые существуютъ между землями венгерской короны и другими землями, подвластными его величеству, и способѣ ихъ разрѣшенія“ [1]). Точкой отправленія для второго изъ нихъ послужила прагматическая санкція 1723 г., какъ „основной договоръ, который заключенъ былъ между свѣтлѣйшимъ августѣйшимъ домомъ (Габсбурговъ) и Венгріей и который обезпечилъ какъ однообразное обладаніе принадлежащими къ монархіи землями и провинціями, такъ и законодательную и административную независимость Венгріи“. Изъ этой прагматической санкціи дѣлался не только выводъ относительно того, кому должна принадлежать корона Венгріи („тому государю, который правитъ и остальными землями“), но и того, какія дѣла должны считаться общими для всей монархіи. Венгерскій, а за нимъ и австрійскій законъ 1867 г. объявляли таковыми иностранныя и военныя дѣла, включая сюда и флотъ, и финансы, поскольку этого требуютъ расходы, общность которыхъ устанавливается обоими законами, причемъ размѣръ расходовъ, падающихъ на каждую часть импе-

[1]) Венгерскій законъ былъ санкціонированъ 28 іюня 1867 г., австрійскій—полугодомъ позже (21 декабря 1867 г.).

ріи, долженъ былъ опредѣляться особымъ соглашеніемъ съ утвержденія императора на опредѣленный срокъ. (Первое финансовое соглашеніе было установлено на десять лѣтъ съ принятіемъ на себя Австріей 70% общихъ расходовъ, а Венгріей только 30% [1]). Не были признаны австро-венгерскимъ „Ausgleich'омъ" общими, но все-таки подлежащими однообразному регулированію обѣими половинами монархіи дѣла торговыя вообще и таможенныя въ особенности, косвенные налоги, монетное дѣло, направленіе желѣзныхъ дорогъ, важныхъ для всей монархіи, и установленіе системы государственной обороны [2]). Для веденія общихъ дѣлъ устанавливалось общее отвѣтственное министерство, совершенно устранявшееся отъ управленія частными правительственными дѣлами каждой изъ двухъ половинъ монархіи. При этомъ венгерскій законъ объявлялъ, что сеймъ земель короны св. Стефана, вступая въ соглашеніе съ другими землями его величества, считаетъ необходимыми условіями договора не только сохраненіе конституціи Венгріи, но и „дѣйствительное введеніе конституціонной формы правленія во всѣхъ другихъ земляхъ и провинціяхъ его величества, ибо, какъ сказано было дальше, Венгрія можетъ вступать въ сношенія по общимъ дѣламъ только съ конституціонными правительствами этихъ земель". Вмѣстѣ съ тѣмъ Венгрія въ своемъ законѣ 1867 г. заявляла, что считаетъ безполезнымъ учрежденіе общаго парламента опять-таки, между прочимъ, въ силу прагматической санкціи. Законодательная власть по общимъ дѣламъ обѣихъ половинъ монархіи, по соглашенію 1867 г., стала отправляться делегаціями, избираемыми представительными учрежденіями обѣихъ половинъ на срокъ сессіи, т.-е. на каждый годъ. Каждая половина назначаетъ по шестидесяти делегатовъ, причемъ отъ Венгріи двадцать делегатовъ выбирались изъ палаты господъ и сорокъ изъ палаты представителей, а въ австрійской делегаціи соблюдался тотъ порядокъ, чтобы на каждую коронную землю приходилось опредѣленное число делегатовъ (наприм., на Богемію 10, на Галицію 7 и т. д.) при соблюденіи въ общемъ той же пропорціи между членами обѣихъ палатъ, какъ и въ Венгріи. Обѣ делегаціи должны быть собираемы ежегодно и притомъ въ одно время и въ одномъ мѣстѣ (попеременно въ Вѣнѣ и въ Будапештѣ), но засѣданія ихъ происходятъ раздѣльно, и лишь въ крайнихъ случаяхъ, если соглашеніе между ними не могло бы быть достигнуто, допускается

---

[1]) Если бы народныя представительства по этому пункту когда-либо не пришли къ соглашенію, установить пропорцію, но не далѣе какъ на одинъ годъ, имѣетъ право самъ императоръ.

[2]) Если бы по этимъ вопросамъ соглашеніе не состоялось, Венгрія выговаривала себѣ на такой случай право вполнѣ самостоятельнаго по нимъ распоряженія.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ ПРОФЕССОРА ИНСТИТУТ ПРАВА

общее ихъ собраніе. Таковы главныя основы австро-венгерскаго соглашенія 1867 г., одновременно съ которымъ въ австрійской половинѣ вступили въ силу названные выше законы объ измѣненіи имперскаго представительства и объ общихъ правахъ гражданъ (равно какъ и еще три закона объ исполнительной и судебной властяхъ).

Австро-венгерское соглашеніе 1867 г. было дополнено въ 1868 венгерско-хорватскимъ. Хорваты совершенно такъ же, какъ и мадьяры или чехи, не хотѣли принимать участія въ общеимперскомъ парламентѣ по уставу 1861 г., но въ то же время заявляли, что событія 1848 г. [1]) уничтожили всякую правовую связь между Венгріей и Хорватіей [2]). Одновременно съ переговорами, которые велись между венгерскимъ сеймомъ и императорскимъ правительствомъ, этотъ сеймъ посредствомъ особой делегаціи велъ переговоры съ хорватскимъ сеймомъ, тоже выбравшимъ для этого особую делегацію. Дѣло шло очень туго и даже прерывалось, такъ какъ, наприм., венгерскій сеймъ не хотѣлъ допускать хорватовъ къ участію въ переговорахъ съ правительствомъ, и хорваты потому сдѣлали попытку войти въ непосредственное соглашеніе съ короной. Эта попытка не удалась, и австро-венгерское соглашеніе состоялось безъ всякаго участія Хорватіи. Отвѣтомъ на это со стороны хорватскаго сейма былъ протестъ съ непризнаніемъ законности австро-венгерскаго Ausgleich'a. Правительство распустило сеймъ, и, измѣнивъ избирательный законъ, созвало новый, болѣе покладистый. Результатомъ было названное соглашеніе 1868 г. [3]), въ силу котораго Хорватія послѣ двадцатилѣтняго перерыва возсоединилась съ Венгріей. Въ этомъ договорѣ также проводилось разграниченіе между общими и частными дѣлами Венгріи и Хорватіи съ обязанностью для послѣдней вносить въ будапештское казначейство извѣстную часть (55%) своихъ доходовъ. Понятно, что общія дѣла должны были рѣшаться государственнымъ сеймомъ короны св. Стефана, куда мѣстному хорватскому сейму предоставлено было посылать своихъ делегатовъ съ правомъ голоса въ общихъ дѣлахъ всего королевства, а пятерымъ изъ нихъ отводилось мѣсто и въ венгерской делегаціи. Кромѣ того, въ составъ венгерскаго министерства включался особый министръ по дѣламъ Хорватіи безъ спеціальнаго портфеля, въ качествѣ, однако, представителя при императорѣ-королѣ отъ національнаго правительства Хорватіи, во главѣ котораго находится

---

[1]) Ср. т. V, стр. 576 и слѣд.

[2]) Оффиціальное названіе — „королевства Далмаціи, Кроаціи (Хорватіи) и Славоніи".

[3]) Текстъ его съ указаніями на послѣдовавшія въ немъ измѣненія и съ комментаріями можно найти въ указанномъ выше трудѣ *G. Horn'a*, начиная со стр. 185. См. тамъ же и болѣе подробныя указанія на литературу.

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

банъ, отвѣтственный передъ мѣстнымъ сеймомъ. Во всемъ остальномъ Хорватія объявлялась автономной, а именно въ отношеніи внутренняго законодательства, культовъ, народнаго образованія и отправленія правосудія. Особымъ параграфомъ въ качествѣ оффиціальнаго языка для этой автономной области признавался языкъ хорватскій, притомъ даже въ сношеніяхъ съ венгерскимъ правительствомъ.

Переходъ монархіи Габсбурговъ, въ 1861 г., къ конституціонализму одно время оказывался весьма для нея благопріятнымъ обстоятельствомъ въ общественномъ мнѣніи Германіи. Объединеніе Италіи, какъ извѣстно, отозвалось на Германіи оживленіемъ и въ ней объединительныхъ и конституціонныхъ стремленій, что̀ повлекло за собою обостреніе стараго спора о томъ, объединяться ли съ Австріей и подъ ея гегемоніей или безъ Австріи подъ гегемоніей Пруссіи. Сохраненіе этою послѣднею своей конституціи, обязанной происхожденіемъ сорокъ восьмому году, тогда какъ Австрія возстановляла у себя абсолютизмъ, создавало для монархіи Гогенцоллерновъ въ Германіи такое же положеніе, какимъ пользовалась въ Италіи монархія Савойскаго дома. Какъ-разъ, однако, въ то самое время, когда въ Австріи начали вводить конституцію, въ Пруссіи, наоборотъ, возникъ рѣзкій политическій конфликтъ между правительствомъ и представительствомъ, который и заставилъ тогда многихъ патріотовъ обратить свои взоры отъ Пруссіи въ пользу Австріи.

Дѣйствующая въ Пруссіи конституція обязана своимъ происхожденіемъ какъ революціи 1848 г., введшей во внутреннюю жизнь этого государства начало народнаго представительства, такъ и послѣдовавшей за подавленіемъ революціи реакціи, позволившей правительству спасти очень многое изъ стараго порядка въ составленной имъ конституціи. И вотъ эту самую, возникшую подъ сильными реакціонными вліяніями конституцію правительство въ началѣ шестидесятыхъ годовъ стало нарушать.

Исторія выработки прусской конституціи 1850 г. извѣстна [1]). Прусское національное собраніе 1848 г., которое въ соглашеніи съ правительствомъ должно было выработать конституцію, успѣло только составить проектъ новаго государственнаго устройства, когда послѣ побѣды реакціи состоялся роспускъ собранія. Этотъ проектъ, однако, легъ въ основу конституціи, октроированной королемъ 5 декабря 1848 г., причемъ она подлежала еще пересмотру народнымъ представительствомъ, и на это ушло болѣе года, такъ какъ правительство не сразу добилось согласія народнаго представительства новыхъ созывовъ и достигло желаемаго результата только послѣ передѣлки, въ 1849 г.,

[1]) Т. V, стр. 547 и слѣд.

избирательнаго закона въ смыслѣ предоставленія бо̀льшаго значенія зажиточнымъ классамъ общества: пересмотръ конституціи былъ объявленъ законченнымъ только 31 января 1850 г., послѣ чего она только и вошла въ законную силу.

Въ дѣлѣ созданія конституціи правительство съ самаго начала стояло на точкѣ зрѣнія необходимости обоюднаго соглашенія монарха и націи, тогда какъ въ національномъ собраніи 1848 г. сильно было стремленіе къ захвату въ свои руки учредительной власти. Даже октроировавъ, въ концѣ концовъ, конституцію, правительство продолжало держаться того взгляда, что окончательное утвержденіе новаго государственнаго устройства должно было быть дѣломъ обоюднаго согласія: таковъ былъ и смыслъ параграфа конституціи [1]), по которому она должна была подвергнуться пересмотру; чтобы добиться, однако, благопріятнаго результата, король, какъ сказано, измѣнилъ избирательную систему. Выборы въ національное собраніе 1848 г. были произведены по принятому соединеннымъ ландтагомъ закону, дававшему право участія въ выборахъ каждому пруссаку, достигшему 24-лѣтняго возраста, но въ 1849 г., опираясь на свое право издавать распоряженія съ силою временныхъ законовъ, когда палата не въ сборѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV издалъ, въ сущности, новый избирательный законъ, дѣлившій всѣхъ избирателей на особые классы и вводившій двухстепенные выборы: въ каждой мѣстности избиратели стали дѣлиться на три класса по количеству платимыхъ ими налоговъ, причемъ на каждый классъ приходится треть падающихъ на каждую мѣстность налоговъ съ причисленіемъ къ первому классу самыхъ крупныхъ плательщиковъ, а къ третьему самыхъ мелкихъ и съ отнесеніемъ людей болѣе средняго достатка ко второму, каждый же классъ избираетъ одинаковое количество выборщиковъ, выбирающихъ депутатовъ. Благодаря этому, въ 1849 г. избиратели раздѣлились въ Пруссіи такимъ образомъ, что одинаковое вліяніе на выборы принадлежало полутораста тысячамъ избирателей перваго класса, четыремстамъ тысячъ—второго и болѣе двухъ съ половиною милліонамъ—третьяго, или, что̀ то же, одинъ голосъ перворазряднаго избирателя равнялся семнадцати голосамъ избирателя третьеразряднаго и болѣе, нежели

[1]) Текстъ конституціи 1850 года въ первомъ томѣ сборника *Гессена* и *Нольде*, стр. 390 и слѣд., и тамъ же указы о производствѣ выборовъ (1849 г.) и о верхней палатѣ (1854 г.); также въ приложеніи къ книгѣ *В. Вильсона*, стр. 41 и слѣд. Есть еще отдѣльное изданіе: „Прусская конституція съ объясненіями“ (1905 г.).—*L. v. Rönne.* Das Staatsrecht der preussischen Monarchie (1899—1906; пятое изд. въ обработкѣ *Ph. Zorn'a*; первое вышло въ свѣтъ въ 1856—63). — *Bornhack.* Geschichte des preussischen Verwaltungsrechtes (1884 — 1892). — *E. Meier.* Franz. Einflüsse auf die Staats- und Rechtsentwickelung Preussens (1907—1908).

шести,—второразряднаго. Совершенно такъ же, т.-е. путемъ королевскаго распоряженія опредѣленъ былъ въ Пруссіи и составъ верхней палаты, члены которой назначаются королемъ.

Октроированіе конституціи монархомъ и установленіе королевскою же властью избирательнаго закона и верхней палаты указываютъ на то, что революція 1848 г. не потрясла въ Пруссіи королевской власти съ ея милитарною и бюрократическою опорами. Самый блестящій анализъ прусской конституціи 1850 г. съ едва прикрытыми въ ней пережитками абсолютизма произвелъ, какъ извѣстно, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Лассаль въ своей брошюрѣ „О сущности конституціи“ [1]), сдѣлавшей въ ней различіе между писанной, бумажной и небумажной, дѣйствительной конституціей, какъ фактическимъ соотношеніемъ реальныхъ силъ, существующихъ въ данномъ обществѣ. Конституція 1850 г. сохранила за монархомъ безусловно господствующее положеніе въ государствѣ. Министры подчинены только ему одному. „Король назначаетъ на всѣ мѣста въ арміи“, но „армія не присягаетъ конституціи“. Въ другой своей брошюрѣ („Сила и право“) Лассаль совершенно вѣрно объяснилъ то, что у него самого названо „лжеконституціоннымъ“ характеромъ прусскаго государственнаго устройства: именно, старый абсолютизмъ, не желая быть въ постоянномъ противорѣчіи съ реальными отношеніями общественныхъ силъ и подвергать себя риску повторенія сорокъ восьмого года, и придумалъ для продленія своего существованія конституцію, въ которой права народа и его представителей не обезпечиваются никакой реальной гарантіей и низводятся до минимума. Это понятіе лжеконституціонализма Лассаль распространялъ, впрочемъ, и на Францію Наполеона III, и на Австрію, только-что объявившую введеніе представительной системы. Извѣстно, что и сами прусскіе консерваторы одобрили взглядъ Лассаля на конституцію 1850 г.

И все-таки это была конституція, хотя и искаженная. Въ ней мы находимъ параграфы о равноправіи и отмѣнѣ сословныхъ привилегій, о свободѣ науки и преподаванія съ запрещеніемъ впредь вводить цензуру, о возбужденіи обвиненія противъ министровъ въ случаѣ нарушенія конституціи и т. п. Тою же конституціей каждый король по вступленіи на престолъ обязывался давать „клятвенное обѣщаніе твердо и ненарушимо соблюдать конституцію королевства и управлять въ согласіи съ нею и съ законами“.

Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV принесъ 6 февраля 1850 г. торжественную присягу конституціи и остался ей вѣренъ, по крайней

---

[1]) Есть русскіе переводы; подробное изложеніе см. въ пятомъ томѣ „Исторіи Западной Европы“, стр. 827—828.

мѣрѣ, въ томъ, что не отмѣнилъ ея дѣйствія. Съ другой стороны, и его правительство дѣйствовало въ постоянномъ союзѣ съ консервативно-конституціонной партіей, объединявшей интересы и стремленія дворянства, чиновничества и промышленно-торговой буржуазіи [1]). Прусская палата депутатовъ пятидесятыхъ годовъ, въ которой были представлены главнымъ образомъ абсолютистическіе и феодальные элементы общества, отличалась крайнею реакціонностью, но и въ Пруссіи, какъ вездѣ, съ конца пятидесятыхъ годовъ и начала шестидесятыхъ годовъ началось ожи вленіе либерализма. Переходъ королевской власти, въ концѣ 1858 г., въ руки принца-регента, который въ 1861 г. сдѣлался королемъ подъ именемъ Вильгельма I, былъ для Пруссіи „новой эрой", и консерваторы на выборахъ стали терпѣть пораженія [2]). Но очень скоро въ новой эрѣ пришлось разочароваться. Вильгельмъ I, опасаясь агрессивной политики Наполеона III и предвидя неизбѣжное столкновеніе съ Австріей, задумалъ увеличить военныя силы Пруссіи, что̀ требовало новыхъ расходовъ. Образовавшееся въ прусской палатѣ либеральное большинство было противъ этого плана, потому что господствующую въ ней роль стала играть партія прогрессистовъ, желавшая объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи, въ то же время стремилась превратить свое отечество изъ чисто военнаго государства въ государство правовое, въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія въ Пруссіи конституціонныхъ и либеральныхъ началъ. На почвѣ этого разногласія начался конфликтъ, затянувшійся на четыре года (1862—6 гг.), когда палата отказывалась утверждать бюджетъ, а правительство, не взирая на это, взимало налоги и проводило свою военную реформу. Въ эти годы и взялъ въ свои руки бразды правленія въ Пруссіи Бисмаркъ, съ именемъ котораго не въ одной Пруссіи связана исторія послѣдней трети XIX в. Политическая борьба здѣсь во время „конфликта" приняла самый острый характеръ, и обѣ стороны обвиняли одна другую въ противоконституціонныхъ дѣйствіяхъ. Правительство не обращало вниманія на протесты оппозиціи, а противъ общественнаго возбужденія стало принимать репрессивныя мѣры. Это положеніе дѣлъ не помѣшало Вильгельму I въ 1864 и 1866 гг. вести двѣ войны—съ Даніей и съ Австріей [3]). Мало того, побѣды, одержанныя Пруссіей въ обѣихъ этихъ войнахъ, привели къ прекращенію внутренняго конфликта. Консерваторы думали въ 1866 г. восполь-

---

[1]) Для дальнѣйшаго подробнѣе т. V, стр. 633 и слѣд.

[2]) Для дальнѣйшаго подробнѣе т. V, стр. 710 и слѣд.

[3]) Новѣйшій трудъ по шлезвигскому вопросу, бывшему причиной войны 1864 г.,—*Fr. de Jessen.* Manuel historique de la question du Slesvig (1906).—Для австро-прусской войны есть русское сочиненіе: *А. Станкевичъ.* Исторія войны 1866 г. въ Германіи (1870).

зоваться торжествомъ прусскаго оружія для измѣненія конституціи въ еще болѣе монархическомъ направленіи, и эта идея была по душѣ Вильгельму I, но болѣе дальновидный Бисмаркъ этому воспротивился [1]). Выборы 1866 г. происходили подъ впечатлѣніемъ военной удачи Пруссіи, а самъ Бисмаркъ вставилъ въ тронную рѣчь короля, при открытіи новой сессіи, пожеланіе о прекращеніи конфликта путемъ индемнитета, т.-е. снятія отвѣтственности за управленіе безъ законнаго бюджета, что̀ и было потомъ принято громаднымъ большинствомъ палаты, въ которой прогрессисты были уже въ меньшинствѣ. Съ этого момента первенствующая роль въ прусской палатѣ стала принадлежать партіи націоналъ-либераловъ, обѣщавшей впредь поддерживать правительство въ его внѣшней политикѣ, внутри же, не поступаясь ни единымъ конституціоннымъ правомъ, охранять своей лойяльной оппозиціей права націи. Самъ Бисмаркъ сталъ переходить на сторону этой партіи [2]).

Побѣда Пруссіи надъ Австріей и ея союзниками увеличила территорію этого королевства присоединеніемъ Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау и Франкфурта-на-Майнѣ, на территоріи которыхъ распространилось и дѣйствіе конституціи 1850 г. Слѣдствіемъ той же побѣды было образованіе Сѣверо-германскаго союза [3]) съ новой конституціей,

---

[1]) Для дальнѣйшаго подробнѣе т. V, стр. 737. Въ Америкѣ недавно изданы мемуары извѣстнаго революціонера 1848 г. Карла Шурца, начало которыхъ было переведено въ „Рус. Бог.“ за 1906 г. и вышло отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера“. Въ новой части этихъ воспоминаній Шурцъ, бывшій въ шестидесятыхъ годахъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ въ С. А. Соединенныхъ штатахъ, разсказываетъ о своей поѣздкѣ въ 1868 г. въ Германію, гдѣ, между прочимъ, былъ принятъ Бисмаркомъ. Теперь изъ его записокъ мы узнаемъ, что говорилъ ему имперскій канцлеръ о своей политикѣ этого времени. Именно онъ разсказывалъ Шурцу, какихъ трудовъ стоило ему сначала склонить Вильгельма I къ войнѣ съ Австріей, а потомъ, наоборотъ, удержать его отъ намѣренія потребовать у побѣжденной Австріи слишкомъ многаго. Самое, однако, любопытное въ сообщеніи Шурца, это—приводимыя имъ слова Бисмарка о томъ, что онъ сдѣлалъ бы, если бы ему не удалось удержать короля отъ его намѣренія, исполненіе котораго могло бы вызвать вмѣшательство Франціи: „у меня, сказалъ Бисмаркъ, было наготовѣ рѣшительное и, думаю, дѣйствительное средство, такъ какъ я тогда обратился бы къ національному чувству нѣмцевъ, провозгласивъ имперскую конституцію, которая была выработана франкфуртскимъ парламентомъ 1848—1849 гг.“.

[2]) Дальнѣйшая внутренняя исторія Пруссіи ниже, въ главѣ VII.

[3]) См. ниже, въ главѣ VII указанія на литературу по исторіи объединенія Германіи. Здѣсь отмѣтимъ только *Шербюлье*. Германія въ политическомъ отношеніи съ 1860 до 1870 гг. — *Arndt*. Geschichte der Jahre 1867—1871 (1872). — *F. Martitz*. Betrachtungen über die Verfassung des Norddeutschen Bundes (1868). — *H. Schulze*. Einleitung in das deutsche Staatsrecht mit besonderer

которая была введена въ дѣйствіе въ 1867 г., и въ которой Бисмаркъ провелъ всеобщее избирательное право, признавъ его наилучшимъ средствомъ для сплоченія Германіи въ одно цѣлое, тѣмъ болѣе, что во Франціи дѣйствіе этой системы нисколько не препятствовало тогда всемогуществу правительства [1]).

Въ сущности конституція сѣверо-германскаго союза есть не что иное, какъ теперешняя конституція Германской имперіи [2]), только съ соотвѣтственными измѣненіями титуловъ. Ею признано было за союзомъ (будущей имперіей) право законодательства въ предѣлахъ союзной территоріи, причемъ союзные законы объявлялись выше законовъ каждаго отдѣльнаго государства. Равнымъ образомъ, конституція устанавливала для всего населенія союза общій индигенатъ, въ силу чего каждому союзному государству вмѣнялось въ обязанность не дѣлать разницы въ пользованіи гражданскими правами между принадлежащими (подданными, гражданами) къ каждому изъ союзныхъ государствъ и туземцами. Конституція, далѣе, подробно перечисляла дѣла, подлежащія надзору со стороны союза и его законодательству. Изъ этого длиннаго перечня отмѣтимъ только постановленія относительно свободы передвиженія, натурализаціи и поселенія, правъ гражданства, паспортовъ и т. п., таможенное и торговое законодательство и законодательство о налогахъ, употребляемыхъ на нужды союза, опредѣленіе системы монетъ, мѣръ и вѣсовъ, банковое дѣло, организація общей защиты германской торговли за границей, желѣзнодорожное, почтовое и телеграфное дѣло, войско и военный флотъ, гражданскіе и уголовные законы. Для осуществленія союзнаго законодательства конституція создавала союзный совѣтъ и рейхстагъ. Первый долженъ былъ состоять изъ представителей членовъ союза, которыхъ каждый изъ нихъ получилъ право назначать въ любомъ числѣ, что̀ не имѣетъ, однако, никакого вліянія на число голосовъ, какое было предоставлено каждому государству конституціей въ союзномъ совѣтѣ [3]). „Союзный совѣтъ постановляетъ рѣшенія относительно вносимыхъ въ рейхстагъ предложеній и принятыхъ имъ постановленій, относительно необходимыхъ для исполненія союзныхъ законовъ общихъ административныхъ распоряженій и инструкцій, поскольку общій законъ не опредѣляетъ иного, и относи-

Berücksichtigung der Krisis des Jahres 1866 und der Gründung des Norddeutschen Bundes (1867).

[1]) Ср. отзывы Бисмарка въ V томѣ „Ист. Зап. Европы“, стр. 739—740.

[2]) Текстъ германской имперской конституціи въ сборникѣ *Гессена* и *Нольде*, т. II, стр. 163 и слѣд.

[3]) Въ теперешней Германской имперіи въ союзномъ совѣтѣ 58 голосовъ, изъ которыхъ Пруссіи принадлежитъ 17 голосовъ, Баваріи 6, Саксоніи и Вюртембергу по 4, Бадену и Гессену по 3, М. Шверину и Брауншвейгу по 2, остальнымъ по одному.

тельно недостатковъ, обнаружившихся при исполненіи законовъ и распоряженій или инструкцій". Въ цѣляхъ выполненія своихъ задачъ союзный совѣтъ образуетъ постоянные комитеты для арміи и крѣпостей, для флота, для таможенъ и налоговъ, для торговли, для желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфовъ, для юстиціи, для отчетности. Предсѣдательство въ союзѣ было предоставлено Пруссіи, король которой, сдѣлавшійся въ 1871 г. германскимъ императоромъ, получилъ право „выступать представителемъ союза въ международныхъ сношеніяхъ, объявлять войну и заключать миръ, заключать союзы и другіе договоры съ иностранными государствами", но для объявленія войны требуется согласіе союзнаго совѣта, для договоровъ же съ иностранными государствами по предметамъ, относящимся къ союзному законодательству, кромѣ согласія союзнаго совѣта, нужно и принятіе рейхстагомъ. Ему же, прусскому королю, въ качествѣ главы союза, „принадлежитъ право созывать, открывать, отсрочивать и закрывать союзный совѣтъ и рейхстагъ", которые, однако, должны созываться ежегодно. „Предсѣдательство въ союзномъ совѣтѣ и руководство его дѣлами принадлежитъ канцлеру", назначаемому общимъ главою союза. Послѣднему же конституція предоставила „право изготовленія и обнародованія общихъ законовъ и наблюденія за ихъ исполненіемъ" со скрѣпою канцлера, „который этимъ актомъ принимаетъ отвѣтственность на себя". Въ случаѣ неисполненія членомъ союза своихъ обязанностей, онъ можетъ быть принужденъ къ ихъ исполненію путемъ экзекуціи.—Для выборовъ въ рейхстагъ принята была система всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія, самому же рейхстагу предоставлялось „право иниціативы законовъ въ предѣлахъ союзной компетенціи" и препровожденія къ совѣту или канцлеру обращенныхъ къ нему, рейхстагу, петицій. „Члены рейхстага, какъ таковые, не получаютъ никакого жалованья или вознагражденія", а въ случаѣ назначенія на какія-либо правительственныя должности „теряютъ мѣсто и голосъ въ рейхстагѣ и могутъ снова получить ихъ только путемъ новыхъ выборовъ". Особые отдѣлы конституціи 1867 г. посвящены таможенному и торговому дѣлу, желѣзнымъ дорогамъ, почтамъ и телеграфамъ, флоту и мореплаванію, заграничнымъ консульствамъ, общимъ финансамъ и общей арміи. Въ послѣднемъ отдѣлѣ говорится о ея единствѣ и о подчиненіи ея, и въ мирное, и въ военное время, главѣ союза, который „въ случаяхъ, угрожающихъ общественной безопасности на территоріи союза, можетъ объявить на военномъ положеніи каждую ея часть". Особый отдѣлъ былъ отведенъ и вопросу о разрѣшеніи споровъ между различными союзными государствами, что было предоставлено союзному совѣту на основаніи отзыва одной изъ сторонъ. „Споры по поводу смысла конституціи въ такихъ союзныхъ

государствахъ, въ которыхъ не установлено учрежденія для разрѣшенія такихъ споровъ", предоставлялось по отзыву одной изъ сторонъ полюбовно рѣшать союзному же совѣту, а въ случаѣ неудачи они подлежали разрѣшенію въ общемъ законодательномъ порядкѣ. Въ послѣднемъ, равнымъ образомъ, принято было производить и измѣненія конституціи съ добавленіемъ, что предписанія конституціи, которыми установлены права отдѣльныхъ государствъ по отношенію къ союзу, могутъ быть измѣнены лишь съ согласія заинтересованныхъ государствъ. Сравнивая сѣверо-германскую конституцію 1867 г. съ имперской 1849 г., мы, между прочимъ, въ позднѣйшей изъ нихъ не находимъ отдѣла объ основныхъ правахъ гражданъ [1]).

Кромѣ распространенія дѣйствія старыхъ конституцій (сардинской и прусской) на новыя территоріи и возникновенія новыхъ конституцій, въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. произошли и нѣкоторыя внутреннія измѣненія въ прежде уже дѣйствовавшихъ конституціяхъ.

Въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ совершился переходъ Швеціи отъ сословно-представительнаго устройства средневѣкового типа къ новому конституціонному строю съ народнымъ представительствомъ. Здѣсь существовалъ сеймъ, въ которомъ было четыре сословныя палаты: дворянская, духовная, городская и крестьянская, и государственный совѣтъ, безъ котораго король не могъ рѣшить ни одного дѣла. Въ 1682 и 1772 г. въ Швеціи устанавливался фактически абсолютизмъ, а въ первой половинѣ XVIII в. олигархія [2]), въ XIX же столѣтіи съ 1809 г. дѣйствовала нормальная конституція, подвергшаяся въ 1840 г. измѣненію, въ смыслѣ превращенія стараго государственнаго совѣта въ министерство современнаго типа, но система сословнаго представительства продолжала существовать попрежнему. Благодаря ей, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ 27 т. населенія съ 52 милліонами риксдалеровъ имущества имѣли въ государственной жизни такое же значеніе, какъ два съ половиною милліона съ имуществомъ, оцѣнивавшимся въ 340 милліоновъ. Очевидно, такая система была крайне невыгодна для большинства, состоявшаго изъ горожанъ и крестьянъ, и потому двѣ соотвѣтственныя палаты сейма первыя начали агитировать въ пользу реформы сейма, какъ и въ былыя времена онѣ же поддерживали монархизмъ противъ дворянской олигархіи. Въ 1862 г. городское и крестьянское сословія обратились къ королю съ просьбою внести въ сеймъ проектъ реформы сейма, но дворяне и духовные голосовали противъ этого предложенія. Королевская власть (царствовалъ въ это время Карлъ XV) стала, однако, на

[1]) См. т. V, стр. 535—536.
[2]) Т. III, стр. 35—36 и 291—292.

сторону реформы, и въ 1863 г. сейму былъ предложенъ проектъ реформы, который и былъ принятъ въ 1865 г. всѣми четырьмя сословіями, а въ 1866 г. новая конституція вступила въ силу [1]).

Въ сущности, до сихъ поръ въ Швеціи остается въ силѣ съ нѣкоторыми измѣненіями „форма правленія“ 1809 г., и вполнѣ замѣненъ новымъ уставомъ только старый „Уставъ риксдага 10 февраля 1810 г.“ Какъ и первый изъ названныхъ актовъ, такъ точно и второй подвергался цѣлому ряду пересмотровъ. Главными статьями новаго устава 1866 г. являются раздѣленіе риксдага на двѣ палаты („первую и вторую, которыя по всѣмъ вопросамъ обладаютъ равными компетенціей и правами“), ежегодность ихъ сессій, недопустимость закрытія сессіи до истеченія четырехъ мѣсяцевъ послѣ открытія ея, если только о томъ не проситъ самъ риксдагъ или король не назначитъ выборовъ въ обѣ палаты либо одну изъ нихъ, избраніе первой палаты провинціальными и муниципальными совѣтами (послѣдними, если городъ не представленъ въ провинціальномъ совѣтѣ), а членовъ второй деревнями отдѣльныхъ судебныхъ округовъ. Избирательное право, конституція 1866 г. предоставила „въ общинѣ, гдѣ лицо имѣетъ свою осѣдлость, всякому лицу мужского пола, имѣющему право голоса въ общихъ дѣлахъ общины, обладающему, въ качествѣ собственника или нанимателя, недвижимостью въ селѣ или въ городѣ, оцѣниваемой, по крайней мѣрѣ, въ тысячу риксдалеровъ, и снявшему въ аренду пожизненно, или, по меньшей мѣрѣ, на пять лѣтъ сельскую недвижимость, оцѣниваемую при обложеніи, по крайней мѣрѣ, въ шесть тысячъ риксдалеровъ, или, наконецъ, уплачивающему государственные налоги съ дохода, достигающаго по меньшей мѣрѣ восьмисотъ риксдалеровъ“. Система выборовъ двухстепенная. Въ уставъ включенъ принципъ вознагражденія депутатовъ за издержки путешествія въ городъ (столицу государства), гдѣ собирается риксдагъ, и за пребываніе въ немъ. Многія статьи устава 1866 г. имѣютъ прямо характеръ параграфовъ сеймоваго наказа.

Въ Даніи средневѣковая сословная конституція была низвергнута еще въ 1660 г. [2]), и до середины XIX в. въ странѣ господствовалъ абсолютизмъ. Событія сорокъ восьмого года не прошли безслѣдно для Даніи, которая въ 1849 г. отъ короля Фридриха VII получила конституцію, оказавшуюся, впрочемъ, весьма недолговѣчной. Реакція пятидесятыхъ годовъ сказалась именно и на судьбѣ датской конституціи, такъ какъ въ 1854 г. король обнародовалъ новую конституцію, урѣ-

[1]) Текстъ шведской конституціи у *Гессена* и *Нольде*, томъ I, стр. 528 и слѣд. Въ Норвегіи продолжала дѣйствовать конституція 1814 г., текстъ которой тамъ же (т. I, стр. 32 и слѣд.). Указанія на литературу см. въ главѣ XXI.

[2]) „Исторія Западной Европы“, т. III, стр. 34—35.

завъ въ ней права сейма до превращенія его въ чисто совѣщательное учрежденіе, хотя въ слѣдующемъ же году ему пришлось въ послѣднемъ отношеніи снова пойти на уступку и въ коституціи 2 октября 1855 г. согласиться на возвращеніе представительному собранію законодательныхъ правъ. Однимъ изъ внутреннихъ вопросовъ датской политики въ это время,—приводившимъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ международнымъ осложненіямъ,—было отношеніе монархіи къ соединеннымъ съ нею герцогствамъ Шлезвигомъ и Гольштейномъ, причемъ послѣдній съ 1815 г. входилъ въ составъ Германскаго союза [1]). Извѣстно, что въ 1848 г. изъ-за герцогствъ у Даніи вспыхнула война съ нѣмцами, окончившаяся только въ 1850 г. побѣдою Даніи [2]), послѣ чего въ 1852 г. герцогства получили конституцію, общую съ послѣднею. Когда издана была конституція 1855 г., ландтаги обоихъ герцогствъ не захотѣли ее признать. Дѣло все болѣе и болѣе осложнялось. Когда умеръ Фридрихъ VII [3]), Данія признала его наслѣдникомъ Христіана IX Глюксбургскаго (мужа племянницы короля), герцогства же — Фридриха Аугустенбургскаго (родственника короля по мужской линіи). За Шлезвигъ-Гольштейнъ заступились Пруссія и Австрія, въ войнѣ съ которыми Данія потерпѣла пораженіе, лишившись обоихъ герцогствъ (1864). Конституціонный вопросъ въ Даніи этимъ былъ упрощенъ. Новый датскій король по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1863 г., подъ давленіемъ національной партіи подписалъ-было новую конституцію, общую для Даніи и Шлезвига, но послѣ потери послѣдняго вмѣстѣ съ Гольштейномъ въ Даніи взяла верхъ вновь образовавшаяся демократическая партія „крестьянскихъ друзей“, сдѣлавшая своимъ лозунгомъ возвращеніе къ конституціи 1849 г. Правительство пошло на уступки, но представленный имъ проектъ, который не былъ достаточно демократиченъ, нижняя палата отвергла, за что была распущена (1865). Новые выборы дали болѣе благопріятное для правительства большинство, но дѣло все-таки не обошлось безъ продолжительныхъ пререканій, пока въ 1866 г. этотъ политическій споръ не былъ разрѣшенъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ на нынѣ дѣйствующей конституціи [4]).

„Конституція Датскаго королевства 5 іюля 1849 г., пересмотрѣнная и обнародованная 28 іюня 1866 г.“, представляетъ собою довольно типическій образчикъ монархической конституціи вообще, мало чѣмъ отличающійся отъ многихъ подобныхъ же конституцій. „Датскій

---

[1]) Т. IV, стр. 346. Ср. выше (стр. 21) указаніе на книгу *de Jessen'a*.

[2]) Т. V, стр. 527, 533—534 и др.

[3]) Для дальнѣйшаго подробнѣе т. V, стр. 727 и слѣд.

[4]) См. у *Гессена* и *Нольде*, т. I, стр. 225 и слѣд. Указанія на литературу въ главѣ XXI.

ригсдагъ составляется изъ фолькстинга и ландстинга". Избирателями въ фолькстингъ являются всѣ граждане, достигшіе тридцатилѣтняго возраста, кромѣ находящихся на службѣ у частныхъ лицъ и не имѣщихъ своего хозяйства или не имѣвшихъ постояннаго мѣстожительства въ теченіе года въ своемъ округѣ либо городѣ, причемъ „число членовъ фолькстинга должно приблизительно соотвѣтствовать отношенію одного члена на 16 т. населенія"; избираются они на три года и получаютъ вознагражденіе. „Число членовъ ландстинга равно 66", изъ коихъ 12 назначаются королемъ, 7 выбираются отъ Копенгагена, остальные — отъ большихъ избирательныхъ округовъ. Общія условія избирательнаго права тѣ же, что и при выборахъ въ фолькстингъ. „Ригсдагъ собирается въ обычную сессію въ первый понедѣльникъ октября, если король не назначилъ болѣе близкаго срока для его созыва... Всякій, кто покушается на безопасность и свободу ригсдага, всякій, кто съ этою цѣлью отдастъ или исполнитъ какой-либо приказъ, признаётся виновнымъ въ государственной измѣнѣ". За обѣими палатами конституція 1866 г. признаетъ законодательную иниціативу. „Ни одинъ налогъ, сказано въ ней еще, не можетъ быть установленъ, измѣненъ или отмѣненъ" безъ согласія палатъ, равно какъ „не можетъ быть произведенъ никакой наборъ войска, не можетъ быть подписанъ никакой заёмъ" и т. д. Въ конституцію были включены и параграфы, касающіеся правъ гражданъ, равно какъ и равенства всѣхъ передъ закономъ. Для пересмотра конституціи, если онъ принимался въ принципѣ обѣими палатами и „если правительство захочетъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ", составъ палатъ долженъ обновиться путемъ новыхъ выборовъ. Окончательная санкція, понятно, остается за королемъ въ общемъ согласіи съ монархическимъ духомъ конституціи.

Такимъ образомъ, два скандинавскія государства, Швеція и Данія, получили новыя конституціи въ одномъ и томъ же 1866 г. Въ связи съ этимъ нельзя не отмѣтить, что старое шведское государственное устройство, принятое Александромъ I для Финляндіи, въ 1809 г. присоединенной къ Россіи, но не дѣйствовавшее ни при этомъ государѣ, ни при его преемникѣ, было возстановлено въ 1863 г. Александромъ II, впервые въ этомъ году созвавшимъ сословныхъ представителей финскаго народа, — фактъ, который тоже слѣдуетъ записать въ активъ шестидесятыхъ годовъ.

Современная конституція Швейцаріи [1]) ведетъ свое начало отъ

---

[1]) У *Гессена* и *Нольде* т. II, стр. 317 и слѣд. См. также въ приложеніи къ книгѣ *В. Вильсона*, стр. 53 и слѣд., а также *В. Водовозова*. Конституція Швейцаріи. Литература ниже, въ главѣ XXI.

1848 г. Въ этой странѣ [1]) уже въ тридцатыхъ годахъ началось демократическое движеніе, которое одержало побѣду надъ консервативнымъ направленіемъ въ 1848 г. Еще раньше, чѣмъ въ Германіи, здѣсь произошло преобразованіе прежняго союза государствъ въ союзное государство. Не изглагая самой швейцарской конституціи, довольно сложной, ограничимся лишь указаніемъ на ея основныя начала. Конституція 1848 г. сочетала самостоятельность 22 кантоновъ, составляющихъ союзъ, съ единствомъ союза. Граждане отдѣльныхъ кантоновъ послѣ 1848 г. сдѣлались равноправными гражданами и всей Швейцаріи, въ которой за всѣми конституція обезпечивала всѣ права свободныхъ людей. Конституціи кантоновъ не могутъ содержать статей, которыя противорѣчили бы постановленіямъ общей конституціи, между прочимъ и республиканскимъ и демократическимъ принципамъ, причемъ всѣ эти конституціи должны имѣть народное одобреніе и подвергаться пересмотру каждый разъ, какъ того потребуетъ большинство гражданъ. Конституція запрещала какіе бы то ни было сепаратные союзы между кантонами, и благодаря ей, въ странѣ прекратились бывшія прежде довольно частыми возстанія и междоусобія. Что касается до права пересмотра кантональныхъ конституцій, то швейцарцы еще до 1848 г. пользовались имъ довольно широко, и въ данное время во всемъ союзѣ нѣтъ ни одной конституціи, которая сохранилась бы неизмѣнною отъ времени, предшествовавшаго изданію общей конституціи. Самою старою изъ прежнихъ конституцій оставалась до начала девяностыхъ годовъ конституція Берна, да и та въ моментъ своего преобразованія не насчитывала пятидесяти лѣтъ [2]). Компетенція между кантонами и союзомъ была раздѣлена такимъ образомъ, что въ вѣдѣніи первыхъ были оставлены гражданское и уголовное законодательство, вѣроисповѣдныя дѣла, народное образованіе, полицейская часть, пути сообщенія, налоги, способъ комплектованія арміи, союзу же переданы иностранныя дѣла, армія, денежная система, почта, таможни. Законодательная власть въ союзѣ принадлежитъ двумъ палатамъ, изъ которыхъ одна, называемая національнымъ совѣтомъ, состоитъ изъ депутатовъ, непосредственно избираемыхъ народомъ (по одному на 20 т. населенія), а другая, называемая совѣтомъ государствъ [3])—изъ депутатовъ отъ кантоновъ (по

---

[1]) Важнѣйшія подробности для дальнѣйшаго въ V томѣ „Исторіи Западной Европы“, стр. 200—201 и 425—428.

[2]) Она просуществовала съ 1846 по 1893 годъ. Теперешняя бернская конституція у *Гессена* и *Нольде*, т. II, стр. 378 и слѣд.

[3]) Обѣ палаты составляютъ союзное собраніе. Настоящіе термины для обѣихъ палатъ: Nationalrath или conseil national и Ständerath или conseil d'états. Данный нами переводъ этихъ терминовъ принятъ вообще русскими предста-

два на каждый). Соединенное собраніе обѣихъ палатъ выбираетъ союзный совѣтъ изъ семи членовъ, между которыми распредѣлены отдѣльныя отрасли управленія: ему принадлежитъ исполнительная власть. Общаго президента республики въ Швейцаріи (подобнаго сѣверо-американскому или французскому) нѣтъ; существуетъ только президентъ союзнаго совѣта, выбираемый на годъ безъ права переизбранія на второй срокъ.

Особенно важною чертою швейцарской конституціи 1848 г. является то, что ею были обобщены и возведены въ принципъ бывшіе раньше единичными случаи народной иниціативы при пересмотрѣ кантональныхъ конституцій. Еще раньше въ Швейцаріи было признано за гражданами право непосредственнаго утвержденія конституціонныхъ измѣненій, предлагаемыхъ представительными собраніями кантоновъ, что и было включено во всѣ конституціи, подвергавшіяся пересмотру послѣ 1830 г., но три кантона включили въ свои конституціи статью, обязывавшую правительства обращаться къ всенародному голосованію каждый разъ, когда о томъ будетъ просить извѣстное количество гражданъ. Конституція 1848 г. формально утвердила за гражданами оба права, т.-е. и право непосредственной санкціи, и право непосредственной иниціативы. Сама конституція Союза подлежала какъ народному утвержденію, такъ и пересмотру по народному почину въ томъ случаѣ, если предложеніе будетъ сдѣлано пятьюдесятью тысячами гражданъ. Въ сущности, швейцарская конституція 1848 г. разрѣшала ту же самую задачу сочетанія представительства и непосредственнаго участія народа во власти, которую пытались разрѣшить въ 1793 г. жирондисты въ своемъ конституціонномъ проектѣ и якобинцы въ составленной ими и подвергнутой народному голосованію конституціи [1]). Въ самой Швейцаріи всенародное голосованіе было впервые примѣнено въ 1798 г. при учрежденіи единой и нераздѣльной Гельветической республики [2]). Но политическая мысль въ Швейцаріи не остановилась на признаніи непосредственно за гражданами правъ учредительной власти, а еще съ тридцатыхъ годовъ начали дѣлаться единичныя попытки привлеченія гражданъ и къ непосредственному участію въ текущемъ законодательствѣ въ формѣ такъ называемаго

вителями науки государственнаго права (см., напр., у *Лохвицкаго*, т. I, стр. 7, у *Гессена* и *Нольде* и др.). Къ сожалѣнію, далеко не всѣ (и особенно переводчики) держатся этого перевода. Напр., въ книгѣ *Эдэмса* (*Adams*) и *Кённингэма* „Швейцарія и ея учрежденія“ (1893) второй совѣтъ названъ „совѣтомъ сословій“, причемъ слово „Stand, Stände“ переведено терминомъ „сословіе“.

[1]) Т. III, стр. 591—592 и 616—617. Для общаго освѣщенія вопроса см. книгу *К. Тахтарева* „Отъ представительства къ народовластію“ (1907).

[2]) Т. IV, стр. 26.

veto или референдума. Сначала это было лишь факультативное право—требовать пересмотра народомъ обыкновенныхъ законовъ, издаваемыхъ представительными учрежденіями, но около 1860 г. (въ Невшателѣ въ 1858 г., въ Валлисѣ въ 1861 г.) нѣкоторыми кантонами было принято, чтобы всякій расходъ, превышающій извѣстную цифру (полмилліона или милліонъ франковъ), подвергался народному утвержденію. Въ 1863 г. конституція Базельскаго полукантона (сельскаго) пошла еще дальше, постановивъ, что дважды въ годъ мѣстныя власти будутъ отдавать на народное голосованіе всякіе законы и правительственныя распоряженія общаго содержанія. Это былъ уже не факультативный, а обязательный референдумъ. Параллельно съ нимъ развивалось и право законодательной инициативы гражданъ, первый примѣръ чему еще въ 1845 г. подалъ кантонъ Ваадтъ, гдѣ 8 т. гражданъ могли возбуждать законодательные вопросы. Скоро и другіе кантоны стали заводить у себя такой же порядокъ, въ томъ числѣ и Базельскій сельскій полукантонъ, пока въ той или иной формѣ новая система не получила всеобщаго признанія. Очень важнымъ фактомъ было то, что въ 1869 г. ввелъ въ свою конституцію референдумъ и народную инициативу большой и вліятельный Цюрихъ. Его примѣру послѣдовало тогда же (въ 1869—70 гг.) большинство крупныхъ нѣмецкихъ кантоновъ. Не была въ то время усвоена новая система „демократическаго законодательства при непосредственномъ участіи самого народа“ лишь пятью кантонами (Женева, Базель-городъ, Фрейбургъ, Цугъ и Тессинъ), но и они съ теченіемъ времени (Фрейбургъ послѣ всѣхъ, въ 1892 г.) примкнули къ общей системѣ. Именно шестидесятые годы и были главнымъ періодомъ распространенія новой демократической системы: въ 1860 г. число швейцарскихъ гражданъ, пользовавшихся исключительнымъ представительствомъ, опредѣлялось въ милліонъ и три десятка тысячъ, а къ 1870 г. оно упало до 330 тысячъ, т.-е. сократилось болѣе, чѣмъ на двѣ трети. Введеніе референдума и почина было дѣломъ радикальной партіи, которая желала распространить тотъ и другой и на союзную конституцію, и въ этомъ смыслѣ даже сдѣлана была въ 1865 г. попытка, не имѣвшая, однако, успѣха: дальнѣйшая демократизація союзной конституціи произошла только послѣ 1870 г. [1]).

Въ шестидесятыхъ же годахъ XIX произошло весьма важное измѣненіе и въ англійской конституціи.

Первая парламентская реформа въ Англіи, проведенная вигами въ 1832 г. [2]), какъ извѣстно, далеко не была демократической,

---

[1]) См. объ этомъ ниже, въ главѣ XXI.

[2]) О ней см. т. V, гл. IV.

увеличивъ число избирателей лишь въ полтора раза (съ 435 т. до 656 т.), и народное недовольство ею выразилось въ бурномъ движеніи чартистовъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ [1]). Съ 1847 г. власть въ Англіи [2]) находилась почти постоянно въ рукахъ либеральной партіи, которая, добившись цѣли своихъ стремленій, не помышляла ни о какихъ внутреннихъ преобразованіяхъ и увлекалась преимущественно вопросами внѣшней политики. За періодомъ дѣятельнаго законодательства въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ [3]) слѣдовала эпоха застоя, пятидесятые годы и начало шестидесятыхъ. Это было время внутренняго спокойствія и небывалаго процвѣтанія англійской промышленности и торговли. Революціонное настроеніе рабочихъ, гнавшее ихъ прежде въ чартизмъ, улеглось и уступило мѣсто мирной дѣятельности профессіональныхъ союзовъ [4]), среди которыхъ, однако, распространялась мысль о необходимости ввести представителей рабочаго класса въ нижнюю палату. Трэдъюніоны создавали новую крупную организованную силу, имѣть которую на своей сторонѣ одинаково хотѣли и консерваторы, и либералы. Между тѣмъ, въ пользу демократизаціи парламентскихъ выборовъ началась агитація, главными дѣятелями которой были Брайтъ и Милль. Благодаря первому, уже въ 1859 и 1860 гг., вносились въ нижнюю палату билли о реформѣ, но оба раза безуспѣшно. Около того же времени, въ 1861 г., Милль издалъ свои „Разсужденія о представительномъ правленіи“ [5]), въ которыхъ тоже требовалъ демократизаціи выборовъ. Въ 1866 г. членъ вигскаго министерства Росселя Гладстонъ, когда-то очень консервативный приверженецъ торизма, все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени проникавшійся либеральными и демократическими идеями, внесъ въ парламентъ проектъ избирательной реформы въ смыслѣ пониженія избирательнаго ценза вообще, преимущественно же для городского населенія, настаивая на томъ, что рабочіе въ достаточной мѣрѣ доказали свою политическую зрѣлость и что потому лишать ихъ участія въ политической жизни страны нѣтъ никакихъ основаній. Часть виговъ, однако, во время обсужденія этого вопроса, перешла въ противоположный лагерь изъ боязни, что демократизація выборовъ повлечетъ за собою революцію, и министерство вышло въ отставку. Хотя агитація въ странѣ въ пользу реформы и не приняла такого бурнаго характера, какъ передъ реформой 1832 г., тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе стало громко высказываться за ре-

[1]) Объ этомъ тамъ же, гл. XI.
[2]) Для послѣдующаго см. главу XXIX пятаго тома.
[3]) См. т. V, гл. X.
[4]) О нихъ см. въ главѣ XXXI пятаго тома и ниже, въ гл. II.
[5]) Есть русскій переводъ; изложеніе см. въ V т., стр. 772 и слѣд.

форму. Болѣе всего волновались рабочіе союзы, вожди которыхъ стали созывать митинги и даже основали особый „Народный союзъ въ защиту избирательной реформы“. Консервативное министерство Дэрби-Дизраэли не рѣшилось противодѣйствовать этому общественному движенію, тѣмъ болѣе, что Дизраэли раздѣлялъ точку зрѣнія Гладстона, указывавшаго на то, что престижу парламента повредило бы, если бы этотъ вопросъ не былъ разрѣшенъ по иниціативѣ самого парламента. Англійскіе консерваторы притомъ неразъ брались за проведеніе либеральныхъ реформъ, чтобы при этомъ проведеніи по возможности ихъ для себя обезвредить.

Расколъ въ либеральной партіи въ 1867 г. произошелъ вслѣдствіе того, что часть министерской партіи соединилась съ консерваторами съ цѣлью проведенія поправки къ биллю, въ силу которой наниматели квартиръ не получили бы избирательныхъ правъ, что было равносильно устраненію рабочихъ отъ права участвовать въ выборахъ. „Адуламиты“, какъ прозвали отщепенцевъ, стояли, впрочемъ, вообще за необходимость реформы и готовы были покинуть своихъ новыхъ союзниковъ, если бы тѣ совсѣмъ отказались отъ реформы. Въ мартѣ 1867 г. Дизраэли внесъ въ парламентъ свой билль, но при этомъ три члена кабинета вышли изъ его состава. Палата сдѣлала въ проектѣ разныя измѣненія, но въ концѣ концовъ билль былъ утвержденъ.

Прежде чѣмъ говорить о самой реформѣ 1867 г., нужно вспомнить, что вскорѣ послѣ перваго преобразованія выборовъ, именно въ 1835 г. въ Англіи была произведена реформа городского управленія на основѣ представительства всѣхъ постоянныхъ жителей, платившихъ мѣстные налоги; это вносило въ жизнь городовъ демократическое начало (особенно послѣ того, какъ цензъ осѣдлости былъ пониженъ съ трехъ лѣтъ до одного года и стало предполагаться, что домовладѣлецъ въ уплачиваемыхъ имъ налогахъ вноситъ и налоговыя доли своихъ квартирантовъ). Но въ то самое время, какъ городское управленіе демократизировалось, земское продолжало оставаться въ рукахъ средняго класса: управленіе въ графствахъ (шэйрахъ) — до 1885 г., въ приходахъ, составляющихъ мелкую земскую единицу,—до 1894 г. [1]). Парламентская реформа 1867 г. тоже болѣе благопріятствовала только городамъ. Какъ и реформа 1832 г., она стояла на той точкѣ зрѣнія, что самое участіе въ выборахъ есть не право, а особая привилегія (franchise), зависящая отъ извѣстныхъ условій. И вообще это было какъ бы второе, исправленное и дополненное изданіе реформы 1832 г. Снова было, во-первыхъ, произведено перерас-

[1]) См. ниже, въ главѣ XVII.

предѣленіе депутатскихъ мѣстъ: одиннадцать бурговъ лишено было права посылать отдѣльныхъ представителей, а у тридцати пяти оставили по одному, вмѣсто прежнихъ двухъ, но зато было увеличено число депутатовъ отъ другихъ мѣстностей. Съ другой стороны, былъ пониженъ избирательный цензъ: въ графствахъ подъ него подводились лица, владѣвшія домами или нанимавшія домá съ доходомъ 12 ф. ст., а въ городахъ всѣ квартиронаниматели, платившіе 10 ф. ст. въ годъ,—условіе, которому удовлетворяли почти всѣ ремесленники, а также рабочіе, жившіе въ собственныхъ квартирахъ. Благодаря этому закону, въ графствахъ число избирателей увеличилось въ полтора раза, въ городахъ и мѣстечкахъ—въ шесть разъ, въ Шотландіи даже въ восемь разъ, общее же число избирателей дошло до двухъ съ половиною милліоновъ. Съ 1867 г. Англія рѣшительно выступила на путь демократизаціи своихъ учрежденій [1]).

Въ той же второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда на протяженіи немногихъ лѣтъ (1866—1869) почти одновременно происходили важныя конституціонныя измѣненія въ Швеціи и Даніи, въ Германіи, въ Австріи и въ Англіи, наконецъ, въ наиболѣе значительныхъ кантонахъ Швейцаріи, въ Испаніи совершился цѣлый политическій переворотъ. Въ теченіе XIX в. Испанія нѣсколько разъ мѣняла свои конституціи и въ большинствѣ случаевъ путемъ насильственныхъ переворотовъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Испаніи дѣйствовала конституція 1845 г. [2]) и царствовала королева Изабелла. Въ сущности, съ перваго же момента конституція существовала только номинально, на самомъ же дѣлѣ во внутренней политикѣ господствовали пріемы самаго беззастѣнчиваго абсолютизма, сначала въ рукахъ министерства, потомъ въ рукахъ камарильи. Въ 1848 г. въ Испаніи были подавлены республиканскія возстанія, потомъ два военныхъ бунта, но третій бунтъ удался, тѣмъ болѣе, что къ нему присоединилась столица. Два года (1854—6) власть даже находилась въ рукахъ вождей революціи, О'Доннеля и Эспартеро, и дѣло шло о выработкѣ новой конституціи, но потомъ опять все перемѣнилось, и къ шестидесятымъ годамъ произошло возвращеніе къ правленію камарильи въ духѣ традицій абсолютизма и въ крайне клерикальномъ направленіи. Это обострило характеръ либеральной оппозиціи, усиливъ въ ней демократическія, революціонныя и республиканскія стремленія. Опять начались волненія и бунты, въ которыхъ участвовали и военныя части. Правительство на это отвѣчало репрессіями—драконовскими мѣрами

[1]) Далѣе исторія Англіи излагается въ главѣ IX. Тамъ же указанія на литературу.

[2]) О предшествующей исторіи Испаніи отъ 1823 до 1845 г. см. въ V томѣ, стр. 147—155.

противъ печати, арестами, ссылками, казнями, и многіе прогрессисты бѣжали во Францію. Въ концѣ концовъ строгія мѣры не только не помогли, но прямо привели къ взрыву революціи во второй половинѣ сентября 1868 г., и на этотъ разъ спасаться бѣгствомъ во Францію пришлось уже самой королевѣ Изабеллѣ. Временное правительство въ числѣ десяти человѣкъ, стоявшихъ во главѣ трехъ различныхъ партій, не имѣло, однако, общаго рѣшенія вопроса о томъ, какой же образъ правленія долженъ установиться съ Испаніи, и дѣло было оставлено на усмотрѣніе учредительныхъ кортесовъ, избранныхъ всеобщею подачею голосовъ.

Въ кортесахъ возобладала партія, желавшая конституціонной монархіи съ либерально-демократическимъ законодательствомъ, и въ составленную ими конституцію 1869 г. въ первый разъ была включена въ Испаніи свобода вѣроисповѣданій, что вызвало въ странѣ страшную клерикальную оппозицію, дошедшую до открытаго возстанія. Съ другой стороны, конституціей были недовольны и крайніе демократы, поставившіе своею цѣлью добиться установленія въ Испаніи федеративной республики. Въ самой конституціонной партіи былъ тоже разладъ изъ-за вопроса, кого сдѣлать королемъ, и около года испанцы не могли найти себѣ государя, такъ какъ принцы (сынъ португальскаго короля, одинъ изъ сыновей короля итальянскаго и принцъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій) отклонили отъ себя предлагавшуюся имъ корону. Послѣдняя изъ названныхъ кандидатуръ, какъ извѣстно, играла даже роль въ возбужденіи франко-германской войны 1870—71 [1]). Послѣ долгихъ переговоровъ согласился на избраніе другой сынъ Виктора-Эммануила Амедей, носившій титулъ герцога Аостскаго. Въ самомъ концѣ 1870 г. онъ пріѣхалъ въ Испанію и началъ управлять страною съ двупалатными кортесами: конгрессомъ, избраннымъ на три года всеобщею подачею голосовъ, и сенатомъ, члены котораго по конституціи 1869 г. избирались спеціальными выборщиками. Такимъ образомъ, и въ Испаніи въ концѣ шестидесятыхъ годовъ открывалась эра политической свободы [2]).

Наконецъ, въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ сдѣланъ былъ и во Франціи опытъ установленія либеральной имперіи [3]). Нѣкоторое

---

[1]) См. ниже, въ главѣ III.

[2]) Дальнѣйшая исторія Испаніи ниже, въ главѣ XXI.

[3]) Подробности см. т. V, стр. 667 и слѣд. Для исторіи „либеральной имперіи“ см. „этюды, разсказы и воспоминанія“ бывшаго наполеоновскаго министра *E. Ollivier* въ цѣломъ рядѣ томовъ, подъ заглавіемъ „L'empire libéral“, изъ которыхъ т. XIII вышелъ въ 1908 г.; въ немъ изложеніе доведено до плебисцита 1870 г. Объ этомъ изданіи см. статью *E. Тарле* „Неудавшійся компромиссъ“ („Современный Міръ“ за 1908 годъ; по поводу XII тома).

ослабленіе правительственной реакціи началось еще въ 1860 г., и въ данномъ случаѣ не безъ вліянія оказалась война 1859 г., которая имѣла такое важное значеніе и для Италіи, и для Австріи, и даже для Германіи. Дѣло въ томъ, что помощь, оказанная Наполеономъ III итальянскому объединенію въ ущербъ папѣ, лишившемуся части своихъ владѣній, оттолкнула отъ императора духовенство, въ союзѣ съ которымъ онъ былъ все время съ самаго начала своего правленія, и вотъ для созданія противовѣса клерикальной оппозиціи Наполеонъ III началъ искать сближенія съ либералами, что и привело его къ необходимости сдѣлать кое-какія уступки народнымъ правамъ. Подъ вліяніемъ этихъ уступокъ образовалась даже особая либеральная партія, которая готова была держать себя совершенно лойяльно по отношенію къ императору, но въ то же время позволяла себѣ критиковать его министровъ. Исходъ австро-прусской войны, бывшій совсѣмъ не такимъ, какого желалъ Наполеонъ III [1]), и неудача мексиканской авантюры [2]) поколебали положеніе имперіи и заставили Наполеона III сблизиться съ либералами. Въ началѣ 1867 г. онъ издалъ декретъ, расширявшій компетенцію законодательнаго корпуса и сената предоставленіемъ имъ права запроса по разнымъ предметамъ внѣшней и внутренней политики и обсужденія правительственныхъ объясненій по запросамъ. Въ виду неблагопріятнаго для правительства исхода выборовъ 1869 г. Наполеонъ пошелъ еще дальше и сенатусъ-консультомъ 8 сент. приблизилъ законодательный корпусъ и сенатъ къ англійскимъ нижней и верхней палатамъ, давъ первому право законодательной иниціативы, мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, утвержденія бюджета и т. п. и превративъ сенатъ тоже въ „палату“, которая получила право предавать министровъ суду. Въ самомъ началѣ 1870 г. бывшему республиканскому депутату Оливье было даже поручено образовать однородный кабинетъ, представлявшій собою большинство законодательнаго корпуса. Новый министръ вскорѣ внесъ въ сенатъ предложеніе о пересмотрѣ конституціи, которое было принято сенатомъ 20 апрѣля. Новая конституція сравнивала сенатъ въ законодательномъ отношеніи съ законодательнымъ корпусомъ и передавала право утвержденія конституціонныхъ учрежденій народному голосованію, или плебисциту. Немедленно же былъ устроенъ плебисцитъ по вопросу, желаетъ ли французскій народъ принять

Отмѣтимъ еще спеціальную работу *H. Berton'a* „L'évolution constitutionnelle du second empire“ (1900). Ср. новѣйшіе труды по исторіи второй имперіи: *A. Thomas.* Le second empire (1907).—*A. Regnault.* La France sous le second empire (1907).

[1]) См. ниже, въ главѣ III.

[2]) Т. V, стр. 662.

измѣненія, произведенныя во французской конституціи, и народное голосованіе 8 мая дало болѣе семи милліоновъ утвердительныхъ голосовъ при полутора милліона отрицательныхъ. Но менѣе, чѣмъ черезъ четыре мѣсяца, самой имперіи во Франціи уже не существовало [1]). Она была свергнута народомъ вслѣдствіе неудачъ въ начавшейся въ іюлѣ войнѣ съ Германіей, предводимой Пруссіею, но и внутри имперію въ концѣ шестидесятыхъ годовъ уже подкапывала дѣлавшаяся все болѣе смѣлой и успѣшной республиканская пропаганда [2]). Во всякомъ случаѣ, опытъ превращенія имперіи Наполеона III въ имперію либеральную показываетъ, что реакціонному режиму пятидесятыхъ годовъ и здѣсь, какъ и вездѣ, наступалъ конецъ.

Въ этомъ же седьмомъ десятилѣтіи XIX в., когда происходили всѣ разсмотрѣнныя въ настоящей главѣ конституціонныя измѣненія, возобновилось и прерванное въ пятидесятыхъ годахъ соціальное движеніе, какъ это явствуетъ изъ слѣдующей главы.

Въ 1848 г. исторія сразу хотѣла сдѣлать два шага впередъ, но въ пятидесятыхъ годахъ должна была отступить чуть не на три шага. Въ шестидесятыхъ годахъ исторія снова подвинулась впередъ, и началось осуществленіе кое-чего изъ плановъ сорокъ восьмого года. Исполненіе, однако, осталось далеко позади замысла, и то, что по сравненію съ реакціей пятидесятыхъ годовъ было, конечно, прогрессомъ, должно было все-таки казаться отклоненіемъ въ сторону отъ настоящаго пути при сопоставленіи съ тѣми цѣлями, которыя историческому движенію ставилъ смѣлый и бурный сорокъ восьмой годъ.

II. Основаніе Интернаціонала и начало анархизма [3]).

Развитіе соціализма въ первой половинѣ XIX в. и его крушеніе послѣ подавленія революціи 1848 г. — Возобновленіе соціальнаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ.—Международныя революціонныя партіи первой половины XIX в.— Коммунистическій манифестъ 1848 г. — Происхожденіе Международнаго общества рабочихъ.—Его уставъ.—Дѣятельность съѣздовъ Интернаціонала въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.—Начало репрессій противъ Интернаціонала и внутреннихъ несогласій въ немъ самомъ.—Основныя идеи анархизма и его прошлое.—Образованіе партіи анархистовъ.—Сравнительно позднее появленіе соціализма и анархизма въ нѣкоторыхъ странахъ.

Въ исторіи XIX в. мы различаемъ троякаго рода движенія, а именно: политическія (конституціонныя въ широкомъ смыслѣ слова),

---

[1]) Дальнѣйшая исторія Франціи излагается въ главѣ III.

[2]) Объ этомъ ниже, въ главѣ V.

[3]) Эта глава непосредственно примыкаетъ къ главѣ XXXI пятаго тома „Исторіи Западной Европы“, гдѣ разсматривается соціальное движеніе въ

національныя и соціальныя. Въ предыдущей главѣ было разсмотрѣно, въ какомъ положеніи находился конституціонный вопросъ въ отдѣльныхъ странахъ Западной Европы въ шестидесятыхъ годахъ, когда прошелъ острый періодъ реакціи, вызванной революціей сорокъ восьмого года. Въ этихъ же шестидесятыхъ годахъ началось, чтобы закончиться въ 1870 и 1871 гг., національное объединеніе Италіи и Германіи и положено было первое начало эманципаціи различныхъ національностей въ Австріи изъ-подъ гнета всенивеллирующей германизаціи. Важное значеніе принадлежитъ шестидесятымъ годамъ и въ исторіи соціальнаго движенія. Этому предмету и посвящена настоящая глава.

Въ 1848 г. направленіе, которое лишь около середины тридцатыхъ годовъ получило утвердившееся за нимъ названіе соціализма [1]), могло бы считаться едва достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста. Къ тѣмъ взглядамъ, которые сдѣлали изъ Сенъ-Симона одного изъ родоначальниковъ соціализма, онъ пришелъ лишь къ концу своей жизни, и его „Новое христіанство“ увидѣло свѣтъ лишь въ годъ его смерти (1825) за двадцать три года до февральской революціи. „Доктрина“ его послѣдователей была выработана лишь къ 1828 г., когда она и стала пропагандироваться Базаромъ въ его курсѣ лекцій, читавшемся въ одномъ изъ домовъ улицы Тараннъ. Еще позднѣе, уже послѣ іюльской революціи, сенъ-симонисты приступили къ практическому осуществленію своего ученія, устроивъ свое извѣстное менильмонтанское общежитіе. „Трактатъ о домашней и земледѣльческой ассоціаціи“ Фурье лишь тремя годами старше „Новаго христіанства“ Сенъ-Симона, а его „Новый промышленный и общественный міръ“ — ровесникъ „Сенъ-симоновской доктрины“ Базара. Вербовать послѣдователей и дѣлать практическіе опыты примѣненія своихъ принциповъ и фурьеризмъ сталъ лишь въ тридцатыхъ годахъ. Нѣсколько старше сенъ-симонизма и фурьеризма ученіе Оуэна, по крайней мѣрѣ, въ первой его фазѣ, но оно не играло такой роли въ дальнѣйшемъ развитіи соціализма, какъ двѣ названныя французъ-

---

пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка. Общія сочиненія по исторіи соціальнаго движенія и соціализма отчасти указаны въ V т., отчасти будутъ указаны ниже, въ главахъ VIII и XXIII. Здѣсь указываемъ только на литературу по Интернаціоналу, а ниже во второй половинѣ настоящей главы и по анархизму. *O. Testut.* L'internationale (1871; изд. 3). — *V. Fribourg.* L'Association internationale des travailleurs (1871). — *Guillaume.* L'Internationale. — *Paul Brousse.* Le marxisme et l'Internationale. — *T. Martello.* Storia del'Internazionale. — *Луначарскій.* Очеркъ развитія Интернаціонала (1905; брошюра). — *А. Ященко.* Соціализмъ и интернаціонализмъ (1907). — *Іеккъ.* Интернаціоналъ, со вступ. ст. Каутскаго (1906).

[1]) Т. V, стр. 281—282.

скія системы. Да и Оуэнъ началъ пропагандировать свою идею „кооперативныхъ общинъ“ путемъ печати и митинговъ и вербовать приверженцевъ среди рабочаго класса лишь около 1820 г., вскорѣ затѣмъ уѣхавъ въ Америку, и лишь по возвращеніи оттуда въ 1827 г. вполнѣ сложилось его соціальное міросозерцаніе, рѣзко враждебное существующему строю.

За это сравнительно короткое время—съ середины двадцатыхъ до конца сороковыхъ годовъ—въ новомъ направленіи, соціализмѣ, совершились важныя перемѣны.

Во-первыхъ, въ началѣ своей эволюціи соціализмъ не выходилъ за предѣлы интеллигентскихъ круговъ, въ которыхъ зародился и вербовалъ первыхъ своихъ адептовъ, тогда какъ въ тридцатыхъ и особенно въ сороковыхъ годахъ онъ сталъ распространяться среди рабочихъ. Въ 1842 г. наблюдательный нѣмецъ, Лоренцъ Штейнъ, въ своей книгѣ „Соціализмъ и коммунизмъ теперешней Франціи“ уже объяснялъ самое возникновеніе соціализма, въ связи съ развитіемъ новаго общественнаго класса, пролетаріата. Достаточно, далѣе, вспомнить ту популярность, какою въ сороковыхъ годахъ во французскомъ рабочемъ классѣ пользовался коммунистическій „икаризмъ“ Кабе и луи-блановское „право на трудъ“ (послѣднее среди рабочихъ не одной Франціи).

Во-вторыхъ, первоначальный соціализмъ, соціализмъ двадцатыхъ годовъ, былъ совершенно аполитиченъ, и его послѣдователи, вѣря исключительно въ силу идейной пропаганды и примѣровъ на практикѣ, держали себя далеко отъ всякихъ политическихъ партій и политическихъ программъ. Еще и впослѣдствіи нерѣдко политическій радикализмъ и соціализмъ представляли собою два совершенно различныя, параллельныя, но не сливавшіяся воедино теченія, но уже въ тридцатыхъ годахъ стало складываться направленіе, ставившее себѣ одновременно и политическія, и соціальныя задачи, т.-е. стремившееся осуществить конечныя цѣли соціализма политическими средствами, демократизаціей государства и соціализаціей его дѣятельности. Тотъ же наблюдательный нѣмецкій ученый, который только-что былъ названъ, предсказывалъ, что слѣдующая революція не можетъ уже быть только политической, что она неминуемо должна быть соціальной.

Въ-третьихъ, ранній соціализмъ заслужилъ у позднѣйшихъ соціалистовъ названіе утопическаго. Въ немъ, дѣйствительно, было много фантастическаго, много, и даже слишкомъ много, вѣры и мало, слишкомъ мало знанія. Ранніе соціалисты совершенно не хотѣли знать современныхъ имъ экономическихъ ученій, въ которыхъ, какъ-никакъ, было много научныхъ элементовъ, отвергали всю политическую экономію, прямо и принципіально ее отрицали, какъ нѣчто ложное и

вредное. Серьезные соціалисты сороковыхъ годовъ уже изучали политическую экономію, критиковали ее, но въ то же время пользовались ея понятіями, ея выводами, ея методомъ для своихъ теоретическихъ построеній. Они начали систематически изучать экономическую дѣйствительность (книга Энгельса объ англійскихъ рабочихъ) и вносить въ свои соображенія извѣстнаго рода историзмъ, освѣщая съ новой точки зрѣнія и болѣе близкое, и отдаленное прошлое. Другими словами, соціализмъ сталъ развиваться изъ утопіи въ науку, пользуясь помощью политической экономіи и исторіи, а также философіи.

Въ-четвертыхъ, хотя утописты и вѣрили въ универсальность своихъ принциповъ, соціализмъ на первыхъ порахъ былъ чисто мѣстнымъ явленіемъ французской и англійской жизни, но съ теченіемъ времени онъ сталъ распространяться среди другихъ національностей, и въ немъ происходилъ своего рода интернаціональный синтезъ, давшій къ концу сороковыхъ годовъ ученіе Маркса-Энгельса, на образованіе котораго пошли, какъ основные элементы, германская философія, англійская экономика и французскій соціализмъ. Правда, соціальная революція сорокъ восьмого года вдохновлялась не марксовскимъ призывомъ къ соединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ, а луи-блановскимъ „правомъ на трудъ“, но упомянутый синтезъ заключалъ въ себѣ зерно будущей эволюціи [1]).

„Коммунистическій манифестъ“ Маркса и Энгельса, бывшій послѣднимъ словомъ соціализма сороковыхъ годовъ, вышелъ въ свѣтъ почти одновременно со взрывомъ февральской революціи, немного только ея раньше. Соціализмъ въ это время былъ уже весьма популяренъ въ рабочихъ массахъ и имѣлъ чисто политическій характеръ, но какъ-разъ соціальныя требованія пролетаріата напугали имущіе классы общества, чѣмъ немало содѣйствовали развитію въ нихъ реакціоннаго настроенія. Іюньскіе дни 1848 г. въ Парижѣ были первымъ пораженіемъ соціализма, пролетаріата, революціи, — пораженіемъ, за которымъ послѣдовали другія пораженія, пока не восторжествовала окончательно реакція пятидесятыхъ годовъ, когда можно было думать, что соціализмъ умеръ и болѣе не воскреснетъ [2]). Это, наприм., утверждалъ Рейбо, который одинъ изъ первыхъ заинтересовался „современными реформаторами или новѣйшими соціалистами“ и

---

[1]) Фактическія основанія и болѣе подробное изложеніе только что приведенныхъ четырехъ пунктовъ см. въ главѣ XXVII четвертаго тома и въ главахъ IX, XIII и XVI пятаго тома. Ср. также мою статью „Соціализмъ“ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона.

[2]) См. указанную въ началѣ этой главы XXXI главу пятаго тома, особенно стр. 799—805.

еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ издавъ о нихъ книгу, познакомившую съ ними большую публику, но не дававшую такого вѣрнаго пониманія, какое дала потомъ книга Лоренца Штейна. На очень долгое время о соціализмѣ почти совсѣмъ перестали говорить, его начали прямо забывать, и потому возрожденіе его въ шестидесятыхъ годахъ должно было многимъ показаться совершенною новостью.

Во Франціи соціальное движеніе было совершенно задавлено режимомъ Наполеона III. Старые вожди пролетаріата жили большею частью въ изгнаніи, новыхъ не являлось, и въ экономической литературѣ почти безраздѣльно господствовала либеральная школа съ Бастіа во главѣ. Единственнымъ виднымъ писателемъ, нападавшимъ на ея воззрѣнія, былъ Прудонъ, который въ 1848 г. не игралъ еще почти никакой роли въ рабочемъ движеніи. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ даже скомпрометировалъ себя въ общественномъ мнѣніи передовыхъ круговъ своими брошюрами, посвященными Наполеону III, а позднѣе—своимъ неблагопріятнымъ отношеніемъ къ итальянцамъ и полякамъ, боровшимся тогда за свободу. Въ 1862 г. на вопросъ рабочихъ, какъ имъ себя держать на выборахъ, онъ отвѣтилъ совѣтомъ совсѣмъ не участвовать въ выборахъ, а рабочій манифестъ, написанный въ противоположномъ смыслѣ, вызвалъ съ его стороны книгу „De la capacité politique des classes ouvrières“, вышедшую въ свѣтъ въ 1865 г. Въ этомъ произведеніи Прудонъ полнѣе всего изложилъ свою теорію мутуализма [1]), которая пріобрѣла большую популярность среди французскаго пролетаріата второй половины шестидесятыхъ годовъ. Къ этому времени Наполеонъ III уже нѣсколько ослабилъ суровость своего режима, наприм., въ 1864 г. согласившись дать рабочимъ право стачекъ. Въ томъ же 1864 г. рабочіе выставили своего кандидата на выборахъ въ законодательный корпусъ. Такимъ образомъ, въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, послѣ пятнадцатилѣтняго перерыва, во Франціи снова началось рабочее движеніе, и, какъ мы увидимъ, всѣ французскіе мутуалисты сдѣлались ревностными членами возникшаго тогда же Международнаго общества рабочихъ.

Въ Германіи послѣ реакціи пятидесятыхъ годовъ рабочее движеніе началось ранѣе и ранѣе же оформилось, нежели во Франціи. Образованіе здѣсь особой рабочей партіи съ парламентарно-политическимъ характеромъ связано съ именемъ Лассаля [2]), блестящая дѣятельность котораго въ роли публициста и политическаго агитатора относится къ самому началу шестидесятыхъ годовъ. Въ 1861 г. онъ издалъ свою знаменитую „Систему пріобрѣтенныхъ правъ“, въ которой хотѣлъ дать, по собственному его выраженію, „прочную твер-

[1]) Т. V, стр. 816—817.
[2]) Т. V, стр. 823—837.

дыню научной системы права для революціи и соціализма", въ 1862 г.— брошюры „О сущности конституціи" [1]) и „Программа рабочихъ" и т. д., а въ 1863 г. Лассаль уже стоялъ во главѣ значительнаго рабочаго союза, начало которому было положено съѣздомъ въ Лейпцигѣ делегатовъ отъ рабочихъ десяти наиболѣе крупныхъ промышленныхъ центровъ. Въ зиму съ 1863 на 1864 г. Лассаль даже убѣждалъ самого Бисмарка о необходимости введенія въ Пруссіи всеобщаго избирательнаго права. Въ 1865 г., послѣ смерти Лассаля, основанъ былъ и органъ новой партіи „Соціалъ-демократъ", издававшійся въ Берлинѣ Швейцеромъ. Параллельно съ прусской рабочей организаціей Лассаля возникла другая, саксонская, обязанная своимъ происхожденіемъ журналисту Либкнехту, горячему сторонніку идей Маркса, дальнѣйшимъ же своимъ развитіемъ Бебелю, стоявшему во главѣ одной лейпцигской рабочей организаціи. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ сторонники Либкнехта и Бебеля примкнули къ Международному обществу рабочихъ (на съѣздѣ въ Нюрнбергѣ въ 1868 г.) и выработали программу особой партіи рабочихъ соціалистовъ-демократовъ (на съѣздѣ въ Эйзенахѣ, въ 1869 г.). Обѣ рабочія партіи вели дѣятельную пропаганду своихъ принциповъ, полемизируя между собою, пока позднѣе, уже послѣ войны 1870—1 г., не слились въ одну общую рабочую партію [2]).

Въ другихъ континентальныхъ странахъ европейскаго Запада соціализмъ не сдѣлалъ въ эту эпоху никакихъ успѣховъ. Итальянцы въ эпоху объединенія своего общаго отечества стояли въ сторонѣ отъ соціальнаго движенія, и то же самое нужно сказать о швейцарцахъ, несмотря на то, что Швейцарія послѣ подавленія революціи сорокъ восьмого года была наполнена эмигрантами разныхъ національностей, среди которыхъ было много соціалистовъ, и что здѣсь же послѣ основанія Международнаго общества рабочихъ происходили его конгрессы.

Рабочее движеніе Англіи въ шестидесятыхъ годахъ характеризуется главнымъ образомъ развитіемъ и объединеніемъ профессіональныхъ союзовъ, стремившихся къ замѣнѣ классовой борьбы соціальнымъ миромъ [3]). Въ 1861 г. здѣсь образовался постоянный „совѣтъ союзовъ Лондона", что скоро нашло подражаніе и въ другихъ городахъ, а въ 1868 г. въ Манчестерѣ былъ собранъ и общій съѣздъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ, за которымъ послѣдовали съѣзды въ Бирмингэмѣ (1869) и въ Лондонѣ (1871); на послѣднемъ былъ учрежденъ

---

[1]) Ср. выше, стр. 20.

[2]) Объ этихъ разногласіяхъ см. ниже, въ главѣ VIII.

[3]) Т. V, стр. 806—810.

особый комитетъ съ задачею добиваться отъ парламента благопріятнаго для рабочихъ законодательства. Мы уже видѣли, что это союзное движеніе оказало свое вліяніе на проведеніе второй парламентской реформы [1]), но, кромѣ того, оно сыграло немалую роль и въ исторіи образованія Международнаго общества рабочихъ. Именно, среди руководителей англійскихъ трэдъ-юніоновъ возникла мысль о необходимости установленія международной солидарности рабочаго класса. Въ данномъ случаѣ у нихъ были соображенія чисто практическаго свойства. Случалось, наприм., что англійскіе предприниматели выписывали иностранныхъ рабочихъ, когда не могли поладить со своими, и это наносило послѣднимъ большой вредъ. Ничего политическаго не было въ этой первоначальной мысли о международномъ общеніи рабочихъ, такъ какъ англійскіе рабочіе союзы вообще стояли далеко отъ вопросовъ широкой политики. Первые разговоры о практическомъ осуществленіи этой мысли относятся къ 1862 г., когда на лондонскую всемірную выставку пріѣхало немало французскихъ, бельгійскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ. Въ слѣдующемъ году болѣе опредѣленно стали говорить о необходимости международной организаціи рабочаго движенія на одномъ демократическомъ собраніи въ Лондонѣ, созванномъ по поводу польскаго возстанія, что вносило въ первоначальный планъ уже нѣкоторый элементъ политики. Особенно политическій характеръ должна была принять новая организація, когда въ 1864 г. для выработки ея устава образовался комитетъ, въ составъ котораго вошли разные политическіе изгнанники, въ ихъ числѣ такіе люди, какъ Мадзини и Марксъ.

Съ первымъ изъ этихъ именъ тѣсно связана исторія международной организаціи, въ тридцатыхъ годахъ, революціонныхъ партій разныхъ странъ, со вторымъ—перенесеніе принципа международной солидарности изъ политической сферы въ сферу соціальную.

Общеніе между революціонными партіями разныхъ странъ началось еще до тридцатыхъ годовъ—въ виду общности стремленій и нерѣдко общности судебъ, но оформлено было это общеніе лишь благодаря дѣятельности Мадзини [2]). Этотъ политическій дѣятель въ 1832 г. основалъ тайное общество „Молодой Италіи“, по образцу которой возникли потомъ аналогичныя организаціи „Молодой Польши“, „Молодой Германіи“, „Молодой Швейцаріи“, „Молодой Франціи“ и „Молодой Испаніи“, которыя по мысли Мадзини же объединились въ „Молодую Европу“. Послѣ неудачъ, какимъ подверглись революціонныя движенія начала тридцатыхъ годовъ, въ Швейцарію эмигрировала

---

[1]) См. выше, стр. 32—33.

[2]) Т. V, стр. 201—202 и 428—429.

масса поляковъ, итальянцевъ, нѣмцевъ и французовъ, которые естественно сближались между собою и тѣмъ подготовляли международную солидарность демократіи. Послѣ сорокъ восьмого года произошло то же самое, и въ шестидесятыхъ годахъ однимъ изъ центровъ революціонной эмиграціи сдѣлался Лондонъ.

Уже въ тридцатыхъ годахъ среди эмигрантовъ-демократовъ были и соціалисты, что и соціалистическому движенію тоже давало международную окраску. Наибольшій космополитизмъ въ эту эпоху обнаружили представители нѣмецкой эмиграціи, въ которой было немало еврейскихъ элементовъ. Въ 1836 г. среди нѣмецкихъ эмигрантовъ въ Парижѣ возникло тайное общество, называвшееся сначала „Союзомъ праведниковъ“ (или „справедливыхъ“), потомъ переименовавшееся въ „Союзъ коммунистовъ“, въ связи съ которымъ въ сороковыхъ годахъ стояли многіе радикальные кружки въ Германіи и нѣмецкія демократическія организаціи въ Швейцаріи, въ Англіи и въ Бельгіи. Въ это время (съ 1840 г.) главные дѣятели Союза должны были переселиться изъ Парижа въ Лондонъ. Самое это переселеніе было результатомъ неудачной республиканской попытки, сдѣланной въ 1839 г. французскимъ тайнымъ „Обществомъ временъ года“ [1]), съ которымъ названный нѣмецкій союзъ находился въ сношеніяхъ. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ въ союзъ коммунистовъ вступили Марксъ и Энгельсъ [2]), видные уже въ то время публицисты, имѣвшіе большія связи и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи. Въ началѣ сороковыхъ годовъ оба они одно время сотрудничали въ издававшихся нѣмцемъ Руге въ Парижѣ „Нѣмецко-французскихъ Лѣтописяхъ“ [3]); около этого же времени они изучали французскій соціализмъ. Вскорѣ, однако, они должны были переселиться въ Брюссель, гдѣ и занялись выработкою собственной системы. До сближенія своего съ Марксомъ Энгельсъ успѣлъ побывать и даже довольно долго прожить въ Англіи, гдѣ онъ основательно изучилъ фабричное дѣло, бытъ рабочихъ и новыя соціальныя идеи и завелъ личныя сношенія среди и послѣдователей Оуэна, и чартистовъ, и нѣмецкихъ „праведниковъ“ въ то самое время, какъ Марксъ, живя тогда въ Парижѣ, довольно близко сошелся съ Прудономъ. Переселившись въ Брюссель, оба они основали въ этомъ городѣ кружокъ нѣмецкихъ рабочихъ и были видными участниками мѣстнаго „Международнаго демократическаго общества“, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ прежнія свои связи съ англійскими чартистами и французскими соціалистами, а также и съ „Союзомъ праведниковъ“, отдѣленіе котораго образо-

---

[1]) Т. V, стр. 318.

[2]) О нихъ (особенно о первомъ) см. въ т. V, стр. 361—370 и 387—392.

[3]) Т. V, стр. 359—360.

вали и въ Брюсселѣ. Лѣтомъ и зимою 1847 г. въ Лондонѣ собиралось два съѣзда этого союза, и къ нему за поддержкою даже обращался Кабе, въ то время готовившійся къ осуществленію въ Америкѣ коммунистическаго общежитія [1]). На второмъ изъ упомянутыхъ съѣздовъ было рѣшено выработать основное ученіе союза и изложить его въ особомъ манифестѣ, редакція котораго была поручена Марксу и Энгельсу.

Результатомъ ихъ совмѣстной работы и былъ знаменитый „Коммунистическій манифестъ“ [2]), вышедшій въ свѣтъ въ началѣ 1848 г. на нѣмецкомъ языкѣ и вскорѣ затѣмъ переведенный на языки англійскій, французскій, датскій и польскій. Въ немъ Марксъ и Энгельсъ изложили свое соціалистическое міросозерцаніе. Уже раньше они, и въ особенности первый изъ нихъ, указывали на то, что единственнымъ общественнымъ классомъ, призваннымъ осуществить эманципацію всего общества, является пролетаріатъ, и что онъ же—единственный общественный классъ, который во всѣхъ странахъ имѣетъ одинъ и тотъ же интересъ, тогда какъ интересы буржуазіи разныхъ странъ между собою расходятся и совсѣмъ не располагаютъ ее къ братанью народовъ. Эта общая мысль проводится и въ Манифестѣ, который оканчивался призывомъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ „Коммунистическій манифестъ“ не успѣлъ оказать вліянія на сознаніе рабочихъ въ революціи 1848 г., но популярность въ 1848 г. луи-блановскаго „права на трудъ“ и внѣ предѣловъ Франціи указывала уже на возможность общихъ лозунговъ соціальной борьбы въ разныхъ странахъ.

Разгромъ соціалистическихъ кружковъ во всѣхъ государствахъ континента, даже въ Швейцаріи, гдѣ въ 1850 г. былъ арестованъ цѣлый съѣздъ нѣмецкихъ эмигрантовъ [3]), дѣлалъ совершенно невозможною и какую бы то ни было международную организацію. Попытка возобновленія въ Лондонѣ „Союза коммунистовъ“ тоже не была успѣшна [4]). Отъ него вслѣдствіе разногласій съ Марксомъ нѣкоего Виллиха отдѣлился особый „Международный соціалистическо-демократическій комитетъ“, вступившій въ дальнѣйшія сношенія съ единомышленными тайными кружками во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи, но эту организацію выслѣдила полиція Наполеона III, а когда группа Маркса перенесла центръ своей дѣятельности въ Кёльнъ, то тутъ ее накрыла въ 1851 г. прусская полиція, что привело къ знаменитому процессу коммунистовъ 1852 г. Разногласіе Маркса и Виллиха каса-

[1]) Т. V, стр. 297 и 392.
[2]) Т. V, стр. 393—395.
[3]) Т. V, стр. 801.
[4]) Т. V, стр. 802—803.

лось вопроса о томъ, нужно ли ограничиться одною идейною пропагандою (точка зрѣнія Маркса) или готовить вооруженное возстаніе (точка зрѣнія Виллиха), но послѣ кёльнскаго процесса Марксъ, считая невозможною даже пропаганду, распустилъ свой союзъ. Но въ Марксѣ продолжала жить идея международнаго соціалистическаго союза, и онъ ухватился за вышедшій изъ круга англійскихъ трэдъ-юніоновъ планъ международной организаціи рабочихъ. 28 сентября 1864 г. состоялось въ Лондонѣ собраніе, которое поручило комитету изъ пятидесяти членовъ составить уставъ задуманнаго союза. Въ комитетъ попали, между прочимъ, какъ было уже сказано, и бывшій иниціаторъ „Молодой Европы", Мадзини, и авторъ „Коммунистическаго манифеста", Марксъ. Оба они представили по проекту, но предложенная Мадзини организація была отвергнута [1]), и принятъ былъ уставъ, написанный Марксомъ.

Въ основу составленныхъ Марксомъ „Программы и устава Международнаго общества рабочихъ" [2]) положены слѣдующія соображенія: „освобожденіе рабочихъ должно быть произведено самими рабочими; силы рабочихъ для достиженія свободы должны быть направлены не на созданіе новыхъ привилегій, а на установленіе равныхъ правъ и равныхъ обязанностей для всѣхъ; подчиненіе рабочаго капиталу является источникомъ всякаго политическаго, нравственнаго и матеріальнаго рабства; поэтому экономическое освобожденіе рабочихъ является великою цѣлью, которой должно быть подчинено всякое политическое движеніе; всѣ сдѣланныя до сихъ поръ усилія не дали никакихъ результатовъ за отсутствіемъ солидарности между рабочими разныхъ производствъ въ одной и той же странѣ и за отсутствіемъ братскаго союза между рабочими разныхъ странъ, и рѣшеніе его неизбѣжно зависитъ отъ ихъ общихъ усилій, какъ въ идейной, такъ и въ практической области; движеніе, происходящее между рабочими наиболѣе промышленныхъ европейскихъ странъ, вселяя новыя надежды, въ то же время учитъ тому, какъ избѣжать прежнихъ ошибокъ, и указываетъ на необходимость объединенія всѣхъ еще разрозненныхъ силъ". Принимая въ соображеніе изложенные пункты, учредители Интернаціонала приняли всѣ мѣры, необходимыя для практическаго осуществленія основной идеи, и заявляли въ своемъ первомъ документѣ, что „новый союзъ, какъ и всѣ общества и лица, въ него входящія, въ основу своего отношенія ко всѣмъ людямъ, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности,—полагаютъ правду, справедливость и нравственность" и „будутъ считать своимъ долгомъ

[1]) Отношеніе Мадзини къ соціализму было отрицательное.

[2]) Ниже мы пользуемся переводомъ этого документа въ томѣ I (стр. 84 и слѣд.) „Исторіи соціализма въ Италіи" *А. Анджіолини* (рус. пер. 1907 г.).

требованіе правъ человѣка и гражданина не только для себя, но и для каждаго, исполняющаго свои обязанности". Какъ бы въ поясненіе послѣдняго замѣчанія, въ программѣ провозглашался общій принципъ, въ силу котораго „нѣтъ правъ безъ обязанностей, а также и обязанностей безъ правъ".

Самый уставъ Интернаціонала состоялъ изъ десяти параграфовъ [1]). Первымъ изъ нихъ опредѣлялась цѣль союза—„служить центромъ для сношеній и совмѣстной дѣятельности рабочихъ разныхъ странъ, стремящихся къ взаимопомощи, развитію и полному освобожденію рабочаго класса". Для выполненія своей задачи должны были „собираться общіе конгрессы, которые, сказано было въ данномъ параграфѣ (§ 3), будутъ знакомить Европу съ общими стремленіями рабочихъ, окончательно выработаютъ уставъ международнаго союза, будутъ изыскивать наиболѣе дѣйствительныя мѣры къ развитію его дѣятельности и выбирать членовъ центральнаго комитета союза". Мѣстопребываніемъ послѣдняго назначался Лондонъ, состоять же комитетъ долженъ былъ изъ представителей рабочихъ „разныхъ націй", участвующихъ въ союзѣ (§ 4). Задачею центральнаго комитета ставилось „поддерживать сношенія съ разными рабочими ассоціаціями для того, чтобы рабочіе каждой страны могли всегда быть поставлены въ извѣстность относительно движенія своего класса въ другихъ странахъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось, что „вопросы, представленные какимъ-либо обществомъ, разсмотрѣніе которыхъ представляетъ общій интересъ, будутъ обсуждаться всѣми входящими въ союзъ обществами, чтобы въ томъ случаѣ, когда практическія соображенія или какое-нибудь международное осложненіе потребуетъ вмѣшательства союза, онъ могъ дѣйствовать единодушно" (§ 6). Слѣдующимъ (7) параграфомъ въ цѣляхъ, какъ „удачнаго исхода движенія въ каждой странѣ", такъ и „успѣшности дѣйствій центральнаго комитета", членамъ Интернаціонала вмѣнялось въ обязанность „всѣми силами добиваться въ каждой странѣ объединенія всѣхъ рабочихъ организацій въ одинъ національный союзъ, а также основанія какого-нибудь спеціальнаго органа", съ оговоркою, что „осуществленіе этого пункта обусловливается мѣстными законами, дѣйствующими въ каждой странѣ". Еще одинъ параграфъ (9) обѣщалъ каждому члену Интернаціонала, переѣзжающему въ другую страну, братскую поддержку мѣстныхъ членовъ. „Хотя, гласитъ наконецъ послѣдній параграфъ, — хотя и связанные между собою братскими узами, организаціи однако могутъ всегда существовать на началахъ, особыхъ для каждой изъ нихъ".

Послѣ принятія проекта Маркса состоялась резолюція о созывѣ

---

[1]) Неважные §§ пропускаемъ.

въ 1865 г. въ Брюсселѣ всеобщаго конгресса делегатовъ отъ рабочихъ всей Европы для выработки окончательнаго устава и избранія центральнаго комитета, а пока былъ избранъ временный генеральный совѣтъ, который долженъ былъ засѣдать въ Лондонѣ, признанномъ и вообще средоточіемъ союза. Такъ какъ участвовать въ засѣданіяхъ совѣта было обязательно, то фактически членами его могли быть только англичане и лишь тѣ изъ иностранцевъ, которые жили въ Лондонѣ или его окрестностяхъ. Въ это время въ Англіи происходила агитація, приведшая въ 1867 г. ко второй парламентской реформѣ: она затронула и многочисленные англійскіе трэдъ-юніоны, кромѣ того, бывшіе крайне недовольными отношеніемъ къ нимъ работодателей и судовъ. Для только-что возникшаго Интернаціонала это оказалось весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ многія изъ названныхъ ассоціацій, видя необходимость въ объединеніи всего рабочаго класса, одна за другою стали примыкать къ новой организаціи [1]). Эта, правда, не сразу, а лишь постепенно установившаяся связь между Интернаціоналомъ и англійскимъ трэдъ-юніонизмомъ отразилась и на самомъ Интернаціоналѣ, какъ на его миролюбивомъ характерѣ, такъ и на его союзномъ строѣ, а съ другой стороны, и генеральный совѣтъ новой организаціи принялъ дѣятельное участіе въ агитаціи по поводу избирательной реформы. Къ Интернаціоналу начали равнымъ образомъ присоединяться и существовавшія въ Лондонѣ ассоціаціи изъ иностранцевъ. Первою изъ нихъ было товарищество итальянскихъ рабочихъ, насчитывавшее три съ половиною сотни членовъ, но оно скоро отложилось отъ союза, какъ предполагаютъ, подъ вліяніемъ Мадзини. Гораздо болѣе важнымъ по значительности присоединявшихся и по прочности самого присоединенія было вступленіе въ Интернаціоналъ трехъ нѣмецкихъ рабочихъ организацій, одна изъ которыхъ существовала въ Лондонѣ уже около четверти вѣка и объединяла нѣмецкихъ коммунистовъ въ столицѣ Англіи. Не замедлили начаться присоединенія къ Интернаціоналу и на континентѣ. Марксъ, бывшій секретаремъ союза для Германіи, довелъ до свѣдѣнія генеральнаго совѣта, что въ этой странѣ было распространено пятьдесятъ тысячъ экземпляровъ изданнаго организаторами новой ассоціаціи воззванія, а вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе, что образовалась секція Интернаціонала въ Женевѣ. За этою швейцарскою секціей, въ составъ которой вошло на первыхъ порахъ пять мѣстныхъ рабочихъ союзовъ, послѣдовала секція бельгійская. Образовалась, наконецъ, и четвертая союзная группа—въ Парижѣ. Мало того, къ генеральному совѣту съ континента стали обращаться за нравственнымъ содѣй-

[1]) Объ англійскихъ трэдъ-юніонахъ см. т. V, стр. 806 и слѣд.

ствіемъ отдѣльныя группы рабочихъ, каковы были французскіе тюлевые ткачи, начавшіе стачку по поводу пониженія ихъ хозяевами заработной платы, и лейпцигскіе типографскіе рабочіе, тоже устроившіе большую стачку весною 1865 г. Руководители Интернаціонала, кромѣ того, пользовались разными случаями для политическихъ манифестацій, которыя имѣли задачею обращать на него общественное вниманіе. Съ этою цѣлью, напр., было послано американскому народу поздравленіе, въ формѣ привѣтственнаго адреса, по случаю переизбранія въ президенты великой республики врага рабовладѣльцевъ Линкольна, когда же послѣдній палъ отъ руки убійцы, было послано въ Америку выраженіе соболѣзнованія. Въ пользу поляковъ устраивались митинги, на которыхъ пропагандировались принципы международной солидарности рабочихъ массъ. Было организовано генеральнымъ совѣтомъ и особое празднество въ память жертвъ іюньскихъ дней 1848 г.

Предположенный на 1865 г. созывъ конгресса въ Брюсселѣ былъ, однако, совѣтомъ отмѣненъ, и вмѣсто него въ Лондонѣ, въ концѣ сентября этого года, была созвана конференція для разработки вопросовъ, которые были бы предметомъ обсужденія на конгрессѣ, когда его удалось бы собрать, тѣмъ болѣе, что по условіямъ, лежавшимъ въ бельгійскихъ законахъ, съѣздъ въ Брюсселѣ былъ бы и невозможенъ. Программа самой конференціи была довольно обширной, и въ ея составъ были включены прямо политическіе вопросы, каковыми слѣдуетъ признать вопросы о русскомъ вліяніи въ Европѣ, о возстановленіи Польши, о существованіи постоянныхъ армій. Составъ лондонской конференціи Интернаціонала былъ на самомъ дѣлѣ международный: въ ней, кромѣ англичанъ, участвовали французы и бельгійцы, нѣмцы и швейцарцы, представители итальянской и польской національностей, отчасти пріѣхавшіе на конференцію съ континента, отчасти мѣстные жители, къ числу которыхъ принадлежалъ, напр., Марксъ. Конференція выбрала мѣстомъ будущаго конгресса Женеву, срокомъ созыва—май 1866 г. Кромѣ того, были приняты резолюціи о необходимости возстановленія Польши съ демократическимъ устройствомъ [1]).

[1]) Нѣкоторые делегаты спрашивали, почему такъ занимаются участью однихъ поляковъ, когда есть и другіе угнетенные народы, напр., ирландцы; но это возраженіе не привело ни къ какимъ результатамъ. Впрочемъ, Интернаціоналъ не оставался вообще равнодушнымъ къ ирландскому вопросу. Марксъ настаивалъ на томъ, что паденіе англійской земельной аристократіи немыслимо, пока этотъ классъ занимаетъ такую сильную позицію въ Ирландіи. Въ 1866 году генеральный совѣтъ дѣлалъ попытку послать къ статсъ-секретарю по дѣламъ Ирландіи, Грею, депутацію для защиты ирландцевъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ, отъ жестокаго обращенія. Назначеніе судомъ нѣсколькимъ ирландцамъ смертной казни заставило генеральный совѣтъ созвать

Интересъ представляетъ и предложеніе внести въ программу будущаго обсужденія вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится религія къ развитію человѣчества въ умственномъ, соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ. Въ непубличныхъ совѣщаніяхъ центральнаго комитета съ делегатами, между прочимъ, разсматривался вопросъ о матеріальныхъ средствахъ Интернаціонала. Денежная сторона дѣла была далеко не въ блестящемъ положеніи, такъ какъ всѣхъ доходовъ до представленія финансоваго отчета оказалось только около 30 фунтовъ стерлинговъ, т.-е. по теперешнему курсу рублей триста. Нужно кстати вообще замѣтить, что денежныя средства Интернаціонала никогда не были въ хорошемъ состояніи. Въ этомъ лучше всего убѣдиться, читая въ книгѣ Іекка подробности о закулисной, будничной работѣ дѣятелей Интернаціонала, которой часто мѣшалъ именно недостатокъ средствъ [1]). Между тѣмъ, впослѣдствіи ходили легенды о громадныхъ суммахъ, которыми будто бы располагалъ генеральный совѣтъ ассоціаціи и которыя онъ тратилъ на разныя „бунтовщическія“ выступленія рабочихъ въ отдѣльныхъ странахъ.

Конечно, лондонская конференція, ведшая свои дѣла совершенно открыто и даже хлопотавшая о томъ, чтобы на нее обращали побольше вниманія, не могла пройти незамѣченною въ обществѣ, но собственно англійская періодическая печать упорно молчала объ этомъ маленькомъ международномъ съѣздѣ. Иначе отнеслась къ конференціи оппозиціонная пресса во Франціи, которая схватилась за эту тему, какъ за непріятную для правительства, чтобы досадить ему извѣстіями о такомъ крамольномъ съѣздѣ. Одна изъ лучшихъ статей о немъ принадлежала перу извѣстнаго историка Анри Мартена, раздѣлявшаго республиканскія воззрѣнія и даже лично примкнувшаго къ Интернаціоналу; были и другія присоединенія изъ буржуазіи, какъ, напр., извѣстнаго политическаго дѣятеля и филантропа Жюля Симона. Многіе французы стали послѣ лондонской конференціи присоединяться къ новой организаціи, но особенно большіе успѣхи стала она дѣлать въ Швейцаріи, гдѣ, благодаря свободѣ слова, печати, собраній и

митингъ протеста. Это обстоятельство даже было однимъ изъ поводовъ къ тому, что англійская консервативная пресса начала трубить объ опасномъ для государства направленіи Интернаціонала.

[1]) Вотъ единичные, но очень характерные примѣры безденежья Интернаціонала: въ 1866 г. у генеральнаго совѣта не нашлось 3 тысячъ франковъ на напечатаніе протоколовъ женевскаго конгресса; въ 1867 г. безденежье опять помѣшало ему напечатать періодическій бюллетень и статистическія свѣдѣнія. Членскіе взносы въ центральную кассу поступали крайне неисправно, несмотря на ихъ мизерность: отдѣльныя группы должны были отчислять въ нее, по постановленію женевскаго конгресса, по 30 сантимовъ съ человѣка, а лозаннскій конгрессъ спустилъ ее до пяти сантимовъ, т.-е. до $1^4/_5$ копѣйки.

союзовъ, стали возникать группы членовъ Интернаціонала и изъ мѣстныхъ гражданъ какъ французской, такъ и нѣмецкой національности, и изъ иностранцевъ, что дѣлало изъ Швейцаріи вообще и въ частности изъ Женевы, ставшей виднымъ центромъ Интернаціонала, какъ бы вторую его родину. Здѣсь въ Интернаціоналъ весьма охотно вступали рабочіе кружки самообразованія, кооперативныя товарищества, профессіональные союзы и т. п., въ которые все болѣе и болѣе проникалъ и политическій духъ Интернаціонала. Гораздо хуже шли дѣла во Франціи. Правда, въ Парижѣ существовалъ свой центральный комитетъ для всей страны, а секціи, кромѣ Парижа, образовались и въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ, какъ, наприм., въ Ліонѣ, въ Марсели, въ Сентъ-Этьенѣ или Бордо, и даже издавались двѣ-три газетки, но жизнь въ этихъ секціяхъ шла вяло. Испанія движеніемъ была затронута лишь немного и, пожалуй, еще менѣе Италія, въ которой все общественное вниманіе въ эти годы было поглощено римскимъ вопросомъ и вообще объединеніемъ населенія въ одну націю.

Программа конгресса делегатовъ Международнаго общества рабочихъ, засѣдавшаго въ Женевѣ въ концѣ лѣта 1866 г., была очень сложная: это были вопросы, прежде всего, программы, организаціи и тактики самого Интернаціонала, потомъ о разныхъ сторонахъ рабочаго быта и движеній, происходившихъ въ рабочемъ классѣ (объ условіяхъ труда, объ ассоціаціяхъ и т. п.), а также объ отдѣльныхъ проявленіяхъ государственной жизни, каковы налоги, постоянное войско и т. п., даже какъ сказано было выше, о религіи и, наконецъ, неизбѣжный вопросъ польскій, бывшій въ шестидесятыхъ годахъ не для одного Интернаціонала предметомъ, весьма удобнымъ для устройства политическихъ манифестацій. Въ первой категоріи предметовъ, подлежавшихъ обсужденію, главное мѣсто принадлежало программѣ и уставу. Тотъ документъ, который нами былъ приведенъ выше, имѣлъ только провизорный характеръ, и окончательную санкцію дать ему могъ только конгрессъ. Въ сущности, въ Женевѣ былъ лишь утвержденъ, съ легкими измѣненіями, текстъ первоначальнаго документа 1864 г. Марксъ не присутствовалъ на женевскомъ конгрессѣ,—повидимому, будучи сильно занятъ работою надъ своимъ „Капиталомъ“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1867 г.,—но ему принадлежало, такъ сказать, духовное руководительство занятіями конгресса. Нельзя сказать, что дѣло прошло совсѣмъ гладко, безъ всякихъ треній,—возникло потомъ обвиненіе противъ генеральнаго совѣта яко бы въ подлогахъ при редактированіи устава,—да и разногласія по многимъ основнымъ вопросамъ давали себя знать, даже до сихъ поръ не позволяя еще заинтересованнымъ историкамъ совершенно спокойно о нихъ говорить, какъ

о дѣлѣ прошломъ [1]). Линію поведенія, которую конгрессъ предначерталъ рабочему классу, можно опредѣлить указаніемъ на задачу противодѣйствовать кознямъ предпринимателей, всегда готовыхъ при стачкахъ обратиться къ призыву иноземныхъ рабочихъ, какъ къ средству борьбы противъ домогательствъ рабочихъ своей страны. Устройство кооперацій тоже рекомандовалось рабочимъ всѣхъ странъ. Поднятъ былъ, равнымъ образомъ, вопросъ о необходимости статистическаго изслѣдованія положенія рабочихъ въ разныхъ государствахъ, и даже выработанъ былъ проектъ опроснаго листа, который долженъ былъ быть разосланъ во всѣ секціи Интернаціонала для заполненія отдѣльныхъ графъ надлежащими отвѣтами. Мѣстопребываніемъ центральнаго органа конгрессъ оставилъ Лондонъ, а слѣдующій съѣздъ назначилъ на сентябрь слѣдующаго года въ Лозаннѣ. Въ одно время съ женевскимъ конгрессомъ происходилъ съѣздъ сѣверо-американскихъ рабочихъ въ Балтиморѣ, который—къ великой радости Маркса—выставилъ почти тѣ же самыя требованія, какія послѣднимъ были приготовлены для женевскихъ совѣщаній, а главное—рѣшилъ примкнуть къ Интернаціоналу, съ каковою цѣлью на лозаннскій конгрессъ должны были прибыть и сѣверо-американскіе делегаты.

Слѣдующіе, ближайшіе конгрессы Интернаціонала собирались годъ за годомъ въ Лозаннѣ, въ Брюсселѣ и въ Базелѣ. Это было время, когда Международное общество рабочихъ достигло своего апогея. Женевскимъ конгрессомъ историки этой ассоціаціи заканчиваютъ первый, организаціонный періодъ ея существованія, и слѣдующіе конгрессы только содѣйствовали дальнѣйшему развитію Интернаціонала въ направленіи, значительно отступавшемъ отъ англійскаго трэдъюніонизма съ его преимущественно экономическими, а не политическими задачами и съ его миролюбивой, чуждой революціонности тактикой. Однимъ изъ результатовъ женевскаго конгресса было то,

---

[1]) Особенно пристрастно и рѣзко излагаетъ исторію Интернаціонала *Іекк*ъ, собравшій, впрочемъ, большой фактическій матеріалъ и составившій своего рода детальную лѣтопись перипетій этого общества. Болѣе всего Іекка раздражаютъ выступленія французовъ, для которыхъ онъ не скупится на самые рѣзкіе отзывы. Вотъ нѣсколько взятыхъ на удачу образчиковъ его историческаго изложенія: „на женевскомъ конгрессѣ 1866 года французы „старались блеснуть прудоновской фразеологіей, но это доставило имъ только удовольствіе выговориться и выказать свое невѣжество“. Карлъ Марксъ былъ конгрессомъ очень доволенъ, и „только невѣжество и болтливость французовъ раздосадовали его... При совѣщаніи о сокращеніи рабочаго времени французы тоже обнаружили изрядную вздорность“ (стр. 38 русскаго перевода). „Французы не могли себѣ отказать въ удовольствіи выказать свое невѣжество“ (стр. 41). Или ср. фразу о безцеремонности, назойливости и пустозвонствѣ плоскаго прудонизма французовъ на стр. 56.

что англійская пресса прервала свое прежнее пренебрежительное молчаніе объ Интернаціоналѣ и стала помѣщать на своихъ столбцахъ обширныя статьи о рабочемъ движеніи, въ чемъ не отставали отъ нея и газеты Франціи и Германіи. Особенно много вниманія отводила Интернаціоналу оппозиціонная печать во Франціи, видѣвшая въ немъ одно изъ средствъ, которымъ можно будетъ воспользоваться противъ ненавистнаго наполеоновскаго режима. Впрочемъ, въ томъ году, когда засѣдалъ женевскій конгрессъ, вопросы внутренней политики на время отошли на задній планъ передъ вопросами политики внѣшней. Это былъ годъ австро-прусской войны, которая тоже послужила поводомъ для генеральнаго совѣта ассоціаціи изложить свой взглядъ на международныя войны: это—распри деспотовъ, во время которыхъ рабочіе не должны въ своихъ симпатіяхъ становиться на ту или другую сторону, такъ какъ имъ самимъ нужно объединяться, дабы достичь силы и употребить эту силу на собственное освобожденіе отъ всякой тиранніи. На лозаннскомъ конгрессѣ 1867 г. былъ даже поднятъ вопросъ, какъ ему слѣдовало отнестись къ собравшейся тогда же мирной конференціи въ Женевѣ, и было рѣшено, что между мечтами буржуазіи о мирѣ и враждебнымъ отношеніемъ пролетаріата къ войнѣ большая разница, хотя, конечно, Интернаціоналъ былъ бы и не прочь войти въ составъ лиги мира, если бы, съ своей стороны, послѣдняя присоединилась къ программѣ Интернаціонала. Уже этотъ эпизодъ указываетъ, насколько ассоціаціей уже овладѣла идея борьбы классовъ, полной невозможности на какомъ бы то ни было поприщѣ сотрудничества между буржуазіей и пролетаріатомъ. Въ числѣ вопросовъ, обсуждавшихся на этомъ конгрессѣ, былъ еще вопросъ о собственности, поводомъ къ чему послужила резолюція о переходѣ въ руки государства всѣхъ средствъ сообщенія и транспорта и крупныхъ монопольныхъ производствъ. Къ этой резолюціи было предложено прибавить установленіе и коллективной собственности на землю, но противъ него выставлено было то возраженіе, что это, пожалуй, черезчуръ усилитъ государственную власть. Прибавка не прошла, и вопросъ о собственности на землю былъ отложенъ до слѣдующаго конгресса. Особенно важнымъ было принятіе на лозаннскомъ конгрессѣ политической резолюціи. Вопросъ заключался въ томъ, не слѣдуетъ ли признать отсутствіе политической свободы крайне неблагопріятнымъ условіемъ для экономической эманципаціи рабочаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ одною изъ причинъ соціальныхъ бѣдствій и какія средства нужно считать скорѣе другихъ ведущими къ наступленію политической свободы. Резолюція конгресса въ первой своей части гласила, что „экономическое освобожденіе рабочихъ связано неразрывно съ политическимъ“, и что „поэтому пріобрѣтеніе полити-

ческой свободы является дѣломъ первѣйшей необходимости", въ числѣ ея средствъ указывались неограниченное право собраній и союзовъ и неограниченная свобода печати. Поднимались, но не были разрѣшены на конгрессѣ и такіе вопросы, какъ относительное значеніе обоихъ половъ въ обществѣ, воспитаніе дѣтей, улучшеніе обученія и т. п.

Проявленіе Интернаціоналомъ коллективистическихъ и радикально-политическихъ стремленій начало вселять въ правящихъ классахъ и въ правительствахъ убѣжденіе въ опасности этой широко развѣтвившейся ассоціаціи, хотя она выступала рѣшительно лишь въ качествѣ сообщества теоретической пропаганды безъ непосредственно практическихъ цѣлей [1]). Первымъ стало принимать противъ Интернаціонала репрессивныя мѣры правительство Наполеона III. Въ 1867 г. у наиболѣе видныхъ членовъ союза въ Парижѣ были произведены ночные обыски, не давшіе, однако, никакого матеріала для сколько-нибудь серьезнаго обвиненія. Самое большее, члены Интернаціонала совершили проступокъ противъ распоряженія, не дозволявшаго безъ вѣдома начальства собираться въ количествѣ болѣе двадцати человѣкъ. Строгій наполеоновскій судъ приговорилъ обвиняемыхъ лишь къ уплатѣ штрафа въ сто франковъ съ каждаго. Когда нѣкоторые изъ нихъ опять стали собираться, ихъ, уже какъ рецидивистовъ, наказали, кромѣ новаго наложенія штрафа въ сто франковъ, и тюремнымъ заключеніемъ на три мѣсяца. Опасенія имущихъ классовъ и правительствъ были тѣмъ бо́льшими, что вторая половина шестидесятыхъ годовъ была временемъ очень неспокойнымъ. Вслѣдствіе причинъ общаго характера, главнымъ образомъ экономическихъ и при этомъ нерѣдко мѣстныхъ, эти годы были обильны стачками, волненіями. Общественное мнѣніе приписывало ихъ подстрекательству Интернаціонала, который рисовался въ испуганномъ воображеніи совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ это была ассоціація, страдавшая хроническимъ безденежьемъ, а между тѣмъ молва приписывала ей обладаніе громаднѣйшими матеріальными средствами, которыя будто бы щедрыми руками и тратились на устройство стачекъ то тамъ, то здѣсь и все

[1]) Сначала правительства относились къ Интернаціоналу безъ подозрительности, и еще въ настоящее время нѣкоторые историки дѣлаютъ намеки на то, что Интернаціоналъ могъ даже быть пріятенъ инымъ правительствамъ. Наприм., у *G. Hanotaux* мы читаемъ: „elle (l'Internationale) avait des relations étendues en Allemagne, peut-être même avec les entours de M. de Bismarck qui ne négligiait aucun moyen" и т. д., а нѣсколько ниже и слѣдующее объ успѣхахъ Интернаціонала во Франціи: „peut-être le gouvernement impérial avait-il songé à s'appuyer sur cette organisation de la démocratie pour l'opposer à la bourgeoisie libérale". Histoire de la France contemporaine (1904), т. I, стр. 156.

это для подготовки всемірной коммунистической революціи. Интернаціоналъ представлялся поэтому въ видѣ колоссальнаго заговора, опутавшаго всѣ страны, съ тайнымъ центральнымъ правленіемъ въ Лондонѣ, въ распоряженіи котораго было чуть не безусловное и поголовное повиновеніе цѣлаго ряда революціонныхъ агентовъ изъ всѣхъ странъ Европы. Какія небылицы объ Интернаціоналѣ принимались за правду, видно, наприм., изъ того, что одинъ умный и образованный человѣкъ серьезно увѣрялъ, будто предсѣдателемъ лондонскаго комитета состоитъ Луи Бланъ, и будто въ сношеніяхъ съ нимъ находятся два англійскихъ министра. Говорилось также, будто, пользуясь правомъ союзовъ, члены Интернаціонала занимаются военнымъ обученіемъ городского пролетаріата для имѣющей скоро вспыхнуть революціи. Съ другой стороны, и рабочіе, недовольные своимъ положеніемъ, все съ большею надеждою взирали на *свое* Международное общество и, преувеличивая его значеніе и силу, продолжали присоединяться къ нему и защищали его отъ нападокъ. Генеральный совѣтъ, дѣйствительно, иногда собиралъ деньги для поддержки уже начавшейся стачки, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ стачечники добивались исполненія своихъ требованій, въ другихъ же случаяхъ рабочіе, наоборотъ, терпѣли пораженія и даже подвергались разстрѣлу (бойня въ Шарльруа въ Бельгіи), что для Интернаціонала служило поводами къ новымъ оппозиціоннымъ воззваніямъ и митингамъ протеста. Въ Бельгіи и буржуазія, и министерство были крайне недовольны тѣмъ, что̀ называли вмѣшательствомъ Интернаціонала въ ихъ внутреннія дѣла; сдѣлана была даже попытка воспрепятствовать назначенному на 1868 г. въ Брюсселѣ конгрессу, но въ концѣ концовъ дѣло до этого не дошло. Другія правительства тоже стали принимать свои мѣры противъ опасной ассоціаціи. Въ Пруссіи и въ Австріи прямо было запрещено присоединяться къ Интернаціоналу, но въ Саксоніи, тюрингенскихъ княжествахъ и въ Южной Германіи рабочіе союзы готовились превратиться въ секціи Интернаціонала. Въ другомъ мѣстѣ объ успѣхахъ Интернаціонала въ Германіи рѣчь будетъ идти подробнѣе [1]), здѣсь же мы ограничимся указаніемъ лишь на то, что не задолго до брюссельскаго конгресса и на самомъ дѣлѣ произошло присоединеніе къ Интернаціоналу множества нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ. Не имѣя возможности сдѣлать то же самое, гамбургскій съѣздъ лассалевской партіи заявилъ, что онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, держаться тактики, согласной съ дѣятельностью Интернаціонала.

Лѣтомъ 1868 г. генеральный совѣтъ въ особомъ циркулярѣ по адресу трэдъ-юніоновъ высказалъ свое мнѣніе о положеніи своего дѣла

---

[1]) См. ниже, въ главѣ VIII.

въ данный моментъ. „Онъ,—говорилось въ этомъ обращеніи,—занялъ такое положеніе, какого не выпадало на долю никакой иной организаціи въ Европѣ. Добиваясь полной политической свободы, онъ тѣмъ не менѣе вовсе не похожъ на прежнія политическія общества. Его задача—поддерживать всѣ прогрессивныя движенія, но онъ долженъ стоять въ сторонѣ отъ борящихся партій, потому что, если относиться съ довѣріемъ къ капиталистамъ, какъ къ классу, то нечего и думать о помощи рабочимъ. Обвиненіе его въ томъ, что онъ самъ вызывалъ стачки, есть клевета на него, ибо онъ только оказывалъ рабочимъ содѣйствіе въ ихъ сопротивленіи огульнымъ увольненіямъ и помогалъ успѣшному исходу стачекъ, бывшихъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ жестокости, жадности и цинизма предпринимателей. Главный принципъ Интернаціонала тотъ, что доходъ отъ труда долженъ принадлежать производителю, а основою общества должно сдѣлаться братство труда, чуждое національнаго соперничества. У труда нѣтъ отечества, капиталъ же есть не что иное, какъ только накопленный трудъ". Далѣе въ циркулярѣ сравнивалось лучшее положеніе англійскихъ рабочихъ съ тѣмъ, что представляетъ собою положеніе рабочихъ на континентѣ, и генеральный совѣтъ ставилъ Интернаціоналу въ заслугу, что онъ вездѣ на континентѣ способствовалъ образованію профессіональныхъ союзовъ по англійскому образцу. Другою своею заслугою онъ считалъ то, что вездѣ на континентѣ онъ оказывалъ помощь рабочимъ, а для англійскихъ рабочихъ приносилъ пользу уже тѣмъ, что мѣшалъ приглашенію въ страну предпринимателями иностранныхъ рабочихъ. Указывая на сравнительно недалекій Брюссель, какъ на мѣсто будущаго конгресса, генеральный совѣтъ приглашалъ англійскихъ рабочихъ послать туда побольше делегатовъ.

На брюссельскомъ конгрессѣ, въ сентябрѣ 1868 г. представителями только-что присоединившихся къ Интернаціоналу нѣмецкихъ секцій былъ сдѣланъ вопросъ, какъ должны вести себя рабочіе всѣхъ странъ, если вспыхнетъ война. Резолюція по этому вопросу представляла собою мотивированный протестъ противъ войны съ рекомендаціей рабочимъ,—если бы началась война,—забастовки, а народамъ—устройства противъ войны стачки. По вопросу объ обыкновенныхъ стачкахъ была принята резолюція, отвергавшая стачку въ качествѣ средства, могущаго совершить освобожденіе рабочихъ, но, съ другой стороны, признававшая неизбѣжность стачекъ, которыя, однако, должны были бы организоваться только „обществами сопротивленія", т.-е. разными союзами и кассами, притомъ солидарными между собою. Послѣднимъ же другою резолюціей было приписано значеніе единственнаго средства, могущаго помочь рабочимъ въ достиженіи обладанія машинами. Конгрессомъ обращено было также вниманіе на умственное

развитіе рабочихъ путемъ развитія популярно-научныхъ лекцій. Обсуждался еще вопросъ объ организаціи кредита, давшій поводъ къ страстнымъ схваткамъ между прудонистами [1]) и марксистами, послѣ чего былъ поставленъ на очередь вопросъ о собственности на пути сообщенія, рудники, каменноугольныя копи, каменоломни, равно какъ на землю со всѣмъ, что̀ на ней произрастаетъ, въ томъ числѣ и на лѣса. Большинствомъ конгресса по этому вопросу была принята коллективистическая резолюція, противъ которой, какъ противъ „грубаго коммунизма“, высказывались главнымъ образомъ послѣдователи Прудона, которые вообще и на прежнихъ конгрессахъ оспаривали принципіальныя мнѣнія всѣхъ болѣе „коммунистически“ настроенныхъ товарищей. Принятіе этой резолюціи было полнымъ торжествомъ марксизма. Нѣмецкіе делегаты даже прямо предложили конгрессу особеннымъ образомъ почтить Маркса, обратившись ко всѣмъ національностямъ съ рекомендаціей изучать только-что вышедшую въ свѣтъ его книгу „Капиталъ“, такъ какъ, сказано было въ мотивировкѣ предложенія, ея авторъ оказалъ всѣмъ безцѣнную услугу въ качествѣ перваго ученаго экономиста, съумѣвшаго понять истинную природу капитала.

Послѣ брюссельскаго конгресса явленія, ознаменовавшія непосредственно предшествовавшее ему время, продолжали развиваться въ прежнемъ направленіи: 1869 годъ былъ богатъ, съ одной стороны, волненіями рабочихъ и стачками, съ другой — репрессіями, иногда даже при помощи военной силы, и то, что совершалось въ одной странѣ, нерѣдко находило откликъ въ другой. Генеральный совѣтъ равнымъ образомъ продолжалъ помогать, чѣмъ только могъ, рабочимъ, что̀ увеличивало его популярность и пріобрѣтало Интернаціоналу новыхъ и новыхъ адептовъ. Въ одной Бельгіи ихъ насчитывалось въ 1869 г. около 64 тысячъ человѣкъ. Общественное мнѣніе попрежнему обвиняло Интернаціоналъ въ провоцированіи стачекъ, причемъ о немъ иные готовы были говорить, какъ объ организаціи, во главѣ которой стоятъ тайные агенты Бонапарта. И репрессіи противъ членовъ Интернаціонала тоже кое-когда давали себя знать. Среди такихъ обстоятельствъ собрался въ Базелѣ четвертый конгрессъ Интернаціонала, и на немъ было уже представлено девять странъ: Англія, Франція, Бельгія, Германія, Австрія, Швейцарія, Италія, Испанія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Изъ принципіальныхъ вопросовъ, рѣшавшихся на базельскомъ съѣздѣ, первыми были поставлены вопросы о правѣ общества уничтожить частную собственность на землю съ превращеніемъ ея въ собственность общую и о томъ, можно ли считать такой переходъ необходимымъ. Большин-

[1]) О прудоновской теоріи кредита ср. т. V, стр. 816—817.

ство по обоимъ пунктамъ высказалось въ утвердительномъ смыслѣ; противниковъ обоихъ рѣшеній было очень небольшое меньшинство, но были и воздержавшіеся отъ подачи голоса (первыхъ было 54—53, вторыхъ 4 — 8, третьихъ 13 — 10). Въ коммиссіи, разсматривавшей способъ землепользованія при новомъ строѣ собственности, большинство высказалось за крупное хозяйство съ помощью машинъ въ рукахъ земледѣльческихъ ассоціацій, арендующихъ землю у государства. Важно было именно то, что на этотъ разъ Интернаціоналъ рѣшительно сталъ на коммунистическую точку зрѣнія. Имущіе классы общества были теперь встревожены Интернаціоналомъ еще сильнѣе, чѣмъ раньше, а въ рабочемъ классѣ популярность Интернаціонала поднялась еще больше. Въ Англіи осенью того же 1869 г. была основана „Лига земли и труда“ (Land and labour leage) съ девизомъ: „земля для народа“, и въ составъ комитета этой лиги вошли нѣкоторые члены генеральнаго совѣта. Въ Германіи къ базельскому постановленію присоединился одинъ изъ наиболѣе видныхъ вождей рабочихъ, Либкнехтъ. Въ Женевѣ въ коллективистическомъ духѣ былъ составленъ манифестъ къ земледѣльческому населенію, тотчасъ же переведенный на разные языки для распространенія въ отдѣльныхъ странахъ, между прочимъ въ Италіи и въ Испаніи, гдѣ даже стали возникать земледѣльческія секціи Интернаціонала. Это вообще было время наибольшей силы Интернаціонала, но тогда же начинало уже намѣчаться другое явленіе, именно стремленіе къ образованію національныхъ соціалистическихъ партій, послѣ того, какъ введеніе въ Германіи всеобщаго избирательнаго права и расширеніе этого права въ Англіи открыли передъ рабочими обѣихъ этихъ странъ возможность непосреднаго участія въ мѣстной политической борьбѣ. Почти повсюду въ Западной Европѣ шла работа преобразованія старыхъ союзовъ въ политическія общества и работа образованія новыхъ обществъ, легальныхъ и нелегальныхъ, примыкавшихъ къ Интернаціоналу. Къ нему присоединились скоро разные союзы въ Голландіи. Образовалась въ Женевѣ и русская секція ассоціаціи. Противъ членовъ Интернаціонала возбуждались процессы, кончавшіеся осужденіями, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ. Во Франціи въ разныхъ городахъ весною 1870 г. наиболѣе видные дѣятели были арестованы, и назначенный на этотъ годъ конгрессъ въ столицѣ Франціи былъ перенесенъ генеральнымъ совѣтомъ въ Майнцъ, гдѣ, однако, тоже не могъ состояться по случаю начавшейся лѣтомъ этого года войны. Въ то время, когда складывались такимъ образомъ внѣшнія условія дѣятельности Интернаціонала, въ немъ самомъ подготовлялся внутренній распадъ, благодаря возникновенію въ его нѣдрахъ анархическаго теченія, связаннаго тѣснѣйшимъ образомъ съ дѣятельностью русскаго эмигранта Бакунина. Здѣсь мы и остановимся въ исторіи

Интернаціонала, чтобы представить краткій очеркъ анархизма, заслуживающаго вниманія, конечно, не потому только, что имъ были внесены элементы внутренняго разложенія въ Международное общество рабочихъ, но и въ качествѣ явленія, имѣющаго самостоятельное значеніе. Какъ-разъ въ годы процвѣтанія Интернаціонала анархизмъ, который раньше былъ явленіемъ чисто идеологическимъ, получилъ характеръ одного изъ факторовъ общественной борьбы, чѣмъ онъ и былъ обязанъ именно Бакунину, сдѣлавшемуся главнымъ соперникомъ Маркса въ періодъ наибольшаго вліянія послѣдняго въ Интернаціоналѣ.

Но прежде объ анархизмѣ вообще [1]).

Если анархизмъ понимать, прежде всего, въ смыслѣ признанія полной свободы личности, не стѣсняемой никакими законами, то въ анархизмѣ слѣдуетъ видѣть не что иное, какъ самое крайнее выраженіе индивидуализма, лежащаго и въ основѣ либерализма. Наприм., Бенжаменъ Констанъ, защищавшій „свободу во всемъ“, самъ опредѣлялъ ее, какъ „торжество личности надъ властью, желающею управлять посредствомъ насилія, и надъ массами, предъявляющими со стороны большинства право подчиненія себѣ меньшинства“ [2]). Сама идея естественнаго права, на которой покоится революціонная „декларація правъ человѣка и гражданина“, имѣетъ глубоко индивидуалистическій характеръ, и съ этой точки зрѣнія самому государству въ

---

[1]) *Ценкеръ*. Анархизмъ (1906). Еще задолго до перевода этой работы на русскій языкъ, ею пользовался скрывшій свое имя подъ инціалами *Б. П. Б.* авторъ статьи объ анархизмѣ, печатавшейся въ „С.-Петербург. Вѣдом.“ за 1896 г. (№№ 3, 7, 12, 16, 29 и др.), причемъ имѣлъ тогда полное право жаловаться на неразработанность исторіи анархизма. Существуетъ въ русскомъ переводѣ и книга *Эльцбахера* „Анархизмъ“, изданный первоначально (въ 1903 г.) за границей, а потомъ и въ самой Россіи. Въ послѣдніе годы появились еще русскіе переводы слѣдующихъ книгъ: *Р. Штамммлеръ*. Анархизмъ. Теорія и критика (1906).—*Л. Кульчицкій*. Современный анархизмъ. Изложеніе, источники, критика (1907).—*Г. Цокколи*. Анархизмъ (1908).—Послѣдняя книга переведена съ итальянскаго, предпослѣдняя—съ польскаго (*L. Kulczycki*. Anarchizm współczesny). Краткое изложеніе доктрины анархизма и исторіи его происхожденія *Л. Кульчицкій* повторилъ въ первыхъ двухъ главкахъ своей брошюры „Анархизмъ въ современномъ соціально-политическомъ движеніи въ Россіи“ (1907; перев. съ польскаго). — *Adler*. Der Anarchismus. — *А. Амонъ*. Соціализмъ и анархизмъ (1906). — *В. Базаровъ*. Анархическій коммунизмъ и марксизмъ. (1906).—*Э. Бернштейнъ*. Анархизмъ (1907). — *Бирманъ*. Коммунизмъ и анархизмъ.—*J. Garin*. L'anarchisme et les anarchistes (1885).—*К. Дильъ*. Соціализмъ, коммунизмъ, анархизмъ (1906).—*Dubois*. Le péril anarchiste.—*Hamon*. Psychologie de l'anarchiste-socialiste. — *Дж. Макай*. Анархисты (1907). — *Н. Райхесбергъ*. Соціализмъ и анархизмъ.—*Плехановъ*. Анархизмъ и соціализмъ (1906). *А. Вольскій (Станиславъ)*. Теорія и практика анархизма (1906).

[2]) Т. IV, стр. 294 и слѣд.

философіи естественнаго права нельзя было дать другого правомѣр наго истолкованія, какъ обратившись къ представленію о добровольномъ соглашеніи между отдѣльными свободными личностями. Наиболѣе послѣдовательные сторонники договорнаго происхожденія государства поэтому сводятъ функціи послѣдняго къ минимуму, какъ мы это видимъ у Локка [1]), у В. Гумбольдта [2]), у того же Бенжамена Констана. Анархисты, отрицая государство, т.-е. доводя идею права личности на индивидуальную свободу до логическаго конца, тоже, однако, признаютъ необходимость общежитія, но только не въ формѣ постояннаго и всеобъемлющаго союза, пользующагося по отношенію къ своимъ членамъ принудительною властью, а въ видѣ добровольно организующихся, въ каждый моментъ могущихъ распасться группъ, въ составъ которыхъ отдѣльныя личности входятъ безъ какого бы то ни было принужденія и насилія. Индивидуалистическія стремленія вообще зарождаются только въ эпохи сильнаго роста и развитія личнаго самосознанія въ наиболѣе культурныхъ общественныхъ слояхъ, и проявленія его, доходящія иногда до рѣзко выраженнаго теоретическаго анархизма, мы встрѣчаемъ въ разныя эпохи исторіи, начиная съ классической древности [3]). Какъ и всякій исключительный интересъ, и этотъ особый интересъ къ личной свободѣ, лежащій въ самой основѣ анархизма, можетъ быть во всякомъ обществѣ удѣломъ лишь немногихъ, болѣе развитыхъ единицъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ людей, которые совершенно выбиты изъ колеи обычнаго бытового обихода. На высшей ступени своего развитія такой интересъ доходитъ до своего рода моральнаго солипсизма съ полнымъ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ ко всякой общественности, если только послѣднее не переходитъ въ прямую враждебность ко всякому закону, на которомъ покоится общественный укладъ. Подобный анархическій индивидуализмъ —не для широкихъ массъ, а потому всегда остается лишь идейнымъ теченіемъ, главнымъ выраженіемъ котораго можетъ быть только литература, отнюдь не сама жизнь съ ея классовою и партійною борьбою. Для того, чтобы анархическая проповѣдь могла найти доступъ къ умамъ и сердцамъ массъ, всегда нужно соединеніе ея съ проповѣдью чисто соціальныхъ преобразованій, которыя обѣщали бы всѣмъ труждающимся и обремененнымъ лучшія условія, на первомъ планѣ, матеріальнаго существованія, и тогда подъ знаменемъ анархизма могутъ совершаться и общественныя движенія. На это намъ указываетъ хотя бы исторія религіозныхъ сектъ среднихъ вѣковъ и эпохи реформаціи [4]).

---

[1]) Т. II, стр. 613 и слѣд.

[2]) Т. IV, стр. 291 и слѣд.

[3]) См. *Pöhlmann.* Geschichte des antiken Sozialismus und Kommunismus.

[4]) Т. I, гл. 41 и т. II, гл. 11 и 39. Въ кн. *Н. Ястребова* „Этюды о Петрѣ

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы, несомнѣнно, находимъ элементы анархизма мистическаго, ставящаго выше всего внутреннее откровеніе, совершающееся въ душѣ отдѣльнаго человѣка. Религіозные анархисты снискивали расположеніе въ массахъ проповѣдью уничтоженія всѣхъ золъ, которыя испытываются отъ дурныхъ законовъ, отъ злыхъ начальниковъ, отъ неправедныхъ судей, отъ тяжелыхъ налоговъ и т. п., главное же—отъ неравенства между богатыми и бѣдными, сильными и слабыми, господами и подчиненными и отъ неравенства между имущими и неимущими. Въ представленіяхъ о тысячелѣтнемъ царствѣ Христа на землѣ съ отрицаніемъ государства и его учрежденій, т.-е. всякаго закона и начальства, всякаго принужденія и насилія, судовъ, налоговъ, военной службы всегда въ большей или меньшей мѣрѣ соединялись стремленія коммунистическаго характера, и вотъ только этотъ коммунистическій анархизмъ въ эпохи религіознаго возбужденія массъ могъ находить въ нихъ сочувственные отклики. Элементы и индивидуалистическаго анархизма, и анархизма коммунистическаго мы обнаруживаемъ въ цѣломъ рядѣ ересей и сектъ, начиная, напр., съ извѣстной проповѣди вѣчнаго евангелія въ XIII в., продолжая революціонными сектами гуситскаго движенія въ Чехіи XV в. и анабаптистскаго движенія въ Германіи XVI в. и кончая англійскими „людьми пятой монархіи“ временъ первой революціи середины XVII в. съ преобладаніемъ индивидуалистическаго анархизма у идеологовъ движенія и коммунистическаго анархизма у ихъ послѣдователей.

Демократическое движеніе французской революціи, какъ извѣстно, довольно рано утратило свой первоначально индивидуалистическій характеръ. Якобинцы были ярыми государственниками, придумавшими позорную, съ ихъ точки зрѣнія, кличку „инцивизма“ для всѣхъ проявленій индивидуальной свободы [1]). „Общественный договоръ“ Руссо, бывшій ихъ евангеліемъ, хотя и исходилъ изъ идеи договорнаго происхожденія государства, проповѣдовалъ, однако, неограниченное и непогрѣшимое народовластіе [2]). Тѣмъ же авторитарнымъ, антииндивидуалистическимъ духомъ отличались и французскія демократическія ученія первой половины XIX в. [3]). Самъ французскій соціализмъ въ

Хельчицкомъ и его времени“ (1908; вып. I) можно найти общую характеристику хиліазма гуситской эпохи несомнѣнно анархистическаго характера (вѣра въ исчезновеніе свѣтской принудительной власти, утрата законами всякой силы, отсутствіе всякихъ налоговъ, стр. 51): Хельчицкій рѣшительно объявлялъ свѣтскую власть среди христіанъ язычествомъ, вообще зломъ по обремительности ея для подданныхъ. *Н. Ястребовъ*, I, 149. Ср. 116—118, особенно 160 и слѣд.

[1]) Т. III, стр. 583—584.

[2]) Т. III, стр. 207 и слѣд.

[3]) Т. V, гл XIV.

своемъ сенъ-симонистскомъ теченіи со всѣми его позднѣйшими развѣтвленіями былъ направленіемъ, рѣзко враждебнымъ индивидуализму [1]), и исключеніе составлялъ только фурьеризмъ, въ которомъ были, наоборотъ, сильны индивидуалистическія стремленія. Самыми выпуклыми образцами антииндивидуалистическаго соціализма тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ XIX в. являются во Франціи, во-первыхъ, ученіе Бюшеза, соединявшее воедино католицизмъ, якобинизмъ и соціализмъ, и во-вторыхъ, „икаризмъ“ Кабе съ его „каторжнымъ братствомъ“, по характерному выраженію Герцена. Нужно не забывать, что и самый терминъ „соціализмъ“ возникъ въ противоположность термину „индивидуализмъ“ [2]), и притомъ не только въ смыслѣ обобществленія производства, замѣны частнаго хозяйства общественнымъ, но и въ смыслѣ полнаго подчиненія индивидуальной жизни соціальнымъ цѣлямъ, какъ того въ древности требовалъ для своей идеальной республики Платонъ. По отношенію къ господствовавшему во Франціи въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ соціализму, даже, такъ сказать, самый умѣренный анархизмъ долженъ разсматриваться, какъ явленіе полярное, занимающее противоположный конецъ на линіи различныхъ пониманій того, въ какихъ отношеніяхъ должны находиться между собою личное и общественное начала человѣческой жизни, въ родѣ того, какъ противоположны одно другому пониманія взаимныхъ отношеній власти и свободы у Гоббза и Локка. Съ одной стороны, это — требованіе общественности, всецѣло подчиняющей себѣ и поглощающей въ себѣ отдѣльныя личности, съ другой, — требованіе отдѣльной личности, не желающей подчиняться какимъ-либо узамъ, извнѣ на нее налагаемымъ обществомъ, и потому стремящейся къ упраздненію какой бы то ни было постоянной, независимой отъ желанія или согласія личности общественной организаціи.

Вотъ почему можно сказать, что въ эпоху господства авторитарнаго соціализма анархическія заявленія могли существовать лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, тѣмъ болѣе, что даже либерализмъ, который никогда не выводилъ изъ своего основного принципа что-либо, напоминающее упраздненіе государства, осуждался представителями соціализма, какъ слишкомъ эгоистическое направленіе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о чисто внутренней свободѣ, о свободѣ мнѣнія и убѣжденія. Извѣстно, какъ съ этой точки зрѣнія Бюшезъ нападалъ на протестантизмъ и раціонализмъ, на автономію личной совѣсти и автономію личнаго разума, которымъ онъ противополагалъ категорическое единство въ видѣ высшаго идеала.

Обращаясь къ литературѣ соціальныхъ утопій или, какъ ихъ

[1]) Т. V, гл. XIII.
[2]) Т. V, стр. 295.

называлъ Робертъ Моль, государственныхъ романовъ [1]), мы не можемъ не отмѣтить, что всѣ онѣ основываются на понятіи идеальнаго общественнаго или государственнаго устройства, устанавливаемаго законами, подъ властью которыхъ въ полномъ благополучіи будутъ жить отдѣльные члены общества. Нерѣдко въ эти утопіи включаются, въ преображенномъ видѣ, разныя принудительныя и репрессивныя мѣропріятія, хотя бы при этомъ и обѣщалось, что кандалы, въ которыя будутъ заковываться преступники, будутъ дѣлаться не изъ желѣза, а изъ серебра. Фурьеристическая утопія, доводившая элементъ власти въ идеальномъ обществѣ до минимума (въ виду того, что люди будутъ, повинуясь страстному влеченію, дѣлать только одно полезное для общества), и та равнымъ образомъ рисовала іерархическое объединеніе всего человѣчества въ своего рода всемірное государство съ „пивотальнымъ омніархомъ“ во главѣ въ Константинополѣ [2]). Теперешній государственный порядокъ не хорошъ, а потому долженъ быть замѣненъ другимъ, лучшимъ, но государственнымъ же порядкомъ. Мысль объ упраздненіи элемента государственности изъ человѣческаго общежитія въ исторіи утопій—явленіе вообще рѣдкое, исключительное и притомъ болѣе позднее, чего не можетъ не отмѣтить ни одна серьезная исторія анархизма, какъ теоріи. Притомъ только болѣе тщательное разыскиваніе проявленій анархистической мысли въ прошломъ обнаруживаетъ иногда ея присутствіе тамъ, гдѣ прежде на нее не обращали вниманія или просто даже ея не замѣчали.

Наприм., во всѣхъ исторіяхъ политической экономіи или въ спеціальныхъ трудахъ о Мальтусѣ всегда указывалось, что его „Опытъ о законѣ народонаселенія“ былъ написанъ въ опроверженіе „Изслѣдованія о политической справедливости“ Годвина [3]), утверждавшаго, что всѣ общественныя бѣдствія проистекаютъ изъ дурного распредѣленія между людьми матеріальныхъ благъ: стоитъ только ввести лучшее ихъ распредѣленіе, и тогда всякій будетъ имѣть все, что нужно для жизни, правда, очень простой, но такой, которая дастъ возможность всѣмъ совершенствоваться въ духовномъ отношеніи. Излагая идеи Годвина, историки имѣли въ виду исключительно ту сторону его ученія, которою объясняется возникновеніе теоріи Мальтуса, доказывавшаго, что бѣдствія человѣчества зависятъ не отъ дур-

---

[1]) Сочиненія о нихъ указаны въ т. IV, стр. 515.

[2]) Т. IV, стр. 655.

[3]) Объ этомъ см. т. IV, стр. 598. Новѣйшая литература о Годвинѣ: *Helène Saitzeff.* William Godwin und die Anfänge des Anarchismus im XVIII Jahrhundert (1907).—*P. Ramus.* William Godwin, der Theoretiker des kommunistischen Anarchismus (1907). Какъ указываютъ самыя названія этихъ книгъ, Годвинъ разсматривается въ нихъ именно со стороны своего анархизма.

ного устройства общества, а отъ дѣйствія одного изъ законовъ природы. Только въ очень недавнее время заговорили о Годвинѣ, какъ объ одномъ изъ предшественниковъ современнаго анархизма. Годвина готовы теперь называть даже „первымъ анархистомъ-мыслителемъ, который довольно подробно развилъ и обосновалъ антигосударственную доктрину“ [1]). Дѣйствительно, Годвинъ является отрицателемъ государства, кладутъ ли въ его основу насиліе (что̀ понятно само собою), божественное право или даже договоръ,—въ послѣднемъ случаѣ потому, что мы „не можемъ отречься отъ нашей нравственной самостоятельности, какъ нашей неотъемлемой собственности, которую мы не можемъ ни продать, ни подарить“, въ силу чего „никакое правительство не можетъ основывать свое насиліе на первоначальномъ договорѣ“. По мнѣнію Годвина, „каждое правительство соотвѣтствуетъ тому, что̀ греки называютъ тираніей: единственная разница, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что въ странахъ съ деспотическимъ правленіемъ насиліе производитъ равномѣрное давленіе на нашъ духъ, въ то время, какъ въ республикахъ нашъ духъ остается подвижнѣе, и насиліе скорѣе слѣдуетъ теченію общественнаго мнѣнія“. „Мы, заявляетъ еще Годвинъ, не должны никогда забывать, что всякое правительство есть зло, ибо оно лишаетъ насъ собственнаго сужденія и совѣсти“. Общество и государство, по ученію Годвина, имѣютъ разное происхожденіе: „общество явилось на почвѣ нашихъ нуждъ, государство же на почвѣ нашихъ недостатковъ; общество во всякомъ случаѣ—благо, государство въ лучшемъ случаѣ—неизбѣжное зло“. Въ будущемъ люди будутъ соединяться въ общества лишь „взаимнымъ размышленіемъ относительно общественной пользы“; нужно только, чтобы такія общества были малолюдны и по возможности поменьше соприкасались между собою. Самое водвореніе будущей общественности безъ государства Годвинъ мыслилъ не иначе, какъ результатъ не насильственнаго переворота, а всеобщаго просвѣтленія путемъ убѣжденія и взаимнаго соглашенія. Весьма характерно, что это индивидуалистическое ученіе возникло въ Англіи, гдѣ передовая общественная мысль еще съ XVII в. всегда была настроена болѣе индивидуалистически, въ противоположность французской политической мысли, въ которой было, наоборотъ, всегда очень сильно антииндиви-

---

[1]) Слова *Л. Кульчицкаго* въ его общемъ трудѣ объ анархизмѣ (стр. 6), гдѣ онъ даже прямо говоритъ, что „исторія анархизма начинается съ момента выхода знаменитаго произведенія англійскаго мыслителя въ 1793 г. подъ заглавіемъ An Inquiry concerning political justice etc.“ (стр. 6). Болѣе подробно, чѣмъ у Кульчицкаго (стр. 7 — 10), изложено ученіе Годвина у *Эльцбахера* (стр. 22—60 по берлинскому изд. 1903 г.). Въ предыдущемъ примѣчаніи указаны спеціальныя соч. о Годвинѣ, какъ о теоретикѣ анархизма.

видуалистическое теченіе. У Годвина нашлось и въ Англіи, и въ Америкѣ немало послѣдователей, среди которыхъ были и продолжатели его литературнаго обоснованія анархизма [1]).

Болѣе непосредственное отношеніе къ континентальному анархизму на рубежѣ двухъ половинъ XIX в. имѣетъ ученіе Іоганна Каспара Шмидта, болѣе извѣстнаго подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ Макса Штирнера, въ 1845 г. выпустившаго въ свѣтъ знаменитую книгу „Единственный и его собственность“ [2]). Намъ уже пришлось говорить объ этомъ выдающемся своею оригинальностью писателѣ [3]) въ связи съ развитіемъ лѣво-гегельянскаго движенія въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ XIX в., отличавшагося индивидуалистическимъ критицизмомъ въ противоположность правому гегельянству съ его стремленіемъ подъискивать философскія обоснованія для религіозныхъ и политическихъ традицій германской націи. Безусловный индивидуализмъ, проповѣдовавшійся Бруно Бауеромъ въ области мысли, Штирнеръ переносилъ въ область жизни. Въ свое время мысли Штирнера не обратили, впрочемъ, на себя вниманія общества, а нѣкоторые просто считали его сумасшедшимъ, едва ли и заслуживающимъ какого-либо вниманія [4]). Въ настоящее время ему, наоборотъ, отводится весьма видное мѣсто въ исторіи анархизма, какъ „самому крайнему индивидуалисту изъ всѣхъ, бывшихъ до и послѣ него“ (Л. Кульчицкій), и нѣкоторые историки анархизма даже съ него и начинаютъ изложеніе теоріи этого направленія [5]). Во всякомъ случаѣ на современниковъ и ближайшее потомство онъ не оказалъ никакого вліянія, почему его ученіе можетъ быть здѣсь отмѣчено лишь по своей связи съ тою умственною атмосферою, которая была создана нѣмецкимъ философскимъ радикализмомъ исхода первой половины XIX в., этимъ, какъ было сказано, умственнымъ движеніемъ критико-индивидуалистическаго характера, разрушавшимъ всѣ старыя традиціи въ сферахъ религіи, философіи, морали, права и государства. Своей

---

[1]) Томсонъ, авторъ „Изслѣдованія принциповъ распредѣленія богатства“ (1824), а въ болѣе позднее время Тукеръ, издатель анархистическаго еженедѣльника „Liberty“ въ Америкѣ и др.

[2]) Есть въ русскихъ переводахъ. Одинъ изъ нихъ съ комментаріями и съ большой вступительной статьей *Макая* „Жизнь и творчество Макса Штирнера“ изданъ фирмою „Свѣточъ“ въ 1907 г. См. еще *Дж. Макай.* Максъ Штирнеръ, его жизнь и ученіе (1907).—*V. Basch.* L'individualisme anarchiste. Max Stirner.

[3]) Т. V, стр. 358.

[4]) Въ русской литературѣ въ болѣе близкое къ намъ время о немъ однимъ изъ первыхъ заговорилъ покойный *Владиміръ Соловьевъ* въ „Кризисѣ западной философіи“.

[5]) См., наприм., *Цѣкколи.*

философіей Штирнеръ стремился освободить человѣческую личность изъ-подъ власти всѣхъ отвлеченныхъ идей, надъ нею тяготѣющей, каковы идеи Бога, долга, права, отечества, человѣчества, семьи, собственности, государства и т. п. во имя эгоистическаго личнаго блага, какъ единственнаго руководящаго начала всего поведенія личности. Съ его точки зрѣнія индивидуальная свобода и государство, это — два непримиримыхъ врага, и государство всегда будетъ тиранномъ, будутъ ли властвовать въ немъ одинъ, немногіе или всѣ. Если бы всѣ граждане единогласно приняли какой-либо законъ, развѣ это устраняло бы возможность угнетенія? Сегодня я, положимъ, самъ далъ согласіе на этотъ законъ, но развѣ я обязанъ ему подчиняться завтра, если я найду, что, давъ свое согласіе, поступилъ глупо? Единственною разумною формою общежитія, вмѣсто безусловно отвергавшагося имъ государства, авторъ „Единственнаго и его собственности“ признавалъ лишь совершенно свободный союзъ эгоистовъ. Въ вопросѣ о собственности Штирнеръ стоялъ тоже на радикально-индивидуалистической точкѣ зрѣнія: „На какую собственность имѣю я право?“— спрашивалъ онъ, напримѣръ, и тутъ же отвѣчалъ: „На всякую, для достиженія которой я имѣю силы... То, что я могу имѣть, это—моя собственность... Собственность не можетъ быть уничтожена, но должна быть отнята изъ рукъ привидѣній и сдѣлаться моею собственностью; тогда исчезнетъ ошибочное убѣжденіе, будто я не имѣю право настолько, сколько мнѣ необходимо“. Что касается до осуществленія въ жизни полной свободы отдѣльной личности, то, по мнѣнію Штирнера, оно будетъ результатомъ сначала внутренняго переворота въ мысляхъ и настроеніи нѣкотораго количества людей, которые окажутся достаточно сильными для того, чтобы потомъ произвести и внѣшній переворотъ, т.-е. совершенно и окончательно устранить право, государство и собственность изъ людского обихода.

Гораздо большее вліяніе на современниковъ и на соціальное движеніе своей эпохи оказалъ Прудонъ, о которомъ болѣе подробно было также говорено въ V томѣ „Исторіи Западной Европы“ [1]). Въ первомъ, прославившемъ его имя, трудѣ своемъ „Что такое собственность?“ онъ самъ опредѣляетъ свое ученіе о правѣ, государствѣ и собственности, какъ ученіе анархизма. „Какой формѣ правленія, — спрашиваетъ онъ здѣсь,—мы должны отдать предпочтеніе? Но развѣ,

---

[1]) Въ главѣ XIII, стр. 310 и слѣд. и въ главѣ XXXI, стр. 814 и слѣд. Тамъ шла рѣчь преимущественно объ экономическихъ взглядахъ Прудона, Къ указаннымъ тамъ соч. о Прудонѣ слѣдуетъ прибавить: *П. Боборыкинъ.* Пьеръ Жозефъ Прудонъ („Вѣстникъ Европы“ за 1875 г., мартъ, май, іюль и декабрь).—*Его же.* Послѣднія десять лѣтъ жизни Прудона (тамъ же за 1878 г., іюнь—сентябрь).

возразитъ мнѣ кто-либо изъ моихъ молодыхъ читателей, въ этомъ можетъ быть какое-либо сомнѣніе: вы—республиканецъ.—Если хотите, я республиканецъ, но это слово неопредѣленно. Res publica значитъ общественное дѣло, и потому всякій, кто независимо отъ формы правленія защищаетъ общественное дѣло, можетъ называться республиканцемъ. Короли тоже республиканцы.—Такъ вы, значитъ, демократъ?—Нисколько. — Въ такомъ случаѣ, неужели вы монархистъ? — Тоже нѣтъ.—Либералъ?—Сохрани меня Богъ.—Аристократъ? Ни въ какомъ случаѣ. — Тогда вы за смѣшанный образъ правленія? — Еще того менѣе. — Кто же вы послѣ всего этого? — Я — анархистъ". Анархію или, какъ начертывалъ это слово самъ Прудонъ, ан-архію, онъ понималъ въ смыслѣ отсутствія всякой власти, т.-е. въ смыслѣ противопоставленія всякой формѣ правленія—республикѣ и монархіи, демократіи и аристократіи, какому бы то ни было конституціонному строю, какимъ бы то ни было политическимъ формамъ. Книга Прудона о собственности вышла въ свѣтъ въ 1840 г., почти въ одно время съ „Организаціей труда" Луи Блана и съ „Путешествіемъ въ Икарію" Кабе. Прудонъ радикальнѣйшимъ образомъ расходился и съ авторитарнымъ соціализмомъ перваго и съ коммунизмомъ второго. „Коммунисты, по его мнѣнію, это—устрицы, прикрѣпленныя одна около другой, безъ дѣятельности и чувства, на скалѣ братства". Онъ не сочувствовалъ ни одной партіи: для него всѣ онѣ были лишь видоизмѣненіями абсолютизма, такъ какъ всѣ одинаково стремятся ко власти и дѣйствуютъ посредствомъ принужденія и насилія. Основнымъ принципомъ всего ученія Прудона была идея справедливости [1]), въ основу которой онъ полагалъ индивидуалистическій принципъ человѣческаго достоинства всякой личности, требующаго къ себѣ уваженія со стороны другихъ. Общественная жизнь съ точки зрѣнія Прудона должна покоиться на свято соблюдаемыхъ договорахъ между отдѣльными лицами, всякія же общественныя узаконенія въ его глазахъ. это — паутина, черезъ которую легко проходятъ богатые и сильные, и, наоборотъ, крѣпкія сѣти, опутывающія бѣдныхъ и слабыхъ. Отрекаясь отъ идей права, государства и собственности въ ихъ современномъ пониманіи, Прудонъ тѣмъ не менѣе не отрицалъ необходимости политической организаціи; только онъ хотѣлъ, чтобы она покоилась на организаціи экономической, заключающейся въ правильномъ устройствѣ взаимнаго обмѣна услугъ, который самъ долженъ быть совершенно добровольнымъ, для чего и долженъ основываться на договорахъ или соглашеніяхъ. Мы не касаемся здѣсь вопроса о томъ, какъ думалъ Прудонъ

[1]) Совершенно напрасно переводчикъ книги *Цóкколи* слово „justice" переводитъ словомъ „правосудіе".

это осуществить на дѣлѣ [1]), но именно въ указанномъ принципѣ и заключался исходный пунктъ всего прудоновскаго „мутуализма". Мѣсто государства, какъ политической организаціи, въ сущности, должна была заступить организація экономическая, и ан-архія должна была въ ней царить не въ смыслѣ отсутствія правилъ, т.-е. въ смыслѣ безпорядка, а въ смыслѣ отсутствія какого бы то ни было господина или государя (absence de maître, de souverain), даже коллективнаго, какимъ является народъ, такъ какъ власть при подобной анархической организаціи будетъ замѣнена свободнымъ договоромъ заинтересованныхъ сторонъ. Впрочемъ, мнѣнія Прудона по вопросу объ организаціи съ теченіемъ времени мѣнялись, и въ концѣ концовъ онъ не изгонялъ безусловно изъ своего ан-архическаго общества элементъ власти. Устанавливая на основаніи договоровъ между отдѣльными личностями общественныя группы, Прудонъ соединялъ и ихъ — посредствомъ взаимныхъ же между ними соглашеній—въ коллективныя единицы второй ступени, эти послѣднія—въ еще болѣе крупныя единицы и т. д., что̀ сопровождалось и установленіемъ іерархіи соотвѣтственныхъ должностныхъ лицъ, конечно, всегда выборныхъ, вплоть до своего рода министровъ отдѣльныхъ спеціальностей. Онъ даже высказывался за національное собраніе съ функціями законодательства и контроля надъ должностными лицами. Въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ „Du principe fédératif" Прудонъ прямо и опредѣленно говоритъ, что анархія въ своемъ чистомъ видѣ можетъ быть только идеаломъ, который никогда не можетъ получить полнаго осуществленія, такъ какъ на практикѣ общество не въ состояніи существовать безъ какихъ бы то ни было элементовъ власти: какую бы форму общежитія мы ни взяли, всегда въ ней мы найдемъ сочетаніе, въ той или другой пропорціи, съ одной стороны, власти, съ другой свободы. Извѣстно, что и собственность Прудонъ отрицалъ не безусловно и даже очень рѣзко выступалъ противъ коммунизма, но его взгляды на этотъ предметъ до извѣстной степени отличались неуловимостью, что̀ и было причиной противорѣчивости въ ихъ пониманіи разными писателями, ихъ излагавшими и критиковавшими. Что касается до осуществленія своихъ требованій отъ общественнаго строя, основаннаго на мутуализмѣ, то Прудонъ въ этомъ вопросѣ стоялъ за мирный путь: все дѣло въ томъ, чтобы люди прониклись убѣжденіемъ въ истинности извѣстныхъ принциповъ, въ ихъ справедливости, въ практическомъ превосходствѣ, въ цѣлесообразности извѣстныхъ отношеній, насильственная же революція,— повторялъ онъ, — ни къ чему не приведетъ. Мало того, онъ считалъ вполнѣ возможнымъ и при существующемъ государствѣ дать народу

[1]) T. V, стр. 815—816.

примѣръ совершенно свободной организаціи путемъ основанія народнаго банка, который организовалъ бы отдѣльные общественные элементы, обезпечивъ всѣхъ работою и всѣмъ давъ благосостояніе, а также путемъ образованія кооперативныхъ союзовъ, которые лежали бы въ основѣ всеобщей федераціи въ областяхъ и сельскаго хозяйства, и обрабатывающей промышленности.

Вотъ эта практическая сторона ученія Прудона и сдѣлала его потомъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей среди французскихъ рабочихъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Французскому пролетаріату еще слишкомъ памятно было пораженіе 1848 г., послѣ котораго едва пошелъ второй десятокъ лѣтъ, и мирный путь, рекомендовавшійся Прудономъ, казался потому вѣрнѣе ведущимъ къ цѣли, нежели новыя революціонныя выступленія. Въ лозунгахъ сороковыхъ годовъ французскіе рабочіе извѣрились — и въ „Икаріи“ Кабе, и въ „правѣ на трудъ“ Луи Блана, и ихъ всецѣло замѣнилъ прудоновскій мутуализмъ. Кромѣ рабочихъ, Прудону симпатизировала и мелкая буржуазія, къ которой у него самого было своего рода тяготѣніе [1]), и онъ хотѣлъ образовать среди этихъ двухъ общественныхъ классовъ съ лучшими людьми изъ буржуазной интеллигенціи особую партію, но онъ умеръ въ самый разгаръ своей популярности (1865), вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ книги „О федеративномъ принципѣ и необходимости возстановить партію революціи“ (1863). Нужно замѣтить, что извѣстную роль французскіе мутуалисты играли въ дѣлѣ основанія Интернаціонала [2]), и мы увидимъ еще [3]), что мутуализмъ проявилъ себя равнымъ образомъ и въ исторіи парижской коммуны 1871 г., и что даже въ самомъ началѣ соціалистическаго движенія семидесятыхъ годовъ чувствовалось еще нѣкоторое вліяніе идей Прудона [4]). Глав-

---

[1]) Т. V, стр. 817.

[2]) Ср. выше, стр. 41, 48, 52.

[3]) Въ главѣ V.

[4]) Въ изданіи соціально-революціонной партіи „Анархія по Прудону“, выпущенномъ въ свѣтъ въ 1874 г. (безъ обозначенія мѣста изданія) съ пропагандистскими цѣлями, мы читаемъ: „изъ всѣхъ мыслителей, способствовавшихъ развитію современнаго соціализма, самую большую славу пріобрѣлъ Прудонъ“. Издатели взяли на себя задачу изложить, однако, не всего Прудона, а только „ту часть его теорій, которая, — какъ они выражаются, — вошла въ общественную жизнь, будучи принята въ программу Международнаго рабочаго общества“, т.-е. (цитируя другое мѣсто) „представить, насколько возможно, общій сводъ федералистскаго ученія организаціи труда въ томъ видѣ, въ какомъ оно понимается большинствомъ Международнаго общества рабочихъ“. Это тоже одно изъ указаній того значенія, какимъ пользовались идеи Прудона еще въ серединѣ семидесятыхъ годовъ. Нужно, впрочемъ, прибавить, что составитель книжки отнесся отрицательно къ позднѣйшимъ сочиненіямъ Прудона, положивъ въ основу изложенія его анархіи „Исповѣдь революціонера“

ное, что̀ въ этихъ теоріяхъ привлекало къ себѣ вниманіе рабочихъ, заключалось не въ индивидуалистической тенденціи всего политическаго міросозерцанія Прудона, а въ его планѣ экономической реформы, вслѣдствіе чего мутуалистовъ можно съ полнымъ правомъ называть соціалистами, но едва ли къ нимъ вполнѣ приложимъ терминъ анархистовъ. Тѣмъ, однако, что анархистъ Прудонъ, съумѣлъ заинтересовать своей соціальною системою рабочихъ, онъ показалъ, въ соединеніи съ какими только стремленіями анархизмъ могъ бы сдѣлаться предметомъ пропаганды въ массахъ. Еще болѣе объясняетъ намъ это послѣднее явленіе дѣятельность Бакунина [1]).

Имя Бакунина тоже называлось уже нами въ V томѣ настоящаго труда. Бакунинъ упоминался въ числѣ сотрудниковъ радикальныхъ „Deutsch-französischen Jahrbücher“ Руге въ началѣ сороковыхъ годовъ [2]), потомъ въ числѣ участниковъ славянскаго съѣзда въ Прагѣ въ 1848 [3]) и, наконецъ, въ числѣ вождей революціоннаго возстанія въ Дрезденѣ въ 1849 г., когда онъ съигралъ роль настоящаго диктатора [4]).—Русскій дворянинъ, Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, покинувшій родину еще въ 1840 г., сначала принялъ участіе въ происходившемъ тогда въ Германіи лѣво-гегельянскомъ движеніи и даже напечаталъ въ 1842 г. подъ псевдонимомъ Элизара двѣ статьи о германской реакціи, проникнутыя духомъ лѣваго гегельянства и французской революціи: одного внутренняго, духовнаго освобожденія, проповѣдуемаго школой Гегеля, мало; оно должно быть дополнено, какъ своимъ постулатомъ, и свободою во внѣшнемъ, политическомъ смыслѣ. Вскорѣ послѣ этого Бакунинъ познакомился съ извѣстнымъ нѣмецкимъ соціалистомъ Вейтлингомъ [5]), подъ влія-

(1849) и „Общую идею революціи XIX в.“ (1851). „Планъ ликвидаціи“ современнаго общества и „разныя экономическія теоріи, лично принадлежащіе Прудону“, составитель называетъ „вещами побочными, которыя можно оставлять совершенно въ сторонѣ“.

[1]) О Бакунинѣ см. во всѣхъ трудахъ, посвященныхъ анархизму, а также въ сочиненіяхъ по исторіи Интернаціонала. Спеціальная о немъ монографія, какъ я это узналъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отъ проф. краковскаго университета кс. Павлицкаго, была издана *Nettlau*, но только въ количествѣ 50 экземпляровъ, которые въ продажу не поступали и лишь были разосланы въ нѣкоторыя библіотеки. Объ этой рѣдкой книгѣ упоминаетъ и Кульчицкій. Названіе ея: „Michel Bakunin, eine Biographie“, но въ спискѣ трудовъ о Бакунинѣ въ брошюрѣ *В. Н. Андерсена* „М. А. Бакунинъ“ она отмѣчена по англійски: „The Life of M. Bacounine“ (1896 — 1898). См., кромѣ того, *A. Franzos.* M. Bakunin et la philosophie de l'anarchie.—*Л. Кульчицкій.* М. А. Бакунинъ, его идеи и дѣятельность (брош.).

[2]) Т. V, стр. 361.

[3]) Т. V, стр. 573.

[4]) Т. V, стр. 555—556.

[5]) Т. V, стр. 386—387.

ніемъ идей котораго написалъ нѣсколько статеекъ въ одной швейцарской газетѣ на французскомъ языкѣ. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ, во время пребыванія своего въ Парижѣ, онъ сошелся съ Прудономъ и Марксомъ, между которыми въ то время существовали близкія отношенія [1]). Та умственная подготовка, какую Бакунинъ получилъ въ лѣвомъ гегельянствѣ, позволила ему вполнѣ оцѣнить съ своей индивидуалистической точки зрѣнія основную анархистическую идею Прудона, а увлеченіе Вейтлингомъ создало готовую почву для усвоенія того, что̀ самъ Марксъ называлъ въ своемъ міросозерцаніи коммунизмомъ. Здѣсь же, въ Парижѣ, Бакунинъ сблизился съ польскими эмигрантами и за одну публичную рѣчь въ защиту польской революціонной идеи даже подвергся высылкѣ изъ Франціи. Конечно, о возвращеніи въ Россію ему и думать уже не приходилось послѣ того, какъ его идеи, его связи, его поступки сдѣлались извѣстными русскому правительству. Послѣ февральскаго переворота 1848 г. Бакунинъ возвратился изъ Брюсселя, гдѣ проживалъ послѣ своей высылки, въ Парижъ, и здѣсь съ головою окунулся въ бурную революціонную агитацію, а потомъ уѣхалъ въ Германію, чтобы и тамъ работать на пользу революціи. Мы только-что упоминали о его участіи въ пражскомъ славянскомъ съѣздѣ. Прибавимъ, что въ это время онъ проповѣдовалъ своего рода панславизмъ [2]), требуя освобожденія Польши и славянскихъ народовъ, подвластныхъ Австріи и Турціи, и образованія всеславянской федераціи съ общимъ сеймомъ и съ демократическимъ строемъ внутри каждаго народа. Пражское возстаніе 1848 г., потерпѣвшее пораженіе, было подготовлено дѣятельностью Бакунина и даже прямо было имъ руководимо. Въ слѣдующемъ году мы видимъ его и во главѣ дрезденскаго возстанія, послѣ чего, арестованный во время бѣгства изъ Дрездена, онъ просидѣлъ цѣлый рядъ лѣтъ въ тюрьмахъ Саксоніи, Австріи и Россіи. Въ Саксоніи его сначала приговорили-было къ смертной казни, но король помиловалъ его, замѣнивъ казнь вѣчнымъ заточеніемъ; потомъ онъ былъ выданъ Австріи по требованію ея правительства, желавшаго черезъ него раскрыть нити и корни славянской революціи, и еще разъ былъ приговоренъ къ смертной казни, тоже не приведенной въ исполненіе, а послѣ этого по требованію изъ Петербурга, какъ русскій подданный, онъ былъ выданъ русскому правительству. Восемь лѣтъ, вслѣдъ за двухлѣтнимъ заключеніемъ въ нѣмецкихъ тюрьмахъ, просидѣлъ затѣмъ Бакунинъ въ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостяхъ и въ 1859 г. сосланъ

---

[1]) Т. V, стр. 389 и выше, стр. 44.

[2]) Т. V, стр. 555—556. О тогдашнихъ панславистическихъ стремленіяхъ вообще см. т. V, стр. 406 и слѣд.

въ Сибирь. Ему, какъ извѣстно, въ 1861 г. удалось, однако, бѣжать изъ Сибири черезъ Японію и Сѣверную Америку въ Лондонъ. Въ это время онъ все еще былъ занятъ мыслью о полномъ разрушеніи реакціонной Австрійской имперіи, объ освобожденіи Польши, о славянской федераціи; и въ 1863 г. онъ думалъ и даже хлопоталъ о дѣятельномъ съ своей стороны участіи въ происходившемъ тогда въ русской Польшѣ возстаніи. Въ 1864 г., не сошедшись съ главарями польскаго возстанія, Бакунинъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ къ тому времени еще не успѣло улечься возбужденіе освободительнаго и объединительнаго движеній 1859 — 61 гг. Здѣсь онъ радикально разошелся съ Гарибальди и Мадзини, находя ихъ дѣятельность, исключительно политическую, недостаточною и одностороннею, не соглашаясь и съ мадзиніевской формулой „Богъ и народъ“ [1]), первая половина которой шла въ разрѣзъ съ его атеизмомъ, вторая же казалась слишкомъ абстрактной, поскольку итальянскій патріотъ, по его мнѣнію, больше былъ занятъ величіемъ итальянской націи, нежели благосостояніемъ составляющихъ ее единицъ. Италія въ теченіе всей первой половины XIX в. была классическою страною заговоровъ, тайныхъ обществъ, революцій, и вотъ Бакунинъ [2]) въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ организовалъ здѣсь особое „международное братство“, главными пунктами программы котораго были атеизмъ, замѣна государства добровольными союзами, установленіе коллективной собственности, объявленіе труда основою правильной общественной организаціи. Именно въ эти годы Бакунинъ, проповѣдовавшій еще во второй половинѣ сороковыхъ годовъ федерализмъ, сдѣлался настоящимъ анархистомъ. Къ 1868 г. его спеціальное міровоззрѣніе можно считать уже вполнѣ сложившимся, и выраженіемъ его была его работа „Федерализмъ, соціализмъ и антитеологизмъ“, которую онъ представилъ собравшемуся въ Женевѣ съѣзду „Лиги мира и свободы“. Къ этому же времени относится основаніе Бакунинымъ международнаго „Союза соціальной демократіи“, чисто революціонной организаціи, которая и въ программѣ, и въ тактикѣ шла гораздо далѣе Интернаціонала. Едва основавъ этотъ союзъ, Бакунинъ сталъ добиваться включенія его, какъ

---

[1]) Т V, стр. 429 и 674. Для послѣдователей Мадзини Бакунинъ былъ „нигилистомъ“.

[2]) Припомнимъ слѣдующія строки Герцена о Бакунинѣ: „онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади и баррикадъ, онъ любилъ также и приготовительную агитацію, эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспираціи, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ратификацій, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ“. Вообще о Бакунинѣ у Герцена довольно много (см. тт. II, III, V и VI Павленковскаго изданія).

единаго цѣлаго, въ составъ уже вполнѣ сформировавшагося тогда Интернаціонала.

Въ изложеніи исторіи послѣдняго мы остановились какъ-разъ на этомъ моментѣ [1]), чтобы прервать это изложеніе только-что сдѣланнымъ экскурсомъ объ анархизмѣ; но намъ нужно еще нѣсколько продолжить этотъ экскурсъ, чтобы окончить разсмотрѣніе роли Бакунина въ исторіи анархизма, какъ теоріи.

Бакунинъ былъ не только агитаторомъ и организаторомъ, но и теоретикомъ анархизма. Онъ писалъ очень много [2]) и еще болѣе, быть можетъ, собирался написать, но кипучая практическая дѣятельность, большею частью принимавшая характеръ непрерывной конспираціи со всѣми ея отвлекающими отъ систематическаго труда сторонами, мѣшала ему въ его литературныхъ занятіяхъ вообще и въ частности не дала ему возможности въ одномъ цѣломъ изложить свою теорію. Старый гегельянецъ,—быть можетъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, въ свое время познакомившійся съ ученіемъ Штирнера,—онъ впослѣдствіи усвоилъ и многія положенія контовскаго позитивизма. Это касается общихъ теоретическихъ основъ его міросозерцанія, проникнутаго „антитеологизмомъ“ [3]), по вопросамъ же соціальнымъ на немъ, какъ мы уже видѣли, сказалось двойственное вліяніе Прудона и Маркса. Въ общей критикѣ государственнаго начала человѣческихъ обществъ и въ вытекавшей изъ нея идеѣ анархіи Бакунинъ, несомнѣнно, зависѣлъ отъ Прудона, но былъ гораздо послѣдовательнѣе его въ отрицаніи государства, доходя здѣсь до логическаго конца, не дѣлая въ этомъ отношеніи никакихъ оговорокъ и поправокъ. По вопросу о собственности онъ также былъ далекъ отъ неопредѣленности и колебаній Прудона и отъ его отвращенія къ коммунизму, усвоивъ ученіе Маркса о коллективной общественной собственности. Въ своей теоріи Бакунинъ слилъ воедино анархическое и коллективистическое ученія, устранивъ изъ теорій своихъ предшественниковъ по анархизму всякіе слѣды государственной идеи, придавъ анархизму рѣзко революціонный характеръ и соединивъ съ защитою абсолютной свободы человѣческой личности проповѣдь передачи отдѣльнымъ общественнымъ группамъ всѣхъ орудій производства, начиная землею

---

[1]) См. выше, стр. 58—59.

[2]) Списокъ сочиненій Бакунина можно найти на стр. 70—71 брошюры *В. Андерсона* „М. А. Бакунинъ“ (1906).

[3]) Вольтеровское: „еслибы Бога не было, то его слѣдовало бы выдумать“ Бакунинъ въ своемъ антитеологизмѣ передѣлалъ въ собственное: „еслибы Богъ существовалъ, его слѣдовало бы уничтожить“. Другіе его антитеологическіе афоризмы: „Dieu est, donc l'homme est ésclave“ и „L'homme est intelligent, libre, juste, donc Dieu n'existe pas“.

съ ея нѣдрами (рудниками) и кончая фабриками и заводами съ ихъ машинами: только благодаря этому, анархизмъ и могъ превратиться изъ простого, такъ сказать, чисто умственнаго теченія въ настоящее общественное движеніе. Въ своей соціологической теоріи Бакунинъ былъ довольно близокъ къ экономическому матеріализму, такъ какъ полагалъ, что экономика лежитъ въ основѣ всѣхъ другихъ сторонъ общественной жизни, и притомъ хорошо понималъ, что голою защитою полнаго самоопредѣленія личности, или автономіи индивидуума, нельзя поднять массы на разрушеніе государства, религіи, права и т. п., что было цѣлью его стремленій. Мы напрасно, однако, стали бы искать у Бакунина сколько-нибудь разработаннаго представленія о будущемъ анархическомъ обществѣ, такъ какъ дѣло созиданія онъ предоставлялъ самому этому будущему, ставя современности задачу главнымъ образомъ разрушенія, расчистки почвы для будущаго строительства. Ради этого разрушенія и этой расчистки онъ проповѣдовалъ необходимость революціонныхъ выступленій народныхъ массъ, въ извѣстныхъ же случаяхъ и террористическихъ актовъ противъ единичныхъ представителей политическаго или экономическаго угнетенія. Такъ какъ, однако, и народныя возстанія, и терроръ требуютъ предварительной организаціи силъ, которая можетъ вестись только конспиративно, то Бакунинъ былъ поклонникомъ любителемъ заговоровъ и тайныхъ обществъ съ ихъ централизаціей и дисциплиной. То, что имъ изгонялось изъ будущаго общества, для осуществленія котораго онъ призывалъ къ революціи, наоборотъ, вводилось имъ въ его тайныя организаціи, т.-е. онъ вводилъ сюда властвованіе вожаковъ и подчиненіе второстепенныхъ дѣятелей съ сосредоточеніемъ всей руководящей силы въ одномъ мѣстѣ. Въ эти товарищества охотно шла ни къ чему не пристроенная часть интеллигенціи, а кромѣ нея, Бакунинъ особенно возлагалъ надежды на ту часть пролетаріата, которой дается у нѣмцевъ названіе Lumpenproletariat'a, у насъ босяковъ, отвергаемую соціалъ-демократіей. Въ Италіи Бакунинъ находилъ въ довольно большомъ количествѣ и интеллигентный (или полуинтеллигентный), и босяцкій пролетаріатъ, что и заставляло его сосредоточить свою дѣятельность на пропагандѣ анархизма преимущественно въ Италіи [1]).

Возвращаемся теперь къ прерванной исторіи Интернаціонала. Всту-

---

[1]) Въ Италіи Бакунинъ жилъ съ 1864 г., а въ началѣ семидесятыхъ годовъ дѣлалъ революціонныя попытки во Франціи и въ Испаніи. Неудача возстанія въ Болоньѣ, въ которомъ онъ принялъ участіе въ 1874 г., заставила его бѣжать и окончательно поселиться въ Локарно, но вскорѣ (1876 г.) онъ умеръ въ Бернѣ, куда пріѣхалъ-было лѣчиться. См. *M. Stromberg*, Bakounine en Italie („Revue Socialiste" за 1878 г.). Итальянцы не остались въ долгу передъ Бакунинымъ. *A. Costa*. Vita di Michele Bacunin (1877).

пивъ въ его составъ, Бакунинъ выразилъ желаніе, чтобы и его союзъ соціальной демократіи въ своемъ цѣломъ былъ тоже принятъ въ его составъ, и когда ему въ этомъ было отказано, произошло фиктивное распущеніе союза, за которымъ послѣдовало вступленіе въ Интернаціоналъ одной за другою по одиночкѣ отдѣльныхъ его секцій. Такая тактика была придумана Бакунинымъ для превращенія Международнаго общества рабочихъ въ чисто-революціонную организацію. Впослѣдствіи Бакунинъ утверждалъ, что настоящимъ предшественникомъ Интернаціонала было основанное имъ Международное братство [1]), но мы даже не знаемъ, имѣемъ ли мы право видѣть въ этомъ „братствѣ“ зародышъ того „союза“, который Бакунинъ пытался включить въ составъ Интернаціонала. Во всякомъ случаѣ въ послѣднемъ Марксъ гораздо раньше Бакунина занялъ выдающееся положеніе, и для проведенія бакунинскихъ плановъ здѣсь не было надлежащихъ условій. Историки Интернаціонала и анархизма даютъ вообще различное освѣщеніе распрѣ между Марксомъ и Бакунинымъ. Иные готовы утверждать, что во взглядахъ того и другого не было принципіальной разницы, и что различіе между ними наблюдается только по отношенію къ особенностямъ ихъ ума и характера. На самомъ дѣлѣ было, конечно, не такъ. Какъ ни близки они были другъ другу по многимъ основнымъ пунктамъ отрицательной критики современнаго государственнаго и общественнаго строя, по не менѣе важнымъ пунктамъ они очень между собою расходились. Для Бакунина непосредственною цѣлью всѣхъ стремленій было разрушеніе государства, которое должно было наступить тотчасъ же послѣ побѣды народной революціи. Если, думалъ онъ, изъ прежняго порядка оставить неприкосновеннымъ хотя бы одно только какое-либо учрежденіе, то легко и вся разрушенная революціей организація, пожалуй, снова воспрянетъ къ жизни. Марксъ, наоборотъ, не разрушалъ государства, которое должно было только сдѣлаться орудіемъ диктатуры пролетаріата, когда, пользуясь своею властью, коммунисты начнутъ постепенно осуществлять новый соціально-экономическій строй, имѣющій, такимъ образомъ, не сразу водвориться, а лишь путемъ ряда перемѣнъ въ извѣстномъ направленіи [2]). Конечно, въ разногласіи Маркса и Бакунина играла не малую роль и разница въ свойствахъ ихъ ума и характера. Марксъ былъ

---

[1]) См. выше, стр. 72.

[2]) „Я, писалъ Бакунинъ нѣсколько позднѣе вступленія въ Интернаціоналъ, презираю коммунизмъ, потому что онъ является отрицаніемъ свободы, а я не могу представить себѣ что либо человѣческое безъ свободы. Я не коммунистъ, потому что коммунизмъ концентрируетъ въ государствѣ всѣ общественныя силы и ставитъ во главѣ централизаціи собственности государство, въ то время, какъ я стремлюсь къ уничтоженію самого государства“.

сдержаннѣе, осторожнѣе, и потому оба они рѣзко расходились и въ пониманіи какъ непосредственныхъ задачъ, такъ и тактики Интернаціонала. Наконецъ, нѣкоторые историки не прочь въ объясненіи марксо-бакунинской распри выдвинуть на первый планъ и соперничество между ними чисто-личнаго характера съ мелочными и низменными мотивами. Это, конечно,—преувеличеніе, но несомнѣнно, что въ дѣлѣ не малую роль играли и чисто личныя дрязги. Бакунинъ, напр., жаловался, что еще „во время его скитаній по нѣмецкимъ и русскимъ тюрьмамъ Марксъ и его единомышленники распространяли про него въ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ грязную клевету, утверждая, будто онъ вовсе не былъ заключенъ въ крѣпость, а напротивъ, былъ принятъ императоромъ Николаемъ съ распростертыми объятіями и наслаждался въ Петербургѣ всѣми удовольствіями столичной жизни". Болѣе достовѣрно извѣстно, что надъ Бакунинымъ тяготѣло обвиненіе или подозрѣніе, совершенно нелѣпое, что онъ—русскій шпіонъ. Въ 1864 г. у него съ Марксомъ произошло объясненіе, окончившееся наружнымъ примиреніемъ, такъ какъ, по словамъ Бакунина, онъ уже болѣе не вѣрилъ Марксу, хотя, прибавляетъ онъ самъ, и не чувствовалъ болѣе къ нему непріязни. Потомъ, однако, снова возникли враждебныя отношенія между сторонниками Маркса и Бакунинымъ, причемъ дѣло доходило до разбирательства на судѣ чести. И въ оцѣнкѣ поведенія Маркса и Бакунина во время ихъ распри историки эпохи между собою очень несогласны. Для марксистовъ Бакунинъ является главнымъ виновникомъ дезорганизаціи Интернаціонала, геніемъ разрушенія, даже „чудовищною, политически-преступною натурою" (выраженіе Іекка), но другіе авторы, не принадлежащіе къ лагерю правовѣрныхъ марксистовъ, не видятъ ничего ужаснаго въ томъ, что Бакунинъ боролся съ Марксомъ, разъ искренне былъ убѣжденъ въ большей вѣрности своихъ взглядовъ сравнительно со взглядами Маркса (Кульчицкій). Это раздѣленіе мнѣній среди теперешнихъ историковъ движенія, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ распри двухъ наиболѣе видныхъ дѣятелей Интернаціонала, только иллюстрируетъ ту страстную, ожесточенную борьбу, которая велась тогда между обоими вождями и ихъ послѣдователями. На самомъ дѣлѣ, конечно, не бакунинская оппозиція марксизму привела Интернаціоналъ къ разрушенію въ семидесятыхъ годахъ, и вмѣсто того, чтобы спорить, нуженъ ли былъ Интернаціоналъ или ненуженъ, слѣдовало бы заняться разсмотрѣніемъ, были ли вообще условія его долговѣчности въ самой общественной средѣ, въ которой ему приходилось существовать, особенно послѣ франко-германской войны и парижской коммуны. Распря Маркса и Бакунина, конечно, важный эпизодъ въ исторіи Интернаціонала, но не потому, что, подчинись Бакунинъ Марксу, Интернаціоналъ будто

уцѣлѣлъ бы, и не потому, что онъ даетъ поводъ для характеристики некорректности поведенія Бакунина [1]) и т. п., а потому, что здѣсь столкнулись два міросозерцанія, двѣ политики, и что этотъ эпизодъ находится въ тѣснѣйшей связи съ исторіей возникновенія анархистской партіи, которая потомъ играла столь видную роль во многихъ общественныхъ движеніяхъ. Что касается до упомянутаго вліянія на судьбы Интернаціонала какъ и войны 1870 г., такъ и парижскаго возстанія 1871 г., то объ этомъ рѣчь будетъ у насъ впереди, послѣ изложенія самихъ этихъ событій [2]).

Въ сущности, цѣлью стремленій Бакунина было противопоставить Интернаціоналу свой, другой Интернаціоналъ, съ своимъ же особымъ центральнымъ комитетомъ, который подъ руководствомъ Бакунина долженъ былъ засѣдать въ Женевѣ и пользоваться правомъ, подобно лондонскому генеральному совѣту, присоединять новыя секціи. Членовъ своего союза соціалистической демократіи онъ вербовалъ среди романскихъ націй, во французской и итальянской Швейцаріи, во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи, въ Бельгіи, а когда союзъ этотъ формально былъ распущенъ, тайно связь между его членами попрежнему продолжала все-таки существовать. Между генеральнымъ совѣтомъ и руководимымъ Бакунинымъ союзомъ начались пререканія, и еще бо́льшія распри происходили въ нѣдрахъ секцій романской Швейцаріи. Въ дѣло вмѣшался генеральный совѣтъ, но окончательно долженъ былъ рѣшить его конгрессъ, которому въ 1870 г. не удалось собраться.

---

[1]) О взаимныхъ отношеніяхъ Маркса и Бакунина писано было вообще немало. (См., напр., L'internationale, Karl Marx, Mazzini et Bakounine. 1871). Въ окт. книжкѣ „Минувшихъ Годовъ“ за 1908 г. имъ посвящена статья *Эдуарда Бернштейна* („Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры: I. Марксъ и Бакунинъ“), не прибавляющая ничего новаго къ бывшимъ и раньше извѣстными фактамъ, но интересная по своему замыслу—безпристрастно разсмотрѣть эти отношенія. Авторъ признаётъ, что ихъ міросозерцанія были слишкомъ различны для того, чтобы между ними не могъ не возникнуть идейный конфликтъ, и въ числѣ причинъ ненависти Маркса къ Бакунину Бернштейномъ на очень видномъ мѣстѣ ставятся славянофильскія воззрѣнія Бакунина, тогда какъ Марксъ къ славянамъ относился крайне недружелюбно (см. у насъ т. V, стр. 580) и думалъ, что имъ (особенно австрійскимъ славянамъ) суждено быть „фанатическими приверженцами и слугами контръ-революціи“, а потомъ по„погибнуть въ революціонной міровой бурѣ“. Что касается до чисто человѣческой стороны борьбы между Марксомъ и Бакунинымъ, то въ ней, по приговору Бернштейна, считающаго этотъ приговоръ не подлежащимъ сомнѣнію, Бакунинъ и выступаетъ въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ его противникъ“, хотя Бернштейнъ и оговаривается, что „все же Марксъ отстаивалъ болѣе высокое дѣло, а именно политику, основанную на научномъ изслѣдованіи противъ политики простого дилеттантства“ (стр. 23—24).

[2]) Именно въ главѣ V.

Болѣе важныя событія этого года заслонили собою дрязги, происходившія при участіи Бакунина въ швейцарской Юрѣ среди тамошнихъ секцій Интернаціонала [1]).

Ко всему сказанному нужно еще прибавить, что, благодаря агитаціи Интернаціала, соціализмъ, а одновременно съ нимъ и анархизмъ стали распространяться въ такихъ странахъ, гдѣ до того времени не было ничего слышно о подобнаго рода движеніяхъ.

Это можно сказать, прежде всего, о Голландіи, куда соціализмъ былъ занесенъ изъ Бельгіи только въ эту эпоху и гдѣ лишь въ 1868 г. образовались первыя соціалистическія товарищества, примкнувшія къ Интернаціоналу, но съ сильнымъ тяготѣніемъ къ анархизму. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онѣ исчезли, и только въ серединѣ семидесятыхъ годовъ здѣсь возобновилось соціалистическое движеніе. Въ Австріи это движеніе, отчасти подъ вліяніемъ агитаціи лассалеанцевъ, отчасти благодаря проповѣди анархизма, началось лишь послѣ 1867 г., когда конституція дала населенію извѣстную степень свободы собраній и союзовъ, но репрессивныя мѣры правительства и національные раздоры сильно мѣшали здѣсь развитію и объединенію соціалистическихъ организацій, въ которыхъ, благодаря этому, со временемъ стали усиливаться анархическія тенденціи вплоть до „пропаганды дѣйствіемъ“. Начало венгерскаго соціализма относится къ еще болѣе позднему времени, хотя уже въ 1868 г. и въ Венгріи была сдѣлана первая попытка основанія соціалъ-демократической партіи съ программой Лассаля, въ чемъ видно преимущественное вліяніе въ этой странѣ нѣмецкаго соціализма. Италія съ 1859 по 1870 г. была слишкомъ занята своимъ національнымъ вопросомъ, чтобы въ ней могъ тогда пустить корни соціализмъ. Правда, уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Италіи были сотни рабочихъ ассоціацій, основаніе которымъ еще въ 1848 г. было положено Мадзини, но именно руководящая роль въ нихъ этого патріота-революціонера до извѣстной степени уже опредѣляла ихъ несоціалистическій характеръ. Члены этихъ товариществъ обыкновенно исповѣдовали мадзиніевскій республиканизмъ съ мистическимъ оттѣнкомъ, но съ теченіемъ времени нѣкоторые кружки больше стали склоняться къ Гарибальди, у котораго самого не было опредѣленнаго направленія, хотя въ общемъ и можно сказать, что онъ тяготѣлъ къ соціализму, колеблясь, однако, между нимъ и анархизмомъ. Рѣзко соціальное направленіе проникло въ итальянскія рабочія ассоціаціи, благодаря лишь бакунинской пропагандѣ, которая нигдѣ не имѣла такого успѣха, какъ именно въ Италіи. Съ 1866—67 гг. онѣ стали превращаться въ секціи Интернаціонала, а когда въ послѣднемъ началась марксо-бакунинская

[1]) О дальнѣйшемъ во второй половинѣ главы V.

распря, большею частью въ нихъ возобладало анархистическое теченіе, вербовавшее своихъ послѣдователей, кромѣ рабочихъ, среди учащейся молодежи, интеллигентнаго пролетаріата и т. п. Въ Испаніи соціализмъ и анархизмъ тоже обязаны были своимъ происхожденіемъ пропагандѣ Интернаціонала и въ частности Бакунина. Первыя секціи Интернаціонала были здѣсь основаны въ 1869 г., и бо́льшая ихъ часть стала потомъ на сторону Бакунина. Можно говорить также объ извѣстномъ успѣхѣ Интернаціонала и въ Португаліи, гдѣ, какъ и въ другихъ южно-романскихъ странахъ, преобладаніе принадлежало сначала анархистическому направленію. Еще позднѣе соціализмъ сталъ пріобрѣтать сторонниковъ въ Даніи: здѣсь первыя секціи Интернаціонала (и притомъ строго приверженныя программѣ Маркса) основаны были только въ 1871 г., когда сама эта ассоціація уже клонилась къ упадку, внутренне разлагаясь и подвергаясь правительственнымъ репрессіямъ. Въ Норвегію соціализмъ былъ занесенъ только изъ Даніи. Первое собраніе соціалистовъ въ этой странѣ относятъ лишь къ 1873 г. Соціалъ-демократическія партіи въ названныхъ двухъ скандинавскихъ странахъ основались въ 1876 и 1885 гг. Швеція еще болѣе отстала отъ ближайшихъ своихъ сосѣдокъ, такъ какъ соціалистическая пропаганда въ ней началась только въ 1881 г., а соціалъ-демократическая партія основалась въ 1889 году. Къ слѣдующему же періоду, послѣ 1870 г., относится начало соціалистическаго движенія среди балканскихъ націй, причемъ въ Сербіи, Болгаріи и Румыніи оно возникало, главнымъ образомъ, среди молодежи, либо учившейся въ Россіи или въ Швейцаріи, гдѣ находилась подъ вліяніемъ русскихъ эмигрантовъ, либо читавшей изданія русскихъ революціонныхъ партій. Говорить о соціализмѣ въ Россіи не входитъ въ нашъ планъ, но нельзя не упомянуть о томъ, что въ исторіи Интернаціонала среди именъ дѣятелей разныхъ національностей есть и русскія имена, каковы, кромѣ Бакунина, Н. Утинъ, Черкезовъ и др. Позднѣе къ числу заграничныхъ представителей соціализма и анархизма изъ русскихъ прибавились и другіе эмигранты, каковы Лавровъ, Ткачевъ, Кропоткинъ, Плехановъ и т. д. [1]).

---

[1]) О дальнѣйшей исторіи соціализма въ разныхъ странахъ см. въ посвященныхъ имъ главахъ (особенно въ главѣ VIII о германской соціалъ-демократіи), а вообще въ главѣ XXIII.

СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ.

III. Франко-германская война 1870—1871 г. [1]).

Періодъ національныхъ войнъ 1859—1871 гг. и ихъ значеніе въ исторіи Италіи, Германіи и Франціи.—Историческія отношенія между Франціей и Германіей до шестидесятыхъ годовъ XIX в.—Франко-прусскія недоразумѣнія конца шестидесятыхъ годовъ.—Поводъ къ началу франко-германской войны 1870—71 гг.—Неподготовленность и изолированность Франціи.—Преимущества Пруссіи въ войнѣ съ Франціей. — Первыя неудачи французовъ и седанское пораженіе. — Паденіе второй имперіи.—Осада Парижа нѣмцами и новыя неудачи французовъ. — Возстановленіе Германской имперіи.—Капитуляція Парижа.—Версальскій предварительный мирный договоръ.—Франкфуртскій миръ.

Періодъ оживленія политической жизни и соціальныхъ стремленій въ разныхъ странахъ Западной Европы, разсмотрѣнный въ первыхъ двухъ главахъ этого тома, былъ въ то же время періодомъ національныхъ войнъ.

---

[1]) Кромѣ того, что имѣется въ первой главѣ настоящаго тома для внутренней исторіи Франціи, Германіи и Италіи въ шестидесятыхъ годахъ, см. еще главы XXVI—XXVIII пятаго тома, гдѣ изложена исторія второй имперіи во Франціи и объединенія Германіи и Италіи. Литература о франко-германской войнѣ громадна. Лучшимъ трудомъ, съ точки зрѣнія военнаго дѣла, считается, по отзывамъ самихъ французовъ, изданіе германскаго главнаго штаба подъ заглавіемъ „Der deutsch-französische Krieg“. Всякихъ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненій (да и на другихъ языкахъ) масса, какъ это можно видѣть хотя бы изъ перечней въ такихъ книгахъ, какъ „Всеобщая исторія“ Вебера (т. XV, ч. 2, стр. 2), энциклопедическіе словари и въ особенности *Palat.* Bibliographie générale de la guerre de 1870—71, вышедшая въ свѣтъ въ 1896 г. Новые труды по исторіи этой войны до сихъ поръ не перестаютъ выходить. Напр., въ 1908 г. вышелъ въ свѣтъ I т. соч.: *Fr. Regensburg*, Der deutsch-französische Krieg, въ которомъ событія доведены до битвы при Шпихернѣ. Къ числу новѣйшихъ публикацій нужно отнести и первую половину XI т. „Histoire socialiste“, изд. подъ ред. *Jaurès'a* (даты на книгѣ не имѣется), гдѣ самъ редакторъ этого многотомнаго изданія на 248 страницахъ разсказываетъ исторію войны 1870—71 г., иллюстрируя свое повѣствованіе цѣлымъ рядомъ цинкографій. Кто

Весь этотъ періодъ войнъ 1859—71 гг. не былъ такъ продолжителенъ, какъ періодъ войнъ революціи, консульства и имперіи, — онъ былъ вдвое короче,—и отдѣльныя войны не были такъ продолжительны, такъ непрерывны, какъ въ 1792—1815 гг., оканчиваясь сравнительно съ прежними очень быстро и смѣняясь большими промежутками мира, но по сравненію съ предыдущими четырьмя десятками лѣтъ почти непрерывнаго международнаго мира эпоха между 1859 и 1871 гг. является временемъ вобще воинственнымъ. Первая, послѣ вѣнскаго конгресса, большая война въ Европѣ, въ которой изъ западныхъ государствъ приняли участіе Франція, Англія и Сардинія, происходила на Востокѣ, между Россіей и Турціей, и вскорѣ послѣ ея окончанія Бокль въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ объяснялъ ея возникновеніе тѣмъ, что воевали между собою наиболѣе отсталыя страны, тогда какъ болѣе просвѣщенныя западныя націи уже сорокъ лѣтъ живутъ въ глубокомъ мирѣ между собою. Дальнѣйшая исторія не подтвердила оптимистическаго вывода англійскаго историка: въ 1859 г. Сардинія въ союзѣ съ Франціей воевала съ Австріей, въ 1864 г. Австрія и Пруссія—съ Даніей, а въ 1866 г. обѣ онѣ—между собою, причемъ на сторонѣ одной были другія германскія государства, на сторонѣ другой—Италія, а въ 1870—71 г. Франціи пришлось выдерживать борьбу со всей Германіей. Эти четыре войны измѣнили политическую карту Западной Европы, созданную вѣнскимъ конгрессомъ и остававшуюся почти неизмѣнною въ теченіе сорока лѣтъ. Франція пріобрѣла Савойю и Ниццу, но потеряла Эльзасъ и Лотарингію. Вмѣсто Италіи, какъ „географическаго понятія“, съ ея прежними 8 — 7 государствами, возникло единое Итальянское королевство. Пруссія присоединила къ своей территоріи Шлезвигъ-Гольштейнъ, Ганноверъ, Нассау, Кургессенъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, чѣмъ сократила число отдѣльныхъ нѣ-

желаетъ ближе познакомиться съ войною 1870—71 г., тому можно рекомендовать небольшую (въ 362 стр. малаго формата) книжку *A. Chuquet* „La guerre 1870—71 г.“ (1895), послѣднее изданіе которой было въ 1907 г. По дипломатической сторонѣ капитальное значеніе до сихъ поръ имѣетъ изданное въ 1875 г. сочиненіе извѣстнаго французскаго историка *A. Sorel'я* „Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande“. Много существуетъ и работъ по отдѣльнымъ вопросамъ, частнымъ эпизодамъ и т. п.; кое-что изъ всего этого отмѣчается ниже, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ этой главы.—Въ текстѣ настоящей главы помѣщаются, для лучшаго пониманія хода военныхъ событій 1870 г, три небольшія карты, на которыхъ отмѣчены города, занятые нѣмцами a) отъ начала войны до седанской катастрофы, b) отъ этой послѣдней до начала осады Парижа и c) послѣ начала осады, причемъ въ скобки заключены названія городовъ, относящіяся или къ слѣдующему, или къ предыдущему (напр., Парижъ, на первой картѣ, какъ 2 сентября еще не бывшій въ осадѣ, и на третьей картѣ, какъ уже подвергшійся осадѣ прежде, нежели были взяты нѣмцами города, отмѣченные на этой картѣ).

мецкихъ государствъ,—и создала изъ Германскаго союза Германскую имперію, включивъ въ ея составъ Эльзасъ-Лотарингію, но исключивъ изъ ея состава Австрію. Вытѣсненная изъ Италіи и изъ Германіи монархія Габсбурговъ сама раздвоилась въ Австро-Венгрію, распавшись, хотя и подъ единою властью, на Цисъ- и Трансъ-Лейтанію. Не менѣе были значительны и внутреннія перемѣны, вызванныя этими войнами. На всю Италію распространилось теперь дѣйствіе сардинской конституціи. Войны 1859 и 1866 гг. заставили Австрію перейти къ конституціонному порядку. Новое политическое устройство получила и Германія. Наконецъ, во Франціи неудачи войны 1870 г. привели къ установленію республики. Ни одна, однако, изъ этихъ четырехъ войнъ не получила такого историческаго значенія, какъ франко-германская война 1870—71 г., завершившая собою періодъ войнъ, низвергшая имперію во Франціи, помогшая окончательному объединенію Италіи, спаявшая единство Германіи и сдѣлавшаяся не только исходнымъ пунктомъ новыхъ международныхъ отношеній, но оказавшая громадное вліяніе и на внутреннія отношенія многихъ странъ. За окончаніемъ этой войны наступилъ на Западѣ многолѣтній періодъ мира, правда, „вооруженнаго мира“, но все-таки мира.

Франція и Германія, обѣ онѣ около тысячи лѣтъ тому назадъ, въ серединѣ IX в., выдѣлились (вмѣстѣ съ третьею страною, Италіей) изъ монархіи Карла Великаго, но границы между обоими королевствами очень долгое время колебались. При Юліи Цезарѣ, когда будущая Франція, въ то время Галлія, была превращена въ римскую провинцію, границею ея съ востока служилъ Рейнъ, но въ IX в. эта естественная, какъ ее впослѣдствіи называли, граница Галліи уже не была границею Франціи ни въ этнографическомъ, ни въ политическомъ отношеніи. Съ эпохи великаго переселенія народовъ области на лѣвомъ берегу Рейна начали германизироваться, и романскій элементъ населенія прежней Галліи сталъ отступать къ Западу отъ своей старой „естественной границы“. Еще менѣе благопріятно сложились для Франціи политическія обстоятельства. Въ X в. Германія была самымъ могущественнымъ государствомъ Запада и сдѣлалась даже „священной“ Римской имперіей, тогда какъ во Франціи происходило феодальное раздробленіе, послѣ котораго собираніе страны въ одно цѣлое началось не раньше XII в. Если мы посмотримъ на карту Французскаго королевства при послѣднихъ Капетингахъ и при первыхъ Валуа, т.-е. въ XIII, XIV и XV вв., то увидимъ, что въ его составъ еще не входили восточныя окраины теперешней Франціи: цѣлая полоса земли съ французскимъ населеніемъ еще числилась въ составѣ Священной Римской имперіи германской націи. Политическая граница Франціи доходитъ до этнографической границы

французскаго племени лишь въ новое время, когда Франція, какъ единое государство, крѣпнетъ, а въ Германіи, наоборотъ, происходитъ разложеніе, развивается мелкодержавіе. Политика французскихъ королей не ограничивается потомъ присоединеніемъ областей съ французскимъ языкомъ, но распространяетъ власть Франціи и на нѣкоторыя части западной окраины Германіи. Съ средины XVI в., когда Франція пріобрѣла „три епископства“ (Туль, Мецъ и Вердёнъ), до самой революціи франко-германская граница представляла собою нѣчто весьма запутанное. Не забудемъ, наприм., что Эльзасъ и Страсбургъ были пріобрѣтены Франціей при Людовикѣ XIV цѣлыми десятилѣтіями раньше присоединенія отъ Германіи Лотарингіи, состоявшагося только при Людовикѣ XV. Какъ бы тамъ ни было, благодаря постепенному движенію къ востоку при послѣднихъ Валуа и при Бурбонахъ, въ одномъ мѣстѣ Франціей рейнская граница была достигнута. Извѣстно, что въ видѣ наслѣдія отъ старой монархіи и великая революція восприняла стремленіе къ „естественнымъ границамъ“ Франціи, къ Рейну и къ Альпамъ [1]). Въ 1792 г. революціонная армія заняла всѣ области Германіи, лежавшія на лѣвомъ берегу Рейна, и Франція удержала ихъ за собою до самаго крушенія имперіи Наполеона I, т.-е. владѣла ими около двадцати лѣтъ; французскій историкъ Сорель даже утверждаетъ, что Франція могла бы ассимилировать всю эту страну, какъ ассимилировала Эльзасъ. Парижскіе трактаты 1814 и 1815 г. возвратили Францію къ тѣмъ границамъ, какія она имѣла въ началѣ революціи, но пріобрѣтенныя Людовиками XIV и XV Эльзасъ и Лотарингію оставили въ обладаніи Франціи, которая такимъ образомъ сохранила свою позицію на Рейнѣ. Въ то же время вѣнскій конгрессъ къ сѣверу отъ этой рейнской границы Франціи создалъ на Рейнѣ же сильную позицію для Пруссіи, владѣвшей здѣсь до начала революціи лишь незначительными территоріями. Съ 1815 г. на Реинѣ стояли, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу Франція и Пруссія.

Во Франціи многіе не хотѣли примириться съ положеніемъ, созданнымъ въ 1814—5 гг. Международныя отношенія конца тридцатыхъ годовъ, когда противъ Франціи были и Англія, и Россія, и обѣ великія державы Германіи, отразились на общественномъ мнѣніи Франціи сильнымъ подъемомъ воинственнаго настроенія [2]), и во второй половинѣ 1840 года даже наиболѣе умѣренныя газеты проповѣдовали необходимость борьбы съ „новымъ священнымъ союзомъ“, пересмотра трактатовъ 1815 г. и возвращенія Франціи рейнской границы. Происходившія въ это время патріотическія манифестаціи тоже громко

[1]) *Sorel.* L'Europe et la révolution française.

[2]) Для дальнѣйшаго см. т. V, стр. 162—163.

требовали войны. Само правительство какъ бы демонстративно готовилось къ войнѣ. По ту сторону границы также царило сильное національное возбужденіе [1]), и тогда была сочинена сдѣлавшаяся потомъ столь популярною въ Германіи патріотическая пѣсня: „Онъ не достанется имъ, свободный нѣмецкій Рейнъ!“ Сами нѣмецкіе государи не прочь были подогрѣвать національный патріотизмъ своихъ подданныхъ противъ „наслѣдственнаго врага“, къ которому германская реакція съ самаго начала XIX в. воспитывала злобу въ націи. (Прогрессисты, наоборотъ, желали Франціи, какъ передовой націи, всякихъ благъ и успѣховъ). Когда во Франціи установилась вторая республика, германскія правительства, опасаясь, что она послѣдуетъ примѣру первой и бросится на Рейнъ, равнымъ образомъ стали предостерегать націю противъ французскихъ замысловъ [2]); но тогда разжиганіе національной ненависти успѣха не имѣло.

Новый періодъ въ исторіи франко-германскихъ отношеній наступилъ съ воцареніемъ во Франціи Наполеона III. И реставрація, и іюльская монархія отличались во внѣшней политикѣ миролюбіемъ и нисколько не мечтали о реваншѣ за 1814—5 г. Наполеонъ III вернулся къ традиціямъ первой имперіи [3]), а одною изъ нихъ были „естественныя границы“, т.-е. Альпы и Рейнъ. Пріобрѣтеніе въ 1859 г., по извѣстной сдѣлкѣ съ Викторомъ Эммануиломъ II, Савойи и Ниццы довело Францію до одной „естественной границы“, Альповъ, оставалась другая, Рейнъ. Наполеонъ III мечталъ о пересмотрѣ трактатовъ 1815 г. на новомъ общеевропейскомъ конгрессѣ, но это ему не удалось, какъ не удались планы присоединенія то Бельгіи, то Люксембурга [4]), то баварскихъ и гессенскихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна. Бисмаркъ очень ловко манилъ Наполеона III обѣщаніями, соотвѣтствовавшими его территоріальнымъ вожделѣніямъ, между прочимъ, и въ смыслѣ возможныхъ вознагражденій на лѣвомъ берегу Рейна, но вмѣстѣ съ тѣмъ разоблаченіемъ рейнскихъ плановъ Напо-

---

[1]) Т. V, стр. 184.

[2]) Т. V, стр. 510.

[3]) Для послѣдующаго т. V, стр. 657 и слѣд.

[4]) *Rothan.* L'affaire du Luxembourg (1882). Обо всемъ этомъ инцидентѣ см. *бар. Б. Э. Нольде.* Постоянно нейтральное государство (1905), стр. 194 и слѣд. О Бельгіи, какъ возможномъ предметѣ сдѣлки между великими державами, въ это время тамъ же, стр. 329 и слѣд. Въ лѣтнихъ книжкахъ „Deutsche Revue“ за 1908 г. *G. Bapst* разсказываетъ на основаніи бумагъ французскаго маршала Канробера, что въ бытность свою въ Парижѣ на всемірной выставкѣ 1867 г. Бисмаркъ, разговаривая съ разными французскими сановниками, дѣлалъ прозрачные намеки на то, что съ его стороны не было бы никакихъ препятствій, если бы Франція вздумала присоединить къ своимъ владѣніямъ говорящую на французскомъ языкѣ Бельгію.

леона III дискредитировалъ его въ глазахъ южно-германскихъ государей, которые готовы были искать у Франціи защиты противъ Пруссіи. Прусскому министру удалось даже заключить тайные союзные договоры съ южно-германскими государствами, направленные противъ Франціи [1]).

Особенно рѣшительный тонъ по отношенію къ Франціи взяла прусская политика послѣ побѣды надъ Австріей и ея союзниками въ 1866 г. Въ 1867 г. Наполеонъ III задумалъ пріобрѣсти за деньги княжество Люксембургъ, принадлежавшее голландскому королю, и сдѣлка была уже готова, когда Бисмаркъ заставилъ Наполеона III отъ нея отказаться, объявивъ, что заключеніе ея можетъ быть поводомъ къ войнѣ [2]). Уже въ 1867 г. во французской и прусской прессѣ стали появляться воинственныя статьи, настраивавшіе враждебно общественное мнѣніе обѣихъ націй. Вообще тогда говорили о возможности скорой войны, и обѣ стороны искали союзниковъ. Особенно хотѣлъ войны самъ Бисмаркъ, предпочитавшій, однако, чтобы объявленіе ея шло со стороны Наполеона III [3]). Во Франціи тоже министръ иностранныхъ дѣлъ Грамонъ, пользовавшійся расположеніемъ императрицы Евгеніи и клерикаловъ, стоялъ за войну [4]): между прочимъ, сторонники войны расчитывали, что будущія побѣды французскаго оружія упрочатъ положеніе имперіи послѣ мирной побѣды, одержанной плебисцитомъ 8 мая 1870 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечатъ переходъ власти, по смерти Наполеона III, къ его наслѣднику.

Поводъ не замедлилъ представиться [5]). Когда въ Испаніи возникъ вопросъ о кандидатурѣ на престолъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго принца, родственника прусскаго королевскаго дома [6]), и послѣ долгихъ переговоровъ съ его отцомъ принцъ согласился принять испанскую корону (въ іюнѣ 1870 г.), а прусскій король въ качествѣ главы фамиліи далъ на это свое разрѣшеніе, Наполеонъ III, которому эта кандидатура была крайне непріятна, заявилъ противъ нея протестъ, несмотря на возраженіе прусскаго правительства, что оно тутъ ни въ чемъ неповинно, такъ какъ Вильгельмъ I въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ не какъ прусскій король, а какъ глава фамиліи Гогенцоллерновъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ довелъ до свѣдѣнія Вильгельма черезъ прусскаго посланника въ Па-

[1]) Т. V, стр. 733—735.

[2]) Т. V, стр. 660.

[3]) Т. V, стр. 742—743.

[4]) Т. V, стр. 672. Ср. *Duc de Grammont.* La France et la Prusse avant la guerre (1872).

[5]) Подробнѣе въ V томѣ, стр. 743—747. *Ch. de Larivière.* Les origines de la guerre de 1870 (краткій очеркъ).

[6]) См. выше, стр. 35.

рижѣ, что Франція вообще не допуститъ никакого прусскаго принца занять испанскій престолъ. Подобное же заявленіе онъ сдѣлалъ и въ законодательномъ корпусѣ на предъявленный ему запросъ о внѣшней политикѣ. Мало того, онъ поручилъ французскому посланнику при берлинскомъ дворѣ, Бенедетти, ѣхать въ Эмсъ, гдѣ тогда находился Вильгельмъ I, и добиться отъ него приказа принцу отказаться отъ испанской кандидатуры. 9 іюля между Вильгельмомъ I и французскимъ посланникомъ произошло свиданіе, и Бенедетти получилъ отъ короля такой отвѣтъ, которымъ при малѣйшемъ желаніи французское правительство могло бы считать себя совершенно удовлетвореннымъ. На другой день по требованію, присланному изъ Парижа, посланникъ вторично отправился къ королю, но получилъ прежній отвѣтъ, въ которомъ всѣ готовы были видѣть, въ сущности, желаніе Вильгельма I, чтобы отказъ принца отъ кандидатуры на престолъ имѣлъ видъ добровольнаго; самый отказъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, тѣмъ болѣе, что Англія, Австрія и Италія настаивали передъ испанскимъ правительствомъ, чтобы и оно отказалось отъ своего плана. 12 іюля, наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что отецъ принца оффиціально отказался за своего сына отъ предложенной ему короны. Казалось бы, что инцидентъ могъ бы считаться исчерпаннымъ, но и Грамонъ, и Бисмаркъ одинаково желали войны. Французскому посланнику было снова предписано добиться отъ Вильгельма I заявленія, что онъ одобряетъ состоявшійся отказъ и никогда не позволитъ принцу взять его назадъ. 13 іюля произошло новое свиданіе, на которомъ прусскій король далъ согласіе даже на обнародованіе его одобренія отказу, прибавивъ, что больше этого онъ сдѣлать ничего не можетъ, и что пора вообще вопросъ этотъ покончить. На другой день Грамонъ еще разъ выслушалъ отъ Вильгельма I тотъ же отвѣтъ. Представители иностранныхъ дворовъ совѣтовали правительству Наполеона III удовлетвориться полученнымъ отвѣтомъ, но въ Парижѣ и дворъ, и министерство, и газеты, и улица желали войны. Бисмарку этого только и было нужно, и онъ въ Берлинѣ воспользовался разрѣшеніемъ короля обнародовать телеграмму о его разговорѣ съ Бенедетти, по-своему обработавъ это извѣстіе, придавъ настойчивости посланника болѣе рѣзкій характеръ и болѣе оскорбительный для представителя Франціи смыслъ—нежеланію короля вести съ нимъ дальнѣйшіе переговоры. Возникла даже цѣлая легенда о нахальномъ будто бы поведеніи Бенедетти при встрѣчѣ съ королемъ, который зато повернулся къ нему спиной. И въ Пруссіи, и во Франціи „эмсская депеша“ [1]) произвела именно то впечатлѣніе, на которое расчитывалъ

[1]) Тогда же въ печати Либкнехтомъ было выражено сомнѣніе въ точности передачи извѣстія изъ Эмса, что много позднѣе подтвердилось обнаро-

Бисмаркъ. Уже 15 іюля французское правительство потребовало въ законодательномъ корпусѣ чрезвычайнаго кредита на войну, и въ ночь съ 15 на 16 іюля кредитъ былъ вотированъ, а 19 числа состоялось и самое объявленіе войны. Попытка иностранныхъ державъ ее предотвратить не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Противниковъ войны газетные и уличные патріоты называли измѣнниками. Даже независимые публицисты говорили, что пруссаковъ слѣдуетъ розгами прогнать за Рейнъ, а уличная толпа съ криками: „въ Берлинъ, въ Берлинъ!“ устраивала патріотическія манифестаціи, руководимыя извѣстнаго сорта агентами. Во Франціи господствовало мнѣніе, что Пруссію нужно поскорѣе „захватить врасплохъ“, тогда какъ Пруссія-то какъ-разъ и была готова къ войнѣ, совершенно же неготовою оказалась, наоборотъ, сама Франція, и министръ Оливье, дѣйствительно, „съ легкимъ сердцемъ“, какъ самъ онъ выразился въ памятномъ засѣданіи 15 іюля, принялъ на себя отвѣтственность за начало этой войны [1]).

дованными документами. См. *W. Libknecht.* Die Emser Depesche oder wie Kriege gemacht werden. Подлинность эмсской депеши была заподозрѣна также и *Sorel*'емъ въ его трудѣ, названномъ выше (стр. 81).

[1]) Оливье, стоявшій долгое время въ оппозиціи къ режиму Наполеона III, о чемъ см. въ главѣ VI, а потомъ сдѣлавшійся его министромъ, авторъ большой исторіи второй имперіи (см. выше, стр. 35) доказываетъ, что Франція была настроена чрезвычайно миролюбиво, но что войну вызвалъ Бисмаркъ. По французскому обычаю предварительно печатать въ журналахъ нѣкоторыя, наиболѣе интересныя части своихъ еще невышедшихъ въ свѣтъ трудовъ, Оливье помѣстилъ лѣтомъ 1908 г. въ „Revue des deux mondes“ отрывокъ своей работы, гдѣ настаиваетъ на чрезвычайно мирномъ характерѣ плебисцита 1870 г., бывшаго переходомъ къ либеральному режиму, и на томъ, что такъ дѣло понималось и въ Германіи. Только Бисмаркъ былъ недоволенъ результатомъ плебисцита, поскольку онъ укрѣплялъ имперію. Онъ тогда и вступилъ будто бы въ заговоръ съ испанскими государственными людьми, въ доказательство чего Оливье приводитъ одно письмо Бисмарка къ кому-то въ Испаніи. Изъ этого письма ясно, что Бисмаркъ очень ловко раздваивалъ себя на министра-президента, которому нечего было вмѣшиваться въ семейное дѣло Гогенцоллерновъ, и на частнаго совѣтчика короля, пользующагося его довѣріемъ,—обстоятельство, извѣстное и изъ другого источника, собственныхъ „Gedanken und Erinnerungen“ Бисмарка. Оливье думаетъ, что были и другія письма Бисмарка въ Испанію, потомъ уничтоженныя, и что Бисмаркъ подстроилъ гогенцоллернскую кандидатуру. Къ сожалѣнію, обращаясь за источниками для исторіи Франціи къ испанскимъ архивамъ, Оливье проливаетъ очень мало свѣта на то, что дѣлалось въ самой Франціи, т.-е. въ ея правительственныхъ сферахъ, особенно же въ рѣшившемъ дѣло совѣтѣ министровъ подъ предсѣдательствомъ самого Наполеона III и въ присутствіи императрицы съ императорскимъ принцемъ. Извѣстно, что поведеніе самого Оливье въ законодательномъ корпусѣ было не такимъ, чтобы онъ могъ снять теперь съ себя отвѣтственность за войну. Между прочимъ, Оливье сказалъ тамъ, что прусское правительство оффиціально сообщило всѣмъ кабинетамъ Европы о

Событія не замедлили обнаружить неподготовленность Франціи къ войнѣ, а позднѣйшія разоблаченія всѣхъ непорядковъ наполеоновскаго режима сдѣлали вполнѣ понятными причины разгрома Франціи въ 1870 г.

Если правильно сдѣлавшееся ходячимъ мнѣніе, что война играетъ роль экзамена, которому государство подвергается по части своей внутренней политики, то война 1870—71 г. была именно своего рода экзаменомъ, который исторія заставила держать Францію, какою ее сдѣлалъ наполеоновскій режимъ. Такими же экзаменами были для Пруссіи несчастная война 1807 г., для Австріи неудачныя войны 1859 и 1866 гг., для Россіи Севастополь и Цусима и т. п., т.-е., другими словами, съ Франціей Наполеона III случилось то же самое, что и до этого времени, и послѣ него случалось съ другими государствами, когда они оказывались одержимыми глубокою внутреннею болѣзнью. Режимъ, бывшій прямымъ слѣдствіемъ удавшейся Наполеону III авантюры 2 декабря 1851 г., не могъ не дать тѣхъ плодовъ, какіе отъ него получились черезъ двадцать лѣтъ, когда войною съ Пруссіей, въ сущности, тоже была затѣяна совершенно ненужная для Франціи авантюра, но нужная, какъ думали прислужники установившагося режима, для упроченія династіи. Наполеоновскій режимъ былъ одною изъ самыхъ развращающихъ политикъ [1]). Своею безпокойною внѣшнею политикою, въ которой было слишкомъ много личныхъ фантазій, непослѣдовательности, противорѣчій, но которая сначала имѣла внѣшній успѣхъ, Наполеонъ III пріучилъ французовъ къ мысли, что они какъ бы призваны устраивать судьбы другихъ націй и повелѣвать всѣмъ міромъ. Какъ и при Наполеонѣ I, французы временъ второй имперіи упивались военною славою, блескомъ политической роли, показнымъ величіемъ своего отечества. Наполеонъ III дѣлалъ все, чѣмъ только можно было помочь націи забыть потерю свободы и внутреннее униженіе, которое она переживала съ недоброй памяти декабрьской ночи. Другія правительства, сразу признавшія, въ моментъ наиболѣе острой реакціи 1849—51 гг., въ новомъ властелинѣ Франціи крупную реакціонную силу, потомъ стали бояться этой силы, заискивать передъ нею и перенимать ея пріемы, какъ проявленія высшей государственной мудрости. Европейскіе монархи одинъ за другимъ начали посѣщать столицу Франціи, дворъ которой сдѣлался самымъ роскошнымъ, самымъ веселымъ въ Европѣ, первымъ по части

томъ, что произошло въ Эмсѣ, тогда какъ сообщеніе было сдѣлано только прусскимъ посольствамъ и газетамъ, когда же Тьеръ, не довольствуясь словеснымъ изложеніемъ дѣла, потребовалъ предъявленія письменныхъ документовъ, большинство законодательнаго корпуса зажало ему ротъ.

[1]) Т. V, стр. 656 и слѣд., 663 и слѣд.

беззаботнаго прожиганія жизни и легкости нравовъ. Какъ и во времена Людовика XIV или Наполеона I, дворъ задавалъ тонъ такъ называемымъ верхамъ общества, дѣйствуя на нихъ самымъ растлѣвающимъ образомъ. Вторая имперія во Франціи была эпохой сильнаго пониженія общественной нравственности, и правительство даже многое въ этомъ отношеніи прямо поощряло, какъ своего рода отвлекающія средства,—отвлекающія, разумѣется, отъ „политики“. Отъ своихъ слугъ имперія требовала только преданности и угодливости, открывая передъ наиболѣе вѣрными и усердными всѣ пути къ повышенію и къ обогащенію и не слишкомъ строго относясь къ ихъ прегрѣшеніямъ, касавшимся законовъ государства и государственной казны. Наполеонъ III точно также усвоилъ и политику Людовика-Филиппа и Гизо относительно приглашенія, обращавшагося къ вліятельнымъ классамъ общества, чтобы они обогащались, и при этомъ правительство предоставляло этимъ классамъ и способы хорошо наживаться. Крупная буржуазія, какъ и во времена іюльской монархіи, опять извлекала всевозможныя выгоды изъ своего доминирующаго, въ экономическомъ смыслѣ, положенія въ обществѣ. Съ другой стороны, пускались въ ходъ всѣ средства, отъ устрашенія и репрессій до подкуповъ и посуловъ, чтобы устранять всякія проявленія независимаго общественнаго мнѣнія и создавать искусственное общественное мнѣніе, во всемъ согласное съ видами правительства. Оффиціальная и оффиціозная пресса получила небывалое развитіе, оффиціальныя кандидатуры при законодательныхъ выборахъ были возведены въ систему вмѣстѣ съ административнымъ давленіемъ на избирателей, которое само было лишь только однимъ изъ проявленій административнаго произвола вообще по отношенію ко всему неблагонамѣренному, не согласному съ цѣлями правительства. Лучшими исполнителями велѣній высшей власти Наполеонъ III считалъ военныхъ. Армія заняла при немъ привилегированное положеніе, и онъ особенно охотно ввѣрялъ наиболѣе услужливымъ и энергичнымъ генераламъ важнѣйшія государственныя должности. Вмѣстѣ съ клиромъ, который иногда фрондировалъ, и съ бюрократіей, которая, наоборотъ, была всегда послушна, армія считалась лучшею опорою власти и династіи. Девизомъ второй имперіи сдѣлалось: „все для народа, ничего при посредствѣ народа“. Всякая самодѣятельность общества была на подозрѣніи. Когда власть обращалась къ народу, то не для того, чтобы узнать его мнѣнія и желанія, а чтобы получить отъ него то, что нужно было самому правительству. Исторія плебисцита 1870 г. показываетъ, къ какимъ только средствамъ ни прибѣгала правительственная пресса и администрація, дабы добиться благопріятнаго для имперіи результата. Патріотическія манифестаціи въ іюлѣ 1870 г. равнымъ обра-

зомъ были до извѣстной степени вызываемы задорными статьями наемныхъ публицистовъ и переодѣтыхъ въ рабочія блузы полицейскихъ агентовъ.

Между тѣмъ, и нація, которой не давали знать истиннаго положенія дѣлъ, и правительство, которое могло и должно было бы его знать, но не знало, глубоко ошибались, думая, что Франція была готова къ войнѣ съ Пруссіей, только-что доказавшей въ войнахъ 1864 и 1866 г. блестящее состояніе своихъ военныхъ силъ. Во Франціи военная организація была, какъ оказалось, въ совершенномъ разстройствѣ, благодаря бюрократической рутинѣ, канцелярщинѣ, бумажному дѣлопроизводству, замѣнившимъ живое дѣло, нерадѣнію и недобросовѣстности начальствующихъ лицъ и разнымъ видамъ казнокрадства. Объявляя войну, Наполеонъ III, разумѣется, предполагалъ начать съ наступленія, но дѣло оказалось гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ предполагалось. Мобилизація совершалась гораздо медленнѣе, нежели расчитывали, и въ назначенномъ пунктѣ, гдѣ должна была сосредоточиться главная военная сила, собралось, вмѣсто ожидавшихся 400 т., лишь около 220, т.-е. вдвое меньше, да и приходили отдѣльныя части, такъ сказать, налегкѣ, безъ необходимаго военнаго матеріала, безъ оружія, безъ аммуниціи, безъ провіанта, которые приходилось ждать, пока ихъ подвезутъ изъ магазиновъ и складовъ, такъ какъ нерѣдко отдѣльные полки стояли гарнизонами въ мѣстахъ довольно далекихъ отъ своихъ военныхъ депо, да и въ послѣднихъ оказывалась нехватка самаго необходимаго, которую приходилось наскоро восполнять изъ центральныхъ магазиновъ и арсеналовъ. Однимъ словомъ, мобилизація совершалась съ промедленіями и задержками, давала въ смыслѣ численности войска не то, что слѣдовало, и сопровождалась страшной путаницей. На непріятельской сторонѣ, наоборотъ, были поразительная быстрота мобилизаціи, совершившейся притомъ при полномъ порядкѣ, и весьма значительный перевѣсъ численнаго состава арміи, именно больше 460 т. человѣкъ [1]).

Такимъ образомъ, въ военномъ отношеніи Франція оказалась неготовою къ войнѣ. Съ другой стороны, дипломатіи Наполеона III не удалось заручиться союзниками въ борьбѣ съ силами всей Германіи, ставшей на сторону Пруссіи.

Между тѣмъ Наполеонъ III хлопоталъ о союзахъ, думая привлечь на свою сторону и Австрію, и Италію [2]), что немало трево-

[1]) Въ началѣ войны у французовъ было пѣхоты около 200 т., конницы около 20 т. и орудій 840, у нѣмцевъ пѣхоты около 410 т., конницы около 50 т. и почти 1500 орудій.

[2]) *Busch.* Die Beziehungen Frankreichs zu Oesterreich und Italien. 1866—1877.

жило Бисмарка и было однимъ изъ мотивовъ его стремленія довести конфликтъ съ французскимъ правительствомъ до войны: ему нужно было предупредить возможность соглашенія Наполеона III съ Францемъ-Іосифомъ и съ Викторомъ-Эммануиломъ. Австрія не прочь была отмстить Пруссіи за Садовую, но желала, чтобы къ союзу примкнула и Италія, которая условіемъ своего присоединенія ставила включеніе въ составъ своей территоріи и Папской области съ Римомъ, на что Наполеонъ III не соглашался [1]). Кромѣ того, Австрію, начавшую-было вооружаться, удерживала отъ вмѣшательства въ войну противъ Пруссіи угроза со стороны русскаго императора, давшаго понять, что помощь Наполеону III можетъ его заставить выступить противъ Австріи. Наполеонъ III продолжалъ вести переговоры и послѣ того, какъ война была объявлена, но первыя же неудачи французовъ привели къ прекращенію этихъ переговоровъ.

Бисмаркъ окончательно рѣшился на войну съ Франціей лишь тогда, когда начальникъ генеральнаго штаба Мольтке удостовѣрилъ, что Пруссія въ данную минуту была болѣе готова къ войнѣ, чѣмъ Франція. Въ Пруссіи уже давно и систематически приготовлялись къ вооруженному столкновенію съ Франціей [2]), воспользовавшись многимъ изъ опыта кампаніи 1866 г. въ смыслѣ и вооруженія арміи, и способа веденія войны, и вспомогательной роли желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, лазаретовъ и т. п., тогда какъ у французовъ такого опыта не было: ихъ войны въ Крыму, въ Италіи, въ Мексикѣ и т. п. велись при совершенно другихъ условіяхъ. У нѣмцевъ все было заранѣе предусмотрѣно, точно расчитано, и они были снабжены прекрасными картами театра войны, между тѣмъ какъ французы, думавшіе лишь о наступательной войнѣ, были хорошо снабжены картами германскихъ владѣній, а картъ своихъ собственныхъ владѣній у нихъ не было. Если у французовъ и былъ нѣкоторый общій планъ кампаніи, то съ самаго же начала все было спутано невозможностью перейти въ наступленіе. Наоборотъ, нѣмцы, успѣвъ во время мобилизировать достаточное количество войска, могли свой планъ выполнять, какъ по писанному. И особенно было важно именно то, что у нихъ былъ тщательно и подробно разработанный планъ кампаніи.

Творцомъ этого плана былъ начальникъ прусскаго генеральнаго штаба Мольтке. Выработкою своего плана онъ сталъ заниматься задолго до начала войны и въ 1869 г. представилъ королю записку, содержавшую въ себѣ указанія на то, какъ нужно было совершить первое стратегическое наступленіе противъ Франціи. Въ то время въ Пруссіи не были еще увѣрены въ содѣйствіи Баваріи и Вюртем-

[1]) Т. V, стр. 695.

[2]) *J. Poirier.* La préparation allemande de 1870 (1902).

берга, и Мольтке имѣлъ въ виду лишь армію Сѣверной Германіи. Онъ предполагалъ, что при нейтралитетѣ Бельгіи и Швейцаріи французское войско соберется между Мецемъ и Страсбургомъ, откуда вторгнется сначала въ Южную Германію, чтобы затѣмъ перейти черезъ Майнъ и напасть на Сѣверную Германію. По Мольтке, этому движенію можно было помѣшать или, по крайней мѣрѣ, его задержать, для чего слѣдовало всю нѣмецкую силу направить на баварскій Пфальцъ и оттуда быстро ударить на врага. Король одобрилъ этотъ планъ, и для выполненія его были назначены три арміи, причемъ было заранѣе рѣшено, по какимъ желѣзнымъ дорогамъ повезутъ какія части, выработаны были росписанія поѣздовъ, опредѣлены мѣста и сроки переправы черезъ Рейнъ, что̀ потомъ и было выполнено съ совершенною пунктуальностью. Здѣсь не было ни сутолоки, ни путаницы, ни растерянности, какая наблюдалась во французской „рейнской арміи“.

Въ войнѣ 1870—71 г. участвовала не только Пруссія во главѣ Сѣверо-Германскаго союза, но и южно-германскія государства, еще ранѣе заключившія съ Пруссіей тайные союзы [1]). Германія двинула противъ Франціи три арміи подъ предводительствомъ генерала Штейнмеца, принца Фридриха-Карла Прусскаго и прусскаго наслѣднаго принца (впослѣдствіи императора Фридриха III), оставивъ въ тылу еще около 365 т. человѣкъ запаса. Высшую команду взялъ на себя самъ прусскій король, при главной квартирѣ котораго находились Бисмаркъ и военный министръ Роонъ. Сначала и французы тоже предполагали раздѣлить свои силы на три самостоятельныя арміи подъ начальствомъ маршаловъ Базэна, Макъ-Магона̀ и Канробера, но потомъ планъ этотъ былъ оставленъ, и командованіе единой большой арміей взялъ на себя самъ Наполеонъ III, назначивъ названныхъ маршаловъ командирами трехъ изъ восьми корпусовъ, изъ которыхъ состояла „рейнская армія“.

Въ Парижѣ и во всей Франціи уже въ двадцатыхъ числахъ іюля ждали извѣстій о сраженіяхъ и побѣдахъ, но первая серьезная встрѣча между непріятелями произошла лишь въ первыхъ числахъ августа. Затѣмъ событія стали слѣдовать одно за другимъ съ необычайною быстротою.

Германская армія уже 30 іюля двинулась къ францу́зской границѣ, а французы лишь 2 августа напали на прусскій городъ Саарбрюкенъ и имъ овладѣли [2]). Парижскія газеты тотчасъ же протрубили объ этомъ, какъ о великой побѣдѣ, чего на самомъ дѣлѣ вовсе

---

[1]) Т. V, стр. 736.

[2]) Къ востоку отъ Меца.

не было, но въ то же время, благодаря крайне плохой организаціи развѣдочной службы, французскіе военачальники не имѣли ни малѣйшаго понятія о настоящемъ положеніи германской арміи. Наоборотъ, начальство послѣдней превосходно знало, гдѣ находились отдѣльные корпуса французскаго войска. Рано утромъ 4 августа армія кронпринца перешла черезъ границу у Вейсенбурга [1]), который и былъ взятъ приступомъ. Это былъ первый успѣхъ нѣмцевъ, за которымъ черезъ день, 6 августа, послѣдовало страшное пораженіе Макъ-Магона при Вёртѣ [2]), сопровождавшееся въ тотъ же день и другими военными успѣхами нѣмцевъ (битва при Шпихернѣ). Побѣда при Вёртѣ стоила нѣмцамъ болѣе 10 т. человѣкъ убитыхъ и раненыхъ (однихъ офицеровъ до 500), больше, чѣмъ побѣда при Садовой. Между тѣмъ въ Парижѣ 5 августа распространилась вѣсть, что при Вейсенбургѣ французы одержали побѣду, взяли въ плѣнъ 25 т. человѣкъ и кронпринца въ томъ числѣ и начали переправу черезъ Рейнъ. На биржѣ произошло повышеніе курсовъ, а правительство, которому

извѣстна была ужасная правда, не рѣшилось сразу ее объявить народу. Уѣзжая къ арміи со своимъ 14-лѣтнимъ сыномъ, Наполеонъ III передалъ регентство императрицѣ Евгеніи, которая теперь совершенно растерялась. Когда дѣйствительность сдѣлалась извѣстной, отступленіе отъ Вейсенбурга стало объясняться въ газетахъ искуснымъ планомъ заманить пруссаковъ въ вогезскія ущелья и тамъ ихъ уничтожить. Только 7 августа открылась передъ народомъ вся истина, когда правительство объявило Парижъ въ осадномъ положеніи и спѣшно созвало на 11 число законодательный корпусъ и сенатъ, засѣданія которыхъ были отсрочены вскорѣ послѣ объявленія войны. Пришедшія въ Парижъ извѣстія о пораженіяхъ 6 августа заставили ускорить созывъ палатъ перенесеніемъ срока съ 11 на 9 августа. Въ столицѣ Франціи началось революціонное броженіе. Въ законодательномъ корпусѣ, собравшемся 9 числа, произносились рѣзкія рѣчи

[1]) Къ сѣверу отъ Страсбурга (см. карту на этой страницѣ).
[2]) Между Вейсенбургомъ и Страсбургомъ.

противъ правительства и самого Наполеона III. Императрица поспѣшила дать отставку министерству, поставивъ во главѣ новаго кабинета генерала Паликао, который предпринялъ разныя мѣры для увеличенія арміи и издалъ распоряженіе объ удаленіи изъ Парижа и провинцій всѣхъ нѣмцевъ. Въ главной квартирѣ французской арміи, въ Мецѣ, царило смущеніе, и отъ одного плана переходили къ другому. Самъ Наполеонъ III подъ вліяніемъ неблагопріятнаго настроенія не только въ народѣ, но и въ войскѣ, сложилъ съ себя 12 августа главную команду, поручивъ ее маршалу Базэну, который долженъ былъ переправить ее черезъ Мозель и ввести ее въ западномъ направленіи черезъ Вердёнъ къ Шалону.

Побѣды 4 и 6 августа позволили арміи кронпринца тоже двинуться къ западу черезъ проходы Вогезскихъ горъ, и только часть ея была оставлена для наблюденія за Страсбургомъ. 12 августа передовые отряды нѣмцевъ были уже въ Нанси и Люневилѣ, тогда какъ армія принца Фридриха-Карла перешла черезъ Мозель немного южнѣе Меца, а главная королевская квартира расположилась въ Понтъ-а-Мусонѣ, на полпути между Мецемъ и Нанси. Положеніе французской арміи было критическимъ: приходилось быстро отступать, а для отступленія не было ничего приготовлено; переправа черезъ Мозель шла медленно, и не успѣла она закончиться, какъ пришлось вступить въ битву, которой хотѣли избѣжать и за которою послѣдовали новыя: это были страшно кровопролитныя битвы при Коломбе-Нуйльи (14 авг.), Віонвиль-Марсъ-ла-Турѣ (16 авг.) и С. Прива-Гравелоттѣ (18 авг.),—всѣ къ западу отъ Меца,—битвы, послѣ которыхъ армія Макъ-Магона уже не могла отступить къ Шалону, а должна была запереться въ Мецѣ. Нѣмцамъ послѣ этого ничего не стоило окружить Макъ-Магона въ этой крѣпости, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія войны и двѣ недѣли послѣ начала военныхъ дѣйствій (19 авг.).

Еще до этого момента во всей Европѣ смотрѣли на пораженіе Франціи, какъ на совершенно непоправимое бѣдствіе для французовъ. Переговоры о заключеніи союзовъ сдѣлались дальше невозможными. Италія, еще раньше договорившаяся съ Австріей на счетъ вооруженнаго нейтралитета, теперь заключила договоръ съ Англіей, который обязывалъ оба эти государства соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Въ это же самое время Эльзасъ былъ совершенно оставленъ, Страсбургъ былъ въ осадѣ, и вотъ теперь лучшія военныя силы были заперты нѣмцами въ Мецѣ. Первая и третья германскія арміи остались стеречь эту крѣпость, а вторая направилась къ Шалону, тогда какъ четвертая осталась на Маасѣ, съ цѣлью задерживать французскія подкрѣпленія. Между тѣмъ Паликао предписалъ Макъ-

Магону съ оставшимся у него войскомъ двинуться на Тіонвиль, куда долженъ былъ пробиться и Базэнъ, запертый въ Мецѣ: это было отчаянное предпріятіе въ интересахъ спасенія династіи. Макъ-Магонъ видѣлъ всю рискованность этого плана и прямо его не одобрялъ, но исполнилъ данное ему приказаніе. Успѣхъ былъ бы еще, пожалуй, возможенъ при большой быстротѣ, но, какъ и въ другихъ случаяхъ, операція совершалась медленно. Нѣмцы успѣли заградить французамъ путь къ Мецу и даже оттѣснить ихъ къ сѣверу одновременно съ тѣмъ, какъ третья армія обошла ихъ съ сѣвера. Послѣдніе два дня августа ознаменовались битвами, послѣ которыхъ 1 сентября Макъ-Магонъ вынужденъ былъ дать сраженіе при Седанѣ [1]).

Здѣсь и произошла катастрофа 2 сентября. Французская армія подъ Седаномъ оказалась окруженною непріятелемъ со всѣхъ сторонъ. И прусскій король, и французскій императоръ находились при своихъ войскахъ. Когда въ этомъ сраженіи Макъ-Магонъ былъ раненъ, то команду взялъ на себя старшій въ чинѣ генералъ Дюкро, который уже принялъ рѣшеніе такъ или иначе выбиться изъ ужаснаго положенія, но едва успѣлъ онъ сдѣлать кое-какія распоряженія, какъ долженъ былъ уступить начальствованіе генералу Вимпфену, только наканунѣ пріѣхавшему въ армію и имѣвшему приказъ военнаго министра, который его назначалъ преемникомъ Макъ-Магона. Онъ и слышать не хотѣлъ объ уходѣ и рѣшилъ продолжать битву, только облегчивъ нѣмцамъ ихъ задачу—окончательно окружить французовъ. Французскіе солдаты сами стали спасаться бѣгствомъ въ седанскую крѣпость, которую нѣмцы начали обстрѣливать, тѣмъ самымъ вызвавъ въ ней пожаръ. Тогда въ Седанѣ былъ выкинутъ бѣлый флагъ, пушки съ обѣихъ сторонъ замолчали, и Вильгельмъ I послалъ французскому военачальнику требованіе о сдачѣ и арміи, и крѣпости. Въ городѣ посланный прусскимъ королемъ офицеръ былъ прямо приведенъ къ Наполеону III, который направилъ его къ Вимпфену по вопросу о капитуляціи, а самъ послалъ съ однимъ изъ своихъ генераловъ къ Вильгельму I краткое, наскоро написанное письмо слѣдующаго содержанія: „Государь мой братъ! Такъ какъ мнѣ не было дано умереть среди моихъ войскъ, то мнѣ не остается болѣе ничего, какъ передать мою шпагу въ руки вашего величества. Добрый братъ Наполеонъ“. Въ главной квартирѣ прусскаго короля были несказанно удивлены, узнавъ, что Наполеонъ III оказался въ Седанѣ. Въ своемъ ему отвѣтѣ прусскій король выразилъ сожалѣніе по поводу обстоятельствъ, среди которыхъ имъ приходится встрѣтиться и, принимая

[1]) На границѣ съ Бельгіей, къ с.-з. отъ Меца и къ с.-в. отъ Шалона. Объ этомъ эпизодѣ *Wimpffen.* La bataille de Sedan. Les véritables coupables. Hist. compl. politique et militaire (2 изд. 1887 г.).

шпагу Наполеона, просилъ его уполномочить какого-либо офицера для переговоровъ о капитуляціи арміи, — „которая столь храбро сражалась подъ вашимъ начальствомъ“, объявивъ, что съ своей стороны для этой цѣли онъ назначаетъ генерала Мольтке. Въ тотъ же день поздно вечеромъ произошла встрѣча уполномоченнаго Наполеономъ III Вимпфена съ Мольтке и Бисмаркомъ. Переговоры шли до часа ночи. Нѣмецкія требованія были такія: вся армія сдается въ плѣнъ, военный матеріалъ и крѣпость переходятъ въ руки нѣмцевъ, офицеры отпускаются на свободу подъ условіемъ честнаго слова не сражаться противъ Германіи. Въ девять часовъ утра Вимпфенъ обязанъ былъ дать положительный отвѣтъ, иначе должны были немедленно возобновиться военныя дѣйствія. Вимпфенъ возвратился въ крѣпость и созвалъ военный совѣтъ, который 30 голосами противъ двухъ призналъ дальнѣйшее сопротивленіе немыслимымъ. Наполеонъ III даже не сталъ ждать окончанія переговоровъ о капитуляціи и, чувствуя себя не въ безопасности среди своего же войска, рано утромъ уѣхалъ изъ Седана разыскивать прусскаго короля съ цѣлью просить о смягченіи условій капитуляціи. Однако, ему пришлось встрѣтиться не съ Вильгельмомъ I, а съ Бисмаркомъ и съ Мольтке. Съ прусской стороны торопили Вимпфена съ окончаніемъ дѣла о капутуляціи, а на просьбу Наполеона III о свиданіи съ Вильгельмомъ I былъ данъ отвѣтъ, что прежде должна быть подписана капитуляція. Когда состоялось ея подписаніе, произошло свиданіе, о которомъ и просилъ Наполеонъ III. На немъ рѣчь шла о причинахъ войны. Плѣнный императоръ оправдывался: самъ онъ войны не желалъ, начать ее заставило общественное мнѣніе Франціи,—на что получилъ такой суровый отвѣтъ: „въ этомъ я увѣренъ; ваше величество вели войну, чтобы дать удовлетвореніе общественному мнѣнію, желавшему войны, но это общественное мнѣніе, стремившееся къ войнѣ, было создано вашими же министрами“. Мѣстопребываніемъ Наполеона III прусскій король назначилъ замокъ Вильгельмсгёе около Касселя, гдѣ плѣнникъ и долженъ былъ оставаться до заключенія мира.

Въ Седанѣ капитулировала цѣлая армія въ 86 т. человѣкъ, изъ которыхъ только тысячи три спаслось бѣгствомъ въ сосѣднюю Бельгію; изъ 83 т., пошедшихъ въ нѣмецкій плѣнъ, шестая часть состояла изъ раненыхъ; въ этотъ счетъ не идетъ около 20 тысячъ взятыхъ въ плѣнъ раньше. Изъ трехъ тысячъ капитулировавшихъ офицеровъ лишь немногіе воспользовались свободою подъ условіемъ честнаго слова.

Въ то самое время, какъ разыгрывалась седанская катастрофа, плохо шли и дѣла арміи Базэна, которая 31 августа сдѣлала было

попытку выдти изъ Меца. Въ этотъ и слѣдующій дни при деревнѣ Нуасвилѣ шла горячая битва, продолжавшаяся 30 часовъ, сначала выгодная для французовъ, потомъ для нѣмцевъ, когда къ нимъ подошли подкрѣпленія. Армія Базена окончательно была заперта въ Мецѣ [1]).

Въ Парижѣ послѣ назначенія министромъ Паликао правительство продолжало держаться успокоительной политики оффиціальной лжи: подъ Мецемъ Базэнъ одерживалъ побѣду за побѣдой; пруссаки уже потеряли двѣсти тысячъ человѣкъ; въ Германіи страшная нужда; въ самомъ Берлинѣ передъ домомъ Бисмарка толпа кричала, прося хлѣба. Газеты помогали распространенію этихъ выдумокъ, а цѣль была ясна: нужно было помочь государственному займу въ 700 милліоновъ франковъ. На самомъ дѣлѣ правительство было въ совершенной растерянности, хотя и принимало мѣры для снабженія Парижа съѣстными припасами и для его обороны на случай осады. Когда стали доходить слухи о пораженіяхъ, газеты начали пугать своихъ читателей сообщеніями о варварской дикости пруссаковъ. Боязнь прусскихъ шпіоновъ приняла характеръ настоящаго психоза. Состоятельныя семейства спѣшили оставить городъ. Еще 30 и 31 августа газеты продолжали, однако, разсказывать небылицы о пораженіяхъ пруссаковъ, но 3 сентября правительству пришлось уже оффиціально оповѣстить народъ о седанской катастрофѣ, хотя и съ похвальбою, что въ пять дней у Франціи будетъ полмилліона хорошихъ солдатъ. Въ ночь на 4 сентября были созваны въ засѣданія законодательный корпусъ и сенатъ. Паликао подтвердилъ извѣстіе о капитуляціи Седана и предложилъ отсрочить совѣщаніе, такъ какъ правительство еще не приняло никакого рѣшенія, но среди поднявшагося шума Жюль Фавръ сдѣлалъ предложеніе о низложеніи императора и его династіи. Когда депутаты разошлись, Паликао окружилъ зданіе законодательнаго корпуса военнымъ отрядомъ, занявши солдатами и прилегающія улицы: онъ еще думалъ подобными мѣрами спасти имперію. Съ утра, однако, 4 сентября толпы народа ходили по улицамъ, требуя низложенія Наполеона. Въ серединѣ дня народъ наполнилъ залы законодательнаго корпуса, вслѣдствіе чего начавшееся засѣданіе должно было прекратиться. Парижскіе депутаты собрались тогда въ ратушѣ, гдѣ и провозгласили республику, образовавъ при этомъ правительство національной обороны [2]). Предсѣдателемъ его былъ генералъ Трошю; внѣшнія дѣла были поручены Жюлю Фавру; внутреннія

[1]) *Bazaine.* Épisodes de la guerre de 1870 et le blocus de Metz (1883).—*Hérisson.* La légende de Metz.—*Andlau.* Metz, combats et capitulation.

[2]) *J. Favre.* Le gouvernement de la défense nationale.—*Valfrey.* Histoire de la diplomatie du gouvernement de la défense nationale.

взялъ на себя Гамбетта; Кремье [1]) и Пикаръ раздѣлили между собою юстицію и финансы; культъ достался Симону; въ составъ правительства безъ особыхъ ролей входили еще Араго [2]), Ферри и только-что освободившійся изъ тюрьмы журналистъ Рошфоръ [3]). Императрица Евгенія съ большимъ трудомъ спаслась бѣгствомъ въ Англію. Однимъ изъ слѣдствій паденія второй имперіи было вступленіе итальянскаго войска въ Римъ 20 сентября 1870 г. [4]).

Послѣ седанской катастрофы и революціи 4 сентября въ Европѣ ожидали, что война должна была окончиться, но она затянулась еще на цѣлые мѣсяцы. Правительство національной обороны не прочь было заключить миръ, хотя бы пришлось при этомъ принести огромныя денежныя жертвы, но со стороны нѣмцевъ было предъявлено требованіе возвратить Германіи Эльзасъ и, по крайней мѣрѣ, нѣмецкую часть Лотарингіи. На это правительство національной обороны не соглашалось, гордо заявивъ: „ни одной пяди нашей земли, ни одного камня изъ нашихъ крѣпостей“. Война продолжалась, но безъ регулярной арміи она не могла идти успѣшно. Послѣ Седана ничто не могло остановить движенія третьей и четвертой германскихъ армій на Парижъ, оставившихъ вторую армію осаждать Мецъ. Черезъ недѣлю послѣ провозглашенія республики правительство національной обороны отправило Тьера къ иностраннымъ дворамъ искать помощи (12 сентября), а еще черезъ недѣлю (19 сентября), нѣмцы осадили Парижъ [5]), послѣ чего тоже черезъ недѣлю (27 сентября) произошла капитуляція Страсбурга. Мецъ послѣ этого продолжалъ держаться цѣлый мѣсяцъ, но въ концѣ концовъ 27 октября Базэнъ, который ради сохраненія арміи не дѣлалъ попытокъ прорваться изъ осажденной крѣпости, вынужденъ былъ голодомъ сдаться со всей арміей, въ которой числилось 173 тысячи человѣкъ, между ними три маршала, болѣе пятидесяти генераловъ, около шести тысячъ офицеровъ. Такимъ образомъ, обѣ французскія арміи, выступившія въ іюлѣ противъ Германіи, были въ плѣну. Оба прусскіе принца

---

[1]) Кремье былъ уже во временномъ правительствѣ 1848 г. См. т. V, стр. 481.

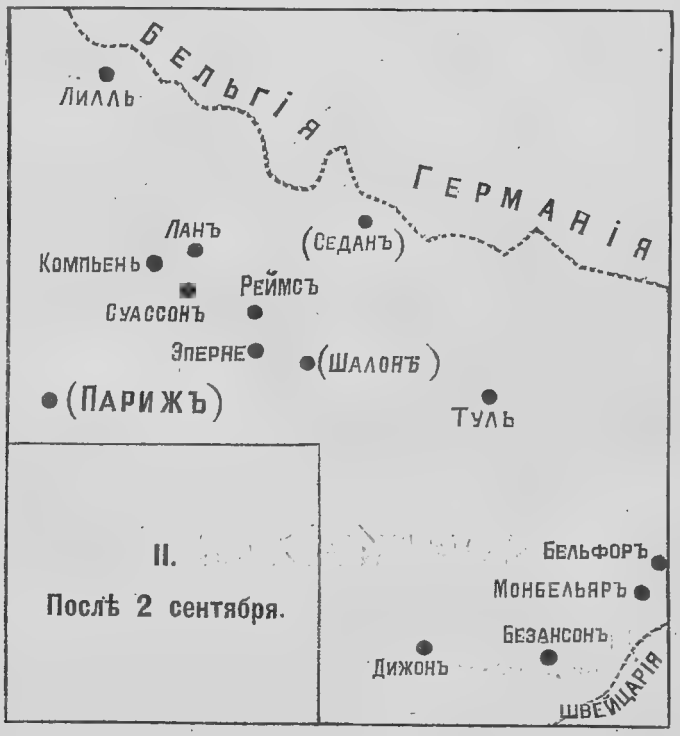
[2]) Араго тоже былъ членомъ временнаго правительства 1848 г.

[3]) О Рошфорѣ см. т. V, стр. 669—670.

[4]) Т. V, стр. 697—698.

[5]) *Trochu.* La politique et le siège de Paris (1872).—*Francisque Sarcey.* Le siège de Paris (1871).—*E. Quinet.* Le siège de Paris et la défense nationale (1871).—*Ducrot.* La défense de Paris (1875—78). — *Heylli.* Journal du siège de Paris (1874).—*L. Jesierski.* Combats et batail les du siège de Paris.—*De Meffray* Les fautes de la défense de Paris (1871). — *F. Wey.* Chronique du siège de Paris (1871).—*Thénot.* Paris et ses fortifications (1880).—*Ch. de Freycinet.* La guerre en province pendant le siège de Paris (1872).

были произведены въ фельдмаршалы, Мольтке получилъ графскій титулъ, Германія ликовала, во Франціи же были убѣждены, что капитуляція Меца была дѣломъ измѣны Базэна: такъ отозвался объ этомъ фактѣ въ одной прокламаціи и членъ правительства, министръ внутреннихъ дѣлъ и военный, Гамбетта [1]). За капитуляціей Меца пали одна за другою и другія лотарингскія крѣпости: Вердёнъ, Тіонвиль и др., причемъ въ руки нѣмцевъ доставались всѣ военные припасы. Съ



другой стороны, паденіе Меца освобождало громадную военную силу, которая могла быть теперь отправлена на подкрѣпленіе войскъ, осаждавшихъ Парижъ. Переговоры о перемиріи, которые въ концѣ октября поручили вести Тьеру, ни къ чему не привели.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ войны 1870—1 гг. особаго вниманія заслуживаютъ только осада Парижа и усилія правительства національной обороны создать новую военную силу, которая отразила бы иноплеменное нашествіе.

---

[1]) Вопросъ объ измѣнѣ Базэна породилъ цѣлую литературу. Одною изъ новѣйшихъ работъ по этому вопросу является *E. Peyron.* Bazaine fut-il un traître? (1904). — Впослѣдствіи онъ судился и процессъ его былъ изданъ. Приговоренный къ заключенію, онъ черезъ нѣкоторое время бѣжалъ. *Marc Marchi.* La vérité sur l'évasion de l'ex-maréchal Bazaine (1883; авторъ былъ директоромъ дома заключенія на островѣ св. Маргариты).

Къ Парижу двѣ нѣмецкія арміи подъ начальствомъ наслѣдныхъ принцевъ прусскаго и саксонскаго двинулись немедленно послѣ Седана, имѣя постоянно впереди себя кавалерійскіе разъѣзды, которые нерѣдко въ лѣсахъ и деревняхъ обстрѣливались или подвергались нападеніямъ со стороны вольныхъ стрѣлковъ (francs tireurs), что̀ вызывало со стороны арміи суровыя репрессіи по отношенію къ мѣстному населенію. По дорогѣ были взяты Ланъ и Суассонъ, по болѣе сѣверной линіи—Компьень, по болѣе южной—Реймсъ и Эперне [1]). Французы думали задержать это движеніе, разрушая передъ Парижемъ всѣ искусственныя сооруженія на шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогахъ, ведущихъ къ этому городу, и опустошая всю находившуюся на пути мѣстность, чтобы ничего не досталось пруссакамъ. Все, что только можно было свезти въ Парижъ для снабженія его съѣстными припасами, было въ него свезено, и одновременно стягивались туда, какія только уцѣлѣли, военныя силы съ національной гвардіей, матросами, жандармами, таможенной стражей, пожарными. Въ общемъ набралось до 300 т. человѣкъ, вдвое, чѣмъ у шедшихъ осаждать Парижъ нѣмцевъ, но, въ сущности, настоящихъ солдатъ было тысячъ шестьдесятъ пѣхоты, да тысячъ пять конницы. Зато въ избыткѣ были въ Парижѣ всякіе чисто военные запасы, а чего не хватало, то изготовлялось на многочисленныхъ заводахъ и фабрикахъ города. Парижъ былъ хорошо укрѣпленъ рвомъ и валомъ, окружавшимъ городъ, и цѣлымъ рядомъ фортовъ на извѣстномъ разстояніи отъ города. Эти укрѣпленія были построены еще при Людовикѣ Филиппѣ по иниціативѣ Тьера въ виду грозившей въ 1840 г. войны съ нѣмцами [2]). Извѣстно, что тогда дѣло не обошлось безъ страстной оппозиціи въ палатѣ депутатовъ, и что при постройкѣ дорого обошедшихся фортификацій многіе очень нажились—инженеры, подрядчики, поставщики матеріаловъ и т. п. [3]). Теперь фортификаціи пригодились. Валъ и ровъ, окружающіе Парижъ, имѣютъ около 34 верстъ въ длину (36 километровъ), отдѣльныхъ фортовъ было пятнадцать, верстахъ въ двухъ съ половиною одинъ отъ другого, но тоже частью съ промежуточными укрѣпленіями. Линія фортовъ составляла около 66 верстъ (70 километровъ). Самымъ сильнымъ фортомъ былъ къ з. отъ Парижа Монъ-Валерьенъ, на высотѣ около 150 саженъ надъ уровнемъ Сены, самъ по себѣ представлявшій почти неприступную крѣпость.

Парижъ заключалъ въ себѣ болѣе двухъ милліоновъ жителей. Задача запастись провіантомъ для прокормленія такого населенія была, конечно, не изъ легкихъ, но трудною была и задача осаждаю-

[1]) См. карту на стр. 99.
[2]) См. выше, стр. 82—83.
[3]) Т. V, стр. 133—134, 163 и 462.

щихъ— такъ окружить городъ съ его фортами, чтобы совершенно отрѣзать его отъ всякаго сообщенія съ остальнымъ міромъ. 19-го сентября, ровно черезъ два мѣсяца послѣ объявленія Франціей войны, черезъ двѣ съ половиною недѣли послѣ Седана, Парижъ подвергся осадѣ. Сначала главная квартира прусскаго короля помѣстилась въ одномъ принадлежавшемъ Ротшильду замкѣ, но 5 октября была перенесена въ Версаль, знаменитую резиденцію послѣднихъ трехъ королей старой монархіи.

Обложеніе Парижа нѣмецкими войсками вызвало въ его населеніи страшное возбужденіе, о которомъ, какъ и вообще о настроеніи парижанъ въ дни осады, намъ придется говорить въ другомъ мѣстѣ [1]). Правительство національной обороны послало къ Бисмарку одного изъ своихъ членовъ, Жюля Фавра, для переговоровъ о перемиріи, но не могло принять нѣмецкихъ условій, которыя, между прочимъ, заключались въ томъ, чтобы сданы были осажденные Туль и Страсбургъ, тогда еще державшіеся [2]), и одинъ изъ парижскихъ фортовъ. Осада началась. Парижскій гарнизонъ неразъ дѣлалъ вылазки, но нѣмцы постоянно ихъ отбивали. Во время одной изъ такихъ стычекъ, при нападеніи нѣмцевъ на Сенъ-Клу, французы разгромили изъ Монъ-Валеріана эту любимую лѣтнюю резиденцію Наполеона III. Новая попытка, сдѣланная Тьеромъ въ концѣ октября, заключить перемиріе кончилась неудачей вслѣдствіе несогласія нѣмцевъ на то, чтобы во время перемирія Парижъ могъ запастись провіантомъ. Въ осажденномъ городѣ уже къ этому времени цѣны на съѣстные припасы страшно поднялись. Чѣмъ сильнѣе, однако, давала себя чувствовать нужда, тѣмъ рѣшительнѣе хотѣли парижане защищаться до конца, тѣмъ болѣе, что получавшіеся съ почтовыми голубями извѣстія вселяли въ населеніи города надежду на скорую выручку формировавшимися въ странѣ военными силами.

Эти надежды оказались, какъ извѣстно, тщетными. Мы сейчасъ еще увидимъ, что французамъ удалось собрать новыя войска, но что и они терпѣли пораженіе за пораженіемъ. Почти весь ноябрь прошелъ безъ какихъ-либо новыхъ попытокъ со стороны парижанъ; лишь 30 числа этого мѣсяца и въ первые дни декабря была сдѣлана попытка вылазки съ цѣлью пробиться на соединеніе съ такъ называемой луарской арміей, но снова окончилась неуспѣхомъ, какъ и попытка 21 декабря пробиться для соединенія съ другою, такъ называемою сѣверною арміей. Черезъ нѣсколько дней (27 числа) послѣ сильной бомбардировки съ нѣмецкой стороны французы вынуждены были

[1]) См. ниже, въ главѣ V.

[2]) Они были взяты очень скоро послѣ этого, а именно Туль 23 сентября, а Страсбургъ 27 сентября.

очистить одинъ изъ своихъ фортовъ (Монтъ-Авронъ), а 5 января 1871 г. началась бомбардировка самого Парижа: раньше этого у нѣмцевъ не было подъ Парижемъ тяжелой осадной артиллеріи. Ко всѣмъ бѣдствіямъ осажденныхъ отъ холода и голода прибавилось это новое,—непосредственно грозившее жизни не только на улицахъ, но и въ домахъ,—бѣдствіе, продолжавшееся три недѣли (5—26 января). Парижане мужественно переносили осаду и бомбардировку своего города, работая, какъ кто только могъ, для его защиты, питаясь лошадинымъ мясомъ, иногда даже крысами, оставляя свои улицы по ночамъ въ темнотѣ, прекративъ всякія общественныя увеселенія. Они не хотѣли разставаться съ надеждою, что въ концѣ концовъ свои придутъ на выручку, что наконецъ и весь цивилизованный міръ не вытерпитъ такихъ ужасовъ и въ пользу Франціи состоится иностранное вмѣшательство. И послѣ начала бомбардировки сдѣлана была еще попытка массового выступленія на соединеніе съ сѣверною арміей. Это было 19 января, черезъ двѣ недѣли послѣ начала бомбардировки, когда въ вылазкѣ,—опять окончившейся неудачею,—участвовало сто тысячъ человѣкъ. Стоявшій во главѣ парижскаго гарнизона генералъ Трошю напрасно послѣ этого пораженія просилъ у нѣмцевъ перемирія: оно не было дано, и 23 января Жюль Фавръ отправился въ Версаль вести переговоры о капитуляціи. Бомбардировка прекратилась 26 числа, а 28 Бисмаркомъ и Жюлемъ Фавромъ былъ подписанъ актъ капитуляціи съ перемиріемъ на три недѣли. Всѣ внѣшнія форты должны были быть переданы нѣмцамъ, парижское войско должно было выдать оружіе и остаться въ городѣ въ качествѣ военноплѣнныхъ, городъ долженъ былъ заплатить двѣсти милліоновъ франковъ контрибуціи (но получилъ право ввозить съѣстные припасы), и въ теченіе двухъ недѣлъ должно было быть собрано въ Бордо національное собраніе. Такъ окончилась небывалая до того времени осада гигантской крѣпости съ двухмилліоннымъ населеніемъ, продолжавшаяся четыре съ половиною мѣсяца, или, точнѣе говоря, 19 недѣль безъ одного дня (132 дня). За десять дней до капитуляціи Парижа, именно 18 января 1871 г., въ старой резиденціи французскихъ королей, гдѣ была главная квартира германской арміи, состоялось торжественное провозглашеніе прусскаго короля германскимъ императоромъ [1]).

Въ то время, какъ происходила осада Парижа, война въ провинціи шла своимъ чередомъ. Уже упоминалось нами раньше о паденіи за это время Страсбурга, Меца и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ. Наиболѣе геройское сопротивленіе оказывала нѣмцамъ крѣпость Бельфоръ [2]). Изъ перемирія, заключеннаго 28 января, былъ

[1]) См. ниже, въ главѣ IV.

[2]) Въ ю.-з. направленіи отъ Страсбурга, прямо на з. отъ Базеля.

по настоянію Жюля Фавра исключенъ юго-восточный театръ войны, гдѣ именно находилась эта крѣпость, но 16 февраля и Бельфоръ вынужденъ былъ капитулировать. Впрочемъ, военныя дѣйствія, въ сущности, прекратились здѣсь раньше, послѣ того какъ южнѣе Бельфора у Понтарлье, на самой границѣ Швейцаріи (къ з. отъ Невшательскаго озера) 1 февраля обойденная нѣмцами съ юга французская армія должна была искать спасенія на швейцарской территоріи. Потеря кампаніи на ю. в. театрѣ войны была послѣднимъ важнымъ событіемъ войны 1870—71 г. Когда палъ Бельфоръ, въ Бордо (съ 12 февраля) уже засѣдало французское національное собраніе, которое было созвано для заключенія мира.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, что же дѣлали за все время осады Парижа правительство народной обороны и само населеніе Франціи.

Передъ началомъ осады Парижа трое изъ членовъ правительства оставили Парижъ, чтобы изъ Тура организовать національную оборону [1]). Положеніе страны было отчаянное, и къ внѣшней войнѣ присоединялись опасныя движенія внутри — радикальное на югѣ, въ долинѣ Роны отъ Ліона до Марсели, реакціонное подъ знаменемъ Бурбоновъ въ Вандеѣ и Бретани. Турское правительство дѣйствовало довольно вяло, пока къ нему не присоединился, въ началѣ октября, назначенный на должность военнаго министра членъ правительства Леонъ Гамбетта. До этого времени онъ былъ извѣстенъ, какъ талантливый парижскій адвокатъ, прославившійся въ 1868 г. рѣчью въ одномъ политическомъ процессѣ, въ которой онъ рѣшился выразить порицаніе государственному перевороту 2 декабря, въ особенности же явно республиканскою программою, съ какою онъ выступилъ на выборахъ 1869 г. [2]). Человѣкъ необычайно энергичный и рѣшительный, Гамбетта въ самомъ началѣ осады Парижа вылетѣлъ изъ него на воздушномъ шарѣ и благополучно добрался до Тура, гдѣ совершенно по диктаторски сталъ всѣмъ распоряжаться. Его краснорѣчивыя и самоувѣренныя прокламаціи поднимали народный духъ призывами къ патріотизму и перспективами будущихъ побѣдъ. Гамбетта, кромѣ того, оказался первоклассным организаторомъ всеобщаго ополченія (levée en masse), иниціативу котораго онъ на себя взялъ [3]). Изъ остатковъ регулярной арміи, изъ моряковъ, изъ національныхъ гвардейцевъ, изъ ополченцевъ, въ которые должны были идти всѣ мужчины отъ 21 до 40 лѣтъ, съ оружіемъ, купленнымъ въ Англіи, онъ снарядилъ

[1]) *A. Rivière.* Trois mois de dictature en province. Le gouvernement de la défense nationale à Tours. (1871).

[2]) Объ этомъ т. V, стр. 670, а также ниже, въ главѣ VI.

[3]) *Colmar von der Goltz.* Gambetta et ses armées (1877).

четыре арміи: одну на сѣверѣ у Лилля, на границѣ съ Бельгіей, другую на Луарѣ, третью у Безансона, къ ю.-з. отъ Бельфора, недалеко отъ швейцарской границы, и четвертую на ю.-з. отъ Парижа у Ле-Манса (Le Mans). Въ этихъ четырехъ арміяхъ насчитывали безъ малаго шестьсотъ тысячъ человѣкъ при 14 т. орудій, но войско это приходилось еще обучать, чтобы оно могло сдѣлаться годнымъ для боя. Гамбетта мечталъ о партизанской войнѣ. Между тѣмъ нѣмцы разбивали эти арміи по частямъ, что̀ не мѣшало Гамбеттѣ прославлять каждый маленькій успѣхъ, какъ побѣду, и тѣмъ поддерживать воинственное настроеніе въ націи. Самымъ важнымъ было то, что война превратилась въ народную, изъ войны между Наполеономъ III и Вильгельмомъ I въ войну между двумя націями, между французами и нѣмцами, сопровождавшуюся жестокостями съ обѣихъ сторонъ и создавшую взаимное озлобленіе между ними и на будущее время. Театръ войны расширился.

Двинувшаяся-было на выручку Парижа отъ Орлеана луарская армія 10 октября потерпѣла пораженіе при Артенэ и послѣ сраженія 11 октября подъ самымъ Орлеаномъ отброшена за Луару, а Орлеанъ былъ занятъ нѣмцами. Черезъ мѣсяцъ французы снова заняли Орлеанъ (9 ноября); это вселило въ Гамбеттѣ надежду, что удастся заставить нѣмцевъ снять осаду съ Парижа, но 5 декабря Орлеанъ былъ опять въ рукахъ нѣмцевъ. Генераловъ, терпѣвшихъ пораженія, Гамбетта немедленно смѣнялъ, но это не помогало дѣлу. Отъ Орлеана нѣмцы направили свои силы къ юго-западу и къ западу, 21 декабря взяли Туръ, а 12 января Ле-Мансъ. Вездѣ нѣмцы имѣли большую добычу и брали въ плѣнъ массу солдатъ (въ Орлеанѣ 10 т. человѣкъ, въ Ле-Мансѣ 20 т.). Луарская и западная арміи были почти уничтожены. Столь же несчастна была и сѣверная армія, которая не могла помѣшать нѣмцамъ занять послѣдовательно Амьенъ (28 ноября), сто-

III. Послѣ начала осады Парижа.

лицу Нормандіи Руанъ (5 декабря), Эврё (9 декабря), причемъ нѣмецкіе драгуны доѣзжали даже до приморскаго города Дьеппа. Послѣ ряда битвъ, неблагопріятныхъ для французовъ, и сѣверная армія понесла рѣшительное пораженіе при С.-Кентенѣ, гдѣ однихъ плѣнныхъ нѣмцы взяли 12 т. (19 января).

Дѣла четвертой арміи, центромъ которой былъ Безансонъ, шли также плохо. На этомъ театрѣ войны французы получили помощь отъ Гарибальди. Герой освобожденія и объединенія Италіи, старый и больной, еще въ сентябрѣ пришелъ на помощь Франціи, организовавъ иностранный легіонъ въ 12 т. человѣкъ, въ которомъ было много его старыхъ боевыхъ товарищей [1]), немало и французовъ, равно какъ, представителей другихъ національностей, но это предпріятіе не принесло французамъ никакой существенной пользы. Между тѣмъ на этотъ театръ войны Гамбетта возлагалъ особенно большія надежды. На помощь четвертой арміи еще ранѣе окончательнаго пораженія на Луарѣ была отдѣлена часть тамошней арміи, чтобы выручить осаждавшійся въ то время Бельфоръ, и даже напасть на Баденъ, Вюртембергъ и Баварію. Но при Монбельярѣ (къ югу отъ Бельфора) 15—17 янв. произошла битва, которая заставила французовъ вернуться въ Безансонъ, вслѣдъ за чѣмъ, какъ мы уже видѣли, 1 февраля тѣснимая нѣмцами и потерявъ одними плѣнными до 15 т. человѣкъ, эта армія перешла въ Швейцарію, гдѣ должна была подвергнуться разоруженію. Въ этотъ же день нѣмцами былъ взятъ Дижонъ, около котораго у нихъ, главнымъ образомъ, и происходили битвы съ гарибальдійцами. Самъ Гарибальди съ своими сыновьями спасся бѣгствомъ.

Съ заключеніемъ перемирія и занятіемъ нѣмцами парижскихъ фортовъ (29 янв.) война была кончена, если не считать событій на юго-восточномъ театрѣ войны. Продолжительность ея исчисляется 180 днями собственно военныхъ дѣйствій. Въ ней насчитываютъ болѣе полутораста крупныхъ и мелкихъ стычекъ, двадцать большихъ сраженій, 26 взятыхъ крѣпостей, семь съ половиной тысячъ отнятыхъ нѣмцами у французовъ орудій. За эти 180 дней болѣе 800 т. французовъ выбыло изъ строя, изъ нихъ одни убитыми и ранеными, другіе уведенными въ плѣнъ въ Германію, третьи обезоруженными въ Парижѣ, четвертые перешедшими на швейцарскую территорію. Нѣмцы потеряли въ этой войнѣ до 132 т. человѣкъ [2]).

Гамбетта пробовалъ было сопротивляться заключенію мира и въ

---

[1]) Объ отрядахъ Гарибальди т. V, стр. 584, 674—675, 687—688, 693, 695.

[2]) Общую стоимость войны 1870—1871 г. вычисляютъ для Франціи 15.360.673.500 франковъ. См. *G. Hanotaux.* Hist. de la France contemporaine, I, 305—306 на основаніи книги *Amagat.* La gestion conservatrice et la gestion républicaine.

гнѣвной прокламаціи отъ 31 января взывалъ къ патріотизму французовъ, набрасывая вмѣстѣ съ тѣмъ тѣнь на правительство, но скоро онъ увидѣлъ всю безполезность сопротивленія. Въ первыхъ числахъ февраля произошли выборы въ національное собраніе, между прочимъ, и въ областяхъ, занятыхъ нѣмцами, которые нисколько не мѣшали свободѣ выборовъ, и 12 февраля въ Бордо открыло свои засѣданія національное собраніе, передъ которымъ временное правительство сложило свои полномочія. Главою исполнительной власти былъ избранъ Тьеръ, и образована была 12-членная коммиссія, которая должна была помогать ему при заключеніи мира. О составѣ и настроеніи этого собранія рѣчь будетъ еще впереди, въ иной связи [1]), а здѣсь мы ограничимся лишь исторіей самаго заключенія мира. На предварительные переговоры потребовалось немало времени, и первоначальный срокъ перемирія былъ продленъ до 6 марта. Бисмаркъ требовалъ первоначально, чтобы Франція уступила весь Эльзасъ съ Бельфоромъ и часть Лотарингіи и уплатила шесть милліардовъ контрибуціи, но Тьеръ выторговалъ у нѣмцевъ сохраненіе Бельфора за Франціей и скидку одного милліарда контрибуціи, причемъ Вильгельмъ I отказался отъ вступленія нѣмецкихъ войскъ въ Парижъ, считавшагося цѣною уступки Бельфора, но въ Елисейскихъ поляхъ нѣмцы все-таки побывали. Прелиминарный договоръ состоялся 26 февраля въ Версали, 1 марта былъ принятъ національнымъ собраніемъ (большинствомъ 546 голосовъ противъ 107), а 2 числа утвержденъ Вильгельмомъ I. Окончательный миръ былъ заключенъ только 20 мая во Франкфуртѣ-на-Майнѣ [2]). Наиболѣе существенныя условія его были слѣдующія:

1) Франція уступала Германіи Эльзасъ за исключеніемъ Бельфора и нѣмецкую Лотарингію съ Мецемъ и Тіонвилемъ, составлявшіе три департамента съ площадью въ 14.508 кв. километровъ и населеніемъ въ 1.580.000 душъ, среди которыхъ добрую треть этой цифры составляли французы [3]). О народномъ голосованіи населенія, какъ это было при переходѣ Савойи и Ниццы къ Франціи или при объединеніи Италіи, не могло быть и рѣчи. Дѣло въ томъ, что однимъ до-

---

[1]) См. ниже, въ главѣ V.

[2]) *Valfrey.* Histoire du traité de Frankfort.

[3]) По языку Эльзасъ имѣлъ преимущественно нѣмецкое населеніе: по даннымъ германской переписи 1880 г. изъ 855 общинъ по-французски говорили здѣсь только въ 44 общинахъ, т.-е. приблизительно въ одной двадцатой части, но въ Лотарингіи на 370 общинъ, говорившихъ по-нѣмецки, приходилось 341 говорившихъ по-французски. Въ это время были разные планы будущаго положенія Эльзасъ-Лотарингіи, напр., нейтрализаціи этой области, образованія даже изъ нея княжества для Бисмарка и пр.—*A. de Gasparin.* La république neutre d'Alsace (1871). — *Rouard de Card.* L'Alsace-Lorraine et le projet de neutralisation („Rev. pol. et parlem." за 1895 г.).

говоромъ 1866 г. за населеніемъ сѣвернаго Шлезвига было признано право высказаться свободнымъ голосованіемъ, не желаетъ ли оно быть присоединеннымъ къ Даніи, но Пруссія и не подумала исполнить это условіе [1]): гдѣ же было думать, чтобы у эльзасцевъ и лотарингцевъ стали спрашивать объ ихъ согласіи или несогласіи на присоединеніе къ Германіи? Жителямъ Эльзасъ-Лотарингіи было только предоставлено право дѣлать выборъ между тѣмъ или другимъ подданствомъ, на что былъ данъ извѣстный срокъ [2]), но когда число давшихъ предпочтеніе французскому подданству превысило 10% населенія [3]), было объявлено, что выборъ французскаго подданства обязательно влечетъ за собою переселеніе во Францію [4]), и послѣ этого правительство стало считать германскими подданными всѣхъ оставшихся на родинѣ.

2) Кромѣ территоріальной уступки, Франція по франкфуртскому миру обязывалась уплатить Германіи вознагражденіе за военныя издержки въ количествѣ 5.000.000.000 франковъ (двѣ тысячи сто семьдесятъ пять милліоновъ рублей по теперешнему курсу) съ условіемъ, чтобы первый милліардъ былъ выплаченъ еще въ теченіе 1871 г., а остальные четыре—въ три года [5]).

3) Непосредственно по ратификаціи договора національнымъ собраніемъ нѣмецкія войска должны были очистить южные форты Парижа и лѣвый берегъ Сены, департаменты же между правымъ берегомъ Сены и восточной границей Франціи должны были очищаться отъ нѣмецкихъ войскъ по мѣрѣ уплаты контрибуціи.

4) Военноплѣнные освобождались немедленно [6]).

5) Управленіе въ оккупированныхъ нѣмцами департаментахъ должно было быть передано французскимъ должностнымъ лицамъ, но въ зависимости отъ германскаго военнаго начальства.

---

[1]) Т. V, стр. 729 и 735.

[2]) Срокъ этотъ былъ до 1 октября 1872 г.

[3]) За французское подданство высказалось 160 т. человѣкъ.

[4]) Выселилось изъ указанныхъ 160 т. менѣе трети, именно лишь 50 т.

[5]) Уплата должна была быть произведена золотомъ или равноцѣнными золоту прусскими, англійскими, бельгійскими и т. п. бумагами.

[6]) Ихъ было въ этотъ моментъ въ Германіи болѣе 400 т. человѣкъ. О томъ, какую роль сыграли возвратившіеся изъ германскаго плѣна солдаты, см. ниже, въ гл. V.

IV. Политическое преобладаніе Германіи и усиленіе милитаризма [1]).

Важное значеніе франко-германской войны въ исторіи Европы. — Случаи преобладанія отдѣльныхъ государствъ въ прежнія времена.—Переходъ преобладанія отъ Франціи къ Пруссіи и паденіе имперіи во Франціи —Объединеніе Германіи подъ прусской гегемоніей.—Уничтоженіе свѣтской власти папы и окончательное объединеніе Италіи.—Прекращеніе нейтральности Чернаго моря.—Идея реванша во Франціи. — Страхъ мелкихъ государствъ передъ завоевательной политикой Германіи.—Эпоха „союза трехъ императоровъ".—Опасность новой войны между Франціей и Германіей въ 1875 г. — Усиленіе милитаризма съ эпохи національныхъ войнъ и особенно послѣ войны 1870—71 г.—Ростъ военныхъ силъ и расходовъ на военныя нужды въ послѣднія десятилѣтія XIX в. — Вліяніе милитаризма на народную жизнь.—Милитаризмъ и капиталистическій строй.

Франко-германская война съ ея столь различнымъ исходомъ для обѣихъ странъ получила весьма важное значеніе въ исторіи не только самихъ Франціи и Германіи, но и вообще всей Европы, для которой не могли пройти безслѣдно ни разгромъ Франціи, ни объединеніе Германіи въ имперію подъ главенствомъ Пруссіи. Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію событій 1871 г., мы должны остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ политическихъ слѣдствій, которыя имѣла столь необычайная война, какою слѣдуетъ признать войну 1870—71 г.

Первымъ ея слѣдствіемъ нужно считать переходъ къ Германіи политическаго преобладанія въ Европѣ.

---

[1]) Кромѣ общихъ трудовъ по исторіи Западной Европы, гдѣ только идетъ рѣчь о внѣшней политикѣ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ XIX в. (см., напр., въ XII т. *Lavisse et Rambaud* первую половину главы XIII объ европейской политикѣ отъ 1871 по 1878 г.), и соотвѣтственныхъ отдѣловъ въ исторіи отдѣльныхъ странъ, см. особенно указывавшееся и въ предыдущихъ томахъ соч. *Debidour'a* „Histoire diplomatique de l'Europe", во второмъ томѣ котораго (1891) этому времени посвящена глава XII (стр. 445—476) съ названіемъ „Les trois empereurs". Кромѣ того, см. *W. Müller.* Politische Geschichte der Gegenwart (за 1871—1875 гг.) или *Daniel.* L'année politique (для того же періода).—*Hippeau.* Histoire diplomatique de la troisième république.—*A. Sorel.* La Prusse et les deux empires („Rev. des deux mondes").—*N. v. Szemere.* Ueber den Dreibund (1904).—*J. Klaczko.* Deux chanceliers: le prince Gortschakoff et le prince Bismarck. — *Dechamps.* Le prince Bismarck et l'entrevue des trois empereurs (1872). — Кое-что будетъ еще названо ниже. Что касается до милитаризма, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, то соотвѣтственная литература тоже приводится ниже. Въ указываемомъ тамъ трудѣ *И. Бліоха* отмѣчаемъ здѣсь только т. V, стр. 229—327 („Объединеніе Германіи; возникшіе изъ него опасности и союзы").

Съ самаго начала образованія западно-европейскихъ націй по временамъ то одно, то другое государство играло преобладающую роль среди своихъ сосѣдей. Съ X до середины XIII в. Германія, сохранившая еще нѣкоторое единство при раздробленности, царившей во Франціи и въ Италіи, была такимъ первенствующихъ государствомъ, которое недаромъ же считалось продолженіемъ Римской имперіи. Съ паденіемъ, въ серединѣ XIII в., Гогенштауфеновъ и началомъ развитія въ Германіи мелкодержавія, роль ея кончилась, и въ исходѣ среднихъ вѣковъ на Западѣ не было ни одной націи, которая могла бы занять первенствующее положеніе въ Европѣ. Блескъ Священной Римской имперіи германской націи въ первой половинѣ XVI в., при Карлѣ V, былъ уже не собственный, а заимствованный, ибо этимъ блескомъ имперія была обязана тому, что ея корона покоилась на головѣ испанскаго короля, обладавшаго и другими еще коронами [1]). Во всякомъ случаѣ „всемірная монархія“ Карла V не была національнымъ государствомъ, и если въ XVI в. какая-либо страна могла претендовать на извѣстное преобладаніе, то это была Испанія, даже еще въ царствованіе Филиппа II [2]). Въ XVII в. Испанія была уже въ упадкѣ, Германія, обезсиленная тридцатилѣтней войной, тоже [3]), и при Людовикѣ XIV первенствующимъ государствомъ Запада сдѣлалась Франція, король которой положительно задавалъ тонъ всѣмъ остальнымъ государямъ Западной Европы [4]). Людовики XV и XVI не съумѣли удержать Францію на достигнутой ею высотѣ, и во второй половинѣ XVIII в. видное мѣсто въ политической системѣ, заняла на Западѣ Пруссія [5]), но положеніе Фридриха II все-таки не можетъ идти въ сравненіе съ положеніемъ ни Карла V, ни Людовика XIV. Только войны революціи и имперіи снова выдвинули на первый планъ Францію, которой при Наполеонѣ I принадлежала настоящая гегемонія на всемъ континентѣ, едва умѣряемая нѣкоторымъ противовѣсомъ Россіи [6]). Исходъ борьбы съ Наполеономъ I далъ на нѣкоторое время политическое преобладаніе Россіи, которая не могла его удержать по слабости своего экономическаго и культурнаго развитія, безъ котораго сама гегемонія бываетъ случайной и эфемерной. Благодаря особымъ условіямъ, въ первой половинѣ XIX в. Россія пользовалась могуществомъ на Западѣ, какъ чисто консервативная сила, въ которой нуждались правительства и которой боялись народы. Особенно такую роль могла играть

---

[1]) Т. II, стр. 39 и слѣд.
[2]) Т. II, стр. 298 и слѣд.
Т. II, стр. 314—315 и 378—379.
Т. II, гл. XLIII.
Т. III, стр. 300 и слѣд.
) Т. IV, гл. VIII.

Россія въ концѣ царствованія Николая I, одна на континентѣ оставшаяся спокойною въ бурномъ сорокъ восьмомъ году, Россія,—спасшая въ 1849 г. Австрію, въ 1850 г. смирившая передъ нею Пруссію [1]). Крымская война нанесла страшный ударъ нашему внѣшнему могуществу, и преобладаніе въ Европѣ въ третій разъ перешло къ Франціи, гдѣ Наполеонъ III явился истиннымъ преемникомъ и Людовика XIV, и своего дяди [2]). Пятидесятые годы, особенно вторая ихъ половина, и шестидесятые годы, въ частности первая ихъ половина, были эпохою политическаго преобладанія Франціи, которое, однако, во второй же половинѣ шестидесятыхъ годовъ стало уже клониться къ упадку.

Именно съ самой середины шестидесятыхъ годовъ стало намѣчаться опасное для французскаго преобладанія соперничество Пруссіи. Извѣстны успѣхи ея внѣшней политики въ 1864 и особенно въ 1866 г., причемъ этими успѣхами она была обязана не только силѣ своего оружія, но и ловкости своей дипломатіи, бывшей, въ сущности, дипломатіей Бисмарка [3]). Въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ звѣзда Наполеона III стала склоняться къ закату, и восходила новая звѣзда, звѣзда Бисмарка; Франція утрачивала руководящую роль въ политикѣ, и эта роль переходила къ Пруссіи. Война 1870—71 г. должна была рѣшить вопросъ: Пруссія ли, успѣвшая уже стать во главѣ половины прежней Германіи, Франція ли будетъ въ дальнѣйшемъ задавать тонъ Европѣ, и вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ въ Седанѣ 2 сентября 1870 г., за чѣмъ слѣдовали капитуляція Парижа и франкфуртскій миръ. Вторая французская имперія пала, и прежняя политика Франціи, исходившая изъ династическихъ соображеній, должна была замѣниться другою, а главное — Франція была обезсилена, унижена и на долгое время была лишена возможности играть какую бы то ни было роль въ международныхъ отношеніяхъ. Первенство перешло къ Германіи.

Вторымъ важнымъ результатомъ войны было завершеніе объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи. Австрія была выбита изъ той позиціи, какую она занимала въ Германіи, и исключена изъ самаго состава послѣдней еще въ 1866 г., но австрійскіе государственные люди въ концѣ шестидесятыхъ годовъ еще не теряли надежды повернуть колесо исторіи въ другую сторону. Австрійскою политикою въ 1867 г. заправлялъ графъ Бейстъ, ненавистникъ Пруссіи, мечтавшій возвратить монархіи Габсбурговъ ея прежнее положеніе въ Германіи [4]), и онъ, хотя и относился недовѣрчиво къ самому французскому импе-

[1]) Т. V, стр. 578 и 625—626.
[2]) Т. V, стр. 652—662.
[3]) Т. V, стр. 728—729, 731—732, 733—735, 742 и др.
[4]) Т. V, стр. 742.

ратору, былъ сторонникомъ неудавшагося франко-австрійскаго союза, о которомъ поговаривали по поводу свиданія Франца-Іосифа и Наполеона III, въ 1867 г., въ Зальцбургѣ, гдѣ присутствовалъ и Бейстъ. На этомъ свиданіи оба государя „нравственно" обязались другъ передъ другомъ не допускать дальнѣйшаго объединенія Германіи. Бейстъ хлопоталъ и о привлеченіи къ антипрусскому союзу также Италіи, въ самой Австріи поощряя антипрусскія манифестаціи и враждебную замысламъ Бисмарка прессу. Съ разгромомъ Франціи австрійское правительство должно было оставить всякія надежды на передѣлку того, что было результатомъ войны 1866 г. и такъ блестяще было закрѣплено побѣдами 1870—71 г. Мало того, Австрія вошла въ политическую комбинацію, извѣстную подъ названіемъ союза трехъ императоровъ, въ которомъ доминирующую роль игралъ новый императоръ объединенной Германіи [1]).

Такъ окончился давнишній споръ между двумя нѣмецкими династіями, Габсбургами и Гогенцоллернами, и между ихъ государствами, Австріей и Пруссіей, о томъ, кому стоять во главѣ Германіи. Начало этому соперничеству было положено еще въ концѣ XVIII в., при Іосифѣ II и Фридрихѣ II, въ эпоху знаменитаго фюрстенбунда [2]). Уже тогда Мирабо совѣтовалъ нѣмцамъ стоять за молодую Пруссію, а не за старую Австрію [3]). Онъ какъ бы предвидѣлъ ту національно-германскую роль, которую Пруссія потомъ съиграла въ войнѣ за освобожденіе Германіи отъ Наполеона I, занявшись внутренними преобразованіями и ставъ во главѣ народнаго движенія [4]). На вѣнскомъ конгрессѣ предсѣдательство въ Германскомъ союзѣ было передано Австріи, которая потомъ знала только одну политику репрессій, тогда какъ Пруссія заключеніемъ таможеннаго союза, мало-по-малу охватившаго всю Германію, кромѣ Австріи, совершила экономическое объединеніе Германіи, подготовившее собою и политическое единство [5]). Во время революціи 1848 г. уже прямо образовались по вопросу объ объединеніи Германіи велико-нѣмецкая и мало-нѣмецкая партіи [6]), и франкфуртскій парламентъ въ конституціи 1849 г. разрѣшилъ вопросъ въ пользу второй, т.-е. въ пользу Пруссіи [7]). Прусскій король отвергъ тогда предложенную ему императорскую ко-

---

[1]) См. ниже.
[2]) Т. III, стр. 302.
[3]) Т. III, стр. 336.
[4]) Т. IV, стр. 18.
[5]) О таможенномъ союзѣ см. т. IV, стр. 348 и слѣд. и т. V, стр. 181—183. См. также ниже, въ гл. VII.
[6]) См. выше.
[7]) Т. V, стр. 533, 535, 551—552.

рону [1]), но это не помѣшало ему въ скоромъ же времени намѣтить для своего государства такую политику, которая должна была создать для Пруссіи особое положеніе въ Германіи. Въ 1850 г. Австрія, однако, разстроила планъ Пруссіи образовать въ Германіи свою особую унію подъ ея, Пруссіи, гегемоніей [2]), и подъ давленіемъ со стороны Россіи Фридрихъ-Вильгельмъ IV долженъ былъ смириться передъ Австріей [3]). Соперничество Австріи и Пруссіи въ 1849—50 гг. приняло такой характеръ, что Наполеонъ III, тогда еще президентъ республики, предполагалъ втравить Пруссію, заключивъ съ нею союзъ, въ войну съ Австріей, чтобы самому осуществить свою мечту о рейнской границѣ [4]).

Мы видѣли уже [5]), что какъ-разъ боязнь аггрессивной политики Наполеона III и ставила передъ нѣмцами вопросъ объ объединеніи на чисто практическую почву. Когда подъ вліяніемъ итальянской войны 1859 г., въ Германіи снова былъ поднятъ вопросъ объ объединеніи, въ ней немедленно разгорѣлась полемика между велико-нѣмецкою и мало-нѣмецкою партіями [6]), а когда сами правительства начали переговоры о формахъ возможнаго объединенія, то Австрія и Пруссія всегда оказывались въ противоположныхъ лагеряхъ [7]), пока война 1866 г., причины которой лежали и въ несогласіяхъ по вопросу объ объединеніи [8]), не рѣшила споръ въ пользу Пруссіи. Однако, какъ мы только-что видѣли, лишь исходъ войны 1870—71 гг. заставилъ Австрію окончательно примириться съ фактомъ объединенія Германіи подъ прусской гегемоніей.

Кромѣ Австріи, помѣхою объединенію Германіи подъ гегемоніей Пруссіи была и Франція. Австро-прусская распря вообще была на руку Наполеону III: въ 1866 г. онъ полагалъ, что обѣ стороны одна другую лишь обезсилятъ, а это дастъ ему возможность въ надлежащую минуту выступить вершителемъ судебъ. Въ своихъ планахъ онъ расчленялъ Германію на Австрію, Пруссію съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ, южную Германію, независимую отъ обѣихъ, и лѣвый берегъ Рейна [9]), и онъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, какъ дѣло кончилось. Тѣмъ не менѣе дипломатическое вмѣшательство Наполеона III въ 1866 г. помѣшало Пруссіи извлечь изъ своей побѣды

[1]) Т. V, стр. 552 и 554.
[2]) Т. V, стр. 559—560.
[3]) Т. V, стр. 625.
[4]) Т. V, стр. 626.
[5]) См. выше, стр. 18 и 84—85, а также т. V, стр. 728 и слѣд.
[6]) Т. V, стр. 702 и слѣд.
[7]) Т. V, стр. 706 и слѣд.
[8]) Т. V, стр. 732.
[9]) Т. V, стр. 659—660 и 733.

надъ Австріей всѣ выгоды, какія только было можно [1]). Послѣ 1866 г. въ Германіи смотрѣли на политику Наполеона III, какъ на главную помѣху къ германскому единству: Седанъ эту помѣху устранилъ.

Войну 1870—71 г. Пруссія вела въ полномъ единеніи съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ и въ союзѣ съ южно-германскими государствами, съ которыми она еще раньше заключила тайные договоры противъ Франціи. Наполеонъ III, особенно хлопотавшій о томъ, чтобы прусская гегемонія не простиралась южнѣе линіи Майна, желалъ, чтобы Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ образовали особенный Юго-Германскій союзъ по образцу сѣвернаго [2]), но объявленіемъ войны Пруссіи только содѣйствовалъ сліянію Сѣвера и Юга. Германскія арміи въ войнѣ 1870—71 г. состояли изъ контингентовъ всѣхъ частей Германіи, и общія побѣды, общая слава только больше сплачивали въ сознаніи нѣмцевъ ихъ національное единство.

Между 1866 и 1870 гг. южно-германскія правительства, связанныя съ Пруссіей союзными договорами, въ сущности, колебались между двумя политическими направленіями, изъ которыхъ одно было за вступленіе въ обще-германскій союзъ (оно было сильно въ Баденѣ), а другое, наоборотъ, защищало мѣстную независимость (особенно въ Баваріи). Но у этихъ государствъ съ Пруссіей была и другая связь: всѣ они были членами таможеннаго союза, и Бисмаркъ именно съ этой стороны привлекъ ихъ къ участію въ общихъ дѣлахъ. Еще въ іюлѣ 1867 г. онъ заключилъ съ ними договоръ, въ силу котораго южно-германскія государства должны были участвовать въ совмѣстномъ разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся таможеннаго союза. Для этого между 1867 и 1870 гг. три раза (первый разъ въ 1868 г.) созывался такъ называемый таможенный парламентъ [3]), бывшій, въ сущности, своего рода рейхстагомъ, дополненнымъ представителями отъ южно-германскихъ государствъ. Большинство членовъ таможеннаго парламента, выбранныхъ и здѣсь всеобщею подачею голосовъ, было противъ дальнѣйшаго объединенія, но война съ Франціей склонила правительства названныхъ государствъ къ вступленію въ общій союзъ. Сами государи выразили желаніе примкнуть къ остальнымъ государствамъ, уже находившимся подъ гегемоніей Пруссіи; баварскій король прямо предложилъ возстановить для Германіи ея старое историческое наименованіе имперіей (Reich), а для общаго главы ея—старый же титулъ императора (Kaiser), выговоривъ, однако, для своего королевства кое-какія привилегіи (особая почта, своя военная форма). Соб-

---

[1]) Т. V, стр. 736.
[2]) Т. V, стр. 734—735.
[3]) Т. V, стр. 739.

ственно, переговоры о возстановленіи имперіи велись еще съ сентября прусскимъ государственнымъ дѣятелемъ Дельбрюкомъ, и въ этомъ смыслѣ были заключены отдѣльные договоры съ Баденомъ и Гессеномъ 15 ноября, съ Баваріей 23 и съ Вюртембергомъ 25, но прежде чѣмъ они могли бы быть утверждены сѣверо-германскимъ рейхстагомъ и соотвѣтственными южно-германскими ландтагами, стоявшій за единство великій герцогъ баденскій Фридрихъ склонилъ баварскаго короля Людвига II обратиться ко всѣмъ нѣмецкимъ государямъ съ предложеніемъ дать предсѣдателю союза титулъ германскаго императора (4 декабря). Между тѣмъ собранный на 24 ноября сѣверо-германскій рейхстагъ принялъ переданные на его разсмотрѣніе договоры съ новыми титулами для Германіи и ея общаго главы и послалъ къ Вильгельму I депутацію съ изъявленіемъ желанія націи. Во главѣ этой депутаціи стоялъ тотъ самый Симсонъ, который за двадцать два года передъ тѣмъ, 3 апрѣля 1849 г., уже предлагалъ отъ имени франкфуртскаго парламента корону старшему брату Вильгельма I, Фридриху-Вильгельму IV. На этотъ разъ, отказа не было: императорская корона подносилась прусскому королю съ согласія остальныхъ нѣмецкихъ государей, и о ней уже нельзя было говорить, какъ о „кушаньѣ, приготовленномъ изъ грязи и глины“, или какъ объ „ошейникѣ, который сдѣлаетъ изъ правителя милліоновъ людей простого раба революціи“ [1]). Представленіе депутаціи Вильгельму I состоялось 18 декабря, а ровно черезъ мѣсяцъ, 18 января, въ сто семидесятую годовщину возложенія курфюрстомъ бранденбургскимъ Фридрихомъ III на свою голову прусской королевской короны [2]), въ большой зеркальной залѣ версальскаго дворца состоялось въ присутствіи германскихъ государей, военачальниковъ и депутатовъ торжественное принятіе Вильгельмомъ I императорскаго титула. Черезъ два мѣсяца, 21 марта, состоялось и открытіе перваго обще-германскаго рейхстага [3]).

Франція въ концѣ шестидесятыхъ годовъ была помѣхой окончательнаго объединенія не только Германіи, но и Италіи.

Объединеніе Италіи произошло при дѣятельной поддержкѣ со стороны Наполеона III [4]), но, помогая Сардиніи въ 1859 г., онъ вовсе не имѣлъ въ виду того оборота, который приняли дѣла въ 1860 г. Самъ онъ думалъ не объ единомъ итальянскомъ королевствѣ, а о федераціи подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Менѣе всего

---

[1]) Т. V, стр. 553.
[2]) Т. III, стр. 37.
[3]) Дальнѣйшая исторія Германіи ниже, въ главѣ VII.
[4]) Т. V, стр. 683 и слѣд.

Наполеонъ III могъ бы добровольно согласиться на лишеніе папы свѣтской власти,—онъ, который содѣйствовалъ ея возстановленію въ 1849 г. и оберегалъ ее французскимъ гарнизономъ. Если онъ и согласился на объединеніе Италіи такъ, какъ оно произошло, то лишь опасаясь республиканскаго движенія, которое могло бы взять верхъ, если бы Викторъ-Эммануилъ не былъ представителемъ монархическаго принципа [1]). Когда въ 1862 г. Гарибальди задумалъ совершить завоевательный походъ на Римъ, Наполеонъ III послалъ туда свѣжія войска для подкрѣпленія стоявшаго тамъ французскаго гарнизона. Въ 1864 г. Франція и Италія заключили между собою конвенцію, въ силу которой первая обѣщала вывести свои войска изъ Рима, если итальянское правительство возьметъ на себя охрану свѣтской власти папы въ Римѣ [2]). Черезъ два года Наполеонъ III помогъ Италіи пріобрѣсти Венеціанскую область и исполнилъ обѣщаніе относительно вывода изъ Рима французскаго гарнизона, но когда въ 1867 г. Гарибальди сдѣлалъ новую попытку овладѣть Римомъ, Наполеонъ III не согласился на просьбу итальянскаго правительства защищать папу своими войсками, а послалъ въ Церковную область французское войско, разбившее Гарибальди при Ментанѣ. Во французскомъ законодательномъ корпусѣ даже оппозиція была за сохраненіе свѣтской власти папы, правительство же прямо заявляло, что Франція „никогда, никогда и никогда“ не допуститъ Италію завладѣть Римомъ [3]). Французскій гарнизонъ остался снова въ Чивитта-Веккіи охранять папскія владѣнія. Когда на другой день послѣ провозглашенія ватиканскимъ соборомъ папской непогрѣшимости [4]) была Наполеономъ III объявлена война Пруссіи, Италія лишь потому не была на сторонѣ Франціи, что ея императоръ ни за что не соглашался допустить присоединеніе Рима къ національному королевству итальянцевъ. Вскорѣ, однако, французы оставили Чивитта-Веккію, чтобы отправиться на родину, гдѣ было такъ много дѣла, но едва только пришло въ Италію извѣстіе о паденіи имперіи, Викторъ-Эммануилъ объявилъ о прекращеніи конвенціи 1864 г. и отправилъ къ римской границѣ обсервационный корпусъ, обратившись къ папѣ Пію IX съ предложеніемъ ограничиться обладаніемъ правобережною частью Рима съ Ватиканомъ. Отказъ Пія IX принять это условіе имѣлъ результатомъ вступленіе войска Виктора-Эммануила II въ Папскую область и занятіе имъ самаго Рима 20 сентября 1870 г. [5]). Такъ произошло окончательное

[1]) Т. V, стр. 688.
[2]) Т. V, стр. 593.
[3]) Т. V, стр. 595.
[4]) Т. V, стр. 697.
[5]) Т. V, стр. 698.

объединеніе Италіи и окончилась свѣтская власть папы, державшаяся за послѣднія двадцать лѣтъ только вслѣдствіе поддержки съ стороны Франціи [1]).

Паденіе имперіи Наполеона III имѣло результатомъ отмѣну не одной только конвенціи 1864 г. съ итальянскимъ королевствомъ относительно Рима. Къ числу политическихъ тріумфовъ Наполеона III относится парижскій трактатъ 1856 г., въ которомъ подводились итоги восточной войны 1853—6 гг., а одною изъ его статей Черное море объявлялось нейтральнымъ, и ни одно государство не могло содержать на немъ ни военнаго флота, ни арсеналовъ. Эта статья была направлена противъ Россіи въ защиту Турціи, которую Наполеонъ взялъ подъ свое покровительство, и Россія вынуждена была подчиниться этому условію. Черезъ четыре дня послѣ паденія Меца русское правительство оповѣстило другія державы о томъ, что болѣе не считаетъ себя связаннымъ трактатомъ 1856 г. и потому возвращаетъ себѣ полную свободу дѣйствія на Черномъ морѣ. Правда, Англія и Австрія протестовали противъ этого, да и прусскій король былъ, повидимому, этимъ недоволенъ; изъ-за вопроса о силѣ трактата 1856 г. Англія при благопріятныхъ условіяхъ даже объявила бы войну, но дѣло уладилось мирно на конференціи въ Лондонѣ въ январѣ 1871 г., предложенной Бисмаркомъ. Россіи пришлось согласиться въ принципѣ, что никто не имѣетъ права отказываться отъ соблюденія международныхъ трактатовъ, но тѣмъ не менѣе на лондонской конференціи былъ составленъ новый трактатъ, признававшій свободу дѣйствій Россіи на Черномъ морѣ (13 марта 1871 г.). Турція примирилась съ такимъ исходомъ пересмотра вопроса о Черномъ морѣ и, лишенная въ лицѣ Наполеона III защитника и покровителя, подпала послѣ этого подъ вліяніе Россіи.

Всѣ крупные международные вопросы, повидимому, были рѣшены, и новыхъ на политическомъ горизонтѣ не было видно: Германія объединилась, Австрія окончательно примирилась съ новымъ положеніемъ дѣлъ, Италія заняла Римъ, Россія получила право завести флотъ на Черномъ морѣ. Но одна опасность для общаго мира все-таки еще оставалась: это былъ эльзасъ-лотарингскій вопросъ, это было стремленіе французовъ къ отмщенію, идея такъ называемаго реванша. Жители отторгнутой отъ Франціи области были противниками присоединенія къ Германіи; это признавало и само правительство, заявившее устами Бисмарка, что его задача преодолѣть враждебное къ Германіи настроеніе посредствомъ терпѣнія. Превращенная

---

[1]) Исторія Италіи послѣ присоединенія Рима ниже, въ главѣ X, исторія папства—въ главѣ XX.

въ имперскую область (Reichlsand), Эльзасъ-Лотарингія [1]) находилась въ непосредственномъ управленіи Бисмарка, какъ имперскаго канцлера, и съ самаго же начала новаго порядка вещей въ краѣ начались конфликты жителей съ властями. Правительство начало германизировать присоединенную область. Всѣ чиновники были нѣмцы, нѣмецкій языкъ дѣлался языкомъ администраціи, судовъ, школы, желѣзныхъ дорогъ, даже вывѣсокъ надъ частными торговыми и промышленными заведеніями. Всякаго рода оказательство французскихъ симпатій строго каралось штрафами и тюрьмой, были ли то флаги съ національными цвѣтами Франціи, французскія пѣсни, или рѣчи и газетныя статьи съ французскимъ направленіемъ. Всему французскому, либо напоминающему Францію была объявлена война, парижскія газеты не допускались въ край. Споры шли и по поводу объявленія отдѣльными лицами желанія быть французскими подданными [2]). Введеніе въ Эльзасъ-Лотарингіи германской всеобщей воинской повинности,—что произошло въ 1872 г.,—заставило значительную часть молодежи уклониться отъ военной службы уходомъ во Францію, гдѣ бѣглецы поступали въ иностранный легіонъ, расплачиваться за что передъ властями приходилось ихъ семьямъ. Тяготѣніе эльзасцевъ и лотарингцевъ къ Франціи сильно раздражало нѣмцевъ, и особенно непріятно подѣйствовало на нихъ то, что когда въ 1874 г. имъ было въ первый разъ предоставлено выбрать депутатовъ въ рейхстагъ, населеніе послало всѣхъ полагавшихся на область пятнадцать человѣкъ, явившихся въ рейхстагъ только для заявленія протеста противъ присоединенія, съ требованіемъ самому населенію предоставить право рѣшить свою участь. Во Франціи внимательно слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ трехъ отторгнутыхъ департаментахъ, и вопросъ о возвращеніи Эльзасъ-Лотарингіи въ лоно французскаго отечества сдѣлался одной изъ самыхъ популярныхъ политическихъ темъ во Франціи. Франкфуртскій трактатъ, присоединившій полтора милліона французскихъ гражданъ къ чужому государству безъ ихъ на то согласія, разсматривался съ этой точки зрѣнія, какъ незаконный. „Реваншъ“ именно въ томъ и долженъ былъ, главнымъ образомъ, заключаться, чтобы, собравшись съ силами, поколотить пруссаковъ и отнять у нихъ область, которую они неправильно захватили. Болѣе экспансивные люди заявляли это во всеуслышаніе, но другіе въ данномъ отношеніи слѣдовали совѣту Гамбетты „думать объ этомъ непрерывно, но никогда объ этомъ не говорить“. Толки о французскомъ реваншѣ безпокоили нѣмцевъ и

---

[1]) Литература по Эльзасъ-Лотарингіи частью указана выше (стр. 106), частью указывается ниже (въ гл. VII).

[2]) См. выше, стр. 107.

давали германскому правительству поводы говорить о необходимости охраны европейскаго мира противъ возможнаго его нарушенія со стороны французовъ. Вездѣ въ Европѣ этому вѣрили, и вопросъ о французскомъ реваншѣ долгое время поддерживалъ тревогу у всѣхъ, кто только былъ противъ какой бы то ни было новой войны.

Боялись, впрочемъ, не одной Франціи, которая когда-нибудь зажжетъ пожаръ войны, боялись еще и Германіи, которой приписывались и дальнѣйшіе завоевательные планы. Бисмаркъ, „желѣзный канцлеръ", какъ особенно любили его называть, подобно Наполеону III, этому, въ свое время, „тюльерійскому сфинксу", сдѣлался какимъ-то пугаломъ Европы, и вездѣ видѣли его руку, его интригу. Ожидали, что Пруссія, одержавъ побѣды въ войнахъ на три фронта, на сѣверѣ, на югѣ и на западѣ, не оставитъ въ покоѣ и сосѣда своего на третьемъ, восточномъ, фронтѣ, Россію. Но особенно вѣроятнымъ казалось, что объединенная Германія, занявъ, благодаря своимъ побѣдамъ, первенствующее положеніе въ Европѣ, будетъ продолжать увеличивать свои владѣнія на счетъ малыхъ странъ. Предполагали именно, что у нѣмцевъ есть планъ овладѣть Голландіей съ ея богатыми колоніями. Въ Бельгіи и Люксембургѣ тоже тревожились за свою судьбу, а также считалось возможнымъ, что національное объединеніе Германіи потребуетъ присоединенія къ ней еще нѣмецкихъ частей Австріи и Швейцаріи, равно какъ остзейскихъ губерній Россіи. Оффиціальныя заявленія германскаго императора о томъ, что, достигнувъ единства, Германія въ полномъ обладаніи своихъ силъ будетъ стоять на стражѣ общаго мира, принимались за простой отводъ глазъ отъ истинныхъ цѣлей политики желѣзнаго канцлера. Не вѣрили этимъ заявленіямъ и во Франціи, гдѣ боялись, что Бисмаркъ еще разъ нападетъ на французовъ, чтобы не дать имъ собраться съ силами для реванша за 1870—71 годъ.

Опасенія оказались, однако, напраснымн, и миръ нарушенъ не былъ. Въ первые годы послѣ основанія новой имперіи оплотомъ его считалась, да и на самомъ дѣлѣ была международная комбинація, которая получила названіе „союза трехъ императоровъ" (Dreikaiserbund), хотя, собственно говоря, тогда не было заключено никакого союзнаго договора. „Союзъ трехъ императоровъ", это было сближеніе государей Германіи, Австріи и Россіи, имѣвшее уже свои прецеденты въ болѣе раннія времена. Въ первый разъ Россію, Пруссію и Австрію сблизило между собою участіе въ дѣлежахъ Польши во второй половинѣ XVIII в., и польскій вопросъ на долгое время оставался цементомъ, связывавшимъ воедино эти три государства. Потомъ ихъ сблизила между собою послѣдняя борьба съ Наполеономъ I, по окончаніи которой три монарха заключили между собою знаменитый Священный

союзъ, сдѣлавшійся въ скоромъ времени оплотомъ общеевропейской реакціи [1]). Правда, къ концу двадцатыхъ годовъ союзъ этотъ сталъ расшатываться, и намѣчалась комбинація Россія-Франція-Англія [2]), но іюльская революція снова сблизила между собою государей Россіи, Австріи и Пруссіи для борьбы съ революціонными движеніями [3]): эти три великія державы были абсолютными монархіями, тогда какъ двѣ другія, Англія и Франція, конституціонными, что тоже придавало нѣкоторое общее направленіе ихъ политикѣ. Въ серединѣ XIX в. Россія спасла Австрію отъ венгерской революціи и отъ прусскихъ плановъ относительно Германіи, и это тоже содѣйствовало укрѣпленію связей между Россіей и Австріей, прусское же правительство вполнѣ подчинилось русскому вліянію [4]) Восточная война, однако, ослабила эти узы. Австрія, какъ извѣстно, „поразила міръ своей неблагодарностью“, присоединившись къ врагамъ Россіи, да и Пруссія вела себя несовсѣмъ корректно [5]). Во время польскаго возстанія 1863 г., по отношенію къ которому Пруссія держала себя вполнѣ на сторонѣ Россіи, Австрія была на сторонѣ Франціи и Англіи, заступавшихся за Польшу [6]). Польское возстаніе 1863 г. сблизило Россію и Пруссію, и русскій государь оставался вѣрнымъ другомъ прусскаго короля во время войнъ 1866 и 1870 гг. Послѣ побѣдъ Пруссіи и образованія ею Германской имперіи Австрія, которая до того времени дѣйствовала во враждебномъ направленіи по отношенію и къ Пруссіи, и къ Россіи, начала искать сближенія съ новой имперіей, а черезъ нее стала въ болѣе близкія отношенія и къ Россіи. Въ теченіе 1871 г. австрійское правительство не разъ старалось показать, что его отношенія къ Германіи наилучшія. Австрійскій министръ, графъ Бейстъ, еще недавній пруссофобъ [7]), заявилъ австро-венгерскимъ делегаціямъ, что монархія находится въ дружбѣ съ Германіей и Италіей, а вскорѣ затѣмъ поѣхалъ на свиданіе съ Бисмаркомъ, состоявшееся въ Гаштейнѣ, послѣ чего и оба государя сами встрѣтились въ Зальцбургѣ. Бейстъ, впрочемъ, недолго оставался министромъ иностранныхъ дѣлъ; онъ въ концѣ 1871 г. былъ замѣненъ мадьяромъ Андраши, уже иначе относившимся къ Германіи, чѣмъ его предшественникъ. Эта перемѣна была не только симптомомъ новаго настроенія въ австрійскомъ правительствѣ, но и факторомъ начавшагося сближенія между Германіей и Австріей, ко-

---

[1]) Т. IV, стр. 314 и слѣд.
[2]) Т. V, стр. 7 и слѣд.
[3]) Т. V, стр. 70 и слѣд.
[4]) Т. V, стр. 625 и 627.
[5]) Т. V, стр. 654—655.
[6]) Т. V, стр. 658.
[7]) См. выше, стр. 110.

торое потомъ завершилось самымъ тѣснымъ союзомъ между ними, причемъ направляющая роль осталась за Германіей.

Тогда же, въ концѣ 1871 г., германскіе побѣдители пріѣзжали въ Петербургъ, гдѣ Вильгельмъ I встрѣтилъ самый сердечный пріемъ со стороны Александра II, торжественно провозгласившаго, что давнишняя и испытанная дружба обоихъ государей является наилучшимъ обезпеченіемъ мира и порядка въ Европѣ. Отвѣтные визиты русскаго и австрійскаго императоровъ въ Берлинъ состоялись одновременно въ началѣ сентября (отъ 5 до 12) 1872 г. Это свиданіе трехъ императоровъ, давшее поводъ говорить о союзѣ между ними, было принято общественнымъ мнѣніемъ Европы за доказательство того, что наиболѣе могущественныя державы континента признаютъ новую имперію, видятъ въ ея существованіи лучшій залогъ мира и потому отнюдь не намѣрены поощрять французскія мечты о реваншѣ. Рядъ новыхъ свиданій между монархами въ слѣдующихъ годахъ поддерживалъ создавшееся въ 1871—72 гг. настроеніе и идею о существованіи союза трехъ императоровъ. Въ 1873 г. и Викторъ-Эммануилъ пріѣзжалъ въ Вѣну и Берлинъ, что вызвало отвѣтные визиты обоихъ императоровъ, посѣтившихъ, однако, итальянскаго короля не въ Римѣ—изъ вѣжливости по отношенію къ лишенному свѣтской власти Пію IX.

Несмотря на всѣ эти свиданія и увѣренія въ прочности мира, тревога по поводу возможности новой войны не улеглась. Однимъ изъ показателей такого настроенія были возникшіе весною 1875 г. слухи о близости новой войны между Германіей и Франціей, около которыхъ образовалась цѣлая легенда и произошли споры на тему, въ чемъ же заключалась истина. Наиболѣе несомнѣнное въ этой исторіи сводится къ слѣдующему [1]). Во Франціи въ 1875 г. былъ изданъ новый законъ

---

[1]) Объ этомъ эпизодѣ въ книгѣ *С. Татищева* „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“ (1903), т. II, стр. 107 и слѣд., имѣются интересныя подробности. Авторъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что „опасенія французскаго правительства не были вполнѣ лишены основанія“, въ чемъ убѣдились и въ Петербургѣ, когда Радовицъ сталъ зондировать русское правительство насчетъ его отношенія къ новой войнѣ съ Франціей. Между прочимъ, русское правительство сдѣлало шаги, чтобы привлечь на свою сторону и англійское правительство. Бисмаркъ въ разговорѣ съ Александромъ II свалилъ вину тревоги на Мольтке и на военную партію. *С. Татищевъ* пользовался обширными извлеченіями изъ переписки герцога Деказа съ генераломъ Лефло, опубликованными послѣднимъ въ „Le Figaro“ за 1887 г. подъ заглавіемъ „L'empereur Alexandre II et la France en 1875“. Самый подробный разсказъ на тему военной опасности 1875 г. мы находимъ въ III томѣ „Histoire de la France contemporaine“ (1908) *Ганото*, гдѣ онъ занимаетъ около 60 страницъ (234 — 294). Авторъ оспариваетъ всѣ объясненія Бисмарка, желавшаго во всей этой исторіи представить себя бѣлѣе снѣга и безобидною жертвою интриги, и настаиваетъ, что если Бисмаркъ и не хотѣлъ войны, то, по крайней мѣрѣ, стремился

о кадрахъ арміи, въ чемъ Мольтке усмотрѣлъ приготовленіе къ войнѣ въ недалекомъ же будущемъ; тогда германскій посолъ при республикѣ, Гогенлоэ, по порученію своего правительства, обратился къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбою принять къ свѣдѣнію, что въ Берлинѣ французскія вооруженія почитаются за угрожающее дѣйствіе. Министръ Деказъ отвѣтилъ, что къ свѣдѣнію онъ этого не принимаетъ, потому что опасенія германскаго правительства неосновательны. Между тѣмъ возбужденіе этого вопроса сдѣлалось извѣстнымъ прессѣ [1]), которая стала обсуждать и шансы войны, и планы пруссаковъ относительно новыхъ милліардовъ. Съ другой стороны, заговорили дипломаты. Деказъ разсказалъ, что̀ произошло, русскому послу Орлову, французскій посолъ въ Петербургѣ, Лефло,—канцлеру Горчакову и даже самому русскому императору. Съ русской стороны французскимъ дипломатамъ даны были самыя успокоительныя завѣренія, а Александръ II даже сказалъ, что самъ поѣдетъ въ Берлинъ и что достаточно будетъ его слова для сохраненія мира. Онъ, дѣйствительно, съѣздилъ въ Берлинъ, послѣ чего о войнѣ говорить перестали. Заинтересованнымъ сторонамъ оставалось только объяснить, въ чемъ же было дѣло. Вильгельмъ I и особенно Бисмаркъ старались увѣрить, что никакихъ плановъ на счетъ войны съ Франціей у нихъ не было, что все это одна выдумка. Вильгельмъ I въ разговорѣ съ французскимъ посломъ объяснялъ происхожденіе ложныхъ слуховъ изъ биржевыхъ круговъ, а французскому военному атташе замѣтилъ: „насъ хотѣли поссорить“. Бисмаркъ даже разъяснилъ, кто же это затѣялъ интригу,—и указалъ на русскаго канцлера, своего недруга: онъ-де воспользовался и поѣздкою спеціальнаго посланца (Радовица) съ особымъ порученіемъ къ Александру II, и остававшимся всякому другому неизвѣстнымъ намѣреніемъ русскаго императора посѣтить Берлинъ, чтобы сочинить сплетню, будто германскій императоръ посылалъ спросить Александра II, какъ бы онъ отнесся къ новой войнѣ Германіи съ Франціей, и будто русскій императоръ поспѣшилъ пріѣхать въ Берлинъ лишь съ цѣлью помѣшать этой войнѣ. Бо̀льшая часть ди-

---

къ тому, чтобы ему приписывали такое желаніе. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ его постоянной политикѣ застращиванія по отношенію къ Франціи, но о ближайшей цѣли всего неудавшагося маневра можно только строить догадки. Во французской литературѣ см. еще *duc de Broglie.* La mission de M. Gontaut-Biron à Berlin.—*Schérer.* L'alarme de 1875 (въ „Revue politique et littéraire“ за 1887 г.). См. также *Balder.* Die Wahrheit über Bismarck (1892).—Германскіе историки неохотно распространяются объ эпизодѣ. Нѣкоторыя нѣмецкія книги, написанныя въ „патріотическомъ“ духѣ, даже, такъ сказать, смазываютъ все это происшествіе. *L. Stacke.* Neueste Geschichte (1908), стр. 472.

[1]) Началось съ появленія въ берлинской газетѣ *Die Post* статьи подъ заглавіемъ „Der Krieg im Sicht“.

пломатовъ въ то время не повѣрила объясненію, данному Бисмаркомъ слухамъ о войнѣ, и думало, что дѣло было именно такъ, какъ намекалъ на это Горчаковъ и какъ открыто разсказывалъ французскій посолъ при прусскомъ дворѣ Гонто-Бирон, котораго Бисмаркъ причислялъ тоже къ своимъ недругамъ и обвинялъ въ интриганствѣ. Чтобы придать больше силы своимъ завѣреніямъ, имперскій канцлеръ выразился такъ, что подобнаго рода предпріятіе, какъ война съ Франціей, была бы „колоссальною глупостью“. Во всякомъ случаѣ миръ не былъ нарушенъ, и только въ 1876 г. явились первые признаки крупныхъ международныхъ осложненій, но на этотъ разъ уже на Востокѣ [1]).

Политическое преобладаніе Германіи, признанное открыто двумя другими имперіями, сопровождалось ростомъ милитаризма. Если этотъ ростъ былъ вообще результатомъ болѣе воинственной, сравнительно съ прежнимъ временемъ, политики пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, то въ особенности содѣйствовала росту милитаризма война 1870—71 г.

За словомъ „милитаризмъ“ въ послѣднее время признаётся значеніе такого направленія политики, при которомъ если не всѣ, то очень многія отправленія государственной жизни подчиняются, даже въ мирное время стремленію къ военному преобладанію или, по крайней мѣрѣ, къ военному могуществу [2]). Какъ отдѣльныя государства, такъ и отдѣльныя эпохи имѣютъ далеко не одинаковое значеніе въ развитіи милитаризма. Напр., Англія сравнительно съ континентальными странами, благодаря своему островному положенію, всегда могла обходиться безъ большой арміи, и наоборотъ, Пруссія все свое величіе основала на военномъ направленіи своего правительства, сдѣлавшемся своего рода династической традиціей [3]). Разсматривая съ

---

[1]) См. ниже, главу XII.

[2]) Громадный матеріалъ—въ извѣстномъ шеститомномъ (съ атласомъ) трудѣ *И. Бліоха* „Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ“ (1898). Во второмъ т. см. между прочимъ о численности европейскихъ армій, въ третьемъ сравненіе флотовъ, участвовавшихъ въ прежнихъ войнахъ съ современными, въ четвертомъ объ отношеніи военнаго бремени къ народнымъ доходамъ, въ пятомъ о протестахъ противъ милитаризма; въ шестомъ даются общіе выводы. *Wiede.* Der Militarismus (1877).—*Schäffle.* Der nächste Krieg in Zahlen (1887; изд. 2).—*Steinmetz.* Philosophie des Krieges (1907).—*G. Ferrero.* Le militarisme et la société moderne (франц. пер. съ ит. 1899; рус. пер. 1900).—*Ф. Фишеръ.* Милитаризмъ (1903).—*В. В.* Милитаризмъ и капитализмъ („Русская Мысль“ за 1887 г.).—*А. Мануиловъ.* Милитаризмъ и капитализмъ („Юрид. Вѣстникъ“ за 1890 г.).—*А. Грековъ.* Правовое положеніе арміи въ государствѣ. Опытъ изслѣдованія правовыхъ основаній жизни арміи въ главнѣйшихъ государствахъ современной Европы (1908).

[3]) Т. III, стр. 308.

точки зрѣнія милитаризма исторію XIX в., мы можемъ сказать, что начало этого вѣка, наполеоновское военное время, было эпохой значительнаго развитія милитаризма, но къ серединѣ столѣтія онъ сталъ нѣсколько ослабѣвать, и, наоборотъ, въ послѣднія десятилѣтія XIX в. снова происходитъ его усиленіе.

Высчитано, напр., что въ эпоху наибольшаго могущества Наполеона I, въ 1810 г., въ составъ европейскихъ армій, кромѣ турецкой, входило 2.221.000 человѣкъ, передъ основаніемъ второй имперіи, въ 1851 г. эта численность войскъ нѣсколько понизилась—до 2.195.000, но потомъ стала возрастать, достигши къ концу восьмидесятыхъ годовъ безъ малаго трехъ милліоновъ (въ 1889 г. 2.957.000). По отдѣльнымъ странамъ особенный приростъ замѣчается въ Германіи, гдѣ тремъ указаннымъ датамъ соотвѣтствуютъ цифры 160 милліоновъ, 346 и 492 м., въ Италіи, гдѣ аналогичный рядъ цифръ будетъ 75 м., 142 и 255, въ Россіи съ соотвѣтственными цифрами 558 м., 644 и 800 и т. д. Въ другихъ государствахъ произошло пониженіе численности войскъ (въ Австріи и въ Англіи съ колоніями), а во Франціи сначала произошло нѣкоторое пониженіе (съ 570 м. въ 1810 г. до 365 м. въ 1851), потомъ, въ эпоху второй имперіи и при третьей республикѣ, снова повышеніе почти до прежней цифры временъ первой имперіи (до 555 м.). Спеціалисты по вопросу о милитаризмѣ находятъ, что исходнымъ пунктомъ непрерывнаго возрастанія вооруженныхъ силъ въ Европѣ нужно считать еще начало шестидесятыхъ годовъ, когда началась реформа арміи въ Пруссіи [1]), бывшая, такъ сказать, первымъ толчкомъ къ тому, что и другія государства стали усиленно вооружаться. Послѣ побѣды Пруссіи надъ Австріей въ 1866 г. и во Франціи предпринята была военная реформа, планъ которой былъ выработанъ маршаломъ Ніелемъ и которая была принята законодательнымъ корпусомъ. По этой реформѣ предполагалось довести численность французской арміи въ военное время до 800 т. человѣкъ, кромѣ полумилліона подвижной національной гвардіи. На осуществленіе этой реформы по тогдашнему расчету требовалось девять лѣтъ, и, слѣдовательно, преобразованіе арміи могло бы по этому плану завершиться только въ 1877 г. Германія не дала осуществиться этой реформѣ: въ 1870 г., когда Наполеонъ III располагалъ едва полумилліономъ войска (съ національной гвардіей), Германія въ іюлѣ и августѣ уже могла призвать для полевой и гарнизонной службы чуть не милліонъ двѣсти тысячъ человѣкъ, а въ концѣ войны, именно въ февралѣ 1871 г., подъ ружьемъ было нѣмецкихъ солдатъ уже милліонъ триста пятьдесятъ тысячъ, изъ которыхъ болѣе 900 т. находи-

[1]) Т. V, стр. 712 и слѣд.

лось въ дѣйствующей арміи. Этотъ численный перевѣсъ самъ по себѣ былъ одною изъ причинъ побѣды нѣмцевъ надъ французами, почему во всѣхъ государствахъ за немногими исключеніями стали хлопотать объ умноженіи военныхъ силъ, съ каковою цѣлью, между прочимъ, начали перенимать у Пруссіи ея систему всеобщей личной воинской повинности, какъ это почти въ одно время сдѣлано было во Франціи (1872) и у насъ (1874). Въ самой Германіи прусскій законъ былъ въ 1874 г. распространенъ на всѣ государства, входящія въ составъ имперіи, причемъ было принято, чтобы число нижнихъ чиновъ въ мирное время составляло 1% всего имперскаго населенія. За пятнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ 1874 г. отъ года австро-итальянской войны 1859 г., численность вооруженныхъ силъ Австріи, Англіи, Германіи, Россіи, Турціи и Франціи поднялась на 26%, а именно съ 2.590.000 до 3.266.000; если же мы сдѣлаемъ сравненіе между цифрами для Германіи въ 1859 и 1874 г., то получимъ возрастаніе въ 55%, т.-е. болѣе, нежели въ полтора раза. Еще краснорѣчивѣе говорятъ цифры для военнаго времени. Въ перечисленныхъ шести государствахъ численность армій на военномъ положеніи опредѣлялась въ 1859 г. 4.426.000 человѣкъ, что̀ для цифры мирнаго времени составляло превышеніе въ 71%, тогда какъ въ 1874 г. разница между мирнымъ и военнымъ составомъ доходила уже до 90%, т.-е. составъ арміи въ военное время превышалъ составъ по мирному положенію почти вдвое: цифра 1874 г. составляетъ 6.272.000. И опять впереди всѣхъ въ данномъ случаѣ шла Германія, Франція же занимала только второе мѣсто: общее число возрастанія германской арміи выражается 60%, французской—54%. Послѣ 1874 г. численность войскъ какъ мирнаго, такъ и военнаго состава возрастала постоянно. Если къ старымъ пяти великимъ державамъ и Турціи прибавить еще Италію и принять цифры 1874 г. за 100, то черезъ десять лѣтъ увеличеніе мирнаго состава выразится семью процентами, а состава по военному положенію тринадцатью. Еще на семь процентовъ повысилась цифра мирнаго состава въ слѣдующія уже семь лѣтъ (къ 1891 г.), цифра же состава по военному времени превысила цифру 1874 г. почти вдвое (на 99%). Для 1874, 1884 и 1891 гг. сдѣлано еще вычисленіе, сколько приходилось солдатъ на каждую тысячу населенія въ названныхъ семи государствахъ съ придачею Испаніи, Румыніи и Сербіи. Оказывается, что цифры арміи въ мирное время составляютъ безъ малаго 9% (именно 8,₉, 8,₆, 8,₇), тогда какъ по штатамъ военнаго времени это будутъ для 1874 г.—27, для 1884 г.—28,₁ и для 1891 уже 46,₃. Такимъ образомъ, въ 1874 г. и даже въ 1884 г. штаты военнаго времени превосходили штаты мирнаго времени раза въ три, тогда какъ въ 1891 г. эта разница уже опредѣляется въ пять слишкомъ разъ. Дѣло въ томъ,

что государственнымъ бюджетамъ сдѣлалось не подъ силу увеличивать численность армій въ мирное время наравнѣ съ общимъ ростомъ того количества солдатъ, которое могло бы быть взято подъ ружье въ случаѣ войны, такъ какъ содержаніе мирнаго состава въ концѣ XIX в. и безъ того поглощало въ среднемъ около 28% государственныхъ бюджетовъ, не говоря уже о томъ, что постоянное содержаніе подъ ружьемъ столь громаднаго количества людей отражалось бы крайне неблагопріятно на всемъ ходѣ народнаго хозяйства. Самому милитаризму приходится, конечно, считаться съ чисто-экономическими соображеніями, что̀ и заставляетъ правительства увеличивать обученный военному дѣлу резервъ путемъ постепеннаго увеличенія контингента новобранцевъ и сокращенія срока фактическаго нахожденія ихъ въ арміи. Вотъ чѣмъ объясняется болѣе быстрое и прогрессивное возрастаніе штатовъ военнаго времени сравнительно съ составомъ по мирному положенію. Опять и въ данномъ отношеніи впереди другихъ государствъ шла Германія, въ которой разница между цифрами 1874 и 1891 г. выражается не 99% (средній процентъ для всѣхъ странъ), а 127%, т.-е., другими словами, германская армія на случай войны за семнадцать только лѣтъ увеличилась болѣе, чѣмъ въ $2^1/_4$ раза. И здѣсь, впрочемъ, непосредственно за Германіей идетъ Франція съ увеличеніемъ цифры на 118%. Вслѣдствіе такого роста военныхъ силъ одна Германія въ концѣ XIX в. могла бы выставить въ качествѣ первой стратегической линіи на войнѣ до 1.278.000, общій же итогъ всей вооруженной силы Германской имперіи, въ составъ которой входили люди двадцати четырехъ годовыхъ призывовъ, опредѣлялся приблизительно въ 4.300.000 человѣкъ [1]).

Слѣдуетъ также отмѣтить и тотъ фактъ, что увеличеніе численности пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи шло далеко не равномѣрно. Въ составѣ армій главнѣйшихъ европейскихъ государствъ цифры кавалеріи въ 1859 и 1874 г. были одинаковы, увеличеніе въ пѣхотѣ выразилось 24%, а увеличеніе артиллеріи—88%. Равнымъ образомъ и при сравненіи состава армій въ 1874 и 1891 гг. наблюдается почти полная неизмѣнность по отношенію къ кавалеріи (даже пониженіе на 1%), тогда какъ въ пѣхотѣ и въ артиллеріи снова обнаруживается ростъ на 54% и 38%. Еще болѣе яркую картину общаго возрастанія вооруженныхъ силъ могли бы намъ представить цифровыя данныя относительно военныхъ запасовъ, т.-е. складовъ оружія, сна-

[1]) Нельзя не отмѣтить, что военная статистика вполнѣ точными цифрами не обладаетъ, о причинахъ чего см. въ трудѣ *Бліоха*, т. II, стр. 10 и 19. Прибавимъ, что въ концѣ XIX на каждую сотню солдатъ подъ знаменами въ Германіи числилось въ запасѣ 436 человѣкъ, въ Россіи и въ Австро-Венгріи по 349 и по 345, во Франціи 294.

рядовъ, обмундированія, провіанта и т. п., но эти цифры хранятся правительствами въ величайшей тайнѣ. Постоянныя усовершенствованія въ ружьяхъ, пушкахъ и т. п. за все это время особенно заставляли правительства тратить много денегъ: ростъ артиллеріи, отмѣченный выше, въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія.

Кромѣ сухопутныхъ военныхъ силъ, государства обладаютъ еще и морскими военными силами, и вотъ въ европейскихъ флотахъ за послѣднія десятилѣтія XIX в. мы замѣчаемъ тоже большія перемѣны какъ въ смыслѣ увеличенія численности военныхъ судовъ, такъ и въ смыслѣ усовершенствованій чисто техническаго свойства. Громадные броненосцы, которые считаются могущими совершать то, для чего раньше были нужны цѣлыя эскадры, съ одной стороны, и едва замѣтныя въ морскихъ волнахъ, но въ высшей степени опасныя миноноски, совсѣмъ измѣнившія всѣ условія морской войны съ другой, поглотили за послѣднія десятилѣтія громадныя суммы денегъ. Намъ объ этомъ придется еще говорить по поводу исторіи отдѣльныхъ странъ [1]), здѣсь же упомянемъ, что всѣ артиллерійскія, судостроительныя и т. п. усовершенствованія потребовали соотвѣтственныхъ измѣненій въ устройствѣ крѣпостей, въ организаціи береговой обороны и т. д. Отдѣльныя націи оказываются соперничающими между собою, какъ бы одной превзойти другую разрушительностью и истребительностью своихъ средствъ и способовъ веденія войны. Не довольствуясь войною на сушѣ и на водѣ, военные изобрѣтатели мечтаютъ въ настоящее время о цѣлыхъ воздушныхъ флотиліяхъ такъ называемыхъ „дирижаблей“.

При оцѣнкѣ общаго значенія роста милитаризма нужно принять еще въ расчетъ, что этотъ ростъ совершался съ приблизительно одинаковою быстротою и приблизительно же въ почти одинаковыхъ размѣрахъ въ странахъ далеко не одинаковаго культурнаго уровня и экономическаго преуспѣянія. Этимъ развитіе милитаризма рѣзко отли-

---

[1]) Мы подробнѣе остановимся наприм., на превращеніи Германіи въ морскую державу. Для общей иллюстраціи приведемъ цифры тратъ Англіи и Франціи въ милліонахъ франковъ за періодъ въ двадцать лѣтъ отъ 1873 до 1893 гг, раздѣливъ все это время на четыре пятилѣтнихъ періода.

Годы.	Англія.	Франція.
1873—77	184	117
1878—82	223	178
1883—87	329	181
1888—92	596	283

Изъ этой таблички видно, что въ Англіи увеличеніе было болѣе, нежели въ три раза, во Франціи—почти въ два съ половиною раза. Оба правительства, требуя новыхъ кредитовъ, ссылались на ростъ военнаго флота сосѣдняго государства.

чается отъ эволюціи производительныхъ силъ, которая совершалась далеко не съ однимъ и тѣмъ же темпомъ и не въ одинаковыхъ размѣрахъ въ странахъ различнаго экономическаго и культурнаго развитія. Болѣе бѣдныя и менѣе образованныя страны вынуждались тратить на свои вооруженія такія деньги, которыя даже въ болѣе богатыхъ и просвѣщенныхъ странахъ давали-таки себя знать плательщикамъ налоговъ [1]). Съ семидесятыхъ годовъ происходилъ въ Европѣ непрерывный ростъ издержекъ на содержаніе сухопутныхъ и морскихъ силъ. Въ 1874 г. шесть великихъ державъ расходовали на это, всѣ вмѣстѣ, 773 милліона рублей; въ 1884 г. — 906 м.; въ 1891 — 1132 м.; въ 1896 — 1193 м.; причемъ на каждую тысячу человѣкъ приходилось въ 1874 г. по 2881 р. военныхъ расходовъ, а въ 1896— уже 3908 р.; это представляетъ собою повышеніе въ 54%, т.-е. болѣе, чѣмъ въ полтора раза. Въ 1874 г. на одного жителя шести великихъ державъ падало военныхъ расходовъ 2 р. 88 к., въ 1896 г.—уже почти 4 рубля. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ первыя десять лѣтъ взятаго періода (1874—1884) возрастаніе выразилось въ видѣ 17%, а въ слѣдующія только семь лѣтъ (1885—1891)—уже въ видѣ 29%. Обращаясь къ отдѣльнымъ странамъ, мы и здѣсь видимъ, что впереди всѣхъ шла Германія, въ которой военные расходы съ 1874 г. къ 1896 г. увеличились на 79%, и что близко къ этому стоитъ увеличеніе въ Россіи (75%); въ то время, какъ Англія и Франція увеличили свои военные расходы лишь на 47 и 43%, а Италія и Австрія—на 27 и 21%. Нѣсколько иное отношеніе получается для періода времени между 1874 и 1891 гг., когда за Германіей первое мѣсто въ увеличеніи военнаго бюджета занимала Италія, которой для періода 1874 — 1884 гг. въ спѣшности вооруженій приходится отвести даже первое мѣсто. Въ цифрахъ тратъ на военное дѣло въ Германіи и Франціи обнаруживается явленіе, похожее на бѣгъ на перегонки: сначала Франція больше тратила, нежели Германія (въ 1874 г. на 43 м. р.; въ 1884 г. на 59 м. р.), потомъ Германія больше Франціи (въ 1891 г. на 16 милліоновъ рублей), затѣмъ опять Франція (въ 1896 г. на 18 м. р.). Соотвѣтственно съ общимъ ростомъ бюджетовъ за 22 года между 1874 и 1891 г. на каждаго жителя стало падать военныхъ расходовъ въ Германіи на 42% больше, во Франціи — на 35%. Военная статистика, кромѣ того, свидѣтельствуетъ, что и содержаніе каждаго отдѣльнаго солдата становится все дороже. Въ среднемъ выводѣ въ шести великихъ державахъ содержаніе одного солдата обходилось въ годъ въ 1874 г. въ 254 р., а въ 1896 г.—уже въ 338 р.

[1]) Это относится напр., къ Италіи въ эпоху ея присоединенія къ тройственному союзу, о чемъ см. ниже, въ главѣ XVIII.

Въ погонѣ за военнымъ могуществомъ другія нужды удовлетворяются, конечно, не въ той мѣрѣ, какъ это слѣдовало бы, особенно въ государствахъ сравнительно отсталыхъ. Въ 1896 г. Австрія при военномъ бюджетѣ въ 150 м. гульденовъ на народное образованіе тратила только 33 м., т.-е. въ $4^1/_2$ раза меньше, чѣмъ на вооруженія, а для Италіи въ томъ же году соотвѣтственныя цифры были 325 м. лиръ и 41 м. лиръ, одна превосходящая другую въ восемь разъ [1]). Вообще этотъ ростъ милитаризма и приносимаго имъ вреда для культурнаго и экономическаго преуспѣянія народовъ можно было бы иллюстрировать многими другими цифрами, но и приведеннаго довольно для общей характеристики предмета.

Мы уже упоминали, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ подъ вліяніемъ побѣды Пруссіи надъ Франціей въ отдѣльныхъ государствахъ Западной Европы стала вводиться всеобщая воинская повинность по прусскому образцу: кромѣ Франціи, Россіи, германскихъ государствъ, ее приняла также и Италія (1875), а Австрія, въ которой уже прежде была всеобщая воинская повинность (съ 1848 г.), еще раньше, подъ вліяніемъ пораженія въ 1866 г. сдѣлала ее личною, устранивъ допускавшееся раньше замѣстительство. Это распространеніе всеобщей воинской повинности совпало со временемъ наибольшаго увлеченія примѣненіями дарвинизма къ вопросамъ, касающимся общественной жизни человѣка, и тогда многіе ученые указывали на то, что всеобщая воинская повинность, берущая въ казармы лучшую, самую здоровую и крѣпкую молодежь, оставляетъ дома болѣе хилыхъ и болѣзненныхъ и тѣмъ производитъ искусственный подборъ въ ея пользу, предоставляя ей бо̀льшую возможность обзаводиться въ молодыхъ годахъ семьею и оставлять болѣе многочисленное потомство. Въ этомъ смыслѣ во всеобщей воинской повинности готовы были видѣть факторъ ухудшенія расы. Защитники системы ссылались на ея демократизмъ и на то, что служба въ арміи можетъ быть и хорошею школою для народа [2]), но и по этому вопросу оцѣнка всеобщей воинской повинности была разная, потому что то, что для однихъ имѣло значеніе школы, въ которой пріобрѣтается извѣстный закалъ, извѣстная дисциплина, для другихъ казалось школою сервилизма и шовинизма со всѣми пороками, развивающимися въ казарменной обстановкѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ милитаризмъ, такъ и казарменное воспитаніе молодыхъ поколѣній главныхъ своихъ противниковъ находили въ радикально и соціалисти-

---

[1]) Цифры для 1897 г. въ рубляхъ во Франціи 216 и 44 м., въ Германіи 162 и 30 м. и т. п.

[2]) Иногда соображенія такого рода встрѣчаются тамъ, гдѣ ихъ и не ожидаешь. Ср. *М. Ковалевскій.* Очерки по исторіи политическихъ учрежденій Россіи (1908), стр. 197.

чески настроенныхъ кругахъ, тогда какъ круги, настроенные болѣе консервативно и гувернаментально, вездѣ и всегда отстаивали необходимость большихъ, хорошо дисциплинированныхъ армій и той военной школы, которую народная молодежь получаетъ въ воинской службѣ. Одна изъ причинъ, которая содѣйствовала развитію милитаризма, заключалась въ настроеніи имущихъ и консервативныхъ классовъ, вызывавшемся соціалистическою пропагандою. Кромѣ внѣшняго врага, былъ еще врагъ внутренній, противъ котораго тоже была нужна вооруженная сила, какъ опора установленнаго порядка, всего того, на чемъ онъ зиждется, такъ и того, что имъ обусловливается. Это настроеніе дѣйствовало въ одномъ направленіи съ побужденіями, вытекавшими изъ опасеній за національную неприкосновенность и изъ международной розни, которая сдѣлалась особенно сильною между нѣмцами и французами послѣ событій 1870—71 г. Послѣ этого, правда, миръ не нарушался въ Западной Европѣ, но это былъ вооруженный миръ, до крайности напрягавшій платежныя силы населеній ради все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ вооруженій.

Была и еще одна сила, поддерживавшая милитаризмъ и содѣйствовавшая его безостановочному развитію, сила, не сразу понятая въ этомъ своемъ значеніи. Лишь съ теченіемъ времени стала обнаруживаться не подлежащая въ данную минуту сомнѣнію связь милитаризма съ капитализмомъ [1]).

Разсматривая вопросъ о милитаризмѣ съ точки зрѣнія соотвѣтствія его или несоотвѣтствія классовымъ интересамъ общества, мы должны имѣть въ виду, что большая армія является не только оплотомъ установленнаго порядка, защищать который входитъ въ интересы извѣстныхъ общественныхъ слоевъ, но и однимъ изъ условій, которое, вмѣстѣ съ сильно развитой бюрократіей, помогаетъ правящимъ классамъ пристраивать своихъ членовъ къ матеріально и притомъ прочно обезпечивающей государственной службѣ, въ данномъ случаѣ въ офицерскихъ чинахъ. Занятіе въ арміи офицерскихъ мѣстъ, бывшее раньше чисто дворянской привилегіей и фактически во многихъ мѣстахъ сохраняющее это значеніе до сихъ поръ, сдѣлалось съ установленіемъ равноправности однимъ изъ обычныхъ явленій и въ

---

[1]) Однимъ изъ первыхъ, а въ русской литературѣ первымъ обратилъ вниманіе на эту связь *В. В. (В. Воронцовъ)* въ статьѣ, названной выше (стр. 122), имѣвшій полное право въ послѣднее время отмѣтить, что высказанный имъ взглядъ теперь „начинаетъ усвоиваться и западно-европейскими экономистами“. *В. В.* Производство и потребленіе въ капиталистическомъ обществѣ (1907), стр. 47 и слѣд., гдѣ авторъ приводитъ аналогичныя соображенія Геркнера, Шиппеля и Лафарга. Болѣе подробную, чѣмъ у *В. В.*, цитату изъ одной статьи Лафарга мы дѣлаемъ ниже.

буржуазной средѣ, какъ мы это видимъ, напр., во Франціи [1]). Но не этотъ фактъ собираемся мы выдвинуть здѣсь на первый планъ, а тотъ, что милитаризмъ во многихъ отношеніяхъ даетъ пищу современному капиталистическому производству. Не нужно, именно, забывать, что существуютъ цѣлыя обширныя производства съ крупными денежными оборотами и многими тысячами рабочихъ, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ нуждамъ военнаго дѣла. Государства тратятъ громадныя средства на вооруженіе и обмундированіе арміи, тѣмъ самымъ поддерживая массу фабрикъ и заводовъ, которые иначе не могли бы существовать, такъ что, благодаря милитаризму, не только расширяется производство предметовъ, необходимыхъ и въ мирномъ быту (наприм., сукна, холста и т. п.), но и прямо создаются такія отрасли производства, по отношенію къ которымъ государство является единственнымъ заказчикомъ, наприм., во всемъ, что связано съ постройкою и оборудованіемъ военныхъ судовъ, съ артиллеріей и проч. и проч. Нѣкоторые заводы, работающіе на удовлетвореніе военныхъ надобностей, достигли даже настоящаго соціальнаго могущества, какъ знаменитая сталелитейная фирма Круппа близъ Эссена въ прусской Рейнской области. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ второй ея владѣлецъ, Альфредъ Круппъ, сдѣлалъ одно очень важное изобрѣтеніе въ пушечномъ дѣлѣ, которое весьма скоро прославило его имя и доставило ему массу заказовъ изъ разныхъ государствъ. Вычисляютъ, что незадолго до своей смерти въ 1887 г. Круппъ могъ уже похвастаться, что на его заводѣ было изготовлено по заказу тридцати четырехъ государствъ болѣе двухсотъ тысячъ орудій. Какъ расширялось производство крупповской стали, можно видѣть изъ того, что исключительно для своихъ надобностей фирма къ послѣднимъ годамъ XIX в. владѣла четырьмя каменноугольными участками и болѣе, нежели 400 желѣзными рудниками, между прочимъ, въ Испаніи, откуда желѣзную руду въ Германію стали привозить особые, нарочно къ этому приспособленные пароходы. Въ указанное время въ копяхъ и рудникахъ фирма занимала около восьми тысячъ рабочихъ, въ самомъ же заводѣ около одиннадцати тысячъ, въ общемъ безъ малаго двадцать тысячъ. Правда, Круппъ выдѣлываетъ и массу вещей, необходимыхъ въ желѣзнодорожномъ и пароходномъ дѣлѣ, но главная сила фирмы зиждется на изготовляемыхъ ею пушкахъ, что̀ и дало владѣльцу право на прозвище „пушечнаго короля“.

Современный капитализмъ отличается тенденціей производства выходить изъ границъ, ставимыхъ ему условіями рынка [2]), вслѣдствіе чего

---

[1]) См. ниже, въ главѣ XVI.

[2]) О началѣ этого явленія см. т. IV, стр. 576 и слѣд.

нерѣдко возникаетъ перепроизводство тѣхъ или другихъ продуктовъ, остающихся непотребленными. Они, однако, необходимо должны быть потреблены, причемъ однимъ изъ средствъ для этого является обращеніе ихъ на дальнѣйшее производство, поскольку неупотребленіе тѣхъ или другихъ вещей имѣетъ почти такое же значеніе, какъ полное уничтоженіе потраченнаго на ихъ производство капитала. Непотребленные доходы естественно ищутъ выгоднаго помѣщенія въ той же самой промышленности, которая ихъ создаетъ. Покупательныя средства общества обыкновенно отстаютъ въ своемъ ростѣ отъ развитія промышленности, и потому свободные избыточные капиталы пристраиваются ихъ обладателями нерѣдко за границами страны, въ болѣе бѣдныхъ странахъ, нуждающихся въ капиталахъ, если только дѣло не идетъ о пріобрѣтеніи внѣшнихъ рынковъ для вывоза продуктовъ собственной промышленности. Милитаризмъ стоитъ въ тѣсной связи и съ этимъ послѣднимъ явленіемъ—при соперничествѣ и борьбѣ между европейскими государствами изъ-за внѣшнихъ рынковъ и колоній, о чемъ у насъ говорится въ другомъ мѣстѣ [1]). Расходы на военное дѣло сами по себѣ тоже играютъ роль своего рода регулятора, устанавливающаго извѣстное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, такъ какъ изготовленіе всего того, что̀ нужно для сухопутной арміи и военнаго флота, поглощаетъ въ большой мѣрѣ и избыточные капиталы, и избыточную рабочую силу капиталистическаго строя. Если принять ещѐ въ расчетъ, что въ военномъ дѣлѣ за послѣднія десятилѣтія XIX в. было произведено множество техническихъ усовершенствованій, заставлявшихъ перевооружать по новому военныя силы отдѣльныхъ государствъ, то мы поймемъ, почему въ дѣлѣ указаннаго поглощенія избыточныхъ капиталовъ и рабочихъ рукъ можно поставить на одномъ ряду съ вывозомъ капиталовъ продуктовъ промышленности въ чужія страны или въ колоніи и удовлетвореніе требованій своего военнаго вѣдомства. Отсюда „корни милитаризма глубоко проникаютъ въ почву современнаго промышленнаго строя“ [2]). Съ двадцатыхъ годовъ XIX в. въ Западной Европѣ любили противополагать одинъ другому военный и промышленный типы общества,—точка зрѣнія, съ которою мы встрѣчаемся у сенъ-симонистовъ, у Огюста Конта, позднѣе у Спенсера [3]),—и вотъ какъ бы въ опроверженіе формулы, по которой индустріальнымъ строемъ смѣняется и вытѣсняется строй милитарный, мы къ концу XIX в., наоборотъ, наблюдаемъ, какъ самъ милитаризмъ питаетъ индустрію, и

---

[1]) См. ниже, въ главѣ XIV.

[2]) Слова г. *В. В.* на стр. 46 указанной (на стр. 129) его книжки.

[3]) Т. IV, стр. 637.

какъ потребности послѣдней въ свою очередь создаютъ условія, нужныя для процвѣтанія милитаризма. Новѣйшіе успѣхи военной техники даже прямо являются причиною почти безостановочнаго роста расходовъ на армію и флотъ въ невоенное время и соотвѣтственно съ этимъ громаднаго развитія производствъ, удовлетворяющихъ потребности государства въ большой, хорошо вооруженной и снабженной всѣмъ необходимымъ военной силѣ. Конечно, въ народномъ хозяйствѣ каждой страны всѣ эти военные расходы представляютъ собою настоящую непроизводительную трату, но какъ-разъ само это обстоятельство до извѣстной степени выводитъ капиталистическій строй изъ тѣхъ затрудненій, которыя создаются, съ одной стороны, промышленнымъ перепроизводствомъ, съ другой—переполненіемъ рабочаго рынка свободными руками. Вѣдь и то нужно принимать въ расчетъ для всесторонняго пониманія взаимныхъ отношеній милитаризма и капитализма, что хотя и не очень продолжительная военная служба, но очень большого количества рабочей молодежи охраняетъ рынокъ труда отъ излишняго переполненія его людьми, ищущими и не находящими заработка, какъ, съ другой стороны, займы, къ какимъ прибѣгаютъ правительства для усиленія своей боевой готовности, не мало способствуютъ болѣе или менѣе выгодному помѣщенію капиталовъ, которые иначе не находили бы себѣ примѣненія. Между несомнѣнно мирными стремленіями индустріальнаго строя общества и указанною связью современныхъ милитаризма и капитализма, несомнѣнно, существуетъ вопіющее противорѣчіе, но связь эта такъ крѣпка, что давленіе экономическихъ условій, благопріятныхъ для милитаризма, оказывается болѣе могущественнымъ, нежели миролюбіе самого индустріальнаго строя, и что если бы въ одинъ прекрасный день правительства сразу вздумали разоружиться, это вызвало бы страшное экономическое потрясеніе [1]). Такова одна изъ ненормаль-

---

[1]) Въ своей полемической противъ Жореса лекціи „L'idéalisme et le matérialisme dans la conception de l'histoire“ извѣстный французскій марксистъ *Paul Lafargue*, отмѣчая отвращеніе буржуазіи къ военщинѣ (la bourgeoisie a horreur du militarisme; elle déteste les traîneurs de sabre и т. д.) и ея заботы объ упроченіи мира (основаніе Международной лиги мира), говоритъ далѣе, что „экономическія явленія, болѣе сильныя, чѣмъ воля отдѣльныхъ буржуа, не хотятъ осуществленія ихъ идеала. Теперь содержатъ постоянныя арміи не для того, чтобы вести войну, а для того, чтобы содѣйствовать (faire marcher) промышленности и торговлѣ. Если бы во Франціи, какъ и въ Германіи, въ Италіи, въ Россіи распустили войска, этимъ разорили бы всѣ отрасли промышленности, которыя живутъ арміей, и выбросили бы на рынокъ труда три или четыре сотни тысячъ людей, здоровыхъ и молодыхъ; это было бы равносильно общей остановкѣ работъ, это было бы соціальной революціей. Если случайно, продолжаетъ онъ, жалкая буржуазія раздѣляетъ разумный идеалъ,

ностей современной соціальной культуры, получившая особенно большое развитіе послѣ военныхъ побѣдъ Пруссіи въ 1866 и 1870—71 г.

V. Разгромъ парижской коммуны и распаденіе Интернаціонала [1]).

Революціонныя традиціи парижскаго населенія. — Общественное настроеніе въ Парижѣ въ концѣ имперіи.—Провозглашеніе республики во Франціи.—Внутреннія волненія въ Парижѣ во время осады.—Созывъ національнаго собранія.—Непосредственныя причины парижскаго возстанія 1871 г.—Организація коммуны.—Отсутствіе общей программы у ея главарей. — Наиболѣе популярные лозунги коммунаровъ.—Главные вожди коммуны и ихъ дѣятельность.—Взаимное ожесточеніе Парижа и Версаля.—Отраженія парижскаго движенія въ провинціальныхъ городахъ. — Междоусобная война и взятіе Парижа версальцами. — Расправа съ коммунарами. — Отзывы нѣкоторыхъ историковъ о коммунѣ. — Вліяніе коммуны на усиленіе реакціоннаго настроенія. — Участіе въ ней Интернаціонала. — Отношеніе его къ войнѣ 1870—71 г. — Прекращеніе конгрессовъ Интернаціонала въ 1870—71 гг. — Постепенное разложеніе Интернаціонала подъ вліяніемъ событій 1870—71 гг. и правительственныхъ репрессій и вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ.—Самоупраздненіе Интернаціонала въ 1876 г.—Позднѣйшіе международные съѣзды соціалистовъ.

Перейдемъ теперь къ исторіи отдѣльныхъ странъ въ первое, главнымъ образомъ, десятилѣтіе послѣ франко-германской войны и

который она стремится осуществлять съ тѣхъ поръ, какъ сама достигла соціальнаго господства, то экономическія силы, ею же самою пущенныя въ ходъ, препятствуютъ осуществленію ихъ идеала (à ce qu'elle la fasse passer dans les faits) и доказываютъ ей, что она вовсе не госпожа своихъ собственныхъ судебъ, но что она подчинена дѣйствію силъ экономическаго міра", стр. 33—34. (О статьѣ Жореса, противъ котораго написана статья Лафарга, см. въ моихъ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ", стр. 301).

[1]) О парижской коммунѣ было писано очень много, начиная съ 1871 г., когда она была усмирена, и до нашихъ дней, а за послѣднее время многое о коммунѣ было и переведено по-русски. Приводимъ названія болѣе извѣстныхъ или болѣе доступныхъ книгъ и брошюръ, предостерегая, что очень рѣдкія изъ нихъ написаны съ историческимъ безпристрастіемъ, такъ какъ большею частью это или обвинительные акты, или апологіи. — *L. Jezierski.* Entrée de l'armée dans Paris. Bataille des sept jours: 21 à 28 mai 1871 (1871).—*Lefrançais.* Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871 (1871). — *G. de Molinari.* Les clubs rouges pendant le siège de Paris (1871).—*Mendès.* 73 journées de la commune (1871). — *Moriac.* Paris sous la commune (1871).—Въ 1871 г., кромѣ того, вышли исторіи коммуны *de Montférier, vic. de Beaumont-Vassy, G. Noblet, A. Rastoul* (L'Eglise sous la commune) и др. — Послѣ 1871 г. появились новыя и новыя сочиненія: *Villetard.* L'insurrection du 18 mars (1872). — *X.* Les francs-maçons et la commune (1872).—*J. Claretie.* Histoire de la révolution de 1870—71. — *Maxime du Camp.* Les convulsions de Paris. — *Louis Fiaux.* Histoire de la guerre civile de 1871 (1879).—*C. Pelletan.* La semaine sanglante (1880).—*G. du Costa.* La commune vecue (1904—1905).—*Vuillaume.* Mes cahiers

начнемъ этотъ обзоръ съ Франціи, въ которой семидесятые годы XIX вѣка были преимущественно борьбою за утвержденіе республики, но прежде, чѣмъ дать общій очеркъ исторіи этой борьбы, мы остановимся на одномъ эпизодѣ французской исторіи 1871 г., имѣющемъ особенно важное значеніе, между прочимъ, и въ судьбахъ вообще соціальнаго движенія послѣдней трети XIX в.

Рѣчь будетъ идти именно о парижскомъ возстаніи тотчасъ же по окончаніи войны и о вліяніи какъ подавленія этого возстанія, такъ и вообще событій 1870—71 гг. на то международное направленіе, какое въ шестидесятыхъ годахъ было принято соціализмомъ.

---

rouges (1908). — Въ нѣмецкой литературѣ см. *Fr. Mehring.* Die Pariser Kommune (въ „Preuss. Jahrbücher за 1879). — *L. Wittig.* Die Kommune von Paris (1872). — *B. Becker.* Geschichte und Theorie der Pariser revolutionären Kommune des Jahres 1871 (1879).— *W. Lauser.* Ueber die Pariser Kommune (1878). *Von Meerheimb.* Geschichte der Pariser Kommune (1880) и др.—Среди перечисленныхъ изданій о коммунѣ не названы тѣ, которыя переведены по-русски, каковы: *Ланжоле и Корье.* Исторія революціи 18 марта (1872). — *К. Марксъ.* Гражданская война во Франціи. Съ предисловіемъ Энгельса (женевское изд. 1893 г., а съ 1905 г. и нѣсколько изд. въ Россіи). — *Лиссагарэ.* Исторія коммуны 1871 г. (нѣсколько изданій 1905 и др. годовъ) или брошюры: *Арну.* Народная исторія парижской коммуны (безъ обозн. года; въ подлинникѣ она названа „populaire et parlementaire“).—*Б. Бакст.* Парижская коммуна 1870—1871 г. (1905; перев. съ англ.).—*Герронъ.* Отъ революціи къ революціи. Уроки парижской коммуны 1871 г. (1906). — *Луиза Мишель.* Коммуна (1907).— *Эрнестъ.* Парижская коммуна. Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ брошюръ переведены плохо или снабжены довольно странными примѣчаніями, превращающими, напр., самаго зауряднаго англійскаго городового (констэбля, притомъ изъ „Punch'a“) въ „высшаго государственнаго сановника“ (въ брош. Бакса). Русскими о коммунѣ было написано немного, но зато такими людьми, какъ *Лавровъ, Бакунинъ, Кропоткинъ* и т. п.; брошюры двухъ послѣднихъ появились въ Россіи въ 1906 г. Непосредственно послѣ самой коммуны о ней написалъ (1871) *Э. Ватсонъ* подъ заглавіемъ „Эпилогъ франко-прусской войны. Очеркъ исторіи парижской коммуны 1871 г.“, но его работа вызвала тогда противъ себя нареканія за свое отрицательное отношеніе ко многимъ сторонамъ исторіи коммуны. Одною изъ новѣйшихъ исторій коммуны является вторая половина (стр. 249—497) тома XII издаваемой подъ редакціей *Jaurès'a* „Histoire Socialiste“ (безъ даты), составленная *Louis Dubreuilh'емъ* и вышедшая въ 1908 г. по-русски отдѣльной книгой. Въ ней собранъ большой матеріалъ, но написана она крайне пристрастно и ненаучно въ совершенно бездоказательныхъ утвержденіяхъ, наприм., о томъ, что если бы 31 окт. 1870 г. дали пролетаріату завладѣть ратушей, то пруссаки были бы съ позоромъ изгнаны изъ Франціи; о лицахъ, боровшихся противъ коммуны, говорится часто въ бранныхъ выраженіяхъ. Конечно, можно найти очерки коммуны и въ общихъ исторіяхъ третьей республики (напр., въ I т. *Hanotaux.* Histoire de la France contemporaine, стр. 149—211; довольно безпристрастно). См. также книгу *Debidour'a* объ отношеніи церкви къ государству при третьей республикѣ, о чемъ ниже.

Парижская коммуна 1871 г. является однимъ изъ наиболѣе трагическихъ эпизодовъ въ столь богатомъ историческими событіями прошломъ столицы Франціи. По той роли, которую Парижъ игралъ въ исторіи новѣйшаго времени, съ этимъ городомъ не можетъ сравняться ни одна другая европейская столица, да и во всемірной исторіи мало такихъ городовъ, какъ Парижъ, — Аѳины, Римъ древній и средневѣковой — и только. У этого мірового города было богатое прошлое. Историки коммуны 1871 г. въ видѣ одного изъ раннихъ антецедентовъ вспоминаютъ о временахъ Этьена Марселя, старшины купеческаго сословія Парижа въ серединѣ XIV в., когда подъ предводительствомъ этого замѣчательнаго человѣка парижская буржуазія думала управлять судьбами всей Франціи [1]). Другое аналогичное выступленіе Парижа было во второй половинѣ XVI в., когда городомъ овладѣла революціонная католическая демократія, которая создала организацію, тоже стремившуюся управлять всей Франціей [2]). Вспомнимъ и ту роль, какую игралъ Парижъ въ смутахъ фронды въ серединѣ XVII в. [3]). Перенесеніе Людовикомъ XIV королевской резиденціи изъ безпокойнаго Парижа въ нарочно созданный для двора Версаль не лишило старую Лютецію значенія центра всей культурной и политической жизни Франціи, подобнаго которому не было ни въ какой еще странѣ. Это показало, между прочимъ, французская революція, прежде всего бывшая революціей именно парижской. Іюльскій переворотъ 1830 и переворотъ февральскій 1848 г. были тоже событіями преимущественно парижскими, потому что остальная Франція только повиновалась велѣніямъ, шедшимъ изъ центра. Въ эпоху первой революціи Парижъ даже прямо управлялъ Франціей. Въ годы наиболѣе обостренной борьбы со старымъ порядкомъ, съ момента низверженія монархіи парижскимъ возстаніемъ 10 августа 1792 г., когда вскорѣ затѣмъ приходилось напрягать всѣ усилія для борьбы съ коалиціей европейскихъ державъ, парижская коммуна, общинный совѣтъ города Парижа, даже пріобрѣла власть надъ всею Франціею, организовавъ временное правительство, подчинивъ своему вліянію національный конвентъ, сдѣлавшись черезъ него чуть не господиномъ всей страны, въ то самое время, какъ одинъ изъ парижскихъ клубовъ, якобинскій, разбросалъ по всей территоріи свои филіальныя отдѣленія, исполнявшія велѣнія своего центральнаго органа. Въ 1793 г. такое исключительное положеніе въ республикѣ одного населеннаго мѣста получило и своего рода идеологическое оправданіе въ самой теоріи народо-

---

[1]) См. т. I, гл. VI.
[2]) Т. II, стр. 344.
[3]) Т. II, стр. 404.

властія. За гражданами Парижа признавалось значеніе естественныхъ представителей всѣхъ 83-хъ департаментовъ Франціи, имѣющихъ дѣйствовать за весь народъ. Граждане Парижа, это былъ по преимуществу тотъ народъ, который диктовалъ свою волю собраніямъ, насилуя ихъ свободу, и совершалъ революціи, считая своею миссіею думать и дѣйствовать за всю страну, когда ее нужно было спасать отъ тѣхъ или другихъ враговъ [1]). Многое изъ того, что дѣлалъ Парижъ въ 1792—94 гг., въ памяти потомства приняло размѣры героической легенды, переходившей по традиціи отъ одного поколѣнія къ другому. Іюльская революція показала, что Парижъ снова можетъ играть такую же роль, и въ тридцатыхъ годахъ опять стали дѣлаться революціонныя попытки съ цѣлью низверженія парижскимъ населеніемъ монархіи и основанія республики. Тридцатые и сороковые годы были эпохой возобновленія во Франціи традицій первой революціи и притомъ преимущественно въ якобинской ихъ окраскѣ, которая, какъ извѣстно, даже наложила свою печать на дѣятельность республиканцевъ 1848 г. [2]). Низвергнувъ іюльскій тронъ, парижское населеніе какъ и въ первую революцію, захотѣло болѣе непосредственно и болѣе дѣятельно оказывать вліяніе на дѣла и въ этомъ направленіи совершило нѣсколько инсуррекцій, подавленныхъ и жестоко наказанныхъ имущими классами общества, за которыми стояла вся остальная Франція [3]). Іюньскіе дни 1848 г. и декабрьскіе 1851 г. лишили Парижъ значительной части его населенія, отличавшейся большею сознательностью и энергіей, но къ 1870 г. выросло новое поколѣніе парижанъ, въ которомъ чуть не съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ снова наростало революціонное настроеніе. Соціализмъ, похороненный было правительствомъ Наполеона III снова, какъ мы видѣли [4]), сталъ вербовать себѣ сторонниковъ въ рабочемъ классѣ столицы и другихъ большихъ городовъ. Къ 1870 г. Парижъ уже былъ не тотъ, какимъ мы его видимъ въ 1850 и даже въ 1860 годахъ.

Въ концѣ имперіи, наканунѣ ея разгрома пруссаками, интеллигентный и рабочій Парижъ находился въ сильномъ броженіи, все болѣе и болѣе принимавшемъ враждебный для имперіи характеръ [5]). Съ середины шестидесятыхъ годовъ полиція слѣдила за подозрительными связями, устанавливавшимися между радикальными студентами и болѣе развитыми рабочими; были аресты и судебные процессы, между прочимъ, по поводу какой-то „революціонной коммуны французскихъ

---

[1]) Т. III, стр. 574, 578, 587—588.
[2]) Т. V, стр. 320—325 и
[3]) Т. V, гл. XX.
[4]) См. выше, стр. 41, 48 и 50.
[5]) См. въ слѣдующей главѣ.

рабочихъ“ (1867). Нѣкто Корбонъ, хорошо знавшій рабочее населе́ніе столицы, въ своемъ вышедшемъ въ свѣтъ въ 1863 г. „Le secret du peuple de Paris“ характеризовалъ наиболѣе развитую часть парижскаго пролетаріата, какъ интересующуюся общими идеями и демократическими реформами, замѣнившую религіозныя вѣрованія соціальными идеалами и отличающуюся космополическимъ духомъ. Въ безпорядкахъ, происходившихъ въ началѣ 1870 г., въ числѣ другихъ и по поводу похоронъ убитаго императорскимъ кузеномъ Пьеромъ Бонапартомъ журналиста Нуара и оправданія убійцы судомъ [1]), рабочіе принимали дѣятельное участіе, и только большое количество полиціи и войска помѣшало одной изъ этихъ манифестацій сдѣлаться началомъ цѣлаго возстанія. Сначала плебисцитъ, потомъ объявленіе войны и дурныя вѣсти съ границы все время поддерживали въ Парижѣ крайнее возбужденіе населенія, усилившееся взрывами патріотизма, то нездороваго, шовинистическаго, съ криками: „à Berlin!“, то какъ понятнаго чувства любви къ отечеству, находящемуся въ опасности.

Провозглашеніе республики послѣ седанской катастрофы было дѣломъ населенія Парижа, предупредившаго оффиціальное низложеніе Наполеона III и его династіи законодательнымъ корпусомъ [2]). Съ первыхъ же дней сентября 1870 г. въ рабочихъ кругахъ началась агитація со стороны республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ, стали созываться митинги, открылись клубы, заговорила демократическая пресса. Уже вечеромъ 4 сентября къ только-что образовавшемуся временному правительству [3]) явились делегаты отъ рабочихъ организацій, среди нихъ и отъ парижской секціи Интернаціонала, чтобы высказать такія пожеланія, какъ немедленное избраніе муниципальныхъ совѣтовъ для сформированія и вооруженія національной гвардіи, передача имъ функцій префектуры полиціи, которая должна была быть уничтожена, назначеніе на всѣ городскія должности путемъ выборовъ, установленіе свободы печати, собраній и союзовъ, отмѣна всѣхъ состоявшихся по политическимъ дѣламъ приговоровъ съ прекращеніемъ всѣхъ начатыхъ уже преслѣдованій и отмѣна бюджета культовъ. Правительство черезъ Гамбетту ограничилось неопредѣленными обѣщаніями, а 5 сентября собственною властью назначило мэровъ и ихъ товарищей во всѣхъ двадцати округахъ, на которые дѣлилась столица Франціи. Рабочіе остались крайне недовольны неисполненіемъ одного изъ условій, на какихъ они только и соглашались поддерживать новую власть,— и немедленно организовали „Центральный республиканскій комитетъ двадцати округовъ“, объединявшій мѣстные наблюдательные респуб-

[1]) Т. V, стр. 670.

[2]) См. въ слѣд. главѣ.

[3]) О составѣ его см. 97—98.

ликанскіе комитеты, выбранные прямою подачею голосовъ въ отдѣльныхъ округахъ. 13 и 14 сентября эта организація выработала декларацію съ изложеніемъ резолюцій народныхъ собраній, предложенныхъ правительству для декретированія ихъ въ видахъ „спасенія отечества и установленія настоящаго республиканскаго строя на началахъ постояннаго содѣйствія индивидуальной иниціативы и общественной солидарности". Среди предлагавшихся мѣръ особое мѣсто занимали требованіе поголовнаго вооруженія съ предоставленіемъ національной гвардіи самой выбирать своихъ начальниковъ, экспропріація съ послѣдующимъ вознагражденіемъ собственниковъ всѣхъ предметовъ первой необходимости и особенно съѣстныхъ припасовъ, правильное распредѣленіе послѣднихъ между всѣми жителями столицы и обезпеченіе за каждымъ жителемъ и его семьей жилища (квартиры). Эти пункты не потребуютъ дальнѣйшихъ объясненій, если мы только вспомнимъ, что послѣ Седана нѣмцы немедленно двинулись на Парижъ, и что въ серединѣ сентября началась его осада. Такимъ образомъ, уже въ началѣ осады Парижа между „правительствомъ національной обороны" и населеніемъ осажденнаго города не было солидарности. Въ дальнѣйшемъ пропасть между ними только росла, и двѣ разныя республики стояли одна противъ другой.

Мы уже видѣли [1]), какъ трудно было жить въ осажденномъ городѣ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, въ холодную зиму, съ ограниченнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, при начавшейся подконецъ бомбардировкѣ, при постоянныхъ неудачахъ попытокъ отразить врага. То напряженіе, въ какомъ находились нервы парижанъ за все это время, объясняетъ многое въ томъ, что потомъ произошло. Громадный городъ продолжалъ жить своею жизнью, работалъ, веселился и усиленно занимался политикой. Продолжали происходить народныя собранія, дѣйствовали радикальные клубы, гремѣла революціонная и въ то же время патріотическая печать, обсуждались дѣйствія правительства, а главное—критиковались, порицались, вызывали даже негодованіе. Населеніе рвалось въ бой съ врагомъ, но стоявшій во главѣ вооруженныхъ силъ столицы генералъ Трошю, поддерживавшій духъ населенія красивыми патріотическими фразами своихъ прокламацій, на самомъ дѣлѣ всѣмъ своимъ поведеніемъ возбуждалъ противъ себя недовольство парижанъ. Онъ, въ сущности, не вѣрилъ въ возможность что-либо сдѣлать при помощи національной гвардіи, а если подъ стѣнами Парижа и происходили сраженія, то больше ради одного удовлетворенія народнаго желанія, но далеко не такія, какія были желательны народу. Другимъ пунктомъ неудовольствія парижанъ на

---

[1]) См. выше, стр. 100—102.

правительство было то, что оно медлило съ муниципальными выборами. Въ то время, какъ часть прессы доказывала необходимость всѣмъ сплотиться вокругъ правительства для отраженія внѣшняго врага („прежде всего пруссаки"!), другая, особенно комитеты и клубы, агитировала противъ этого правительства, на него указывая, какъ на болѣе опаснаго еще врага, чуть не соучастника самихъ нѣмцевъ, только мѣшающаго настоящей защитѣ и спасенію отечества. Въ Парижѣ зимою съ 1870 на 1871 г. повторялось многое изъ того, что за восемьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ онъ переживалъ, когда въ немъ тоже подозрительныя предположенія объ измѣнѣ давали окраску народному настроенію и приводили къ цѣлому ряду такихъ поступковъ, какимъ не могло бы быть мѣста при болѣе спокойномъ положеніе дѣлъ [1]). Извѣстіе о капитуляціи Меца [2]) поселило въ жителяхъ столицы подозрѣніе, что „измѣнники" сдадутъ и ихъ городъ. Еще до потери Меца, именно въ первой половинѣ октября (8 числа) сдѣлана была недовольными попытка силою низвергнуть правительство и передать власть въ другія, считавшіяся болѣе надежными руки,—повтореніе того, что было и въ 1848 г. [3]),—но изъ этого ничего не вышло, кромѣ простой, хотя и весьма симптоматической демонстраціи. 31 октября попытка была повторена и имѣла уже болѣе серьезное значеніе. Часть національной гвардіи, поддержанная громадною толпою, овладѣла ратушей, бывшей мѣстопребываніемъ правительства, и начались выборы записками новыхъ представителей власти, причемъ голоса подавались за наиболѣе популярныя имена, каковы Викторъ Гюго, Ледрю Ролленъ, Распайль, Бланки, Делеклюзъ, Феликсъ Піа, имена старыхъ республиканскихъ знаменитостей [4]). Нѣкоторые изъ выбранныхъ, напр., Бланки, тотчасъ же вошли въ свою новую роль, но Трошю ночью опять занялъ ратушу и предложилъ засѣдавшимъ въ ней удалиться. Выговорено было при этомъ обѣщаніе никого не преслѣдовать и въ самое близкое время назначить муниципальные выборы. Первое обѣщаніе было нарушено: арестовано было около сорока зачинщиковъ предпріятія, а вмѣсто исполненія второго, устроенъ былъ (3 ноября) плебисцитъ, по которому за сохраненіе правительства національной обороны подано было слишкомъ 320 тысячъ голосовъ, противъ — только 54 т. Возбужденіе парижанъ особенно усилилось, когда узнали, что Тьеръ совѣтуетъ заключить миръ. Уже пріѣздъ Тьера въ городъ, съ разрѣшенія Би-

---

[1]) Т. III, стр. 574—575 и др.
[2]) См. выше, стр. 99.
[3]) Т. V, стр. 483—484, 491, 493—495, 498, 503, 603.
[4]) Т. V, стр. 338, 480, 493, 498, 603—604 и др.

смарка, для переговоровъ о перемиріи [1]), совпавшій по времени со сдачею Меца, усилилъ раздраженіе, вызванное послѣднею, а тутъ и слухи о самомъ мирѣ, когда Парижъ еще въ осадѣ! Слухи о предстоящей капитуляціи вызвали третью инсуррекціонную попытку, состоявшуюся 22 января, но, какъ и прежнія, окончившуюся неудачей. Черезъ два дня послѣдовала и самая капитуляція.

Затѣмъ произошли выборы въ національное собраніе и открытіе его засѣданій въ Бордо (12 февраля). Парижъ страшно былъ взволнованъ извѣстіями объ условіяхъ мира съ нѣмцами и о совершенно нереспубликанскомъ составѣ бордосскаго собранія. Сдѣланный главою исполнительной власти Тьеръ былъ главнымъ сторонникомъ того мира, который Парижемъ отвергался, собраніе уже заявляло, что республику оно не считаетъ окончательною формою правленія Франціи, а своимъ рѣшеніемъ (10 марта) перенести засѣданія не въ Парижъ, а въ Версаль, повидимому, пожелало его лишь „декапитализировать“, лишить значенія столицы [2]). Были еще и другія причины неудовольствія. Во время осады платежи по найму квартиръ и торговымъ обязательствамъ были отсрочены: теперь у національнаго собранія просили продленія сроковъ, пока дѣла не войдутъ въ обычную колею, но собраніе отказало, и въ четыре дня въ серединѣ марта было предъявлено полтораста тысячъ взысканій. Съ другой стороны, со времени осады парижскіе рабочіе вынуждены были жить на жалованье въ тридцать су (полтора франка) въ день, платившееся за службу въ національной гвардіи. Несмотря на безработицу, національное собраніе рѣшило отнять у населенія эту субсидію. Броженіе росло, а тутъ еще парижскій губернаторъ Винуа на основаніи осаднаго положенія закрылъ оппозиціонныя газеты, и военный судъ приговорилъ къ смертной казни вождей движенія 31 октября, успѣвшихъ, впрочемъ, скрыться.

Въ сущности, парижскія движенія 8 и 31 октября и 22 января имѣли одну и ту же цѣль — передать власть парижской „коммунѣ“, какъ это было при первой республикѣ: она одна, эта commune, только и могла бы, какъ думали ея сторонники, спасти Францію отъ внѣшняго врага, вырвавъ власть изъ рукъ „предателей“. Теперь этой же самой коммунѣ, отъ мысли о которой вожди народнаго движенія въ Парижѣ не хотѣли отказаться, ставилась и другая задача — спасти республику отъ неменѣе опаснаго внутренняго врага. Парижское населеніе было вооружено и хотѣло оставаться вооруженнымъ, чтобы отстаивать свою свободу и республиканскій строй всей Франціи. Наи-

---

[1]) См. выше, стр. 99.

[2]) Обо всемъ предыдущемъ подробнѣе въ слѣд. главѣ.

болѣе рьяные патріоты думали, что Парижъ могъ бы даже возобновить войну съ нѣмцами и съ силами свободныхъ отъ непріятельской оккупаціи департаментовъ прогнать пруссаковъ назадъ, за Рейнъ, въ Германію. Съ своей стороны, правительство желало разоружить населеніе Парижа. Черезъ мѣсяцъ послѣ капитуляціи, въ годовщину февральской революціи, національная гвардія устроила грандіозную манифестацію съ протестомъ противъ разоруженія и съ угрозою сопротивляться ему силой, что̀ и долженъ былъ торжественно засвидѣтельствовать центральный комитетъ гвардіи. Въ это время прежній такой же комитетъ, послѣ открытія національнаго собранія, самъ собою закрылся, и многіе бывшіе его члены уѣхали въ Бордо. Новый комитетъ сталъ теперь руководить движеніемъ, и между прочимъ, готовиться къ тому, чтобы силою помѣшать нѣмцамъ вступить по условіямъ мира [1]) въ нѣкоторыя части Парижа; отъ этого его отговорили соціалисты. Пруссаки безпрепятственно вошли въ какъ бы вымершіе западные кварталы города и удалились, пробывъ въ нихъ всего 62 часа. Наканунѣ вступленія нѣмцевъ національная гвардія вывезла изъ той части города, въ которую они могли войти, 400 забытыхъ тамъ пушекъ. Она считала ихъ своими, потому что онѣ были сооружены самимъ населеніемъ Парижа на подписныя деньги, и на отдѣльныхъ орудіяхъ были помѣтки принадлежности ихъ такимъ-то и такимъ-то батальонамъ. Всѣ онѣ, руками самихъ національ-гардовъ, при помощи женщинъ и даже дѣтей, были увезены на высоты Бельвилля и Монмартра, двухъ рабочихъ кварталовъ Парижа.

Это было въ первыхъ числахъ марта. Одновременно вырабатывался „Уставъ республиканской федераціи національной гвардіи“. Между тѣмъ Тьеръ предписалъ забрать монмартрскія и бельвилльскія орудія, и въ ночь съ 17 на 18 марта это приказаніе должно было быть приведено въ исполненіе. Комментаріемъ къ такому распоряженію была правительственная прокламація къ жителямъ Парижа, гдѣ указывалось на необходимость возстановленія порядка. На Монмартрѣ толпа отбила пушки у захватившихъ ихъ солдатъ, позволившихъ себя при этомъ даже обезоружить и побратавшихся съ гражданами, причемъ они разстрѣляли своего начальника и еще одного генерала (Леконта и Тома̀). Въ Бельвиллѣ правительственный отрядъ прямо вынужденъ былъ отступить передъ сильнымъ народнымъ сопротивленіемъ.

Неудача разоруженія Парижа заставила Тьера покинуть городъ и предложить то же самое сдѣлать министрамъ, крупнымъ чиновникамъ, генераламъ. Парижъ былъ во власти возстанія, но оно съ са-

---

[1]) См. выше, стр. 106.

маго же начала оказалось безъ всякой организаціи, безъ общаго плана дѣйствій, безъ доминирующей идеи. Поручивъ высшее военное начальство нѣкоему Люлье, 19 марта центральный комитетъ обратился къ національной гвардіи Парижа съ воззваніемъ, гдѣ говорилъ, что, „изгнавъ правительство, измѣнявшее гражданамъ“, онъ считаетъ себя „исполнившимъ данное ему порученіе и потому возвращаемъ свои полномочія избирателямъ для совершенія новыхъ выборовъ“. Выборъ Люлье былъ крайне неудаченъ, а самоотреченіе было не по времени. Такъ какъ списки избирателей находились въ рукахъ мэровъ двадцати округовъ Парижа, то выборы безъ ихъ участія состояться не могли, и съ мэрами пришлось вступить въ переговоры. Сами мэры, получившіе отъ правительства полномочіе управлять, вмѣстѣ съ парижскими депутатами, оставленною всѣми другими властями столицею, тоже нашли нужнымъ начать переговоры съ вождями возстанія; они даже хотѣли выступить посредниками-примирителями между обѣими сторонами, но эта роль имъ плохо удавалась, какъ и дѣйствовавшимъ за одно съ ними парижскимъ депутатамъ. Среди послѣднихъ особою неуступчивостью отличался Луи Бланъ, говорившій, что съ мятежниками не можетъ быть никакихъ соглашеній. Эти переговоры съ мэрами и депутатами продолжались въ общемъ добрую недѣлю. И центральный комитетъ, продолжавшій функціонировать, и мэры съ депутатами, и представители объединенной прессы, обращались съ воззваніями къ населенію, причемъ пресса и мэры высказывались противъ возстанія, и ихъ поддерживала группа „друзей порядка“, агитировавшая въ народѣ. При такомъ положеніи дѣлъ обращенія къ народу получали характеръ полемики, что̀ можно сказать также о воззваніяхъ, шедшихъ отъ правительства и національнаго собранія, и объ отвѣтахъ на нихъ со стороны центральнаго комитета. Когда одна изъ манифестацій „друзей порядка“ была разсѣяна двумя ружейными залпами со стороны „федералистовъ“ и при этомъ были убитые и раненые, изъ Парижа началась эмиграція крупной буржуазіи и другихъ общественныхъ элементовъ, считавшихъ небезопаснымъ оставаться въ городѣ. Отношенія между центральнымъ комитетомъ и мэрами обострились до того, что можно было опасаться и вооруженнаго столкновенія между приверженцами обѣихъ этихъ сторонъ. Только въ самомъ концѣ марта состоялись наконецъ выборы. Изъ $485^1/_2$ т. значившихся въ спискахъ избирателей (списки были составлены въ маѣ 1870 г.) къ урнамъ явилось около 230 т., т.-е. меньше половины, но нужно имѣть въ виду, что и до осады, и послѣ осады изъ Парижа уѣхало множество народа, отъ 60 до 100 т. человѣкъ. Списки кандидатовъ были предложены и мэрами, и разными народными организаціями, и прошли въ коммуну люди изъ разныхъ партій. Составъ

получился въ общемъ довольно пестрый: здѣсь были и рекомендованные мэрами сторонники Тьера, и будущіе гамбеттѝсты, но всѣ они были въ меньшинствѣ (15 и 6), большинство же состояло изъ революціонеровъ и соціалистовъ, человѣкъ 17 изъ Интернаціонала, 8 бланкистовъ (но самъ Бланки, выбранный тоже, сидѣлъ въ тюрьмѣ), остальные безъ опредѣленныхъ партійныхъ квалификацій. Впослѣдствіи нереволюціонные члены коммуны отстали отъ нея, что̀ придало ей болѣе однородный характеръ въ смыслѣ темперамента, но попрежнему это революціонное правительство изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ было объединено лишь своею ненавистью къ версальскому правительству и собранію. Они дѣлились на группы или стояли отдѣльными единицами, различно понимавшими самую идею коммуны, хотѣвшими далеко не одинаковыхъ вещей.

У однихъ большимъ сочувствіемъ пользовалась мысль превращенія Парижа и всего департамента Сены въ независимую республику, если національное собраніе захочетъ окончательно декапитализировать Парижъ. Это было, однако, только крайнимъ выраженіемъ особенно всѣмъ дорогого лозунга предоставленія Парижу широкой муниципальной автономіи, важной и по собственному своему значенію и какъ гарантія противъ введенія какой бы то ни было другой государственной формы, а не демократической республики. Эта автономная коммуна понималась нѣкоторыми, какъ одна изъ множества другихъ свободныхъ общинъ Франціи, связанныхъ въ одно цѣлое федераціей. „Парижъ не хочетъ царствовать, — стояло въ одномъ изъ заявленій коммуны,—онъ хочетъ быть свободнымъ“, но это не мѣшало другимъ членамъ той же коммуны думать,—точка зрѣнія якобинцевъ и бланкистовъ,—что Франція нуждается въ диктатурѣ, подобной якобинской 1793 г., и съ такой точки зрѣнія многіе находили правильнымъ, чтобы въ виду реакціоннаго поведенія версальскаго правительства коммуна переступила границы своихъ нормальныхъ правъ. Федералисты, допуская въ извѣстныхъ предѣлахъ подчиненіе общему республиканскому правительству всей Франціи, выговаривали, однако, для Парижа право совершать путемъ мѣстнаго законодательства самыя широкія соціальныя реформы, хотя было бы ошибочно думать, что всѣ члены коммуны были соціалистами. Если даже не брать въ расчетъ тѣхъ, которые, не задаваясь никакими опредѣленными планами государственнаго устройства, примкнули къ движенію ради его національно-патріотической цѣли, а въ иныхъ случаяхъ и просто по страсти къ приключеніямъ, въ коммунѣ было не мало простыхъ политическихъ радикаловъ, вовсе не думавшихъ видѣть въ ней проявленіе „борьбы между паразитизмомъ и трудомъ, между эксплуатаціей и производствомъ“. Сами соціалисты въ составѣ коммуны имѣли въ своихъ ря-

дахъ, кромѣ членовъ Интернаціонала, раздѣлявшихъ идеи коммунистическаго манифеста 1848 г., и мутуалистовъ, и даже фурьеристовъ. Историки коммуны,—нѣкоторые изъ коихъ вышли сами изъ ея рядовъ,—отмѣчаютъ это разногласіе въ ея пониманіи, только каждый, ставя съ своей точки зрѣнія въ центръ своего изображенія то или другое изъ частичныхъ ея пониманій: коммуна 1871 г., дѣйствительно, легко поддается разнымъ толкованіямъ. Какое бы мѣсто, впрочемъ, мы ни отводили въ общей перспективѣ отдѣльнымъ требованіямъ вождей коммуны, нѣкоторые ея лозунги были особенно популярны среди ея рядовыхъ защитниковъ, прежде всего лозунги соціальной реформы въ родѣ восьмичасового рабочаго дня, передачи рабочимъ ассоціаціямъ разныхъ работъ по городскому благоустройству, денежныхъ субсидій кооперацiямъ и т. п. Популярны были также лозунги отдѣленія церкви отъ государства и замѣны постоянной арміи народною милиціей съ дѣйствительно всеобщимъ отбываніемъ воинской повинности и съ правомъ подчиненныхъ выбирать свое начальство.

Какъ-никакъ, большинство было на сторонѣ централистическаго теченія, федералистическое же представлялось меньшинствомъ, но это большинство не съумѣло ни организовать дѣйствительную власть въ самомъ общинномъ совѣтѣ, ни устранить конкурренцію съ нимъ центральнаго комитета національной гвардіи съ совѣтами легіоновъ, представлявшими его въ каждомъ округѣ. Коммуна должна была взять на себя продовольствіе населенія, завѣдованіе всѣмъ сложнымъ городскимъ хозяйствомъ, управленіе всѣми дѣлами громадной столицы. Низшій служебный персоналъ разныхъ категорій остался большею частью на своихъ мѣстахъ, средній и особенно высшій исчезли, и технически свѣдущихъ людей съ надлежащею практическою подготовкою и опытностью не было. Историки коммуны, сочувственно къ ней относящіеся, отмѣчаютъ, что тогдашній пролетаріатъ не былъ достаточно развитъ и образованъ, чтобы изъ его среды можно было брать людей на сдѣлавшіяся вакантными мѣста, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній. Знающихъ, способныхъ, дѣльныхъ кандинатовъ для многихъ важныхъ и отвѣтственныхъ должностей не было. Коммуна вела войну съ версальцами, но ея генералы были плохи, а въ офицерахъ ощущался недостатокъ. Люлье, какими-то судьбами попавшій въ военачальники, оказался ниже всякой критики. Предпринятое 3 апрѣля движеніе тремя колоннами на Версаль было отражено регулярными войсками, и коммуна отъ наступленія вынуждена была перейти къ оборонѣ, тѣмъ болѣе, что силы версальцевъ росли по мѣрѣ того, какъ изъ Германіи тысячами возвращались военноплѣнные, которыхъ, какъ извѣстно, было страшно много [1]). Пораженіе, испытанное „федера-

[1]) См. выше, стр. 107.

тами", какъ звали они себя сами,—„коммунарами", какъ звали ихъ враги,—отшатнуло отъ коммуны мелкую буржуазію, которая потому стала относиться ко всему предпріятію враждебно. Въ теченіе почти всего апрѣля военною частью заправлялъ делегатъ коммуны въ военномъ министерствѣ Клюзере [1]), участвовавшій въ 1848 г. молодымъ поручикомъ въ іюньскомъ усмиреніи рабочихъ, потомъ въ крымской кампаніи и наконецъ въ войнѣ Сѣвера съ Югомъ въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и теперь бывшій готовымъ служить кому угодно, подъ условіемъ порученія ему главнаго командованія. Онъ безуспѣшно предлагалъ свои услуги и правительству національной обороны, и оппозиціи въ Ліонѣ и Марсели, считая себя крупнымъ стратегомъ. Подобно другимъ начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, онъ держалъ себя совершенно независимо отъ коммуны, оказавшись, однако, неспособнымъ водворить дисциплину среди своихъ подчиненныхъ, и несомнѣнная личная храбрость не искупала въ немъ отсутствіе пониманія положенія и распорядительности. Его въ концѣ концовъ отставили и даже посадили въ тюрьму по обвиненію въ измѣнѣ, въ сущности неосновательному. Версальцы между тѣмъ начали бомбардировать Парижъ, какъ пруссаки нѣсколькими мѣсяцами раньше. Во главѣ регулярной арміи былъ поставленъ маршалъ Макъ-Магонъ, распоряжавшійся уже весьма значительною силою, въ которой искусственно раздувалась ненависть къ „сброду мерзавцевъ, стремящихся на развалинахъ несчастнаго отечества дать восторжествовать лѣности, разврату, грабежу и убійству". Только-что вернувшіеся изъ плѣна солдаты были озлоблены противъ Парижа, что вотъ-де ихъ опять заставляютъ переживать всѣ тягости войны. Послѣ захвата версальцами форта Исси,—за что Клюзере и поплатился тюрьмою,—коммуна организовала „комитетъ общественнаго спасенія", совсѣмъ какъ въ 1793 г., съ самыми широкими полномочіями. Въ это время во главѣ военнаго дѣла мы видимъ уже новое лицо—Росселя, бѣжавшаго изъ нѣмецкаго плѣна инженернаго офицера. Онъ примкнулъ къ возстанію 18 марта, приписавъ ему въ своемъ пониманіи чисто національный характеръ, т.-е. думая, что это — возобновленіе войны съ нѣмцами. Человѣкъ способный, но крайне надменный, онъ, какъ и его предшественникъ, полагалъ, что армія должна быть лишь слѣпо повинующимся орудіемъ, чѣмъ вооружилъ противъ себя національную гвардію. Въ комитетѣ общественнаго спасенія онъ тоже встрѣтился съ непріязнью: здѣсь боялись военной диктатуры и приписывали Росселю честолюбивые замыслы. Дѣло доходило до того,

[1]) Существуютъ „Мемуары" *Cluzeret* въ трехъ томахъ.

что Россель однажды имѣлъ намѣреніе разстрѣлять враждебныхъ ему делегатовъ центральнаго комитета, кончивъ, впрочемъ, лишь напечатаніемъ въ газетахъ мотивированнаго отказа отъ должности, бывшаго цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ коммуны, противъ комитета общественнаго спасенія, центральнаго комитета и т. п. Разгнѣванная коммуна приказала арестовать Росселя, но онъ бѣжалъ, хотя только для того, чтобы попастѣся въ руки версальцевъ и быть потомъ приговореннымъ военнымъ судомъ къ смертной казни. Въ преемники ему коммуна назначила Делеклюза, стараго якобинца безъ всякихъ военныхъ знаній. Онъ докончилъ дезорганизаціею защиты Парижа, пришедши къ тому выводу, что „милитаризма довольно", „не нужно никакого главнаго штаба", „мѣсто самому народу", чѣмъ распылилъ защиту, превративъ ее въ чисто партизанскую войну. Впрочемъ, ему пришлось дѣйствовать въ послѣдніе десять дней существованія коммуны. Въ качествѣ талантливыхъ военныхъ прославились только два поляка: Домбровскій и Врублевскій, офицеры, принимавшіе участіе въ возстаніи 1863 г.

Въ другихъ вѣдомствахъ коммуна тоже иногда была неособенно счастлива по отношенію къ выбору начальниковъ. Отдѣльныя отрасли управленія были поручены особымъ делегатамъ, и многіе вели дѣла очень хорошо, но все зависѣло отъ личности начальника, потому что каждое вѣдомство сдѣлалось при коммунѣ фактически независимымъ отъ какой бы то ни было высшей власти, объединяющей и направляющей, и это немало также вредило дѣлу. Префектура полиціи была ввѣрена Риго, который то и дѣло запрещалъ газеты, производилъ обыски и аресты, открывалъ заговоры, не обращая ни малѣйшаго вниманія на увѣщанія своихъ товарищей, въ концѣ концовъ, однако, заставившихъ его промѣнять постъ начальника полиціи на должность прокурора коммуны, въ каковой онъ потомъ усиленно подражалъ дѣятелямъ первой революціи (Шометту). Прото, бывшій, такъ сказать, министромъ юстиціи при коммунѣ, жаловался, что Риго часто вторгается въ область его компетенціи, но и самъ онъ очень мало церемонился съ индивидуальною свободою. Если въ нѣкоторыхъ отрасляхъ управленія были вполнѣ достойные люди, добросовѣстные, работящіе и умѣлые, то они были потеряны для дѣятельности самой коммуны. Въ хорошихъ рукахъ были почта, монетный дворъ, городскіе сборы (octrois), интендантство и т. п., равно какъ народное образованіе (Вальянъ), „трудъ и обмѣнъ" (Франкель), общественныя службы и продовольствіе (при Віарѣ) и финансы (Журдъ). Вопросъ о финансахъ, конечно, былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ для самаго существованія коммуны, и въ лицѣ своего „министра финансовъ", бывшаго прежде бухгалтеромъ, Журда, она имѣла недюжинную личность,

съумѣвшую прекрасно вести свое дѣло [1]). Несмотря на то, что черезъ его руки проходили цѣлые милліоны франковъ, онъ ограничивался ради экономіи, которую соблюдалъ во всемъ, столь скуднымъ жалованьемъ, что его жена сама занималась стиркою домашняго бѣлья, а малолѣтній сынъ учился въ школѣ для бѣдныхъ. Коммуна отказалась отъ захвата французскаго банка, потому что это могло бы повредить его кредиту, обезцѣнить его билеты и произвести такой кризисъ, что противъ Парижа вооружился бы весь свѣтъ, а самъ Парижъ—противъ коммуны, какъ доказывалъ делегатъ коммуны въ банкѣ. Коммунѣ ежедневно нужны были громадныя суммы денегъ для прокорма массы безработныхъ и уплаты жалованья національной гвардіи, а также на военные расходы. Когда Журдъ израсходовалъ всѣ суммы, какія нашелъ въ кассахъ государства и города, онъ сталъ получать отъ директоровъ банка ежедневно по 400 т. франковъ, поручивъ самому банку принимать въ свои кассы городскія поступленія.—Былъ у коммуны еще одинъ видный дѣятель въ лицѣ Паскаля Груссе, въ вѣдѣніи котораго находились внѣшнія сношенія. Всѣ его усилія вступить въ сношенія съ дворами и дипломатами иностранныхъ державъ не привели ни къ чему, потому что на его заявленія не получалось никакихъ отвѣтовъ. Иностранныя державы, какъ, собственно говоря, и слѣдовало ожидать, признавали правительство Тьера, а коммуну просто игнорировали. Сношенія Груссе съ провинціей также налаживались плохо: у него не было для этого ни правильныхъ органовъ, ни средствъ, да и слишкомъ большое недовѣріе царило въ провинціи къ Парижу.

Сочувствіе парижской коммунѣ въ провинціальныхъ городахъ было лишь небольшимъ рядомъ исключеній: мѣста, гдѣ происходило сочувственное Парижу движеніе, всѣ наперечетъ. Первымъ привѣтствовалъ коммуну Ліонъ, который самъ за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ нѣсколько дней былъ во власти рабочихъ [2]). 21 марта онъ провозгласилъ коммуну и у себя, но 24 числа она была уже подавлена, и вожди ея спаслись бѣгствомъ въ Швейцарію. Повтореніе попытки въ апрѣлѣ было тоже неудачнымъ. Въ Крезо и Сентъ-Этьенѣ войска равнымъ образомъ быстро справились съ аналогичнымъ движеніемъ. Сильное движеніе было и въ Тулузѣ. Здѣсь была провозглашена коммуна, но ея противникамъ удалось не допустить дальнѣйшаго развитія инсуррекціи. Нарбонна также возстала (23 марта); тутъ явилась даже мысль о привлеченіи къ возстанію сосѣднихъ городовъ, но черезъ недѣлю коммунѣ и въ этомъ городѣ пришелъ конецъ (2 апр.). Наконецъ, въ

---

[1]) *Fr. Jourde.* Souvenirs d'un membre de la commune (1877).

[2]) T. V, стр. 104—109.

то же время (23 марта) произошло коммунальное движеніе и въ Марсели, но 5 апрѣля и сюда вошли правительственныя войска, въ одинъ день съ паденіемъ пролетаріата Лиможа, возставшаго только наканунѣ. Остальные города Франціи и въ особенности деревни оставались спокойными. Объясняя причины равнодушія Франціи къ Парижу, нѣкоторые полагаютъ, что, между прочимъ, тутъ дѣйствовало и такое обстоятельство: во главѣ парижскаго движенія не было громкихъ именъ, извѣстныхъ всей странѣ, въ родѣ Виктора Гюго, Луи Блана, Гарибальди и т. п. Въ Тулузѣ противники коммуны прямо съумѣли отвлечь многихъ отъ движенія указаніемъ на то, что Греви и Луи Бланъ не на сторонѣ Парижа. Разрозненное коммунальное движеніе въ провинціи 5 апрѣля вездѣ уже было подавлено [1]), но коммуна въ самомъ Парижѣ держалась еще полтора мѣсяца.

Но дѣла въ ней шли все хуже и хуже. Здѣсь ссорились между собою и отдѣльные вожди, и цѣлыя группы, комитеты. Единства управленія не было. Делегаты постоянно превышали свою власть, подчиненные не повиновались своимъ начальникамъ. По внѣшности все обстояло какъ бы вполнѣ благополучно: въ городѣ царствовалъ порядокъ; подозрительные люди посылались работать на фортификаціяхъ, а въ разныхъ мѣстахъ, на площадяхъ и на улицахъ, красовалась надпись: „смерть ворамъ“! Были приняты также мѣры противъ публичнаго пьянства и разврата, противъ азартныхъ игръ. Скоро, однако, послѣдовала ужасная развязка.

Съ каждымъ днемъ, съ самаго 18 марта, только шире и глубже становилась пропасть между враждующими сторонами, между Парижемъ и Версалемъ. Въ попыткахъ примирить обѣ стороны недостатка не было. Роль примирителей брали на себя радикальные депутаты Клемансо, Флоке, Локруа, которые даже сложили съ себя свои депутатскія полномочія, чтобы быть болѣе самостоятельными, независимыми и свободными въ своемъ предпріятіи. Бралъ на себя такую же задачу и старый фурьеристъ Викторъ Консидеранъ [2]). Хлопотали объ устройствѣ примиренія и цѣлыя общественныя организаціи и группы, какъ „національный союзъ синдикальныхъ палатъ“, „республиканскій союзъ правъ Парижа“, группа республиканскаго согласія, масонскія ложи и т. п. Общій тонъ ихъ заявленій и воззваній заключался въ проповѣди уступчивости съ обѣихъ сторонъ: прежде всего

---

[1]) Въ концѣ апрѣля муниципальные выборы дали въ большихъ городахъ самые благопріятные для республики результаты, и новые муниципалитеты собирались созвать въ Бордо въ первой половинѣ мая конгрессъ, который долженъ былъ вмѣшаться въ борьбу Парижа и Версаля, но правительство его запретило.

[2]) О немъ см. т. V, стр. 291.

національное собраніе должно было провозгласить республику и широкое муниципальное самоопредѣленіе и самоуправленіе Парижа, а коммуна должна была въ надеждѣ удовлетворенія главныхъ ея желаній отъ неважныхъ отказаться и, прекративъ сопротивленіе, спокойно ждать результатовъ работы собранія [1]). Ни та, ни другая стороны, однако, не шли на какія бы то ни было уступки. Только одинъ разъ, за мѣсяцъ до паденія коммуны, удалось достигнуть перемирія на нѣсколько часовъ, главнымъ образомъ, для жителей городка Нейльи, которые страшно страдали отъ бомбардировки и потому должны были удалиться со своихъ насиженныхъ мѣстъ. Въ собраніи господствовали монархисты, а среди республиканцевъ даже такія лица, какъ Луи Бланъ, Эдгаръ Кине [2]), будущая знаменитость Бриссонъ и др. не шли на встрѣчу желаніямъ примирителей. Съ другой стороны, власть и вліяніе въ коммунѣ все болѣе и болѣе переходили къ самымъ крайнимъ элементамъ, въ родѣ Феликса Піа, потому что болѣе умѣренные и сдержанные постепенно покидали коммуну, какъ это случилось, напр., съ Ранкомъ, старымъ непримиримымъ борцомъ противъ имперіи, обвинявшимся дважды въ покушеніяхъ на Наполеона III, неоднократно сидѣвшимъ въ тюрьмахъ, бывшимъ въ ссылкѣ, а послѣ паденія имперіи ставшимъ однимъ изъ членовъ правительства національной обороны. Сдѣлавшись членомъ коммуны, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы удерживать ея главарей и защитниковъ отъ излишествъ (хотя, замѣтимъ кстати, впослѣдствіи это не спасло его отъ приговора къ смертной казни, отъ которой онъ спасся только бѣгствомъ). Разстрѣлъ коммунарами въ самомъ началѣ двухъ генераловъ,—хорошенько неизвѣстно по чьей иниціативѣ и при какихъ обстоятельствахъ [3]),—сильно повредилъ Парижу, потому что въ Версали за это убійство требовали мщенія, репрессалій. Когда начались военныя дѣйствія, версальцы стали разстрѣливать тѣхъ изъ попадавшихъ въ плѣнъ инсургентовъ, въ которыхъ узнавали или только подозрѣвали дезертировъ, а не то, вообще не разбирая лицъ и насьональ-гардовъ. Извѣстіе объ этомъ со стороны коммуны вызвало декретъ 5 апрѣля о заложникахъ: всякое лицо, уличенное въ сообщничествѣ съ версальскимъ правительствомъ (военноплѣнные тоже), подлежало взятію подъ стражу и суду присяжныхъ, обвинительный вердиктъ которыхъ дѣлалъ задержаннаго заложникомъ парижскаго народа, и каждая казнь, совершенная версальцами, должна была вызывать казнь трой-

[1]) Такова же была точка зрѣнія республиканскихъ муниципалитетовъ, о которыхъ сказано въ прим. 1 на предыдущей страницѣ.

[2]) Историкъ, публицистъ и политическій дѣятель, о которомъ см. т. V, стр. 327, 618 и 886.

[3]) См. выше, стр. 141.

ного числа заложниковъ по жребію между ними. Такими заложниками сразу же были сдѣланы, въ количествѣ человѣкъ сорока, большею частію духовныя лица [1]), между ними парижскій архіепископъ Дарбуа и много іезуитовъ, внѣ этой категоріи одинъ судья, одинъ финансистъ и т. п. Тьеру было сначала предложено обмѣнять нѣкоторыхъ изъ этихъ заложниковъ на Бланки, арестованнаго 19 марта внѣ Парижа; самъ архіепископъ по этому случаю около трехъ разъ писалъ Тьеру, и въ дѣло даже негласно вмѣшивались папскій нунцій и американскій посланникъ, но Тьеръ въ согласіи со всѣми министрами отказалъ, потому „что вступить въ соглашеніе съ бунтовщиками значило бы признать ихъ воюющею стороною". Дарбуа и другіе заложники такимъ образомъ остались въ плѣну у коммуны. Когда коммуна организовала свой комитетъ общественнаго спасенія, нѣкоторые ея дѣятели прямо говорили о необходимости „имѣть мужество, когда надо, рубить головы измѣнникамъ", т.-е. уже слышались отголоски стараго революціоннаго террора. 16 мая, для ознаменованія разрыва съ прошлымъ, коммуна велѣла разрушить на Вандомской площади побѣдную колонну со статуей Наполеона I, какъ „памятникъ варварства" и „символъ грубой силы и ложной славы".

Наступило 21 мая. Это былъ воскресный день, и въ тюйльерійскомъ саду давался грандіозный концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ, оставленныхъ безъ средствъ борцами за коммуну, когда измѣна открыла версальцамъ входъ въ Парижъ. Въ центрѣ города сначала ничего не знали объ этомъ, но скоро убѣдились, что правительственное войско заняло уже часть Парижа. Это и было началомъ „майской кровавой недѣли", въ теченіе которой шла безпрерывная битва на улицахъ столицы Франціи между двумя ожесточенными до послѣдней степени другъ противъ друга арміями. Коммунары теперь отступали, съ яростью защищаясь, строя баррикады и зажигая для задержки наступленія версальцевъ великолѣпныя общественныя зданія и частные дома, загоравшіеся, впрочемъ, и отъ бомбъ версальцевъ. (Многіе думаютъ еще, что нѣкоторыя помѣщенія правительственныхъ учрежденій были подожжены вѣрными слугами имперіи, желавшими истребить компрометтирующіе ее документы). Сгорѣли Тюйльерійскій дворецъ, ратуша и т. п. [2]) Офицеры

---

[1]) Объ отношеніи коммуны къ католической церкви см. *A. Debidour.* L'église catholique et l'état sous la troisième république (1906), I, 32 и слѣд. Направленіе коммуны было, конечно, антиклерикальнымъ, но вожди ея „не были ни преслѣдователями, ни фанатиками", а нѣкоторые изъ нихъ были искренними католиками и даже не скрывали этого. Въ дѣлѣ кроваваго подавленія коммуны не послѣднюю роль играли религіозныя страсти (стр. 49).

[2]) Les horreurs de la commune ne précédèrent pas ces égorgements, mais, au contraire, les suivirent et en furent la conséquence. *A. Debidour.* L'église

и солдаты обнаруживали звѣрскую жестокость, разстрѣливая военноплѣнныхъ, причемъ отъ этой судьбы не спасали ни возрастъ ни полъ защитниковъ Парижа: разстрѣливались женщины [1]), разстрѣливались дѣти. Съ своей стороны, отдѣльные члены совѣта коммуны, теперь распавшагося, распорядились, чтобы были разстрѣляны заложники и въ ихъ числѣ архіепископъ Дарбуа. Въ битвѣ пали многіе видные дѣятели коммуны, какъ-то Делеклюзъ, Домбровскій и др. Окончился разгромъ Парижа, въ отдѣльные кварталы котораго правительственное войско вступило только послѣ отчаянной защиты парижанъ на баррикадахъ, около полудня 28 мая, тоже въ воскресенье. Объявлено было осадное положеніе, и столица Франціи отдана была всецѣло въ распоряженіе военной власти.

Точныхъ цифръ убитыхъ въ Парижѣ въ майскую недѣлю нѣтъ, но нѣкоторое понятіе о ней даютъ показаніе Макъ-Магона о 14 тысячахъ, цифра въ 17 т. разрѣшеній для погребенія на городскихъ кладбищахъ и т. п., но многіе были зарыты на мѣстахъ разстрѣловъ, по дорогѣ изъ Парижа въ Версаль, куда вели плѣнниковъ и—разстрѣливали. Такихъ разстрѣловъ безъ суда и послѣ подавленія возстанія было немало. Особенною кровожадностью своею въ умерщвленій безоружныхъ стяжалъ недобрую славу генералъ Галлифе. Было взято въ плѣнъ и арестовано въ ближайшіе два мѣсяца, по меньшей мѣрѣ, сорокъ пять тысячъ человѣкъ, среди которыхъ были сотни женщинъ и дѣтей. Съ августа началась и военно-судебная расправа съ приговорами къ смертной казни, къ каторгѣ, къ ссылкѣ въ Новую Каледонію, къ тюрьмѣ. Риго былъ разстрѣлянъ безъ суда, Россель по суду, Журдъ сосланъ въ Новую Каледонію. Смертныхъ приговоровъ было вынесено болѣе двухсотъ, общее число приговоренныхъ къ наказаніямъ около 13 тысячъ [2]). Масса коммунаровъ спаслась бѣгствомъ за границу, но и тутъ правительство хотѣло ихъ преслѣдовать на основаніи законовъ о выдачѣ преступниковъ [3]). Большая часть иностранныхъ правительствъ, однако, отказались удовлетворить желаніе побѣдителей. Особенно исполненъ достоинства былъ отвѣтъ тогдашняго англійскаго премьера, Гладстона. На колебавшееся бельгійское

---

et l'état en France sous la troisième république (1906), I, 45. Авторъ доказываетъ это сопоставленіемъ датъ („les dates sont ici précieuses à retenir avec précision").

[1]) Среди защитницъ Парижа особенно прославилась Луиза Мишель, спасшаяся, впрочемъ, отъ расправы версальцевъ и только приговоренная къ ссылкѣ.

[2]) Въ ссылку пошли Паскаль Груссе, Журдъ, Рошфоръ, Луиза Мишель и др.

[3]) Спаслись бѣгствомъ Ранкъ, Феликсъ Піа, Валлесъ, Клюзере и др.

правительство, повидимому, подѣйствовало общественное мнѣніе и громкій протестъ Виктора Гюго.

Для ожесточенія, съ которымъ побѣдители 1871 г. преслѣдовали побѣжденныхъ, разные писатели приводили разныя объясненія. Позднѣйшіе защитники коммуны видѣли въ проявленіяхъ безпощадной жестокости побѣдителей, главнымъ образомъ, удовлетвореніе чувства мести со стороны имущихъ классовъ за соціалистическія стремленія коммуны, ничѣмъ не сдерживаемый разгулъ именно классовой мстительности, которая не останавливалась даже передъ вступленіемъ въ заговоръ съ непріятелями-нѣмцами, лишь бы доканать ненавистную коммуну [1]). Другое объясненіе даютъ историки, хотя и осудившіе варварскую репрессію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не одобрившіе и коммуну. „Когда,—говоритъ новѣйшій историкъ „современной Франціи“,—когда часть націи возстаетъ противъ самой націи и притомъ въ присутствіи иностранцевъ, неслыханная ярость овладѣваетъ всѣмъ общественнымъ тѣломъ. Оно боится погибнуть. Оно отбивается отъ угрожающей ему опасности. Оно наноситъ удары отдѣляющимся отъ него частямъ. Оно наноситъ удары самому себѣ и въ своемъ ослѣпленіи покрываетъ себя ранами. И гнѣву его нескоро приходитъ конецъ“ [2]).

О парижской коммунѣ создалось немало легендъ, одна изъ которыхъ упорно смѣшиваетъ „коммуну“ съ „коммунизмомъ“, и поэтому не дѣлаетъ различія между терминами „коммуналисты“, „коммунары“ и „коммунисты“, всѣ же коммунары были бездѣльники, не хотѣвшіе работать, грабители и разбойники [3]). Конечно, среди коммунаровъ были и такъ называемые подонки общества, преступные элементы, но оффиціальный отчетъ о коммунѣ, вышедшій въ свѣтъ въ 1875 г., среди

---

[1]) Ср. у *Маркса*, въ „Гражданской войнѣ во Франціи“, о „плантаторскомъ заговорѣ покорить Парижъ помощью занятія его прусскими войсками“ (стр. 40 женев. изд. 1893 г.) или „заговорѣ господствующаго класса съ цѣлью подавленія революціи помощью гражданской войны подъ покровительствомъ чужеземнаго завоевателя“ (стр. 52) и т. п.

[2]) *G. Hanotaux*. Histoire de la France contemporaine (1904), т. I, стр. 213. Авторъ изображаетъ всѣ ужасы усмиренія коммуны, утверждая, что Парижъ потерялъ 80 т. своихъ гражданъ. „Послѣ героизма и страданій осады Парижъ не заслуживалъ столь жестокой судьбы“, говоритъ онъ при этомъ.

[3]) Вотъ образчики отзывовъ о коммунѣ: „Das Ziel dieser Kommune war der Kommunismus“. *G. Egelhaaf*. Geschichte der neuesten Zeit (1908), стр. 70. „Der dortige Pöbel hatte während der letzten Monate seine Macht und die Ohnmacht der Regierung kennen gelernt und im Grunde bei... reichlichem Phrasen- und Alkoholgenuss ziemlich gute Tage gehabt (это во время осады-то!). Jetzt sollte die regelmässige Arbeit, das Miete- und Steuerzahlen wieder beginnen“ и т. д. *O. Jäger*. Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts (1904), II, 109. Такіе отзывы только показываютъ, насколько поверхностно судили ихъ авторы о коммунѣ.

45 т. арестованныхъ и 13 т. осужденныхъ отмѣтилъ лишь менѣе двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ съ прежнею судимостью. Впрочемъ, подобные элементы всегда пристаютъ къ народнымъ движеніямъ, принося имъ, конечно, только вредъ.

Не такъ просто рѣшается вопросъ объ отношеніи коммуны къ соціалистическому движенію (къ „коммунизму"), о чемъ говорятъ и противники, и сторонники соціализма. Въ коммунѣ участвовали не одни соціалисты, откуда возможность, представившаяся разнымъ историкамъ по-своему понимать, въ чемъ же заключалась истинная сущность коммуны. Сами соціалистическіе писатели, стремящіеся связать коммуну съ соціализмомъ, должны признавать, что дѣло здѣсь не въ одномъ соціализмѣ. „Разнообразныя толкованія, говоритъ Марксъ, которымъ подверглась коммуна, разнообразные интересы, которые она выражала собою, доказываютъ, что она была весьма растяжимою государственною формою, тогда какъ всѣ прежнія формы страдали узостью". По мнѣнію Маркса, „тайна коммуны заключается въ томъ, что она по самому существу своему была правительствомъ рабочаго сословія, результатомъ борьбы между сословіемъ производителей и сословіемъ присвоителей, давно искомой политической формой, подъ которой могло бы совершиться экономическое освобожденіе труда. Внѣ этого послѣдняго условія, продолжаетъ онъ, коммунальное устройство немыслимо, внѣ его оно пустой призракъ. Политическое господство производителей не можетъ существовать рядомъ съ вѣковѣчнымъ соціальнымъ рабствомъ ихъ. Поэтому коммуна должна была служить рычагомъ для ниспроверженія экономическихъ основъ, на которыхъ зиждется кастовое устройство, а слѣдовательно, и кастовое государство" [1]).—„Это, говоритъ еще Марксъ, была первая революція, въ которой рабочій классъ былъ открыто признанъ единственнымъ классомъ, способнымъ къ общественной иниціативѣ, признанъ массою парижскаго третьяго сословія—мелкими торговцами, ремесленниками, купцами, всѣми ими, за исключеніемъ однихъ богатыхъ капиталистовъ" [2]). Марксъ считаетъ „великою соціальною реформою коммуны" уже одно „устройство ея самой, какъ воплощенія идеи рабочаго сословія", отмѣчая при этомъ, что „единичныя мѣры, предпринимавшіяся ею, могли только обозначить направленіе, которому естественно слѣдуетъ правительство народа посредствомъ самого народа" [3]). Такимъ образомъ, Марксъ въ своихъ сужденіяхъ о коммунѣ особенно напираетъ на то, что она была правительствомъ рабочихъ и что, какъ таковое, она могла дѣй-

[1]) *Карлъ Марксъ.* Гражданская война во Франціи, стр. 30 (по женев. изд. 1893 г.).

[2]) Тамъ же, стр. 32.

[3]) Тамъ же, стр. 36.

ствовать только въ извѣстномъ направленіи, и, оцѣнивая ее съ этой точки зрѣнія, онъ гораздо больше говоритъ о томъ, чѣмъ она должна была быть по своей идеѣ, понятой такъ, какъ ее понимаетъ самъ Марксъ, и что̀ ею могло бы быть сдѣлано, нежели о томъ, чѣмъ, въ сущности, была на самомъ дѣлѣ ея исторія. Коммуна была опытомъ диктатуры пролетаріата, какъ это прямо заявляетъ Энгельсъ въ предисловіи къ „Гражданской войнѣ во Франціи“ Маркса, изъ которой только что приведено нами нѣсколько строкъ. Марксъ и Энгельсъ вообще видятъ въ коммунѣ болѣе прообразъ будущаго соціальнаго строя, чѣмъ возрожденіе какихъ-либо прежнихъ порядковъ и идей [1]), но самъ же Марксъ долженъ былъ признать, что коммуна не была только однимъ этимъ. „Во всякой революціи, писалъ онъ еще, бокъ-о-бокъ съ ея истинными представителями [2]) выдвигаются люди другого чекана. Это или герои прошлыхъ революцій, сросшіеся съ ними, не понимающіе смысла настоящаго движенія, но пользующіеся большимъ вліяніемъ на народъ по своему гражданскому мужеству и личному характеру или просто по традиціи; или же пустые крикуны, повторяющіе изъ году въ годъ однѣ и тѣ же стереотипныя нападки на существующее правительство и снискивающіе себѣ этимъ славу революціонеровъ высшей пробы. Такіе люди, прибавляетъ Марксъ, всплыли наружу и послѣ 18 марта; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они играли даже первенствующую роль и, насколько это отъ нихъ зависѣло, тормазили, какъ прежде, развитіе всякой революціи“ [3]).

То, что Марксъ принимаетъ за постороннюю примѣсь къ сути дѣла, заключающейся въ соціализмѣ, другіе историки, наоборотъ, готовы выдвинуть на первый планъ. Самый основательный и авторитетный историкъ третьей республики во Франціи, Ганото, главными группами, принимавшими участіе въ коммунѣ, признаетъ бланкистовъ, которые не были „ни коммунистами, ни сепаратистами, ни соціалистами“, потомъ якобинцевъ, наконецъ, соціалистовъ разныхъ толковъ, среди которыхъ особую роль играли сторонники Интернаціонала [4]), и вотъ, говоритъ онъ, эти элементы, сначала разрозненные и даже недовѣрчивые одни къ другимъ, объединяются борьбою, не заботясь о „теоріи ихъ общаго дѣйствія. Мало-по-малу, однако, бо́льшая часть, съ болѣе или менѣе яснымъ разумѣніемъ, съ болѣе ими менѣе пылкимъ убѣжденіемъ, присоединилась къ идеѣ, которая нѣкоторымъ образомъ вырабатывалась по мѣрѣ хода событій и которая сдѣлалась

---

[1]) Тамъ же, стр. 28—29.

[2]) Для Маркса истинными представителями были только члены Интернаціонала.

[3]) Тамъ же, стр. 38.

[4]) Ганото полагаетъ, что послѣднихъ было 70—80 тысячъ.

программой возстанія и лозунгомъ для потомства" (le mot d'ordre posthume). Эту идею Ганото опредѣляетъ словомъ „коммунализмъ", видя въ ней не что иное, какъ выводъ изъ политической теоріи Руссо, бывшей въ сущности лишь „швейцарскимъ пониманіемъ политической организаціи общества", „исходящей изъ общины и приводящей къ федераціи". Коммуна прибавила, впрочемъ, къ этой основной идеѣ другую—идею соціальной революціи: Франція должна была превратиться въ подобіе Швейцаріи, но „Швейцаріи соціализованной". Историкъ при этомъ оговаривается еще, что такая идея явилась довольно поздно и получила болѣе опредѣленную формулировку только впослѣдствіи, когда у изгнанниковъ коммуны было довольно досуга для того, чтобы изложить свою доктрину; во время самой коммуны это было скорѣе инстинктивное стремленіе, нежели ясная мысль. Въ народной массѣ все происходило еще болѣе стихійно, и для нея теоріи вождей, вслѣдствіе своей абстрактности и сложности, были даже очень мало и понятны [1]).

О сложности, разнородности составныхъ элементовъ движенія и противорѣчивости главныхъ его теченій говоритъ и Дюбрейль, авторъ новѣйшей исторіи парижской коммуны, входящей въ большую жоресовскую „Histoire socialiste" [2]). Онъ вездѣ подчеркиваетъ, что „коммуна при своемъ возникновеніи явилась движеніемъ поразительно спутаннымъ и смутнымъ", и что „ея бурное теченіе было прорѣзано различными и сложными потоками", вслѣдствіе чего она и „даетъ возможность охарактеризовать себя очень различно и иной разъ очень противорѣчиво". Правда, самъ Дюбрейль выдвигаетъ на первый планъ то, что коммуна „была пролетарской, слѣдовательно, соціалистической, потому что,—аргументируетъ онъ,—пролетаріатъ, разъ двинувшись, можетъ дѣйствовать и бороться только ради соціалистической цѣли", и что поэтому, она „была первымъ генеральнымъ сраженіемъ труда съ капиталомъ", но въ то же самое время онъ называетъ ея республиканизмъ лишь „безсознательнымъ соціализмомъ". По всей книгѣ Дюбрейля разбросаны обобщающія замѣчанія о томъ, что въ парижскомъ пролетаріатѣ отсутствовало ясное самосознаніе и не было практической подготовки, въ формѣ профессіональныхъ и кооперативныхъ

---

[1]) *G. Hanotaux.* Histoire de la France contemporaine (1904), т. I, стр. 158 и слѣд. Любопытно, что *Hanotaux*, дѣля членовъ правительства коммуны на людей дѣла, якобинцевъ, и на теоретиковъ, соціалистовъ, считаетъ послѣднихъ относительно умѣренными (стр. 185). Якобинцы все старались подражать дѣятелямъ первой революціи (стр. 186, 187, 190 и др.).

[2]) Составляетъ XII томъ этой коллекціи и вышла въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ *(Н. С. Тютчева)* въ 1908 г. Ср. библіографическое указаніе выше, на стр. 134.

учрежденій, откуда имъ и объясняется неудача движенія. „Пролетаріатъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, былъ еще недостаточно образованъ и сформированъ, еще черезчуръ былъ во власти невѣжества и безсознательности... и только-что начиналъ кое-гдѣ создавать изъ своей среды автономные организмы". — „Сами рабочіе, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, въ массѣ съ трудомъ способны были усвоить самую возможность функціонированія общества на иныхъ началахъ, чѣмъ традиціонныя". Неразъ Дюбрейль указываетъ еще, что въ заявленіяхъ и распоряженіяхъ коммуны было очень мало соціалистическаго. Проявись въ дѣйствіяхъ коммиссіи труда и обмѣна, дѣйствительно, соціалистическая идея, она, не нашедши поддержки въ мало развитомъ пролетаріатѣ, только бросила бы, ко вреду для всего движенія, мелкую буржуазію въ объятія реакціи. Поэтому, „въ сущности, коммуна не оставила ничего такого, что̀ давало бы невѣждѣ или доктринеру сказать: коммуна была соціалистическая, доказательствомъ служитъ такой-то декретъ, такія-то соображенія, такія-то утвержденія, въ которыхъ я нахожу обычныя формулы и афоризмы соціализма".

Какъ въ свое время, терроръ 1793 г., а полстолѣтія спустя красное знамя 1848 г. вызвали рѣзкую реакцію и въ такихъ общественныхъ кругахъ, которые были либеральны и прогрессивны и даже раздѣляли идеи, родственныя требованіямъ, ихъ испугавшимъ, такъ и коммуна 1871 г. немало содѣйствовала развитію реакціоннаго настроенія противъ демократіи и соціализма не только во Франціи, но и въ остальной Европѣ. Пресса всѣхъ странъ,—и не одни лишь консервативные, но въ большинствѣ и прогрессивные органы,—осудила коммуну, хотя только одна часть прессы одобрила и расправу французскаго правительства съ коммунарами: въ излишествахъ, жестокостяхъ и сумасбродныхъ дѣйствіяхъ участниковъ движенія видѣли, съ разными только оттѣнками въ освѣщеніи всего предмета, аргументы противъ извѣстныхъ политическихъ и соціальныхъ идей. Особенно все происшедшее ставилось въ вину Интернаціоналу, объ отношеніи котораго къ коммунѣ рѣчь будетъ идти еще дальше, но и вообще идеи свободы и равенства стали казаться заключающими въ себѣ большую опасность для общественнаго порядка и благополучія. И во Франціи реакція, съ которою республиканской партіи пришлось въ семидесятыхъ годахъ вести такую упорную борьбу [1]), много силы пріобрѣла вслѣдствіе не только пораженія коммуны, но и изъ самаго факта ея существованія, такъ какъ это движеніе многихъ напугало и отвратило отъ себя всѣмъ тѣмъ, что въ немъ было нездороваго, неразумнаго, а порою и преступнаго. Въ этомъ смыслѣ ссылки на коммуну часто стали

[1]) См. въ слѣд. главѣ.

употребляться въ видѣ аргументовъ противъ прогрессивныхъ реформъ. Реакція коснулась и самой республиканской партіи, вызвавъ въ особенно впечатлительныхъ и гибкихъ натурахъ извѣстное раздумье, которое не всегда было застраховано отъ поворотовъ политической мысли вправо и притомъ дальше, чѣмъ къ тому давалъ основаніе пережитый историческій опытъ. Быть можетъ, въ возникновеніи политическаго оппортунизма самой значительной фракціи республиканской партіи, принимавшаго видъ прямой измѣны принципамъ, не послѣднюю роль играла пережитая исторія коммуны.

Въ видѣ иллюстраціи вліянія коммуны на поправѣніе политической мысли достаточно указать на поворотъ, который подъ этимъ вліяніемъ совершился въ 1871 г. въ дѣятельности одного изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ писателей XIX в., Ипполита Тэна [1]).

Годы университетскаго ученія Тэна совпали съ эпохой второй республики, — онъ поступилъ въ Высшую нормальную школу въ 1848 г., — когда во Франціи, между прочимъ, совершалась реакція противъ царившей до того времени въ высшемъ преподаваніи эклектической философіи Кузена съ ея ненаучными элементами [2]), и въ гуманитарныя дисциплины проникалъ научный духъ, складывавшійся подъ вліяніемъ естественно-историческаго реализма и философскаго позитивизма, враждебныхъ всякому романтизму и метафизикѣ. Свое міросозерцаніе Тэнъ выразилъ въ вышедшей въ 1857 г. книгѣ „Французскіе философы XIX в.“, представляющей собою своего рода бунтъ противъ оффиціально-школьной философіи, а въ 1864 г. въ

---

[1]) О Тэнѣ существуетъ большая литература, въ которой отмѣтимъ: *A. de Margerie.* H. Taine (1894).—*E. Biré.* H. Taine (1894).—*G. Monod.* Maîtres de l'histoire (1894). — *Barzelotti.* I. Taine (1895; по-итал.). — *P. Lacombe.* Taine historien et philosophe.—*Giraud.* Essai sur Taine, son oeuvre et son influence (1901).—*A. Aulard.* Taine, historien de la révolution française (1907). Объ этой книгѣ см. мою статью въ „Рус. Бог.“ за 1908. Оларъ повторилъ свои главные выводы въ статьѣ, нарочно написанной для „Соврем. Міра“ (за 1908 г.), гдѣ разсказываетъ о нападкахъ, какимъ за эту книгу подвергся со стороны консервативной прессы. — Въ Россіи о Тэнѣ больше всего писалъ *проф. Герье,* рядъ статей котораго печатался въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1878 г. (кн. IV, V, IX и XII), за 1889 (кн. IX), за 1890 г. (кн. I и II), за 1894 г. (кн. IX, X, XI и XII) и 1895 г. (кн. VI и VII), и который, сверхъ того, посвятилъ Тэну большую статью въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона. Кромѣ того, по русски есть о Тэнѣ еще нѣсколько статей. Одна изъ нихъ была тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ перваго тома его „Революціи“ написана *П. Лавровымъ* (безъ подписи) въ журналѣ „Дѣло“. Кромѣ того, см. *К. Арсеньевъ.* Новый историкъ современной Франціи. И. Тэнъ („Вѣстн. Евр.“ за 1891 г., янв. и февр.). — *Его же.* И. Тэнъ (тамъ же за 1893 г., апрѣль).—*Ив. Ивановъ.* Тэнъ („Рус. Бог.“ за 1901 г.).—*Э. Гриммъ.* Политическія воззрѣнія Тэна (1908).

[2]) Ср. т. IV, стр. 256—257.

„Англійскомъ позитивизмѣ“ онъ высказалъ сочувствіе англійской школѣ, нашедшей выраженіе въ знаменитой „Логикѣ“ Джона Стюарта Милля [1]). Около этого же времени Тэнъ познакомился съ позитивизмомъ Конта и такъ имъ увлекся, что рекомендовалъ его изученіе каждому, любящему философію и науку. Это тоже шло въ разрѣзъ съ традиціями высшей школы во Франціи, еще, такъ сказать, подмороженными второй имперіей. Свои новаторскіе, необычные для оффиціальной науки взгляды Тэнъ изложилъ въ диссертаціи объ ощущеніяхъ, которая не была пропущена словеснымъ факультетомъ Сорбонны; ему пришлось написать другую на болѣе безобидную тему—о басняхъ Лафонтена. Возможность занять каѳедру, однако, для Тэна оставалась закрытою, и онъ занялся литературной дѣятельностью, мало-по-малу доставившею ему большую извѣстность, а вмѣстѣ съ нею и вліяніе на молодежь, среди которой въ это время складывались сильныя теченія въ антиклерикальномъ и позитивистическомъ духѣ [2]). Въ эти годы Тэнъ занимался вопросами философіи и психологіи, литературы и искусства, какъ теоретически, такъ и исторически, стараясь вездѣ проводить строго научный методъ, какъ онъ самъ его понималъ. Въ 1870 г. онъ, уже очень извѣстный и вліятельный тогда писатель, издалъ свой большой общій трудъ по психологіи „De l'intelligence“ [3]), за которымъ долженъ былъ послѣдовать другой—о волѣ, но событія 1870—71 г. направили его дѣятельность совсѣмъ въ другую сторону.

Нужно еще замѣтить, что сначала, въ пятидесятыхъ годахъ, Тэнъ попробовалъ-было заняться среднимъ преподаваніемъ въ провинціи, но его вольномысліе сдѣлало продолженіе его дѣятельности въ средней школѣ, въ которой господствовали клерикальныя вліянія, совершенно немыслимымъ. Только въ 1863 г. удалось ему возвратиться къ преподаванію; да и то не въ Сорбоннѣ, куда его не могли допустить, а въ Школѣ изящныхъ искусствъ. Занимаясь своими любимыми науками, касающимися психической природы человѣка и ея проявленій въ исторіи духовной культуры, Тэнъ очень мало интересовался другою стороною жизни, тою, которая составляетъ предметъ наукъ политическихъ, юридическихъ и экономическихъ, вообще вопросами соціологіи. Если за нимъ и упрочилась репутація „либерала“ и оппозиціонно настроеннаго ученаго, то это имѣло отношеніе къ его философскому вольномыслію, а не къ политической его неблагонамѣренности. Впрочемъ, при Наполеонѣ III довольно было и этого, чтобы попасть въ категорію подозрительныхъ людей. Натура Тэна—глубоко аполитическая, и даже событія 1848 г., когда ему было всего двадцать

[1]) Т. V, стр. 866.

[2]) Ср. ниже, въ гл. VI.

[3]) Рус. пер. *Н. Страхова* называется „Объ умѣ и познаніи“.

лѣтъ, не бросили его въ круговоротъ политической жизни. Послѣ декабрьскаго переворота 1851 г. онъ, однако, тогда преподаватель въ одномъ изъ провинціальныхъ лицеевъ, имѣлъ гражданское мужество отказаться отъ потребованнаго у него, вмѣстѣ съ другими, письменнаго одобренія этому перевороту [1]). Ко второй имперіи у Тэна было всегда отрицательное отношеніе, главнымъ образомъ, за ея связь съ клерикализмомъ, этимъ исконнымъ врагомъ всякой духовной свободы. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что Тэнъ уже тогда не былъ, въ сущности, демократомъ, хотя столь же несомнѣнно, что только коммуна бросила его въ ряды людей, у которыхъ подъ ея вліяніемъ, образовалось особенно реакціонное направленіе.

Во время коммуны Тэнъ, жившій въ дни осады Парижа въ провинціи, читалъ свои лекціи въ Школѣ изящныхъ искусствъ, пріѣзжая въ нее еженедѣльно изъ Орсэ, гдѣ у него была дача. Тогдашняя переписка Тэна свидѣтельствуетъ о томъ, что̀ коммуна сразу нашла въ немъ непримиримаго врага. Съ тѣмъ, что дѣлалось въ Парижѣ, онъ ознакомлялся только по консервативнымъ газетамъ и самъ не скупился на рѣзкіе о ней отзывы и даже на прямую брань, но онъ все-таки ѣздилъ въ Парижъ для чтенія лекцій и отмѣчалъ, что въ городѣ все спокойно. Конечно, онъ не могъ быть не удрученъ братоубійственной борьбою, какъ и внѣшнимъ униженіемъ Франціи, но къ этому прибавилось и крайнее озлобленіе къ демократіи. Коммуна именно превратила мирнаго вольнодумца въ „воинствующаго консерватора“ [2]), которому клерикалы потомъ простили многіе прежніе его грѣхи; она же отвлекла его отъ прежнихъ его психологическихъ темъ и сдѣлала историкомъ французской революціи, движенія по преимуществу политическаго и соціальнаго. Въ тотъ самый день, въ началѣ апрѣля 1871 г., когда ходъ событій сдѣлалъ невозможнымъ продолженіе его лекцій, онъ уже писалъ женѣ, что намѣренъ написать книгу о современной Франціи. Впослѣдствіи это намѣреніе сдѣлалось извѣстнымъ и публикѣ, какъ намѣреніе временно оставить свои прежнія темы для новой и дотолѣ чуждой области политики. Еще ранѣе въ интимной перепискѣ, Тэнъ скептически отзывался о возможности и пригодности республики во Франціи, теперь же, послѣ коммуны, онъ то и дѣло пророчилъ скорое паденіе республики вслѣдствіе ли новыхъ усобицъ или вслѣдствіе временнаго торжества демагоговъ, послѣ чего должны были побѣдить бонапартисты и была бы возстановлена имперія. Въ 1875 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ ка-

---

[1]) Позднѣе, когда плебисцитъ одобрилъ узурпацію, Тэнъ ему подчинился и присягнулъ новому властелину Франціи.

[2]) Выраженіе *A. Aulard'a*.

питальнаго труда Тэна „Происхожденіе современной Франціи“, труда, въ которомъ съ крупными достоинствами перемѣшаны крупные недостатки [1]), позволяющіе называть его въ извѣстномъ смыслѣ большимъ политическимъ памфлетомъ. Уже этотъ первый томъ, крайне отрицательно относящійся къ старому порядку и тѣмъ самымъ какъ бы оправдывавшій въ глазахъ читателя необходимость революціи, заключалъ въ себѣ указаніе на то, какъ будетъ изображена революція въ слѣдующемъ томѣ [2]). „Такимъ-то образомъ, писалъ онъ на заключительной страницѣ „Стараго порядка“; нѣсколько тысячъ говоруновъ спустили съ цѣпи нѣсколько милліоновъ дикарей, и политика кофеенъ имѣетъ своимъ истолкователемъ и исполнителемъ уличное сборище. Съ одной стороны, грубая сила поступаетъ на службу радикальнаго ученія, съ другой—радикальное ученіе отдаетъ себя на служеніе грубой силѣ. И вотъ, въ разложившейся Франціи оказываются на лицо только эти двѣ власти на развалинахъ всего остального“ [3]). Извѣстно, какъ отрицательно отнесся Тэнъ въ общемъ не только къ демократіи, но и къ философіи XVIII в., дѣйствіе которой онъ сравнивалъ съ дѣйствіемъ скверной водки на мозгъ душевно-больныхъ и которая притомъ не соотвѣтствовала его преклоненію предъ научнымъ духомъ. Особенно раздражало Тэна то, что нѣкоторыя теоретическія формулы, которымъ онъ лично придавалъ большое значеніе, служили въ рукахъ лицъ, какимъ онъ не могъ симпатизировать, для выводовъ, находившихъ въ немъ самомъ рѣзкое осужденіе. Преклоненіе передъ идеаломъ научности заставляло его обѣщать, что къ своей темѣ—изобразить происхожденіе новой Франціи изъ старой чрезъ революцію—онъ отнесется съ тѣмъ же объективизмомъ, съ какимъ натуралистъ изучаетъ превращенія насѣкомаго, но на дѣлѣ онъ не съумѣлъ удержаться на этой высотѣ и написалъ трудъ односторонній и пристрастный, сильно вооруживший противъ Тэна передовые круги общества и, наоборотъ, встрѣченный привѣтствіями консерваторовъ и реакціонеровъ, примирившій ихъ съ Тэномъ. Когда вышелъ въ 1878 г. второй томъ его „Origines“, посвященный революціи, и въ то же время поставлена была кандидатура Тэна во Французскую академію при другомъ кандидатѣ, въ лицѣ республиканскаго историка Франціи Анри Мартена, то вопросъ объ его избраніи, пока оно не состоялось, страшно волновалъ раздѣлившееся общественное мнѣніе страны, чему не мало способствовали газеты, придавшія академическимъ выборамъ значеніе политическаго вопроса. Многіе готовы были видѣть въ Тэнѣ чуть не

---

[1]) См. т. III, стр. 8, 559, 594 и др.

[2]) Тэнъ предполагалъ посвятить революціи одинъ томъ, но эта часть труда разрослась въ цѣлыхъ три тома.

[3]) Цитирую по рус. пер. въ изд. 1880 г., стр. 519.

явнаго бонапартиста, пока выходъ въ свѣтъ въ 1887 г. пятаго тома его труда не показалъ, что къ наполеоновскому режиму Тэнъ отнесся столь же отрицательно, какъ и къ революціи. Между тѣмъ, книга Тэна на долгое время задала тонъ сужденіямъ о французской революціи и въ этомъ отношеніи съиграла такую же роль, какая въ концѣ XVII в. была съиграна „Размышленіями" Бёрка [1]): не даромъ и самъ Тэнъ находился подъ довольно сильнымъ вліяніемъ этого англійскаго критика революціи. Не будь коммуны и вообще событій 1870—71 г., Тэнъ, по всей вѣроятности, не взялся бы за несвойственную всѣмъ его вкусамъ политическую тему, а если бы и взялся, то написалъ бы не такую книгу. Съ Тэномъ, несомнѣнно, произошла въ 1871 г. крупная перемѣна, которую нужно брать въ связи съ другими аналогичными перемѣнами. Поколѣніе, дѣйствовавшее въ шестидесятыхъ годахъ, вѣрило больше всего въ науку и въ прочную, хотя и медленную побѣду истины, но событія шли слишкомъ въ разрѣзъ съ этою вѣрою, такъ что многіе усумнились въ правильности прежнихъ своихъ вѣрованій. Изъ писательскаго лагеря стали раздаваться голоса противъ всеобщаго избирательнаго права, которое, наприм., такой писатель, какъ Флоберъ, не постѣснился назвать „позоромъ (la honte) человѣческаго рода". „О банкротствѣ науки" заговорили во Франціи, правда, много позже [2]), но банкротство демократическихъ принциповъ объявлялось не подлежащимъ никакому сомнѣнію; такіе люди, какъ Ренанъ, какъ Тэнъ, какъ Флоберъ и другіе, стали полагать единственное средство спасенія Франціи въ установленіи политическаго руководства среднихъ классовъ: народъ невѣжественъ и грубъ, нельзя поэтому вручать ему интересы отечества и цивилизаціи, доказательствомъ чего для нихъ служила исторія коммуны.

Говоря о томъ вліяніи, какое эпизодъ парижской коммуны 1871 г. оказалъ на исторію эпохи, нельзя, наконецъ, не остановиться еще на значеніи этого эпизода въ исторіи соціализма вообще и Международнаго общества рабочихъ въ частности.

Прежде, однако, скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи Интернаціонала къ войнѣ 1870—71 г. Едва только въ воздухѣ лѣтомъ 1870 г. запахло порохомъ, вожди Интернаціонала во Франціи поспѣшили обратиться къ рабочимъ всѣхъ странъ съ манифестомъ, въ которомъ назвали войну безразсудствомъ и преступленіемъ, могущимъ только содѣйствовать усиленію деспотизма въ обѣихъ странахъ. Въ Германіи среди приверженцевъ Интернаціонала произошло раздѣленіе: въ то время, какъ одни приглашали „германскихъ рабочихъ, какъ

[1]) Т. IV, стр. 449—451.

[2]) См. ниже, въ главѣ XXIV.

нѣмцевъ", дать французамъ отпоръ, другіе, наоборотъ, проводили въ сознаніе рабочихъ ту точку зрѣнія, что пролетаріату нѣтъ никакого дѣла до этой войны. 23 іюля генеральный совѣтъ въ Лондонѣ выпустилъ прокламацію, признававшую войну со стороны Германіи строго оборонительною, но указывавшую вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что если война будетъ направлена противъ самой французской націи, то для нѣмецкихъ рабочихъ одинаково гибельныя послѣдствія будутъ и въ случаѣ побѣды, и въ случаѣ пораженія Германіи. Какъ среди нѣмецкихъ рабочихъ, такъ и среди ихъ вождей въ рейхстагѣ тогдашняго Сѣверо-германскаго союза произошло раздѣленіе: будущіе вожди соціалъ-демократіи, Бебель и Либкнехтъ, не приняли участія въ вотированіи военнаго займа, но другіе (Швейцеръ и Газенклеверъ) подали свои голоса за заемъ изъ опасенія, что побѣда Наполеона III будетъ гибельна для дѣла французскаго пролетаріата, для свободы всей Европы и для самого объединенія Германіи. Въ другихъ странахъ, особенно въ Бельгіи, члены Интернаціонала рѣзко протестовали противъ начавшейся войны. Послѣ седанской катастрофы брауншвейгскій комитетъ въ Германіи издалъ написанное Марксомъ воззваніе къ нѣмецкимъ рабочимъ противъ превращенія войны въ завоевательную, за что члены этого комитета и многіе другіе сторонники Маркса, отчасти распространявшіе воззваніе, отчасти заранѣе протестовавшіе противъ отторженія отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи [1]), были арестованы и разсажены по тюрьмамъ, послѣ чего подверглись еще и разнымъ судебнымъ приговорамъ „за принадлежность къ союзу, имѣющему противныя законамъ цѣли". Въ то самое время, какъ лондонскій генеральный совѣтъ рекомендовалъ добиваться заключенія почетнаго для французской республики мира, изъ швейцарской фракціи Интернаціонала, стоявшей въ оппозиціи къ генеральному совѣту, вышло другое воззваніе, говорившее о необходимости ополчиться на защиту Франціи, „которая теперь сдѣлалась оплотомъ свободы во всей Европѣ" противъ милитаризма, деспотизма и реакціи, воплощенныхъ въ Пруссіи. Швейцарскія власти конфисковали это воззваніе, какъ нарушавшее нейтралитетъ страны, но оно, конечно, попало во Францію и распространялось тамъ газетами и въ формѣ уличныхъ плакатовъ. Такимъ образомъ, не только по другимъ вопросамъ, но и по вопросу о войнѣ въ Интернаціоналѣ происходилъ серьезный расколъ. Приверженцы лондонской точки зрѣнія старались всячески отмежеваться отъ „буржуазной" республики 4 сентября и порицали авторовъ швейцарскаго воззванія за то, что они буржуазіи оказываютъ поддержку. По-

[1]) Противъ присоединенія къ Германіи этихъ провинцій высказался и генеральный совѣтъ Интернаціонала.

слѣдняя была, нужно замѣтить, не на словахъ только. Наприм., Бакунинъ даже поѣхалъ во Францію, но конечно, не для содѣйствія правительству 4 сентября: онъ появился-было въ Ліонѣ для организаціи революціи и вынужденъ былъ оттуда бѣжать въ Женеву, когда въ захваченную имъ и его сторонниками мэрію явилась національная гвардія [1]). Вообще во время войны Бакунинъ необычайно развилъ свою революціонную агитацію, стоя на той точкѣ зрѣнія, что нужно спасать Францію (въ Ліонѣ былъ основанъ особый „центральный комитетъ для спасенія Франціи"), и одновременно съ этимъ приступить къ фактической отмѣнѣ въ ней государства. Послѣ неудачи въ Ліонѣ и подобной же неудачи въ Марсели онъ временно занялся литературной дѣятельностью, плодомъ которой была его изданная въ 1871 г. въ Женевѣ „Кнуто-германская имперія и соціальная революція", но едва только вспыхнуло въ Парижѣ возстаніе 18 марта 1871 г., какъ Бакунинъ опять обратился къ практической агитаціи, имѣвшей цѣлью организовать въ провинціяхъ защиту коммуны. Онъ былъ горячимъ приверженцемъ коммуны, выдвигая въ ней на первый планъ ея антигосударственный характеръ, который отличалъ въ его глазахъ стремленія соціалистовъ-революціонеровъ, желающихъ уничтожить государство, отъ стремленій соціалистовъ-коммунистовъ, организующихъ силы пролетаріата для захвата государственной власти [2]). Эту защиту коммуны онъ велъ параллельно съ обвиненіемъ вождей Интернаціонала въ томъ, что они воспользовались войною для укрѣпленія своей власти путемъ уничтоженія конгрессовъ союза и для устраненія всякой оппозиціи въ его средѣ. Маркса и его сторонниковъ онъ рѣзко обвинялъ въ тщеславіи, властолюбіи и интриганствѣ. Къ Марксу онъ давно уже, какъ мы знаемъ, стоялъ во враждебныхъ отношеніяхъ: война 1870—71 г. и коммуна только создали новый матеріалъ для взаимныхъ между ними неудовольствій [3]). Какъ-разъ весною и лѣтомъ 1870 г. среди секціи Интернаціонала въ романской Швейцаріи уже шла отчаянная борьба между двумя его направленіями, и Бакунинъ былъ даже исключенъ со своими приверженцами изъ старой романской секціи.

Какую же, спросимъ теперь, роль игралъ Интернаціоналъ въ исторіи коммуны. Мы уже отмѣтили, что все, что происходило въ Парижѣ съ самаго возникновенія агитаціи, приведшей къ коммунѣ, до полнаго разгрома послѣдней, общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ странъ

---

[1]) Марксъ впослѣдствіи иронизировалъ по поводу этого эпизода.

[2]) Послѣ подавленія коммуны Бакунинъ лѣтомъ 1871 г. написалъ „Парижскую коммуну и понятіе о государствѣ", увидѣвшую свѣтъ въ печати лишь послѣ его смерти.

[3]) См. выше, стр. 75—77.

ставилось въ вину Интернаціоналу: самыя и преслѣдованія, которымъ онъ подвергался, мотивировались между прочимъ, его первенствующею ролью въ событіяхъ коммуны. Историческая литература объ Интернаціоналѣ и о коммунѣ не подтверждаетъ этого взгляда, и это особенно важно, тѣмъ болѣе, что иниціатива и руководящая роль Интернаціонала отрицаются такими писателями, которые относятся съ одинаковымъ сочувствіемъ и къ Международному обществу рабочихъ, и къ парижскому возстанію 18 марта. При всей пристрастности такихъ писателей, какъ Іеккъ или Дюбрейль, въ данномъ вопросѣ они совершенно объективны, потому что основываются на положительныхъ фактахъ, говорящихъ, что не Интернаціоналъ создалъ и организовалъ коммуну, и что, когда она создалась, онъ ни въ какомъ случаѣ не игралъ въ ней первенствующей и руководящей роли [1]). Генеральный совѣтъ еще въ началѣ сентября 1870 г. писалъ въ своемъ воззваніи, что „малѣйшая попытка низверженія существующаго правительства во время такого страшнаго кризиса, какой обрушился на Францію, было бы отчаяннымъ безразсудствомъ“, и что французскимъ рабочимъ приходится „исполнять свои гражданскія обязанности“, хотя и рекомендовалось вмѣстѣ съ тѣмъ использовать республиканскій строй, водворившійся во Франціи, въ своихъ классовыхъ цѣляхъ. Въ согласіи съ этою директивою и держали себя парижскіе члены Интернаціонала. Несомнѣнно, однако, что они въ то же время всегда стремились къ тому, чтобы оказывать вліяніе на дѣйствія какъ первоначальнаго центральнаго комитета, такъ и самой коммуны, все въ большемъ количествѣ

---

[1]) Говоря объ образованіи, еще во время осады Парижа нѣмцами, центральнаго комитета 20 округовъ, историкъ Интернаціонала *Іеккъ* отмѣчаетъ, что „рабочіе, особенно же члены Интернаціонала почти совсѣмъ не были представлены въ немъ“... „Уже перечень именъ лицъ, стоявшихъ на первомъ планѣ, говоритъ онъ еще, показываетъ, что участіе Интернаціонала во всѣхъ этихъ мятежахъ было крайне незначительно“ (стр. 127 рус. пер.). Члены Интернаціонала, находившіеся въ числѣ избранныхъ и неутвержденныхъ мэровъ, „ни разу не фигурировали со своими подписями подъ мятежными воззваніями“... „Интернаціоналъ имѣлъ рѣшительныхъ противниковъ среди коммунаровъ“, и „члены Интернаціонала всегда составляли меньшинство въ коммунѣ“ (стр. 128)... „Изъ безчисленныхъ фактовъ, читаемъ мы еще у *Іекка*, изъ болѣе или менѣе оффиціальныхъ манифестацій явствуетъ, что члены Интернаціонала еще до провозглашенія коммуны организовались въ особую партію, что они не отожествляли себя съ коммуной, и что коммуна смотрѣла на нихъ, какъ на партію, которая хотя и поддерживаетъ ее, но, въ сущности, стоитъ внѣ ея“ (стр. 135). Въ семидесятыхъ годахъ была большая увѣренность въ тѣснѣйшей связи Интернаціонала съ коммуной, хотя и тогда многіе факты говорили противъ общераспространеннаго мнѣнія. Ср. *Э. Ватсонъ*, стр. 4, 14 и др. Лица, убѣжденныя въ томъ, что Интернаціоналъ игралъ первую роль, ссылались на его будто бы „значительныя денежныя средства“, по поводу чего ср. выше 50.

проникая въ составъ ея вожаковъ. До самаго конца коммуны парижская секція Интернаціонала продолжала оставаться совершенно независимою отъ коммуны организаціей. Въ ней былъ свой самостоятельный федеральный совѣтъ парижскихъ секцій, сносившійся съ коммуною, какъ самостоятельное учрежденіе, хотя въ общемъ и солидарное съ нею. Лондонскій генеральный совѣтъ тоже поддерживалъ коммуну въ ея борьбѣ съ версальцами и указывалъ, что мѣсто каждаго французскаго члена Интернаціонала на сторонѣ Парижа, защищающаго свободу. Только къ концу коммуны сколько-нибудь значительнымъ сдѣлалось, среди ея заправилъ, число членовъ Интернаціонала, но все-таки они не составляли большинства и далеко не всегда пользовались вліяніемъ [1]). Послѣ паденія коммуны въ Парижѣ произошли собранія членовъ Интернаціонала, на которыхъ послѣдніе слагали съ себя отвѣтственность за поджоги [2]), но это не спасло Интернаціоналъ отъ изданія во Франціи запрещавшаго его закона, который сдѣлалъ совершенно невозможнымъ дальнѣйшее его существованіе въ этой странѣ въ прежней формѣ.

Коммуна вообще создала своего рода переломъ въ исторіи самого Интернаціонала. Хотя онъ въ своихъ заявленіяхъ, какъ мы видѣли, все болѣе и болѣе становился на точку зрѣнія политической борьбы, на дѣлѣ эта точка зрѣнія имѣла чисто теоретическій характеръ, практически же въ дѣятельности Интернаціонала на первомъ планѣ стояла борьба экономическая. Уже конституціонныя измѣненія 1867 г. въ

---

[1]) „Члены Интернаціонала въ Парижѣ отнюдь не одобряли дѣятельности комитета общественнаго спасенія... Насколько можно прослѣдить личную дѣятельность членовъ Интернаціонала, они не позволяли себѣ ни одного насильственнаго дѣйствія, хотя положеніе вещей оправдывало всякія насилія. Несмотря на такое поведеніе своихъ членовъ, Интернаціоналъ, не колеблясь ни минуты, объявилъ свою солидарность съ коммуной". *Іекъ*, стр. 150.

[2]) Марксъ въ своей „Гражданской войнѣ во Франціи", написанной вслѣдъ за разгромомъ коммуны, такъ опредѣлялъ отношеніе Интернаціонала къ коммунѣ: „европейскія правительства завопили на весь міръ, что главная причина этого страшнаго бѣдствія является Международная ассоціація рабочихъ, т.-е. международная контръ-организація труда противъ всемірнаго заговора капитала... Полицейскаго цвѣта уму буржуа Международная ассоціація рабочихъ представляется чѣмъ-то въ родѣ тайнаго заговора, центральное управленіе котораго время отъ времени производитъ въ разныхъ странахъ возстанія. Но на дѣлѣ наша ассоціація представляетъ собою только международный союзъ, соединяющій въ себѣ наиболѣе развитыхъ рабочихъ всѣхъ странъ цивилизованнаго міра. Гдѣ бы ни было, подъ какимъ бы видомъ и при какихъ обстоятельствахъ ни проявлялась сословная борьба, совершенно понятно, что члены нашей ассоціаціи всегда будутъ стоять впереди" (стр. 54—55 женев. изд. 1893 г.). Въ заключеніе Марксъ назвалъ „Парижъ рабочихъ съ его коммуной" „славнымъ предвѣстникомъ новаго міра".

Англіи и въ Германіи, какъ мы знаемъ, открывали въ обѣихъ странахъ для рабочихъ возможность политической борьбы [1]), и въ томъ же направленіи должно было оказать свое вліяніе превращеніе Франціи, въ 1870 г., въ республику. Все это не могло не отразиться на общей позиціи Интернаціонала, хотя, съ другой стороны, самыя условія политической борьбы въ разныхъ странахъ были далеко не одинаковыми, и тутъ уже нельзя было устанавливать тѣхъ общихъ директивъ, какія были мыслимы въ вопросахъ борьбы капитала и труда. Это было одно, что̀ вносило своего рода дифференціацію въ компактную массу Интернаціонала; другимъ было — обостреніе національной вражды, благодаря войнѣ, благодаря страху передъ нѣмцами, но въ томъ же направленіи дѣйствовали и до войны еще начавшіяся пренія въ Интернаціоналѣ между представителями отдѣльныхъ націй. Бакунинъ не могъ бы увлечь за собою своихъ романскихъ приверженцевъ, если бы въ самой психологіи не расъ, конечно, а данныхъ общественныхъ настроеній отдѣльныхъ націй не было условій для возникновенія схизмы. Разгромъ Франціи и возвеличеніе Германіи со всѣми ихъ политическими и экономическими послѣдствіями тоже создавали новыя условія для существованія Интернаціонала. Уже въ самомъ началѣ французскихъ пораженій Марксъ предсказывалъ, что отнынѣ на континентѣ центромъ рабочаго движенія будетъ Германія, а не Франція, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ опасеніе относительно усиленія политическаго консерватизма и международной роли Россіи. Въ Англіи, на которую онъ прежде возлагалъ всѣ свои надежды, онъ теперь вполнѣ разочаровался, такъ какъ тамошніе рабочіе оказались недостаточно настроенными въ пользу политической борьбы и революціи. Коммуна, съ другой стороны, обнаружила слабость рабочихъ во Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ послужила поводомъ для усиленія репрессивныхъ мѣръ противъ Интернаціонала, начавшихся еще до войны: вѣдь только революція 4 сентября сократила сроки тюремнаго заключенія для многихъ французскихъ членовъ Интернаціонала, подвергшихся полицейскимъ и судебнымъ преслѣдованіямъ [2]). Отсюда и начинается новый періодъ въ исторіи Интернаціонала, періодъ его умиранія.

Далеко не всѣ коммунары были разстрѣляны или сосланы, но многимъ и даже очень многимъ удалось бѣжать, притомъ не безъ помощи Интернаціонала. Одинъ потокъ эмиграціи направился въ Лондонъ, другой—въ Женеву, двѣ столицы Интернаціонала. Съ этими бѣглецами, жившими на чужбинѣ впроголодь, безъ настоящаго дѣла, въ своего рода моральной тѣснотѣ, случилось то, что̀ обыкновенно про-

---

[1]) См. выше, стр. 24 и 34.

[2]) См. выше, стр. 54 и 58.

исходитъ въ подобныхъ условіяхъ: теоретическія разногласія превратились въ партійные перекоры, которые въ свою очередь приняли характеръ чисто личныхъ и кружковыхъ дрязгъ. Въ Женевѣ для этого и почва была достаточно подготовлена происходившими въ ней уже раньше несогласіями мѣстныхъ членовъ Интернаціонала. Въ Лондонѣ вспыхнула настоящая ссора между генеральнымъ совѣтомъ и французской секціей, поводъ для которой восходитъ еще къ 1868 г. Въ этомъ году на публичномъ митингѣ французскихъ членовъ въ Лондонѣ будущій членъ коммуны Феликсъ Піа предложилъ приговорить Наполеона III къ смерти, но генеральный совѣтъ тогда же заявилъ, что Піа не состоитъ членомъ Интернаціонала. Это обидѣло французскую секцію въ Лондонѣ, и она ушла изъ Интернаціонала, заявивъ протестъ противъ него, какъ чисто антиреволюціоннаго союза. Послѣ пораженія коммуны изъ ея бѣглецовъ генеральный совѣтъ набралъ новую французскую секцію въ Лондонѣ, которая, однако, очень скоро измѣнила генеральному совѣту, а рядомъ съ нею образовалась еще другая секція, не принятая съ самаго начала въ составъ Интернаціонала генеральнымъ совѣтомъ, между прочимъ, за ея связи съ схизматическимъ женевскимъ союзомъ. Одновременно съ этимъ по разнымъ причинамъ стали отпадать отъ Интернаціонала отдѣльные дѣятели англійскаго трэдъ-юніонизма, между причимъ Оджеръ, подпись котораго, нужно замѣтить, стояла первою подъ документомъ 1864 г., такъ какъ онъ былъ предсѣдателемъ тогдашняго комитета. Мало того, отъ участія въ Интернаціоналѣ стали отказываться и цѣлые трэдъ-юніоны. Извѣстную роль въ этомъ уходѣ изъ международнаго общенія рабочихъ въ Англіи съиграло объявленіе Интернаціоналомъ своей солидарности съ коммуною, по поводу котораго въ газетахъ происходила сильная полемика [1]). Впрочемъ, однѣ организаціи отставали, другія, напротивъ, приставали, благодаря тому, что въ 1871 г. въ Англіи происходили стачки рабочихъ, находившія поддержку въ Интернаціоналѣ.

Яблокомъ раздоровъ послужилъ также вопросъ о созывѣ конгресса. Мы видѣли, что война сдѣлала невозможнымъ очередной конгрессъ 1870 г. [2]), да и условія, наступившія вслѣдъ за окончаніемъ войны, благодаря коммунѣ, были признаны генеральнымъ совѣтомъ крайне неблагопріятными. Реакція и репрессіи были въ полномъ разгарѣ, и созывать конгрессъ значило бы подводить многихъ подъ опасность

---

[1]) Взглядъ генеральнаго совѣта былъ опубликованъ въ брошюрѣ „Гражданская война во Франціи“, разосланной, между прочимъ, и наиболѣе виднымъ членамъ парламента. На нее страшно напали газеты, и нѣкоторыя требовали возбужденія противъ нея судебнаго преслѣдованія, послѣ чего Марксъ назвалъ себя, какъ ея автора.

[2]) См. выше, стр. 58.

преслѣдованій со стороны властей. Поэтому было рѣшено сначала ограничиться частной конференціей, какъ это было и въ 1865 г. [1]). Мы видѣли, однако, что оттяжка въ созывѣ конгресса послужила для Бакунина поводомъ обвинить Маркса и К° въ превышеніи власти [2]); это обвиненіе поддерживала и юрская федерація. Бакунинская агитація имѣла нѣкоторый успѣхъ и создала не мало затрудненій генеральному совѣту. На послѣдній велась аттака также со стороны вновь возникавшихъ эмигрантскихъ секцій, стремившихся къ тому, чтобы тоже имѣть своихъ представителей въ генеральномъ совѣтѣ, къ удовлетворенію чего совѣтъ не обнаруживалъ большой охоты. Все это сопровождалось страстной полемикой, взаимными обвиненіями сторонъ и даже взаимными оскорбленіями на словахъ. Лондонской конференціи пришлось напоминать членамъ Интернаціонала о принятыхъ уже раньше его организаціи задачахъ, обо всемъ его поведеніи, рекомендуя одинаково участіе и въ экономической и политической борьбѣ и предписывая отнюдь не пользоваться при этомъ тайными обществами [3]). Особенно указано было конференціей на необходимость основанія особой рабочей политической партіи, совершенно независимой отъ какихъ бы то ни было старыхъ партій, существующихъ среди имущихъ классовъ. Всѣ эти рѣшенія только подлили масла въ огонь. Отколовшаяся юрская федерація теперь окончательно организовалась и объявила открытую войну, а ея агитація нашла сочувственные отклики и во Франціи, и въ Бельгіи, и въ Италіи, и въ Испаніи. Въ послѣднихъ двухъ странахъ противъ Интернаціонала принимались суровыя мѣры, вплоть до насильственнаго подавленія всѣхъ проявленій союза. Члены испанскаго федеральнаго совѣта сочли себя вынужденными спастись бѣгствомъ въ Португалію, но одновременно съ этимъ и въ Испаніи, и въ Италіи создавались бакунинскія организаціи, которыя должны были составить новый Интернаціоналъ. Эти потери Интернаціонала въ романскихъ странахъ плохо возмѣщались нѣкоторыми успѣхами въ германскихъ, напр., въ Даніи.

Наконецъ, въ 1872 г. генеральный совѣтъ нашелъ возможнымъ собрать конгрессъ въ Гаагѣ, которому, въ сущности, предстояло рѣшить борьбу между двумя направленіями, во главѣ которыхъ стояли Марксъ и Бакунинъ. Юрская федерація сначала протестовала противъ выбора мѣста съѣзда, но потомъ рѣшила въ немъ участвовать, давъ

---

[1]) См. выше, стр. 49.

[2]) См. выше, стр. 163.

[3]) Въ это время Интернаціоналъ открыто обвинялся въ прикосновенности къ знаменитому „Нечаевскому дѣлу“ въ Россіи. Генеральный совѣтъ былъ уполномоченъ конференціей формально заявить, что съ заговоромъ Нечаева Интернаціоналъ не имѣетъ ничего общаго.

своимъ делегатамъ инструкцію—добиваться уничтоженія генеральнаго совѣта, голосовать вообще заодно съ испанцами, итальянцами и другими сторонниками антиавторитарнаго, федералистическаго направленія и, если бы восторжествовалъ генеральный совѣтъ, покинуть засѣданія. Гаагскій конгрессъ въ сентябрѣ 1872 г. былъ первымъ, въ которомъ Марксъ приниматъ личное участіе, и кромѣ того, конгрессъ этотъ оказался наиболѣе международнымъ сравнительно со всѣми бывшими до тѣхъ поръ [1]). Уже при повѣркѣ полномочій произошли сильныя пререканія между сторонниками обоихъ лагерей. Единодушіе проявилось только при восхваленіи революціи и коммуны, да при осужденіи реакціи и ея дѣятелей въ лицѣ Бисмарка и Бейста, равно какъ Жюля Фавра и даже Гладстона. Затѣмъ пошли разногласія. Марксъ прямо отстаивалъ необходимость расширенія полномочій центральнаго органа до права закрытія отдѣльныхъ секцій: у генеральнаго совѣта нѣтъ ни оружія, ни войска, ни полиціи, и авторитетъ его чисто моральный, говорилъ Марксъ, сторонники же его сравнивали совѣтъ съ генеральнымъ штабомъ, безъ котораго не можетъ обойтись такая большая армія, какъ Интернаціоналъ. Побѣда была на ихъ сторонѣ, но противники не ушли, какъ это имъ было предписано довѣрителями. Немедленно за этимъ другъ Маркса Энгельсъ предложилъ конгрессу перенести генеральный совѣтъ въ Нью-Іоркъ, по крайней мѣрѣ, на одинъ годъ. Это, бывшее для большинства совершенно неожиданнымъ, предложеніе тоже нашло съ его стороны согласіе, но слѣдующій конгрессъ рѣшено было созвать, конечно, въ Европѣ — въ Швейцаріи. Основной принципъ о необходимостя соединенія экономической и политической дѣятельности былъ также принятъ большинствомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ нѣмцевъ, французовъ и англичанъ. Оппоненты говорили о необходимости уничтоженія государства и приравнивали всякую политическую дѣятельность къ предосудительнымъ компромиссамъ между правительствами и парламентами, но имъ возражали, между прочимъ, ссылкою на то, что если бы французскіе рабочіе уже передъ 4 сентября составляли политическую партію, то дѣло во Франціи пошло бы иначе. Особенно бурныя сцены произошли тогда, когда коммиссія, занявшаяся вопросомъ о бакунинскомъ союзѣ, предложила исключить изъ Интернаціонала какъ самого иниціатора, такъ и его помощниковъ и вообще всѣхъ содѣйствовавшихъ этой дезорганизаціи Интернаціонала. Баллотировка дала для Бакунина и другихъ, названныхъ поименно лицъ, результатъ неблагопріятный: знаменитый

[1]) Представлены были нѣмцы, французы, бельгійцы, швейцарцы, голландцы, англичане, ирландцы, испанцы, венгерцы, поляки, американцы, австралійцы.

агитаторъ былъ изъ союза исключенъ, а съ нимъ и нѣкоторые его сторонники.

Въ удаленіи Бакунина и въ давно рѣшенномъ, въ сущности, перенесеніи генеральнаго совѣта въ Нью-Іоркъ руководители Интернаціонала видѣли средство спасенія отъ полнаго паденія. Въ самомъ генеральномъ совѣтѣ не было согласія, наприм,, и по вопросу о Бакунинѣ, и только послѣ санкціи, данной конгрессомъ его удаленію, Марксъ рѣшился опубликовать всѣ собранныя противъ Бакунина разоблаченія. Англійскіе члены генеральнаго совѣта казались вообще ненадежными Марксу: перенесеніе этого учрежденія въ Нью-Іоркъ было благовиднымъ способомъ раскассированія его состава. Правда, и самъ Марксъ, оставшійся жить въ Лондонѣ, долженъ былъ выйти изъ совѣта, но и въ этомъ была своя для Маркса выгода — показать, что дѣло не въ его личномъ властолюбіи. Какъ-никакъ, все-таки это былъ coup d'état, слѣдствій котораго не могъ предвидѣть и самъ его иниціаторъ. Въ числѣ слѣдствій оказался, наприм., упадокъ дѣятельности англійскаго федеральнаго совѣта Интернаціонала, привыкшаго быть въ постоянномъ общеніи съ центральнымъ органомъ ассоціаціи, хотя и въ этомъ совѣтѣ уже раньше обнаруживались тенденціи, на которыя Марксъ смотрѣлъ, какъ на двусмысленное заигрываніе съ непріятелемъ. Во всякомъ случаѣ недовольство среди англичанъ было сильное; со стороны нѣкоторыхъ дѣятелей Интернаціонала въ Англіи стали высказываться прямыя обвиненія такого рода, что на гаагскомъ конгрессѣ не все было чисто. Заходила даже рѣчь о томъ, чтобы предложить лондонскому федеральному совѣту исключеніе самого Маркса изъ Интернаціонала. Внутреннія дрязги лондонской секціи перешли въ печать, что̀ заставило и Маркса съ Энгельсомъ напасть на своихъ недруговъ. Coup d'état на гаагскомъ конгрессѣ рѣшительно откололъ отъ Интернаціонала всѣхъ бланкистовъ, обвинявшихъ генеральный совѣтъ въ трусливомъ бѣгствѣ въ Америку, чтобы увильнуть отъ своей обязанности дѣлать революцію въ Европѣ. Юрцы съ испанцами и итальянцами устроили свой конгрессъ (въ Сентъ-Имье), на которомъ осудили всѣ гаагскія постановленія и объявили основаніе „Новаго Интернаціонала“. Вслѣдъ за этимъ состоялся въ Кордовѣ испанскій конгрессъ, тоже отвергшій гаагскія постановленія и присоединившійся къ новой, „антиавторитарной“ организаціи. Произошло наконецъ, отпаденіе и бельгійской федераціи, не захотѣвшей признать, впрочемъ, и новый генеральный совѣтъ, созданный въ силу рѣшенія антиавторитаристовъ. Все это не могло не отозваться на англійскомъ отдѣлѣ Интернаціонала, часть котораго устроила въ Лондонѣ, въ началѣ 1873 г., съѣздъ для протеста противъ гаагскаго конгресса и прежняго генеральнаго совѣта.

Такой оборотъ дѣлъ былъ уже полнымъ расколомъ. Легальный генеральный совѣтъ объявилъ юрскую федерацію распущенною, испанскую, бельгійскую и часть англійской—исключенными, а итальянскую, которая тоже фигурировала въ числѣ протестующихъ, никогда не существовавшею. Вѣрными ассоціаціи, т.-е. признавшими гаагскія резолюціи и законность только того конгресса, который долженъ былъ собраться въ Швейцаріи, оставались, впрочемъ, члены большей части странъ, т.-е. Франціи, Германіи, Австро-Венгріи, Даніи, Голландіи, Португаліи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Сецессіонистамъ, желавшимъ создать новый союзъ, не только это не удалось, но не удалось и удержать единство отдѣльныхъ федерацій: отъ нихъ стали отпадать отдѣльныя секціи, которыя сами потомъ дробились на болѣе мелкія группы, стоявшія особнякомъ однѣ отъ другихъ.

Впрочемъ, единство и среди оставшихся вѣрными Интернаціоналу національныхъ федерацій оказалось очень непрочнымъ. Въ англійской, какъ мы видѣли, уже въ началѣ 1873 г. произошелъ расколъ, но все еще существовала и вѣрная старому Интернаціоналу секція, пока и она не заглохла, послѣ чего англійскій трэдъ-юніонизмъ вернулся къ своимъ старымъ традиціямъ [1]). Въ другихъ странахъ стали образовываться—и прежде всего въ Германіи [2])—свои мѣстныя, національныя рабочія партіи, унаслѣдовавшія отъ Интернаціонала идею политической дѣятельности въ формѣ партійной рабочей организаціи, рѣзко отграничивавшей себя отъ всѣхъ другихъ партій, какъ „буржуазныхъ“. Эту новую эволюцію можно было уже отмѣтить на женевскомъ конгрессѣ Интернаціонала въ 1873 г., отчетъ которому отъ имени генеральнаго совѣта попрежнему звучалъ бодро и утѣшалъ участниковъ тѣмъ, что союзу остались вѣрными наиболѣе прогрессивныя страны съ сильнымъ рабочимъ движеніемъ, позволявшимъ тамошней соціалъ-демократіи, не отказываясь отъ работы въ профессіональныхъ организаціяхъ, превращаться въ политическія партіи, тогда какъ въ отколовшихся странахъ рабочіе обрекли себя на политическое безсиліе. Въ этомъ обстоятельствѣ, въ сознанной рабочими разныхъ странъ и ихъ вождями необходимости борьбы при помощи національныхъ политическихъ партій, и заключалась причина того, что вслѣдъ за великимъ расколомъ 1872 г. произошло, кромѣ сектантскаго дробленія отколовшихся, и распаденіе „единой вселенской церкви соціализма“ на отдѣльныя національныя церкви, въ большей или меньшей чистотѣ сохранявшія общее ученіе. Въ 1876 г. Интернаціоналъ и формально призналъ себя упразднившимся.

---

[1]) См. объ этомъ ниже, въ гл. IX.

[2]) См. ниже, гл. VIII.

Международное общество рабочихъ, такимъ образомъ, просуществовало всего двѣнадцать лѣтъ (1864—1876), періодъ времени, который войною 1870—71 г. и коммуною дѣлится на двѣ неравныя части. Зародыши раскола были созданы еще отношеніями конца шестидесятыхъ годовъ, и тогда же стала намѣчаться будущая форма національныхъ рабочихъ партій подъ знаменемъ соціализма, тогда же какъ предприняты были и правительственныя гоненія на Интернаціоналъ. Послѣ коммуны все это обострилось, и процессъ разложенія пошелъ довольно быстро. Самоупраздненіе Интернаціонала въ 1876 г. было только похоронами того, что̀ уже раньше было трупомъ. Какіе были результаты его существованія? Онъ исчезъ, говорятъ одни (наприм., Сеньобосъ), не давъ рѣшительно никакихъ положительныхъ результатовъ: основанный для достиженія соціальныхъ преобразованій путемъ международнаго соглашенія, онъ только напугалъ правительства и общество, ставъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ опытомъ устройства международной партіи революціи. Это совершенно вѣрно, что попытка образованія международной партійной организаціи окончилась неудачей, т.-е. дала отрицательные результаты, но, съ другой стороны, черезъ большее или меньшее участіе въ Интернаціоналѣ прошли соціалистическіе кружки, организаціи и партіи отдѣльныхъ странъ и изъ этого общенія вынесли весьма многое для послѣдующаго развитія соціализма въ этихъ странахъ. Какъ единое цѣлое, Интернаціоналъ распался, но распался не безслѣдно, а на цѣлый, если можно такъ выразиться, рядъ національныхъ „Интернаціоналовъ“, беря послѣднее выраженіе для обозначенія не международности, а той идеи, которая составляла сущность Интернаціонала, когда онъ ставилъ задачу образованія независимыхъ рабочихъ партій для самостоятельнаго участія въ политической борьбѣ. Самое образованіе такихъ партій дѣлало единый и централизованный Интернаціоналъ даже невозможнымъ, хотя самостоятельность національнаго развитія въ соціализмѣ не устранила возможности и въ слѣдующемъ историческомъ періодѣ международныхъ съѣздовъ и безъ объединяющей ихъ организаціи.

Въ сущности, съ прекращеніемъ Интернаціонала не исчезли совсѣмъ попытки снова наладить какое-либо правильное общеніе между соціалистами разныхъ странъ. Ихъ было нѣсколько, большею частью неудачныхъ, и только въ 1889 г., во время всемірной выставки въ столѣтній юбилей французской революціи, въ день національнаго праздника 14 іюля въ память разрушенія Бастиліи, собрался въ Парижѣ „международный соціалистическій рабочій конгрессъ“, на которомъ были представлены рабочія организаціи двадцати государствъ. Такимъ образомъ между послѣднимъ женевскимъ конгрессомъ Интернаціонала въ 1873 году и первымъ международнымъ соціалистическимъ съѣз-

домъ ближайшаго времени протекло тринадцать лѣтъ бо̀льшаго или меньшаго отчужденія между собою соціалистовъ отдѣльныхъ странъ. Впрочемъ, объ этомъ періодѣ рѣчь будетъ еще впереди [1]).

VI. Борьба за утвержденіе республики во Франціи [2]).

Судьбы республиканской идеи во Франціи.—Причины неудачи первой и второй республикъ.—Дѣятельность республиканскихъ партій во Франціи при монархическихъ правительствахъ.—Возрожденіе республиканизма во Франціи передъ войною 1870—71 гг.—Объявленіе третьей республики 4 сентября 1870 г.—Главныя задачи республиканской партіи послѣ сентябрьскаго переворота — Составъ версальскаго національнаго собранія. — Общій характеръ его дѣятельности. — Правленіе Тьера и агитаціонная роль Гамбетты. — Правленіе монархическихъ партій и попытка монархической реставраціи —Септеннатъ и политика нравственнаго порядка.—Конституція 1875 г.—Составъ палаты депутатовъ и сената, выбранныхъ въ 1876 г.—Борьба президента съ республиканцами.—Конфликтъ 1877 г. — Переходъ власти къ республиканцамъ. — Общій характеръ третьей французской республики.

4 сентября 1871 г. Франція въ третій разъ становилась республикой, но на первыхъ порахъ эта третья республика казалась

---

[1]) См. ниже, въ главѣ XXIII.

[2]) Вкратцѣ исторія третьей республики была мною уже изложена въ „Политической исторіи Франціи въ XIX в." (1902; конецъ VI главы и глава VII); для настоящей главы, равно какъ для главы XVI, это изложеніе служитъ общей канвой. Общими обработками исторіи третьей республики во Франціи являются: *E. Zévort.* Histoire de la troisième république (1896 и слѣд.).—*G. Hanotaux.* Histoire de la France contemporaine. 1871—1900 (труда Ганото, выходящаго въ свѣтъ съ 1904 г., появилось пока три тома, въ которыхъ изложеніе доведено до 16 мая 1877 г.). Это самый освѣдомленный трудъ, о которомъ см. статью (по поводу III тома) *Э. Гримма* „Изъ исторіи первыхъ лѣтъ третьей французской республики" („Рус. Мысль" за 1907 г.). — *M. A. Leblond.* La société française sous la troisième république (1905). *Pierre de Coubertin.* L'évolution française sous la troisième republique.—*Bloch.* Le régime parlementaire en France sous la troisième rèpublique (1905) —На русскомъ языкѣ есть довольно полный очеркъ, это—книга *Инсарова* „Современная Франція. Исторія третьей республики". (1900).—Для болѣе поздняго періода, о которомъ у насъ идетъ рѣчь въ главѣ XVI, см. *Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ).* Очерки современной Франціи (1903).—Что касается до исторіи республиканской идеи и партіи во Франціи раньше установленія третьей республики, то кромѣ устарѣлаго соч. *Thureau-Dangin'a*, притомъ касающагося болѣе ранняго времени, новѣйшими трудами являются: *G. Weil.* Histoire du parti républicain en France avant 1870, книга, существующая и въ русскомъ переводѣ (1906).—*F. Buisson.* La politique radicale. Etude sur les doctrines du parti radical et radical socialiste (1908).—*J. Tchernoff.* Histoire du parti républicain sous le gouvernement de juillet (1902). — *Его же.* Associations et sociétés secrètes sous la deuxième république (1905).—*Его же.* Le parti républicain sous l'ancien régime (1906).—

крайне непрочной [1]), тѣмъ болѣе, что до самаго 1875 г. Франція оставалась государствомъ безъ конституціи. Сама эта конституція была принята лишь при такихъ обстоятельствахъ, когда сдѣлалась совершенно очевидною невозможность во Франціи той монархической реставраціи, о которой хлопотали, съ самаго 1871 г., консервативные элементы французскаго общества. Зато, съ другой стороны, въ этотъ третій разъ республиканская форма во Франціи оказалась болѣе прочной, чѣмъ не только въ первый и во второй разы, но и по сравненію съ конституціонной монархіей Бурбоновъ и Орлеановъ (1814 — 1848) и съ имперіей Наполеона III (1852 — 1870).

Республиканская идея имѣетъ во Франціи длинную исторію, качественно распадающуюся на періоды торжества и безсилія. Возникновеніе ея относится къ эпохѣ великой французской революціи и притомъ не къ первому ея періоду, когда сдѣлана была попытка превращенія Франціи въ конституціонную монархію, а уже послѣ того, какъ старая династія показала націи, что между нею, династіей, и свободной конституціей не можетъ быть ничего общаго [2]), хотя, съ другой стороны, еще до крушенія, въ 1792 г., монархической конституціи 1791 г. во Франціи большою популярностью пользовалась—республиканская по самому существу своему—идея народовластія, да и самая конституція 1791 г., какъ извѣстно, лишь по формѣ была монархическою, по существу же республиканской [3]). На дѣлѣ Франція въ эпоху крушенія стараго порядка и перехода въ новую форму политическаго и соціальнаго бытія была страною глубоко монархическою, и лишь ошибки, чтобы не сказать преступленія, представи-

---

См. также *Жикá*. Либеральная партія во Франціи, ея принципъ и развитіе („Слово“ за 1878 г.). Кромѣ того, существуетъ обширная литература объ отдѣльныхъ эпизодахъ, дѣятеляхъ и т. п., указываемая ниже въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Здѣсь отмѣтимъ только соч., касающіяся начала установленія третьей республики: *Littré*. De l'établissement de la troisième république.—*M. Marcère*. L'assemblée nationale de 1871 (1907).—*Pelletan*. Le 4 septembre devant l'enquête (1874).—*Andreoli*. Le gouvernement du 4 septembre (1871).—*S. Denis*. Histoire contemporaine: La chute de l'empire: le gouvernement de la défense nationale, l'assemblée nationale (1897—1903).—*Э. Реклю*. Современные политическіе дѣятели (1876).

[1]) Отраженіе этой неопредѣленности политическаго положенія Франціи въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ мы видимъ,—напр., въ русской литературѣ,—въ статьѣ *проф. Герье* „Республика или монархія установится во Франціи?“, помѣщенной въ т. III „Сборника государственныхъ знаній“ подъ ред. *В. И. Безобразова* (1875 г).

[2]) Т. III, гл. 38. Въ настоящее время лучшій трудъ для исторіи возникновенія республиканской идеи во Франціи, несомнѣнно, „Политическая исторія французской революціи“ *Олара*.

[3]) Т. III, стр. 533.

телей старой власти толкнули націю на путь республиканскаго развитія. Первая республика во Франціи была созданіемъ исключительныхъ обстоятельствъ, переживавшихся страною, противъ которой начали войну другія державы и которой измѣняло, въ союзѣ съ внѣшними врагами, ея собственное правительство. Можно даже сказать, что это была республика безъ республиканцевъ [1]). Представители прежнихъ привилегированныхъ сословій были врагами революціи, приведшей къ республикѣ, и отожествляли свое дѣло съ дѣломъ монархіи, которая, главнымъ образомъ, и погубила-то себя союзомъ своимъ не только съ внѣшними врагами, но и съ защитниками стараго порядка. Въ буржуазіи, наиболѣе выигравшей отъ революціи, равнымъ образомъ очень были сильны монархическія традиціи, а главнымъ было то, что когда республика стала принимать слишкомъ демократическій характеръ, въ буржуазіи стала усиливаться роялистическая реакція, противъ которой самое существованіе республики приходилось отстаивать уже прямо военной силой [2]). Нечего говорить, что еще менѣе могла пустить корни идея республики въ крестьянской массѣ, волновавшейся не столько по политическимъ, сколько по соціальнымъ причинамъ и успокоившейся послѣ того, какъ конвентъ лѣтомъ 1793 г. окончательно ликвидировалъ послѣдніе остатки феодализма. Если и былъ во Франціи конца XVIII в. общественный классъ, нѣкоторое время поддерживавшій республику, то это были низшіе слои городского населенія, мелкая буржуазія и пролетаріатъ, но и здѣсь скоро началась реакція—реакція разочарованія, когда оказалось, что республика не осуществила возлагавшихся на нее надеждъ [3]). Убѣжденные и дѣятельные республиканцы въ эпоху первой революціи составляли, по сравненію съ многомилліоннымъ населеніемъ страны, лишь незначительную горсточку, въ которой притомъ не было единства и отсутствовали настроенія и навыки политической свободы. Болѣе еще требованія и условія свободы понимались жирондистами, но они были побѣждены и истреблены якобинцами, среди которыхъ вслѣдъ за этою побѣдою началось дальнѣйшее самоистребленіе. Съ другой стороны, въ этой борьбѣ побѣдителями оказывались люди, которые менѣе всего обнаруживали склонности къ тому, чтобы править государствомъ, осуществляя всею своею политикою принципы свободы. Якобинскій режимъ былъ не республикою, а революціонною диктатурою, которая тѣмъ болѣе пользовалась успѣхомъ, что соотвѣтствовала старому, привычному отношенію населенія къ центральной власти и, кромѣ того,

---

[1]) Для дальнѣйшаго ср. т. III, стр. 578.

[2]) Здѣсь имѣются въ виду преимущественно событія 13 вандемьера и 18 фруктидора, о которыхъ см. т. III, стр. 620 и 642.

[3]) Т. III, стр. 648.

оправдывала себя необходимостью сосредоточенія всѣхъ силъ страны въ рукахъ единой власти для болѣе дѣятельной и дѣйствительной обороны Франціи отъ иноземнаго врага. Якобинская диктатура не могла создать свободнаго политическаго строя: она лишь подготовила наступленіе другой диктатуры, диктатуры военно-цезаристской, нашедшей потомъ опору во всѣхъ элементахъ общества, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ были недовольны якобинской республикой [1]). Наконецъ, не нужно забывать и того, что главнымъ орудіемъ революціонной диктатуры якобинцевъ былъ возведенный въ систему терроръ: и это тоже не мало содѣйствовало дискредитированію самаго имени республики въ послѣдніе годы XVIII и первые годы XIX в., да и долгое время спустя.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, причины непрочности первой республики во Франціи. Послѣ переворота 18 брюмера Франція только по имени оставалась республикой, ибо ея первый консулъ, будущій императоръ, въ сущности, уже былъ монархомъ. Приблизительно таковы же были причины непрочности и второй республики. Во Франціи въ серединѣ XIX в. продолжали еще существовать вліятельные и сильные численностью общественные классы, проникнутые монархическими традиціями и усматривавшіе въ республикѣ прямую опасность для ихъ интересовъ. Этими классами были землевладѣльческое дворянство и католическое духовенство, господствовавшія въ эпоху реставраціи и оттертыя отъ власти іюльской революціей, которая выдвинула на первый планъ въ политической жизни крупную буржуазію [2]). Послѣ февральской революціи эти два класса стали снова играть роль, и въ одномъ, консервативно-монархическомъ лагерѣ очутилось тогда и крестьянство, напуганное толками о соціальныхъ требованіяхъ городскихъ рабочихъ и недовольное повышеніемъ налоговъ [3]). Наиболѣе вліятельный классъ временъ іюльской монархіи, крупная буржуазія, равнымъ образомъ, далеко не была республиканской: сама февральская революція, низвергшая іюльскій тронъ и провозгласившая республику, была, какъ революція глубоко демократическая, направлена противъ этого класса, и если даже онъ могъ помириться съ замѣною монархіи республикой, то его страшили,—какъ это было и въ концѣ XVIII в.,—требованія демократіи и въ особенности красный призракъ соціализма, подъ знамя котораго стали въ 1848 г. городскіе рабочіе [4]). Въ серединѣ XIX в. классовая борьба приняла прямо и

---

[1]) См. о якобинскомъ режимѣ и о реакціи, приведшей къ паденію республики, т. III, послѣднія четыре главы.

[2]) Т. V, стр. 90, 255 и слѣд., 455 и слѣд.

[3]) Т. V, стр. 496 и слѣд.

[4]) Т. V, главы XX и XXIV.

болѣе острый, и болѣе явный характеръ, чѣмъ въ исходѣ предыдущаго столѣтія. Антидемократическая реакція получила въ эпоху второй республики рѣзко антиреспубликанскій оттѣнокъ, и „второе декабря“ Наполеона III имѣло корни своего происхожденія — и своего успѣха вмѣстѣ съ тѣмъ—въ такихъ же соціальныхъ условіяхъ, какія создали какъ самую возможность, такъ и благопріятный исходъ „восемнадцатаго брюмера“ Наполеона I.

Къ этимъ указаніямъ на общія причины неудачи двухъ первыхъ республикъ во Франціи намъ здѣсь необходимо было обратиться въ виду того, что и при основаніи третьей республики въ странѣ существовали и проявляли свои классовыя особенности тѣ же самые соціальные элементы, т.-е. крайне реакціонно настроенные крупные землевладѣльцы и духовенство, консервативное крестьянство, испуганная буржуазія и городская демократія, желавшая, чтобы новая форма правленія дала ей и большее значеніе въ государствѣ, и возможность улучшенія ея матеріальнаго быта. Другими словами, третьей республикѣ во Франціи приходилось преодолѣвать тѣ же препятствія, которыя стояли на пути осуществленія республиканской идеи въ концѣ XVIII и въ серединѣ XIX в. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, конечно, многое въ судьбѣ республиканскихъ попытокъ объясняется и тѣмъ, что собою представляли и какъ себя вели, къ чему стремились и какъ дѣйствовали люди, желавшіе введенія въ своемъ отечествѣ республиканскаго строя: ихъ численность, степень ихъ сознательности, настойчивости, организованности, умѣлости и т. п. играли не послѣднюю роль въ исторіи всѣхъ попытокъ установленія во Франціи республики.

Каждый разъ крушеніе республики, т.-е. и передъ первою имперіей, и передъ второю, сопровождалось полнымъ разгромомъ республиканскихъ партій и ослабленіемъ самихъ республиканскихъ симпатій и тенденцій въ обществѣ. Вторая республика сдѣлалась возможною послѣ первой только черезъ полстолѣтія, третья — послѣ второй черезъ безъ малаго два десятилѣтія. Промежутки были наполнены царствованіями пяти государей, конечно, всячески боровшихся со всѣмъ, что только сколько-нибудь напоминало республику. Правительственной репрессіи соотвѣтствовала и шла рядомъ съ нею и общественная реакція противъ республиканизма [1]). Очень долгое время воспоминаніе о терроръ опредѣляло собою взгляды весьма многихъ на французскую революцію, на первую республику. Режимъ Наполеона I былъ крайне неблагопріятенъ для какихъ бы то ни было проявленій стремленія къ политической свободѣ [2]). При паденіи пер-

[1]) Т. III, стр. 641—642, 644, 646 и слѣд.

[2]) Т. IV, стр. 103 и слѣд. и 127 и слѣд.

вой имперіи никто не думалъ о возстановленіи республики, и даже тѣ старые республиканцы, которые уцѣлѣли до этого времени, не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ, относились къ симпатичному для нихъ политическому строю совершенно платонически, считая болѣе цѣлесообразнымъ вмѣстѣ съ конституціоналистами поддерживать хартію 1814 г. [1]). Эпоха реставраціи была крайне враждебно настроена по отношенію къ республиканцамъ, и знаменитая „безподобная палата“ прямо осудила всѣхъ бывшихъ членовъ конвента на изгнаніе, какъ „цареубійцъ“ [2]). Сами либералы эпохи реставраціи далеко не были ни демократами, ни республиканцами [3]). Правда, отдѣльныя лица въ ихъ средѣ, въ родѣ Лафайета или Дестю-де-Траси, слыли за республиканцевъ, но они лишь въ принципѣ признавали этотъ образъ правленія, думая на дѣлѣ, что осуществленіе его возможно лишь въ очень отдаленномъ будущемъ. Если гдѣ въ первые годы реставраціи и можно было встрѣтить людей, вѣрившихъ въ болѣе близкую возможность республики, то это была среда учащейся молодежи. Изъ этой среды выходили главнымъ образомъ члены многочисленныхъ тайныхъ обществъ, мечтавшихъ о насильственномъ низверженіи Бурбоновъ въ первое десятилѣтіе реставраціи [4]), но въ этихъ организаціяхъ болѣе видную роль играли наполеонисты и орлеанисты, думавшіе лишь о перемѣнѣ династіи. Когда съ 1824 г. политическая оппозиція правительству Бурбоновъ бросила путь заговоровъ, какъ не ведущій къ цѣли [5]), республиканское направленіе скоро какъ-бы совсѣмъ исчезло во Франціи, и лишь къ самому концу реставраціи началась теоретическая разработка и литературная пропаганда республиканскихъ идей.

Во всякомъ случаѣ, однако, въ 1830 г., когда вспыхнула іюльская революція, республиканцы представляли собою силу слишкомъ незначительную, чтобы направить ходъ событій въ желательную сторону. Они ограничились составленіемъ особаго манифеста, требовавшаго созыва учредительнаго собранія, но не имѣли въ распоряженіи никакихъ средствъ осуществить свою программу, на которую потомъ и ссылались, какъ на важный политическій документъ, сторонники республики въ эпоху іюльской монархіи [6]). Послѣ того, какъ самъ Ла-

---

[1]) Подробности для дальнѣйшаго см. въ книгѣ *Ж. Вейля* „Исторія республиканской партіи во Франціи съ 1814 по 1870 г.“ (рус. перев. 1906 г.). См. также въ указываемыхъ ниже мѣстахъ IV и V тт. „Исторіи Западной Европы“.

[2]) Т. IV, стр. 403—404.

[3]) Т. IV, стр. 286 и слѣд.

[4]) Т. IV, стр. 422 и слѣд.

[5]) Т. IV, стр. 426—427.

[6]) Т. V, стр. 47.

файетъ высказался за сохраненіе монархіи [1]), они не рѣшились настаивать на своемъ и примирились съ совершившимся фактомъ воцаренія Людовика-Филиппа. Но это примиреніе было только временнымъ, и эпоха іюльской монархіи на самомъ дѣлѣ была временемъ расцвѣта въ сознаніи французской интеллигенціи республиканскихъ идей. Новое, постепенно нароставшее настроеніе имѣло преимущественно романтическій и патріотическій характеръ: это была идеализація республики, какъ осуществленія гражданской доблести, и преклоненіе передъ конвентомъ, спасшимъ Францію отъ иноземнаго нашествія и создавшимъ ея военную славу. Великая французская революція въ свой республиканскій періодъ сдѣлалась для молодыхъ поколѣній источникомъ вдохновенія и поученія. Въ низверженіи Карла X видѣли побѣду народовластія надъ легитимностью, а то обстоятельство, что этою побѣдою Франція была обязана „святой черни", поднимало въ глазахъ республиканцевъ народную массу, настроивало ее демократически, толкало ее на путь пропаганды республики среди рабочихъ и приводило къ мысли, что одною изъ цѣлей республики должно быть улучшеніе положенія народа. Здѣсь не мѣсто давать общую характеристику демократическихъ стремленій и движеній во Франціи во времена іюльской монархіи [2]) и слѣдуетъ только отмѣтить, что въ эту эпоху стали все болѣе и болѣе интересоваться французской революціей, что въ ея пониманіи прежняя „буржуазная" точка зрѣнія Тьера и Минье [3]) замѣнилась демократической—у Бюшеза, у Мишле, у Луи Блана и др. [4]), что республиканизмъ началъ все болѣе и болѣе проникаться соціальнымъ духомъ [5]) и что сама французская революція получала теперь соціалистическое истолкованіе (у Бюшеза и Луи Блана), хотя, съ другой стороны, рядомъ съ соціальными демократами оставалось еще немало и демократовъ чисто политическихъ [6]). На первыхъ порахъ республиканцы начала тридцатыхъ годовъ, по примѣру всей вообще оппозиціи второй половины двадцатыхъ годовъ, слѣдовали совѣту своихъ старыхъ вождей ограничиваться одной легальной пропагандой демократическихъ идей, не устраивая никакихъ заговоровъ, не предпринимая никакихъ возстаній, но очень скоро они начали переходить къ настоящей революціонной дѣятельности, вдохновляясь историческими примѣрами 14 іюля 1789 г. или 10 августа 1792, равно какъ свѣжимъ примѣромъ трехъ іюльскихъ дней, низвергшихъ съ престола легитимную

[1]) Т. V, стр. 46—47.
[2]) Т. V, гл. XIII и XIV.
[3]) Т. IV, стр. 290.
[4]) Т. V, стр. 320—333.
[5]) Т. V, стр. гл. IX и XIII.
[6]) Т. V, стр. 195 и слѣд.

династію. На помощь къ молодымъ республиканцамъ, большею частью изъ студенческой и рабочей среды (изъ послѣдней, впрочемъ, не сразу, а позднѣе) явились разные конспираторы предыдущей эпохи, и во Франціи снова началась полоса тайныхъ обществъ, заговоровъ, покушеній и возстаній [1]). Хотя въ началѣ тридцатыхъ годовъ республиканскую партію составляли лишь нѣсколько сотъ очень молодыхъ людей, безъ средствъ и прочной организаціи, однако, рѣшительность и смѣлость ея выступленій заставили и власти, и правящіе классы обратить на дѣятельность этой молодежи серьезное вниманіе, какъ на нѣчто весьма опасное. Противъ революціонеровъ былъ предпринятъ рядъ процессовъ, во время которыхъ скамья подсудимыхъ превращалась въ политическую трибуну для пропаганды программы партіи, несмотря на то, что это только ухудшало положеніе подсудимыхъ и увеличивало сроки тюремныхъ заключеній. Другимъ способомъ распространять въ обществѣ свои идеи были для республиканцевъ, разумѣется, также брошюры и газеты, нерѣдко подпольныя. Постоянныя ссылки демократовъ на 1793 годъ пугали болѣе мирно настроенные общественные элементы, но легитимисты и бонапартисты были не прочь помогать революціонерамъ въ расчетѣ на то, что новый переворотъ въ концѣ концовъ послужитъ только прелюдіей къ возстановленію легитимной монархіи или имперіи. По мѣрѣ того, какъ демократическое движеніе усиливалось, правительство относилось къ нему все строже и строже: республиканцевъ сажали въ тюрьмы, и многіе изъ нихъ, чтобы избавиться отъ тюрьмы, эмигрировали за-границу въ Бельгію, въ Англію, въ Швейцарію [2]). Только послѣ разгрома республиканцевъ за неудачною попыткою возстанія, сдѣланною въ 1839 г. [3]),— возстанія, въ которомъ уже играли видную роль революціонеры изъ парижскихъ рабочихъ, партія оставила путь конспирацій и инсурреккій [4]) и занялась мирной пропагандой своихъ идей въ періодической прессѣ. Къ этому же времени и въ палатѣ депутатовъ образовалась небольшая демократическая группа [5]), впрочемъ, не очень то вѣрившая въ скорую осуществимость республики. Вообще послѣ цѣлаго ряда неудачъ, которыя пришлось претерпѣть партіи, многіе ея члены готовы были примириться съ монархіей, лишь бы она только измѣнила свою политику, а среди непримиримыхъ республиканцевъ было вообще сильно мнѣніе, что не слѣдуетъ соединяться съ другими оппозиціонными элементами для достиженія общихъ цѣлей, чѣмъ эти

[1]) Т. V, стр. 126 и слѣд., 131—132, 134 и слѣд.
[2]) Т. V, стр. 201.
[3]) Т. V, стр. 139.
[4]) Т. V, стр. 140.
[5]) Т. V, стр. 255—256, 466 и др.

люди сами обрекали себя на бездѣятельность. Мало того: когда подготовлялись событія, приведшія къ февральской революціи, вожди республиканцевъ дѣлали усилія съ цѣлью предотвращенія взрыва, такъ что переворотъ, кончившійся провозглашеніемъ республики, не только не былъ прямо подготовленъ революціонерами, но даже поразилъ ихъ своею неожиданностью, когда же дѣло началось и остановить его оказалось невозможнымъ, они не безъ тревоги смотрѣли на то, что̀ изъ этого выйдетъ [1]).

Февральская революція, дѣйствительно, застала республиканцевъ врасплохъ, и среди нихъ не могло даже образоваться вполнѣ внутренне солидарное, однородное временное правительство [2]). Партіи (или, вѣрнѣе, партіямъ), стремившейся къ установленію республики, не удалось создать прочное государственное устройство на основѣ народовластія какъ вслѣдствіе и разнаго пониманія самими республиканцами цѣлей новаго строя, и многихъ допущенныхъ ими тактическихъ ошибокъ, такъ и недовѣрія или враждебнаго отношенія къ республикѣ со стороны многочисленныхъ и вліятельныхъ элементовъ общества. Одна изъ отрицательныхъ чертъ республиканизма 1848—52 г. заключается въ его своеобразномъ доктринерствѣ, заставлявшемъ многихъ и притомъ не послѣднихъ дѣятелей этой эпохи прямо подражать монтаньярамъ 1793 г. [3]). Созданіемъ конституціи 1848 г. сами республиканцы вырыли могилу для новаго строя [4]), и когда въ декабрѣ 1848 г. въ президенты республики былъ выбранъ будущій Наполеонъ III, возгласъ: „да здравствуетъ республика!“ получилъ снова чуть не мятежное значеніе, во всякомъ случаѣ оппозиціонный смыслъ. Если іюньскіе дни 1848 г. были разгромомъ соціализма и пролетаріата, то въ іюнѣ слѣдующаго года были разгромлены и самые вожди республиканской партіи: одни изъ нихъ были разсажены по тюрьмамъ, другіе, кто куда успѣлъ, бѣжали въ Бельгію и въ Англію [5]), а „второе декабря“ и окончательно добило партію, члены которой одни только и рѣшились оказать сопротивленіе узурпаціи власти президентомъ республики. Что пропаганда этою партіей республиканской идеи все-таки успѣла до нѣкоторой степени расположить въ пользу республики даже нѣкоторую часть деревенскаго населенія, доказывается нѣсколькими возстаніями въ департаментахъ противъ государственнаго переворота 2 декабря.

Въ 1848 — 52 гг. цѣлая масса французскихъ республиканцевъ и

---

[1]) T. V, стр. 473 и слѣд., 486 и др.
[2]) T. V, стр. 483 и слѣд.
[3]) T. V, стр. 604—605.
[4]) T. V, стр. 595—596.
[5]) T. V, стр. 603—604. Рѣчь идетъ о попыткѣ 13 іюня 1849 г.

между ними наиболѣе видные вожди бѣжали или самимъ правительствомъ были высланы за границу, и многіе изъ нихъ впослѣдствіи, когда Наполеонъ III объявилъ амнистію [1]), не захотѣли возвратиться на родину, пока въ нее не вернулась свобода, и продолжая на чужбинѣ вести борьбу съ узурпаторомъ путемъ печатнаго слова. Республиканцевъ, оставшихся на родинѣ, правительство донимало полицейскимъ надзоромъ и обысками, высылками и ссылками, арестами и тюрьмою. Высказываться въ печати республиканцамъ было почти совершенно немыслимо. Профессора и учителя, отказывавшіеся принести присягу Наполеону III, лишались своихъ мѣстъ. Особенному правительственному надзору были подчинены студенты и рабочіе, среди которыхъ наиболѣе распространялись республиканскіе взгляды: съ этой стороны постоянно опасались всякихъ республиканскихъ манифестацій. Торжеству цезаризма отчасти содѣйствовала сама демократическая оппозиція, рѣшившая слѣдовать политикѣ воздержанія отъ голосованія на выборахъ въ законодательный корпусъ. Лишь къ концу пятидесятыхъ годовъ эта тактика самоустраненія, грозившая партіи перспективою полнаго забвенія страною, была оставлена, но и не сразу былъ рѣшенъ вопросъ, могутъ ли республиканцы, выбранные въ законодательный корпусъ, въ немъ засѣдать: отъ нихъ потребовали бы присяги на вѣрность императору, а потому не лучше было бы явиться лишь для того, чтобы торжественно мотивировать свой отказъ отъ принесенія присяги? Когда вождями партіи послѣднее было отвергнуто, въ законодательномъ корпусѣ образовалась знаменитая „пятерка“ (les cinq) республиканскихъ депутатовъ,—группа, въ составъ которой входили Жюль Фавръ, Эмиль Оливье, Пикаръ, Даримонъ и Энонъ [2]). Вся задача „пятерыхъ“, какъ сами они ее понимали, заключалась единственно въ томъ, чтобы выяснять неудобства личной власти и обнаруживать отдѣльныя злоупотребленія, не дѣлая рѣзкихъ нападокъ на имперію, которыя были бы и невозможными въ собраніи, наполненномъ наболѣпными бонапартистами. Мало-по-малу, особенно послѣ того, какъ амнистія 1859 г. вернула изъ-за границы многихъ республиканцевъ, морально поддерживавшихъ депутатовъ своей партіи, значеніе „пятерыхъ“ стало основываться на томъ, что эта группа сдѣлалась для націи единственной выразительницей независимаго мнѣнія среди собранія, состоявшаго изъ креатуръ власти.

Къ началу шестидесятыхъ годовъ, какъ извѣстно, во Франціи началось нѣкоторое ослабленіе политическаго гнета [3]). Около этого вре-

---

[1]) Т. V, стр. 667.
[2]) Т. V, стр. 667.
[3]) Т. V, стр. 667 и слѣд. и выше, стр. 35—36.

мени вступало въ общественную жизнь новое поколѣніе республиканцевъ, большею частью молодые адвокаты, группировавшіеся сначала вокругъ нѣкоторыхъ членовъ „пятерки“, потомъ образовавшіе свой собственный кружокъ, въ составъ котораго входили будущія знаменитости партіи Флоке, Гамбетта [1]), Ферри [2]). Перебиваясь мелкими дѣлами въ судахъ и разною литературною работою, они очень ревностно посѣщали засѣданія законодательнаго корпуса и даже сдѣлались извѣстными публикѣ, какъ „слушатели законодательнаго корпуса“, по кличкѣ, имъ данной нѣкоторыми газетами, Гамбетта же сверхъ того прославился еще въ роли талантливаго и горячаго спорщика, собиравшаго около себя всегда большую толпу въ посѣщаемой имъ кофейнѣ (café Procope). Въ то же время другіе молодые люди, большею частью еще студенты, также будущія знаменитости республиканской партіи (напр., Клемансо) пописывали въ эфемерныхъ газеткахъ, издававшихся республиканскими дѣятелями безъ разрѣшенія, какъ чисто литературныя, но очень скоро превращавшіяся въ политическія и вызывавшія противъ себя репрессіи. Нѣкоторые изъ ихъ памфлетовъ имѣли большой успѣхъ даже при малыхъ литературныхъ достоинствахъ, если только чѣмъ-нибудь задѣвали имперію, хотя бы и иносказательно только. Между этою молодежью были представители и крайнихъ мнѣній, мечтавшіе о тайныхъ обществахъ, заговорахъ и возстаніяхъ, въ родѣ газетнаго корректора Ранка, рано прославившагося бѣгствомъ изъ одной тюрьмы. Изъ той же среды молодыхъ писателей вышелъ и будущій дѣятель коммуны Жюль Валлесъ [3]), нападавшій на оппозицію законодательнаго корпуса за ея умѣренность. Политическое настроеніе молодыхъ республиканцевъ шестидесятыхъ годовъ характеризуетъ не мало и тотъ интересъ, съ какимъ они предавались изученію фран-

---

[1]) *A. Rambaud.* Jules Ferry, 1832—1893.

[2]) О Гамбеттѣ см. анонимную книгу, касающуюся 1869—71 гг. (1879), и книги *Laffitte* (1879), *A. Barbou* (1879), *Jos. Reinach* (1887), *Bertol-Graivil et Plantié* (1883), *Desmarets* (1882), *Depasse*, *H. Thurat* (1883) и др.—*Sirven.* Gambetta et Chambord (1883).—Для пониманія политики Гамбетты и его партіи даетъ много книга *Hanotaux* „Hist. de la France contemporaine“: „sur Gambetta, говоритъ онъ самъ въ предисловіи ко второму тому (стр. VII), et sur le parti qu'il dirigeait j'ai obtenu ou recueilli des renseignements confidentiels ou traditionnels. Le premier, peut-être, j'ai tenté un exposé de la doctrine et du système“. — Кое-что о Гамбеттѣ можно указать и въ русской литературѣ: *Н. Николадзе.* Лун Бланъ и Гамбетта („Отеч. Зап.“ за 1883 г., январь). — *Е. Утинъ.* Гамбетта („Вѣстн. Евр.“ за 1892 г., ноябрь и декабрь).—*Е. Тарле.* Гамбетта и его мѣсто въ исторіи третьей французской республики („Міръ Божій“ за 1901, октябрь и ноябрь). — Изданія рѣчей Гамбетты: *L. Gambetta.* Discours et plaidoyers (1881 и слѣд.).—Discours et plaidoyers choisis (въ одномъ томикѣ).—Ср. также отмѣченную на стр. 102 кн. *von der Goltz'a.*

[3]) См. выше, стр. 151. Ср. *J. Richepin.* Étapes d'un refractaire (1872).

цузской революціи, интересъ, переходившій чуть не въ культъ отдѣльныхъ ея дѣятелей: такъ, Гамбетта восторгался Дантономъ, тогда какъ другіе (напр., Гамель) преклонялись передъ якобинцами и ихъ вождями Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ [1]); большимъ поклонникомъ монтаньяровъ былъ и Флоке. Революція вообще была въ глазахъ республиканцевъ тою эпохою, къ которой нужно постоянно обращаться съ цѣлью поученія и вдохновенія. Изученіемъ ея исторіи утѣшалъ себя въ изгнаніи Луи Бланъ, въ 1862 г. окончившій свой трудъ, первый томъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ 1847 г. [2]). Въ немъ онъ оставался вѣренъ якобинской традиціи, оживленію которой передъ 1848 г. не мало содѣйствовалъ началомъ своего труда, тогда какъ, наоборотъ, жестокими критиками якобинизма выступили Токвиль и Кинэ [3]).

Со старыми и молодыми республиканцами повторилась вѣчная исторія „отцовъ“ и „дѣтей“, исторія взаимнаго непониманія, на этотъ разъ принявшаго даже особенно крупные размѣры. Республиканцы сорокъ восьмого года были спиритуалистами и идеалистами, вѣрили въ существованіе Бога и въ безсмертіе души, въ прекрасныя качества человѣческой природы, въ безкорыстную любовь къ свободѣ, тогда какъ на республиканцахъ шестидесятыхъ годовъ уже сказывалось вліяніе болѣе новой, по существу своему реалистической философіи позитивизма, матеріализма и агностицизма, причемъ и взглядъ на человѣческую природу былъ у нихъ менѣе возвышенный, но зато болѣе трезвый [4]). На Гамбеттѣ, въ частности, весьма замѣтно вліяніе Конта и Литтре [5]); даже свой взглядъ на Дантона, какъ на главную творческую силу конвента, онъ заимствовалъ у этихъ писателей. Кромѣ французскихъ мыслителей реалистическаго направленія, молодые республиканцы читали въ переводахъ и Дарвина, и Фохта, и Бюхнера, и Молешота. Старшее поколѣніе огорчалось новымъ направленіемъ молодежи, въ свою очередь, считавшей стариковъ отсталыми. Менѣе было разногласій между двумя поколѣніями въ обла-

---

[1]) Изъ той же группы вышелъ и Шассенъ, авторъ книги „Le génie de la révolution“.

[2]) Т. V, стр. 323 и слѣд.

[3]) Т. V, стр. 327, 618 и 887—8.

[4]) Объ этомъ умственномъ переворотѣ середины XIX в. вообще см. т. V, стр. 849 и слѣд.

[5]) *Hanotaux* (II, 53) о немъ говоритъ: „sa tendance est positiviste“ etc... „Il croit fortement à l'avenir philosophique, moral et même religieux de la science“. Онъ называетъ его „современникомъ Ренана и Тэна“ и говоритъ, что онъ прислушивался къ идеямъ Ламарка и Дарвина. У Ганото былъ въ рукахъ экземпляръ книги Эспинаса объ обществахъ животныхъ, „minutieusement annoté de la main de Gambetta“.

сти теоретической политики, въ частности же нѣкоторые молодые особенно восприняли идеи такихъ стариковъ, какъ вѣчный заговорщикъ Бланки [1]). Нельзя также не отмѣтить здѣсь сильнаго вліянія, оказаннаго на Гамбетту Прудономъ, который, какъ думаютъ, наиболѣе содѣйствовалъ отдаленію Гамбетты отъ моднаго въ то время среди республиканской молодежи якобинизма. Зато старые и молодые рѣшительно расходились между собою по главному вопросу практической политики. Наиболѣе строгіе представители идей 1848 г. были ярыми противниками поведенія „пятерыхъ“, слишкомъ почтительнаго по отношенію къ правительству, но молодые обнаруживали въ этомъ вопросѣ бо̀льшую покладливость, бывшую предвѣстницей будущаго оппортунизма. Болѣе молодыя еще поколѣнія въ студенчествѣ высшихъ школъ тоже проникались въ шестидесятыхъ годахъ оппозиціоннымъ республиканизмомъ, находившимъ нерѣдко внѣшнее выраженіе въ разныхъ демонстраціяхъ, враждебныхъ имперіи, когда, напр., даже гимназисты (lycéens) устроили овацію сыну генерала Кавеньяка, отказавшемуся принять изъ рукъ императорскаго принца награду на общей раздачѣ кончившимъ курсъ ученикамъ. О томъ, что среди рабочихъ въ шестидесятыхъ годахъ сильно были распространены республиканскія и соціалистическія воззрѣнія, уже было сказано въ другомъ мѣстѣ [2]).

Оппозиціонное настроеніе вообще постепенно усиливалось въ шестидесятыхъ годахъ, кромѣ Парижа, и въ другихъ большихъ городахъ. На выборахъ 1863 г. всѣ депутаты столицы, кромѣ одного Тьера, оказались принадлежащими къ республиканской партіи: переизбраны были четверо прежнихъ (всѣ, кромѣ Энона) и четверо новыхъ, да сверхъ того во всѣхъ большихъ городахъ и почти во всѣхъ городахъ съ населеніемъ не менѣе 40 тысячъ большинство оказалось за оппозиціей, хотя и не всегда республиканской. Изъ новыхъ парижскихъ депутатовъ въ 1863 г. особенно выдвинулся Жюль Симонъ [3]), разставшійся съ профессорской каѳедрой въ Сорбоннѣ изъ-за отказа присягнуть имперіи. Въ законодательный корпусъ попали даже члены временнаго правительства 1848 г. Мари, Гарнье-Пажесъ и Карно (послѣдніе два по дополнительнымъ выборамъ 1864 г.). Къ этому времени относится и выработка республиканцами программныхъ требованій партіи, причемъ, сравнительно съ эпохой іюльской монархіи, когда демократы были вмѣстѣ съ тѣмъ и ярыми централистами, новое теченіе политической мысли приводило къ требованію децентрали-

[1]) Т. V, стр. 139, 498 и др., а также выше, стр. 139.
[2]) См. выше, стр. 136—137.
[3]) *L. Séché.* Jules Simon, sa vie et son oeuvre (1887).

заціи. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ само правительство, какъ мы знаемъ [1]), пришло къ сознанію необходимости либеральныхъ реформъ, прежде всего, давъ облегченіе печати и дозволивъ публичныя собранія. Республиканцы разныхъ оттѣнковъ тотчасъ же воспользовались новымъ закономъ о печати, основавъ рядъ періодическихъ изданій для пропаганды и защиты своихъ программъ. Въ этомъ республиканизмѣ конца шестидесятыхъ годовъ было два оттѣнка: осторожно-умѣренный съ очень слабымъ интересомъ къ вопросамъ соціальнаго характера и революціонный съ соціалистическими, хотя и очень неопредѣленными стремленіями. Политическая сатира въ эти же годы пріобрѣла такого виднаго представителя, какимъ былъ издатель „Фонаря“ Рошфоръ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ начались общественныя манифестаціи, главнымъ предметомъ которыхъ было осужденіе переворота 2 декабря. Еще въ 1865 г. Пикаръ въ засѣданіи законодательнаго корпуса рѣшился крикнуть, что „второе декабря преступно“; черезъ три-четыре года протесты противъ государственнаго переворота дѣлаются явленіемъ довольно обычнымъ. Одинъ изъ такихъ протестовъ представляла собою замѣчательная рѣчь Гамбетты на затѣянномъ правительствомъ процессѣ по поводу открытія подписки на памятникъ депутату Бодену, бывшему одною изъ жертвъ государственнаго переворота 2 декабря [3]). Ораторъ поставилъ вопросъ, дозволительно ли подъ предлогомъ общественной безопасности нарушать законы и наказывать ихъ защитниковъ, и далъ блестящую характеристику государственнаго переворота, который совершили-де люди безъ чести и совѣсти, обремененные долгами и преступленіями. Рѣчь произвела сенсацію, но Гамбетта скоро заставилъ говорить о себѣ и другимъ своимъ выступленіемъ. Республиканцы съ особою энергіей готовились къ законодательнымъ выборамъ 1869 г. и, гдѣ только могли, выставляли свои кандидатуры. Революціонная фракція, недовольная тактикой парижскихъ депутатовъ, всячески старалась дискредитировать такихъ дѣятелей, какъ Жюль Фавръ, Гарнье-Пажесъ, Карно, Мари и др., требуя, чтобы народъ послалъ на ихъ мѣста настоящихъ демократовъ, а не этихъ „буржуазныхъ либераловъ“, вступающихъ въ коалиціи съ монархистами. И среди умѣренныхъ республиканцевъ молодой генераціи нашлось нѣсколько человѣкъ, бывшихъ не прочь занять мѣста прежнихъ республиканскихъ представителей Парижа. Къ числу такихъ молодыхъ дѣятелей принадлежалъ, между прочимъ, и Гамбетта, выставившій свою кандидатуру въ Бельвилльскомъ округѣ

---

[1]) См. выше, стр. 36.

[2]) Т. V, стр. 669. Ср. *Н. Кинъ*. Анри Рошфоръ и его „Фонарь“ („Отеч. Зап.“ за 1868 г.).

[3]) Т. V, стр. 669—670.

Парижа противъ кандидатуры старой республиканской знаменитости, Карно, который оказался вынужденнымъ уступить мѣсто своему болѣе удачливому сопернику. Постановка кандидатуры Гамбетты сопровождалась выработкой подробной республиканской программы, получившей названіе бельвилльской. Программа эта отличалась большимъ радикализмомъ, и главными ея пунктами были широкое примѣненіе всенароднаго голосованія, уничтоженіе сената, отдѣленіе церкви отъ государства, уничтоженіе постоянной арміи, установленіе всякихъ свободъ — личности, слова, печати, собраній, союзовъ, введеніе всеобщаго, обязательнаго, дарового и чисто свѣтскаго начальнаго образованія, да кромѣ того, въ программѣ глухо упоминалось и о „соціальной задачѣ“, рѣшеніе которой программа „почти цѣликомъ“ подчиняла, однако, политическимъ преобразованіямъ. Въ законодательномъ корпусѣ Гамбетта, а изъ новичковъ съ нимъ и Ферри, побѣдившій на выборахъ одного изъ старыхъ республиканскихъ депутатовъ, проявили большую сдержанность и шли за болѣе опытными товарищами прежнихъ призывовъ. Подъ вліяніемъ роста оппозиціи Наполеонъ III, какъ извѣстно [1]), началъ въ первыхъ числахъ января 1870 г. эру либеральной имперіи, образовавъ министерство Оливье. Нѣкоторые пророчили, что послѣ новыхъ выборовъ (т.-е. въ 1875 г.) Франція, пожалуй, будетъ видѣть министрами Жюля Фавра и Пикара. Къ новому министерству Гамбетта даже обратился съ такимъ заявленіемъ: „вы—тотъ мостъ, по которому мы переходимъ отъ республики 1848 г. къ будущей республикѣ“. И Парижъ, и провинціи пришли въ движеніе. Начались враждебныя имперіи уличныя демонстраціи, заговоры, попытки возстанія, за которыми слѣдовали всякія репрессіи, аресты и политическіе процессы. Въ это-то тревожное время правительство и предложило свой знаменитый плебисцитъ [2]), къ которому республиканцы отнеслись крайне отрицательно. Самая идея обращенія къ народу оспаривалась ими съ трибуны, Гамбетта же доказывалъ, что необходимымъ послѣдствіемъ плебисцита была бы только республика. По вопросу о томъ, какъ голосовать при плебисцитѣ, мнѣнія республиканцевъ раздѣлились: одни совѣтовали подавать пустые бюллетени, другіе стояли за подачу отрицательныхъ отвѣтовъ, но о значительности оппозиціи свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что отрицательныхъ голосовъ было подано болѣе полутора милліоновъ при одной слишкомъ сотнѣ тысячъ пустыхъ. Эти оппозиціонные бюллетени подавались въ городахъ, въ которыхъ именно такихъ бюллетеній иногда было большинство. Такъ какъ силу республиканской оппо-

---

[1]) Т. V, стр. 670 и выше, стр. 36.
[2]) Т. V, стр. 671 и выше, стр. 37.

зиціи составляли городскіе рабочіе, въ значительномъ количествѣ принадлежавшіе къ Интернаціоналу,—который въ одной прокламаціи приглашалъ рабочихъ къ спокойствію, предсказывая о близкомъ и неизбѣжномъ паденіи имперіи,—то правительство и рѣшило расправиться съ этой рабочей организаціей [1]). На процессѣ вожаковъ Интернаціонала въ іюнѣ 1870 г. подсудимые, какъ одинъ человѣкъ, говорили о своемъ республиканизмѣ.

Однимъ словомъ, въ 1870 г. республиканская партія во Франціи переходила въ наступленіе, но, конечно, трудно сказать, чѣмъ окончилась бы ея борьба съ имперіей, если бы Наполеонъ III не началъ злополучной для себя войны съ Пруссіей. Въ памятныхъ засѣданіяхъ законодательнаго корпуса, рѣшавшихъ вопросъ о войнѣ, республиканцы (въ ихъ числѣ Гамбетта и Жюль Фавръ) тщетно пытались внести спокойствіе и осмотрительность въ дебаты: ихъ прямо не хотѣли слушать составлявшіе большинство собранія приверженцы имперіи [2]). Извѣстія о пораженіяхъ французской арміи, приходившія въ Парижъ, ставили передъ республиканской лѣвой вопросъ о низверженіи имперіи вотумомъ самого законодательнаго корпуса, между тѣмъ какъ революціонные элементы парижскаго населенія стремились произвести то же самое посредствомъ возстанія, неудачная попытка котораго и была совершена 14 августа Бланки. Еще нѣсколькими днями раньше (9 августа) Жюлемъ Фавромъ сдѣлано было предложеніе образовать изъ членовъ законодательнаго корпуса исполнительную коммиссію съ самыми широкими полномочіями. Предложеніе было отвергнуто большинствомъ собранія, но самое внесеніе его на обсужденіе послѣдняго показывало, что съ правительствомъ не церемонились. Впрочемъ, республиканцы сами пока еще не стремились къ власти и намѣчали въ члены коммиссіи не-республиканцевъ. Когда въ Парижъ пришло извѣстіе о Седанѣ, они рѣшили отмѣнить регентство императрицы и вручить исполнительную власть старику Тьеру. Послѣдній послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ вождями республиканцевъ согласился на это предложеніе подъ условіемъ выбора особой коммиссіи, въ составъ которой вошелъ бы и онъ, но бонапартистское большинство законодательнаго корпуса сначала отложило рѣшеніе вопроса до слѣдующаго засѣданія, да и потомъ все еще продолжало колебаться. Между тѣмъ уже 3 сентября толпа народа передъ зданіемъ законодательнаго корпуса кричала: „да здравствуетъ республика“, и вечеромъ того же числа начинались-было въ двухъ мѣстахъ города уличные безпорядки. На другой день, 4 сентября, толпа передъ собра-

---

[1]) См. выше, стр. 58 и 136—137.

[2]) Т. V, стр. 747 и выше, стр. 87.

ніемъ, и публика въ немъ самомъ уже настойчиво требовали низложенія имперіи и объявленія республики. Пока депутаты никакъ не разрѣшали поставленнаго имъ республиканцами вопроса, народъ проникъ въ самую залу засѣданій, послѣ чего вожди лѣвой сами, наконецъ, провозгласили низложеніе Наполеона III и отправились въ ратушу объявить введеніе республиканскаго правленія. Они передъ этимъ не только не думали о томъ, чтобы взять на себя бремя правленія, но даже и объявленія республики хотѣли достигнуть вотумомъ представителей народа, а не революціоннымъ выступленіемъ самого народа,— въ каковомъ смыслѣ и обращался къ толпѣ пользовавшійся уже въ это время большою популярностью Гамбетта,—но нерѣшительность другихъ партій въ законодательномъ корпусѣ дала совершиться низложенію имперіи уличною толпою. Дальнѣйшій вопросъ заключался въ томъ, какая республика должна была установиться во Франціи, та ли, которая была въ мысляхъ Гамбетты и Жюля Фавра, или та, къ которой стремились такіе дѣятели республиканской партіи, какъ Бланки или Делеклюзъ,—вопросъ, аналогичный тому вопросу также о двухъ республикахъ, который поставило передъ Франціей 24 февраля 1848 г. [1]).

Революція 4 сентября 1870 г. была повтореніемъ революцій 10 августа 1792 г. и 24 февраля 1848 г.: имперія Наполеона III была низвергнута выступленіемъ парижскаго населенія, какъ были такими же выступленіями народа низвергнуты монархіи Людовика XVI и Людовика-Филиппа, какъ 30 іюля была еще низвергнута и монархія Карла X—только въ пользу не республики, а другой династіи. Франція, привыкшая повиноваться Парижу, и на этотъ разъ послѣдовала его примѣру: нигдѣ никто не выступилъ на защиту Наполеона III или его сына. Не нужно, однако, думать, что въ 1870 г. республиканцы существовали только въ одномъ Парижѣ. Несмотря на всѣ репрессіи со стороны властей, къ концу шестидесятыхъ годовъ республика имѣла уже немало сторонниковъ въ другихъ большихъ городахъ. Ихъ было довольно много въ Ліонѣ, гдѣ, кромѣ того, съ 1865 г. существовала среди рабочихъ секція Интернаціонала. Ліонскіе республиканцы относились, правда, къ этой секціи неблагосклонно, будучи недовольны, что отъ нихъ, благодаря ей, ускользаетъ вліяніе на рабочихъ, и опасаясь, что ея соціалистическій характеръ только будетъ отпугивать буржуазію отъ республики. Движеніе въ Ліонѣ было настолько значительно, что въ началѣ сентября 1870 г. парижскіе республиканцы боялись, какъ бы Ліонъ не опередилъ Парижъ въ провозглашеніи республики. Въ Марсели тоже существовала республиканская партія, въ которой даже съ бо̀льшимъ, чѣмъ въ Ліонѣ, единоду-

[1]) Т. V, стр. 486 и слѣд.

шіемъ участвовали и буржуазія, и рабочіе. Къ числу центровъ республиканскаго движенія принадлежалъ и Бордо. На успѣхи республиканской идеи въ провинціи указывали какъ законодательные выборы 1869 г., такъ и болѣе полутора милліона „нѣтъ“ при плебисцитѣ 1870 г. Замѣчательно, между прочимъ, что въ большихъ центрахъ въ 1869 г. болѣе старымъ республиканцамъ и вообще прежнимъ депутатамъ предпочли болѣе молодыхъ и новыхъ. Такъ, въ Марсели, вмѣсто Мари, былъ выбранъ, благодаря союзу республиканцевъ и рабочихъ, Гамбетта, а въ Ліонѣ Жюля Фавра смѣнилъ Распайль, какъ въ Бордо выбрали Жюля Симона. Только въ деревняхъ дѣло обстояло для республиканцевъ хуже: здѣсь неизмѣнно проходили оффиціальные кандидаты, да и семь милліоновъ слишкомъ плебисцитныхъ „да“ въ значительной мѣрѣ были деревенскаго происхожденія. Единственнымъ исключеніемъ, только подтверждавшимъ, именно своею исключительностью, общее правило, было избраніе, въ 1868 г., на дополнительныхъ выборахъ въ одномъ чисто сельскомъ округѣ, стараго республиканца Жюля Греви, одного изъ будущихъ президентовъ третьей республики,—случай, возбудившій много толковъ и заставившій нѣкоторыхъ республиканцевъ серьезно подумать о возобновленіи пропаганды въ деревняхъ, какая не безъ успѣха уже велась въ 1850—51 гг. [1]). Политическое броженіе въ Парижѣ въ первыхъ мѣсяцахъ 1870 г., равнымъ образомъ, не осталось безъ отзвука въ нѣкоторыхъ городахъ, каковы Марсель, Монтобанъ и др.

Переворотъ 4 сентября поставилъ у власти наиболѣе видныхъ представителей республиканской партіи. Правительство національной обороны образовали именно такіе люди, какъ Араго, Кремье, Жюль Ферри, Жюль Фавръ, Гамбетта, Гарнье-Пажесъ, Пикаръ, Жюль Симонъ, Рошфоръ (примкнувшій позднѣе) и др.,—все или старыя республиканскія имена 1848 г., или новыя знаменитости въ родѣ Гамбетты и Рошфора. Въ другой связи уже было сказано [2]), какъ справилось это временное правительство съ тою задачею, отъ которой оно получило свое названіе „національной обороны“. Наслѣдство, оставленное второю имперіей третьей республикѣ, заключалось не въ одной легкомысленно начатой войнѣ, съ первыхъ же дней принявшей для Франціи несчастный оборотъ. Режимъ Наполеона III не только довелъ націю до внѣшней катастрофы 1870 — 71 гг., но и страшно ее деморализировалъ общимъ направленіемъ внутренней политики,

[1]) Эту идею особенно развивалъ *Эженъ Тэно*, авторъ книгъ „Провинція въ декабрѣ 1851 г.“ и „Парижъ въ декабрѣ 1851“. Появленіе послѣдней въ 1868 г. произвело сильную сенсацію въ обществѣ и не мало содѣйствовало нарастанію республиканскаго настроенія.

[2]) См. выше, стр. 98, 101, 103 и др.

подавленіемъ свободы, развитіемъ угодничества, шкурнаго страха и шпіонства, покровительствомъ клерикализму и милитаризму, возбужденіемъ въ обществѣ шовинизма, разжиганіемъ во всѣхъ его слояхъ страсти къ легкой наживѣ и къ удовольствіямъ самаго низменнаго свойства. Кромѣ того, вторая имперія оставила въ наслѣдство третьей республикѣ весь свой служебный персоналъ, воспитанный не для управленія свободною націей, цѣлую систему оффиціальной лжи, подтасовокъ общественнаго мнѣнія или давленій на его выраженія, административнаго произвола, продажности и казнокрадства [1]). Республиканской партіи, дотолѣ гонимой и преслѣдуемой, но заключавшей въ себѣ лучшіе, въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, элементы французскаго общества, предстояла трудная задача не только дать своему отечеству новое государственное устройство, основанное на началахъ свободы и равенства, при сильномъ противодѣйствіи со стороны консервативныхъ и реакціонныхъ слоевъ общества и неразвитости и косности большинства населенія, но и перевоспитать націю, сжившуюся съ цѣлымъ рядомъ традиціонныхъ предразсудковъ и деморализованную лживымъ и порочнымъ режимомъ имперіи. Паденіе имперіи не было еще побѣдой республики, а только чуть еще не началомъ борьбы за республику. Реакціонныя силы Франціи въ союзѣ съ пышно расцвѣтшими при Наполеонѣ III шовинизмомъ, милитаризмомъ и клерикализмомъ не разъ при третьей республикѣ, какъ извѣстно, дѣлали попытки повернуть на старое то путемъ интриги, то путемъ насилія, и намъ въ настоящей главѣ, преимущественно,—какъ, впрочемъ, и въ другой главѣ (XVI), посвященной исторіи третьей республики въ этомъ томѣ,—придется еще разсказывать отдѣльные эпизоды борьбы за утвержденіе во Франціи республики.

Главнымъ вопросомъ выборовъ въ національное собраніе, происходившихъ, какъ извѣстно, еще до заключенія мира съ нѣмцами, именно въ 1871 г. [2]), былъ вопросъ о томъ, продолжать ли войну (мнѣніе Гамбетты) или заключить миръ (мнѣніе Тьера). Мы уже видѣли, что въ странѣ возобладало второе мнѣніе, и что вообще составъ собранія получился весьма консервативный, такъ какъ изъ 730 членовъ около 400 были монархисты, большею частью орлеанисты съ очень значительною примѣсью легитимистовъ. Другими словами, въ 1871 г. повторилось то же самое, что было и въ 1848 г., когда выборы въ законодательное собраніе на 250, круглымъ счетомъ, республиканцевъ дали 500 монархистовъ [3]). Въ обоихъ случаяхъ по-

---

[1]) Т. V, стр. 663 и слѣд. и выше, стр. 88—89.

[2]) См. выше, стр. 102 и 106.

[3]) Т. V, стр. 602.

вторялось, въ сущности, то, что уже было и во времена первой республики, при дѣйствіи конституціи III г., когда законодательные выборы приводили въ оба представительныхъ совѣта—роялистовъ, не скрывавшихъ своего намѣренія возстановить монархію и когда республика была на время спасена только нарушеніемъ конституціи [1]). Во всѣхъ трехъ случаяхъ республиканцамъ предстояло имѣть дѣло съ собраніями, въ которыхъ большинство принадлежало не имъ, что̀ для республики не могло быть хорошимъ предзнаменованіемъ. Въ республиканскихъ кругахъ и въ городскомъ населеніи національное собраніе, открывшее свои засѣданія въ Бордо 12 февраля 1871 г., получило презрительную кличку „деревенщины“ (assemblée des ruraux), и сразу же между нимъ и республикански настроеннымъ населеніемъ Парижа произошелъ конфликтъ, окончившійся такъ печально для столицы Франціи. Исторія коммуны 1871 г. уже была разсказана въ другомъ мѣстѣ [2]); здѣсь только остается отмѣтить, что результатомъ парижскаго возстанія 1871 г. было такое же усиленіе реакціи, какое послѣдовало въ 1848 г. за достопамятными іюньскими днями [3]). Энергія, проявленная при подавленіи коммуны Тьеромъ,—котораго съ самаго же начала собраніе сдѣлало главою исполнительной власти,—заставила консервативно настроенное большинство особенно поддерживать этого испытаннаго политическаго дѣятеля и принять, 31 августа, предложеніе его сторонниковъ объявить собраніе имѣющимъ право выработать для Франціи конституцію и временно дать самому Тьеру титулъ президента французской республики. Между тѣмъ въ національномъ собраніи, еще въ мартѣ перенесшемъ свои засѣданія въ Версаль, сформировались партіи, числомъ семь. Крайнюю правую составляли легитимисты, правую—умѣренные роялисты, правый центръ—либеральные орлеанисты, сторонники парламентскаго правленія. Тремъ правымъ соотвѣтствовали три лѣвыя, изъ которыхъ одна была крайней, другая просто лѣвой, республиканской, третья лѣвымъ центромъ. Седьмую партію составляли бонапартисты. Весь вопросъ при такомъ составѣ собранія заключался въ томъ, будутъ ли всѣ правыя дѣйствовать солидарно противъ всѣхъ лѣвыхъ, или же, наоборотъ, въ союзѣ будутъ находиться оба центра противъ крайнихъ какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонѣ. Вторая комбинація была для республики болѣе выгодною; она-то именно и состоялась, ибо оба центра расходились между собою только по вопросу о верховной власти, одинаково стремясь къ парламентскому правле-

[1]) Т. III, стр. 641 и слѣд.

[2]) Въ главѣ V; см. стр. 140 и слѣд.

[3]) Т. V, стр. 508—509. О сходствѣ обоихъ эпизодовъ см. выше, стр. 136, 156 и др.

нію съ преобладаніемъ буржуазіи и въ извѣстномъ союзѣ съ духовенствомъ. Къ этому направленію принадлежалъ и самъ президентъ республики, Тьеръ. Благодаря союзу наиболѣе умѣренныхъ монархистовъ съ наиболѣе умѣренными республиканцами, прошло и превращеніе національнаго собранія въ учредительное, несмотря на всѣ протесты лѣвой, доказывавшей, что собраніе на это не имѣетъ ни малѣйшаго права, и что для собранія, которое выработало бы конституцію, нужно было произвести новые выборы. Этому же союзу Тьеръ былъ обязанъ своимъ титуломъ президента республики. Опираясь на указанное большинство, Тьеръ заключилъ свои займы (одинъ въ 1871, другой въ 1872) въ пять милліардовъ франковъ для уплаты контрибуціи нѣмцамъ, что̀ къ его популярности, какъ „возстановителя порядка“, прибавило популярность, какъ „освободителя территоріи“ [1]). Съ нимъ же, этимъ большинствомъ, Тьеръ провелъ и реорганизацію арміи по прусскому образцу (1872). Орлеанистскія симпатіи обоихъ центровъ и самого Тьера выразились въ дозволеніи принцамъ Орлеанскаго дома вернуться во Францію и въ возвращеніи имъ ихъ имѣній [2]). Въ департаментскомъ управленіи собраніе ввело децентрализацію, расширивъ власть генеральныхъ совѣтовъ, давъ имъ при этомъ по двѣ сессіи въ годъ, разрѣшивъ публичность ихъ засѣданій и учредивъ особыя выборныя департаментскія коммиссіи для веденія текущихъ дѣлъ въ промежутки между сессіями: это было выполненіемъ одного изъ требованій оппозиціи въ послѣдніе годы имперіи [3]), а для Тьера сильнымъ отступленіемъ отъ прежняго его преклоненія передъ наполеоновской централизаціей [4]). Другія требованія республиканской партіи не встрѣчали сочувствія въ большинствѣ собранія. Такъ, было отвергнуто предложеніе ввести подоходный налогъ, въ которомъ Тьеръ усмотрѣлъ „скрытый соціализмъ“, и для увеличенія государственныхъ доходовъ было установлено высокое обложеніе нужнаго для промышленности сырья [5]) и введены были новые налоги (на клубы и билліарды, на

[1]) Ср. выше, стр. 107, гдѣ говорится объ условіи очищенія французской территоріи отъ германскихъ войскъ.

[2]) Изгнаніе и конфискація состоялись въ 1848 г.

[3]) См. выше, стр. 185—186.

[4]) Т. V, стр. 266.

[5]) Наполеонъ III былъ убѣжденнымъ сторонникомъ началъ свободной торговли и проводилъ ихъ въ жизнь, когда встрѣчалъ протекціонистскую оппозицію въ законодательномъ корпусѣ, простыми указами исполнительной власти. Въ 1850 г. онъ заключилъ сдѣлавшійся знаменитымъ торговый договоръ съ Англіей (т. V, стр. 664), а въ 1861 г. отмѣнилъ пошлины на привозное сырье. Съ правленія Тьера начинается во Франціи возвращеніе къ протекціонистской политикѣ. Ср. указанную въ слѣд. примѣчаніи работу *B. Franke*. Изъ-за несогласія собранія съ предложеніемъ Тьера послѣдній подавалъ въ отставку, подробности о чемъ у *Hanotaux*, I, 382 и слѣд.

желѣзнодорожные билеты и всякаго рода квитанціи, на бумагу и зажигательныя спички). Отъ общей финансовой реформы собраніе упорно воздерживалось. Искреннимъ сторонникамъ республики въ установившемся порядкѣ не нравилось, что правительство при союзѣ обоихъ центровъ составлялось изъ орлеанистовъ, тѣмъ болѣе, что правительство въ борьбѣ съ радикальной оппозиціей широко пользовалось полномочіями, которыя ему давало объявленіе собраніемъ, послѣ усмиренія коммуны, усиленной охраны въ городахъ: между прочимъ, въ силу этого положенія правительство по простому своему усмотрѣнію могло запрещать непріятныя ему газеты, что̀ сильно стѣсняло агитаціонную дѣятельность республиканцевъ.

Бывали, однако, случаи въ президентство Тьера, когда правый центръ отказывалъ ему въ поддержкѣ, тѣмъ самымъ подчеркивая свое для него значеніе. Такъ, напр., онъ въ соединеніи съ другими правыми отклонилъ школьную реформу, предло́женную Жюлемъ Симономъ, и помѣшалъ задуманному-было закону о свободѣ печати. Время отъ времени правый центръ выражалъ свое неудовольствіе по поводу того, что Тьеръ, на его взглядъ, слишкомъ мирволилъ радикаламъ и хотѣлъ упрочить республику, которая, какъ настаивала эта партія, имѣла лишь временной характеръ. Въ концѣ концовъ, правый центръ сталъ отставать отъ своего союза съ лѣвымъ центромъ. Въ 1871 и 1872 г. предсѣдателемъ собранія постоянно выбирали стараго республиканца Греви, но въ 1873 г. предсѣдателемъ сдѣланъ былъ монархистъ Бюффе, членъ праваго центра. Въ маѣ того же года коалиція монархистовъ заставила и самого Тьера подать въ отставку.

Тьеръ стоялъ во главѣ исполнительной власти два года и три мѣсяца. Когда онъ взялъ власть въ свои руки, онъ уже былъ 74-лѣтнимъ старикомъ съ богатымъ политическимъ прошлымъ [1]). Начавъ

---

[1]) Для дальнѣйшаго подробности въ „Исторіи Западной Европы“, т. IV, стр. 290 и 429 и т. V, стр. 40, 42, 44—45, 261—266, 458, 478, 480—481, 597, 602 и др. Литература о Тьерѣ: *Richardet.* Histoire de la présidence de M. Thiers (1875). — *Eggenschwiler.* Thiers's Leben und Werke (1877). — *Ch. de Mazade.* Monsieur Thiers, cinquante années d'histoire contemporaine (1884). — *Jules Simon.* Le gouvernement de M. Thiers (1878).—*Его же.* Thiers, Guizot, Rémusat (1885).—*Rémusat.* Thiers (1889).—*Zévort.* Thiers (1892).—*Его же.* La présidence de M. Thiers (1896).—*A. Levrier.* La chute de M. Thiers (1873).—Въ русской литературѣ отмѣтимъ: *Е. Утинъ.* Конституціонализмъ и А. Тьеръ („Вѣстн. Евр.“ за 1880 и 1881 гг.). — Для исторіи освобожденія территоріи и финансовыхъ операцій Тьера, равно какъ для его экономической политики: *H. Doniol.* La libération du territoire.—*Mathieu-Bodet.* Les finances françaises de 1870—1878 (авторъ былъ самъ министромъ финансовъ). — *Amagat.* Les emprunts et les impôts de la rançon de 1871. — *Bernhard Franke.* Der Ausbau des heutigen Schutzzollsystems in Frankreich (въ 22 т. „Staats- und socialwis. Forschungen“ von *Schmoller*, 1903).

свою карьеру еще въ эпоху реставраціи въ качествѣ либеральнаго журналиста и прославившись въ двадцатыхъ годахъ, какъ авторъ одной изъ первыхъ настоящихъ исторій французской революціи, онъ съигралъ, какъ извѣстно, видную роль въ іюльской революціи въ качествѣ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ и вліятельныхъ сторонниковъ орлеанской кандидатуры. Сдѣлавшись вскорѣ затѣмъ членомъ палаты депутатовъ, онъ неразъ, при частой смѣнѣ министерствъ, становился самъ министромъ то внутреннихъ дѣлъ, то торговли и общественныхъ работъ, то иностранныхъ дѣлъ, всегда стараясь дружить съ либералами, хотя и отшатывая отъ себя многихъ изъ прежнихъ своихъ политическихъ друзей своимъ строгимъ отношеніемъ къ демократамъ. Во вторую половину царствованія Людовика-Филиппа Тьеръ находился постоянно въ оппозиціи, и лозунгомъ его было знаменитое „король царствуетъ, но не управляетъ“, т.-е. принципъ монархіи парламентарной. Его политическое міросозерцаніе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ сводилось къ необходимости сочетанія свободы и порядка, послѣдняго въ смыслѣ неизмѣнности извѣстнаго уклада жизни, въ соціальномъ же отношеніи онъ былъ плотью отъ плоти и костью отъ костей тогдашняго правящаго класса, буржуазіи. Лучше всего, думалъ онъ, сочетаніе свободы и порядка обезпечивается конституціонною монархіей съ парламентскимъ правленіемъ, какъ въ Англіи, и если онъ оправдывалъ іюльскую революцію, какъ обезпечившую за Франціей такое устройство, то въ то же время вооружался противъ революціоннаго духа, толкавшаго часть французскаго общества за предѣлы того, что самъ онъ считалъ единственно правильнымъ въ политикѣ. Цѣлью его было создать во Франціи политику, не чуждую консерватизма, но подъ условіемъ ея проведенія либеральными силами: это, по его мнѣнію, только и могло бы примирить съ существующимъ людей, не вполнѣ имъ довольныхъ въ виду новыхъ требованій жизни. За три недѣли до февральской революціи онъ открыто заявлялъ, что, будучи сторонникомъ принциповъ революціи 1789 г., онъ желалъ бы, чтобы „правительство революціи оставалось въ рукахъ людей умѣренныхъ“. Будучи министромъ, Тьеръ сурово расправлялся съ тогдашними республиканцами, а когда во Франціи получили особый ходъ соціалистическія и коммунистическія идеи, онъ выступилъ на защиту собственности въ спеціально посвященномъ ей сочиненіи. Отличаясь характеромъ болѣе гибкимъ, чѣмъ тотъ, какимъ обладалъ его соперникъ Гизо, онъ вообще былъ очень склоненъ къ уступкамъ, къ компромиссамъ, къ тому, что позднѣе было названо оппортунизмомъ: если бы, полагаютъ многіе, не Гизо, а Тьеръ стоялъ во главѣ министерства во вторую половину царствованія Людовика-Филиппа, то буржуазная монархія, вѣроятно, не такъ скоро пала бы подъ натискомъ надви-

гавшейся демократіи, но когда Людовикъ-Филиппъ позвалъ Тьера составить министерство, въ ночь на 24 февраля, было уже слишкомъ поздно. Въ февральской революціи Тьеръ уже не игралъ никакой роли, но зато мы его видимъ въ законодательномъ собраніи 1848 г. въ числѣ оппозиціонныхъ депутатовъ, хотя и не безъ его содѣйствія прошелъ знаменитый законъ клерикала Фаллу, отдавшій учебное дѣло во Франціи въ руки духовенства [1]) и состоялось ограниченіе избирательныхъ правъ рабочихъ, которыхъ Тьеръ въ своей рѣчи неосторожно обозвалъ „низкою чернью“ [2]). Онъ былъ затѣмъ въ числѣ арестованныхъ 2 декабря депутатовъ и вмѣстѣ съ другими подвергся высылкѣ за границу. Когда реакція стала ослабѣвать, Тьеръ, вернувшійся на родину, сталъ снова играть политическую роль въ первыхъ рядахъ орлеанистской оппозиціи, даже прямо какъ ея вождь, громко заговорившій въ законодательномъ корпусѣ о „необходимыхъ свободахъ“, попираемыхъ правительствомъ. Республиканскіе депутаты шестидесятыхъ годовъ находились въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Тьеру, къ совѣтамъ котораго даже прислушивались, цѣня его политическій опытъ. Но старый парламентскій дѣятель безсиленъ былъ что-либо сдѣлать. Во время дебатовъ о войнѣ съ Пруссіей онъ напрасно вмѣстѣ съ республиканцами взывалъ къ благоразумію и сдержанности: его протестъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ [3]). Когда 3 сентября имперія зашаталась на самыхъ своихъ основаніяхъ, взоры республиканцевъ, какъ мы видѣли [4]), остановились на Тьерѣ, какъ на возможномъ правителѣ страны, а избраніе его въ національное собраніе сразу въ двадцати департаментахъ само собою намѣчало его на постъ главы государства.

Таково было прошлое перваго президента третьей республики. Послѣ 4 сентября Тьеръ сразу понялъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ объединить интересы консервативной буржуазіи, при существованіи трехъ соперничавшихъ между собою во Франціи монархическихъ партій, могла бы только республика, но для того, чтобы исполнить эту задачу, сама республика должна была быть консервативной. Въ этомъ заключалась главная политическая идея стараго орлеаниста, и, конечно, его республика была враждебна не только республикѣ крайней лѣвой, но и болѣе умѣренной гамбеттовской республикѣ новыхъ общественныхъ слоевъ. За то, что Гамбетта, какъ увидимъ, агитировалъ въ пользу роспуска собранія, „не считающагося съ настроеніемъ верховнаго народа“, и основанія настоящей „республи-

[1]) Т. V, стр. 606.
[2]) Т. V, стр. 607.
[3]) См. выше, стр. 88, прим.
[4]) См. выше, стр. 188.

канской“ республики, Тьеръ крайне былъ недоволенъ его поведеніемъ, назвавъ его еще во время выборовъ въ національное собраніе, „буйнымъ сумасшедшимъ“. „Республика будетъ консервативной, или ея вовсе не будетъ“,—таковъ былъ высказанный имъ взглядъ на положеніе дѣлъ въ странѣ [1]). Понятно, что въ лицѣ Тьера коммуна могла встрѣтить только самаго безпощаднаго врага, нисколько не измѣнившаго своего отношенія къ революціонерамъ-демократамъ, какое проявилось у него еще за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ [2]).

И личный характеръ Тьера какъ-нельзя болѣе соотвѣтствовалъ той роли, которую его заставила играть историческая судьба въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Тьеръ, обладавшій изумительною работоспособностью, былъ какъ бы созданъ для кипучей дѣятельности, въ которой приходится постоянно быть на-чеку, преодолѣвать препятствія, обходить затрудненія, улаживать споры. Особенно бросались въ глаза его умѣніе оставаться со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ и примирять несходныя воззрѣнія, несмотря на то, что рѣдко кому онъ внушалъ личное къ себѣ расположеніе. Какъ въ былыя времена его сильно недолюбливалъ Людовикъ-Филиппъ, такъ теперь его не очень жаловали многіе, которымъ пришлось съ нимъ работать, но все-таки ему подчинялись, иногда и противъ своей воли. Нечего говорить, что среди радикаловъ къ нему чувствовали настоящую ненависть. Главнымъ мотивомъ всей его дѣятельности не безъ основанія общественное мнѣніе считало страшное честолюбіе, переходившее иногда даже въ мелочное тщеславіе. Викторъ Гюго прямо говорилъ о „маленькомъ и узенькомъ сердцѣ Тьера“, вызывавшемъ къ себѣ въ знаменитомъ поэтѣ смѣсь „отвращенія, удивленія и презрѣнія“, что̀ не мѣшало ему признавать въ Тьерѣ и большой государственный умъ, и крупныя дарованія оратора [3]). Не умѣя ни въ комъ возбудить настоящей дружбы, онъ имѣлъ многочисленныхъ сто-

[1]) Въ національномъ собраніи Тьеръ высказался за республику въ засѣданіи 27 марта. „Есть, сказалъ онъ, враги порядка, утверждающіе, будто мы хотимъ низвергнуть республику. Я формально ихъ опровергаю. Они лгутъ Франціи... Я не разрушу форму правленія, которою я теперь пользуюсь для возстановленія порядка“. Но къ этому онъ прибавилъ: „когда все будетъ возстановлено, страна будетъ свободно выбирать, какъ ей будетъ угодно, то, что касается ея будущихъ судебъ“. Гораздо рѣшительнѣе высказался Тьеръ за республику въ засѣданіи 26 дек. 1871 г.

[2]) См. выше, стр. 141, 150 и др. Отсюда—страшное ожесточеніе, съ какимъ говорятъ о Тьерѣ, нѣкоторые историки коммуны (см. на стр. 134 замѣчаніе о Дюбрейлѣ). Въ I т. труда *Hanotaux* много выписокъ изъ показаній Тьера передъ слѣдственной коммиссіей о его поведеніи съ 18 марта.

[3]) Собраніе парламентскихъ рѣчей Тьера въ 15 томахъ съ указателемъ, содержащемся въ 16 томѣ, вышло въ свѣтъ уже по его смерти, въ 1879—1884 гг.

ронниковъ и поклонниковъ по расчету. Что касается до политическихъ убѣжденій Тьера, то у него были только извѣстныя симпатіи—именно къ орлеанизму, но онѣ не мѣшали ему быть совершенно безпартійнымъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что, не будучи республиканцемъ, онъ не боялся республики и, увидѣвъ ея неизбѣжность, самъ же сталъ содѣйствовать ея проведенію въ жизнь. Къ его политическимъ взглядамъ можно примѣнить то, что онъ отвѣтилъ однажды на вопросъ, „каковы его отношенія къ Господу Богу“: „на этотъ счетъ,—сказалъ онъ смѣясь,—мы сойдемся, такъ какъ я ни на сторонѣ двора, ни въ оппозиціи“ [1]).

Отличаясь большою настойчивостью, Тьеръ умѣлъ во время своего президентства иногда прямо навязывать свою волю собранію. Всѣ партіи болѣе или менѣе чувствовали его необходимость, какъ самъ онъ чувствовалъ неизбѣжность республики. Въ собраніи цѣнили его практическій умъ и дѣловую опытность, его непреклонную энергію и неизмѣнный патріотизмъ, его разнообразныя и прочныя связи въ мірахъ дипломатическомъ, финансовомъ, военномъ, его заслуги въ переговорахъ относительно мира и освобожденія территоріи, и ему нерѣдко уступали, когда онъ чего-нибудь настойчиво требовалъ. Онъ даже сознательно пользовался мнѣніемъ о немъ собранія, какъ о человѣкѣ, безъ котораго оно не знало бы, что дѣлать и какъ быть: если случалось, что собраніе было противъ его предложенія, ему стоило только пригрозить выходомъ въ отставку, и передъ нимъ смирялись. Такъ, напр., поступилъ онъ, когда встрѣтилъ оппозицію своему плану насчетъ высокаго обложенія сырья [2]). Отличаясь, съ другой стороны, большою гибкостью характера, онъ умѣлъ, когда нужно, и уступать. Неопредѣленность положенія Франціи безъ общепризнанной и законно утвержденной формы правленія крайне его тяготила, а между тѣмъ онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что республика—такой образъ правленія, который наименѣе раздѣляетъ французовъ, и что попытка введенія всякой другой политической формы не могла бы обойтись безъ новой революціи. Выбранная по его настоянію для выработки конституціи коммиссія тридцати, большинство членовъ которой оказалось состоящимъ изъ монархистовъ, отложивъ дѣло въ долгій

[1]) Тьеръ вообще отличался находчивостью и остроуміемъ. Однажды, въ старые годы, Людовикъ-Филиппъ по поводу отказа Тьера войти въ одну министерскую комбинацію замѣтилъ ему иронически: „вы, кажется, хотите меня увѣрить, будто не очень-то дорожите портфелемъ“.—„Государь, возразилъ Тьеръ, каждый разъ, когда Вы, ваше величество, мнѣ говорили, что только съ болью въ сердцѣ приняли бремя короны, я всегда этому вѣрилъ“. Много подобныхъ черточекъ собрано въ книгѣ *Hanotaux*, въ первомъ томѣ которой (стр. 42 и слѣд.) можно найти и болѣе подробную общую характеристику Тьера.

[2]) Ср. выше, стр. 193.

ящикъ, поспѣшила предложить собранію одну мѣру, которая умаляла роль самого Тьера въ собраніи. Дѣло въ томъ, что Тьеръ любилъ лично посѣщать засѣданія народнаго представительства и участвовать въ обсужденіи имъ особенно важныхъ вопросовъ, пользуясь этимъ для убѣжденія депутатовъ въ правильности правительственныхъ предложеній и требованій. Коммиссія осудила такой порядокъ; по ея предложенію собраніе даже приняло за правило, чтобы впредь глава исполнительной власти обращался къ національному собранію лишь въ формѣ посланій, съ тѣмъ еще условіемъ, чтобы каждый разъ по прочтеніи президентскаго посланія засѣданіе закрывалось. Тьеръ не настаивалъ на сохраненіи прежняго порядка, хотя и протестовалъ противъ новаго. Уступка, однако, не предотвратила вскорѣ затѣмъ и послѣдовавшей отставки Тьера. Успѣхи радикальной агитаціи, которые монархистами ставились въ вину „слабости“ Тьера, тревожили и самого его, полагавшаго, что затянувшееся на слишкомъ долгій и неопредѣленный срокъ временное положеніе создаетъ условія, только благопріятствующія революціонной пропагандѣ. Поэтому правительство поторопилось внести въ собраніе проектъ конституціи, на что собраніе 360 голосами противъ 344 отвѣтило, 24 мая 1873 г., переходомъ къ очереднымъ дѣламъ, предлагавшимъ президенту республики „дать въ управленіи болѣе силы консервативной политикѣ“. Отвѣтомъ на это со стороны Тьера былъ выходъ въ отставку, хотя онъ могъ бы только ограничиться смѣною министерства. Мотивомъ его выхода въ отставку было то, что для себя лично онъ не видѣлъ болѣе возможности управлять съ враждебнымъ ему большинствомъ [1]).

Отставка Тьера выдавала республику ея врагамъ, потому что теперь, вмѣсто союза двухъ центровъ, сталъ дѣйствовать союзъ всѣхъ трехъ партій монархическаго большинства палаты. Въ это время признаннымъ вождемъ въ борьбѣ за республику съ ея врагами, на долгое время захватившими власть въ свои руки, сдѣлался Леонъ Гамбетта, уже раньше стоявшій во главѣ оппозиціи противъ недостаточно республиканской политики Тьера.

Выше уже не разъ называлось имя этого крупнаго политическаго дѣятеля перваго десятилѣтія третьей республики [2]). Мы видѣли, что онъ началъ свою политическую дѣятельность лишь въ шестидесятыхъ годахъ въ рядахъ молодого поколѣнія республиканцевъ — (Гамбетта родился въ 1838 г., и въ моментъ провозглашенія республики ему было только 32 года), — поколѣнія, воспитавшагося совсѣмъ въ другой обстановкѣ и подъ иными умственными влія-

[1]) О „24 мая“ см. въ концѣ I т. труда *Hanotaux*.
[2]) См. стр. 98, 99, 102, 105.

ніями, нежели старые республиканцы, дѣятели 1848 г. Очень рано начавъ интересоваться политикой, онъ въ то же время довольно быстро сталъ весьма замѣтною личностью среди литературной и учащейся молодежи Латинскаго квартала, пока его рѣзкія оппозиціонныя выступленія конца шестидесятыхъ годовъ не сдѣлали его извѣстностью всего Парижа, а роль во время войны—знаменитостью во всей Франціи, въ Европѣ, въ цѣломъ свѣтѣ. Выборы 1869 г. открыли Гамбеттѣ двери въ законодательный корпусъ, причемъ въ бельвилльской программѣ онъ формулировалъ главныя требованія республиканской партіи, въ которой занималъ уже настолько важное мѣсто, что имя его вошло и въ списокъ членовъ правительства національной обороны; въ этомъ правительствѣ Гамбеттѣ, какъ извѣстно, досталось завѣдованіе внутренними дѣлами. Не пожелавъ оставаться въ осажденномъ нѣмцами Парижѣ, онъ вылетѣлъ изъ него на воздушномъ шарѣ и въ Турѣ проявилъ необычайную энергію въ дѣлѣ организаціи военныхъ силъ для продолженія борьбы съ побѣдоносными германскими арміями. Какъ мы уже видѣли, послѣ капитуляціи Парижа Гамбетта продолжалъ настаивать на необходимости продолженія войны до послѣдней крайности (guerre à outrance)—противъ мнѣнія Тьера, стоявшаго за скорѣйшее заключеніе мира. Онъ тогда вышелъ изъ состава правительства, а потомъ вмѣстѣ съ другими республиканцами протестовалъ противъ мирнаго договора и даже сложилъ свои депутатскія полномочія, вернувшись въ собраніе только послѣ коммуны; въ немъ онъ сдѣлался вождемъ республиканской лѣвой. Своею задачею Гамбетта поставилъ теперь добиваться настоящей, а не поддѣльной, истинно „республиканской республики“, наступленіе которой знаменовало бы собою переходъ власти къ новымъ общественнымъ слоямъ. Основавъ газету „Французская республика“, ставшую главнымъ органомъ его приверженцевъ, Гамбетта, имя котораго гремѣло по всей странѣ, въ годы президентства Тьера разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ Франціи, произнося пламенныя рѣчи о необходимости роспуска національнаго собранія и введенія прочной республиканской конституціи. Тьеръ съ возраставшимъ неудовольствіемъ относился къ этой агитаціонной дѣятельности и въ ея „буйномъ безуміи“ готовъ былъ даже видѣть опасный для государства бунтъ противъ власти.

Силу Гамбетты, кромѣ его большого ума и замѣчательнаго краснорѣчія, твердой воли и смѣлой рѣшительности, пламеннаго патріотизма и непоколебимой вѣры въ республику, составляла еще его личная обаятельность, снискавшая ему расположеніе и преданность всѣхъ, кому приходилось его видѣть и слышать или вступать съ нимъ въ болѣе близкія отношенія. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ одной породы съ Мирабо, по крайней мѣрѣ, во многомъ его напоминалъ, — изъ по-

роды настоящихъ народныхъ трибуновъ. Гамбетту въ тяжелую годину вражескаго нашествія воодушевляло преданіе о славномъ національномъ подвигѣ народной массы въ 1792 и 1793 г., и онъ, вѣря въ возможность повторенія того же самаго въ 1870—71 г., съумѣлъ и другимъ внушить свою вѣру въ возможность побѣды. Трибунъ оказался притомъ превосходнымъ организаторомъ, человѣкомъ изъ одной категоріи съ Дантономъ или Карно, съумѣвъ найти средства и на нихъ создать войска, которыя, по крайней мѣрѣ, спасли честь Франціи. Въ то же время это была натура властная,—не даромъ же Гамбетту называли „турскимъ диктаторомъ“: онъ даже стремился самъ распоряжаться военными дѣйствіями и, чтобы война продолжалась, думалъ особымъ декретомъ устранить всѣхъ сторонниковъ мира отъ рѣшенія вопроса о войнѣ. Въ эпоху правленія монархическихъ партій, начавшагося послѣ отставки Тьера, руководящая роль въ борьбѣ за республику весьма естественно выпала на долю Гамбетты.

Главная бѣда французскихъ монархистовъ въ началѣ третьей республики заключалась въ томъ, что на одинъ и тотъ же тронъ у нихъ было три кандидата: у бонапартистовъ Наполеонъ III, а послѣ его смерти (въ Чизльгёрстѣ въ Англіи въ 1873 г.) императорскій принцъ Людовикъ-Наполеонъ, у легитимистовъ внукъ Карла X, графъ Шамборъ, представитель старшей линіи Бурбоновъ, у орлеанистовъ графъ Парижскій, внукъ Людовика-Филиппа, наслѣдникъ правъ младшей линіи, и ни одна изъ этихъ трехъ династическихъ партій не хотѣла поступиться своимъ кандидатомъ въ пользу котораго-либо изъ нихъ. Въ этомъ было, конечно, спасеніе республики, къ которой такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ время шло, населеніе постепенно привыкало. Монархисты, впрочемъ, съумѣли столковаться относительно преемника Тьеру и выбрали въ президенты, при воздержаніи лѣвой, маршала Макъ-Магона [1]), „славнаго седанскаго побѣжденнаго“ и усмирителя коммуны, пользовавшагося расположеніемъ клерикаловъ и свѣтскихъ реакціонеровъ. Его министерство, которое смотрѣло на себя, какъ на „правительство борьбы“, имѣвшее задачею водворить „нравственный порядокъ“ (ordre moral), состояло изъ орлеанистовъ, легитимистовъ и бонапартистовъ подъ предсѣдательствомъ орлеаниста, герцога де-Бройля (de Broglie).

Президентство Макъ-Магона продолжалось пять лѣтъ и восемь мѣсяцевъ (24 мая 1873 г.—30 января 1879 г.), представляя собою важный моментъ въ исторіи борьбы за утвержденіе республики во

---

[1]) *De Marcère.* Le seize Mai et la fin du septennat. — *X. de Préville.* Le glorieux soldat, le maréchal de Mac-Mahon. — *E. Daudet.* Souvenirs de la présidence du maréchal de Mac-Magon.

Франціи. Со стороны новаго правительства сдѣлано было прямое нападеніе на республику, которой оно рѣшило было не давать утвердиться законнымъ образомъ. Поэтому въ правительственныхъ актахъ всячески избѣгали слова „республика“, а изъ мэріи были убраны всѣ бюсты, ее изображавшіе. Далѣе, правительство предприняло чистку служебнаго персонала республики отъ республиканцевъ, начавъ увольнять префектовъ и субъ-префектовъ, мировыхъ судей, прокуроровъ и т. п. изъ республиканцевъ и отдавать ихъ мѣста сторонникамъ реакціи, большею частью бывшимъ бонапартистскимъ чиновникамъ. Агентамъ центральной власти на мѣстахъ было предписано содѣйствовать избранію монархическихъ кандидатовъ, т.-е. оказывать давленіе на выборы. Были, кромѣ того, приняты мѣры противъ радикальной пропаганды путемъ закрытія газетъ, наложенія на нихъ штрафовъ, запрещенія уличной продажи и репрессій противъ ресторановъ, гдѣ была бы обнаружена агитація. Стѣсняя всячески дѣятельность республиканцевъ, министерство поощряло, наоборотъ, различныя клерикальныя манифестаціи и вообще агитаціонную дѣятельность духовенства. Въ это время съ благословенія правительства происходили съѣзды высшаго духовенства, обсуждавшіе мѣры для насажденія въ націи католическаго благочестія; такими мѣрами являлись назначеніе въ полки священниковъ, которые должны были наставлять солдатъ въ духѣ самаго строгаго католицизма, запрещеніе гражданскихъ похоронъ, служившихъ соблазномъ для вѣрныхъ сыновъ церкви, усиленіе духовнаго вліянія въ школахъ. Притязанія духовенства находили вообще постоянную поддержку и въ собраніи, и въ правительствѣ, благодаря чему католическая партія добилась изданія закона, разрѣшавшаго открытіе свободныхъ среднихъ школъ и даже университетовъ, чѣмъ духовенство не замедлило воспользоваться для того, чтобы начать открывать свои школы, гдѣ воспитывались бы только послушныя чада единоспасающей церкви. Духовнымъ не возбранялось, наконецъ, устраивать разныя процессія и коллективныя, цѣлыми толпами, хожденія на богомолье [1]), получавшія характеръ демонстрацій въ пользу возстановленія папской власти въ Римѣ и монархіи во Франціи. Такой же реакціонно-политическій характеръ принялъ въ это время культъ Святого Сердца (Sacré-Coeur), въ честь котораго рѣшено было построить на Монмартрѣ, господствующемъ надъ всѣмъ Парижемъ, громадный храмъ. И мѣсто для него было выбрано тамъ, гдѣ, по преданію, Игнатій Лойола навербовалъ первыхъ своихъ послѣдователей; для отчужденія земли подъ эту постройку по-

[1]) *Besson.* L'année des pélerinages. 1872—1873 (1874). — *P. Parfait.* Le dossier des pélerinages (1877).

надобился спеціальный законъ, который безъ затрудненій былъ вотированъ національнымъ собраніемъ.

Таково было общее направленіе политики монархическаго большинства послѣ отставки Тьера. Въ политическихъ кругахъ начали вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно говорить о монархической реставраціи, которая должна была быть совершена совокупными силами легитимистовъ и орлеанистовъ [1]). Для этого должно было произойти сліяніе (fusion) обѣихъ партій въ одну на условіи отдачи французской короны графу Шамбору, какъ единственному законному преемнику старшей линіи Бурбоновъ, съ тѣмъ, чтобы наслѣдникомъ будущаго „Генриха V“ былъ графъ Парижскій, глава младшей линіи. Первому изъ нихъ, проживавшему во Фросдорфѣ (въ Австріи, недалеко отъ Вѣны), шелъ въ это время шестой десятокъ (род. въ 1820 г.), а второй былъ моложе его на восемнадцать лѣтъ, такъ что по всѣмъ вѣроятіямъ можно было ожидать, что онъ переживетъ „короля“ и будетъ царствовать, какъ его законный преемникъ. Главы обѣихъ династій согласились на эту комбинацію, и въ августѣ 1873 г. графъ Парижскій сдѣлалъ оффиціальный визитъ графу Шамбору, признавъ въ немъ при этомъ своего законнаго монарха. Все остальное казалось легко достижимымъ. Сторонники монархической реставраціи на условіи сліянія и безъ бонапартистовъ составляли большинство въ національномъ собраніи, такъ что оставалось только войти въ соглашеніе съ „королемъ“ относительно подробностей возстановленія во Франціи королевской власти. Выбранная для этого во время парламентской вакаціи коммиссія пришла къ тому выводу, что національное собраніе не выберетъ Генриха V, а только объявитъ, что онъ приглашается занять французскій престолъ въ силу своего наслѣдственнаго права, какъ глава законной національной династіи Франціи. Возстановленная монархія должна была быть конституціонной, но конституція отнюдь не навязанною королю собраніемъ, но король долженъ былъ самъ ее предложить собранію, которое подвергло бы ее голосованію, послѣ чего ей дана была бы королевская санкція. (Самая конституція предполагалась

---

[1]) *E. Daudet.* La vérité sur l'essai de restauration.— *Chesnelong.* La campagne monarchique d'octobre 1873. — *Abbé Rouquette.* Paray-le-Monial. Compte rendu du pélerinage du 20 juin 1873 (1873). — *Eug. Dufeuille.* Réflexions d'un monarchiste.—*Marquis de Castellane.* Dernier essai de restauration monarchique („Nouvelle Revue“ за 1895 г.). — *Marquis de Dreux-Brézé.* Notes et souvenirs pour servir à l'histoire du parti royaliste. 1872—1873 (1895). Для гр. Шамбора см. *Comte de Chambord.* Manifestes et programmes politiques (1873).—*Dubosc de Pesquidoux.* Le comte de Chambord. — *H. de Pène.* Henri de France. — *Saint-Albin.* Histoire de Henri V.—Для орлеанскихъ принцевъ: *Comte d'Haussonville.* Le comte de Paris.—*Marquis de Flers.* Le comte de Paris.—*Ern. Daudet.* Le duc d'Aumale.

въ духѣ хартіи 1814 г.) Дѣло реставраціи шло гладко, и монархисты готовились уже къ встрѣчѣ короля въ Парижѣ, когда изъ-за одного только второстепеннаго пункта возникло разногласіе, разрушившее всю наладившуюся уже махинацію. Какое знамя должно было быть у реставрированной монархіи: старое ли бѣлое знамя Бурбоновъ или трехцвѣтное знамя Орлеановъ, бывшее, въ сущности, знаменемъ революціи, знаменемъ всѣхъ трехъ республикъ и обѣихъ узурпаторскихъ имперій? Графу Шамбору предлагали,—по крайней мѣрѣ, временно, впредь до возможнаго въ будущемъ пересмотра вопроса вмѣстѣ съ народнымъ представительствомъ,—согласиться на принятіе трехцвѣтнаго знамени, потому что не только орлеанисты, но и многіе легитимисты понимали, какую недобрую память оставило по себѣ въ народѣ бѣлое знамя, этотъ символъ стараго порядка, напоминавшій и о временахъ реставраціи; даже Макъ-Магонъ замѣтилъ, что стоитъ только отказаться отъ трехцвѣтнаго знамени, и „шаспо сами собою начнутъ стрѣлять“. Былъ ли то лишь благовидный предлогъ со стороны уже немолодого и болѣзненнаго принца для отказа отъ риска царствовать въ мятежной Франціи, вмѣсто того, чтобы оставаться въ своемъ спокойномъ убѣжищѣ, или тутъ, дѣйствительно, была фанатическая вѣрность принципу, только графъ Шамборъ наотрѣзъ отказался измѣнить бѣлому знамени, о чемъ торжественно и объявилъ въ посланіи на имя своихъ приверженцевъ осенью того же 1873 г. [1]). Несмотря на это, легитимисты все еще надѣялись добиться въ собраніи постановленія о возвращеніи короля (который въ ноябрѣ даже самъ пріѣзжалъ въ Версаль), но орлеанистскій правый центръ, недовольный упрямствомъ претендента, отказался отъ столь много обѣщавшей комбинаціи и для продленія status quo, столь выгоднаго для консервативныхъ интересовъ, рѣшилъ къ неудовольствію легитимистовъ предложить установить десятилѣтній срокъ для президентскихъ полномочій Макъ-Магона. Лѣвый центръ, схватившійся за эту мысль, чтобы предотвратить все еще считавшуюся не невозможною реставрацію, не сталъ этому перечить, предложивъ только сокращеніе указаннаго срока до пяти лѣтъ. Результатомъ былъ компромиссъ въ видѣ такъ называемаго „септенната“, т.-е. семилѣтняго срока, вошедшаго потомъ и въ нынѣ дѣйствующую конституцію французской республики. Такимъ образомъ, попытка монархической реставраціи, какъ это, впрочемъ, и предсказывалъ, напримѣръ, Тьеръ, окончилась неудачей, и

[1]) Пій IX, недовольный проваломъ дѣла, съ досадою сказалъ: „et tout ça pour *ounc* serviette!“ *Hanotaux*, II, 226 прим. Вообще объ этомъ эпизодѣ монархической реставраціи масса интересныхъ подробностей у названнаго историка, посвятившаго ему во второмъ томѣ своего труда около двухсотъ страницъ (107—310).

республика, дѣйствительно, оказалась формою, наименѣе раздѣлявшей французовъ, но эта упрочившаяся республика въ то же время оказывалась гораздо болѣе консервативной, чѣмъ то допускалъ самъ Тьеръ. Иною и не могла быть республика, такъ сказать, по неволѣ, и въ рукахъ монархическихъ партій. Септеннатъ, по ихъ мысли, долженъ былъ до поры до времени поддерживать эту не-республиканскую республику во избѣжаніе другой республики, которая отняла бы у нихъ власть, какъ и умѣренные республиканцы тоже видѣли въ септеннатѣ своего рода гарантію—противъ реставраціи.

Септеннатъ, какъ мы только-что видѣли, былъ результатомъ соглашенія двухъ центровъ, бо́явшихся отчасти разныхъ вещей, отчасти одного и того же. Въ данный моментъ правый центръ имѣлъ противъ себя легитимистовъ, которые скоро стали и въ другихъ случаяхъ голосовать противъ орлеанистовъ. Когда, напр., орлеанисты задумали измѣнить избирательный законъ повышеніемъ срока жительства на одномъ мѣстѣ для пользованія избирательнымъ правомъ до трехъ лѣтъ, крайняя правая, вездѣ подозрительно усматривавшая подвохи въ цѣляхъ орлеанистской реставраціи, голосовала вмѣстѣ съ лѣвыми и тѣмъ содѣйствовала провалу предложенія, что̀ даже повлекло за собою паденіе министерства, стоявшаго на сторонѣ орлеанистовъ (въ маѣ 1874). Предметомъ разногласія между легитимистами и орлеанистами было также и пониманіе самой природы септенната. Легитимисты видѣли въ послѣднемъ лишь срокъ нахожденія во власти, лично установленной для Макъ-Магона, который могъ бы въ любое время и отказаться отъ своихъ полномочій въ пользу законнаго короля, тогда какъ орлеанисты защищали независимость септенната отъ личности тогдашняго президента, доказывая, что это—совершенно безличное учрежденіе, и что потому въ теченіе семи лѣтъ никакихъ перемѣнъ въ политическомъ устройствѣ Франціи быть не можетъ; ихъ сокровенною мыслью считали избраніе въ будущемъ одного изъ принцевъ Орлеанскаго дома, герцога Омальскаго, въ президенты, и легитимисты этого допустить не могли.

Раздоры въ монархическомъ лагерѣ на первыхъ порахъ были только на руку бонапартистамъ [1]); лишь позднѣе и республика извлекла изъ этого раскола нѣкоторую для себя выгоду. Министерство, въ которомъ преобладало орлеанистское теченіе, уступило мѣсто новому кабинету (Сиссэ), тоже, какъ и первое, состоявшему изъ представителей трехъ монархическихъ партій, но уже съ перевѣсомъ

---

[1]) *J. Richard.* Le bonapartisme sous la république (1883). — *H. A. L. Fisher.* Bonapartism (1908).—Для претендента бонапартистовъ: *C-te d'Hérisson.* Le prince impérial.—*André Martinet.* То же заглавіе.

бонапартистовъ, къ которымъ лично у Макъ-Магона было несомнѣнное тяготѣніе и которые на выборахъ послѣ мая 1873 г. выступали единственными имѣвшими частичный успѣхъ конкуррентами республиканцевъ. Неудача фузіонистской реставраціи вообще окрылила надежды приверженцевъ имперіи; они даже устроили особый „комитетъ воззванія къ народу“ для пропаганды идеи возстановленія имперіи, причемъ нѣкоторые министры вошли въ секретныя сношенія съ этимъ бонапартистскимъ комитетомъ. Продолжавшее идти своимъ чередомъ укрѣпленіе „нравственнаго порядка“ давало министерству широкую возможность пользоваться своею властью въ спеціальныхъ интересахъ одной партіи, но возрожденіе бонапартизма, покровительствуемое правительствомъ въ интересахъ „нравственнаго порядка“, стало тревожить наиболѣе либеральныхъ членовъ праваго центра, ненавидѣвшихъ имперію. Результатомъ было ихъ соглашеніе съ лѣвыми относительно требованія поставить наконецъ на очередь постоянно откладывавшійся вопросъ о государственномъ устройствѣ Франціи. Лѣвые внесли свой проектъ, но онъ, конечно, не прошелъ. Вопросъ о формѣ правленія былъ рѣшенъ только тогда, когда отъ праваго центра отдѣлилась небольшая группа и голосовала съ лѣвыми за одну поправку, предложенную Валлономъ и присвоивавшую главѣ правительства титулъ президента республики, давъ лѣвымъ перевѣсъ, выразившійся, однако, только однимъ голосомъ: именно *за* было подано 353 голоса, противъ—352 (30 января 1875 [1]).

---

[1]) Сущность дѣла заключалась вотъ въ чемъ. Въ первомъ же параграфѣ проекта конституціи говорилось о двухъ палатахъ безъ всякаго упоминанія о республикѣ и объ ея исполнительной власти, установленной закономъ о септеннатѣ. Пять-шесть депутатовъ, руководимыхъ Тьеромъ, въ томъ числѣ Лабуле, предложили поправку, заключавшуюся въ словахъ: „правительство республики состоитъ“ и т. д., но эта поправка 29 января была отвергнута 359 голосами противъ 336. Тогда Валлонъ предлагаетъ свою поправку со словами: „президентъ республики“ и съ упоминаніемъ о возможности его переизбранія послѣ семилѣтняго срока,—поправку, въ сущности являвшуюся дополненіемъ къ параграфу объ организаціи законодательной власти. Собраніе передало эту поправку въ коммиссію тридцати, составлявшую проектъ конституціи, но коммиссія ее отвергла, о чемъ и объявила въ засѣданіи 30 января. Когда Валлонъ сталъ съ трибуны ее защищать, въ залѣ стоялъ шумъ разговоровъ, оратора никто сначала не слушалъ, потомъ его постоянно прерывали. Едва кончилась его рѣчь, какъ правые предложили поправку къ поправкѣ, заключавшую въ себѣ указаніе на возможность пересмотра конституціонныхъ законовъ по истеченіи срока полномочій маршала Макъ-Магона, но коммиссія тридцати отвергла и это дополненіе. Правые настаивали на томъ, чтобы ихъ предложеніе голосовалось нераздѣльно съ предложеніемъ Валлона, но собраніе рѣшило голосовать каждое само по себѣ, притомъ сначала болѣе позднее. Поправка правыхъ провалилась 522 голосами противъ 129. Затѣмъ дошла очередь до поправки Валлона, которая и была принята только однимъ лишнимъ голосомъ! Вопросъ былъ рѣшенъ перемѣщеніемъ нѣсколькихъ голосовъ изъ центра срав-

Другіе пункты вотированной въ 1875 г. конституціи были тоже слѣдствіемъ иногда чисто случайныхъ соглашеній между отдѣльными партіями собранія. Вслѣдствіе этого французская конституція, дѣйствующая и нынѣ, не похожа на всѣ прежнія конституціи, изъ которыхъ каждая представляла собою единый и цѣльный законодательный актъ.

Въ самомъ дѣлѣ, то, что называется конституціей третьей республики, состоитъ изъ цѣлаго ряда законовъ, начиная двумя актами 1871 и 1873 гг. о правахъ президента, изданными при Тьерѣ, и актомъ 1873 же года о септеннатѣ, изданномъ при Макъ-Магонѣ, и кончая собственно законами 1875 г.: 1) объ организаціи сената, 2) объ организаціи общественныхъ властей, 3) о взаимныхъ ихъ между собою отношеніяхъ, 4) о выборахъ сенаторовъ и депутатовъ и 5) о государственномъ совѣтѣ [1]). Другими словами республиканская конституція

нительно съ голосованіемъ поправки Лабуле. Валлона прозвали послѣ этого „отцомъ республики". Валлонъ былъ профессоромъ исторіи, написавшимъ извѣстныя сочиненія по исторіи рабства въ древности (1847), о Жаннѣ д'Аркъ (1860), о Людовикѣ Св. (1875), а позднѣе, главнымъ образомъ въ восьмидесятыхъ годахъ, большіе труды по французской революціи, о которыхъ см. въ моей статьѣ „Новѣйшія работы по исторіи Французской революціи", въ I т. „Историческаго Обозрѣнія". Это—труды въ духѣ Тэна. Успѣхъ 30 января такъ окрылилъ Валлона, что и нѣкоторыя другія важныя статьи конституціи принадлежатъ ему. Что касается до Лабуле, то онъ еще въ 1872 г. издалъ „Esquisse d'une constitution républicaine". Это тоже былъ ученый историкъ и публицистъ, біографію котораго написалъ Валлонъ. Нѣкоторыя сочиненія Лабуле были переведены по русски и даже пользовались большою извѣстностью („Исторія Соединенныхъ Штатовъ", „Государство и его предѣлы", въ особенности его знаменитые памфлеты „Парижъ въ Америкѣ" и „Принцъ-собачка", направленные противъ Наполеона III). Лабуле особенно настаивалъ на двухпалатной системѣ.

[1]) Текстъ французской конституціи 1875 г. можно найти, кромѣ сборниковъ, указанныхъ въ т. III, стр. 516, и въ русскомъ переводѣ во II т. *Гессена* и *Нольде* (стр. 535 и слѣд.). Кромѣ того, см. второй томъ книги *Esmein'a*, указанной на стр. 2 настоящаго тома, а также *Louis Blanc.* Histoire de la constitution du 25 février 1875.—*A. Devin.* Commentaire de la constitution du 25 février 1875 (1875). — *E. Pierre.* Lois constitutionnelles de la république française (1885).—*A. Lebon.* Das Staatsrecht der französischen Republik (1886; въ коллекціи *Marquardsen'a*).—*De la Bigne de Villeneuve.* Éléments du droit constitutionnel français (1892). — *C. F. A. Carrier.* Constitutional and organic laws of France. 1875—1889 (1893).—*Brie.* Die gegenwärtige Verfassung Frankreichs (1893). — *А. Градовскій.* Парламентаризмъ во Франціи (Собраніе сочиненій, III).—*В. Дерюжинскій.* Конституція третьей республики (въ сборн. „Изъ исторіи политич. свободы", 1906). — *Его же.* Верхняя палата во Франціи (тамъ же). Въ III томѣ не разъ уже называвшагося труда *Hanotaux* отведено очень много мѣста конституціи 1875 г.; см. особенно главы III („La république fondée"), гдѣ разсказывается исторія принятія конституціи собраніемъ, и V („Théorie de la constitution"), а въ V главѣ преимущественно § IV.

Франціи создалась по частямъ, подъ давленіемъ временныхъ обстоятельствъ, въ силу случайныхъ соглашеній разныхъ группъ народнаго представительства, безъ единой опредѣленной и ясной идеи. Совершенно такъ же, безъ общаго плана, вносились въ нее и позднѣйшія частичныя измѣненія подъ вліяніемъ преходящихъ условій и въ силу минутныхъ комбинацій. Это—конституція чисто компромисснаго характера: главная ея характеристика заключается въ томъ, что ею признать и оформить республику вынуждено было собраніе, въ которомъ большинство составляли монархисты. Въ сущности, конституція 1875 г. поэтому и превращала Францію въ нѣкоторое подобіе парламентарной монархіи съ президентомъ, вмѣсто короля, во главѣ.

По конституціи 1875 г. законодательная власть „осуществляется во Франціи“ двумя собраніями: „палатой депутатовъ и сенатомъ“, изъ которыхъ первое „избирается всеобщимъ голосованіемъ на основахъ, опредѣленныхъ особымъ избирательнымъ закономъ“, а „составъ, способъ избранія и полномочія“ второго тоже устанавливались особымъ закономъ. Что касается президента республики, то онъ „избирается абсолютнымъ большинствомъ голосовъ сената и палаты депутатовъ, соединенныхъ въ національное собраніе“. Избраніе совершается, какъ сказано, на семь лѣтъ, причемъ конституціей признается право переизбранія. „Президентъ республики, гласитъ далѣе законъ 25 февраля 1875 г., обладаетъ законодательной иниціативой наравнѣ съ членами обѣихъ палатъ“. Онъ обнародываетъ вотированные обѣими палатами законы, наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ, „обладаетъ правомъ помилованія“ (безъ права амнистіи), „располагаетъ вооруженною силою“, назначаетъ на всѣ должности, но „каждый актъ президента республики долженъ быть контрасигнованъ министромъ“. Кромѣ того, президенту республики было предоставлено „право, съ надлежащаго согласія сената, распускать палату депутатовъ и до истеченія законнаго срока ея полномочій“, но съ назначеніемъ трехмѣсячнаго срока для новыхъ выборовъ [1]). „Министры, говорится еще въ этомъ законѣ, несутъ солидарную отвѣтственность передъ палатами за общее направленіе политики правительства и индивидуальную—за ихъ личныя дѣйствія. Президентъ республики отвѣтственъ только въ случаѣ государственной измѣны“ [2]). При освобожденіи поста президента республики по какой бы то ни было причинѣ „обѣ палаты въ соединен-

[1]) Конституціонный законъ 13—14 авг. 1884 г. сократилъ этотъ срокъ до двухъ мѣсяцевъ и установилъ десятидневный срокъ для созыва самой палаты по окончаніи избирательной процедуры. Отмѣтимъ, что у *Гессена* и *Нольде* конституція 1875 г. дается въ ея теперешнемъ (измѣненномъ) видѣ.

[2]) *Francisque Perrin.* De la responsabilité pénale du chef de l'état et des ministres en France (1900).

номъ засѣданіи, приступаютъ немедленно къ избранію" его преемника, а „въ промежуткѣ исполнительная власть возлагается на совѣтъ министровъ". Если обѣ палаты, „по своей иниціативѣ или по предложенію президента республики", придутъ къ признанію необходимости пересмотра конституціонныхъ законовъ, онѣ, чтобы совершить этотъ пересмотръ, „соединяются въ національное собраніе", которое и „рѣшаетъ вопросъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ".. Однако, при этомъ сдѣлана была оговорка, въ силу которой въ президентство маршала Макъ-Магона пересмотръ былъ возможенъ только по предложенію самого президента республики [1]). Наконецъ, послѣднею статьею этого конституціоннаго закона мѣстопребываніемъ исполнительной власти и обѣихъ палатъ назначался Версаль.

Таково короткое (всего въ 9 параграфовъ) содержаніе закона объ отношеніи общественныхъ властей. Другимъ закономъ, принятымъ днемъ раньше, опредѣлялась организація сената. Первые семь параграфовъ этого закона дѣйствовали только до 1884 г., когда была произведена реформа этого учрежденія [2]). По закону 1875 г. сенатъ долженъ былъ состоять изъ трехсотъ членовъ, изъ которыхъ двѣсти двадцать пять выбирались департаментами и колоніями (отъ пяти до одного), а семьдесятъ пять—національнымъ собраніемъ. Возрастъ сенаторовъ опредѣлялся minimum въ сорокъ лѣтъ. Коллегія, избиравшая сенаторовъ въ департаментахъ и колоніяхъ, должна была состоять изъ мѣстныхъ депутатовъ, членовъ генеральнаго совѣта и совѣтовъ окружныхъ и делегатовъ, выбранныхъ по одному каждымъ муниципальнымъ совѣтомъ изъ избирателей общины. Такимъ образомъ, устанавливалась совершенно особая коллегія, въ которой значительный перевѣсъ получали голоса мелкихъ общинъ, посылавшихъ по одному делегату наравнѣ съ крупными; этимъ обезпечивался болѣе консервативный составъ коллегіи. Двѣсти двадцать пять сенаторовъ избирались на девять лѣтъ, съ обновленіемъ всего состава въ каждые три года по очереди, а до ея установленія—по жребію. Семьдесятъ пять сенаторовъ, избранныхъ національнымъ собраніемъ, пользовались привилегіей несмѣняемости, съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ случаѣ открывшейся ваканціи сенатъ уже самъ замѣщалъ освободившееся мѣсто. Впослѣдствіи, повторяемъ, весь этотъ порядокъ былъ измѣненъ, и изъ закона о сенатѣ остались дѣйствующими до конца

[1]) Позднѣе (въ 1884 г.) эта оговорка замѣнена была другою: „республиканская форма правленія не можетъ быть предметомъ предложенія о пересмотрѣ". Въ составъ теперешней статьи этого закона входитъ еще запрещеніе избирать въ президенты республики членовъ фамилій, царствовавшихъ во Франціи.

[2]) См. ниже, въ главѣ XVI.

XIX и начала XX в. только двѣ статьи: 1) о равноправности сената съ палатою депутатовъ въ законодательствѣ [1]), и 2) о возможности обращать сенатъ „въ судебную палату для суда надъ президентомъ республики или надъ министрами, а также для разбора дѣлъ о посягательствахъ на безопасность государства".

Оба изложенные законы были приняты 24 и 25 февраля 1875 г., а 16 іюля того же года былъ принятъ еще одинъ конституціонный законъ о взаимныхъ отношеніяхъ общественныхъ властей. Имъ прежде всего опредѣлялся ежегодный срокъ собранія обѣихъ палатъ (второй вторникъ января), если только президентъ республики не созоветъ ихъ раньше, причемъ устанавливалось, что сессіи обѣихъ палатъ должны и начинаться, и кончаться одновременно и продолжаться не меньше пяти мѣсяцевъ въ году. Президенту республики предоставлено было право созыва палатъ и въ чрезвычайныя сессіи по собственной иниціативѣ, но, кромѣ того, ему вмѣняется въ обязанность созывъ палатъ, если этого потребуетъ большинство ихъ членовъ. Отсрочка засѣданій тоже составляетъ право президента республики, не долѣе, однако, какъ на одинъ мѣсяцъ, и не болѣе двухъ разъ въ одну сессію. „Президентъ республики сносится съ палатами посредствомъ посланій, которыя прочитываются съ трибуны министромъ". Для обнародованія президентомъ республики законовъ установлены были сроки (мѣсячный для большей части законовъ и трехдневный для неотложныхъ), но въ теченіе даннаго срока „президентъ республики можетъ въ мотивированномъ посланіи требовать отъ обѣихъ палатъ новаго обсужденія, въ которомъ ему не можетъ быть отказано". За президентомъ республики законъ признаетъ право заключать и ратифицировать договоры [2]) съ освѣдомленіемъ о нихъ палатъ, „лишь только интересы и безопасность государства позволяютъ это", но „президентъ республики не можетъ объявить войну безъ предварительнаго согласія обѣихъ палатъ". Преданіе суду президента республики или министровъ составляетъ прерогативу палаты депутатовъ, судебною же палатою является сенатъ, который, сверхъ того, „можетъ быть обращенъ президентомъ республики, изданномъ въ совѣтѣ министровъ, въ верховный судъ для суда надъ каждымъ, кто будетъ обвиненъ въ покушеніи противъ безопасности государства". Остальныя статьи закона имѣютъ обычный характеръ.

Пропускаемъ органическій законъ 2 августа 1875 г. объ избраніи сенаторовъ, какъ слишкомъ спеціальный, и останавливаемся еще на

---

[1]) Оговорка: „однако, всѣ финансовые законы должны быть сначала представлены палатѣ депутатовъ и ею вотированы".

[2]) За исключеніемъ договоровъ о мирѣ, торговлѣ и т. п.

органическомъ законѣ 30 ноября 1875 г. объ избраніи депутатовъ. Для характеристики общей, такъ сказать, разбросанности нынѣ дѣйствующей во Франціи конституціи, весьма показательно, что этотъ важный законъ въ первомъ же своемъ параграфѣ ссылается на другой законъ, который носитъ заголовокъ „Закона о муниципальномъ электоратѣ“ [1]). „Депутаты,—такъ гласитъ самое начало разсматриваемаго органическаго закона,—избираются избирателями, внесенными: 1) въ списки, составленные согласно предписаніямъ закона 7 іюля 1874 г., и 2) въ дополнительные списки, въ которые вносятся жительствующіе въ коммунѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ“. Чтобы понять, въ чемъ дѣло, нужно самый законъ о муниципальномъ электоратѣ дочитать до параграфа пятаго послѣ четырехъ длинныхъ статей, касающихся составленія списковъ, а по параграфу 5 „вписываются въ списки муниципальныхъ избирателей всѣ граждане, достигшіе 21 года, пользующіеся своими гражданскими и политическими правами и не подходящіе ни подъ одинъ случай неправоспособности, предусмотрѣнный закономъ“, причемъ цѣлый рядъ пунктовъ опредѣляетъ условія осѣдлости, требуемыя для избирателей. Въ сущности, законъ 30 ноября 1875 г. только подтверждалъ, не давая самаго названія, принципъ всеобщаго избирательнаго права для совершеннолѣтнихъ мужчинъ, прожившихъ въ той или другой коммунѣ, по крайней мѣрѣ, полгода, съ различеніемъ среди нихъ такихъ, которые пользуются правомъ подачи голоса и въ муниципальныхъ, и въ общегосударственныхъ выборахъ, и такихъ, которымъ принадлежитъ только это послѣднее право: при обычномъ способѣ составленія конституцій это могло бы быть высказано ясно и опредѣленно и не нуждалось бы въ особомъ разъясненіи смысла статьи. Изъ другихъ параграфовъ отмѣтимъ тѣ, въ которыхъ устанавливается свобода избирательной агитаціи, опредѣляется возрастъ для избираемыхъ (не моложе 25 лѣтъ), не требуется переизбранія для депутатовъ, сдѣланныхъ министрами или младшими государственными секретарями“, запрещаются всякіе императивные мандаты, порядокъ выборовъ вводится индивидуальный, а не по спискамъ изъ нѣсколькихъ лицъ [2]), срокомъ же, на которые депутаты избираются,

---

[1]) *F. A. Hélie.* Les constitutions de la France (1875), стр. 1400—1402. Это прекрасное изданіе, на которое мы ссылались и въ другихъ томахъ „Исторіи Западной Европы“, важно по своимъ обширнымъ комментаріямъ къ текстамъ.

[2]) „Les membres de la chambre des députés sont élus au scrution individuel“ (§ 14), что у *Гессена* и *Нольде* переведено не совсѣмъ ловко: „члены палаты депутатовъ избираются поименнымъ голосованіемъ“, ибо послѣднее выраженіе можетъ значить нѣчто другое. Во Франціи системѣ „scrutin d'arron-

признаётся періодъ въ четыре года, съ обновленіемъ палаты каждый разъ въ полномъ составѣ, вводится система перебаллотировокъ и т. п.

Создавъ для Франціи новыя учрежденія, національное собраніе разошлось въ концѣ 1875 г., назначивъ предварительно своихъ 75 несмѣняемыхъ членовъ въ сенатъ, изъ которыхъ большинство (58) оказалось республиканскимъ. Выборы остальныхъ 225 сенаторовъ, наоборотъ, благодаря, главнымъ образомъ, делегатамъ сельскихъ общинъ, дали консервативное большинство, не настолько, однако, сильное, чтобы въ общемъ составѣ сената получился значительный перевѣсъ монархистовъ надъ республиканцами: и тѣхъ, и другихъ было почти поровну, первыхъ 151 человѣкъ, вторыхъ 149. Гораздо болѣе благопріятными для республиканцевъ оказались выборы въ палату депутатовъ, куда ихъ вошло около 360 противъ только 170 монархистовъ.

Партійныя группы въ новомъ собраніи были въ общемъ тѣ же, что и въ старомъ; измѣнились только численныя отношенія. Въ большинствѣ, бывшемъ теперь республиканскимъ, самую значительную группу составляла республиканская лѣвая, въ консервативномъ же меньшинствѣ усилилась, сравнительно съ прежнимъ, фракція „воззванія къ народу", ростъ которой начался еще въ національномъ собраніи, но зато крайняя правая уже совсѣмъ исчезла. При новомъ составѣ народнаго представительства, конечно, долженъ былъ начаться пересмотръ недавняго реакціоннаго законодательства, и палата постепенно возстановила свободу печати, разрѣшила уличную продажу газетъ, отмѣнила жалованье полковымъ священникамъ и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ она предприняла очистку администраціи отъ реакціонныхъ элементовъ. И въ своей собственной средѣ палата систематически отказывала, при повѣркѣ полномочій, въ утвержденіи тѣмъ депутатамъ, которые были обязаны своимъ избраніемъ правительственному давленію или происканъ духовенства. Понятно, что при республиканскомъ большинствѣ уже не было возможности оставаться прежнему министерству, вслѣдствіе въ мартѣ 1876 г. Макъ-Магонъ былъ вынужденъ назначить новое министерство изъ членовъ лѣваго центра съ Дюфоромъ [1]) во главѣ, котораго въ концѣ того же года смѣнилъ Жюль Симонъ. Отъ принципа однородности парламентарнаго министерства маршалъ, однако, отступилъ, оставивъ три портфеля (войско, флотъ и иностранныя дѣла) въ рукахъ лицъ, не принадлежавшихъ къ большинству палаты. Отъ своего республиканскаго министерства большинство потребовало удаленія чиновниковъ рѣзко-антиреспубликанскаго

dissement", когда въ каждомъ округѣ выбирается одинъ депутатъ, противополагаются выборы по списку (scrutin de liste), когда баллотируется одинъ общій списокъ для цѣлаго департамента.

[1]) Объ этомъ дѣятелѣ соч. *P. Moulin'a* (1879), *G. Picot* (1883) и др.

направленія, которыхъ было назначено особенно много въ эпоху утвержденія „нравственнаго порядка“ министерство начало тогда предложенную ему очистку, хотя послѣдняя пошла не такъ быстро и совершалась при этомъ не такъ полно, какъ того хотѣли наиболѣе рьяные республиканцы палаты. Главнаго своего врага республиканское большинство видѣло въ духовенствѣ [1]), что̀ и было формулировано Гамбеттою въ одной короткой фразѣ, имъ однажды произнесенной: „клерикализмъ, — вотъ кто врагъ!“ (le cléricalisme, c'est l'ennemi!).

Клерикалы между тѣмъ продолжали свою прежнюю агитацію, настаивая на томъ, чтобы Франція принялась за возстановленіе свѣтской власти папы, и это очень дурно вліяло на международное положеніе Франціи. Изъ разныхъ мѣстъ страны въ палату даже посылались петиціи объ оказаніи помощи „ватиканскому узнику“, которыя находили здѣсь поддержку у реакціонеровъ, но лѣвыя группы самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ подобныхъ манифестацій. Республиканское министерство хорошо понимало, что врагъ-клерикализмъ вообще будетъ всегда силенъ, пока народное образованіе будетъ находиться въ рукахъ католическаго клира, почему и поспѣшило выработать законопроекты о введеніи свѣтскаго начальнаго образованія и объ отнятіи у „свободныхъ“ католическихъ университетовъ права, признаннаго за ними предыдущимъ собраніемъ, раздавать ученыя степени. Духовенство было крайне встревожено антиклерикальнымъ направленіемъ палаты и министерства; вмѣстѣ со своими приверженцами, свѣтскими клерикалами, оно настойчиво дѣйствовало въ близкихъ къ президенту республики кругахъ, чтобы добиться отъ него защиты консервативныхъ интересовъ. Старый слуга имперіи, самъ ревностный католикъ, окруженный однородною средою, Макъ-Магонъ совершенно не годился для роли sui generis конституціоннаго монарха, которую долженъ былъ, собственно говоря, играть по конституціи 1875 г., да и въ 1873 г., когда его послѣ отставки Тьера, выбирали на первый постъ въ республикѣ, тоже не имѣли въ виду посадить на президентское мѣсто человѣка, который разыгрывалъ бы такую роль. Маршалъ былъ ставленникомъ монархистовъ, находившихъ, что Тьеръ только укрѣпляетъ положеніе республики и недостаточно притомъ сдерживаетъ радикаловъ, и нуждавшихся въ человѣкѣ, способномъ быть не только орудіемъ реакціи, но при благопріятныхъ обстоятельствахъ и монархической реставраціи. Макъ-Магонъ совершенно

[1]) Для исторіи церкви и духовенства во Франціи при третьей республикѣ см. *Bourgain*. L'église et l'état en France au XIX siècle (1901).—*A. Debidour*. L'église catholique et l'état sous la troisième république (1906); т. I отъ 1870 до 1889 г. и т. II отъ 1889 до 1906 г.—*H. Brisson*. La congrégation (1902).

не соотвѣтствовалъ новой палатѣ, а между тѣмъ семилѣтній срокъ его полномочій истекалъ еще не скоро, и онъ оставался на своемъ посту. Вынужденный назначить республиканское министерство, президентъ нерѣдко обращался за совѣтами къ прежнимъ министрамъ, врагамъ республики и друзьямъ клерикаловъ. Въ ихъ глазахъ единственною опорою „нравственнаго порядка“ оставался сенатъ, но будущій составъ его зависѣлъ отъ муниципальныхъ выборовъ, которые при республиканскомъ министерствѣ могли дать неблагопріятные для консервативныхъ интересовъ результаты. И вотъ ближайшіе совѣтники маршала внушили ему необходимость дѣйствовать.

Ударъ республикѣ былъ нанесенъ реакціонерами 16 мая 1877 г. [1]), случайно въ годовщину другого „шестнадцатаго мая“ (le seize mai), того именно дня, когда Карлъ X въ 1830 г. распустилъ оппозиціонную палату и назначилъ новые выборы, давшіе палату іюльской революціи [2]), — совпаденіе, на которое особенно охотно ссылались въ своей полемикѣ противъ маршала республиканскіе публицисты [3]). Между обоими „шестнадцатыми мая“, дѣйствительно, было сходство: оба раза это были своего рода coups d'état, направленные противъ національной свободы. Въ указанный день 1877 г., по состоявшемуся соглашенію съ консерваторами палаты депутатовъ и сената, появилось въ оффиціальномъ органѣ правительства письмо президента республики къ предсѣдателю совѣта министровъ,—каковымъ тогда былъ Жюль Симонъ,—съ упреками по поводу его политики и съ указаніемъ на то, что если президентъ республики по конституціи и не отвѣтственъ, подобно министрамъ, передъ народнымъ представительствомъ, это еще не мѣшаетъ ему чувствовать другую, еще болѣе важную отвѣтственность свою—передъ всею Франціей: Жюлю Симону и его товарищамъ ставилось здѣсь въ вину, въ существѣ дѣла, то же самое, въ чемъ обвиняли и Тьера его монархическіе противники. Министерство поступило такъ, какъ при такихъ обстоятельствахъ только и могло поступить, т.-е. вышло въ отставку, и его мѣсто заняло новое,

---

[1]) *M. Marcère*, авторъ исторіи національнаго собранія 1871 г. (см. выше, стр. 174), самъ бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетахъ Дюфора и Ваддингтона (см. ниже), предпринялъ въ 1908 г. „Histoire de la république de 1876 à 1879“, въ первой, вышедшей въ свѣтъ части которой изложеніе доводится до 25 іюня 1879 г. Раньше онъ издалъ „Le seize mai et la fin du septennat“. „Шестнадцатымъ мая“ кончается III т. книги *Hanotaux*, называющаго его (на стр. 724) „la crise fatale de l'interprétation de la constitution de 1875“, которая „avait prétendu combiner la république et la monarchie“.

[2]) T. V, стр. 35.

[3]) Однимъ изъ видныхъ газетныхъ борцовъ былъ старый публицистъ Эмиль де Жирарденъ (т. V, стр. 462, 465 и 479), который еще въ 1874 г. пріобрѣлъ газету „La France“ для борьбы съ реакціей.

получившее названіе „министерства 16 мая“ или „министерства нравственнаго порядка“. Составлено оно было изъ орлеанистовъ и бонапартистовъ; во главѣ его стоялъ герцогъ де-Бройль [1]), орлеанистъ, уже раньше занимавшій такой же постъ, внутреннія дѣла были отданы въ распоряженіе бонапартиста Фурту. Опорою новаго правительства, кромѣ самого главы государства, было консервативное большинство сената съ соотвѣтственнымъ ему меньшинствомъ палаты депутатовъ: сенатъ, съ согласія котораго президентъ республики по конституціи только и могъ распустить палату депутатовъ, долженъ былъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, а консервативное меньшинство палаты—всячески содѣйствовать и съ своей стороны успѣху предпріятія. Сущность послѣдняго заключалась въ томъ, чтобы новые выборы дали правительству, какъ сказали бы въ другомъ мѣстѣ и въ другое время, законопослушную палату, къ чему стремился и Карлъ X, распустивъ 16 мая 1830 г. либеральную палату. Какъ тогда въ ходъ было пущено, кромѣ административнаго давленія на избирателей, и личное обращеніе короля къ націи, такъ и теперь и администраціи было дано порученіе относительно хорошаго исхода выборовъ, и самъ глава государства стремился использовать свое высокое положеніе въ качествѣ фактора успѣшной избирательной кампаніи. Всѣ мѣры были приняты, чтобы предпріятіе дѣйствительно увѣнчалось успѣхомъ. Для этого, какъ-никакъ, нужно было время: чтобы продлить срокъ своего пребыванія у власти, министерство Бройля-Фурту распорядилось съ роспускомъ палаты и новыми выборами такъ, что въ его распоряженіи оказалось цѣлыхъ пять мѣсяцевъ [2]), въ теченіе которыхъ оно могло заняться подготовкой выборовъ и вообще тѣмъ, что съ его точки зрѣнія вело къ оздоровленію Франціи. Началась очистка администраціи отъ неблагонадежныхъ элементовъ, замѣна республиканскихъ префектовъ, субъ-префектовъ и мэровъ консервативными, преимущественно бонапартистскими; были выставлены оффиціальныя кандидатуры съ личной, такъ сказать, рекомендаціей президента республики, который даже обратился къ націи съ посланіемъ, порицавшимъ республиканскую оппозицію и возвѣщавшимъ, что онъ, мар-

---

[1]) De Broglie, но французы произносятъ эту фамилію итальянскаго происхожденія (Broglio) не де-Брольи, а де-Брòйль. Онъ былъ довольно извѣстный историкъ, особенно много написавшій послѣ своей отставки. О немъ см. *Fagniez*. Le duc de Broglie (1902).

[2]) Сначала министерство отсрочило засѣданія палаты депутатовъ до 16 іюня, потомъ 22 іюня получило отъ сената согласіе на роспускъ, послѣ чего выждало истеченія законнаго трехмѣсячнаго срока (ср. выше, стр. 280) только 22 сентября объявило выборы на 14 октября, что и составило указанные пять мѣсяцевъ.

шалъ, во всякомъ случаѣ оружія не сложитъ; республиканскія собранія и пресса всевозможными способами стѣснялись; закрывались трактирныя заведенія, гдѣ велась оппозиціонная агитація, и привлекались къ судебной отвѣтственности особенно непріятныя правительству лица (между прочимъ Гамбетта), тѣмъ болѣе, что не было недостатка въ случаяхъ оскорбленія президента; духовенство проповѣдовало въ церквахъ на политическія темы, ругало республиканцевъ и убѣждало подавать голоса за кандидатовъ маршала.

Опасность, грозившая республикѣ, заставила республиканцевъ объединиться и удвоить энергію въ борьбѣ съ реакціей. Въ распущенной палатѣ ихъ было 363, и какъ лозунгомъ либераловъ въ 1830 г. было вернуть въ палату всѣхъ 221 депутатовъ, вотировавшихъ оппозиціонный адресъ Карлу X, такъ и теперь всѣ „триста шестьдесятъ три“ („les 363“) должны были опять занять свои мѣста въ палатѣ депутатовъ. Они выступили на выборахъ всѣ кандидатами одной партіи, съ общею программою защиты республики противъ коалиціи монархическихъ партій, защиты народовластія противъ личнаго правленія президента и охраны мира противъ сторонниковъ возстановленія Франціей свѣтской власти папы,—которое не могло бы совершиться безъ войны съ Италіей. Однимъ изъ наиболѣе горячихъ и энергичныхъ противниковъ режима 16 мая былъ Гамбетта, заявившій въ одной изъ своихъ многочисленныхъ агитаціонныхъ рѣчей [1]), что когда Франція выскажетъ свою волю, тогда нужно будетъ „se soumettre ou se démettre“ (или подчиниться, или уйти). Какъ-разъ въ это время, незадолго до выборовъ, республиканская партія лишилась того, кому общественное мнѣніе отводило въ ней первое мѣсто, лишилась Тьера, скончавшагося восьмидесятилѣтнимъ старцемъ въ началѣ осени 1877 г. Парижъ устроилъ ему грандіозные похороны съ характеромъ явной политической демонстраціи, а опроставшееся мѣсто главы республиканцевъ и въ общественномъ мнѣніи, и фактически занялъ Гамбетта. Такъ какъ на этотъ разъ опасность республикѣ грозила со стороны бонапартизма, то республиканская пресса усиленно напоминала своимъ читателямъ о „преступленіи 2 декабря“ и о „позорѣ Седана“. Въ это время Викторъ Гюго возобновилъ литературную борьбу съ имперіей [2]), издавъ свою „Исторію одного преступленія“, а старый публицистъ еще конца сороковыхъ годовъ, Эмиль де-Жирарденъ [3]), въ небольшомъ „Dossier de la guerre de 1870“ представилъ цѣлый обвини-

---

[1]) Рѣчь въ Лиллѣ 15 августа 1877 г. (въ „Discours et plaidoyers choisis“, стр. 238—259), къ которой мы еще возвратимся въ главѣ XVI.

[2]) T. V, стр. 614.

[3]) T. V, стр. 614 (о высылкѣ его за границу послѣ 2 декабря).

тельный актъ противъ позорнаго легкомыслія, съ какимъ въ 1870 г. имперія поставила на карту благосостояніе и величіе Франціи. Съ другой стороны, газеты напоминали Макъ-Магону судьбу предпріятія Карла X.

Въ общемъ, населеніе оставалось сдержаннымъ во время этого кризиса, чтобы не подавать повода къ репрессіямъ, хотя настроеніе большинства и выражалось въ такихъ словахъ и поступкахъ, въ которыхъ нельзя было не усматривать оскорбленіе главы государства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ правительственнымъ сообщеніямъ, приклеивавшимся на углахъ улицъ, на ночь ставили (часовыхъ, или на ночь ихъ снимали), чтобы на нихъ не появлялись ругательныя надписи или ихъ не забрасывали грязью и навозомъ. Такой судьбѣ подвергалось и воззваніе Макъ-Магона къ націи, въ которомъ онъ говорилъ, что, „исполняя свою миссію“, онъ готовъ „идти до конца“. Правительство особенно расчитывало на то, что рѣзко антиклерикальный характеръ республиканской партіи погонитъ добрыхъ католиковъ къ урнамъ для подачи голосовъ за консервативныхъ кандидатовъ, но это соображеніе его обмануло. Съ другой стороны, даже среди довольно консервативно настроенной части буржуазіи весьма многіе не забывали словъ Тьера, что всякая попытка монархической реставраціи неминуемо вызоветъ новую революцію; этого отчасти не могъ не понимать даже самъ Макъ-Магонъ, который, какъ извѣстно, все-таки „до конца“ не пошелъ. Выборы, состоявшіеся 14 октября, съ послѣдовавшими перебаллотировками были полнымъ проваломъ всего предпріятія 16 мая. Бо́льшая часть республиканскихъ депутатовъ (335 изъ 363) была переизбрана, а когда были произведены дополнительные выборы вслѣдствіе кассаціи ряда избраній, какъ незаконныхъ, общее число республиканскихъ депутатовъ выросло до 394, соотвѣтственно съ чѣмъ сильно понизилась численность монархистовъ, среди которыхъ, однако, на этотъ разъ бонапартисты составляли очень значительную группу. Побѣда республиканцевъ была полная; значеніе ея было усилено тѣмъ, что въ скоромъ времени частичные выборы въ сенатъ и въ этомъ учрежденіи доставили лѣвымъ (174) перевѣсъ надъ правыми [1]).

Франція высказала свою волю, но Макъ-Магонъ и не думалъ se soumettre ou se démettre, какъ того требовалъ Гамбетта, и рѣшилъ оставаться („j'y suis, j'y reste“), чтобы до конца исполнить то, что называлъ своей миссіей. Министерство Бройля-Фурту, побитое на выборахъ, вышло въ отставку, но Макъ-Магонъ для составленія новаго министерства обратился не къ лидерамъ большинства, а къ консер-

[1]) Осенніе выборы въ генеральные совѣты дали около 800 республиканцевъ и только 600 монархистовъ.

ваторамъ, взявъ ихъ только внѣ обоихъ представительныхъ учрежденій. Съ этимъ „дѣловымъ“ кабинетомъ, во главѣ котораго стоялъ Рошбуэ, палата, однако, отказалась входить въ какія бы то ни было сношенія, грозя вмѣстѣ съ тѣмъ и оставленіемъ безъ утвержденія бюджета на 1878 г. Передъ Макъ-Магономъ открывалось четыре исхода: во-первыхъ, уйти самому, но его политическіе друзья убѣждали остаться; еще разъ распустить палату, но на это нужно было согласіе сената, расчетъ на которое былъ плохъ [1]); въ-третьихъ, произвести государственный переворотъ, къ чему маршала усиленно приглашали реакціонеры, но у него на это не хватило рѣшимости и храбрости; наконецъ, подчиниться, т.-е. дать отставку отвергнутому палатою министерству и составить новое, которое было бы для нея пріемлемо. Макъ-Магонъ пошелъ по этому четвертому, конституціонному пути, что произошло ровно черезъ два мѣсяца послѣ октябрьскихъ выборовъ, въ самомъ концѣ 1877 г. (14 декабря), когда было назначено министерство Дюфора, подобранное изъ членовъ лѣваго центра. Оно тотчасъ же занялось возвращеніемъ на прежнія мѣста чиновниковъ, лишившихся своихъ должностей послѣ 16 мая; это крайне не понравилось маршалу. Между нимъ и республиканскимъ министерствомъ начались несогласія, которыя привели къ выходу самого президента въ отставку въ самомъ началѣ 1879 г. [2]).

Побѣдѣ республики въ серьезномъ кризисѣ 1877 г. много способствовало единеніе, царившее среди республиканцевъ, которые составляли какъ бы одну партію въ борьбѣ также съ одной партіей, объединявшейся общими реакціонными стремленіями. Въ это трудное для республики время наибольшая заслуга въ дѣлѣ успѣшной борьбы за нее среди отдѣльныхъ дѣятелей по всѣмъ правамъ принадлежитъ Гамбеттѣ, который въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ и былъ наиболѣе популярнымъ политическимъ дѣятелемъ Франціи. Впрочемъ, за эти годы самъ Гамбетта испыталъ нѣкоторую эволюцію въ сторону большей умѣренности требованій и большей сдержанности въ удовлетвореніи назрѣвшихъ потребностей. Человѣкъ, который возражалъ на заявленіе Тьера о возможности во Франціи только консервативной республики, словами: „если это консервативная республика, то она и не республика вовсе“, сталъ съ теченіемъ времени опредѣлять истинную, государственную мудрость, какъ умѣренность. Въ тяжелыя минуты борьбы съ реакціей, когда ему не разъ приходилось убѣждаться, что не такъ-то легко осуществлять на практикѣ

---

[1]) Это было еще до обновленія его состава.

[2]) Въ 1878 г. въ Парижѣ была всемірная выставка, сильно отвлекавшая общественное вниманіе отъ политическихъ вопросовъ.

теоретическіе принципы, онъ приглашалъ своихъ единомышленниковъ быть болѣе терпѣливыми, и въ 1878 г., когда власть уже была въ рукахъ республиканцевъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы рѣшать вопросы по серіямъ, а не сразу. Единство дѣйствій противъ реакціи въ 1877 году требовало примиренія противорѣчій, а желаніе имѣть на своей сторонѣ побольше общественныхъ силъ заставляло подальше прятать слишкомъ острые углы республиканской программы, дабы не отпугивать колеблющихся отъ новаго государственнаго строя. Ради успѣха самой республики Гамбетта сталъ умѣрять ея требованія и рекомендовалъ для упроченія власти за настоящими республиканцами дѣйствовать такъ, чтобы изъ нихъ можно было составить министерство, потому что находилъ онъ, „годъ власти плодотворнѣе, нежели цѣлый десятокъ лѣтъ самой героической оппозиціи“. Со многимъ изъ того, что прежде имъ отрицалось, онъ теперь примирялся. Наприм., сначала онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ высказался противъ существованія сената, а потомъ уже съ сочувствіемъ выражался объ этомъ учрежденіи, называя его „верховнымъ совѣтомъ общинъ Франціи“. Этою новою эволюціей своихъ политическихъ идей онъ поселялъ въ широкихъ кругахъ французской буржуазіи убѣжденіе, что республика можетъ быть и не столь страшною, какъ ее расписывали монархисты или изображали наиболѣе крайніе изъ самихъ же лѣвыхъ, и это не только немало обезоруживало враговъ республики, но и создавало для самого Гамбетты положеніе „сокровеннаго владыки“ Франціи. Тѣ республиканцы, которые не одобряли такой поворотъ направо въ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ Гамбетты, смотрѣли на новое его направленіе, какъ на измѣну принципамъ ради невысокой въ моральномъ отношеніи и небезопасной въ политическомъ тактики приспособленія къ обстоятельствамъ, окрестивъ эту тактику именемъ „оппортунизма“ и распространивъ названіе „оппортунистовъ“ на всѣхъ приверженцевъ Гамбетты. Единодушіе, державшееся въ республиканской партіи, когда ей приходилось напрячь всѣ силы на отстаиваніе республики, должно было уступить мѣсто различію мнѣній и прямой борьбѣ съ переходомъ власти къ республиканцамъ. Первымъ сталъ отдѣляться отъ единенія лѣвый центръ, изъ котораго Макъ-Магонъ взялъ своихъ министровъ послѣ пораженія реакціи на октябрьскихъ выборахъ 1877 г. Среди членовъ этой партіи, имѣвшей главныхъ своихъ представителей въ сенатѣ, было не мало католиковъ, которые легко вступали въ союзъ съ правою этого собранія противъ антиклерикальнаго направленія большинства республиканцевъ. Старая республиканская лѣвая и крайняя лѣвая, къ которой принадлежалъ Гамбетта, составляли въ качествѣ республиканскаго союза, лѣвую, но лѣвѣе его возникала еще новая, радикальная партія, вожди которой Клемансо, Гобле и Брис-

сонъ впослѣдствіи повели кампанію и противъ оппортунистовъ вообще, и въ частности противъ Гамбетты лично.

Отставка Макъ-Магона очистила мѣсто президента республики для Жюля Греви [1]), стараго и испытаннаго республиканца 1848 г., человѣка, которому пошелъ уже шестьдесятъ шестой годъ и который потомъ на своемъ посту и до истеченія семилѣтняго срока, и будучи вторично выбранъ президентомъ, строго слѣдовалъ системѣ полнаго воздержанія отъ личнаго вмѣшательства въ дѣла. Это былъ корректный глава парламентарной монархіи, вполнѣ раздѣлявшій старый взглядъ Тьера, что монархъ долженъ царствовать, а не управлять, но отнюдь не подражавшій самому Тьеру, какъ президенту, стремившемуся, наоборотъ, лично во все входить и всѣмъ руководить. Въ собраніи, выбравшемъ Греви, за него было подано 563 голоса противъ 150, что составляло 80% общаго числа поданныхъ голосовъ, а вторичное избраніе Греви впослѣдствіи доказывало, что республиканцы считали этотъ свой выборъ удачнымъ. Въ моментъ отставки Макъ-Магона и выбора Греви министерство продолжало оставаться въ рукахъ лѣваго центра, но это болѣе уже не соотвѣтствовало новому положенію дѣлъ, такъ какъ власть должна была перейти къ лѣвой. Сначала образовалось министерство Ваддингтона, ученаго археолога и по вѣроисповѣданію протестанта (что̀ тоже было своего рода признакомъ времени). Это министерство провело отмѣну параграфа конституціи, дѣлавшаго Версаль мѣстопребываніемъ законодательныхъ учрежденій республики, которыя отнынѣ должны были засѣдать въ Парижѣ, и при немъ же была первая амнистія приговореннымъ къ наказаніямъ за участіе въ коммунѣ; крайняя лѣвая добивалась полной амнистіи, но большинство согласилось на частичную съ предоставленіемъ выбора лицъ президенту республики. Ваддингтонъ, однако, не угодилъ лѣвымъ тѣмъ, что недостаточно очищалъ администрацію отъ бонапартистскихъ элементовъ; къ концу 1879 г. у власти уже было новое министерство съ Фрейсине во главѣ, инженеромъ по профессіи и тоже, какъ его предшественникъ, протестантомъ по вѣроисповѣданію, сотрудникомъ Гамбетты во время вооруженія народа въ 1870 г. для борьбы съ нѣмцами [2]). Въ это министерство подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, однимъ изъ авторитетныхъ выразителей котораго выступилъ Гамбетта, была принята общая амнистія [3]), и рѣшено было объявить день взятія

[1]) Греви былъ еще членомъ учредительнаго собранія 1848 г., въ которомъ обратилъ на себя вниманіе поправкою къ проекту конституціи, требовавшею уничтоженія должности президента республики.

[2]) Фрейсине о войнѣ въ провинціяхъ написалъ сочиненіе, названное выше, стр. 98.

[3]) См. рѣчь Гамбетты объ амнистіи въ палатѣ 21 іюня 1880 г. (Discours et plaidoyers choisis, стр. 308—302), на которую ср. ссылку у насъ въ гл. XVI.

Бастиліи въ 1789 г., 14 іюля, національнымъ праздникомъ въ знакъ окончательнаго торжества республики [1]). Министромъ народнаго просвѣщенія въ составѣ этого кабинета былъ Жюль Ферри, имя котораго намъ уже встрѣчалось, между прочимъ, какъ члена правительства народной обороны [2]). По сдѣлавшемуся крылатымъ слову Гамбетты, врагъ былъ клерикализмъ, и противъ этого врага Жюлемъ Ферри была начата борьба. Опираясь на лѣвое большинство, онъ провелъ законы объ исключеніи изъ высшаго совѣта народнаго просвѣщенія всѣхъ представителей духовенства и о правѣ только государственной высшей школы давать ученыя степени, но сенатъ отвергъ параграфъ закона, запрещавшій членамъ неразрѣшенныхъ правительствомъ религіозныхъ конгрегацій управлять учебными заведеніями и преподавать въ нихъ, т. е. имѣвшій въ виду преимущественно іезуитскія среднія школы. Оппозиція, встрѣченная министерскимъ предложеніемъ со стороны сената, заставила палату предложить правительству привести въ дѣйствіе существующіе законы противъ неразрѣшенныхъ конгрегацій, которыхъ, нужно замѣтить, во Франціи было тогда не менѣе пятисотъ съ 22 т. членовъ,—цѣлая клерикальная армія. Опираясь на это порученіе, министерство въ концѣ марта 1880 г. объявило іезуитскій орденъ и всѣ его учрежденія закрытыми во Франціи, а другимъ орденамъ предложило въ трехмѣсячный срокъ испросить у правительства разрѣшеніе на существованіе подъ угрозою также закрытія въ случаѣ отказа это сдѣлать. Іезуиты не захотѣли повиноваться, такъ что правительству пришлось привести свое постановленіе въ исполненіе силою. Послѣднюю мѣру провелъ самъ Жюль Ферри, сдѣлавшійся въ сентябрѣ того же 1880 года предсѣдателемъ совѣта министровъ. Послѣ этого онъ еще въ собраніи, выбранномъ въ 1876 г., провелъ законы о свободѣ собраній и печати, а затѣмъ рядъ реформъ въ учебномъ дѣлѣ, впервые установивъ во Франціи свѣтское среднее образованіе для дѣвочекъ и даровое первоначальное образованіе для народной массы [3]). Страна одобрила новый курсъ внутренней политики, какъ это показали выборы 1881 года, пославшіе въ палату 467 республиканцевъ и только 90 консерваторовъ. Въ сенатѣ послѣ обновленія его состава въ 1882 г. тоже насчитывалось 205 республиканцевъ (изъ нихъ, однако, тридцать ненадежнаго лѣваго центра) на 95 консерваторовъ.

Указаніемъ на этотъ успѣхъ, достигнутый во Франціи республикою къ началу восьмидесятыхъ годовъ мы и закончимъ изложеніе

---

[1]) Этотъ день фактически былъ ознаменованъ празднованіемъ еще в 1878 г., въ самый разгаръ всемірной выставки.

[2]) См. выше, стр. 98, 183, 190 и др.

[3]) Послѣднее уже въ мартѣ 1882 г.

исторіи Франціи въ первое десятилѣтіе по низверженіи имперіи [1]). Итакъ, большихъ усилій стоило республиканцамъ, преодолѣвая множество препятствій, завоевать Францію. У этой партіи была уже старая традиція, не всегда указывавшая ей, однако, вѣрные пути, — стоитъ вспомнить только якобинизмъ,—было богатое прошлое, въ которомъ, однако, насчитывалось больше пораженій, нежели побѣдъ, и къ ней принадлежало все, что только было лучшаго во французскомъ обществѣ, цвѣтъ національной интеллигенціи. Неудача второй республики повлекла за собою на долгое время разгромъ республиканской партіи: члены ея долгое время томились—и умирали—въ тюрьмахъ и на чужбинѣ, а многіе оставшіеся въ живыхъ снова увидѣли родину только черезъ двадцать лѣтъ. Во время имперіи выросло, однако, новое поколѣніе республиканцевъ, которое съ уцѣлѣвшими стариками и предприняло завоеваніе Франціи среди крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Выборы въ національное собраніе 1871 г. какъ бы показывали, что Франція не желаетъ республики, и монархическую реставрацію сдѣлало невозможною только то, что на одинъ тронъ было три претендента, приверженцы которыхъ не могли между собою столковаться. Сила обстоятельствъ, такимъ образомъ, навязывала Франціи республику, но люди, распоряжавшіеся судьбами страны, медлили это признать, все еще расчитывая на ту или другую реставрацію. По необходимости они въ концѣ концовъ вынуждены были примириться съ республикой, но подъ условіемъ, чтобы это была республика консервативная, какую настоящіе республиканцы и за республику-то считать не хотѣли. Реакціонное настроеніе широкихъ и вліятельныхъ круговъ французской націи немало обусловливалось парижскою коммуною, поселившею въ имущихъ классахъ общества особый страхъ передъ республикой. Популярный и консервативный Тьеръ палъ вслѣдствіе того, что недостаточно, по мнѣнію консерваторовъ, противодѣйствовалъ радикализму. Чтобы избѣжать необходимости признать республику, легитимисты и орлеанисты, ссорившіеся болѣе сорока лѣтъ, готовы были даже примириться между собою для того, лишь бы призвать во Францію короля. Когда это не удалось, создали септеннатъ, подъ покровомъ котораго должна была совершаться безудержная реакція. Республику пришлось признать, но это прошло только большинствомъ одного голоса. Даже когда нація на новыхъ выборахъ послала въ палату депутатовъ республиканское большинство, поставленный реакціей президентъ республики, самъ военный и опиравшійся на бонапартистскую армію, на бонапартистскихъ чиновниковъ и на духовенство, упорно оставался на своемъ посту, считая, что у него

[1]) Продолженіе въ главѣ XVI.

есть какая-то „миссія“, которую онъ долженъ выполнить „до конца“, хотя бы и вопреки жѣланію избирателей. Даже новый государственный переворотъ во вкусѣ 18 брюмера и 2 декабря носился въ воздухѣ, а за нимъ ужасы междоусобія и внѣшняя война за свѣтскую власть папы. На пути республиканской партіи стояло, такимъ образомъ, множество препятствій, которыя приходилось преодолѣвать и обходить. Конечно, эта партія пользовалась теперь большею свободою дѣйствій, чѣмъ при имперіи, и времена мученичества за идею, игравшаго такую роль въ прежней исторіи партіи, отошли далеко въ прошлое, но помѣхъ для ея дѣятельности создавалось и при республикѣ великое множество, не говоря о тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какія представляли собою невѣжество и косность народныхъ массъ, давнымъ давно воспитывавшихся подъ исключительнымъ вліяніемъ духовенства. Всѣ указанныя обстоятельства и условія не утратили своей силы и послѣ перехода власти къ республиканской партіи. Въ слѣдующія два десятилѣтія побѣжденные элементы общества не разъ пытались разрушить республику, пользуясь ошибками стоявшей у власти партіи и болѣе или менѣе искусно направляя въ желательную для себя сторону невѣжество, предразсудки и дурные инстинкты народной массы. Республика, конечно, не могла сразу перевоспитать націю, и въ старыхъ народныхъ привычкахъ реакція всегда могла найти горючій матеріалъ для истребленія республики. Съ другой стороны, и самой третьей республикѣ дѣлался справедливый упрекъ слѣва, что она слишкомъ равнодушно относилась все время къ соціальному вопросу. Самъ Гамбетта, въ которомъ, такъ сказать, до самой его смерти воплощалась республиканская идея тогдашней Франціи, очень ясно формулировалъ односторонность своего политическаго направленія, заявивъ, что можно говорить только о соціальныхъ вопросахъ, ибо „такого цѣлаго, которое называютъ соціальнымъ вопросомъ, въ дѣйствительности не существуетъ“. Дальнѣйшему изложенію исторіи Франціи [1]) намъ прямо придется предпослать разсмотрѣніе той „буржуазности“, упрекъ въ которой третья республика навлекла на себя политикою своего правительства и своихъ господствующихъ классовъ въ первое же десятилѣтіе своего существованія, когда воспоминанія о коммунѣ были еще особенно ярки и потому могли оказывать и наиболѣе сильное вліяніе на общее направленіе внутренней политики.

[1]) Въ только что указанной главѣ XVI.

VII. Первые годы Германской имперіи и „культуркампфъ“ [1]).

Составъ Германской Имперіи. — Значеніе исключенія изъ Германіи католической Австріи и объединенія Германіи подъ гегемоніей протестантской Пруссіи. — Имперская конституція 1871 г. — Конституціи отдѣльныхъ составныхъ частей Германіи. — Грюндерство и экономическій кризисъ. — Формировка общегерманскихъ партій и «внутренніе враги» прусской политики въ имперіи.—Руководящая роль Бисмарка во внутренней политикѣ Германіи.—Положеніе католическаго духовенства въ Пруссіи и въ имперіи.—Образованіе старокатоличества.—Такъ называемый «культуркампфъ». — Сближеніе Бисмарка съ прогрессивными партіями.—Союзъ правительства съ національ-либералами и послѣдовавшій затѣмъ переходъ его на сторону консерваторовъ.—Прекращеніе культуркампфа.

Германская имперія, образовавшаяся изъ Сѣверо-Германскаго союза вслѣдствіе присоединенія къ нему четырехъ южно-германскихъ

---

[1]) Подробная библіографія по исторіи объединенія Германіи дана въ т. V, на стр. 699 (ср. также выше, стр. 22). Отмѣчаемъ изъ нея здѣсь лишь важнѣйшее вмѣстѣ съ трудами по исторіи Германской имперіи. *Oncken.* Zeitalter des Kaisers Wilhelm I (1890—1892). –*Sybel.* Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I (1893 и слѣд.)—*Ernest Denis.* La fondation de l'empire Allemand, 1852—1871 (1906).—*O. Lorenz.* Kaiser Wilhelm und die Begründung des Reichs, 1866—1871 (1902). — *W. Maurenbrecher.* Gründung des Deutschen Reiches, 1859 bis 1871 (1892). — Къ этимъ трудамъ слѣдуетъ прибавить еще общіе обзоры Германіи послѣ ея объединенія или вообще по XIX в., раньше не называвшіеся: *P. Schlenter.* Das XIX Jahrhundert in Deutschlands Entwickelung (1898). — *P. Hinneberg.* Die allgemeinen Grundlagen der Kultur der Gegenwart (1906). — *Stockhausen.* Das deutsche Jahrhundert in Einzelschriften (1901). — *G. Kaufmann.* Politische Geschichte Deutschlands im XIX Jahrhundert (1900). — *H. Lichtenberger.* L'Allemagne moderne. Son évolution (1908).—*Эмиль Рейхъ.* Современная Германія.—*Л. Новгородцевъ.* Германія и ея политическая жизнь (1904).—*Т. Іоллосъ.* Письма изъ Берлина (1904).—Особенно важное значеніе для исторіи культурной и экономической жизни новѣйшей Германіи принадлежитъ дополнительнымъ томамъ (Ergänzungsbände) къ „Deutsche Geschichte“ von *K. Lamprecht* съ общимъ заголовкомъ „Zur jüngsten deutschen Vergangenheit“ въ двухъ томахъ, изъ которыхъ второй изданъ въ видѣ двухъ отдѣльныхъ частей. Къ названнымъ на стр. 699 пятаго тома монографіямъ о Вильгельмѣ I и Бисмаркѣ прибавимъ: Кромѣ того, см. *Erich Marcks.* Kaiser Wilhelm I (1899).—*Max Lenz.* Geschichte Bismarcks (1902; изд. 2).—*P. Matter.* Bismarck et son temps.—*Biermer.* Fürst Bismarck als Volkswirt.—*Poschinger.* Fürst Bismarck als Volkswirth (1889—1891; 5 томовъ).—*G. Brodnitz.* Bismarcks nationalökonomische Anschauungen (1902). — *М. Бернацкій.* Общественно-экономическія воззрѣнія князя Бисмарка („Образованіе“ за 1905 г.).—*W. Müller.* Reichskanzler Fürst Bismarck, 1815—1885 (1885).—*C. Andler.* Le prince de Bismarck (1899). — *C. Benoist.* Le prince Bismarck. Psychologie de l'homme fort (1900).—*Ch. Lowe.* Prince Bismarck, historical biography (1885).—*Stearns.* The life of prince Otto von Bismarck (1900).—*L. Hahn.* Fürst Bismarck (1878—91;

государствъ, своими границами далеко не совпадала съ границами Германскаго союза 1815—1866 г., которыя сами въ общемъ были грани-

---

нять томовъ).—*H. Poschinger.* Fürst Bismarck und die Parlamentarier (1894—1896).—*Poschinger.* Fürst Bismarck und der Bundesrath (1897—1901).—*Balder.* Die Wahrheit über Bismarck (1892).—*Roëll und Epstein.* Bismarck's Staatsrecht (1953).—*Вл. Ренненкампфъ.* Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка (1890).— *Blum.* Das Deutsche Reich zur Zeit Bismarck's (1893).— *Moritz Busch.* Bismarck, some secret pages of his history (1898; франц. изд.: „Mémoires de Bismarck). — *Б. Іоллосъ.* Изъ мыслей и воспоминаній кн. Бисмарка (въ „Вѣстн. Евр." за 1899). — *Kohl.* Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen (1899). — *Bismarck.* Reden und Aussprüche zur deutschen Reichsverfassung. Zusammengestellt von *L. Kuhlenbeck* (1901). — *Lefèbvre de Béhaine.* Léon XIII et le prince de Bismarck. — Объ устройствѣ Германской имперіи см.: *L. Auerbach.* Das neue deutsche Reich und seine Verfassung (1871).—*Rönne.* Das Verfassungsrecht des Deutschen Reiches (1872).— *J. Wersterkamp.* Ueber die Reichsverfassung (1873).—*А. Градовскій.* Германская конституція (1876). — *C. F. v. Gerber.* Grundzüge des deutschen Staatsrechts (1880; 3 изд.).—*Ph. Zorn.* Das Staatsrecht des deutschen Reiches (1880).— *S. E. Turner.* A sketch of the germanic constitution (1889). — *E. J. James.* The federal constitution of Germany (1890).—*Гореверіъ.* Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи (1891).—*A. Hänel.* Deutsches Staatsrecht (1892). — *A. Ruville.* Das Deutsche Reich ein monarchischer Einheitsstaat (1894).—*P. Laband.* Das Staatsrecht des deutschen Reiches (1895).—*Ed. Bock.* Das Staatsrecht des deutschen Reiches (1902).—*W. Busch.* Die Kämpfe um Reichsverfassung und Kaisertum 1870 bis 1871 (1906). — Для правового положенія отдѣльныхъ государствъ въ имперіи и ихъ конституцій укажемъ на книги: *E. Kliemke.* Die staatsrechtliche Natur und Stellung des Bundesrathes (1894).—*K. Binding.* Die rechtliche Stellung des Kaisers im heutigen deutschen Reiche (1898).—*H. Tophoff.* Die rechte des deutschen Kaisers (1902).—*P. Ritter.* Die Sonderrechte der deutschen Staaten und die Reichsverfassung (1899).— *M. Seydel.* Bayrisches Staatsrecht (1884; 2 изд. 1896). — *L. Gaupp.* Staatsrecht des Königreichs Württemberg (1884).—*K. Goz.* Das Staatsrecht des Königreichs Württemberg (1908).—*A. Rhamm.* Das Staatsrecht des Herzogtums Braunschweig (1908).—*Werner von Melle.* Das hamburgische Staatsrecht (1891). — *G. Meyer.* Die Reichsgründung und das Grossherzogthum Baden (1896).—*Bornhack.* Staatsrecht des Grossherzogthums Baden (1908). — *H. Marckwald.* Die Wahlsysteme der deutschen Einzelstaaten („Die neue Zeit" за 1904 г.).—*K. Jacob.* Bismarck und die Erwerbung Elsass-Lothringens. 1870—71 (1905). — *Mitscher.* Elsass-Lothringen unter deutscher Verwaltung (1875).—*Du Prel.* Die deutsche Verwaltung im Elsass (1879). — *D'Elstein.* L'Alsace-Lorraine sous la domination allemande. — *A. Schicker.* Elsass-Lothringen im Reichstag (1873). — Исторія германскихъ политическихъ партій (кромѣ соціалъ-демократіи, о которой см. въ VIII главѣ) представлена слѣдующими трудами: *Baumgarten.* Der deutsche Liberalismus (1876).—*Peitzig.* Die national-liberale Partei, 1867—1892.—*Parisius.* Deutsche politische Parteien (1878). — *Chr. Grotewold.* Die Parteien des deutschen Reichstags (1908). — *Ludolf Grambow.* Die deutsche Freihandelspartei zur Zeit ihrer Blüthe (Въ 38 т. Conrad's Samml. nat.-oek. und stat. Abhandl., 1903). — *F. Salomon.* Die deutschen Parteiprogramme (1907; во второй части программы 1871—1900). — По исторіи культуркампфа: *Hahn.* Geschichte des

цами Священной Римской имперіи. Сравнивая между собою границы новой имперіи съ границами 1815 — 1866 г., мы должны, конечно, прежде всего отмѣтить исключеніе изъ Германіи Австріи, или, вѣрнѣе говоря, тѣхъ ея областей, по которымъ монархія Габсбурговъ состояла въ Германскомъ союзѣ. За то въ составъ имперіи вошли включенныя еще раньше въ Сѣверо-Германскій союзъ восточныя области Прусскаго королевства и присоединенный къ нему въ 1866 г. Шлезвигъ. Восточныя области Пруссіи, это, во-первыхъ, — „Восточная Пруссія", когда-то герцогство Прусское, образовавшееся изъ владѣній Тевтонскаго ордена [1]); во-вторыхъ, „Западная Пруссія", вошедшая въ составъ монархіи Гогенцоллерновъ по первому польскому раздѣлу [2]), и, въ-третьихъ, Познань, тоже составлявшая часть Польши, отдѣленная на вѣнскомъ конгрессѣ отъ Варшавскаго великаго герцогства и присоединенная къ Пруссіи [3]). Эти три провинціи не входили въ составъ Священной Римской имперіи германской націи и не были также включены въ Германскій союзъ, но по распаденіи послѣдняго, когда былъ основанъ Сѣверо-Германскій союзъ, и онѣ были приняты въ составъ союза. Изъ двухъ герцогствъ, до 1864 г. принадлежавшихъ датскому королю, одно, именно Гольштейнъ, и раньше принадлежало Германіи, будучи составною частью союза 1815—1866 г., но другое, Шлезвигъ, присоединенное къ Пруссіи въ 1866 г., вмѣстѣ съ нею въ 1867 г. вошло въ составъ Сѣверо-Германскаго союза. — Далѣе, кромѣ Австріи, были исключены изъ Германіи при ея объединеніи княжества Люксембургъ, Лимбургъ и Лихтенштейнъ. Великое герцогство Люксембургское, нынѣ граничащее съ Бельгіей, Рейнской провинціей Пруссіи, Эльзасъ-Лотарингіей и Франціей, въ 1815 г. было отдано Нидерландскому королевству, но въ то же время включено въ составъ Германскаго союза [4]), въ которомъ и оставалось до расторженія его въ 1866 г. [5]). Наполеонъ III стремился пріобрѣсти эту область, но это ему не удалось [6]), и въ 1867 г. лондонская конференція нейтрализировала Люк-

Kulturkampfes in Preussen (1881). — *Schulte.* Geschichte des Kulturkapmfes in Preussen (1883).— *Wiermann.* Geschichte des Kulturkampfes (1885).—*Majunke.* Geschichte des Kulturkampfes (1876—1888).—*G. Goyau.* Le protestantisme allemand (1899).—*Его же.* Les origines du Culturkampf („Rev. d. d. mondes" за 1908 г.).

[1]) Т. II, стр. 145, 193 и др.

[2]) Т. III, стр. 301.

[3]) Т. IV, стр. 241.

[4]) Т. IV, стр. 241 и 346.

[5]) Въ 1890 г. вслѣдствіе разныхъ законовъ о престолонаслѣдіи въ Голландіи и Люксембургѣ послѣдній существуетъ отдѣльно отъ Голландіи. *Eyschen.* Das Staatsrecht des Gross-Herzogthums Luxemburg (1890; въ сборн. *Marquardsen'a*).

[6]) См. выше, стр. 84.

сембургъ. Герцогство Лимбургское тоже принадлежало нидерландскому королю и вмѣстѣ съ Люксембургомъ въ 1866 г. отдѣлилось отъ Германіи. Что касается до маленькаго княжества Лихтенштейнскаго, находящагося между Швейцаріей и Австріей, то, не соприкасаясь непосредственно съ другими германскими государствами, оно осталось внѣ объединенія. Утрата трехъ этихъ областей съ избыткомъ возмѣщена была въ 1871 г. присоединеніемъ, къ Германіи „имперской области" Эльзасъ-Лотарингіи [1]), примыкающей сѣверною своею границею къ прусской Рейнской провинціи и къ баварскому Пфальцу, а восточною къ великому герцогству Баденскому.

Если теперь мы обратимся къ картѣ Германской имперіи, то увидимъ, что почти вся сѣверная, бо́льшая ея часть занята территоріей Прусскаго королевства, составляющей около 65% всей площади Германской имперіи (при нѣсколько только меньшемъ процентномъ отношеніи населенія Пруссіи—61%—къ населенію всей Германіи). Самое большое послѣ Пруссіи германское королевство — Баварское — занимаетъ только 14% территоріи имперіи, т.-е. въ четыре съ половиною раза меньше Пруссіи. Два другія королевства, Саксонія и Вюртембергъ, меньше Пруссіи, первое въ 23 раза, второе — въ 18 разъ. Изъ шести великихъ герцогствъ только два, Баденъ и Мекленбургъ-Шверинъ, еще могутъ быть приравнены по своей величинѣ къ Саксонскому королевству, но Гессенъ и Ольденбургъ, вмѣстѣ взятые, нѣсколько меньше саксонской территоріи, а Саксенъ-Веймаръ и Мекленбургъ-Стрелицъ не составляютъ вмѣстѣ и половины этой территоріи. Что касается до остальныхъ государствъ, а именно пяти герцогствъ [2]), семи княжествъ [3]) и территорій вольныхъ городовъ: Гамбурга, Любека и Бремена, то въ составѣ имперіи каждое изъ нихъ представляетъ собою меньше одного процента всей площади Германіи, иногда только одну тысячную часть, какъ это можно сказать о Шаумбургъ-Липпе, о двухъ Рейсахъ и о всѣхъ трехъ вольныхъ горо-

[1]) См. выше, стр. 106—107 и 117. Французскіе историки въ общихъ исторіяхъ эпохи останавливаются подробно на исторіи Эльзасъ-Лотарингіи, даже выдѣляя эту область, какъ самостоятельную страну изъ остальной Германіи. См., напр., *Сеньобосъ*. Политическая исторія современной Европы (стр. 497—501 по пер., изд. въ 1897 г.).—*E. Lavisse et A. Rambaud.* Histoire générale, XII, 384—387 и т. п. Отмѣтимъ, что послѣ войны на эту область предъявляли свои притязанія Пруссія, Баварія и Баденъ, пока закономъ 3 іюня 1871 г. спорная территорія по иниціативѣ Бисмарка не была объявлена имперскою областью, что, въ сущности, отдавало ее въ распоряженіе той же Пруссіи.

[2]) Герцогства: Брауншвейгъ, Саксенъ-Мейнингенъ, С.-Альтенбургъ, С.-Кобургъ-Гота и Ангальтъ.

[3]) Княжества: Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ и Ш.-Рудольштадъ, Вальдекъ, два Рейса (старшей и младшей линій), Шаумбургъ-Липпе и Липпе.

дахъ. Только имперская область Эльзасъ-Лотарингія по своей величинѣ приближается къ Саксоніи и Бадену.

Такимъ образомъ, Германская имперія сохранила остатки былого мелкодержавія (Kleinstaaterei), когда въ ней было (еще въ XVIII в.) столько же государствъ, сколько дней въ году [1]), но, съ другой стороны, сравнительно съ 1815—66 г. число ихъ сократилось на добрый десятокъ [2]). Другая особенность территоріальнаго строя Германской имперіи заключается въ черезполосности нѣкоторыхъ владѣній. Пруссія владѣетъ одной территоріей въ южной Германіи (Гогенцоллернъ, вкрапленный въ территорію Вюртемберга); Баваріи принадлежитъ Пфальцъ, отдѣленный отъ нея территоріями Гессена и Бадена; самъ Гессенъ перерѣзанъ на двѣ части узкою полосою земли, принадлежащей Пруссіи (тамъ, гдѣ Франкфуртъ-на-Майнѣ); на югѣ прусской Рейнской провинціи есть небольшая область, принадлежащая Ольденбургу, который самъ находится на противоположномъ концѣ Сѣверной Германіи. (Опускаемъ другіе, менѣе важные примѣры черезполосности территорій).

Въ исторіи объединенія Германіи нужно различать два процесса: уменьшеніе числа составляющихъ государствъ и установленіе между ними болѣе тѣсной связи. Мы уже знаемъ, что въ 1867 г. Сѣверная Германія превратилась изъ союза государствъ въ союзное государство [3]) подъ гегемоніей Пруссіи и что въ 1871 г. это союзное государство увеличилось присоединеніемъ къ нему Баваріи, Вюртемберга, Бадена, Гессена и Эльзасъ-Лотарингіи. Что касается до уменьшенія числа германскихъ государствъ, то оно произошло главнымъ образомъ потому, что Пруссія поглотила Ганноверъ, Гессенъ-Кассель, Нассау и Франкфуртъ-на-Майнѣ. Ростъ территоріи Пруссіи на счетъ сосѣдей представляетъ собою вообще одинъ изъ примѣровъ политической интеграціи, или „собиранія земли“, но Пруссіи все-таки не пришлось поглотить всю Сѣверную Германію, и въ прусскую территорію оказываются вкрапленными почти всѣ мелкія государства этой части Германіи. Стоитъ въ самомъ дѣлѣ, только бросить взглядъ на карту Пруссіи, чтобы въ этомъ убѣдиться. На с. Ольденбургъ и Мекленбургъ одною стороною примыкаютъ къ морю, съ трехъ сторонъ имѣя границы, общія съ Пруссіей, которая почти со всѣхъ сторонъ охватываетъ также территоріи вольныхъ городовъ, а на югѣ окружена прусской же

---

[1]) Т. III, стр. 50 и слѣд.

[2]) Т. IV, стр. 345—346. Исчезли (главнымъ образомъ въ 1866 г.) или вышли изъ состава Германіи королевство Ганноверское, курфюршество Гессенъ-Кассельское, герцогство Нассау, великое герцогство Люксембургское, княжество Лихтенштейнское, вольный городъ Франкфуртъ-на-Майнѣ и др.

[3]) См. выше, стр. 22—23 и 112—113.

территоріей часть Гессена, тогда какъ въ западной половинѣ Пруссіи вполнѣ окруженными со всѣхъ сторонъ ея владѣніями оказываются Вальдекъ, Липпе, Липпе-Шаумбургъ, отдѣльные куски Брауншвейна и Ангальта.

Въ этой неполной объединенности Германіи, т.-е. въ томъ, что ея территорія раздѣляется, хотя и весьма неравномѣрно, между нѣсколькими государствами, сказывается преимущественно уваженіе къ династическимъ правамъ царствующихъ въ ней домовъ. Революція и Наполеонъ I не считались съ этимъ принципомъ [1]), но въ эпоху реставраціи восторжествовалъ принципъ легитимизма [2]), нашедшій поддержку и въ мѣстномъ партикуляризмѣ. Потеря державныхъ правъ владѣтельными домами Ганновера, Кургессена, Нассау и Гессенъ-Гомбурга была результатомъ политики, которую сторонники этихъ домовъ иначе не называли, какъ революціонною, но, присоединяя эти земли, Вильгельмъ I оправдывался тѣмъ, что благо Пруссіи и всей нѣмецкой націи не позволяетъ возвратить государямъ завоеванныхъ земель ихъ власть. Съ желаніемъ или нежеланіемъ самихъ присоединяемыхъ не считались, хотя въ прусской палатѣ и возникалъ вопросъ объ опросѣ жителей [3]). Права династій уважались, пока эти династіи не становились въ слишкомъ рѣзкое противорѣчіе съ интересами Пруссіи, но когда было можно и нужно, Пруссія не церемонилась съ принципомъ легитимизма. Принципъ народнаго согласія признавался лишь по отношенію къ такимъ землямъ, которыя сохраняли своихъ мѣстныхъ государей.

Преобладаніе Пруссіи въ Германіи, какъ самого большого и населеннаго въ ней государства, и соединеніе въ лицѣ прусскаго короля, кромѣ мѣстной, и обще-имперской еще власти сообщали особый характеръ новой Германской имперіи. Германія объединилась безъ нѣмецкихъ частей Австріи, что умаляло значеніе національнаго принципа въ этомъ объединеніи и ослабляло въ объединенной Германіи католическій элементъ населенія. Старая Священная Римская имперія и Германскій союзъ находились подъ предводительствомъ католической Австріи, новая Германская имперія во главѣ своей имѣла протестантскую Пруссію, да и общее число протестантовъ въ имперіи составляетъ до 63% при 36% католиковъ, причемъ значительную часть католическаго населенія представляютъ собою не-нѣмцы, а именно поляки и французы (въ Эльзасъ-Лотарингіи). Протестантскій характеръ новой имперіи долженъ былъ отразиться и

---

[1]) Т. IV, стр. 31—32, 139—140, 143—144, 146 и 147.
[2]) Т. IV, стр. 240 и 341 и слѣд.
[3]) Т. V, стр. 735.

на внѣшней, и на внутренней ея политикѣ: имперскому правительству и въ голову не могло бы придти защищать свѣтскую власть папы въ ущербъ объединенной Италіи или потворствовать клерикальнымъ притязаніямъ внутри самой Германіи. Неполнота объединенія придала нѣмецкому государственному строю тоже особенный характеръ.

Германская имперская конституція 1871 г. была, какъ это уже было сказано въ своемъ мѣстѣ [1]), не чѣмъ инымъ, какъ конституціей Сѣверо-Германскаго союза, созданнаго въ 1867 г. Существенное содержаніе этой конституціи было уже изложено выше [2]), но безъ общей ея характеристики, намѣренно оставленной для настоящей главы. Нынѣ дѣйствующая германская конституція превратила прежній союзъ государствъ (Staatenbund) въ союзное государство (Bundesstaat). Въ наукѣ государственнаго права принято, какъ извѣстно, различать эти понятія. Союзомъ государствъ, — который нужно еще отличать отъ союза между государствами для временныхъ конкретныхъ цѣлей и безъ постоянныхъ органовъ общенія, — называется постоянное политическое соединеніе нѣсколькихъ государствъ на „вѣчныя времена“ или, по крайней мѣрѣ, на безгранично долгій срокъ, главнымъ образомъ или по крайней мѣрѣ, для цѣлей внѣшней обороны и общаго представительства въ международныхъ отношеніяхъ, при непремѣнномъ существованіи нѣкотораго связующаго органа, постоянно и правильно дѣйствующаго, причемъ каждый членъ такой конфедераціи сохраняетъ вполнѣ свой суверенитетъ [3]). Такой именно конфедераціей и былъ Германскій союзъ, созданный въ 1815 г. вѣнскимъ конгрессомъ и замѣнившій собою прежнюю Священную Римскую имперію нѣмецкой націи, которая, наоборотъ, современными государствовѣдами подводится подъ типъ союзнаго государства, или федераціи. Послѣднія названія даются такимъ государствамъ, въ которыхъ пользованіе суверенною государственною властью является раздѣленнымъ между цѣлымъ и его частями, такъ что и цѣлое является само государствомъ, и за отдѣльными членами сохраняется характеръ государствъ, осуществляющихъ по собственному праву, не контролируемому

---

[1]) См. выше, стр. 23.

[2]) См. стр. 23—25.

[3]) „Wenn Staaten ein dauerndes politisches Bündniss, dessen Zweck mindestens in gemeinsamer Vertheidigung besteht, mit ständigen Bundesorgane errichten, so entsteht ein Staatenbund... Nur an der Souveränität der verbündeten Staaten hat der Staatenbund seine Grenze“. *G. Jellinek.* Die Lehre von der Staatenbildungen (1882), стр. 172. Нужно, впрочемъ, вмѣстѣ съ авторомъ этой книги оговориться, что въ ученіи о союзѣ государствъ всегда было много „Unklarheiten, Dunkelheiten und Widersprüche“, стр. 173.

никакою высшею властью, государственныя задачи [1]). Можно сказать, что союзное государство представляетъ собою переходъ отъ союза государствъ къ унитарному государству съ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Кромѣ того, какъ среди союзныхъ государствъ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ союзномъ государствѣ въ разное время наблюдаются довольно значительныя различія—въ смыслѣ большаго или меньшаго съуженія компетенціи частей сравнительно съ компетенціей цѣлаго. Образованіе союзнаго государства изъ союза государствъ предполагаетъ и бо̀льшую прочность соединенія, и бо̀льшее количество задачъ, осуществляемыхъ союзомъ, и бо̀льшую сплоченность населенія въ смыслѣ единства подданства (или гражданства), и наличность общаго правительства, обладающаго принудительною властью, а потому имѣющаго въ своемъ распоряженіи военную силу и независимыя денежныя средства, причемъ рядомъ съ представительствомъ всего народа въ союзномъ государствѣ долженъ существовать и центральный органъ, представляющій отдѣльныя государства, каковымъ въ Германіи является и Bundesrath. Исторія знаетъ немало случаевъ превращенія союзовъ государствъ въ союзныя государства. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ относятся къ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, существовавшихъ сначала въ формѣ конфедераціи, а не федераціи, и къ исторіи Швейцаріи, которая только въ 1848 г. превратилась изъ „Staatenbund'a“ въ „Bundesstaat“ [2]). Поэтому для теоретическаго пониманія германской конституціи, какъ федераціи, матеріалъ даютъ и конституціи другихъ аналогичныхъ политическихъ образованій. То раздѣленіе государственнаго суверенитета между цѣлымъ и его частями, о которомъ было сказано выше [3]), собственно говоря, признаётся, главнымъ образомъ, американскими теоретиками

---

[1]) „Ein Bundesstaat ist ein Staat, in welchem die souveräne Staatsgewalt die Gesammtheit der in ihrem Herrschaftsbereich auszuübenden Funktionen verfassungsmässig derart vertheilt, dass sie nur ein bestimmtes Quantum derselben sich zur eigenen Ausübung vorbehält, den Rest jedoch ohne Kontrole über die Festsetzung der regelnden Normen, sowie über die Art und Weise der Ausübung selbst, insoferne nur die verfassungsmässigen Schranken eingehalten werden, den durch diese verfassungsmässige Zuweisung von selbstständiger staatlicher Macht geschaffenen nichtsouveränen Gliedstaaten überlässt. *G. Jellinek*, стр. 278. Проводимъ это нѣсколько длинное и, пожалуй, запутанное опредѣленіе, какъ содержащее въ себѣ все необходимое для пониманія природы союзнаго государства. Болѣе новыя сочиненія по этому предмету: *Borel.* Sur la souveraineté et l'état fédératif (1886).—*A. Brunialti.* Unioni e combinazioni fra gli stati (1891).—*Westerkamp.* Staatenbund und Bundesstaat (1892).—*П. Мижуевъ.* Важнѣйшія федераціи Стараго и Новаго Свѣта (1907).—См. также кн. *Горенберга*, названную выше (стр. 225).

[2]) Ср. выше, стр. 29.

[3]) См. стр. 230.

государственнаго права, но большинство германскихъ ученыхъ стоитъ въ этомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія недѣлимости суверенитета, который они приписываютъ только федеративной власти. Ихъ аргументація сводится къ тому, что какъ бы прекрасно въ союзной конституціи ни были разграничены права цѣлаго и частей, это никогда не устранитъ возможности столкновенія между федеративною властью и властью отдѣльныхъ государствъ, но такъ какъ рѣшительницею въ подобнаго рода случаяхъ можетъ быть только власть федеративная, то за отдѣльными государствами суверенитетъ и не можетъ быть признанъ [1]). Насъ, впрочемъ, въ данномъ случаѣ интересуетъ не столько юридическая, сколько историческая (или фактическая), характеристика устройства Германской имперіи, подчиняющаго отдѣльныя государства совершенно новой, до 1867—71 гг. не существовавшей въ Германіи федеративной власти, если не считать болѣе призрачныхъ, нежели реальныхъ учрежденій бывшей римско-германской имперіи.—Введеніе конституціи 1867 – 71 г. было лишь однимъ изъ моментовъ,—конечно, очень важнымъ,—въ процессѣ созданія германскаго единства. Этому политическому моменту предшествовало, какъ извѣстно, экономическое объединеніе въ формѣ такъ называемаго таможеннаго союза, вслѣдствіе котораго въ первой половинѣ XIX в. между отдѣльными германскими государствами были уничтожены таможенныя заставы. Въ этомъ союзѣ было свое центральное учрежденіе (Zollparlament), въ которомъ южногерманскія государства участвовали своими делегатами еще до своего включенія въ составъ имперіи [2]). Таможенное объединеніе, оказавшее

---

[1]) Отсюда ихъ ученіе о несуверенныхъ государствахъ. См., наприм., въ цитированномъ выше сочиненіи *G. Jellinck'a* отдѣлъ подъ заглавіемъ „Souveräne und nichtsouveräne Staaten“ (стр. 36—58) и вообще въ нѣм. трудахъ по государственному праву. Кромѣ *Jellinek'a*, творцомъ этой теоріи является еще и *Laband*. По „вопросу о суверенитетѣ въ федеральномъ государствѣ“ ср. въ кн. *Л. Дюги* „Конституціонное право“ (1908), стр. 187—194, гдѣ, между прочимъ, говорится: „каково бы ни было понятіе, составленное относительно суверенитета, нельзя, сохраняя эту концепцію, основанную на личности государства, создать юридически удовлетворительную конструкцію федеральнаго государства“, стр. 194.

[2]) Объ этомъ см. т. IV, стр. 348—349 и т. V, стр. 114, 181—183 и 739, а также ср. выше, стр. 133. Изъ литературы укажемъ: *H. Robolsky*. Der Deutsche Zollverein (1862).— *W. Ditmar*. То же заглавіе (1867). — *Festenberg-Pakisch*. Geschichte des Zollvereins mit besonderer Besichtigung der staatlichen Entwickelung Deutschlands (1869).— *W. Roscher*. Zur Gründungsgeschichte des Zollvereins (1870). — *A. Zimmermann*. Gesch. der preussisch-deutschen Handelspolitik (1892). — *Biermer*. Die deutsche Handelspolitik des XIX Jahrh. (1899).—*L. Lang*. Hundert Jahre Zollpolitik, 1805—1905 (1908). Общія соображенія о вліяніи экономическаго фактора въ исторіи политическаго объединенія Германіи можно найти во II гл. перваго отдѣла I т. книги *М. И. Фридмана*

сильное вліяніе на общій подъемъ экономической жизни, немало, какъ справедливо, утверждаютъ историки Германіи середины XIX в., способствовало и объединенію политическому. Но и послѣ введенія союзно-имперской конституціи процессу сплоченія Германіи въ единое цѣлое предстояло совершить нѣсколько этаповъ. Еще сѣверо-германскій рейхстагъ, по предложенію націоналъ-либераловъ, принялъ въ принципѣ постановленіе объ объединеніи Германіи въ правовомъ отношеніи, т.-е. въ смыслѣ созданія общаго матеріальнаго (гражданскаго и уголовнаго) и процессуальнаго права (1869). Вопросъ объ этомъ ставился уже въ началѣ XIX в., въ эпоху войны за освобожденіе, но тогда взяли верхъ рѣшительно партикуляристическія стремленія, которымъ историческая школа права постаралась придать и научное обоснованіе [1]). И на этотъ разъ въ Германіи партикуляризмъ былъ довольно силенъ. Въ 1870 г. былъ принятъ общій уголовный кодексъ, но дальше этого отдѣльныя правительства идти не пожелали, опасаясь, что полное объединеніе въ юридическомъ отношеніи подорветъ ихъ суверенныя права. Изъ всѣхъ германскихъ государей особенно этому противился баварскій король Людвигъ II, хотя мѣстный ландтагъ высказался за объединеніе, а изъ партій рейхстага противниками обще-германскаго права явились представители центра. Только въ самомъ концѣ 1873 г. союзный совѣтъ, съ своей стороны, согласился съ упомянутымъ предложеніемъ рейхстага, да и то противъ мнѣнія обоихъ Мекленбурговъ и обоихъ Рейсовъ, и были созданы коммиссіи для выработки гражданскаго кодекса, уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и общей для всей Германіи организаціи судовъ. Раньше всего были изготовлены оба устава и судоустройство, принятые затѣмъ рейхстагомъ въ концѣ 1876 г., но введеніе ихъ послѣдовало только 1 октября 1879 г. Высшей судебной инстанціей былъ сдѣланъ имперскій судъ (Reichsgericht) съ мѣстопребываніемъ въ Лейпцигѣ, — послѣднее въ смыслѣ уступки партикуляризму противъ Берлина, въ которомъ притомъ этотъ судъ могъ бы подпасть подъ вліяніе придворныхъ сферъ (таково было одно изъ соображеній за нестоличный городъ). Коммиссія, вырабатывавшая гражданскій кодексъ, окончила свою работу только черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ [2]). — Другою, объединительною реформою

„Современные косвенные налоги на предметы потребленія“ (1908). Ср. его указаніе на то, что до сихъ поръ не имѣется разработки вопроса о вліяніи таможеннаго союза на образованіе Германской имперіи съ точки зрѣнія проблемы о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ сторонъ общественной жизни (стр. 8, прим.).

[1]) Т. IV, стр. 343 и 347—348.

[2]) Общій гражданскій кодексъ вошелъ въ жизнь въ Германіи лишь съ 1 января 1900 г. См. ниже, въ главѣ XV.

была денежная. Въ 1873 г. рейхстагъ принялъ золотую валюту (золота пришло много изъ Франціи въ видѣ контрибуціи) и счетъ на марки, вмѣсто разнообразія денежныхъ единицъ, господствовавшаго раньше. Только къ 1878 г. исчезли изъ обращенія прежнія монеты. Одновременно съ этимъ обращеніе бумажныхъ денегъ было поставлено въ болѣе тѣсныя границы, и прусскій банкъ превратился въ банкъ имперскій. Изъ-за денежной реформы также велись большіе споры между сторонниками строгаго имперскаго единства и партикуляристами: первые хотѣли, чтобы на новой монетѣ были только общеимперскіе знаки, партикуляристы были за сохраненіе мѣстныхъ обозначеній, и дѣло уладилось только на основаніи компроммисса, предложеннаго членомъ рейхсрата, извѣстнымъ историкомъ Трейчке, и состоявшаго въ томъ, чтобы на крупной серебряной и золотой монетѣ изображались на одной сторонѣ имперскій орелъ, на другой портретъ соотвѣтственнаго государя или гербъ вольнаго города. Партикуляристическая тенденція выразилась и въ томъ, что Баварія и до сихъ поръ еще имѣетъ почтовыя марки не такія, какъ въ остальной Германіи [1]).

Не меньше затрудненій встрѣтило и созданіе имперской арміи. При заключеніи, во время основанія имперіи, военныхъ договоровъ между Пруссіей и другими государствами Брауншвейгъ отъ этого уклонился, а другія, вообще болѣе крупныя государства выговорили себѣ разныя уступки относительно правъ мѣстныхъ государей въ военномъ дѣлѣ. Баденскія войска должны были составлять отдѣльный корпусъ; вюртембергскій и саксонскій короли сохранили право назначенія офицеровъ, но командиръ саксонскаго корпуса долженъ былъ назначаться императоромъ по представленію короля, а командиръ корпуса вюртенбергскаго—королемъ съ предварительнаго согласія императора; за баварскимъ войскомъ была признана самостоятельность подъ военнымъ верховенствомъ (Militärhoheit) короля, но прусскому королю, какъ главному военачальнику союза (Bundesfeldherr), предоставлено было право высшаго надзора за соблюденіемъ въ Баваріи всѣхъ общихъ имперской арміи порядковъ, причемъ съ момента объявленія императоромъ мобилизаціи и баварскій контингентъ немедленно долженъ былъ поступать подъ высшее командованіе императора. Военныя силы болѣе мелкихъ государствъ были попросту включены въ составъ прусской арміи. Кромѣ того, въ 1872 г. былъ принятъ общій для всей арміи военно-уголовный уставъ, а въ слѣдующемъ году правительство внесло въ рейхстагъ военный законъ, въ силу котораго въ мирное время армія должна была состоять изъ 401.659 че-

[1]) Ср. выше, стр. 113.

ловѣкъ. Защищалъ это предложеніе Мольтке, доказывая важность арміи для воспитанія въ народѣ чувства долга („не прусскій школьный учитель побѣдилъ при Кениггрецѣ“) и пророча, что Германіи еще лѣтъ пятьдесятъ придется защищать свои пріобрѣтенія, особенно въ виду того, что побѣжденная Франція уже имѣетъ подъ знаменами 471 т. человѣкъ. Рейхстагъ не хотѣлъ связать себя принятіемъ этого предложенія на неопредѣленное время, и Бисмаркъ готовъ былъ распустить рейхстагъ, тѣмъ болѣе, что въ самой странѣ росло настроеніе въ пользу принятія закона въ виду предполагаемыхъ французскихъ приготовленій къ новой войнѣ. Въ концѣ концовъ рейхстагъ по предложенію главы національ-либераловъ Беннигсена пошелъ на компромиссъ, согласившись на потребованную правительствомъ цифру, но не до новаго законодательнаго опредѣленія („bis zu anderweiliger gesetzlicher Regelung“), а только на семь лѣтъ, откуда названіе этого порядка „септеннатомъ“. Срокъ септенната кончался въ 1881 г., но въ 1880 онъ былъ возобновленъ, а изъ-за несогласія на увеличеніе арміи въ 1887 г., какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ [1]), дѣло доходило до роспуска рейхстага.

Такимъ образомъ, германскій рейхстагъ, созданный конституціей 1867—71 г., самъ явился силою, объединявшею Германію, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ представительствомъ, съ которымъ не могли конкуррировать ландтаги отдѣльныхъ государствъ, все болѣе и болѣе утрачивающія свое значеніе, по мѣрѣ того, какъ рейхстагъ все тверже и тверже укрѣпляется въ жизни страны. Мы еще увидимъ въ другомъ мѣстѣ [2]), что было предпринято имперскимъ правительствомъ, дабы поставить себя въ бо́льшую независимость отъ отдѣльныхъ государствъ въ финансовомъ отношеніи, и въ какомъ смыслѣ это содѣйствовало новому усиленію рейхстага на счетъ ландтаговъ. Иной характеръ пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ рейхстагъ, когда мы обращаемся къ характеристикѣ отношеній между нимъ и другими имперскими учрежденіями. Рейхстагу принадлежитъ по конституціи законодательная иниціатива, но это право нейтрализируется правомъ союзнаго совѣта, и императора не утверждать рѣшеній рейхстага, такъ что, въ сущности, самымъ важнымъ правомъ послѣдняго является только не соглашаться на предлагаемые правительствомъ налоги. Германскій союзный совѣтъ (Bundesrath), которому въ федеративныхъ республикахъ соотвѣтствуютъ вторыя палаты особаго, но все-таки выборнаго состава, является своего рода продолженіемъ блаженной памяти союзнаго сейма (Bundestag) временъ Германскаго союза, такъ

[1]) Въ главѣ XV.
[2]) Въ главѣ XV.

какъ онъ тоже состоитъ изъ чиновниковъ, назначаемыхъ отдѣльными правительствами и получающихъ отъ нихъ опредѣленныя инструкціи. Даже распредѣленіе голосовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ государствамъ, напоминаетъ намъ то, которое было въ бундестагѣ [1]). Сдѣлавъ уступку народнымъ требованіямъ относительно созданія общегерманскаго парламента, отдѣльныя правительства хотѣли въ то же время оставить за собою побольше власти, сохранивъ въ новомъ видѣ старый бундестагъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были вынуждены подѣлиться,—и въ гораздо бо̀льшей степени, нежели съ народнымъ представительствомъ,—своими правами съ главою всего союза, императоромъ. Въ сущности, главнымъ побѣдителемъ изъ борьбы, приведшей къ образованію имперіи, вышелъ король Пруссіи, на котораго конституція и возложила все управленіе имперіей. Положеніе, созданное главѣ германскаго союзнаго государства конституціей 1867 — 71 г., очень напоминаетъ положеніе, отведенное въ государственномъ строѣ Пруссіи королевской власти конституціей 1850 г. [2]). Германская имперія даже не обладаетъ отвѣтственнымъ союзнымъ министерствомъ, такъ какъ единственнымъ представителемъ правительства передъ рейхстагомъ является лишь имперскій канцлеръ. Назначаемый императоромъ онъ предсѣдательствуетъ въ союзномъ сеймѣ, руководитъ его дѣлами и скрѣпляетъ императорскіе распоряженія и приказы, „принимая этимъ актомъ отвѣтственность на себя“, но отвѣтственность чисто нравственную. Учрежденія имперскаго министерства не хотѣли, между прочимъ, и сами союзныя правительства. Самое большее, что конституція разрѣшила въ указываемомъ отношеніи, это—данное имперскому канцлеру право „путемъ письменнаго передовѣрія поставить на свое мѣсто всякаго другого члена союзнаго совѣта“. Въ 1878 г. былъ изданъ особый законъ о замѣстительствѣ имперскаго канцлера, состоявшій въ томъ, что послѣднему было дозволено замѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 23 и т. IV, стр. 346—347. Вотъ почему въ § 6 имперской конституціи сказано: „Пруссія вмѣстѣ съ *прежними голосами* Ганновера, Кургессена, Гольштейна, Нассау и Франкфурта имѣетъ 17 голосовъ“: подчеркиваемъ эту ссылку на „прежніе голоса“.

[2]) Ср. выше, стр. 20 и 24. Вопросъ о титулѣ германскаго императора былъ предметомъ спора. Изъ двухъ возможныхъ обозначеній: территоріальнаго (Kaiser von Deutschland) и національнаго (Kaiser von Deutschen) болѣе современнымъ былъ бы второй (ср. во французской исторіи „roi de France“ при старшей линіи Бурбоновъ и „roi des Français“ при младшей, т. V, стр. 49), но онъ не могъ быть принятъ, такъ какъ не всѣ нѣмцы входили въ составъ имперіи, противъ же перваго были другіе государи Германіи, вслѣдствіе чего и остановились на необычномъ вообще для Запада обозначеніи при помощи прилагательнаго „Deutscher“, германскій. (Но французы, напр., говорятъ „empereur d'Allemagne“, а не „empereur allemand“).

щать себя особыми уполномоченными во всѣхъ порученныхъ ему, подъ его отвѣтственностью, частяхъ управленія (за исключеніемъ имперскаго надзора надъ отдѣльными государствами) при сохраненіи, однако, всей отвѣтственности канцлера за веденіе дѣлъ, такъ какъ отдѣльныя правительства въ послѣднемъ условіи видѣли единственное средство не дать возникнуть учрежденію отвѣтственныхъ имперскихъ министровъ, опасному для ихъ суверенитета. На основаніи этого закона былъ назначенъ замѣститель имперскаго канцлера въ союзномъ совѣтѣ, и явился цѣлый рядъ другихъ уполномоченныхъ. Съ теченіемъ времени мало-по-малу образовались отдѣльныя имперскія вѣдомства для иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, для финансовъ и юстиціи и т. п., подъ начальствомъ статсъ-секретарей въ качествѣ помощниковъ имперскаго канцлера, выступающихъ по дѣламъ своихъ вѣдомствъ въ рейхстагѣ [1]).

Составныя части Германской имперіи сохранили тѣ конституціи, какія у нихъ были раньше, очень во многихъ отношеніяхъ между собою не сходныя, расходившіяся и съ имперской конституціей по разнымъ существеннымъ пунктамъ [2]). Въ то время, наприм., какъ имперская конституція ввела всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, Пруссія, самое большое королевство въ имперіи, сохранила свою трехклассную систему съ двухстепенной и открытой подачей голосовъ [3]). Въ Мекленбургѣ даже удержалось чисто средневѣковое сословное представительство, какое было, наприм., въ Швеціи до 1866 г. [4]) или въ Финляндіи до 1905 г. [5]). Отдѣльнымъ государствамъ имперская конституція оставляла еще очень многое, главнымъ образомъ, въ областяхъ вѣроисповѣдныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, судоустройства и судопроизводства, администраціи и финансовъ и т. п., благодаря чему во всемъ этомъ продолжала существовать

---

[1]) Послѣднимъ такимъ имперскимъ вѣдомствомъ было колоніальное, учрежденное въ 1907 г. Ср. ниже, въ главѣ XV.

[2]) Изъ конституцій отдѣльныхъ государствъ Германіи въ I томѣ сборника *Гессена* и *Нольде* помѣщены баварская, баденская и саксонская.

[3]) Ср. выше, стр. 19 и 24.

[4]) См. выше, стр. 25—26.

[5]) Мекленбургскій ландтагъ, общій для Мекленбургъ-Шверина и Мекленбургъ-Стрелица, представляетъ собою „корпусъ рыцарства и земства“, состоя изъ двухъ палатъ. Въ верхней палатѣ засѣдаютъ главы дворянскихъ фамилій, въ нижней — представители сорока восьми городовъ, но безъ представительства при этомъ собственно сельскаго населенія. Въ этомъ отношеніи мекленбургскій ландтагъ даже не можетъ идти въ сравненіе со старыми шведскимъ и финляндскимъ сеймами, въ которыхъ было отдѣльное крестьянское сословіе. (Замѣтимъ кстати, что въ Мекленбургѣ крестьяне обезземелены, т. IV, стр. 542—543). Сами горожане пользуются избирательными правами только подъ условіемъ высокаго имущественнаго ценза.

довольно значительная пестрота учрежденій и законовъ [1]), но жизненная практика и здѣсь можетъ постепенно урѣзывать мѣстную самостоятельность.

Отъ устройства, полученнаго Германіей, переходимъ къ партіямъ, въ ней образовавшимся. На этомъ предметѣ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе, потому что раздѣленіе на партіи въ Германіи можетъ считаться явленіемъ, гораздо болѣе сложнымъ, нежели въ другихъ государствахъ, въ которыхъ не было такой пестроты отношеній, какую представляетъ собою жизнь новой имперіи. Сложная вещь—и австрійскія партіи, но въ ихъ образованіи главная роль принадлежитъ національному моменту, что, въ сущности, значительно упрощаетъ дѣло. Въ Германской имперіи, гдѣ подавляющее большинство населенія принадлежитъ одной народности, національныя партіи (поляки, французы, датчане), наоборотъ, не играютъ большой роли.

Современныя германскія политическія партіи ведутъ свое начало изъ эпохи превращенія прежняго союза въ теперешнюю имперію. Побѣда Пруссіи надъ Австріей нанесла уронъ партіи прогрессистовъ, ведшей борьбу съ Бисмаркомъ въ прусскомъ ландтагѣ [2]), когда возникла новая національ-либеральная партія, которая усиленно стала поддерживать иностранную политику Пруссіи. Это была съ самаго начала партія, стремившаяся къ объединенію Германіи подъ прусской гегемоніей, но желавшая въ самой Пруссіи либеральныхъ реформъ, партія буржуазіи и интеллигенціи, думавшая оттѣснить на задній планъ прежніе правящіе классы Пруссіи, т.-е. дворянство, духовенство и чиновничество; къ нѣй примкнули однородные элементы и во вновь присоединенныхъ къ Пруссіи областяхъ: ея вождь въ рейхстагѣ самъ былъ не пруссакъ, а ганноверецъ, стоявшій и раньше во главѣ либеральной оппозиціи въ этомъ королевствѣ, именно Беннигсенъ. Въ рейхстагѣ Сѣверо-Германскаго союза она получила большую силу къ ущербу прогрессистовъ. Въ союзѣ съ отщепенцами отъ прежней кон-

---

[1]) Эльзасъ-Лотарингія, какъ „имперская область“, продолжаетъ сохранять особое устройство, получивъ такъ наз. земскій комитетъ (Landesausschuss, 1874) и намѣстника (1879). Земскій комитетъ долженъ былъ образоваться изъ делегатовъ отъ трехъ департаментскихъ (генеральныхъ) совѣтовъ, по десяти отъ каждаго, съ совѣщательнымъ голосомъ въ вопросахъ законодательства и бюджета. Позднѣе (1877) компетенція комитета были расширена: онъ получилъ право, аналогичное съ правами ландтаговъ. Когда было учреждено намѣстничество, то образовался при немъ и особый совѣтъ изъ высшихъ должностныхъ лицъ и мѣстныхъ нотаблей по правительственному выбору, своего рода верхняя палата. Въ союзный совѣтъ имперіи допущены были два представителя (отъ Эльзаса и отъ Лотарингіи), но только съ совѣщательнымъ голосомъ.

[2]) Объ этой партіи т. V, стр. 713—715.

сервативной партіи, получившими названіе свободныхъ консерваторовъ (Freikonservative), они составили большинство, на которое и опиралось правительство Бисмарка.

Справа и слѣва у этого большинства были, съ одной стороны— консерваторы, когда-то поддерживавшіе Бисмарка въ его борьбѣ съ прусской палатой депутатовъ, а съ другой — рядъ оппозиціонныхъ партій, каковы прогрессисты и соціалъ-демократы, равно какъ датчане (изъ Шлезвига), гвельфы (изъ Ганновера) и поляки (изъ Познани), причемъ гвельфами стали называться приверженцы самостоятельнаго Ганновера. Послѣ присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи къ тремъ послѣднимъ оппозиціоннымъ группамъ присоединилась четвертая, состоявшая изъ французовъ только-что завоеванной области. Въ другихъ партіяхъ тоже не произошло большихъ перемѣнъ послѣ основанія имперіи сравнительно съ непосредственно предшествовавшимъ временемъ, если не считать кое-какихъ перелицовокъ и появленія новыхъ оттѣнковъ. Старая консервативная партія, образовавшаяся еще въ прусской палатѣ, стала называться германско-консервативною (Deutschconservative), а свободные консерваторы—имперской партіей (Reichspartei). Затѣмъ шли націоналъ-либералы и прогрессисты, позднѣе (въ 1884 г.) переименовавшіеся въ свободомыслящую партію (Freisinnige), когда съ нею слилась группа, въ 1881 г. отдѣлившаяся отъ націоналъ-либераловъ и усвоившая это названіе. Новыми образованіями были только народная партія (Volkspartei) и центръ. Первая была, пожалуй, тоже не совсѣмъ новая партія; только раньше она существовала въ Южной Германіи, которая не была представлена до 1871 г. въ рейхстагѣ, какъ партія, бывшая преемницей прежнихъ южногерманскихъ радикаловъ [1]), да и центръ тоже возникъ изъ существовавшей раньше въ прусской палатѣ, въ составѣ консервативной партіи, группы католиковъ, которую послѣ включенія въ имперію южно-германскихъ католическихъ государствъ усилили католическіе депутаты Баваріи и Бадена. Она впервые объединилась, въ февралѣ 1871 г., на почвѣ адреса императору о необходимости оказать помощь папѣ въ дѣлѣ возстановленія его свѣтской власти, а названіе свое получила отъ мѣста, занятаго ею въ залѣ засѣданій. Наконецъ, остались отъ прежняго времени и стали усиливаться соціалъ-демократы.

Классификація партій германскаго рейхстага крайне затрудняется отсутствіемъ въ ихъ группировкѣ единаго руководящаго принципа: здѣсь мы видимъ объединеніе и на почвѣ племенной (датчане. поляки и французы),—эти партіи всегда были обречены на малочисленность,—и на вѣроисповѣдной почвѣ (центръ, а также и консер-

[1]) Т. V, стр. 511—512, 529, 532, 554, 555—558, 563—564.

вативная партія съ протестантскимъ духомъ), и на почвѣ партикуляристическаго отрицанія имперіи, но, въ сущности, всѣ эти особенности лишь усложняютъ и затемняютъ основное раздѣленіе по экономическимъ, классовымъ интересамъ [1]). Новѣйшій историкъ политическихъ партій Германіи, Гротевольдъ, имѣя въ виду группировку въ началѣ XX вѣка, даетъ двѣ схемы главныхъ партій рейхстага по ихъ классовому составу и экономическимъ стремленіямъ, здѣсь мною сливаемыя въ одну:

Партіи.	*Ихъ составъ.*	*Ихъ экономическія стремленія.*
Консервативная.	Крупные землевладѣльцы и дворяне.	Высокія покровительственныя пошлины для сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, патріархальная соціальная политика.
Имперская.	Представители индустріализированнаго крупнаго землевладѣнія.	То же, съ присоединеніемъ высокихъ индустріальныхъ пошлинъ, малый интересъ къ соціальной политикѣ, но во всякомъ случаѣ интересъ лишь къ политикѣ патріархальной.
Хозяйственный союзъ [2]).	Мелкіе землевладѣльцы, домовладѣльцы въ городахъ, ремесленники и т. п.	Охранительныя пошлины, въ особенности по отношенію къ ремесленнымъ издѣліямъ и большой интересъ къ соціальной политикѣ.
Національ-либеральная.	Представители крупной промышленности и торговли, а также ученые.	Раздѣленіе на протекціонистовъ и умѣренныхъ фритредеровъ и такое же раздѣленіе по отношенію къ соціальной политикѣ.
Свободомыслящіе.	Представители торговли, науки, частью ремесла, мелкаго сельскаго хозяйства, средняго и низшаго чиновничества, части рабочихъ.	Принципіальные фритредеры, въ послѣднее время ревностные соціалъ-политики.

[1]) Эта мысль, въ которой, конечно, нѣтъ ничего новаго и необычайнаго, положена въ основу недавно вышедшей (1908 г.) книги „Die Parteien des deutschen Reichstags“ von *Chr. Grotewold*, который принимаетъ за истину, что „die grossen Grundzüge fast aller Probleme, die heute das politische Leben erfüllen, auf wirtschaftlichen Motiven beruhen“ (стр. 3), хотя онъ же дѣлаетъ важное замѣчаніе о томъ, что „das grosse Gebiet der Socialpolitik, heute unstreitig das wichtigste der gesammten inneren Politik, ist an der Parteibildung sehr wenig betheiligt gewesen“ (стр. 9).

[2]) Wirtschaftliche Vereinigung, группа новѣйшаго (1903) образованія, консервативная, но болѣе демократическая и менѣе гувернаментальная, чѣмъ консерваторы.

Партіи.	*Ихъ составъ.*	*Ихъ экономическія стремленія.*
Соціалъ-демократія.	Рабочіе.	Свободная торговля, защита рабочихъ интересовъ, борьба съ существующимъ общественнымъ строемъ.

Въ эту схему, которую историкъ принимаетъ лишь съ оговорками (ученые, напр., есть и консервативные, и соціалъ-демократическіе), имъ, кромѣ четырехъ „регіональныхъ группъ", не включенъ еще центръ, лишенный, вслѣдствіе своего конфессіональнаго характера, опредѣленной соціально-экономической характеристики. Довольно сильно разнообразятся въ сорокалѣтней исторіи этихъ партій ихъ отношенія къ разнымъ частнымъ вопросамъ внутренней политики и къ политикѣ внѣшней, причемъ мимоходомъ стоитъ отмѣтить извѣстное тяготѣніе правыхъ къ Россіи, либераловъ къ Англіи, соціалъ-демократовъ къ Франціи или отвращеніе центра къ союзу Германіи съ Италіей, „обобравшей" папу. Въ парламентской исторіи Германской имперіи эти партіи могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одну составляютъ такія, которыя всегда были въ оппозиціи и потому получили въ правящихъ сферахъ названіе враговъ имперіи (reichsfeindliche), тогда какъ другую категорію составляютъ партіи, смотря по обстоятельствамъ, бывшія то на сторонѣ правительства, то противъ него, въ зависимости въ концѣ концовъ отъ того, какіе свои планы въ данный моментъ осуществляло внѣпартійное или надпартійное правительство. Оно, олицетворяясь въ Бисмаркѣ, далеко не всегда шло въ одномъ и томъ же направленіи, а потому имѣло на своей сторонѣ то однѣ партіи, то другія, откуда получались періоды болѣе прогрессивныхъ, и болѣе реакціонныхъ теченій, но то, что въ данномъ случаѣ можно было бы назвать амплитудой колебаній, никогда не выходило за извѣстныя границы, довольно тѣсныя, особенно съ лѣвой стороны. Германская конституція не дала народнымъ представителямъ никакихъ способовъ воздѣйствія на правительство, и правительство, — а имъ по отношенію къ имперіи съ 1871 по 1890 г. былъ именно Бисмаркъ,—направляло внутреннюю политику, всякими вообще способами создавая въ рейхстагѣ въ свою пользу большинство изъ соединенія тѣхъ или другихъ партій, не бывшихъ принципіально враждебными имперіи. Такими партіями были консерваторы обоихъ оттѣнковъ (Deutschkonservative и Reichspartei), національ-либералы и прогрессисты (свободомыслящіе) и центръ, съ которыми Бисмаркъ постоянно велъ политическую игру, перетягивая на свою сторону то одну, то другую частичными уступками ихъ политическимъ требованіямъ, пока новая

политическая конъюнктура не заставляла правительство перемѣнять свои отношенія къ прежнимъ союзникамъ и искать новыхъ. Въ свою очередь, названныя партіи пользовались подходящими случаями, чтобы или ставить правительство въ неудобное положеніе, или выторговывать у него различныя уступки. Сначала главными союзниками Бисмарка были національ-либералы, съ которыми онъ укрѣплялъ имперію, и главнымъ его противникомъ былъ центръ, да и консерваторы были въ оппозиціи, но уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ сблизился съ консервативной партіей и центромъ противъ національ-либераловъ, впослѣдствіи же, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ разстроилась коалиція этихъ двухъ партій, и Бисмаркъ сталъ опираться на „картель“ между консерваторами обоихъ оттѣнковъ и національ-либералами. Въ концѣ своей карьеры Бисмаркъ думалъ опять устроить блокъ консерваторовъ и центра противъ національ-либераловъ, что и было осуществлено уже его преемникомъ. Временами правительство, когда сталкивалось съ правыми, находило поддержку со стороны прогрессистовъ (свободомыслящихъ), что же касается народной партіи (Volkspartei), то въ парламентскихъ комбинаціяхъ она не могла играть значительной роли по своей крайней немногочисленности [1]): это былъ, въ сущности, ничтожный обломокъ радикальной партіи, разгромленной въ 1849 г., что лишило Германію весьма важнаго звена въ градаціи партій отъ крайнихъ правыхъ (консерваторовъ и центра) къ крайней лѣвой (соціалъ-демократіи).

Такъ представляется раздѣленіе на партіи въ Германіи въ общемъ, но заслуживаютъ не меньшаго вниманія и подробности, касающіяся отдѣльныхъ партій. Германскіе консерваторы стояли на точкѣ зрѣнія монархіи Божіею милостью, ставя подъ охрану этого религіознаго принципа не только власть государя, но и сословныя привилегіи, въ силу чего у нихъ процвѣтала безусловная преданность существующему порядку и его слугамъ, начиная министрами и кончая послѣдними чинами полиціи, и неразъ прорывалось намѣреніе устранить все, что противорѣчило ихъ взгляду на государство. Они были и защитниками стараго права, противясь всякимъ новшествамъ въ регулированіи цивильныхъ отношеній, и болѣе всего хлопотали объ интересахъ сельскаго хозяйства, какъ представители крупнаго землевладѣнія. Съ теченіемъ времени у консерваторовъ интересы послѣдняго стали даже мало-по-малу доминировать надъ ихъ прежнимъ ультра-монархическимъ, гувернаментально-бюрократическимъ и феодальнымъ міросозер-

[1]) Въ рейхстагахъ семидесятыхъ годовъ ея представителей было большею частью два-три, въ восьмидесятыхъ около 8 (кромѣ 1887 г., когда не было ни одного), въ девятидесятыхъ около 10.

ціемъ, хотя въ качествѣ опоры „трона и алтаря“ ихъ партія, конечно, всегда сохраняла старые взгляды. Они откровенно возставали противъ современной науки и вооружались противъ ея распространенія въ народѣ, особенно въ сельскомъ, боясь, что оно будетъ способно только поселять въ немъ неуваженіе къ существующему порядку вещей и отрывать отъ земледѣлія, манить въ города. Сторонники авторитета, который вовсе не есть майоритетъ („Autorität, nicht Majorität!“), они, въ сущности, были не за народное представительство, но мало-по-малу съ нимъ примирились, и уже съ 1848 г. въ Пруссіи у нихъ существовала партійная организація. За полстолѣтія слишкомъ, протекшія съ тѣхъ поръ, партія утратила свой романтизмъ, чтобы стать на болѣе реальную точку аграрнаго „Союза нѣмецкихъ хозяевъ“ (Bund der Landwirthe). Первую свою программу „монархическо-національная партія рейхстага“, какъ себя тогда обозначали Deutschkonservativ'ы, составили въ 1872 г., потомъ передѣлали ее въ 1876 г. и не измѣняли до 1892 г., когда на съѣздѣ, собиравшемся въ залѣ берлинскаго Тиволи, они составили нынѣ дѣйствующую программу („Tivoli-Programm“) съ болѣе сильнымъ подчеркиваніемъ въ ней приверженности „христіанскому взгляду на жизнь въ народѣ и государствѣ“ и признанію монархіи Божіею милостью и съ включеніемъ въ число пунктовъ программы борьбы съ іудействомъ [1]). Въ шестидесятыхъ годахъ эта партія отличалась рѣзкимъ старо-прусскимъ партикуляризмомъ, что въ 1866 г. заставило отколоться отъ нея нѣсколько болѣе либеральную группу, называвшую себя сначала свободно-консервативной партіей (въ прусскомъ ландтагѣ), потомъ „свободнымъ консервативнымъ соединеніемъ“ (въ учредительномъ рейхстагѣ 1867 г.), позднѣе „германской имперской партіей“. Она всегда отличалась извѣстнымъ гувернементализмомъ, правѣла вмѣстѣ съ правительствомъ и воздерживалась отъ выработки программы, тѣмъ болѣе, что въ ней было два крыла, тяготѣвшія въ противоположныя стороны дейчконсервативовъ и національ-либераловъ [2]). Наибольшій успѣхъ партія имѣла въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда на выборахъ собрала 790 т. голосовъ и имѣла 56 представителей въ рейхстагѣ.

Что касается до національ-либераловъ [3]), глава которыхъ Беннигсенъ былъ основателемъ и предсѣдателемъ знаменитаго „Національ-

---

[1]) Кромѣ того, въ программу включены и новые пункты, но всѣ въ старомъ духѣ. Объ антисемитизмѣ см. въ гл. XVI.

[2]) Въ рейхстагѣ 1871 г. было человѣкъ тридцать, хотѣвшихъ образовать „liberale Reichspartei“, но въ слѣдующей легислатурѣ ихъ было только восемь, и партія распалась. Ее называли еще превосходительной (Excellenzenpartei), ибо въ ней было много бывшихъ министровъ.

[3]) О началѣ партіи т. V, стр. 738.

наго союза“ 1859 г. [1]), то о ея программѣ и тактикѣ даетъ понятіе цѣлый рядъ ея заявленій, начиная съ такъ называемой „Ansprache vom 27 September 1866“, опубликованной группою депутатовъ прусской палаты, которые подавали голоса за индемнитетъ правительству, завершившій конфликтъ начала шестидесятыхъ годовъ [2]). Вмѣстѣ съ воззваніемъ Беннигсена отъ 1859 г. этотъ документъ заключалъ въ себѣ всѣ принципы будущей національ-либеральной партіи, которая и конституировалась въ первые же дни учредительнаго рейхстага 1867 г. изъ 50 умѣренныхъ либераловъ, руководимыхъ Беннигсеномъ. Къ выборамъ въ первый же рейхстагъ національ-либералы опубликовали очень обширную программу [3]). Въ ней, между прочимъ, заявлялось, что составители ея „никогда не скрывали отъ себя трудности задачи способствовать свободному развитію какъ въ совмѣстномъ дѣйствіи съ правительствомъ, которое въ теченіе ряда лѣтъ находилось въ конституціонномъ конфликтѣ и управляло безъ законнаго бюджета, такъ и съ несовершенными конституціонными средствами“, „но,—продолжала программа,—мы подчинились этой задачѣ съ твердымъ намѣреніемъ преодолѣть данную трудность упорною и серьезною работою и въ убѣжденіи, что величіе цѣли укрѣпитъ дѣйственную силу (Thatkraft) народа. Ибо, говорилось далѣе, насъ воодушевляетъ и соединяетъ мысль, что національное единство не можетъ быть достигнуто и сохраниться безъ полнаго удовлетворенія либеральныхъ требованій народа, и что безъ дѣятельной и идущей впередъ силы національнаго единства народное стремленіе къ свободѣ (Freiheitssinn) не можетъ быть удовлетворено. Поэтому нашъ избирательный лозунгъ таковъ: германское государство и германская свобода должны быть добыты одновременно одними и тѣми же средствами“. Далѣе составители указывали на трудность нигдѣ еще не разрѣшавшейся задачи „согласовать монархическое союзное государство съ конституціоннымъ правомъ“, такъ какъ „устройство Сѣверо-Германскаго союза разрѣшило эту задачу неполно и неудовлетворительно“, но это—только первый шагъ, за которымъ должны послѣдовать другіе. Съ сочувствіемъ, какъ о достигнутомъ при помощи національ-либераловъ результатѣ, программа говорила о всеобщемъ и т. д. избирательномъ правѣ, несмотря на опасности, соединенныя съ нимъ вслѣдствіе полицейскихъ воздѣйствій на свободу печати, собраній и союзовъ, плохого состоянія народной школы, бюрократическаго вмѣшательства въ выборы и отсутствія вознагражденія депутатамъ. Затѣмъ шло заявленіе о необходи-

[1]) Т. V, стр. 704—706.

[2]) Т. V, стр. 737.

[3]) Въ книгѣ *Grotewold'a* она занимаетъ болѣе 6 страницъ очень мелкой печати.

мости, чтобы „парламентарныя функціи государства возможно полнѣе были переданы рейхстагу“, вслѣдствіе чего прусскій ландтагъ долженъ былъ бы постепенно ограничить свою компетенцію, и къ этому націоналъ-либералы и обѣщали стремиться легальнымъ путемъ, уважая, впрочемъ, одинаково права обѣихъ этихъ парламентарныхъ корпорацій. Программа находила, что въ имперское устройство заимствованы многіе недостатки прусской конституціи, подлежащіе устраненію и здѣсь, и тамъ, каковы неполнота бюджетнаго права, отсутствіе законовъ о дѣйствительной отвѣтственности министровъ и чиновниковъ и т. п. Перечислялись также реформы, которыя слѣдуетъ ввести во вновь присоединенныхъ къ Пруссіи областяхъ, отнюдь не замѣняя въ нихъ нѣкоторыхъ лучшихъ порядковъ устарѣлыми, прусскими. „Всей Германіи должна Пруссія показывать примѣръ въ законодательствѣ и управленіи, поскольку то и другое предоставлено отдѣльнымъ государствамъ, ибо будущее всего общаго отечества зависитъ отъ этого примѣра“. Отсюда программа выводила требованіе пересмотра прусской конституціи съ реформою палаты господъ. Главными преобразованіями для Пруссіи націоналъ-либералы выставляли изгнаніе сословнаго начала (des ständischen Prinzips) изъ общиннаго, окружного и провинціальнаго устройства и преобразованіе его на началахъ равноправія и самоуправленія съ отмѣною остатковъ помѣщичьей власти (gutsherrliche Ortsobrigkeit und gutsherrliche Polizei) и вообще бюрократическихъ порядковъ, равно какъ независимость суда, распространеніе суда присяжныхъ на политическія дѣла, отмѣну залоговъ и налоговъ для періодической печати и т. д. Программа рекомендовала также, при полномъ желаніи попрежнему защищать достоинство и силу отечества, все-таки ограничить военныя издержки и сократить срокъ, въ теченіе котораго граждане числятся въ составѣ могущихъ быть призванными подъ оружіе. Соглашаясь „идти рука объ руку только съ законовѣрнымъ правительствомъ“ и съ нимъ „изыскивать правильные пути“, націоналъ-либеральная партія заявляла, что, по ея глубокому убѣжденію, „не во всѣ времена можно бороться для однѣхъ и тѣхъ же цѣлей одними и тѣми же средствами“: „конечныя цѣли либерализма остаются постоянными, но его требованія и пути не отрѣзаны отъ жизни и не исчерпываются неизмѣнными (feste) формулами. Его внутренняя сущность заключается въ томъ, чтобы слѣдить за знаменіями времени и удовлетворять его требованія“.

Соотвѣтственно этой программѣ націоналъ-либеральная партія въ рейхстагахъ и до 1871, и послѣ 1871 г. развивала блестящую дѣятельность, съигравъ первенствующую роль въ созданіи новыхъ порядковъ, но впослѣдствіи она не проявила достаточно ни энергіи, чтобы укрѣплять добытое, ни умѣнія слѣдить за знаменіями времени и удо-

влетворять его требованіямъ, вопреки обѣщанію программы. Въ странѣ въ это время партія была необычайно популярна. Особенно высоко стояло ея вліяніе въ 1874 г., когда на выборахъ въ рейхстагъ она собрала безъ малаго 1.400.000 голосовъ, чуть-что не четвертую часть всѣхъ поданныхъ голосовъ (при общей ихъ цифрѣ въ 5.200.000) и имѣла въ рейхстагѣ 152 депутата, т.-е. около $^3/_8$ всего его состава, въ прусской же палатѣ даже 178 представителей. Въ ней и тогда, какъ и послѣ, были два крыла: во главѣ лѣваго стоялъ Ласкеръ [1]), во главѣ праваго—Беннигсенъ, которому Бисмаркъ даже предлагалъ министерскій портфель, имъ не принятый въ виду отказа Бисмарка пригласить въ министерство еще двухъ національ-либераловъ [2]). Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ значеніе національ-либераловъ стало падать, на выборахъ за нихъ подавалось уже меньше голосовъ (въ 1877 г. — 127, въ 1878 г. — 98, а въ 1881 г. — даже 45 и т. д.). Отъ національ-либераловъ, къ тому же, отдѣлилось „либеральное единеніе“, иначе сецессіонисты (Ласкеръ и др.). Въ 1881 г. партія выработала новую программу. (Еще болѣе новая относится къ 1907 г.).

Партія прогрессистовъ образовалась еще въ прусской палатѣ въ 1861 г. и впервые разошлась съ національ-либералами по вопросу объ индемнитетѣ [3]). Ея члены, въ числѣ которыхъ особенною непреклонностью убѣжденій отличались Евгеній Рихтеръ [4]), Вирховъ и др., не были никогда многочисленны, равно какъ и члены народной партіи, обнародовавшей свою программу въ 1868 г. Въ этой программѣ былъ

---

[1]) О немъ книга *Bamberger'a* (1884), сборн. *Baumbach'a*, *Rickert'a*, *Hänel'я* и *Gneist'a* (1884).

[2]) Въ 1880 г. была сдѣлана попытка, напоминающая „Excellenzen-Partei“ (см. стр. 243, прим. 2) образовать либеральную группу между имперской партіей и національ-либералами, но потерпѣла неудачу. Во главѣ стояли Völk и Schauss, что дало поводъ Рихтеру съострить, давъ группѣ кличку „schäussliche Völkerschaft“ (отвратительный народецъ).

[3]) См. о началѣ этой партіи въ т. V, стр. 713—715 и 737.

[4]) Евгеній Рихтеръ былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ Бисмарка, ненавидившаго его до послѣдней степени за злыя противъ него выходки. О немъ см. *Fr. Werder.* E. Richter, der Führer der Fortschrittspartei (1881). Его ѣдкое остроуміе создало ему не мало недоброжелателей и въ другихъ партіяхъ. Полемическія произведенія противъ Рихтера были написаны консерваторомъ *Gozel'емъ* (1893), соціалъ-демократомъ *Mehring'омъ* и двумя анонимами, однимъ національ-либераломъ („Nichts gelernt und Nichts vergessen“, 1893) и однимъ свободомыслящимъ болѣе праваго оттѣнка („E. Richters Sprengbombe und ihre Wirkung“, 1893). Самъ Рихтеръ писалъ немало. Отмѣтимъ его „Politisches ABC—Buch“ (1879 и цѣлый рядъ болѣе новыхъ изданій) и переведенную на разные языки (между прочимъ, и на русскій въ 1893, 1905 и 1906 гг.), вышедшую въ свѣтъ въ 1891 г. его сатирическую повѣсть изъ временъ ожидаемаго въ будущемъ соціалистическаго общества „Sozial-demokratische Zukunftsbilder nach Bebel“.

сильно подчеркнутъ партикуляристическій характеръ партіи (требованіе права на самоопредѣленіе для каждаго отдѣльнаго племени въ составѣ германскаго народа) и выдвинутъ былъ впервые въ бюргерской программѣ соціальный вопросъ (требованіе фабричнаго законодательства и страхованія на случай инвалидности и старости).

Центръ [1]) опубликовалъ первую свою настоящую программу только въ концѣ разсматриваемаго періода. Программа 1871 г. была лишена содержанія и яркости. Въ 1878 г. послѣ роспуска рейхстага, отказавшагося вотировать исключительный законъ противъ соціалистовъ [2]), назначены были новые выборы, во время которыхъ партія центра и составила свою программу, гдѣ источникомъ всѣхъ золъ объявила „современный либерализмъ", господствующій-де въ наше время, благодаря поощренію со стороны многихъ правительственныхъ мѣропріятій. „Улучшенія и исцѣленія" программа ожидала лишь отъ сохраненія религіи въ народѣ, дабы „христіански-вѣрующее настроеніе было возбуждаемо и поощряемо въ воспитаніи, въ обученіи, въ образованіи, въ научной дѣятельности, равно какъ въ законодательствѣ и въ общественной жизни". Объявляя себя защитникомъ правъ церкви, центръ „для обезпеченія государственнаго и общественнаго порядка требовалъ неослабнаго уваженія къ конституціоннымъ правамъ и свободамъ и охраненія ихъ" съ особымъ упоминаніемъ объ „основномъ характерѣ Германской имперіи, какъ союзнаго государства", причемъ рекомендовалось сокращеніе государственныхъ расходовъ, въ особенности на армію и по возможности уменьшеніе налоговаго бремени. „Справедливыя требованія рабочаго сословія въ согласіи съ общимъ благомъ" программа совѣтовала удовлетворить „при помощи надлежащихъ реформъ и законовъ". Воззваніе, заключавшее въ себѣ и нѣсколько пунктовъ, интересныхъ только для исторіи выборовъ 1878 г., кончалось словами: „съ Богомъ, за правду, право и свободу!" Число членовъ центра, равнявшееся въ 1871 г. 63, въ 1874 г. поднялось до 91 и на этомъ приблизительно—и около 100—держалось потомъ все время.

Главою партіи центра до самой своей смерти въ 1891 г. былъ прежній ганноверскій министръ юстиціи Людвигъ Виндгорстъ [3]), рьяный вельфъ не только въ новомъ смыслѣ приверженности къ изгнанному изъ Ганновера Вельфскому дому, но и въ старомъ смыслѣ партикуляристической оппозиціи усиленію центральной власти. Съ этимъ партикуляризмомъ неразрывно соединялось въ немъ ультрамонтанство, въ

---

[1]) *Spahn.* Das deutsche Zentrum (1907).

[2]) См. въ слѣдующей главѣ.

[3]) О немъ соч. *J. N. Knopp'a* (1898), *Ed. Hüsgen'a* (1907) и др.

смыслѣ упорнаго отстаиванія правъ католической церкви противъ стремленій современнаго государства. Трудно даже сказать, что̀ въ немъ преобладало — партикуляризмъ или клерикализмъ, благодаря чему,— обладая притомъ ораторскими и организаторскими способностями,— онъ и объединялъ въ предводимой имъ партіи не всегда однородные элементы. Въ интересахъ своего дѣла Виндгорстъ настаивалъ на включеніи въ имперскую конституцію шести параграфовъ прусской конституціи, соотвѣтствовавшихъ такъ называемымъ „основнымъ правамъ“ (Grundrechten) германской конституціи 1848 г. [1]). Это были разныя свободы и между ними свобода религіозныхъ обществъ. Другимъ требованіемъ Виндгорста было вмѣшательство,—путемъ ли дипломатіи или войны,—Германской имперіи въ пользу возстановленія свѣтской власти папы. Оба эти желанія Виндгорста были отклонены рейхстагомъ весною 1871 г. подавляющимъ большинствомъ голосовъ. По первому вопросу рейхстагъ отказалъ центру въ его желаніи, пока не будутъ закономъ опредѣлены взаимныя отношенія церкви и государства, что̀ осталось совершенно непонятнымъ Виндгорсту, находившему, что вообще государство не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ какія распорядки церкви.

Познакомившись съ тѣмъ, какое устройство получила Германія въ 1871 г. и какія въ ней образовались политическія партіи [2]), остановимся теперь на томъ государственномъ человѣкѣ, который былъ однимъ изъ творцовъ имперіи, ея первымъ канцлеромъ и главнымъ руководителемъ ея внутренней политики въ первыя два десятилѣтія ея исторіи, что̀ даже позволяетъ нѣкоторымъ нѣмецкимъ историкамъ новѣйшаго времени дѣлить послѣднее на бисмарковскій и послѣбисмарковскій періоды [3]).

Какъ извѣстно [4]), Бисмаркъ выступилъ на политическое поприще въ концѣ сороковыхъ годовъ въ рядахъ ультра-консервативной партіи, рьянымъ защитникомъ абсолютизма и страстнымъ противникомъ демократіи, мало того—настоящимъ пруссакомъ, не желавшимъ „потопить, какъ онъ самъ выражался, прусскую монархію въ южно-германской безалаберности“. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV однажды выразился о немъ, какъ о „красномъ реакціонерѣ“. Но его политическія мнѣнія обнаруживали способность къ извѣстной эволюціи, и сторонникъ сначала тѣснаго единенія съ Австріей, онъ скоро убѣдился въ томъ, что

---

[1]) Т. V, стр. 535—538 и 632.

[2]) О соціалъ-демократіи см. въ слѣдующей главѣ.

[3]) Такъ, наприм., дѣлится на двѣ книги соч. *G. Egelhaaf'a*: „Die bismarckische Zeit“ (1871—90) и „Die nachbismarckische Zeit“.

[4]) Дальнѣйшее о Бисмаркѣ подробнѣе въ т. V, на стр. 715—720, 728—729, 732, 736—737, 739—740.

его „отчему дому“, Пруссіи, нельзя ужиться съ Австріей въ Германіи. Въ роли представителя Пруссіи во франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ и въ должностяхъ прусскаго посла сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Парижѣ, Бисмаркъ многому научился и многое позабылъ изъ своихъ воззрѣній эпохи соединеннаго ландтага, національнаго собранія и наступившей затѣмъ реакціи, оставшись, однако, такимъ же, какъ и прежде, монархистомъ и пруссакомъ. Человѣкъ властный, энергичный и честолюбивый, онъ вполнѣ овладѣлъ своимъ королемъ, Вильгельмомъ I, послѣ того какъ занялъ мѣсто министра-президента для борьбы съ оппозиціонною палатою начала шестидесятыхъ годовъ, и болѣе четверти вѣка, до самой смерти этого государя, держался у власти, нерѣдко прямо навязывая королю свою волю. Его не связывало ни уваженіе къ конституціи, котораго у него и не было, ни прежнее отвращеніе къ конституціонализму, разъ изъ учрежденія, хотя бы и революціоннаго происхожденія, можно было, ловко имъ пользуясь, сдѣлать орудіе своей политики. Онъ вообще умѣлъ учиться и очень быстро оріентировался въ новыхъ понятіяхъ и знаніяхъ, отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ способностью не только приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ, но и ихъ приспособлять къ своимъ планамъ, широко пользуясь всякими дозволенными и недозволенными средствами политической игры и съ отдѣльными лицами, и съ цѣлыми партіями, и съ иностранными правительствами. Парламентская практика выработала изъ него политическаго оратора съ грубоватымъ, но мѣткимъ остроуміемъ, подчасъ цинично откровеннаго, но почти всегда очень сильнаго. Онъ, не обинуясь, чуть ни при каждомъ случаѣ заявлялъ, что „сила господствуетъ надъ правомъ“, и его слова о томъ, что единство Германіи можетъ быть создано только „желѣзомъ и кровью“, а не рѣчами и голосованіями, лучше всего характеризуютъ его политическое міросозерцаніе. Успѣхи, которыми сопровождалась его дѣятельность, онъ объяснялъ правильностью своихъ взглядовъ; эти же самые успѣхи сдѣлали его въ глазахъ нѣмецкихъ либераловъ изъ ненавистнаго реакціонера, какимъ онъ былъ въ началѣ своей дѣятельности, національнымъ героемъ. Впослѣдствіи онъ любилъ колоть глаза своимъ политическимъ оппонентамъ ссылками на то, что безъ нихъ и вопреки имъ онъ съумѣлъ создать единую Германію. Наоборотъ, болѣе прямолинейные консерваторы готовы были обвинять Бисмарка въ потаканіи революціи. Въ 1866 г. ему стоило немалаго труда убѣдить своего государя въ необходимости союза съ итальянскимъ королемъ, этимъ союзникомъ революціи, низвергшей нѣсколькихъ законныхъ монарховъ. Во время распри съ Австріей, приведшей къ войнѣ, Бисмаркъ не остановился передъ предложеніемъ союзному сейму созвать для разсмотрѣнія спора особое собраніе, избранное всеобщимъ и прямымъ

голосованіемъ германской націи. Прусскіе реакціонеры были крайне недовольны Бисмаркомъ, воспротивившимся ихъ плану воспользоваться побѣдою надъ Австріей для измѣненія прусской конституціи въ болѣе монархическомъ духѣ [1]), и онъ даже теоретически призналъ, что во время конфликта министерство дѣйствовало противозаконно, въ каковомъ смыслѣ и внесъ съ прусскую палату предложеніе объ индемнитетѣ [2]). Мало того, Бисмаркъ не побоялся ввести въ конституцію Сѣверо-Германскаго союза демократическое избирательное право, за что̀ его упрекала и часть буржуазіи, усматривавшая въ этомъ опасность союза цезаризма съ народными массами противъ свободы и либерализма. Война 1870—71 г. и основаніе германскаго единства окончательно сдѣлали Бисмарка, возведеннаго императоромъ въ княжеское достоинство въ самый день открытія рейхстага 1871 г., національнымъ героемъ Германіи, а онъ, въ свою очередь, сблизился съ національ-либералами въ дѣлѣ внутренняго переустройства Германіи, которое, конечно, не могло происходить безъ ломки массы остатковъ старины, безъ нарушенія очень многихъ консервативныхъ интересовъ. Менѣе всего Бисмаркъ годился, конечно, для роли парламентарнаго министра, но онъ пользовался рейхстагомъ и даже былъ доволенъ его работою, когда имъ проводились въ жизнь нужныя ему, имперскому канцлеру, мѣры. Противъ всякаго сопротивленія со стороны Вильгельма I у него было свое средство, которое всегда помогало,—просьба объ отставкѣ, а противъ неповиновенія со стороны рейхстага—роспускъ и даже,—какъ думалъ Бисмаркъ о возможномъ случаѣ крайней необходимости,—уничтоженіе его, этой „дорогой игрушки, съ которою нѣмцы не умѣютъ надлежащимъ образомъ обращаться“.

Такому человѣку, достигшему одновременно громадной популярности въ нѣмецкой націи и господствующаго положенія среди государственныхъ людей всей Европы, конституція 1867—71 г. и образовавшіяся въ странѣ партіи давали полную возможность управлять Германіей по своему усмотрѣнію. Въ его умѣлыхъ рукахъ союзный совѣтъ являлся послушнымъ орудіемъ противъ демократическихъ и парламентарныхъ стремленій партій рейхстага, самимъ же рейхстагомъ онъ пользовался, какъ орудіемъ противъ партикуляризма отдѣльныхъ правительствъ. Надежда, какую онъ возлагалъ на всеобщее избирательное право въ борьбѣ съ либеральной буржуазіей [3]), на первыхъ порахъ его не обманула, тѣмъ болѣе, что конституція не давала рейхстагу никакой власти надъ канцлеромъ. Раздробленіе народнаго представительства

---

1) Ср. выше, стр. 22, прим. 1.

2) Ср. выше, стр. 22.

3) Т. V, стр. 732, 739—740, 836 и выше, стр. 23.

на партіи, изъ которыхъ ни одна не имѣла въ рейхстагѣ большинства, позволяло Бисмарку соединять и разъединять ихъ въ зависимости отъ того курса, который въ данный моментъ принимала его собственная политика. Такъ было до самой его отставки въ 1890 г.

Какъ ни прочно было положеніе Бисмарка, благодаря великимъ дѣламъ, имъ совершеннымъ, при берлинскомъ дворѣ противъ него велась интрига. Былъ такой моментъ, когда прусскіе консерваторы даже сдѣлали попытку замѣнить Бисмарка графомъ Арнимомъ, имя котораго довольно часто повторялось въ газетахъ семидесятыхъ годовъ по поводу знаменитаго въ свое время „арнимовскаго процесса“ [1]). Въ прусскомъ ландтагѣ, со стороны палаты господъ, одинъ изъ проектовъ Бисмарка относительно административной реформы встрѣтилъ сопротивленіе, заставившее Вильгельма I назначить нѣсколькихъ (25) новыхъ членовъ этой палаты [2]).

Что касается до событій внутренней нѣмецкой исторіи въ первое десятилѣтіе существованія имперіи, то это были 1) грюндерская эпопея начала семидесятыхъ годовъ, 2) такъ называемый „культуркампфъ“ и 3) усиленіе соціализма.

---

[1]) Тѣ изъ нынѣ живущихъ людей, которые въ серединѣ семидесятыхъ годовъ уже читали въ газетахъ иностранныя извѣстія, конечно, припомнятъ, что былъ такой процессъ, и что о немъ много писали. Графъ Гарри Арнимъ съ 1864 г. былъ сначала прусскимъ, потомъ сѣверо-германскимъ посломъ при папскомъ престолѣ, а затѣмъ занималъ такой же постъ (съ 1871 г.) при французской республикѣ. Въ 1874 г. онъ вынужденъ былъ покинуть Парижъ, такъ какъ его мнѣнія и объ отношеніи Германіи къ Франціи, и о прусской церковной политикѣ радикальнымъ образомъ расходились съ мнѣніями Бисмарка. Его преемникъ (кн. Гогенлоэ) обнаружилъ въ посольскомъ архивѣ пропажу множества важныхъ документовъ, что повлекло за собою обвиненіе Арнима въ ихъ утайкѣ. Надъ нимъ былъ наряженъ судъ, приговорившій его къ тюрьмѣ, а потомъ другой—за уклоненіе отъ ареста, лишившій его титула и пенсій. За брошюру, изданную имъ подъ заглавіемъ „Pro nihilo, Vorgeschichte des Arnim-Prozesses“ (1875), въ которой Арнимъ разоблачилъ нѣкоторыя дипломатическія тайны и нападалъ на Бисмарка, онъ былъ опять привлеченъ къ суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ, оскорбленіи величества и имперскаго канцлера, за что и былъ приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ. Арнимъ, жившій все это время за границей, опубликовалъ тогда новую брошюру, гдѣ изображалъ себя ни въ чемъ неповинной жертвой интригъ Бисмарка. Онъ такъ и умеръ на чужбинѣ (1881). Въ семидесятыхъ годахъ это была одна изъ causes célèbres, теперь совсѣмъ позабытая. Прибавимъ, что Арниму, котораго прусскіе консерваторы прочили въ преемники Бисмарку, очень сначала покровительствовала императрица Августа. См., между прочимъ, *Figurey* et *Corbier*. Le procès d'Arnim.

[2]) Эта реформа окончательно подрывала въ Пруссіи послѣдніе слѣды вотчинной полиціи и юстиціи, о сохраненіи которой въ XIX в. послѣ освобожденія крестьянъ см. т. IV, стр. 201 и т. V, стр. 636.

Мы знаемъ [1]), какую громадную контрибуцію должна была выплатить Франція Германіи по условіямъ франкфуртскаго мира 1871 г. Во вновь основанную имперію изъ побѣжденной республики потекли цѣлыя рѣки золота. Конечно, изъ пяти милліардовъ франковъ много было поглощено уплатою государственныхъ долговъ, постройкою крѣпостей и казармъ, заказами оружія и военныхъ припасовъ [2]), но не мало средствъ было обращено и на оживленіе промышленныхъ предпріятій. Первые годы десятилѣтія, открывающагося провозглашеніемъ имперіи, были для Германіи годами грюндерства (Gründerjahre), т.-е. „основанія“ различнѣйшихъ капиталистическихъ предпріятій. Нѣмцами въ эти годы овладѣла настоящая лихорадка спекуляцій, погоня за легкою наживою, бѣшеная скачка взапуски въ дѣлѣ сколачиванія новыхъ капиталовъ. За двадцать лѣтъ отъ 1851 до середины 1871 г. въ Германіи основано было всего двѣсти пять акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ, не превышавшимъ два съ половиною милліарда марокъ, т.-е. среднимъ числомъ по десяти компаній въ годъ, тогда какъ въ слѣдующіе четыре года ихъ основано было до 860 и съ капиталомъ въ три съ третью милліарда марокъ, т.-е. болѣе 200 компаній только за годъ. Основывались банки, желѣзодѣлательные заводы, каменноугольныя общества, желѣзнодорожныя компаніи и пр. и пр. Все это великолѣпіе, однако, долго продержаться не могло, начались банкротства, происходило быстрое паденіе цѣнностей. Наприм., въ началѣ 1875 г. было высчитано, что цѣнность акцій пятисотъ пятидесяти слишкомъ компаній, стоившихъ за два года передъ тѣмъ шесть милліардовъ семьсотъ семьдесятъ тысячъмарокъ, понизилась до четырехъ съ половиною милліардовъ, т.-е. процентовъ на тридцать. Разумѣется, дѣло не обошлось безъ крупныхъ злоупотребленій и прямыхъ мошенничествъ, въ которыхъ разобраться оказывалось очень труднымъ и слѣдователямъ, и судьямъ, если только не было, какъ говорили, случаевъ, когда разбираться особенно и не хотѣли. Во всякомъ случаѣ, послѣ наступившаго для ряда предпріятій краха было очень много недовольныхъ, начавшихъ обвинять во всемъ богатыхъ евреевъ, тѣмъ болѣе, что ихъ не мало было среди грюндеровъ этихъ лѣтъ. Съ другой стороны, вся эта спекулятивная вакханалія давала обильный матеріалъ для соціалистической критики буржуазнаго строя [3]). Въ об-

[1]) См. выше, стр. 107.

[2]) Вотъ нѣкоторыя точныя цифры: 120 милліоновъ марокъ въ военный запасъ, 560 милліоновъ въ инвалидный фондъ, 350 милліоновъ на крѣпости и казармы и т. п. Немало было роздано высшимъ офицерамъ въ видѣ наградъ (дотацій) и т. п.

[3]) Объ этомъ эпизодѣ см. *A. Niendorf.* Die Geheimnisse der herrschenden Wirtschaftspolitik (1875).—*Otto Glogau.* Die Börsen und Gründungsschwindel in Berlin (1876).—*Его же.* Der Bankerott des Nationalliberalismus und die

нѣмъ, вся эта исторія сдѣлала, однако, очень мало для отрезвленія нѣмецкой націи отъ того шовинистическаго угара, который былъ произведенъ безпримѣрными побѣдами германскаго оружія надъ „развращенной“ Франціей.

Другимъ эпизодомъ нѣмецкой исторіи въ первое десятилѣтіе по основаніи имперіи является борьба прусскаго правительства съ католическою церковью, получившая историческое названіе „борьбы за культуру“ (Kulturkampf).

Нѣмецкій культуркампфъ семидесятыхъ годовъ XIX в. представляетъ собою одинъ изъ эпизодовъ вообще борьбы свѣтскаго государства съ клерикализмомъ, тѣмъ болѣе интересный, что на сей разъ борьба разыгралась въ связи съ провозглашеніемъ догмата папской непогрѣшимости, съ отнятіемъ у папы свѣтской власти и съ агитаціей не въ одной Германіи въ пользу возстановленія этой власти во вредъ только-что завершившемуся объединенію Италіи. Съ другой стороны, эта борьба дала общее направленіе внутренней политикѣ Бисмарка въ первые годы имперіи, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ возобновленіемъ борьбы съ католическимъ духовенствомъ, происходившей въ Пруссіи еще въ серединѣ XIX в.

Пруссія въ эпоху своего образованія была государствомъ чисто протестантскимъ. Бранденбургъ, зерно будущей большой монархіи Гогенцоллерновъ, принялъ протестантизмъ еще въ 1539 г., а герцогство Прусское, соединившееся съ Бранденбургомъ въ 1618 г., даже обязано было возникновеніемъ своимъ реформаціи путемъ секуляризаціи орденскаго владѣнія крестоносцевъ Тевтоновъ магистромъ ордена изъ Гогенцоллернскаго княжескаго дома. Рано въ Пруссіи установилась и вѣротерпимость, благодаря тому, что династія и большинство населенія стали принадлежать къ разнымъ протестантскимъ исповѣданіямъ: династія приняла реформатство, населеніе было лютеранскимъ; въ эпоху отмѣны во Франціи нантскаго эдикта, слѣдовательно, въ концѣ XVII в. Пруссія стала даже однимъ изъ убѣжищъ, куда бѣжали французскіе гугеноты. Наконецъ, и сама побѣда протестантизма въ Германіи въ тридцатилѣтнюю войну доставила Пруссіи новыя владѣнія [1]). Расширеніе гогенцоллернскихъ владѣній сопровождалось, однако, включеніемъ въ ихъ составъ и территорій, населенныхъ католиками.

Reaction (1877).—*R. Meyer*. Politische Gründer und die Corruption in Deutschland (1877). Объ аналогичномъ крахѣ въ Вѣнѣ въ тѣ же года см. ниже, въ гл. XI. Моралистамъ по поводу всего этого очень удобно было распространяться на ту тему, что чужое богатство въ прокъ не идетъ, какъ это и дѣлалось въ то время особенно охотно французскими публицистами. О вліяніи краха на развитіе антисемитизма см. въ главѣ XV.

[1]) См. обо всѣхъ этихъ фактахъ въ т. II, стр. 144, 193, 377 и 561.

Въ царствованіе Фридриха II и Фридриховъ-Вильгельмовъ II и III, т.-е. во второй половинѣ XVIII в. и въ началѣ XIX Пруссія увеличилась Силезіей, польскими землями и Рейнскою областью съ католическими населеніями и болѣе уже не была чисто протестантскимъ государствомъ, но зато въ ней продолжала дѣйствовать прежняя политика вѣротерпимости. Фридрихъ II держался ея не только въ силу своего религіознаго индифферентизма, но и вслѣдствіе вѣрнаго расчета разрѣшивъ, между прочимъ, іезуитамъ, когда ихъ орденъ былъ уничтоженъ, остаться въ только-что присоединенныхъ католическихъ земляхъ, въ надеждѣ что іезуиты изъ благодарности будутъ содѣйствовать сплоченію новыхъ прусскихъ владѣній съ основными областями монархіи [1]). Въ XIX в. въ Пруссіи были сильны даже прямо католическія симпатіи, и тѣмъ не менѣе между прусскимъ правительствомъ и католическою церковью произошло столкновеніе [2]).

Поводомъ былъ вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ. Въ тридцатыхъ годахъ католическое духовенство во всѣхъ частяхъ Германіи стало отличаться большою нетерпимостью по отношенію къ протестантамъ и очень неохотно разрѣшало смѣшанные браки. Между тѣмъ во многихъ мѣстахъ установился обычай, въ силу котораго сыновья отъ смѣшанныхъ браковъ слѣдовали религіи отца, дочери—религіи матери. Въ коренной Пруссіи этотъ обычай получилъ силу закона, и когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV задумалъ распространить его и на прирейнскія владѣнія, тамъ онъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны католическаго духовенства, поддержанное папою, который разрѣшилъ вѣнчать съ протестантами лишь подъ условіемъ обязательства протестантской стороны воспитывать будущихъ дѣтей въ католической вѣрѣ. Прусское правительство отказалось признать силу папскаго повелѣнія, на сторону котораго безусловно сталъ кёльнскій архіепископъ (Дросте Фишерингъ), кромѣ того, заявившій еще притязаніе на исключительное право назначать и увольнять профессоровъ богословскаго факультета въ Боннѣ. Дѣло дошло до отрѣшенія кёльнскаго архіепископа отъ должности и заключенія его въ крѣпость (1837). То же потомъ случилось и съ гнѣзненскимъ архіепископомъ Дуниномъ въ восточной части монархіи. Католики стали на сторону своихъ архипастырей, и между представителями обѣихъ вѣроисповѣданій началась полемика. Для возстановленія мира въ государствѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ самомъ началѣ своего царствованія сдѣлалъ католикамъ кое-какія уступки, которыя стали толковаться ультрамонтанами въ смыслѣ полной побѣды католической церкви. Король-романтикъ, вообще сочув-

---

[1]) Обо всемъ этомъ т. III, стр. 301, 308, 328, 374 и др. и IV, стр. 241.
[2]) Дальнѣйшее подробнѣе въ т. V, стр. 178 и слѣд.

ственно относившійся къ католицизму, даже предпринялъ достройку кёльнскаго собора, лучшій во всей Германіи памятникъ готической архитектуры [1]). Реакція, наступившая послѣ подавленія революціи 1848 г., оказалась очень выгодною для католицизма въ Пруссіи, правительство которой теперь, какъ и послѣ 1814 г., искало въ его представителяхъ союзниковъ для борьбы съ духомъ времени.

Въ шестидесятыхъ годахъ положеніе католицизма въ Германіи было для него довольно благопріятнымъ, такъ какъ у клира была масса вѣрныхъ и послушныхъ духовныхъ чадъ. Преданность церкви стала подогрѣваться пропагандою жалости къ святому отцу по случаю потери имъ, сначала въ 1860, потомъ въ 1870 г. владѣній и свѣтской власти, въ то время, какъ рѣшеніемъ ватиканскаго собора этого же 1870 г. [2]) папства было вознесено на недосягаемую для смертныхъ высоту „непогрѣшимости“ [3]). Отношеніе вѣрныхъ чадъ церкви къ протестантизму и къ его представительницѣ, Пруссіи, было самое недовѣрчивое. Если въ 1866 г. южно-германскія государства не вошли въ составъ образовавшагося подъ гегемоніей Пруссіи союза, то немаловажною причиною этого было настроеніе тамошняго католическаго населенія. Мы уже видѣли [4]), что въ первомъ рейхстагѣ образовалась цѣлая партія съ ультрамонтанскимъ характеромъ, со стремленіями, во многихъ отношеніяхъ напоминающими намъ и притязанія французскихъ клерикаловъ [5]). Ко времени включенія въ составъ Германіи Баваріи, Вюртемберга, Бадена и Гессенъ-Дармштата, откуда католическій центръ долженъ былъ получить подкрѣпленіе, ватиканскій соборъ поставилъ на очередь отношеніе паствы и свѣтскихъ властей къ новому догмату.

Среди нѣмецкихъ католиковъ нашлись противники догмата. Однимъ изъ противниковъ непогрѣшимости былъ роттенбургскій епископъ Гефеле, превосходный знатокъ церковной исторіи. Онъ даже обратился къ своему (вюртембергскому) правительству съ вопросомъ, можетъ ли онъ въ случаѣ надобности найти въ немъ защиту и поддержку, но оно отвѣтило ему просьбою оставить такіе щекотливые вопросы. Другимъ противникомъ догмата выступилъ мюнхенскій церковный историкъ Дёллингеръ, сильно агитировавшій противъ новыхъ притязаній папства еще до начала соборныхъ засѣданій [6]).

---

[1]) Т. V, стр. 185 и 442.

[2]) Т. V, стр. 696—697.

[3]) Такъ принято у насъ переводить терминъ „infallibilitas“, значащій, въ сущности, не непогрѣшимость (impeccabilitas), а безошибочность.

[4]) См. выше, стр. 239.

[5]) См. выше, стр. 202.

[6]) Т. V, стр. 697.

Кромѣ того, въ Германіи нашлось вообще не мало католиковъ, утверждавшихъ, что новый догматъ противорѣчитъ старому вѣрованію церкви и не имѣетъ силы, такъ какъ не былъ единогласно принятъ соборомъ. Эти „старокатолики“ въ сентябрѣ 1871 г. устроили въ Мюнхенѣ съѣздъ, гдѣ было представлено до 300 общинъ. Главную роль на немъ игралъ Дёллингеръ, котораго еще за полгода передъ тѣмъ привлекалъ къ отвѣту мюнхенскій архіепископъ Шерръ; такъ какъ Дёллингеръ защищалъ свою точку зрѣнія и, между прочимъ, доказывалъ, что новый догматъ противорѣчитъ современному государственному строю вообще и баварскому въ частности, то и былъ отлученъ отъ церкви, что̀, впрочемъ, не помѣшало баварскому правительству сохранить за нимъ профессуру. Образованіе старо-католицизма не получило, однако, большого политическаго значенія, такъ какъ онъ собрало подъ свои знамена не болѣе 50 т. послѣдователей, что̀ составляло только около трехъ десятыхъ процента на шестнадцати-милліонное протестантское населеніе страны и такъ какъ все старо-католическое движеніе осталось строго церковнымъ [1]). Очень можетъ быть, оно приняло бы и бо̀льшіе размѣры, если бы борьба новой имперіи съ католицизмомъ не внушала многимъ опасенія прослыть перебѣжчиками въ лагерь власть имущихъ.

Бо̀льшая часть высшаго духовенства подчинилась догмату и стала требовать подчиненія ему со стороны профессоровъ и преподавателей богословія и другихъ церковныхъ предметовъ. Кёльнскій архіепископъ Мельхерсъ потребовалъ отъ профессоровъ боннскаго теологическаго факультета формальнаго письменнаго удостовѣренія въ такомъ смыслѣ. Бреславльскій архіепископъ смѣстилъ одного священника, не хотѣвшаго подчиниться догмату, кременцкій епископъ сталъ домогаться, чтобы прусское правительство отрѣшило отъ должности нѣсколькихъ духовныхъ преподавателей и т. п. Этимъ ставился вопросъ, должно ли государство слѣпо исполнять требованія епископовъ или нѣтъ,—вопросъ, который въ отрицательномъ смыслѣ и рѣшили какъ прусскій министръ культовъ Мюлеръ, такъ и баварскій Луцъ, послѣдній по поводу Дёллингера. Одновременно съ этимъ разгорѣлся споръ и о взаимныхъ отношеніяхъ свѣтскаго правительства и католической церкви въ веденіи низшей народной школы. Церковь считала себя единственно правомочной воспитательницей подростающихъ поколѣній, но, напр., § 23 прусской конституціи разсматривалъ все школьное дѣло, какъ чисто государственное [2]). Раньше прусское правительство

---

[1]) Къ нему мы возвращаемся ниже, въ гл. XX.

[2]) „Всѣ общественныя и частныя образовательныя и воспитательныя заведенія состоятъ подъ надзоромъ установленныхъ государствомъ властей“.

дѣлало большія уступки духовенству въ этомъ дѣлѣ, но съ усиленіемъ въ правительственныхъ сферахъ націонализма въ высшихъ сферахъ стали съ неудовольствіемъ смотрѣть на то, что въ познанской области, въ западно-прусской провинціи, въ Верхней Силезіи католическое духовенство очень уже благопріятствовало въ народной школѣ польщизнѣ (Polenthum). Въ эпоху реакціи особое католическое отдѣленіе (Katholische Abtheilung) въ министерствѣ культовъ, цѣль котораго была, отстаивать права государства по отношенію къ римской церкви, пріобрѣло характеръ учрежденія, какъ бы основаннаго съ діаметрально противоположною цѣлью. Бисмаркъ нашелъ нужнымъ положить конецъ этому учрежденію, что и сдѣлалъ въ іюлѣ 1871 г., объяснивъ потомъ въ прусской палатѣ депутатовъ эту мѣру, уничтоженіе названной „вѣроисповѣдной фракціи въ чисто политическомъ собраніи", тѣмъ, что она была только „мобилизаціей противъ государства". Такъ дѣло стояло въ протестантской Пруссіи, но и въ католической Баваріи тоже назрѣвалъ конфликтъ. Упомянутый министръ Луцъ былъ даже иниціаторомъ внесенія въ уголовный кодексъ особаго параграфа противъ злоупотребленія проповѣдническою каѳедрою („Kanzelparagraph"), въ каковомъ смыслѣ баварскимъ министерствомъ было сдѣлано предложеніе и союзному совѣту. Въ рейхстагѣ оно встрѣтило сильную оппозицію со стороны центра, но значительнымъ большинствомъ было принято (въ ноябрѣ 1871 г.): пользованіе церковною каѳедрою въ цѣляхъ нарушенія общественнаго мира стало наказываться тюремнымъ заключеніямъ до двухъ лѣтъ. Это былъ первый законъ, посредствомъ котораго новая имперія, притомъ по иниціативѣ правительства чисто католической страны, вступала въ борьбу съ католицизмомъ.

Вторымъ подобнымъ закономъ былъ внесенный въ прусскую палату уже упоминавшимся министромъ Мюлеромъ, въ самомъ концѣ 1871 г., законъ о школьной инспекціи. Проводилъ его въ палатѣ уже не онъ самъ, такъ какъ вслѣдствіе своего личнаго благочестія считался недостаточно для этого подходящимъ, а назначенный на его мѣсто въ началѣ 1872 г. болѣе способный и энергичный Фалькъ [1]), который особенно подчеркивалъ права государства въ школьномъ дѣлѣ и между прочимъ право назначать и увольнять учителей, не справляясь съ желаніемъ или нежеланіемъ духовенства. При защитѣ закона въ палатѣ выступалъ и самъ Бисмаркъ, указывавшій на опасность полонизаціи нѣмецкихъ дѣтей въ названныхъ выше провинціяхъ. Впрочемъ, главнымъ его аргументомъ всегда была ссылка на то, что ватиканскій соборъ сдѣлалъ изъ духовныхъ лицъ „безотвѣтственныя орудія государя, который въ силу своей непогрѣшимости, располагаетъ властью

[1]) *Fischer*. Adalbert Falk, Preussens einstiger Kulturminister (1900).

въ гораздо большей степени абсолютною, чѣмъ какой бы то ни было монархъ въ мірѣ". Предложеніе прошло всѣ стадіи, хотя многіе консерваторы прусской палаты противились ему, находя, что новый законъ умалилъ бы права и евангелическаго духовенства. Законъ былъ санкціонированъ Вильгельмомъ I въ серединѣ марта, и вслѣдъ за тѣмъ Пій IX запретилъ нѣмецкому кардиналу Гогенлоэ принять постъ германскаго посланника при папскомъ дворѣ. Это совсѣмъ испортило отношенія между Германіемъ и папствомъ; тогда, въ серединѣ мая 1872 г., Бисмаркъ объявилъ въ рейхстагѣ, что новый догматъ дѣлаетъ невозможнымъ для свѣтской власти конкордатъ съ католическою церковью безъ самоуниженія государства, на что Германская имперія никогда не согласится: „въ Каноссу мы не пойдемъ ни физически, ни духовно" (nach Canossa gehen wir nicht, weder körperlich, noch geistig)! Рѣзкій поступокъ папы объясняется тѣмъ, что Гогенлоэ на соборѣ былъ въ числѣ противниковъ непогрѣшимости, а сверхъ того, іезуиты и кардиналъ ненавидѣли другъ друга: орденъ имѣлъ большую силу у Пія IX, да и въ Германіи они были главными представителями ультрамонтанства. На послѣднее ихъ значеніе въ Германіи указывали всѣ прогрессивные общественные элементы, а въ рейхстагѣ даже начали во множествѣ поступать петиціи на счетъ принятія противъ іезуитовъ разныхъ мѣръ, на что клерикалы и католики отвѣчали петиціями, восхвалявшими заслуги іезуитовъ, между прочимъ, въ послѣднихъ войнахъ, когда многіе изъ нихъ отличились своею помощью раненымъ и больнымъ. Рейхстагъ, побуждаемый обѣими сторонами высказаться по вопросу объ іезуитахъ, обратился къ союзному совѣту съ предложеніемъ внести на этотъ счетъ законопроектъ: іезуиты никогда-де не были допущены какимъ-либо закономъ, а ихъ существованіе возбуждаетъ сомнѣніе, допустима ли корпорація, безусловно подчиненная иностранному начальству и учащая, что законы государства, отвергнутые церковью, не обязательны для подданныхъ.

Ставился, значитъ, вопросъ, уже разрѣшавшійся не въ пользу іезуитовъ еще абсолютными правительствами католическихъ государствъ въ серединѣ XVIII в. [1]). Союзный совѣтъ внесъ въ рейхстагъ въ іюнѣ 1872 г. законопроектъ, дававшій мѣстной полиціи право запрещать пребываніе въ соотвѣтственныхъ округахъ іезуитамъ и членамъ родственныхъ имъ конгрегацій и даже въ тѣхъ случаяхъ, если дѣло шло бы о германскихъ гражданахъ. Центръ возражалъ на это предложеніе, называя его несправедливымъ и противнымъ принципамъ права, но большинство находило его недостаточнымъ и по предложенію бывшаго баварскаго министра Гогенлоэ-Шиллингсфюрста, брата

[1]) Т. III, стр. 370 и слѣд.

кардинала и, что замѣчательно, ревностнаго католика, приняло большинствомъ двухъ третей голосовъ законъ, закрывавшій доступъ на германскую территорію ордену іезуитовъ и другимъ подобнымъ орденамъ и конгрегаціямъ съ обязательной ликвидаціей въ шесть мѣсяцевъ всѣхъ ихъ учрежденій и съ разрѣшеніемъ отдѣльнымъ правительствамъ выселять, въ случаѣ надобности, всѣхъ иноземныхъ іезуитовъ, а также ограничивать право свободнаго мѣстожительства по отношенію съ іезуитамъ туземнымъ. Эта суровая мѣра была приведена въ исполненіе, и католики и клерикальная пресса увидѣли въ ней „гоненіе“ на церковь, а въ іезуитахъ „мучениковъ“ за вѣру. Консерваторы прусской палаты, на которыхъ Бисмаркъ дотолѣ опирался, тоже стали ему дѣлать оппозицію, отказавъ правительству въ пріемѣ одного законопроекта, касавшагося мѣстнаго управленія, который и былъ проведенъ только послѣ того, какъ король назначилъ въ палату господъ два съ половиною десятка новыхъ членовъ или, какъ это называли, произвелъ „пэрсшубъ“ (Pairsschub). Бисмаркъ даже уступилъ постъ министра-президента болѣе консервативному графу Роону [1]), оставивъ въ своемъ завѣдованіи лишь иностранныя дѣла (въ самый первый день новаго 1873 г.). Прусскіе консерваторы настолько разозлились на имперскаго канцлера, что ихъ старый органъ, „Крестовая газета“ [2]), началъ его обвинять въ подозрительныхъ связяхъ съ финансистами, а лютеранскіе пасторы называли его потрясателемъ христіанскаго благочестія въ народѣ.

Фалькъ, выбранный Бисмаркомъ для борьбы съ клерикализмомъ, оказался министромъ весьма энергичнымъ и уже въ началѣ января 1873 г. внесъ въ прусскую палату депутатовъ четыре законодательныхъ предложенія касательно 1) ограниченія карательной власти духовенства лишь чисто религіозною областью, отнюдь не за дѣла, совершенныя по приказанію государства; 2) допущенія къ занятію духовныхъ должностей только подданными имперіи, прошедшими курсъ теологіи въ одномъ изъ германскихъ же университетовъ или въ такой католической семинаріи, за которою это право признаетъ министръ культовъ, съ передачею надзора за духовными школами государству и предоставленіемъ мѣстнымъ властямъ не допускать неподходящихъ кандидатовъ къ занятію должностей; 3) касательно формальностей при выходѣ изъ любого вѣроисповѣданія и 4) сохраненія дисциплинарной власти духовныхъ начальниковъ надъ своими подчиненными въ Пруссіи за одними германскими гражданами, постановки ихъ приговоровъ подъ контроль государства и учрежденія особаго церковнаго суда для раз-

[1]) Т. V, стр. 713, 715, 731 и выше, стр. 92. — О немъ соч. *Roon'a*-сына (1891), *Gossler'a* (1879), *Immermann'a* (1898) и др.

[2]) Т. V, стр. 634 и 716.

смотрѣнія случаевъ неповиновенія духовныхъ лицъ законамъ государства. Необходимость этихъ мѣръ мотивировалась самозащитой прусскаго государства противъ властолюбія католической церкви. Борьба въ палатѣ шла горячая, и для проведенія этихъ новыхъ четырехъ законовъ, принятыхъ въ маѣ 1873 г., пришлось пересмотрѣть и отмѣнить параграфы прусской конституціи, на противорѣчіи правительственныхъ проектовъ съ которыми настаивали консерваторы. Просьба евангелическаго Высшаго церковнаго совѣта, по крайней мѣрѣ, не распространять дѣйствія этихъ законовъ на евангелическую церковь не была при этомъ уважена [1]).

Епископы, центръ, большинство католиковъ, рѣшили поступать такъ, какъ будто бы этихъ законовъ и не существовало вовсе, т.-е. оказывать имъ пассивное сопротивленіе. Папа Пій IX взялъ даже по отношенію къ Вильгельму I весьма высокомѣрный тонъ въ своемъ къ нему письмѣ, гдѣ говорилъ, что онъ, папа, имѣетъ нѣкоторымъ образомъ власть надъ всякимъ крещеннымъ человѣкомъ, на что въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Вильгельмъ I заявилъ протестъ: „я, писалъ онъ, получилъ отъ Бога обязанность охранять уваженіе къ законамъ, а съ Вашимъ заявленіемъ о томъ, будто каждый принявшій крещеніе принадлежитъ папѣ, я согласиться рѣшительно не могу, ибо евангелическая вѣра, которую я исповѣдаю за моими предками съ большинствомъ моихъ подданныхъ, не позволяетъ намъ въ отношеніяхъ къ Богу признавать никакого другого посредника, кромѣ Господа нашего Іисуса Христа“. Протестанты были весьма довольны отвѣтомъ своего государя папѣ и видѣли въ немъ руку Бисмарка, какъ католики, наоборотъ, восторгались письмомъ папы. Противъ послѣдняго были только старо-католики и часть католиковъ, прозванныхъ „государственными“ (Staatskatholiken), которые подали Вильгельму I сочувственный адресъ. Большинство католическаго населенія осталось вѣрнымъ своему духовному начальству: когда въ 1874 г., происходили выборы въ рейхстагъ, число голосовъ, поданныхъ за центръ, возросло съ 700 безъ малаго тысячъ, какимъ оно было въ 1871 г. до почти полутора милліоновъ голосовъ, т.-е. болѣе, нежели удвоилось, что имѣло своимъ результатомъ и увеличеніе числа депутатовъ центра въ рейхстагѣ также почти въ полтора раза (съ 63 до 91). Правда, въ этомъ рейхстагѣ 1874 г. и либералы имѣли большое количество членовъ—150, или $^3/_8$ общаго числа депутатовъ.

Борьба съ католическою церковью получила, какъ было уже

---

[1]) Въ нихъ говорилось о независимости церкви, и въ теперешнихъ изданіяхъ конституціи 1850 г. они значатся отмѣненными закономъ 15 іюня 1875 г. Ср. *Гессенъ* и *Нольде*, т. I, стр. 392.

указано, и особое названіе „Kulturkampf'a", т.-е. борьбы за культуру, за новое европейское просвѣщеніе, за свѣтскую цивилизацію противъ средневѣковыхъ притязаній реакціоннаго католицизма,—терминъ, который принадлежитъ прогрессистскому депутату, знаменитому ученому, берлинскому профессору Вирхову и утвердился даже за цѣлой эпохой въ новѣйшей исторіи Германіи. Культуркампфъ велся не только въ рейхстагѣ или въ ландтагахъ отдѣльныхъ государствъ, но и въ прессѣ, въ народныхъ собраніяхъ, вездѣ съ страшнымъ ожесточеніемъ, причемъ главнымъ предметомъ ненависти со стороны католиковъ былъ Бисмаркъ, на которомъ, выражаясь русской пословицей, только собакъ не вѣшали,—вплоть до обвиненій въ государственномъ предательствѣ. Въ іюлѣ 1874 г. одинъ католическій ремесленникъ Кульманъ сдѣлалъ подъ вліяніемъ этого озлобленія неудавшееся покушеніе на его жизнь.

Въ полемикѣ приняли участіе и свободные мыслители, противники историческаго христіанства, было ли оно римскимъ или евангелическимъ, все равно: тогда именно знаменитый Фридрихъ Штраусъ [1]) выпустилъ въ свѣтъ надѣлавшую много въ свое время шуму книгу „Старая и новая вѣра" [2]). Развитію католической печати, къ которой только въ 1874 г. прибавилось около 120 газетъ, Бисмаркъ задумалъ противопоставить нарочно созданную для культуркампфа правительственную прессу. На это нужны были деньги, и Бисмаркъ рѣшилъ обратить на это проценты съ 16 милліоновъ талеровъ (= 48 милліоновъ марокъ), предлагавшихся-было ганноверскому королю за отказъ отъ притязаній на корону и имъ отвергнутыхъ. Въ томъ употребленіи, какое было дано имперскимъ канцлеромъ этому денежному фонду, за послѣднимъ упрочилось названіе „рептильнаго" (Reptilienfonds), въ связи съ однимъ болѣе раннимъ (1869) заявленіемъ Бисмарка въ прусской палатѣ: „я не родился шпіономъ, и шпіонство мнѣ противно, но я думаю, что вы должны насъ благодарить, когда мы преслѣдуемъ зловредныхъ гадовъ (Reptilien) до самыхъ ихъ норъ, чтобы знать, что тамъ они дѣлаютъ". Эти слова были сказаны въ оправданіе употребленія денегъ изъ „вельфскаго фонда" на воспособленіе оффиціозной печати, и вотъ теперь католическая пресса пустила въ ходъ фразу о пресмыкающихся гадахъ, которые за деньги поносятъ католицизмъ и его приверженцевъ. Главные удары католическая пресса наносила самому Бисмарку, съ декабря 1873 г. снова сдѣлавшемуся прусскимъ министромъ-президентомъ (такъ какъ отдѣленіе этой должности отъ имперскаго канцлерства оказалось сопряженнымъ съ боль-

---

[1]) Т. V, стр. 356.

[2]) См. ниже, гл. XXIV.

шими неудобствами). Ультрамонтаны не одной Германіи говорили о нероновскомъ и діоклетіановскомъ преслѣдованіи церкви въ Пруссіи, а между тѣмъ впереди были еще новыя суровыя мѣры противъ католицизма.

Германскіе епископы, повинуясь папѣ, объявившему „майскіе“ прусскіе церковные законы недѣйствительными (irritae), и не думали ихъ соблюдать. Высшій церковный судъ привлекъ къ суду цѣлый рядъ епископовъ, а такъ какъ они не платили налагавшихся на нихъ штрафовъ, то ихъ стали сажать въ тюрьмы и смѣщать, такъ что въ 1877 г. всѣ католическіе епархіи въ Пруссіи, кромѣ четырехъ, не имѣли архипастырей. Въ апрѣлѣ 1875 г. особый законъ (Sperrgesetz) отнялъ у католической церкви всѣ деньги, шедшія ей изъ государственной казны, пока епископы не подчинятся законамъ. Параграфы конституціи, обезпечивавшіе свободу церковныхъ организацій и уже передѣланные въ 1873 г., были совсѣмъ отмѣнены, и въ теченіе шести мѣсяцевъ были уничтожены всѣ монашескіе ордена (съ 900 монастырей и 8800 членами), за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые занимались уходомъ за больными. Неисполненіе духовенствомъ, какъ имперскихъ, такъ и прусскихъ законовъ влекло за собой массу приговоровъ противъ непослушныхъ священниковъ: ихъ сажали въ тюрьмы, отрѣшали отъ должности и т. п., а такъ какъ новыхъ назначеній, требовавшихъ соблюденія майскихъ законовъ, не производилось, то сотни приходовъ оставались совсѣмъ безъ пастырей, сотни съ недостаточнымъ количествомъ священниковъ, въ общей сложности до тысячи двухсотъ приходовъ съ населеніемъ въ два слишкомъ милліона душъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого было то, что пришлось отнять у духовенства веденіе метрикъ и узаконить гражданскій бракъ, на что Вильгельмъ I согласился съ великимъ трудомъ, да и то въ надеждѣ, что введеніе гражданскаго брака не устранитъ церковныхъ вѣнчаній. Кромѣ Пруссіи, аналогичный культуркампфъ происходилъ еще въ Баденѣ и въ Гессенъ-Дармштадтѣ.

Культуркампфъ, разссорившій Бисмарка съ прусскими консерваторами, сблизилъ его до извѣстной степени съ болѣе прогрессивными партіями, изъ которыхъ національ-либералы оказывали ему поддержку еще съ 1866 г. Этапартія даже получила кличку бисмарковской, такъ какъ съ нею теперь желѣзный канцлеръ былъ въ союзѣ и въ рейхстагѣ, и въ прусской палатѣ, въ соотвѣтствіи чему и прежніе прусскіе министры эпохи конфликта были замѣнены либералами. Мы еще будемъ [1]) имѣть случай вернуться къ этой эпохѣ союза Бисмарка съ либералами по поводу его экономической политики семидесятыхъ годовъ,

[1]) Ниже, въ главѣ XV.

когда онъ подался въ сторону свободной торговли. Всего, однако, чего хотѣли бы добиться отъ Бисмарка національ-либералы, имъ получить отъ него далеко не удалось, ни учрежденія имперскаго министерства, ни вознагражденія депутатамъ и т. п. Мало-по-малу, впрочемъ, онъ началъ расходиться со своими союзниками, когда борьба съ католическимъ духовенствомъ стала представляться ему дѣломъ менѣе важнымъ, чѣмъ борьба съ соціализмомъ, требовавшая отъ него, съ одной стороны, сближенія съ консерваторами, съ другой, вмѣшательства въ экономическія отношенія, противъ котораго были либералы, тѣмъ болѣе, что и другія причины также заставляли его перемѣнить общее направленіе своей экономической политики. Положимъ, господство либераловъ не помѣшало Бисмарку провести въ 1874 г. законы, строго каравшіе разныхъ противниковъ правительства въ случаяхъ притомъ довольно неопредѣленныхъ („каучуковый параграфъ", прозванный такъ по растяжимости своего содержанія), особенно за выступленія въ періодической печати, но въ союзѣ съ консерваторами (съ прусскими юнкерами и съ центромъ) все-таки было легче вести борьбу противъ опасности слѣва.

Внутреннія перемѣны, происшедшія въ Германіи къ концу семидесятыхъ годовъ, вообще способствовали прекращенію культуркампфа. Самъ Бисмаркъ не смотрѣлъ на майскіе законы, какъ на нѣчто вѣчное и неизмѣнное: въ его глазахъ они были лишь боевымъ средствомъ и временной мѣрой, подобной пріему сильно дѣйствующаго лѣкарства для излѣченія скоро преходящей болѣзни [1]). Въ прусской палатѣ въ 1875 г. онъ самъ указывалъ на возможность мира съ папствомъ, потому что „исторія знаетъ разныхъ папъ — воинственныхъ и миролюбивыхъ, задорныхъ и смирныхъ", и „очередь можетъ дойти до болѣе покладистаго папы, который согласится позволить и другимъ жить, какъ имъ нравится, и съ которымъ можно будетъ заключить миръ". Такого болѣе уступчиваго папу пришлось ждать только три года, когда по смерти несговорчиваго Пія IX въ февралѣ 1878 г. былъ выбранъ на папскій престолъ большой политикъ Левъ XIII [2]). Извѣщая германскаго императора о своемъ восшествіи, новый глава римской церкви выразилъ надежду, что великодушіе императора поможетъ возстановить прежнія добрыя отношенія между св. престоломъ и Пруссіей. Правда, Вильгельмъ I отвѣчалъ холодно въ томъ смыслѣ, что папѣ легко повліять на служителей алтаря, чтобы они повиновались

---

[1]) Впослѣдствіи Бисмаркъ даже рѣшался утверждать, что майскіе законы ему были навязаны, и вся вина за нихъ была свалена имъ на Фалька, который будто бы сообщилъ свои проекты премьеру въ одно время, какъ и другимъ министрамъ.

[2]) О немъ см. ниже, въ гл. XX.

законамъ, и тогда не о чемъ будетъ больше говорить, но во всякомъ случаѣ теперь, по крайней мѣрѣ, сдѣлались возможными переговоры. На одномъ придворномъ праздникѣ въ Мюнхенѣ, вскорѣ послѣ телеграммы Льва XIII къ Вильгельму I, баварскій графъ Гольнштейнъ, очень близкое къ Бисмарку лицо, подошелъ къ папскому нунцію Мазеллѣ, и сказалъ ему: „монсиньоръ, намъ нужно было бы соединиться и начать борьбу съ общимъ врагомъ, соціализмомъ". Около этого же времени Фалькъ, видя по нѣкоторымъ признакамъ, что его положеніе стало колебаться, подавалъ-было въ отставку, пока, однако оставшуюся непринятою. Затѣмъ праздновалась въ Дрезденѣ серебряная свадьба королевской четы, и отъ имени папы поздравить ее явился Мазелла, съ которымъ необычайно любезно обошелся зять императора, великій герцогъ баденскій, находившійся подъ большимъ вліяніемъ своей тещи, императрицы Августы, очень не одобрявшей культуркампфъ изъ-за его неблагопріятныхъ послѣдствій для евангелической церкви, а къ концу своей жизни и прямо проникавшейся симпатіей къ католицизму. Затѣмъ Мазелла, не безъ согласія самого Фалька, встрѣтился съ Бисмаркомъ въ Киссингенѣ, куда въ іюлѣ 1878 г. канцлеръ пріѣхалъ отдохнуть и полѣчиться послѣ берлинскаго конгресса,—и предложилъ Бисмарку, по уполномоченію со стороны папскаго статсъ-секретаря кардинала Франки, отмѣнить всѣ майскіе законы и возвратить положеніе католической церкви въ Пруссіи къ тому, какимъ оно было въ началѣ двадцатыхъ годовъ XIX в. Бисмаркъ обошелся съ папскимъ нунціемъ очень любезно, но согласился только на своего рода перемиріе—на возвращеніе нѣкоторыхъ епископовъ на ихъ мѣста. Этого для куріи было, конечно, мало, и новый папскій статсъ-секретарь, кардиналъ Нина, приказалъ Мазеллѣ прекратить переговоры. Какъ-разъ вслѣдъ за тѣмъ два покушенія на жизнь Вильгельма I [1]) поставили передъ Бисмаркомъ на очередь борьбу съ соціалистической пропагандой. Съ католическою церковью нужно было заключить миръ для борьбы съ „общимъ врагомъ", и первымъ признакомъ поворота въ другую сторону была отставка Фалька, политику котораго по отношенію къ евангелической церкви не одобряли самъ Вильгельмъ I и его супруга. Преемникомъ Фальку былъ назначенъ чистѣйшей воды консерваторъ Путткамеръ (въ іюлѣ 1879 г.), а одновременно съ этимъ начаты были переговоры въ Вѣнѣ между тамошними германскимъ посломъ княземъ Рейсомъ и папскимъ нунціемъ Якобини, осенью же и между послѣднимъ и самимъ Бисмаркомъ. Обѣ стороны, однако, не обнаруживали уступчивости; тогда, видя, что съ папствомъ не столкуешься, Бисмаркъ рѣшилъ по собственному почину

[1]) См. въ слѣдующей главѣ.

успокоить германскихъ католиковъ ослабленіемъ культуркампфа. Въ маѣ 1880 г. Путткамеръ внесъ въ прусскій ландтагъ предложеніе дать правительству дискреціонныя полномочія относительно примѣненія или непримѣненія новыхъ церковныхъ законовъ, что и было принято при протестѣ со стороны центра. Послѣ этого изъ 2100 священниковъ, лишенныхъ права преподавать въ школахъ, почти двумъ третямъ (1300) отнятое право правительствомъ было возвращено. Это было лишь началомъ того, что враги Бисмарка готовы были называть отправленіемъ въ Каноссу. Въ февралѣ 1882 г. прусскимъ посланникомъ при Ватиканѣ былъ назначенъ искусный дипломатъ Куртъ фонъ-Шлёцеръ и началъ дѣло примиренія. Оно подвигалось съ большимъ трудомъ: потребовалось издать въ Пруссіи ещё четыре примирительныхъ закона, проводилъ которые уже преемникъ Путткамера, сдѣлавшагося министромъ внутреннихъ дѣлъ, Госслеръ, и на это потребовался цѣлый рядъ лѣтъ — вплоть до 1887 г. Въ маѣ этого послѣдняго года Левъ XIII въ открытомъ консисторіи кардиналовъ торжественно объявилъ, что прискорбной борьбѣ, вредной для церкви, да и для прусскаго государства неполезной, finis positus. Примѣру Пруссіи послѣдовали Баденъ (1880) и Гессенъ (1887 и 1889). Національ-либералы оцѣнили конецъ культуркампфа, какъ злосчастное пораженіе государственной власти (проф. Гнейстъ и др.). Среди прогрессистовъ заклятый врагъ Бисмарка Евгеній Рихтеръ выразилъ взглядъ своей партіи въ указаніи на то, что все сдѣлано для порабощенія нѣмцевъ чрезъ католическую церковь канцлерскому абсолютизму, а Вирховъ, не одобрявшій многіе нелиберальные и противоконституціонные пріемы борьбы, высказался въ томъ смыслѣ, что если Бисмаркъ и не пошелъ прямо въ Каноссу, то все-таки нашелъ туда обходный путь. Но и клерикалы тоже не ликовали, находя, что не всѣ ихъ желанія были удовлетворены и даже нападали на папу, какъ на измѣнившаго ихъ дѣлу [1]). Борьба, значитъ, кончилась ни въ чью. По крайней мѣрѣ, многое изъ того, что государственная власть себѣ присвоила, ей пришлось уступить, да и папство должно было примириться со многимъ, что оскорбляло католиковъ. Отъ культуркампфа сохранились: отмѣна католическаго отдѣленія въ прусскомъ министерствѣ культовъ, предъявленіе кандидатовъ на духовныя должности правительству съ бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ простая „визитная карточка церкви государству“, „канцель-параграфъ“, гражданскій бракъ, запрещеніе іезуитскихъ учрежденій въ имперіи, недозволеніе монашескимъ орденамъ содержать мужскія учебныя заведенія, государственный надзоръ за школами. Не удалось государству провести строго національную образовательную подготовку германскаго

[1]) См. ниже, въ главѣ XX.

католическаго клира („культуръ-экзаменъ"), ограничить дисциплинарную власть церкви по отношенію къ духовенству, поставить надъ нимъ высшій судъ по церковнымъ дѣламъ и отмѣнить всѣ монашескіе ордена. Если Бисмаркъ и Фалькъ хотѣли подчинить церковь государству по образцу англиканизма или галликанизма, то попытка ихъ совершенно провалилась, признакомъ чего было и то, что немногіе духовные, дѣйствовавшіе въ духѣ „государственнаго католицизма",— такъ называемые „Staatspfarrer", — по окончаніи культуркампфа не могли оставаться болѣе на своихъ мѣстахъ,—такъ они были непопулярны,—и съ 1886 г. доживали свой вѣкъ гдѣ-нибудь вдали отъ своихъ прежнихъ приходовъ на пенсію изъ государственнаго казначейства (только въ одномъ діэцезѣ изъ церковныхъ суммъ). Главною причиною проявленной въ концѣ концовъ Бисмаркомъ уступчивости было то, что культуркампфъ ослаблялъ Германскую имперію, какъ онъ находилъ, и извнѣ, и внутри—внутри по отношенію къ соціализму, сдѣлавшему въ Германіи семидесятыхъ годовъ XIX в. громадные успѣхи, которые стали тревожить имперскаго канцлера гораздо больше, чѣмъ весь культуркампфъ.

VIII. Успѣхи соціализма въ Германіи и правительственная борьба съ нимъ [1]).

Нѣмецкій соціализмъ середины XIX в. — Экономическое развитіе Германіи и ростъ пролетаріата. — Образованіе Лассалемъ рабочей партіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. — Выходъ въ свѣтъ «Капитала» Маркса. — Содержаніе трудовой теоріи цѣнности. — Различіе взглядовъ Лассаля и Маркса и разногласія ихъ послѣдователей. — Учрежденіе марксистской соціалъ-демократической партіи къ концу шестидесятыхъ годовъ.—Борьба имперскаго правительства съ соціализмомъ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ. — Сліяніе обѣихъ соціалистическихъ партій въ единую.—Готская программа 1875 г.—Важное значеніе этого момента въ исторіи соціализма вообще.—Успѣхи германскихъ соціалистовъ на выборахъ середины семидесятыхъ годовъ. — Покушенія 1878 г. и исключительный законъ противъ соціалистовъ.—Начало христіанско-соціальной партіи.

Возникновеніе соціализма въ Германіи относится, какъ извѣстно, къ концу тридцатыхъ годовъ, и первымъ его теоретикомъ былъ Виль-

[1]) Болѣе подробно прошлое соціализма въ Германіи изложено въ главахъ XVI и XXXI пятаго тома. Тамъ же, на стр. 371 и 799—800, указывается и относящаяся къ предмету литература — о соціалъ-демократіи, о Марксѣ, о Лассалѣ и т. п. Упомянутый тамъ трудъ *Fr. Mehring'a* „Geschichte der deutschen Sozialdemokratie" доведенъ теперь до 1903 г. и существуетъ въ двухъ русскихъ переводахъ, изъ которыхъ одинъ изданъ фирмою „Гранатъ и К°", другой—товариществомъ „Просвѣщеніе". Кромѣ того, см. *Koigen.* Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Sozialismus in Deutschland (1901). —

гельмъ Вейтлингъ, характернѣйшій утопистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонеръ, вербовавшій своихъ сторонниковъ среди пролетаріата [1]). Такимъ образомъ, нѣмецкій соціализмъ съ самаго начала стоялъ уже на боевой позиціи и распространялся среди рабочихъ. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ главныхъ сочиненій Вейтлинга выступилъ Марксъ, какъ теоретикъ соціализма, поставившій своею задачею устранить изъ соціализма утопическіе его элементы, внести въ него вполнѣ научный духъ [2]) и тѣснѣйшимъ образомъ связать его съ интересами и стремленіями рабочаго класса. Самый соціализмъ былъ, по его толкованію, не чѣмъ инымъ, какъ идеологіей пролетаріата, въ противоположность ученію экономистовъ, представляющему собою идеологію буржуазіи; самый утопизмъ онъ объяснялъ не чѣмъ инымъ, какъ недостаточностью развитія въ пролетаріатѣ классового сознанія, т.-е. сознанія своихъ интересовъ [3]). Къ развитію этого сознанія приводитъ лишь

Ш. Андлеръ. Коммунистическій манифестъ и его время (1908).—*Kampfmeyer.* Gesellschaftsklassen in Deutschland (1896).—*Его же.* Die Sozialdemokratie im Lichte der Kulturgeschichte (1907; изд. 3).—*С. Прокоповичъ.* Рабочее движеніе въ Германіи (1908). — *E. Bernstein.* Die Geschichte der Berliner Arbeiterbewegung (1907 — 1908, рус. пер.). — *Hans Müller.* Der Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie (1892). — *G. Milhaud.* La démocratie sociale allemande (1903; рус. пер. 1906).—*Б. Рессель.* Очерки изъ исторіи германской соціалъ-демократической партіи. Шесть лекцій. — Возникновеніе германской соціалъ-демократіи. Юбилейный сборникъ лейпцигскихъ рабочихъ въ честь сорокалѣтія со дня основанія с.-д. партіи 23 мая 1863—23 мая 1903 г. (1906).—Возникновеніе партійной организаціи германской соціалъ-демократіи. Рѣчи Бебеля, Либкнехта, Зингера и др. на партійномъ съѣздѣ въ Галле въ 1890 г. (1907).—*Шмеле.* Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи (1905).—*К. Каутскій.* Эрфуртская программа (1905). — *Его же.* Экономическое ученіе К. Маркса (1905).—*Его же.* Къ критикѣ теоріи и практики марксизма (1905).—*Karl Mark.* Theorien über den Mehrwert. Aus dem nachgelassenen Manuskript „Zur Kritik der politischen Oekonomie". Herausgegeben von *K. Kautsky* (1905; рус. пер. 1906 г.). — *Fr. Oppenheimer.* Das Grundgesetz der Markx'schen Gesellschaftslehre (1903).— *Желѣзновъ.* Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы (1904).—*І. Кулишеръ.* Эволюція прибыли съ капитала (1908), т. II, гл. IV, § 5. — *С. Л. Франкъ.* Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе (1904).—*М. Туганъ-Барановскій.* Теоретическія основанія марксизма (1906). — *Л. Слонимскій.* Экономическое ученіе К. Маркса. (1902).—*E. v. Böhm-Bawerk.* Zum Abschluss des Markx'schen Systems.—*L. Boudin.* The theoretical system of K. Marx in the light of recent criticism (1907; рус. пер. 1908 съ 3 изд.). — *Ф. Энгельсъ.* Философія, политическая экономія, соціализмъ. Переворотъ въ наукѣ, произведенный Дюрингомъ (1904).—*K. Kautsky.* Fr. Engels, sein Leben, sein Wirken, seine Schriften (брошюра; 2 изд. 1908). — Письма Фердинанда Лассаля къ Марксу и Энгельсу (1907).

[1]) Т. V, стр. 386—387.

[2]) О различіи между утопическимъ и научнымъ соціализмомъ по Энгельсу. см. т. V, стр. 873.

[3]) Т. V, стр. 390.

крупная промышленность, собирающая въ одно мѣсто большое количество людей, которые скоро научаются понимать, въ чемъ заключается ихъ общій интересъ. Исторія, училъ далѣе Марксъ, движется борьбою классовъ, а прогрессъ промышленности ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкурренціи объединеніе ихъ посредствомъ ассоціаціи. Буржуазія, концентрируя производство, производитъ своихъ собственныхъ могильщиковъ, но нужно, чтобы пролетаріатъ самъ организовался для сверженія господства буржуазіи и завоеванія политической власти. Предвидя въ Германіи буржуазную революцію, Марксъ думалъ, что она будетъ непосредственнымъ прологомъ къ революціи рабочей [1]), и при этомъ находилъ вредною борьбу съ буржуазнымъ либерализмомъ, пока онъ не одержалъ побѣды надъ абсолютизмомъ и феодализмомъ; наоборотъ, въ своихъ же собственныхъ интересахъ пролетаріатъ долженъ былъ бы помогать буржуазіи въ ея борьбѣ со старымъ порядкомъ [2]). Этими соображеніями Марксъ опровергалъ нѣкоторыхъ своихъ современниковъ, относившихся свысока къ либеральнымъ стремленіямъ буржуазіи и даже говорившихъ, что изъ ихъ осуществленія ничего, кромѣ зла для народа, пожалуй, не получится [3]).

До 1848 г. нѣмецкій соціализмъ былъ только теоріей и проявлялъ себя преимущественно внѣ Германіи, среди эмиграціи и рабочихъ, жившихъ за границей. Въ 1848 г. нѣмецкіе соціалисты изъ интеллигентовъ и рабочихъ устремились на родину, гдѣ и начали организоваться въ общества, устраивать съѣзды и издавать свои газеты. Извѣстно, что это выступленіе рабочаго класса и предъявленіе имъ соціальныхъ требованій напугало буржуазію, но по мѣрѣ того, какъ послѣдняя все болѣе переходила на сторону реакціи, въ рабочемъ классѣ наоборотъ, усиливалось революціонное настроеніе [4]). Въ рабочихъ кругахъ уже раздавались голоса о необходимости основанія соціально-демократической республики, но историки этого движенія изъ соціалистовъ же постоянно отмѣчаютъ тогдашнюю политическую незрѣлость рабочихъ и плохое пониманіе ими своихъ классовыхъ интересовъ [5]), и что, въ частности, идеи „Коммунистическаго манифеста“ имъ были очень мало понятны, хотя издававшаяся Марксомъ и Энгельсомъ „Новая Рейнская Газета“ во второй половинѣ 1848 и первой половинѣ 1849 г. и пользовалась популярностью въ массахъ [6]). Послѣ подавленія ре-

---

[1]) T. V, стр. 393—394.
[2]) T. V, стр. 391.
[3]) T. V, стр. 385.
[4]) T. V, стр. 563.
[5]) T. V, стр. 564.
[6]) T. V, стр. 566 и слѣд.

волюціи сорокъ восьмого года Марксъ и Энгельсъ старались научнымъ образомъ, т.-е. чисто исторически объяснить возникновеніе и исходъ движенія, причемъ пришли къ тому выводу, что на скорое возобновленіе движенія расчитывать нѣтъ основаній [1]). По ихъ объясненію, настоящею причиною революціи былъ всемірный торговый кризисъ 1847 г., а причиною контръ-революціи сдѣлалось процвѣтаніе промышленности, усилившееся въ 1850 г. Но по той же теоріи Маркса-Энгельса развитіе промышленности объединяетъ пролетаріатъ, а это объединеніе влечетъ за собою развитіе въ пролетаріатѣ классового самосознанія, которое само по себѣ является лучшею почвою для распространенія соціализма. Обладая самъ, несомнѣнно, революціоннымъ темпераментомъ, Марксъ еще въ 1848 г. отговаривалъ своихъ послѣдователей отъ заговоровъ и возстаній [2]). Его ученіе въ эти годы сдѣлалось даже отрицаніемъ всякаго революціонизма, за которымъ необходимо скрывается какой-либо утопизмъ, и самъ онъ, въ пятидесятыхъ годахъ, живя въ Лондонѣ, занимался главнымъ образомъ выработкою своей экономической теоріи, которая должна была быть научнымъ оправданіемъ требованій рабочаго движенія [3]).

Не раздѣляя историко-философской теоріи Маркса, или такъ называемаго экономическаго матеріализма [4]), ставящаго въ непосредственную зависимость отъ экономики всѣ безъ исключенія проявленія исторической жизни, мы не можемъ не признать, что статьи Маркса о событіяхъ 1848—50 гг. во Франціи и въ Германіи могутъ считаться образцами реальнаго изслѣдованія условій, вызывающихъ соціальныя движенія и опредѣляющихъ ихъ судьбу [5]). Если исторія сорокъ восьмого года не оправдала первоначальныхъ надеждъ Маркса, то одна изъ причинъ этого заключалась, какъ мы только-что видѣли, въ недостаточномъ развитіи пролетаріата и его классового самосознанія, развитіе же это могло произойти лишь на почвѣ успѣховъ промышленности въ формѣ крупнаго производства. И теперь марксистскіе историки утверждаютъ, что въ Германіи сорокъ восьмого года соціально-экономическое раздѣленіе націи на классы не настолько подвинулось впередъ, чтобы классовыя противорѣчія могли особенно ярко выразиться и тѣмъ самымъ получить ясную формулировку въ классовомъ сознаніи народной массы [6]). Нѣмецкій пролетаріатъ въ сорокъ вось-

---

[1]) Т. V, стр. 801.

[2]) Т. V, стр. 566, 568, 820 и 821.

[3]) См. ниже, въ этой же главѣ.

[4]) Т. V, стр. 370, 390, 802, 820 и 879—881, но особенно см. мою книгу „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“.

[5]) Въ настоящее время эти статьи имѣются въ русскомъ переводѣ.

[6]) Т. V, стр. 560.

момъ году еще не имѣлъ собственнаго знамени и примыкалъ къ тому демократическому движенію, во главѣ котораго стремилась стать мелкая буржуазія съ входившими въ ея составъ ремесленниками [1]). Въ серединѣ XIX в. Германія въ экономическомъ отношеніи болѣе или менѣе соотвѣтствовала еще только Англіи конца XVIII в. [2]), и въ сороковыхъ годахъ рабочее движеніе имѣло здѣсь именно болѣе ремесленный, чѣмъ пролетарскій характеръ. Крупная промышленность англійскаго типа въ ней едва только начиналась, и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже имѣла кое-какое прошлое. О слабомъ развитіи фабричнаго пролетаріата, напр., въ Пруссіи середины сороковыхъ годовъ можетъ свидѣтельствовать хотя бы то, что число фабричныхъ рабочихъ едва превышало тогда полумилліонную цифру (около 550 т.) на 78 т. фабричныхъ предпріятій, до которой почти доходила цифра мастеровъ и самостоятельныхъ ремесленниковъ (свыше 450 т.), работало же у нихъ немногимъ меньше (безъ малаго 400 т.) подмастерьевъ и учениковъ: въ общей сложности фабричные рабочіе составляли лишь около 38%, ремесленные—около 62%, сами же ремесленныя заведенія имѣли „карликовые“ размѣры. Нарождавшаяся крупная буржуазія незамѣтными переходами соединялась съ мелкою, а эта послѣдняя почти сливалась съ ремесленнымъ сословіемъ. Развитіе промышленности долго задерживалось въ Германіи полицейско-бюрократическимъ режимомъ, стѣсненіями свободы передвиженія (паспортною системою), недостаточностью путей сообщенія (такъ какъ желѣзныя дороги стали строиться здѣсь позднѣе, чѣмъ въ Англіи и во Франціи) и до окончательнаго установленія таможеннаго союза пограничными заставами, стѣснявшими торговлю. Хотя движеніе, которое привело къ образованію таможеннаго союза и началось еще около 1820 г. [3]), однако, настоящее его развитіе относится только ко второй половинѣ тридцатыхъ и къ сороковымъ годамъ [4]), да и то многія государства продолжали въ это время упорствовать въ своемъ партикуляризмѣ, какъ, наприм., Ганноверъ, примкнувшій къ союзу только въ 1851 г., Ольденбургъ, три сѣверныхъ вольныхъ города и др. Во всякомъ случаѣ въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ [5]) таможенный союзъ охватывалъ уже почти всю будущую Германскую имперію, что и сказалось на сильномъ оживленіи въ этой странѣ промышленности и торговли въ это и слѣдующія десятилѣтія.

Современная разработка экономической исторіи Германіи въ XIX

---

[1]) Т. V, стр. 563.
[2]) Т. V, стр. 371—374, 377 и др.
[3]) Т. IV, стр. 348—349.
[4]) Т. V, стр. 114 и 181—183.
[5]) Т. V, стр. 706.

вѣкѣ [1]) позволяетъ намъ съ рѣшительностью утверждать, что образованіе современной капиталистической Германіи совершилось въ промежутокъ времени между революціоннымъ кризисомъ 1846—49 г. и войною 1870—71 гг. Именно, съ пятидесятыхъ годовъ началось развитіе кредитныхъ учрежденій (Bank für Handel und Industrie zu Darmstadt 1853 г. и т. п.), которыя стали собирать и сосредоточивать денежныя средства для организаціи большихъ промышленныхъ предпріятій или массового транспорта. Безумное „грюндерство“ начала семидесятыхъ годовъ, получившее новую пищу во французской контрибуціи [2]), въ сущности, было лишь слишкомъ зарвавшимся продолженіемъ того предпринимательскаго духа, который сталъ развиваться въ нѣмецкой буржуазіи еще за два десятилѣтія до знаменитаго краха [3]). Уже пятидесятые годы были временемъ усиленнаго развитія фабрично-заводской индустріи, горнаго дѣла и желѣзнодорожнаго строительства, причемъ для всего этого основывались акціонерныя компаніи и банки съ спеціальною цѣлью субсидированія разныхъ предпріятій. Нѣкоторые отдѣльные примѣры лучше всего могутъ иллюстрировать этотъ экономическій расцвѣтъ. Въ Баваріи съ 1839 по 1848 г. было основано лишь шесть акціонерныхъ обществъ съ неполными четырьмя милліонами марокъ, въ слѣдующемъ же десятилѣтіи—сорокъ четыре компаніи (слишкомъ въ семь разъ больше) и съ капиталомъ болѣе 145 милліоновъ (увеличеніе въ тридцать шесть разъ съ дробью!). Въ прусской горной промышленности за восемнадцать лѣтъ передъ 1852 г. было основано всего 14 акціонерныхъ компаніи съ капиталомъ тысячъ въ 30 милліоновъ, а въ слѣдующій только шестилѣтній періодъ 1852 — 57 гг., значитъ, втрое меньшій, — 59 компаній (въ четыре раза больше) съ капиталомъ тысячъ въ 70 (приблизительно, въ два съ третью раза больше). Цифры иныхъ порядковъ тоже могутъ хорошо иллюстрировать ростъ германской промы-

[1]) См. особенно *W. Sombart.* Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert (1903; большой томъ, заключающій въ себѣ около 650 страницъ и содержащій массу статистическихъ данныхъ; печатается русскій переводъ текста безъ цифровыхъ таблицъ). Другія сочиненія по экономической исторіи Германіи или были указаны выше (стр. 224 — 225, 232 и 252 — 253), или будутъ названы ниже, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

[2]) См. выше, стр. 252.

[3]) Ср. то, что говоритъ *Sombart* о пятидесятыхъ годахъ XIX в., когда „die Lust zu erwerben die weitesten Volkskreise erfaszte, ...die Spekulation mit einer früher nie gekannten Mächtigkeit die deutsche Gechäftswelt ergriff, und erst recht eigentlich mit dem echten und unverfälschten kapitalistischen Geiste nicht vorübergehend, sondern für alle künftige Zeit erfüllte“,—и далѣе: „In diese politisch ruhigen Jahre fällt die Geburtsstunde des neuen Deutschlands“, а также: „Eine rechte *Gründerzeit* sind also die 1850-er Jahre“, стр. 91—92. Въ шестидесятыхъ годахъ эта дѣятельность даже нѣсколько ослабѣла, стр. 96.

шленности отъ сороковыхъ до семидесятыхъ годовъ. Взять хотя бы, наприм., паровыя машины: въ 1840 г. на всю территорію таможеннаго союза ихъ приходилось едва пятьсотъ, а въ 1873 г. общая сила паровыхъ двигателей превосходила уже милліонъ лошадиныхъ силъ [1]). На этихъ немногихъ примѣрахъ и останавливаемся пока, такъ какъ о промышленномъ развитіи Германіи съ семидесятыхъ годовъ придется еще не разъ говорить впослѣдствіи. Здѣсь рѣчь зашла объ этомъ явленіи, главнымъ образомъ, по связи съ нимъ роста индустріальнаго пролетаріата, среди котораго происходило распространеніе соціализма, тѣмъ болѣе, что по росту пролетаріата статистика не даетъ намъ точныхъ цифръ [2]). Самое существенное здѣсь—все-таки имѣющіяся у насъ указанія на постепенный упадокъ ремесла и ростъ фабрикъ. Въ 1849 г. ремесленники въ Пруссіи составляли 10% населенія, а въ 1861 г. уже только 8,8%, что̀ указываетъ на процессъ уменьшенія, тогда какъ за тотъ же періодъ происходило увеличеніе общаго числа промышленныхъ рабочихъ. Въ 1849 г. въ Пруссіи на каждые 122 жителя приходилось 10 промышленныхъ рабочихъ, въ 1858 г.—уже на каждые 103 жителя, въ 1871 г.—на каждые 93 жителя, т.-е. первое отношеніе соотвѣтствуетъ 8%, послѣднее—10,75%.

Такимъ образомъ состояніе промышленности въ Германіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ было уже иное, чѣмъ въ концѣ сороковыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось прежнее отношеніе между буржуазіей и рабочимъ классомъ. Сорокъ восьмой годъ раскололъ оппозиціонное направленіе, поставивъ буржуазію въ рѣзко враждебное отношеніе къ пролетаріату, и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда вновь началось придавленное реакціей политическое и соціальное движеніе, въ Германіи не нашлось такого связующаго звена между буржуазіей и пролетаріатомъ, какими были въ свое время въ Англіи чартизмъ, во Франціи радикализмъ и въ самой Германіи въ сорокъ восьмомъ году республиканизмъ, рѣшительно и сурово подавленный въ 1849 г. [3]). Германская либеральная буржуазія начала шестидесятыхъ годовъ отличалась рѣзко отмѣченнымъ антидемократизмомъ въ своихъ политическихъ взглядахъ и шаблоннымъ манчестерствомъ во взглядахъ экономическихъ. Когда образовалась партія прогрессистовъ, то отказалась внести въ свою программу всеобщее избирательное право,—не упомянувъ въ ней и о свободѣ собраній и союзовъ,—но зато

---

[1]) Интересныя цифры для сравненія середины XIX в. съ началомъ XX столѣтія собраны еще въ книгѣ *H. Lichtenberger'a* „L'Allemagne moderne" (1906), стр. 22—26.

[2]) *Sombart*, стр. 329–330. Для 1895 г. Зомбартъ для пролетаріата принимаетъ цифру 35 милліоновъ, или 67,5% всего населенія.

[3]) T. V, стр. 819.

опредѣленно высказалась въ духѣ ученія о государственномъ невмѣшательствѣ [1]). Когда въ 1862 г. депутаты лейпцигскихъ рабочихъ обратились къ нѣмецкому Національному союзу [2]) съ просьбою принимать и рабочихъ въ эту патріотическую организацію, то получили отвѣтъ такого рода: рабочіе и безъ того являются „прирожденными почетными членами союза“, но дѣйствительными членами его быть не могутъ [3]). Въ то же время прогрессистъ Шульце-Деличъ усиленно доказывалъ рабочимъ, что они должны всячески остерегаться помощи со стороны государства, стремиться же—лишь къ развитію самопомощи устройствомъ разныхъ товариществъ, и эта проповѣдь имѣла немалый успѣхъ. Впрочемъ, большинство послѣдователей Шульце-Делича состояло изъ ремесленниковъ и мелкихъ сельскихъ хозяевъ, а среди рабочихъ и батраковъ, которые не въ состояніи были дѣлать рекомендовавшихся этою проповѣдью сбереженій, идея взаимопомощи такого успѣха не имѣла. Шульце-Деличъ даже доказывалъ еще рабочимъ, желавшимъ попасть въ члены Національнаго союза, что рабочимъ выгоднѣе дѣлать сбереженія, чѣмъ тратиться на членскіе взносы [4]). Весьма естественно, что при такихъ отношеніяхъ между либеральною буржуазіей и рабочими среди послѣднихъ должна была сдѣлаться весьма популярною мысль объ образованіи самостоятельной политической рабочей партіи.

Выше вскользь уже было упомянуто [5]), что такая партія и была организована въ 1863 г. Лассалемъ. Сначала этотъ знаменитый политическій дѣятель шелъ до нѣкоторой степени заодно съ прогрессистами, но потомъ сталъ высказываться противъ принциповъ этой партіи [6]), а написанная Лассалемъ въ 1862 г. рѣчь „О сущности конституціи“ [7]) и совсѣмъ поссорила съ нимъ прогрессистовъ. Тогда же Лассаль началъ свою агитаторскую дѣятельность среди рабочихъ, прочитавъ въ одномъ берлинскомъ ремесленномъ союзѣ рефератъ „Объ особой связи современнаго историческаго движенія съ идеей рабочаго сословія“: это и есть упоминавшаяся выше [8]) „Программа рабочихъ“ [9]). Основная идея этой работы Лассаля заключалась въ томъ, что послѣ буржуазіи наступилъ чередъ четвертаго сословія, рабочихъ,

[1]) Т. V, стр. 713—715.

[2]) О немъ въ т. V, стр. 704 и слѣд.

[3]) Т. V, стр. 820.

[4]) Т. V, стр. 833—834.

[5]) Въ главѣ II (стр. 41—42) въ связи съ общей ея темой объ оживленіи, въ шестидесятыхъ годахъ, соціальнаго движенія.

[6]) Т. V, стр. 827.

[7]) Ср. выше, стр. 20.

[8]) На стр. 42.

[9]) Есть рус. пер., а анализъ ея см. въ V томѣ, стр. 823—832.

въ нѣдрахъ котораго зрѣетъ новое общество, т.-е. общество безъ привилегій, хотя, съ другой стороны, онъ прибавлялъ, въ отличіе отъ Коммунистическаго манифеста, что провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества не должно быть лозунгомъ раздѣленія и вражды классовъ общества: напротивъ, это лозунгъ примиренія и единенія. Формальнымъ средствомъ осуществленія принципа четвертаго сословія Лассаль провозглашалъ всеобщее избирательное право, объявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что принципъ четвертаго сословія имѣетъ глубоко нравственное достоинство, ибо одинъ не находится въ противорѣчіи съ культурнымъ развитіемъ націи. Четвертое сословіе должно смотрѣть на государство, не какъ на организацію, имѣющую исключительною цѣлью лишь обезпеченіе каждому безпрепятственнаго пользованія своими силами, а какъ на организацію, задача которой осуществлять солидарность интересовъ, общность и взаимность въ развитіи, дабы „соединеніемъ индивидуумовъ доставить имъ возможность достигать ступеней существованія, недостижимыхъ для отдѣльной личности, дѣлать ихъ способными пріобрѣтать сумму просвѣщенія и свободы, немыслимую для усилій отдѣльнаго индивидуума". За эту рѣчь-брошюру Лассаль подвергся судебному преслѣдованію, но во время процесса онъ произнесъ рѣчь „Наука и рабочіе", сдѣлавшую его имя еще болѣе популярнымъ въ рабочихъ кругахъ [1]). Лейпцигскіе рабочіе, задумавшіе въ это время созвать общій рабочій съѣздъ для обсужденія своего положенія, обратились къ Лассалю съ просьбою высказать свой взглядъ на это положеніе, и онъ отвѣтилъ печатнымъ открытымъ письмомъ, гдѣ рекомендовалъ не идти за прогрессистами, а составить свою особую рабочую партію и не полагаться также на шульце-деличевскія сбереженія и самопомощь, а добиваться отъ государства и для себя помощи, какую получаютъ, наприм., строители желѣзныхъ дорогъ, ради же этого настаивать на всеобщемъ избирательномъ правѣ [2]). Совѣтъ былъ принятъ, и въ маѣ 1863 г. было положено начало общенѣмецкому рабочему союзу, который мирно и легально долженъ былъ добиваться всеобщаго избирательнаго права и государственной помощи для производительныхъ ассоціацій. Необходимость всеобщаго избирательнаго права Лассаль особенно доказывалъ въ „Воззваніи къ берлинскимъ рабочимъ", за которое тоже подвергался судебному преслѣдованію [3]). Союзъ между тѣмъ росъ, и когда въ 1867 г. въ Сѣверо-германскомъ союзѣ было введено всеобщее избирательное право, представители рабочей партіи стали попадать въ рейхстагъ.

---

[1]) Т. V, стр. 833.

[2]) Т, V, стр. 834—835 и тамъ же о полемикѣ съ прогрессистами.

[3]) Т. V, стр. 837.

Въ томъ же 1867 г. вышелъ въ свѣтъ „Капиталъ“ Маркса.

Авторъ „Коммунистическаго Манифеста“ и организаторъ Интернаціонала, какъ мы видѣли, предался въ пятидесятыхъ годахъ научнымъ трудамъ въ области политической экономіи. Плодами этихъ занятій были два сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ 1859 и 1867 г. Первое называлось „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ [1]); подъ сильнымъ вліяніемъ его теоретическихъ положеній Лассалемъ въ послѣдній годъ его жизни былъ написанъ его главный политико-экономическій трактатъ „Бастіа-Шульце изъ Делича, или капиталъ и трудъ“ [2]). Вторымъ былъ первый томъ „Капитала“, появленіе котораго составило цѣлую эпоху въ исторіи научнаго соціализма [3]).

Въ качествѣ экономиста-теоретика, Марксъ, выработавшій свой умозрительный методъ въ гегельянской школѣ, примкнулъ не къ „исторической школѣ“, которая въ своихъ крайнихъ направленіяхъ проявляла даже вражду къ абстрактному методу [4]), употреблявшемуся А. Смитомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Напротивъ того, чистою абстрактностью метода въ теоретической части своего ученія Марксъ продолжалъ именно традицію „классиковъ“ политической экономіи. Недаромъ въ предисловіи къ „Капиталу“ онъ самъ говоритъ, что микроскопъ и химическіе реактивы, которыми пользуется естествознаніе, въ политической экономіи должны быть замѣнены силою абстракціи. Съ отвлеченно-дедуктивнымъ методомъ Марксъ сочеталъ, однако, и методъ историко-индуктивный, благодаря чему далъ въ своемъ „Капиталѣ“ не только философію капитализма, но вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію перехода Западной Европы (собственно Англіи, гдѣ ранѣе всего и полнѣе, нежели въ другихъ странахъ, совершилась индустріальная революція) отъ средневѣковыхъ экономическихъ формъ къ современному капиталистическому строю [5]).

Исходнымъ пунктомъ ученія Маркса является понятіе цѣнности, причемъ онъ доказываетъ ту мысль, что между потребительною и мѣновою цѣнностями вещи нѣтъ никакой непосредственной связи. Отношенія, въ какихъ находятся между собою потребительныя цѣнности одного рода (напр., пшеница) при обмѣнѣ ихъ на потреби-

---

[1]) Т. V, стр. 821 и 880—881.

[2]) Французъ Бастіа былъ въ это время проповѣдникомъ полной промышленной свободы и государственнаго невмѣшательства. Т. V, стр. 664.

[3]) Въ дальнѣйшемъ даю въ сокращенномъ видѣ свое прежнее изложеніе ученія Маркса въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ“ (1906), стр. 51 и слѣд.

[4]) Т. V, стр. 379—380.

[5]) Основныя идеи того изложенія индустріальной революціи, которое дается въ IV т. „Исторіи Западной Европы“, гл. XXII—XXV.

тельныя цѣнности другого рода (напр., желѣзо), измѣняются отъ условій мѣста и времени. Но двѣ разнородныя величины вообще могутъ быть признаны равноцѣнными лишь подъ условіемъ равенства каждой изъ нихъ какой-либо третьей величинѣ, которую Марксъ и находитъ въ человѣческомъ трудѣ: мѣновая цѣнность вещи, по его выраженію, есть только кристаллизованный, застывшій трудъ, т.-е. она опредѣляется количествомъ затраченнаго труда, въ свою очередь измѣряемаго количествомъ времени, употребленнаго на работу: рабочее время, потребовавшееся на производство вещи, и опредѣляетъ ея стоимость. Обмѣнъ вещей однѣхъ на другія при помощи денегъ совершается потому, что въ деньгахъ какъ бы происходитъ кристаллизація цѣнности вещей, но деньги имѣютъ значеніе не только общаго мѣрила мѣновой цѣнности, а также способа накопленія богатства. Марксъ строго различаетъ между двумя способами употребленія денегъ, именно между продажею товара за деньги для покупки другого товара, съ одной стороны, и покупкою на деньги товара для перепродажи его за деньги же, съ другой [1]). Капиталомъ Марксъ и называетъ деньги, необходимыя для покупки товара съ цѣлью его перепродажи за деньги. Двѣ вещи разныя — продать нѣчто ненужное для покупки чего-либо нужнаго и купить нѣчто лишь для перепродажи, ибо въ первомъ случаѣ ненужное мѣняется на нужное, и въ этомъ заключается весьма понятный мотивъ обмѣна, тогда какъ во второмъ случаѣ двойной обмѣнъ денегъ на товаръ и товара на деньги получаетъ смыслъ только тогда, когда при этомъ получается нѣкоторый плюсъ, что̀ и наблюдается всякій разъ при увеличеніи съ помощью извѣстныхъ операцій торговаго, промышленнаго или ссуднаго капитала. Весь вопросъ въ томъ, откуда получается ростъ денегъ или прибавочная цѣнность, разъ, собственно говоря, могутъ обмѣниваться лишь однѣ равныя цѣнности. Самъ процессъ обмѣна не можетъ быть источникомъ нарастанія капитала, но зато прибавка можетъ взяться изъ перепродаваемаго товара, при условіи, конечно, чтобы самъ товаръ былъ способенъ стать такимъ источникомъ. Такому условію, по Марксу, удовлетворяетъ одинъ лишь человѣческій трудъ и именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, имѣя право свободно распоряжаться своимъ трудомъ, но будучи при этомъ лишенъ возможности самостоятельно прилагать его къ производству, продаетъ свою рабочую силу, какъ товаръ, т.-е. дѣлается наемнымъ работникомъ. Покупателемъ этой силы является капиталистъ, перепродающій ее потомъ въ тѣхъ товарахъ, которые ею произведены: если онъ при этомъ получаетъ барышъ, то это значитъ,

---

[1]) Въ первомъ случаѣ формула обращенія: товаръ-деньги-товаръ, а во второмъ: деньги-товаръ-деньги.

что онъ извлекаетъ изъ нея нѣчто лишнее сравнительно съ тѣмъ, во что̀ ему самому обошлась купленная имъ сила. Дѣйствительная стоимость послѣдней легко опредѣляется количествомъ рабочаго времени, потребнаго для ея же воспроизведенія, т.-е. для поддержанія жизни работника и его семьи, съ каковою цѣлью оно и употребляется для производства извѣстнаго количества продукта. То, что это сто́итъ, капиталистъ и уплачиваетъ рабочему по окончаніи работы, какъ если бы рабочій отдавалъ ему свою силу въ дѣлѣ на все время работы. Но капиталисту, кромѣ этой силы, нужны еще орудія производства, т.-е. матеріалъ и машины, которые капиталистомъ тоже покупаются на деньги. Производство состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ поглощеніи человѣческаго труда при помощи машинъ сырыми матеріалами, результатомъ же этого поглощенія является продуктъ, на который капиталистъ имѣетъ право собственности, какъ лицо, на свои деньги купившее все, что̀ участвовало въ созданіи продукта. Само́му капиталисту продуктъ сто́итъ, сколько онъ заплатилъ за рабочее время, вложенное въ производство, за сырье и за машины, но продавать продуктъ за такую цѣну капиталисту нѣтъ смысла: какой бы былъ тогда толкъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ? И вотъ для того, чтобы получить больше заплаченнаго, капиталистъ удлиняетъ рабочее время. Если для выработки средствъ къ существованію рабочаго нужно опредѣленное число часовъ въ сутки, то за это-то число часовъ капиталистъ и платитъ, но разъ онъ заставляетъ рабочаго трудиться дольше, то каждый лишній часъ работы представляетъ собою уже чистый барышъ предпринимателя: всѣ эти лишніе часы, по теоріи Маркса, и приводятъ къ образованію прибавочной цѣнности. Поэтому при капиталистическомъ производствѣ рабочій день состоитъ изъ „необходимаго рабочаго времени“, въ теченіе котораго вырабатываются продукты, равные по цѣнѣ заработной платѣ, и изъ „прибавочнаго рабочаго времени“, идущаго на выработку прибыли капиталиста. Соотвѣтственно съ этимъ и въ капиталѣ нужно различать одну его часть („постоянный капиталъ“), на которую покупаются сырье и машины, и другую часть („перемѣнный капиталъ“), служащую для покупки рабочей силы: первая часть по своей стоимости воспроизводится безъ всякаго увеличенія въ получаемомъ продуктѣ, другая, наоборотъ, именно и возрастаетъ путемъ образованія прибавочной цѣнности. Между капиталомъ, стремящимся къ удлиненію рабочаго времени, и трудомъ, имѣющимъ, наоборотъ, противоположную тенденцію, возникаетъ поэтому борьба.

Далѣе, прибавочную цѣнность, вытекающую изъ удлиненія рабочаго времени, Марксъ называетъ абсолютною въ отличіе отъ относительной, получающей начало въ возможности сокращенія „необходимаго

рабочаго времени". Отношеніе между „необходимымъ" и „прибавочнымъ" рабочимъ временемъ можетъ измѣняться, и если рабочее время вообще остается прежнимъ, но сокращается необходимая его часть, то тѣмъ самымъ, разумѣется, увеличивается часть прибавочная. Сокращеніе необходимой части возможно лишь подъ условіемъ возрастанія производительности труда, когда на производство вещи требуется меньше времени, нежели прежде, что̀ достигается соединеніемъ нѣсколькихъ силъ въ одну, раздѣленіемъ труда и введеніемъ машинъ. И соединеніе нѣсколькихъ силъ въ одну, т.-е. сотрудничество многихъ рабочихъ въ одномъ дѣлѣ, и раздѣленіе труда, и машинное производство предполагаютъ существованіе капитала, находящагося въ рукахъ предпринимателя, откуда и кажется, будто самъ капиталъ обладаетъ производительностью. Кромѣ того, всѣ сокращающія необходимое рабочее время условія ставятъ трудъ въ бо̀льшую зависимость отъ капитала и совершаются лишь въ пользу предпринимателя, потому что нисколько не сокращаютъ прибавочнаго рабочаго времени, напротивъ того, даже содѣйствуютъ его удлиненію [1]). Другими словами, при капиталистическомъ способѣ производства капиталъ оказывается распорядителемъ всей рабочей силы, т.-е. и той ея части, которая является необходимою, и той, которая называется прибавочной. Возрастаніе „перемѣннаго капитала" Марксъ вообще считаетъ возможнымъ лишь потому, что капиталъ въ состояніи располагать извѣстнымъ количествомъ чужого неоплаченнаго труда. Въ производствѣ капиталъ не только воспроизводится, но и растетъ, такъ какъ прибавочная цѣнность сама каждый разъ поступаетъ въ капиталъ и тѣмъ самымъ его увеличиваетъ: она—истинная основа накопленія капитала. Отъ этого послѣдняго процесса Марксъ отличаетъ процессъ концентраціи капиталовъ все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ рукъ съ постепеннымъ устраненіемъ крупными капиталами мелкихъ и среднихъ, что сопровождается ухудшеніемъ для рабочихъ взаимныхъ отношеній между капиталомъ постояннымъ и перемѣннымъ. Въ концѣ концовъ теоретическая точка зрѣнія Маркса та, что источникъ всякой цѣнности лежитъ въ трудѣ, и только въ трудѣ. Въ противоположность другимъ экономистамъ онъ отрицалъ какое бы то ни было участіе силъ природы въ дѣлѣ созданія мѣновыхъ цѣнностей (конечно, не въ производствѣ продуктовъ), и видя въ орудіяхъ производства опять-таки лишь созданія человѣческаго труда, отрицалъ и за ними всякое самостоятельное значеніе въ томъ же дѣлѣ. По теоріи Маркса выходитъ, что рабочій работаетъ на себя только часть запя-

---

[1]) См. о вліяніи введенія машинъ на удлиненіе рабочаго времени въ т. IV, на стр. 572—573.

таго его трудомъ времени, другою же частью онъ создаетъ прибавочную цѣнность, служащую источникомъ накопленія капитала и вмѣстѣ съ тѣмъ его усиленія въ эксплуатаціи труда.

Изображеніе процесса накопленія капитала еще не объясняетъ, откуда же взялся первоначальный капиталъ. Если капиталъ есть самъ результатъ капиталистическаго производства, то чтобы послѣднее стало возможнымъ, нуженъ первоначальный капиталъ, какъ исходный пунктъ этого способа производства. Въ данномъ вопросѣ Марксъ изъ теоретика превращается въ историка, который описываетъ намъ процессъ „первоначальнаго накопленія", понимаемый имъ, какъ процессъ отдѣленія работника отъ обладанія орудіями производства. Именно, сущность процесса была понята Марксомъ въ томъ смыслѣ, что прежній мелкій производитель получалъ личную свободу (отъ крѣпостной зависимости или цехового принужденія), но въ то же время лишался обладанія средствами производства (землею и разнаго рода орудіями). Между прочимъ, Марксъ далъ въ „Капиталѣ" яркую картину обезземеленія англійскаго крестьянства, способствовавшаго созданію пролетаріата. На почвѣ замѣны мелкаго крестьянскаго хозяйства болѣе крупнымъ фермерскимъ возникъ сельско-хозяйственный капиталъ, за образованіемъ котораго послѣдовало образованіе и капитала промышленнаго. Марксъ изобразилъ также и процессъ возникновенія и развитія крупной промышленности, выяснивъ значеніе, какое въ этомъ процессѣ принадлежало введенію машиннаго производства [1]).

Излагая въ общихъ чертахъ „Капиталъ" Маркса, нельзя не дополнить его теоретическіе и историческіе взгляды упоминаніемъ о его ожиданіяхъ отъ капиталистической эволюціи въ будущемъ, которыя уже довольно ясно были высказаны имъ въ „Коммунистическомъ манифестѣ" [2]). По достиженіи капиталистическимъ способомъ полнаго господства долженъ начаться обратный процессъ экспропріаціи: придетъ конецъ и для концентраціи капитала въ очень немногихъ рукахъ, и тогда сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда слѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе капиталистической формы. Ударитъ именно послѣдній часъ капиталистической частной собственности, и экспропріированные экспропріируютъ экспропріировавшихъ [3]).

---

[1]) См. т. IV, стр. 569 и слѣд.

[2]) Т. V, стр. 393—395.

[3]) Мы не касаемся здѣсь общей соціологической теоріи Маркса, извѣстной подъ именемъ экономическаго матеріализма, потому что между нею и теоріей и исторіей капитализма нѣтъ непосредственной связи: изъ признанія за экономизмомъ значенія единственной основы всего историческаго процесса еще вовсе не вытекаетъ то, что Марксъ говоритъ о происхожденіи и развитіи

Теоретическіе и практическіе взгляды Маркса не сходились со взглядами Лассаля. Между обоими дѣятелями германскаго соціализма существовали личныя дружескія отношенія, благодаря свиданіямъ и перепискѣ [1]), между ними равнымъ образомъ существовало и извѣстное идейное родство. Оба они начали свои научныя занятія съ философіи, одинаково примкнувъ къ лѣвому гегельянству, съ точки зрѣнія котораго и разсматривали отвлеченные вопросы знанія, одинаково въ вопросахъ практической жизни обративъ прежде всего свое вниманіе на вопросы права и политики, а потомъ уже на вопросы экономики [2]). Но Лассаль гораздо менѣе Маркса вникалъ въ самую суть экономической теоріи, совсѣмъ не занимался самостоятельнымъ изслѣдованіемъ научныхъ вопросовъ въ этой области и довольствовался существующими ученіями, совсѣмъ не провѣряя ихъ критически, разъ эти ученія онъ считалъ пригодными для практической борьбы. У прежнихъ экономистовъ [3]) онъ заимствовалъ „желѣзный законъ рабочей платы“, подъ подавляющимъ дѣйствіемъ котораго, по его словамъ, находилось большинство рабочаго класса. Каждый продуктъ труда, являющійся результатомъ затраты капитала и труда, раздѣляется между представителями того и другого такъ, что чѣмъ меньше получается однимъ, тѣмъ больше остается на долю другого: разъ существуетъ извѣстная степень производительности труда, то прибыль капиталиста ничѣмъ не можетъ быть уменьшена, какъ только увеличеніемъ рабочей платы, и нѣтъ никакихъ способовъ повысить прибыль, какъ путемъ пониженія рабочей платы. Лассаль вполнѣ усвоилъ эту формулу и выводъ изъ нея, заключающійся въ томъ, что по экономическому закону спроса и предложенія въ силу конкурренціи между рабочими, предлагающими свой трудъ, средняя рабочая плата не превышаетъ той суммы, которая въ каждой странѣ, по образовавшимся у народа привычкамъ, необходима для его пропитанія и размноженія: рабочій получаетъ лишь то, что̀ нужно для его существованія, весь же остальной доходъ отъ производства составляетъ прибыль предпринимателя. Дѣйствительное улучшеніе быта рабочихъ, училъ Лассаль, наступитъ лишь тогда, когда весь доходъ будетъ оставаться въ ихъ рукахъ, а для этого нужно, чтобы рабочими основывались ассоціаціи, которыя пользовались бы

капитализма, а съ другой стороны, можно раздѣлять всѣ теоретическіе и историческіе взгляды „Капитала“, совсѣмъ не принимая ученія экономическаго матеріализма. См. объ этомъ въ указанныхъ выше „Старыхъ и новыхъ этюдахъ“, главы V и VI. Близкаго къ этому мнѣнія держатся и нѣкоторые другіе авторы. См., напр., *А. Лоріа.* Соціализмъ и соціальный дарвинизмъ, стр. 17.

[1]) Письма ихъ изданы и въ русскомъ переводѣ, о чемъ см. выше, стр. 267.

[2]) Ср. т. V, стр. 362 и слѣд., 387 и слѣд., 823 и слѣд.

[3]) Т. IV, стр. 617. Формулировка его принадлежитъ Рикардо.

помощью отъ государства,—идея, заимствованная Лассалемъ у Луи Блана [1]). Только Луи Бланъ считалъ необходимымъ полное переустройство государства, тогда какъ Лассаль,—въ чемъ и Марксъ съ нимъ не соглашался,—полагалъ, что возможно достигнуть поставленной цѣли и въ современномъ государствѣ. Недаромъ Лассаль, — чего Марксъ тоже не сдѣлалъ бы, — попытался перетянуть на сторону главныхъ пунктовъ своей программы самого Бисмарка, котораго онъ старался расположить и въ пользу введенія всеобщаго избирательнаго права, и въ пользу государственнаго кредита производительнымъ ассоціаціямъ рабочихъ [2]).

Теоретическія разногласія, существовавшія между Марксомъ и Лассалемъ, отразились на расколѣ, возникшемъ среди германскихъ соціалистовъ. Рядомъ съ рабочей партіей, основанной въ Пруссіи Лассалемъ, нѣсколько позднѣе, уже послѣ основанія Сѣверо-Германскаго союза возникла другая рабочая партія въ Саксоніи, основанная марксистомъ Либкнехтомъ [3]), который привлекъ на свою сторону Бебеля, бывшаго прежде прогрессистомъ, послѣдователемъ Шульце-Делича. Мы уже видѣли [4]), что нюрнбергскій 1868 года съѣздъ представителей этого второго направленія нѣмецкаго соціализма рѣшилъ примкнуть къ Интернаціоналу. Въ этомъ отношеніи между лассаліанцами и марксистами тоже было различіе: партія Либкнехта-Бебеля представляла собою идеи „Коммунистическаго манифеста“ и Международнаго Общества рабочихъ, т.-е. стояла за интернаціональное „объединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ“, тогда какъ другая партія, во главѣ которой стоялъ Швейцеръ, сохраняла приданный ей Лассалемъ національно-нѣмецкій характеръ, т.-е. ограничивала свою дѣятельность одною только Германіей. Несогласіе касалось и политическаго вопроса. Лассаліанцы признавали демократическую монархію, марксисты настроены были республикански и прямо обвиняли Лассаля въ томъ, что онъ запродалъ себя Бисмарку. Не нравилось марксистамъ и то, что уставъ союза, написанный Лассалемъ, отличался централистско-диктаторскимъ характеромъ. Дѣйствительно, Лассаль находилъ, что для успѣха дѣла организованный имъ союзъ долженъ былъ быть „молотомъ въ рукахъ одного“, и что въ немъ „должна господствовать одна воля“. Наоборотъ, марксисты оставались вѣрными федералистическому принципу, который былъ положенъ Марксомъ въ основу Интернаціонала вопреки централистическому проекту Мадзини [5]).

---

[1]) О планѣ Луи Блана см. т. V, стр. 307—308.

[2]) Т. V, стр. 836.

[3]) *Kurt Eisner*. Wilhelm Liebknecht, sein Leben, sein Wirken (1900).

[4]) См. выше, стр. 55.

[5]) См. выше, стр. 46.

Эти несогласія среди германскихъ соціалистовъ совпали съ образованіемъ Сѣверо-Германскаго союза, конституція котораго, благодаря принятію всеобщаго избирательнаго права, открывала передъ рабочими возможность участія въ политическихъ выборахъ. Въ исторіи германской соціалъ-демократіи это былъ весьма важный моментъ, и выходило такъ, что именно въ эпоху *національнаго объединенія* Германіи въ ней какъ-разъ совершалось *соціальное распаденіе*, которое было только логическимъ выводомъ изъ борьбы классовъ, этой какъ-бы сути общественной жизни капиталистическаго періода въ пониманіи ученія, въ концѣ концовъ принятаго германскимъ соціализмомъ. „Первая проба всеобщаго избирательнаго права“ и „первые парламентскіе шаги соціалъ-демократіи“ въ Германіи относятся къ тому же самому 1867 г., когда появилось въ свѣтъ „главное сочиненіе научнаго коммунизма“, т.-е. „Капиталъ“ Карла Маркса [1]).

Выборы въ сѣверо-германскій учредительный рейхстагъ дали германской рабочей партіи первый случай воспользоваться всеобщимъ избирательнымъ правомъ для участія въ политической борьбѣ. Избирательная программа партіи, установленная въ Эрфуртѣ, заключала въ себѣ слѣдующіе пункты: „1) Совершенное устраненіе всякой федераціи, всякаго союза государствъ въ какой бы то ни было формѣ. Соединеніе всѣхъ нѣмецкихъ племенъ въ единое, внутренне и органически насквозь сплоченное государственное цѣлое (Staatseinheit), черезъ что нѣмецкій народъ только и можетъ достичь славнаго національнаго будущаго: черезъ единство къ свободѣ (durch Einheit zur Freiheit)! 2) Введеніе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайною подачею голосовъ во всемъ нѣмецкомъ отечествѣ. Всеобщее вооруженіе народа. 3) Признаніе, что созываемому теперь нѣмецкому народному парламенту принадлежитъ право рѣшающаго, а не только совѣщательнаго голоса. 4) Разрѣшеніе соціальнаго вопроса при помощи свободныхъ рабочихъ ассоціацій на основаніи принциповъ Лассаля“. Выборы въ рейхстагъ обнаружили уже, что эта программа объединила около 40 т. избирателей, но никто изъ соціалистическихъ кандидатовъ на выборахъ не прошелъ. Выбраны были только члены саксонской народной партіи Бебель и Шрапсъ. Въ числѣ неизбранныхъ кандидатовъ былъ и Швейцеръ, который тотчасъ же занялся реорганизаціей всеобщаго германскаго рабочаго союза, причемъ изъ его состава были исключены приверженцы графини Гац-

---

[1]) Поставленныя въ ковычки выраженія суть названія двухъ параграфовъ главы III и всей главы IV въ четвертой книгѣ „Исторіи германской соціалъ-демократіи“ *Фр. Меринга* (т. II, стр. 279 — 322 по пер., изд. Гранатъ и К°).

фельдъ [1]), основавшей особый „Лассалевскій всеобщій германскій союзъ рабочихъ". Во время выборовъ въ слѣдующій рейхстагъ первая изъ названныхъ организацій выставила довольно значительное число кандидатовъ, и на этотъ разъ ей удалось провести самого Швейцера, хотя и при помощи консервативныхъ голосовъ противъ прогрессиста, и Рейнеке при поддержкѣ, какъ разъ наоборотъ, прогрессистовъ. Прежніе два члена народной партіи сохранили свои мѣста и пріобрѣли еще двухъ товарищей, изъ которыхъ одинъ былъ Либкнехтъ, другой—Гёцъ, да прошелъ еще на выборахъ лассалеанецъ Фёрстерлингъ. Между двумя депутатами, сдѣлавшимися вождями соціалистовъ, Швейцеромъ и Либкнехтомъ произошла борьба. Первый изъ нихъ, ставъ на почву существующихъ отношеній, заявилъ, что и самъ онъ, и стоящіе за нимъ рабочіе по отношенію къ другимъ государствамъ будутъ на сторонѣ Пруссіи, тогда какъ Либкнехтъ пророчилъ, что Сѣверо-Германскій союзъ за границей будетъ находиться въ еще бо̀льшемъ презрѣніи, нежели самъ старый союзный сеймъ. Далѣе, Швейцеръ хотѣлъ выступить съ предложеніемъ о введеніи фабричной инспекціи и принятіи разныхъ мѣръ для охраны рабочихъ, но ему не удалось это сдѣлать, такъ какъ не нашлось необходимыхъ пятнадцати желающихъ дать подъ этимъ предложеніемъ свои подписи. Въ числѣ отказавшихся его подписать былъ Либкнехтъ, который оправдывалъ свой отказъ нежеланіемъ поддерживать Сѣверо-Германскій союзъ столь важными учрежденіями, какія предлагались Швейцеромъ. У саксонской народной партіи былъ свой о̀рганъ, „Демократическій Еженедѣльникъ", который велъ полемику съ „Соціалъ-демократомъ", нападая на Швейцера. Послѣдній, однако, продолжалъ вести свою линію и, несмотря на разныя помѣхи, въ 1868 г. созвалъ съѣздъ рабочихъ представителей для организаціи профессіональнаго движенія въ своемъ духѣ, параллельно съ чѣмъ Бебель и Либкнехтъ и на этомъ поприщѣ агитировали въ пользу своихъ идей.

Въ сентябрѣ 1868 г. въ Нюрнбергѣ собрался съѣздъ рабочей организаціи, къ которой принадлежали Бебель и Либкнехтъ; на немъ было рѣшено примкнуть къ Интернаціоналу [2]),—шагъ, на который Швейцеръ не рѣшался, но который имѣлъ своимъ послѣдствіемъ разрывъ рабочихъ союзовъ съ народной партіей. Между тѣмъ въ Лейпцигѣ организація Швейцера была запрещена полиціей,—что̀ ей, впрочемъ, не помѣшало возобновить свою дѣятельность въ Берлинѣ, приспособивъ свой уставъ къ прусскому закону о союзахъ, хотя и не избѣ-

---

[1]) О гр. Гацфельдъ, игравшей большую роль въ жизни Лассаля, см. т. V, стр. 823.

[2]) См. выше, стр. 55—56.

жавъ того, что въ концѣ того же 1868 г. самъ Швейцеръ былъ посаженъ въ тюрьму на три мѣсяца. Послѣднее обстоятельство не утишило взаимнаго раздраженія соперничавшихъ между собой вождей, и на общемъ собраніи германскаго рабочаго союза въ Эйзенахѣ въ 1869 г. было рѣшено въ этомъ же городѣ и въ томъ же еще году созвать съѣздъ для прекращенія раздоровъ среди германскихъ соціалъ-демократовъ. Эта цѣль, однако, достигнута не была: получился какъ-разъ діаметрально противоположный результатъ—расколъ „лассалеанцевъ“ (т.-е. Всеобщаго германскаго рабочаго союза) и „эзенахцевъ“ (Союза рабочихъ ферейновъ). Эйзенахцы при этомъ укрѣпили за собою названіе „соціалъ-демократической рабочей партіи“ и обнародовали свою политическую программу въ чисто лассалевскомъ духѣ.

Цѣлью стремленій партіи эйзенахская программа ставила „учрежденіе свободнаго народнаго государства“ (Volksstaat), причемъ, каждому члену партіи вмѣнялось въ обязанность всѣми силами стоять за слѣдующіе принципы: „1) Современныя политическія и соціальныя отношенія въ высшей степени несправедливы и потому должны быть предметомъ борьбы съ величайшей энергіей.—2) Борьба за освобожденіе трудящихся классовъ не есть борьба за классовыя привилегіи и преимущества, но за равныя права и равныя обязанности и за отмѣну всякаго классоваго господства.—3) Экономическая зависимость рабочаго отъ капиталиста составляетъ основаніе рабства во всякой его формѣ, и потому соціалъ-демократическая партія съ отмѣною современнаго способа производства (системы найма) добивается посредствомъ работы товариществами (durch genossenschaftliche Arbeit) полнаго дохода отъ труда (den vollen Arbeitsertrag) для каждаго рабочаго.—4) Политическая свобода есть самое необходимое предварительное условіе для экономическаго освобожденія трудящихся классовъ. Соціальный вопросъ, въ силу этого, неотдѣлимъ отъ политическаго; его разрѣшеніе обусловлено послѣднимъ и возможно только въ демократическомъ государствѣ. — 5) Въ виду того, что политическое и экономическое освобожденіе рабочаго класса возможно лишь подъ условіемъ веденія имъ борьбы сообща и въ единствѣ (gemeinsam und einheitlich), соціалъ-демократическая партія даетъ себѣ объединенную организацію, которая, однако, для каждаго дѣлаетъ возможнымъ оказывать свое вліяніе на благо цѣлаго. Въ виду того, что освобожденіе труда есть не мѣстная и не національная, а соціальная задача, которая охватываетъ всѣ страны, гдѣ только существуетъ современное (moderne) общество, соціалъ-демократическая партія разсматриваетъ себя, насколько это позволяютъ законы о союзахъ, какъ вѣтвь Международной ассоціаціи рабочихъ, примыкая къ ея стремленіямъ“.

Въ дальнѣйшемъ программа перечисляла „ближайшія требованія“ соціалъ-демократической агитаціи. Это были: „1) распространеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права на всѣхъ мужчинъ съ 20-лѣтняго возраста при выборахъ въ парламентъ, въ ландтаги отдѣльныхъ государствъ, въ областныя и общинныя представительныя собранія, равно какъ и въ остальныя представительныя учрежденія, и доставленіе избраннымъ представителямъ достаточнаго содержанія (Diäten); 2) введеніе прямого законодательства (т.-е. права предложенія и отверженія) при посредствѣ народа; 3) отмѣна всякихъ преимуществъ сословія, состоянія (Besitzes), рожденія и вѣроисповѣданія; 4) учрежденіе народнаго ополченія (Volkswehr), вмѣсто постоянной арміи; 5) отдѣленіе церкви отъ государства и отдѣленіе школы отъ церкви; 6) обязательное обученіе въ народныхъ школахъ и безплатное обученіе во всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 7) независимость суда, введеніе суда присяжныхъ и судовъ профессіональныхъ (Fachgewerbegerichte), установленіе гласнаго и устнаго судопроизводства и безплатной правовой помощи; 8) отмѣна всѣхъ законовъ о печати, союзахъ и коалиціяхъ, введеніе нормальнаго рабочаго дня, ограниченіе женскаго и запрещеніе дѣтскаго труда; 9) отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ и введеніе единаго прямого и прогрессивнаго подоходнаго налога и налога на наслѣдство; 10) государственное поощреніе ассоціацій (staatliche Förderung des Genossenschaftswesen) и государственный кредитъ для производительныхъ товариществъ съ демократической гарантіей“.

Программа, какъ видимъ, была вполнѣ лассалеанская, но если „Капиталъ“, обнародованный только въ 1867 г., еще не успѣлъ оказать тогда своего дѣйствія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы разрывъ лассалеанцевъ и эйзенахцевъ обусловливался только однѣми личными дрязгами, какъ думаютъ нѣкоторые историки [1]). Лассалеанскій духъ доминировалъ во всемъ движеніи, но и среди чистыхъ лассалеанцевъ не было полнаго единства. У графини Гацфельдъ была своя партія, отдѣльная отъ главной [2]), швейцеровской, съ которою не

---

[1]) См., напр., *Chr. Grotewold.* Die Parteien des deutschen Reichstags (1908), стр. 282, гдѣ сказано: „die ganzen Trennungspunkte zwischen den Lassalleanern und Eisenachern müssen heute als persönliche Quisquilien erscheinen, wenn man nur nach Programmen urteilen will“, хотя сейчасъ же дѣлается оговорка въ томъ смыслѣ, что были и „sachliche Momente“. По этому поводу можно было бы повторить то же самое, что было уже сказано о марксо-бакунинской распрѣ въ Интернаціоналѣ (см. выше, стр. 76—77). И по бебеле-швейцеровскому спору историки соціалъ-демократіи высказываются до сихъ поръ нерѣдко въ пристрастномъ тонѣ, о чемъ см. хотя бы объясненіе *Мерина* относительно его взгляда на Швейцера (т. IV, стр. 406 и слѣд. гранатовскаго изданія).

[2]) Ср. выше, стр. 283.

шли за одно и баварцы. Главнымъ партійнымъ органомъ эйзенахцевъ былъ „Volksstaat“; кромѣ того, у нихъ былъ свой комитетъ въ Вольфенбюттелѣ, и контрольная коммиссія, сначала въ Вѣнѣ, потомъ въ Гамбургѣ. Въ 1870 г. лассалеанцы были сначала настроены патріотически, но Либкнехтъ и Бебель держали себя пассивно при голосованіи займа на военныя надобности, чѣмъ навлекли на себя порицаніе со стороны брауншвейгскаго комитета, а „Volksstaat“ никакъ не могъ сразу стать на опредѣленную точку зрѣнія, пока не былъ поднятъ вопросъ о присоединеніи Эльзасъ-Лотарингіи, противъ котораго комитетъ дѣятельно агитировалъ, повліявъ до извѣстной степени и на лассалеанцевъ. За свою агитацію брауншвейгскому комитету пришлось поплатиться: его члены были арестованы и посажены въ крѣпость.

Первые выборы въ рейхстагъ Германской имперіи собрали въ пользу соціалъ-демократіи около 100 т. голосовъ, распредѣлившихся такъ, что немного болѣе трехъ пятыхъ этого числа досталось лассалеанцамъ и нѣсколько менѣе двухъ пятыхъ—эйзенахцамъ, но выбраны были только Бебель и Шрапсъ. Швейцеръ, который на выборахъ потерпѣлъ пораженіе, отказался отъ предсѣдательства въ своемъ рабочемъ союзѣ, гдѣ преемникомъ его былъ Газеклеферъ. Бебель въ 1872 г., — равно какъ Либкнехтъ, — былъ приговоренъ по обвиненію въ приготовленіи къ государственной измѣнѣ къ двумъ годамъ заключенія въ крѣпости. Мѣры, принятыя противъ наиболѣе видныхъ дѣятелей эйзенахцевъ, дополнялись разнаго рода полицейскими придирками и преслѣдованіями противъ вождей и участниковъ профессіональныхъ союзовъ. По отношенію къ послѣднимъ у руководителей рабочаго движенія не было въ это время согласія: если одни придавали ему значеніе, то другіе видѣли въ попыткахъ рабочихъ улучшать свое положеніе при современномъ строѣ общества только помѣху развитію классовой борьбы. Полемика между лассалеанцами и эйзенахцами продолжалась и послѣ ухода Швейцера [1]), но къ концу 1874 г. между обѣими партіями началось сближеніе, а выборы 1874 г., во время которыхъ за обѣ партіи было подано въ общей сложности болѣе 350 т. голосовъ, показали, что въ численномъ отношеніи обѣ онъ были равносильны, причемъ лассалеанцы имѣли наибольшій успѣхъ на сѣверѣ и западѣ имперіи, эйзенахцы—въ Саксоніи.

Большинство рейхстага и слышать не хотѣло о какихъ-либо

---

[1]) Швейцеру не повезло на выборахъ 1871 г., послѣ чего вообще онъ скоро покинулъ арену общественной дѣятельности. Такъ какъ, будучи представителемъ крайней лѣвой, онъ поддерживалъ личныя сношенія съ правительствомъ, и аристократіей, его стали даже обвинять въ шпіонствѣ, хотя совершенно голословно.

соціальныхъ реформахъ, которыхъ требовали рабочіе, несмотря на то, что многія мѣры защищались учеными изъ самого же бюргерскаго общества, такъ называемыми „катедеръ-соціалистами“ [1]). Съ своей стороны власти, кромѣ эйзенахцевъ, принялись и за лассалеанцевъ, и, напр., въ первую половину 1874 г. 87 лассалеанцевъ по 104 процессамъ было приговорено въ общей сложности къ 211 мѣсяцамъ и 3 недѣлямъ тюремнаго заключенія. Общая судьба сблизила между собою преслѣдуемыя партіи: въ 1875 г. противники пришли къ соглашенію на съѣздѣ въ Готѣ, для котораго особой коммиссіей была приготовлена новая программа, представлявшаяся на одобреніе Маркса, но не нашедшая у него сочувствія, какъ расчитанная на примиреніе съ лассалеанцами и потому, на взглядъ Маркса, лишенная принципіальности. Марксъ тогда же выразилъ своимъ сторонникамъ порицаніе, вдобавокъ, въ довольно рѣзкой формѣ, но это его письмо было опубликовано лишь черезъ пятнадцать лѣтъ [2]).

Готская программа „соціалистической рабочей партіи Германіи“ заключала въ себѣ прежде всего теоретическія основанія для изложенныхъ въ ней практическихъ требованій. „Трудъ, — такъ начиналась эта программа, — трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой культуры, и такъ какъ вообще полезная (nutzbringende) работа возможна лишь, благодаря обществу (durch die Gesellschaft), то обществу же, т.-е. всѣмъ его членамъ принадлежитъ и весь продуктъ труда (das gesammte Arbeitsprodukt), при всеобщей обязанности работать, на равномъ правѣ, каждому соотвѣтственно съ его разумными потребностями (nach seinen vernunftgemässen Bedürfnissen). — Въ теперешнемъ обществѣ, читаемъ мы далѣе, средства или орудія труда (Arbeitsmittel) составляютъ монополію класса капиталистовъ, и обусловливаемая этимъ зависимость есть причина бѣдствій (des Elends) и рабства во всѣхъ формахъ. Освобожденіе труда, говорится еще дальше, требуетъ превращенія средствъ труда въ общее достояніе (Gemeingut) общества и товарищественнаго (genossenschaftliche) ре-

---

[1]) О „катедеръ-соціализмѣ“ см. въ гл. XV.

[2]) Въ „Neue Zeit“ за 1890 г. Критику этого письма даетъ *Фр. Меринъ* (т. IV, стр. 92 гранатовскаго изданія). „Письмо еще теперь, сказано здѣсь, крайне поучительно по своимъ принципіально-положительнымъ точкамъ зрѣнія; его отрицательный взглядъ попадалъ, однако, часто мимо цѣли и по той причинѣ, что исходилъ изъ фактически невѣрныхъ предпосылокъ. Марксъ упускалъ изъ виду, что проектъ программы точно отражалъ теоретическіе взгляды *объихъ* фракцій; онъ полагалъ, что эйзенахцы овладѣли уже научнымъ коммунизмомъ во всѣхъ его логическихъ выводахъ, и что лассалеанцы не болѣе, какъ отсталая секта, которая выбита изъ позиціи ходомъ историческаго развитія и должна сдаться эйзенахцамъ. Этою ошибкою объясняется крайнее раздраженіе, подъ вліяніемъ котораго Марксъ написалъ свое письмо“.

гулированія всего труда въ его цѣломъ (Gesammtarbeit) съ обращеніемъ въ общую пользу (mit gemeinnütziger Verwendung) и справедливымъ распредѣленіемъ дохода отъ труда. Освобожденіе труда, прибавляла, наконецъ, программа, должно быть дѣломъ рабочаго класса, по отношенію къ которому всѣ другіе классы — только реакціонная масса". Таковы были немногія основныя начала, исходя изъ которыхъ соціалистическая рабочая партія Германіи во второй части программы опредѣляла свою задачу, какъ стремленіе „всѣми средствами добиться свободнаго государства и соціалистическаго общества, сокрушенія (Zerbrechung), желѣзнаго закона заработной платы посредствомъ отмѣны системы наемнаго труда, уничтоженія эксплуатаціи (Ausbeutung) во всѣхъ ея видахъ, устраненія всякаго соціальнаго и политическаго неравенства". Къ этому опредѣленію цѣли стремленій партіи программа присоединяла и слѣдующее заявленіе: „соціалистическая рабочая партія Германіи, хотя и дѣйствующая пока въ національныхъ рамкахъ, сознаётъ международный характеръ рабочаго движенія и полна рѣшимости (ist entschlossen) исполнять всѣ обязанности, которыя онъ налагаетъ на рабочихъ, чтобы сдѣлать истиной братское единеніе (die Verbrüderung) всѣхъ людей". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ видѣ вступленія на путь разрѣшенія соціальнаго вопроса (um die Lösung der sozialen Frage anzubahnen) требовалось „основаніе соціалистическихъ производительныхъ товариществъ съ государственною помощью и при демократическомъ контролѣ трудящагося народа". Эти товарищества промышленнаго и земледѣльческаго характера рекомендовалось „призвать къ жизни въ такомъ объемѣ, чтобы изъ нихъ возникла соціалистическая организація всего труда въ его цѣломъ (der Gesammtarbeit)". За этими общими соображеніями слѣдовало въ программѣ по пунктамъ изложеніе отдѣльныхъ требованій политическаго и соціальнаго содержанія. Требованія первой категоріи были слѣдующія: „1) Всеобщее, равное и прямое право выборовъ и голосованія (Wahl- und Stimmrecht) съ тайною и обязательною подачею голосовъ всѣхъ гражданъ (Staatsangehörigen) съ 20-лѣтняго возраста для всѣхъ выборовъ и голосованій въ государствѣ и общинѣ. Временемъ выборовъ и подачи голосовъ долженъ быть какой-либо праздничный день.—2) Прямое законодательство самого народа. Рѣшеніе народомъ вопроса войны и мира.—3) Всеобщая воинская повинность (Wehrhaftigkeit). Народное ополченіе, вмѣсто постояннаго войска.—4) Отмѣна исключительныхъ законовъ, именно законовъ о печати, о союзахъ, о собраніяхъ, вообще всѣхъ законовъ, ограничивающихъ свободное выраженіе мнѣній, свободное мышленіе и изслѣдованіе.—5) Правосудіе при участіи (durch) народа. Безвозмездная правовая помощь.—6) Всеобщее и одинаковое воспитаніе народа государствомъ. Всеобщая школьная повинность.

Даровое обученіе во всѣхъ образовательныхъ учрежденіяхъ. Объявленіе религіи частнымъ дѣломъ (Privatsache)".

Эти шесть пунктовъ содержали въ себѣ требованія соціалистической рабочей партіи по отношенію къ государству, слѣдующіе восемь пунктовъ перечисляли требованія, касавшіяся внутреннихъ отношеній въ обществѣ (die S. A. D. fordert innerhalb der Gesellschaft). Приводимъ ихъ также цѣликомъ.

„1) Наибольшее, какое только возможно, распространеніе правъ и свободъ, въ смыслѣ предыдущихъ требованій. — 2) Единственный прогрессивный подоходный налогъ въ пользу государства и общинъ, вмѣсто всѣхъ существующихъ, въ особенности же обременяющихъ народъ косвенныхъ налоговъ.—3) Неограниченное право коалицій.—4) Сообразный съ потребностями общества нормальный рабочій день. Запрещеніе работы въ воскресные дни. — 5) Запрещеніе дѣтскаго труда и всякаго вредящаго здоровью и нравственности труда женскаго.—6) Законъ объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ. Санитарный надзоръ надъ жилищами рабочихъ. Надзоръ надъ рудничной работой и фабричной, ремесленной и кустарной промышленностью (Hausindustrie) при посредствѣ выбранныхъ рабочими должностныхъ лицъ. — 7) Регулированіе тюремной работы. — 8) Полное самоуправленіе всѣхъ кассъ для вспомоществованія рабочимъ".

Мы привели дословно всю готскую программу 1875 г., представляющую собою соединеніе марксистскихъ и лассалеанскихъ взглядовъ. Это, дѣйствительно, былъ извѣстнаго рода компроммиссъ, въ которомъ,—что неразъ уже указывалось,—стояли рядомъ трудъ, какъ „источникъ всякаго богатства", и „желѣзный законъ заработной платы", освобожденіе труда, какъ дѣло рабочаго класса, соединяющагося для этого въ политическую партію, и „соціалистическія производительныя товарищества съ государственною помощью", „сознаніе международнаго характера рабочаго движенія" и „дѣйствіе въ національныхъ рамкахъ" и т. п. Эта двойственность производила на разныхъ писателей, говорившихъ о программѣ, различное впечатлѣніе, и въ то время, какъ одни утверждали чисто лассалеанскій характеръ программы, другіе готовы были ей приписывать характеръ чуть не исключительно марксистскій [1]). Кромѣ программы, партія выработала

[1]) Im groszen Ganzen dominiert auch noch in diesem programm Lassalle. *Chr. Grotewold.* Die Parteien des deutschen Reichstags, стр. 288. „Ученіе мало отличалось отъ манифеста 1848 г. Устройство было сходное съ марксистской организаціей". *Ш. Сеньобосъ.* Политическая исторія современной Европы (изд. Суворина, 1897 г.), стр. 676. Приведу еще интересное заключеніе *Фр. Меринга* къ главѣ „объ объединительномъ конгрессѣ въ Готѣ": „Лассалеанство навсегда угасло въ эти готскіе дни, а между тѣмъ это были самые свѣтлые дни для

себѣ и организацію. Между лассалеанцами и эйзенахцами были несогласія, касавшіяся именно и этого вопроса, потому что первые стояли за централистическую организацію, унаслѣдованную отъ Лассаля съ его почти диктаторскимъ положеніемъ въ партіи, между тѣмъ какъ эйзенахцы держались федералистическаго принципа, и Бебель прямо находилъ нужнымъ покончить съ „вѣрою въ авторитеты“ и съ „культомъ личностей“. Та организація, которая стала дѣйствовать съ 1875 г., усвоила федералистическое, марксистское начало, бывшее принятымъ и въ Интернаціоналѣ [1]). Можно сказать, что въ партіи 1875 г. возродился Интернаціоналъ, взятый съ его формальной, организаціонной стороны, только вдвинутый, такъ сказать, въ національныя рамки Германской имперіи. Это были мѣстные независимые кружки, ежегодные съѣзды выборныхъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ мѣстныхъ кружковъ, исполнительный комитетъ, или правленіе (Vorstand), контрольная коммиссія, и особая коммиссія для посредничества между правленіемъ и контролемъ, зародыши же этой организаціи мы видимъ уже у эйзенахцевъ [2]). Наконецъ, у партіи была своя касса и, слѣдовательно, свой бюджетъ, былъ и свой печатный органъ. Впослѣдствіи соціалистическія партіи и въ другихъ государствахъ стали организоваться по образцу германской рабочей партіи, что̀ придаетъ ей особое значеніе въ рабочемъ и соціалистическомъ движеніи не одной только Германіи.

Мы остановились такъ подробно на возникновеніи германской соціалъ-демократической партіи, объединившейся на готской программѣ, не только ради той роли, какую эта партія стала играть въ рейхстагѣ, но и по тому значенію, какое принадлежитъ ей въ исторіи новѣйшаго соціализма вообще. Если вѣрно, что Интернаціоналъ какъ-разъ въ эту эпоху прекратилъ свое существованіе, распавшись на цѣлый рядъ національныхъ „Интернаціоналовъ“ [3]), то столь же вѣрно, что самою организованною и вѣрною духу стараго Интернаціонала наслѣдницею его явилась германская соціалъ-демократія, первая по времени большая и сплоченная соціалистическая партія въ парламентѣ одной изъ великихъ державъ, сдѣлавшаяся вслѣдствіе этого

славы Лассаля. Какъ бы правъ ни былъ Марксъ со своими положительными возраженіями противъ готской программы, но судьба его письма по поводу нея (ср. выше, стр. 287) ясно показала, что путь, по которымъ въ Германіи могла развиться могучая и непобѣдимая рабочая партія, какъ носительница соціальной революціи, были вѣрно опредѣлены Лассалемъ“ (т. IV, стр. 97 по гранат. изд.)

[1]) Т. V, стр. 840 и выше, стр. 46 и 281.

[2]) См. выше, стр. 286.

[3]) Объясненіе этого съ виду противорѣчиваго утвержденія см. выше, на стр. 172.

образцомъ, которому стали потомъ слѣдовать соціалисты и другихъ странъ, организуясь для политической борьбы.

Объединенная на готскомъ съѣздѣ общею программою соціалистическая рабочая партія Германіи во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ дѣлала все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи. Этимъ успѣхамъ содѣйствовали не только преслѣдованія, которымъ подвергались многіе члены партіи, и упорное нежеланіе бюргерскихъ партій рейхстага идти на встрѣчу нуждамъ рабочихъ въ смыслѣ соціальнаго законодательства, но и знаменитый „крахъ“ семидесятыхъ годовъ [1]), повлекшій за собою обычное явленіе—безработицу со всѣми ея тягостными послѣдствіями для рабочаго люда, но какъ-разъ этимъ самымъ создавалась почва, весьма благопріятная для соціалистической пропаганды въ рабочихъ массахъ. Ростъ движенія уже тогда тревожилъ Бисмарка, который сталъ подумывать объ изданіи для прекращенія соціалистической агитаціи исключительныхъ законовъ противъ свободы печати, но не нашелъ сочувствія въ рейхстагѣ. Въ концѣ марта 1876 г. соціалистическая рабочая партія Германіи была даже запрещена рѣшеніемъ берлинскаго суда, но это не оказало никакого вліянія на силу пропаганды ея идей среди рабочихъ. Выборы въ рейхстагъ, происходившіе въ слѣдующемъ, 1877 году, обнаружили это съ величайшею ясностью, такъ какъ за соціалистическихъ кандидатовъ было подано безъ малаго полмилліона голосовъ (точная цифра—493,447). Кандидатуры на этотъ разъ были выставлены чуть-что не въ половинѣ избирательныхъ округовъ, и въ рейхстагъ попало на этотъ разъ двѣнадцать представителей партіи.

Поводъ для начала болѣе рѣшительной и настойчивой борьбы противъ соціалъ-демократіи доставили Бисмарку въ 1878 г. два покушенія на жизнь императора, отдѣленныя одно отъ другого всего какими-нибудь тремя недѣлями. 11 мая Вильгельмъ I возвращался домой изъ прогулки по оживленной берлинской улицѣ Unter den Linden, имѣя рядомъ съ собою въ экипажѣ свою дочь, великую герцогиню баденскую, изъ публики, толкавшейся на тротуарѣ, раздались по направленію къ экипажу императора два револьверныхъ выстрѣла, изъ которыхъ, однако, ни одинъ не попалъ въ Вильгельма I. Стрѣлявшій былъ немедленно схваченъ и оказался совсѣмъ еще молодымъ (21 г.) подмастерьемъ Максомъ Гёделемъ, начитавшимся, какъ говорили, соціалъ-демократическихъ газетъ и наслушавшимся соціалъ-демократическихъ рѣчей, откуда имъ были, однако, вынесены лишь неясныя представленія о насильственномъ переворотѣ; какія-либо болѣе прочныя

[1]) См. выше, стр. 252.

его связи съ партіей не были доказаны [1]). Бисмаркъ не замедлилъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы внести въ рейхстагъ проектъ исключительнаго закона противъ соціалъ-демократіи, но рейхстагъ не обнаружилъ склонности удовлетворить желаніямъ правительства. Одну изъ наиболѣе блестящихъ рѣчей противъ предложенія сказалъ Беннигсенъ, говорившій отъ имени національ-либеральной партіи и доказывавшій, что Бисмаркъ болѣе мѣтитъ не въ соціалъ-демократовъ, а въ національ-либераловъ. Пораженіе правительства было довольно-таки чувствительнымъ, потому что законопроектъ былъ отклоненъ большинствомъ, превосходившимъ правительственное (въ данномъ случаѣ) меньшинство на 57 голосовъ (24 мая). Это большинство полагало, что для борьбы съ революціонными выступленіями достаточно уже существующихъ законовъ и что дальнѣйшія мѣропріятія, буде въ нихъ оказалась бы надобность, могли бы быть приняты въ осеннюю сессію. Засѣданія рейхстага были закрыты на другой же день, а черезъ недѣлю совершилось второе покушеніе на жизнь императора. 2 іюня онъ ѣхалъ въ паркъ Тиргартенъ по той же Unter den Linden, когда изъ окна одного дома раздались два выстрѣла (дробью) изъ двустволки, которыми на этотъ разъ Вильгельмъ I былъ раненъ въ голову, шею, плечо и руку. Покушавшійся на жизнь императора былъ д-ръ Нобилингъ, сынъ арендатора доменовъ въ Познани, самъ сельскій хозяинъ, одно время бывшій чиновникомъ въ Дрезденѣ, какъ и Гёдель, увлекавшійся соціализмомъ. Соціалъ-демократическая пресса доказывала, что онъ ничего общаго съ партіей, какъ таковою, не имѣетъ, веденію же слѣдствія помѣшалъ самъ Нобилингъ, окончившій жизнь самоубійствомъ

---

[1]) Нѣкоторые историки, однако, утверждаютъ существованіе связи между Гёделемъ и партіей, ссылаясь главнымъ образомъ на то, что „der unbeschrieblich freche Ton der sozial-democratischen Presse bewies dasz die ganze Partei in ihm ihren Genossen sah“. *O. Kaemel.* Illustr. Gesch der Neuzeit, стр. 533 (по изд. 1908 г.). Ср. характеристику Гёделя у *Фр. Меринга* (съ сокращеніями): „уже въ двадцать лѣтъ человѣческая развалина, онъ несъ на себѣ слѣды ранъ и ударовъ, которыми буржуазное общество наказываетъ несчастныхъ, явившихся незванными на его пиръ. Рожденный внѣ брака, зараженный наслѣдственнымъ сифилисомъ,... больной тѣломъ и духомъ, онъ не обладалъ необходимой силой, чтобы развиться въ революціонера, и боролся, какъ воръ и мошенникъ, противъ враждебныхъ силъ, низведшихъ его до полуживотнаго существованія. Онъ уже былъ безнадежно погибшимъ человѣкомъ, когда попробовалъ примкнуть къ соціалъ-демократическому движенію“, но „босяцкія привычки Гёделя сдѣлали его скоро невозможнымъ въ средѣ сознательнаго пролетаріата“, что и было причиною его исключенія изъ партіи, послѣ котораго онъ „сталъ разыгрывать изъ себя анархиста чистѣйшей воды“ и т. д. (IV, 141—142 по гранат. изд.).

въ тюрьмѣ [1]). Пораненія, причиненныя Вильгельму I этимъ вторымъ покушеніемъ, при преклонномъ его возрастѣ и большой потерѣ крови, были настолько серьезны, что онъ уже не могъ самъ заниматься дѣлами, да и лѣченіе требовало полнаго спокойствія. Поэтому 4 іюня кронпринцъ взялъ на себя регентство [2]). Теперь правительство, полагая, что при данномъ составѣ рейхстага законъ противъ соціалистовъ не пройдетъ, распустило рейхстагъ и назначило новые выборы на 30 іюля.

Въ общемъ избиратели 1878 г. сильно повернули вправо подъ вліяніемъ этихъ двухъ покушеній. Число выбранныхъ соціалъ-демократовъ сократилось до девяти. Національ-либералы, на предыдущихъ выборахъ прошедшіе въ количествѣ 128 человѣкъ, теперь имѣли только 98 представителей, т.-е. потеряли 30 мѣстъ, или около цѣлой четверти своего прежняго состава: многіе избиратели, голосовавшіе раньше за нихъ, ставили имъ въ упрекъ отклоненіе исключительнаго закона. Число прогрессистовъ тоже понизилось съ 35 на 26. Всѣ три эти партіи располагали лишь немного бо́льшимъ числомъ голосовъ (133), чѣмъ раньше одни національ-либералы, и это число на 43 голоса было меньшимъ, чѣмъ въ предыдущемъ рейхстагѣ. Выиграли на выборахъ правые, повысившись съ 78 до 115, т.-е. на 37 голосовъ. (Центръ имѣлъ въ новомъ рейхстагѣ 103 голоса). Еще бо́льшимъ показателемъ нѣкоторой реакціи противъ соціалъ-демократіи въ ея собственныхъ кругахъ было то, что число голосовъ, поданныхъ за ея кандидатовъ, было на 55 тысячъ меньшимъ, нежели на выборахъ 1877 г. Конечно, на этомъ результатѣ сказалась и правительственная репрессія, которая готова была съ оффиціозными органами печати видѣть во всемъ преступныя выступленія, въ родѣ оскорбленія величества и т. п. Какъ на классическій примѣръ изъ исторіи этихъ дней, можно указать на возбудившій много толковъ случай приговора къ полуторагодичному заключенію какой-то простой женщины въ Бранденбургѣ, сказавшей такія слова: „Ну, по крайней мѣрѣ, императоръ не бѣденъ и въ состояніи полѣчиться“.

---

[1]) Гёдель былъ казненъ. Изъ молчанія правительства относительно показаній Нобилинга въ тюрьмѣ *Фр. Мерингъ* дѣлаетъ тотъ выводъ, что правительству „не удалось открыть даже отдаленнѣйшей связи между Нобилингомъ и соціалъ-демократіей“ (т. IV, стр. 146 по гранат. изд.). То, что самъ авторъ цитируемой книги говоритъ объ отношеніи соціалъ-демократической прессы къ обоимъ покушеніямъ (т. IV, стр. 144 и 147 — 148), тѣмъ не менѣе достаточно объясняетъ раздраженіе противъ нея какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ. Что касается до отзыва Меринга о Нобилингѣ, то и онъ очень рѣзокъ (тамъ же, стр. 146—147).

[2]) Въ это регентство и засѣдалъ въ Берлинѣ международный конгрессъ по восточному вопросу (см. ниже, въ главѣ XII).

Законъ противъ соціалистовъ или, какъ онъ обычно называется, Sozialistengesetz, внесенный Бисмаркомъ въ рейхстагъ, прошелъ 19 октября 1878 г.,—прошелъ, благодаря переходу на его сторону національ-либераловъ, большинствомъ 221 г. противъ 149, потому что если бы національ-либералы присоединили свои 78 голосовъ къ меньшинству, то оно превратилось бы въ большинство. Впрочемъ, этотъ законъ прошелъ не безъ сильной борьбы, такъ какъ и въ самомъ большинствѣ господствовало нерасположеніе къ какимъ бы то ни было исключительнымъ законамъ и нелиберальнымъ мѣропріятіямъ, и только тогда на него дано было согласіе, когда онъ получилъ характеръ своего рода политическаго эксперимента съ дѣйствіемъ, ограниченнымъ двумя съ половиною годами — до 31 марта 1881 г. Характерно, что національ-либералы голосовали за, не очень-то довѣряя Бисмарку, какъ это явствуетъ изъ недавно опубликованнаго [1]) письма ихъ лидера Беннигсена къ своей женѣ. Въ этомъ письмѣ, датированномъ отъ 15 сентября, вождь національ-либераловъ уже предвидитъ, что рѣшеніе будетъ принадлежать его партіи („da ihr die Entscheidung schliesslich zufallen wird"), но признаётся, что партія еще не знаетъ, къ чему стремится Бисмаркъ, т.-е. желаетъ ли онъ провести законъ противъ соціалистовъ или „прижать къ стѣнѣ національ-либераловъ". При этомъ Беннигсенъ сообщаетъ характерный, какъ самъ онъ выражается, анекдотъ: когда Бисмаркъ узналъ о покушеніи Нобилинга, то сказалъ одному высокому сановнику: „теперь парни у меня въ рукахъ (jetzt habe ich die Kerle)", причемъ тотчасъ же пояснилъ своему собесѣднику, что имѣетъ въ виду именно національ-либераловъ („ich meine die Nationalliberalen"). Противники закона стояли на той точкѣ зрѣнія, что исключительныя мѣры противъ одной партіи противорѣчатъ принципу равноправія, что своими слишкомъ широкими полномочіями правительство можетъ воспользоваться и противъ другихъ непріятныхъ ему партій, что, наконецъ, такія мѣры могутъ только еще болѣе содѣйствовать распространенію революціоннаго духа. Оппозиція закону на двѣ трети состояла изъ членовъ центра, крайне не довѣрявшаго Бисмарку и національ-либераламъ; члены центра даже прямо думали, что вся цѣль имперскаго канцлера заключалась въ томъ, чтобы облегчить себѣ устраненіе всѣхъ противниковъ и дать новое оружіе въ руки „національ-либеральной олигархіи". Бывшій кёльнскій архіепископъ Мельхерсъ [2]), низложенный за неповиновеніе законамъ и бѣжавшій въ Голландію, пріѣзжалъ переодѣтый въ Мюнхенъ къ Мазеллѣ, чтобы убѣдить его не ми-

[1]) Онкеномъ въ „Deutsche Revue" за 1907 г.

[2]) См. выше, стр. 256.

риться съ прусскимъ правительствомъ [1]), только замышляющимъ противъ католической церкви новыя суровыя мѣры.

Временный исключительный законъ 1878 г., носившій названіе „wieder die gemeingefährlichen Bestrebungen der Sozialdemokratie", былъ направленъ противъ стремленій соціальной демократіи къ ниспроверженію (Umsturz) существующаго порядка и противъ всѣхъ дѣйствій, угрожавшихъ общественному спокойствію вообще и миру между отдѣльными классами населенія въ частности: онъ давалъ право правительству запрещать всѣ опасные въ указанныхъ отношеніяхъ союзы, собранія, изданія и т. п., а также устанавливать на годъ въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ оно находило нужнымъ, малое осадное положеніе (den kleinen Belagerungszustand) и не допускать въ немъ пребыванія всякому, признанному въ политическомъ отношеніи неблагонадежнымъ. Правительство энергично пустило въ ходъ всѣ мѣры, которыми его вооружилъ рейхстагъ. Соціалистическіе союзы, товарищества, собранія, газеты и другія изданія были запрещены; въ Берлинѣ было объявлено малое осадное положеніе, и изъ него были высланы соціалъ-демократическіе агитаторы, въ ихъ числѣ двое депутатовъ (Фрицше и Гассельманъ). На основаніи того же закона закрывались также типографіи, печатавшія соціалъ-демократическія изданія. Одинъ новѣйшій историкъ сильно бисмаркіанскаго направленія предупреждаетъ своихъ читателей, чтобы они не судили „невѣрно" (falsch) и несправедливо о намѣреніяхъ Бисмарка, который вовсе-де и не могъ хотѣть уничтожить самоё соціалъ-демократическую партію,—что̀ было бы и невозможно,—а только преслѣдовалъ опасную сторону ея стремленій, поскольку, какъ это говорилось имъ въ рейхстагѣ, соціалъ-демократія „не можетъ предложить что-либо положительное, а только истребляетъ всѣ идеалы и возбуждаетъ всѣ опасные инстинкты въ массахъ". Но самъ же этотъ историкъ, въ этомъ отношеніи слѣдуя за всѣми другими, отмѣчаетъ, что „нѣсколько мѣсяцевъ спустя вся организація соціалъ-демократической партіи была какъ бы совсѣмъ разрушена" [2]). Послѣднее совершенно вѣрно. Какъ увидимъ, законъ въ силу послѣдующихъ возобновленій дѣйствовалъ въ Германіи до начала 1890 г., и въ эти одиннадцать съ третью лѣтъ подверглось высылкѣ около 900 человѣкъ, разсажено было по тюрьмамъ около 1500 человѣкъ, запрещено около 4000 изданій, да и выборы 1881 г. собрали въ пользу соціалъ-демократіи лишь немного болѣе 300 т. голосовъ. Потомъ, въ 1884 и въ 1887 гг., эта цифра повышалась до полумилліона слишкомъ и до безъ малаго трехъ четвертей милліона, при-

[1]) См. выше, стр. 264.

[2]) *G. Egelhaaf.* Geschichte der neuesten Zeit (1908), стр. 48.

чемъ въ рейхстагъ въ первомъ случаѣ попало 12 соціалъ-демократовъ, а во второмъ—вдвое больше, что̀ внушило Бисмарку мысль добиваться передъ своей отставкой превращенія временнаго закона въ постоянный [1]). Открыто, съ конца 1878 г., соціалъ-демократія не могла болѣе выступать и потому ушла въ подполье или же дѣйствовала за границами Германіи, въ самой же Германіи съ начала восьмидесятыхъ годовъ и окольными путями, организуя своихъ членовъ въ разные пѣвческіе, гимнастическіе и иные чуждые политикѣ ферейны. Свои съѣзды германскіе соціалъ-демократы стали устраивать за границей, большею частью въ Швейцаріи, и тамъ же, именно въ Цюрихѣ, издавался и оффиціальный органъ партіи, „Соціалъ-демократъ“ Бебеля и Либкнехта, принадлежавшихъ къ болѣе умѣренному направленію, тогда какъ бывшій членъ рейхстага Мостъ [2]) въ своей издававшейся въ Лондонѣ „Свободѣ“ [3]) призывалъ рабочихъ къ революціи. Изъ Швейцаріи партійная газета тайно ввозилась въ Германію и широко распространялась въ рабочей массѣ. Рейхстагъ 1880 г. согласился продолжить дѣйствіе закона съ нѣкоторыми незначительными смягченіями до 1884 г., а когда на происходившихъ въ 1880 г. дополнительныхъ выборахъ въ Гамбургѣ прошелъ одинъ соціалъ-демократъ, на этотъ городъ, несмотря на сопротивленіе мѣстнаго сената, было распространено малое осадное положеніе, до того времени дѣйствовавшее только въ Берлинѣ; въ слѣдующемъ 1881 году подвергся подобной же репрессивной мѣрѣ и Лейпцигъ. Бисмаркъ убѣдился, что одной репрессіей бороться съ соціалъ-демократіей не приходится, и потому обратился къ проведенію въ рейхстагѣ цѣлаго соціально-политическаго законодательства, о которомъ рѣчь идетъ у насъ въ другомъ мѣстѣ [4]). Здѣсь слѣдуетъ, упоминая объ этомъ, только отмѣтить, что выступить Бисмарка на этотъ новый для него путь заставило именно происходившее въ рабочей средѣ движеніе, съ которымъ законъ 1878 г. справиться оказался безсильнымъ [5]).

---

[1]) Объ этомъ ниже, въ главѣ XV.

[2]) Съ 1874 по 1878 г. Мостъ былъ членомъ рейхстага, состоя членомъ с.-д. партіи, которая въ 1878 г. исключила его изъ своего состава. Онъ началъ отстаивать политическое убійство, какъ средство борьбы, и примѣнялъ его необходимость къ вождямъ соціалъ-демократіи, на которую сталъ нападать.

[3]) Въ ней въ 1881 г. Мостъ проповѣдовалъ цареубійство, за что просидѣлъ полтора года въ тюрьмѣ. Въ Америкѣ, куда онъ уѣхалъ изъ Англіи, его тоже сажали въ тюрьму, какъ моральнаго соучастника динамитныхъ покушеній.

[4]) Въ главѣ XV.

[5]) Во второй части труда *E. Bernstein'a* „Die Geschichte der berliner Arbeiterbewegung“ (1907) собрано очень много фактовъ, касающихся примѣненія на практикѣ исключительнаго законодательства 1878 г. Между прочимъ,

Въ видѣ противодѣйствія соціалъ-демократіи въ 1878 г. придворный проповѣдникъ Адольфъ Штёкеръ [1]) основалъ „христіанско-соціальную партію“, ставшую въ своей программѣ „на почву христіанской вѣры и любви къ королю и отечеству“ и заявившую, что соціалъ-демократія — „непрактичная, нехристіанская и непатріотичная партія“. Задачу свою Штёкеръ опредѣлилъ, какъ „мирную организацію рабочихъ“ для проведенія „практическихъ реформъ совмѣстно съ другими факторами государственной жизни“ и для „заполненія пропасти между богатымъ и бѣднымъ съ осуществленіемъ бо̀льшей экономической обезпеченности“. Позднѣе (1896) Штёкеръ разошелся съ консерваторами и выступилъ съ новой программой.

На этомъ моментѣ—концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ—мы пока и остановимся въ исторіи соціальнаго движенія, чтобы разсказать дальнѣйшее въ главахъ, посвященныхъ Германіи въ два послѣднія десятилѣтія XIX в. и соціальному движенію вообще за эти же, главнымъ образомъ, десятилѣтія [2]).

IX. Англія послѣ второй парламентской реформы [3]).

Демократизація англійскихъ учрежденій въ послѣдней четверти XIX в.—Два англійскихъ министра этой эпохи: Дизраэли-Биконсфильдъ и Гладстонъ.—Отношеніе къ обоимъ королевы Викторіи.—Ирландскій вопросъ до перваго министерства Гладстона.—Ирландскія реформы этого министерства.—Другія реформы Гладстона въ эти годы.—Побѣда консерваторовъ на выборахъ 1874 г.—Консервативное министерство Биконсфильда и побѣда либераловъ на выборахъ 1880 г.—Возникновеніе и развитіе въ Англіи новыхъ партійныхъ организацій.—Бирмингамская система и Чэмберленъ.—Новыя явленія въ исторіи виговъ и торіевъ.—Начало второго министерства Гладстона.—Третья реформа парламентскихъ выборовъ.

Во внутренней исторіи Англіи въ послѣдней трети XIX в. самымъ замѣчательнымъ общимъ явленіемъ была демократизація ея политиче-

---

очень характерны описанные здѣсь (извѣстные, впрочемъ, и изъ другихъ книгъ) пріемы для обращенія народнаго недовольства противъ евреевъ, для создаванія дѣлъ о тайныхъ обществахъ, для провоцированія преступленій и для организаціи „истиннаго рабочаго движенія“ въ желательномъ для властей смыслѣ. Репрессіи, конечно, только усиливали революціонное настроеніе.

[1]) *Fr. Mehring.* Herr Hofprädiger Stöcker, der Sozialpolitiker (1882). — Dreizehn Jahre Hofprädiger und Politiker (1895; автобіографія). — *P. Göhre.* Die evangelisch-soziale Bewegung (1896).

[2]) См. главы XV и XXIII.

[3]) Исторія Англіи въ первыя двѣ трети XIX вѣка изложена въ главахъ XX и XXI четвертаго тома и въ главахъ IV, X, XI и XXIX пятаго тома „Исторіи Западной Европы“; въ послѣдней изложеніе доведено до второй пар-

скихъ учрежденій, имѣвшихъ раньше строго аристократическій характеръ. Впервые въ Англіи демократическое движеніе произошло въ эпоху

ламентской реформы. Общія сочиненія по исторіи Англіи во вторую половину царствованія королевы Викторіи, отпраздновавшей въ 1887 и 1897 гг. золотой и брилліантовый юбилеи: *Herbert Paul.* A history of modern England (1904—1907, въ пяти томахъ, начиная съ отмѣны хлѣбныхъ законовъ).—*Frank Bright.* A history of England (1905). — *Mc. Carthy.* A history of our own times from the accession of Queen Victoria to the diomond jubilee (первые пять томовъ вышли въ свѣтъ въ 1885 г., и изложеніе въ нихъ останавливается на 1880 г., шестой доведенъ до „брилліантоваго" юбилея 1897 г.). — *Sidney Low and Lloyd C. Sanders.* The history of England during the reign of Queen Victoria (XII томъ изд. *W. Hunt and R. L. Poole.* The political history of England, 1907).—*Th. H. Ward.* The reign of Queen Victoria (1887). —The reign of Queen Victoria, a survey of 50 years of prosperity, 6 томовъ (1888).—*Sidney Lee.* Queen Victoria (1904).—*Б. Гиббинсъ и Д. Сатуринъ.* Исторія современной Англіи (1901).—Для новѣйшей исторіи и современнаго состоянія Англіи см. также: *H. D. Traill.* Social England, томъ VI (1897).—The english citizen, сборникъ монографій о разныхъ сторонахъ жизни (1881—1891).—*Э. Поррит*ъ. Современная Англія (1906).—*Г. Виленкинъ.* Финансовый и экономическій строй современной Англіи (1902).—*Діонео.* Очерки современной Англіи (1903).—*Его же.* Англійскіе силуэты (1905).—*Бар. А. Гейкингъ.* Англія, ея государственный, общественный и экономическій строй (1909). —Государственное устройство Англіи и дѣйствующая въ немъ система парламентаризма продолжаютъ неизмѣнно привлекать къ себѣ вниманіе: *Franqueville.* Le gouvernement et le parlement britanniques (1887).—*Alpheus Todd.* On parlementary government in England (2 изд. 1887 — 89 г.; 3 изд. 1893). — *Dickinson.* Le développement du parlement pendant le XIX siècle (1906; перев. съ англ.).—*Sidney Low.* The governance of England (1904). — *Th. P. Taswеal Langmead.* English constitutional history (1905 г., изд. 6). — *Hatschek.* Englisches Staatsrecht (1906). — *I. Redlich.* Recht und Technik des englischen Parlamentarismus (1905). — Кое-что переведено по-русски: *А. Фонбланкъ.* Правленіе Англіи (1903).—*В. Беджготъ.* Государственный строй Англіи (1905, есть и др. пер. 1907 г.).—*В. Энсонъ* (*W. Anson*). Англійскій парламентъ, его конституціонные законы и обычаи (1908).— *С. Лоу.* Государственный строй Англіи (1908).— Особое мѣсто по своей темѣ занимаетъ трудъ извѣстнаго и русской публикѣ (ср. т. II, стр. 389) *Дайси*, касающійся вліянія общественнаго мнѣнія на законодательство: *A. Dicey.* The relations between law and public opinions in England during the XIX century (1905; есть франц. перев.: Leçons sur les rapports entre le droit et l'opinion publique en Angleterre au cours du dix-neuvieme siècle, 1906). Объ этой книгѣ см. статью *проф. В. Дерюжинскаго* въ„ Вѣстн. Евр." за 1906 г. — Изъ литературы объ англійскихъ политическихъ партіяхъ назовемъ: *Galloway Rigg.* Political parties, their present position and prospects. An argumentative comparison of the figures of the last two general elections (1881).—*Kebbel.* History of toryism (1886).—*Roylance Kent.* The english radicals (1899). — *M. Ostrogorski.* La démocratie et l'organisation des partis politiques (1903). Авторъ этого труда исходитъ изъ той мысли, что до сихъ поръ наука слишкомъ исключительно занималась изученіемъ политическихъ формъ, пренебрегая изученіемъ политическихъ силъ. Свой трудъ онъ посвятилъ именно этому предмету въ Англіи (т. I) и въ Соединенныхъ Штатахъ (т. II). Для разсматриваемаго въ настоящей главѣ періода англійской исторіи

первой революціи XVIII в., особенно когда среди вообще демократически настроеннаго индепендентства образовалась партія такъ называемыхъ „левеллеровъ“, или уравнителей, желавшихъ распространенія права избранія въ парламентъ на весь народъ безъ различія классовъ и состояній [1]). Извѣстно, что это движеніе было подавлено Кромвелемъ, и что вмѣстѣ съ другими проявленіями тогдашняго революціоннаго духа исчезло со сцены. Съ эпохи реставраціи вся политическая жизнь страны сводилась къ борьбѣ торіевъ и виговъ, изъ которыхъ ни тѣ, ни другіе не были демократами. Демократическій характеръ французской революціи и сочувствіе, которое начало выказываться ей въ обществѣ, сильно напугало англійскіе правящіе классы, что́ и было причиною реакціи, господствовавшей въ Англіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. [2]). Но какъ-разъ въ это же самое время въ странѣ снова зарождается демократическое движеніе, особенно усилившееся къ началу двадцатыхъ годовъ XIX в., выставившее такихъ видныхъ дѣятелей, какъ Коббетъ и Бентамъ, этотъ теоретикъ англійскаго ради-

---

имѣютъ интересъ главы III — IX второй книги въ томѣ, разсматривающемъ англійскія отношенія. Въ Россіи это соч. *М. П. Острогорскаго* (б. чл. первой Государственной Думы) осталось неизвѣстнымъ, въ Англіи его перевели. Англ. переводъ книги *М. Острогорскаго* „Democracy and the organization of political parties“ сдѣланъ *Fr. Clarke'омъ* и снабженъ предисловіемъ *James'a Bryce'a*. Въ извѣстной книгѣ *Г. Джефсона* „Платформа, ея возникновеніе и развитіе“ (рус. пер. 1901 г.) вопросъ, изученный *М. Острогорскимъ*, затронутъ очень коротко, какъ это можно видѣть хотя бы изъ заключительной главы II тома названнаго труда (см. особенно стр. 573 и слѣд.). Настоящая глава была уже написана, когда вышла въ свѣтъ новая (1908) книга *L. Lowell'я* „The government of England“, въ которой около 260 страницъ (435—570 въ первомъ томѣ и 1—128 во второмъ) посвящено системѣ партій, причемъ разсматривается и явленіе, изученное Острогорскимъ. О книгѣ послѣдняго авторъ говоритъ (I, 467): „By far the best, and in fact the only comprehensive, work on the party organizations in Great Britain is Ostrogorski's „Democracy and the organization of political parties“. Даже сдѣлавъ нѣсколько важныхъ критическихъ замѣчаній (см. у насъ одно изъ слѣдующихъ примѣчаній), онъ прибавляетъ, что „the work is admirably done and is an invaluable contribution to political science“, стр. 468.— Укажемъ еще книги, содержащія въ себѣ біографіи и характеристики разныхъ дѣятелей: Prime ministers of Queen Victoria (1890—91; къ этомъ сборникѣ есть біографіи Гладстона, Биконсфильда и Солсбери, написанныя разными авторами).—*Filon.* Profils anglais: Churchill, Chamberlain, Morley, Parnell (1893).—*В. Дерюжинскій.* Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX в. Характеристики Брайса.—*Э. Пименова.* Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи (1904). Отдѣльныя біографіи указываются ниже, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, равно какъ и соч. по ирландскому вопросу (въ этой же главѣ), по колоніальной политикѣ (въ главѣ XIV) и т. п.

[1]) Т. II, стр. 488, 493, 508 и 516—518.

[2]) Т. IV, гл. XX и XXI.

кализма передъ реформой 1832 г. [1]). Сама эта реформа,—далеко не бывшая демократическою,—въ значительной мѣрѣ была обязана своимъ осуществленіемъ демократическому движенію, принявшему въ 1830 г., подъ вліяніемъ іюльскаго переворота въ Парижѣ, совершенно революціонный характеръ [2]). Ни радикальная партія, ни народная масса, какъ извѣстно, не были и не могли быть довольными этою реформою, результатомъ чего было знаменитое чартистское движеніе, начавшееся въ исходѣ тридцатыхъ годовъ и заглохшее только въ концѣ сороковыхъ [3]). Чартистское движеніе постигла такая же неудача, какъ и левеллерское почти за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ, но брешь въ старой англійской конституціи была все-таки пробита: еще до начала чартизма, въ 1835 г., была совершена реформа городского самоуправленія, имѣвшая, несомнѣнно, демократическій характеръ [4]). Дальнѣйшимъ шагомъ на пути демократизаціи англійскихъ учрежденій была вторая парламентская реформа 1867 г. [5]), значительно повысившая цифру избирателей въ странѣ. Если первая реформа подняла эту цифру съ 435 т. до 656 т., то вторая довела ее до двухъ съ половиною милліоновъ голосовъ—съ особымъ увеличеніемъ (въ шесть разъ) количества избирателей въ городахъ и мѣстечкахъ, въ пользу которыхъ главнымъ образомъ и была совершена реформа. Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ и сельскіе жители получили такія же права, какія реформою 1867 г. были даны горожанамъ, одновременно съ чѣмъ на графства была распространена болѣе демократическая система самоуправленія, которую города получили полувѣкомъ раньше, въ самомъ же концѣ XIX в. демократизація англійскихъ учрежденій коснулась и мелкой земской единицы, прихода. Одинъ изъ знатоковъ этого процесса въ новѣйшей исторіи Англіи совершенно вѣрно замѣчаетъ, что „предсказаніе Токвиля о непреодолимости демократической идеи [6]) исполнилось для Англіи еще прежде, чѣмъ XIX столѣтіе пришло къ концу“ [7]). Въ настоящей и еще одной главахъ [8]), посвященныхъ въ этомъ томѣ внутренней исторіи Англіи за послѣднюю треть XIX в., это характерное для политической жизни Англіи послѣ второй реформы

---

[1]) Т. IV, стр. 485 и слѣд.

[2]) Т. V, стр. 78 и слѣд.

[3]) Т. V, гл. XI, а также стр. 750—753, гдѣ говорится о концѣ чартизма.

[4]) См. выше, стр. 33.

[5]) См. выше, стр. 34.

[6]) Объ этомъ т. V, стр. 271.

[7]) *І. Редлихъ*. Англійское мѣстное управленіе (1907), I, 267. „Англійская конституція, можетъ быть, самая демократическая конституція въ мірѣ“, говоритъ *Сидней Лоу*. Государственный строй Англіи, стр. 147 и слѣд., на которыхъ эта мысль и доказывается.

[8]) Въ главѣ XVII.

явленіе должно быть, разумѣется, выдвинуто на первый планъ и по своему общему значенію въ эволюціи демократическихъ учрежденій, и вслѣдствіе того глубокаго измѣненія, какому подверглась вся общественная жизнь страны подъ вліяніемъ демократизаціи ея учрежденій. Хотя въ Англіи до сихъ поръ нѣтъ всеобщаго избирательнаго права, которое имѣютъ націи на континентѣ материка, и хотя въ ней еще весьма крѣпка позиція наслѣдственныхъ законодателей, т.-е. аристократической палаты лордовъ, тѣмъ не менѣе можно, говорить объ Англіи, какъ объ одной изъ передовыхъ демократій нашего времени, у которой еще многому можетъ поучиться хотя бы сама Франція со своей республикой, со своимъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ и выборнымъ сенатомъ [1]).

Вторая парламентская реформа, предложенная членомъ вигскаго министерства Гладстономъ, была проведена, какъ извѣстно, членомъ торійскаго министерства Дизраэли [2]). Эти два государственныхъ человѣка и дѣлаются руководящими политическими дѣятелями Англіи въ началѣ новаго періода ея исторіи. Вскорѣ послѣ второй реформы глава тогдашняго консервативнаго кабинета, Дерби, вышелъ въ отставку (1868), очистивъ мѣсто премьера для Дизраэли, но выборы, произведенные въ томъ же году, дали большинство либераламъ, что́ повлекло за собою образованіе либеральнаго министерства подъ главенствомъ Гладстона. За этимъ кабинетомъ слѣдовалъ опять консервативный кабинетъ Дизраэли (1874—80), снова смѣнившійся министерствомъ Гладстона (1880—1885), проведшимъ третью избирательную реформу. Въ виду важной роли, какую оба эти министра играли въ новѣйшей исторіи Англіи, мы должны познакомиться поближе съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Веньяминъ Дизраэли [3]) происходилъ изъ еврейской семьи, предки которой жили сначала въ Испаніи, потомъ въ Венеціи, а съ середины XVIII в. въ Англіи. Христіанство онъ принялъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ по желанію своего отца, человѣка образованнаго и занимавшагося писательствомъ, который желалъ устранить для своего сына

---

[1]) *Г. Аѳанасьевъ.* Переходъ къ парламентской реформѣ 1887 г.—*Его же.* Парламентская реформа 1867 г. (въ т. I его „Историческихъ и экономическихъ статей", 1909). Для избирательнаго права въ Англіи см. *Hugh Fraser.* The law of parliamentary elections (1906).—*Ward.* The practice at parliamentary elections (1906; изд. 3). Подробности объ агитаціи передъ второй парламентской реформой см. въ кн. *Г. Джефсона* „Платформа, ея возникновеніе и развитіе" (рус. пер. 1901 г.), т. II, стр. 427—480.

[2]) См. выше, стр. 32—33.

[3]) *M. Courcelle.* Disraëli.—*Brandes.* Lord Beaconsfield (1879).—*Cucheval-Clarigny.* Lord Beaconsfield et son temps (1880). — *Clayden.* England under lord Beaconsfield, 1873 — 1880 (1880). — *Kebbel.* Life of lord Beaconsfield (1888).—*Froude.* Lord Beaconsfield.

какія-бы то ни было стѣсненія, вытекавшія изъ его іудейства (дѣло было еще въ началѣ XIX в.). Первая извѣстность будущаго вождя торіевъ была результатомъ его успѣшной литературной дѣятельности, начавшейся въ серединѣ двадцатыхъ годовъ, какъ романиста. Къ дѣятельности политической онъ обратился послѣ парламентской реформы 1832 г., примкнувъ къ вигамъ и даже издавъ два сочиненія, изъ которыхъ въ одномъ развивалъ демократическіе взгляды, а въ другомъ прославлялъ революцію („Revolutionary epic", 1834). Поставленная Дизраэли на выборахъ 1833 г. кандидатура успѣха, однако, не имѣла, и онъ объяснилъ себѣ эту неудачу кознями либераловъ, вслѣдствіе чего не замедлилъ перемѣнить фронтъ. Въ 1835 г. вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Vindication of english constitution" его открытое письмо къ одному консервативному юристу, представлявшее цѣлый обвинительный актъ противъ виговъ. Дизраэли упрекалъ ихъ, именно, за ихъ эгоизмъ и олигархическія тенденціи, которыя представлялъ одинаково вредными какъ и для королевской власти, низводимой-де до положенія венеціанскихъ дожей, такъ и для народной массы, выводомъ же было указаніе на необходимость союза между торизмомъ и демократіей. Памфлетъ Дизраэли со стороны либераловъ былъ встрѣченъ негодованіемъ; знаменитый О'Коннель [1]), оказывавшій прежде молодому честолюбцу всякую протекцію, а теперь лично имъ задѣтый, какъ „предатель и смутьянъ", въ своемъ отвѣтѣ назвалъ Дизраэли воплощеніемъ лжи. Эффектъ получился тотъ, который нуженъ былъ для автора: въ 1837 г. онъ, уже въ качествѣ торійскаго кандидата, былъ избранъ въ палату общинъ. Сначала здѣсь ему не везло; первая его рѣчь была даже осмѣяна. Это, однако, не помѣшало ему мало-помалу выдвинуться, такъ что въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ уже былъ организаторомъ партіи „Молодой Англіи", программа которой сводилась къ проповѣди демократической монархіи, къ критикѣ буржуазіи и къ защитѣ еврейскаго народа [2]). Свои соціально-политическіе взгляды Дизраэли изложилъ въ 1844 г. въ одномъ большомъ романѣ („Coningsby or the new generation"), имѣвшемъ громадный успѣхъ: здѣсь для уврачеванія всѣхъ золъ современнаго общества рекомендовался союзъ между королевскою властью и рабочимъ народомъ подъ верховнымъ надзоромъ и благословеніемъ церкви. Мало-по-малу борьба, какую Дизраэли упорно велъ противъ либераловъ, заставила консерваторовъ признать его,—несмотря на неаристократичность его происхожденія и его безземельность,—своимъ лидеромъ. Въ торійскомъ кабинетѣ

---

[1]) О немъ т. IV, стр. 491 и слѣд. и т. V, стр. 228 и слѣд.

[2]) Впослѣдствіи, будучи министромъ (въ составѣ кабинета Пальмерстона 1858 г.), онъ провелъ билль о допущеніи евреевъ въ парламентъ (1859).

Дэрби [1]), сформировавшемся въ 1852 г. онъ уже занималъ весьма важный постъ, послѣ чего всегда вмѣстѣ съ своей партіей возвращался къ власти, иногда даже жертвуя собственными принципами, когда того требовали условія минуты. Выступивъ въ 1866 г. страстнымъ противникомъ билля о парламентской реформѣ, онъ немало содѣйствовалъ свержению либеральнаго министерства, но это не помѣшало ему, уже въ качествѣ члена кабинета Дэрби, самому же потомъ проводить эту реформу. Вскорѣ затѣмъ, когда болѣзнь заставила премьера отказаться отъ своего званія, преемникомъ его сдѣлался Дизраэли. Смерть Дэрби открыла передъ нимъ возможность сдѣлаться и лидеромъ торіевъ. Въ этой роли онъ оказывалъ потомъ сопротивленіе всѣмъ главнымъ реформамъ своего соперника, Гладстона. Кромѣ того, Дизраэли постоянно нападалъ и на внѣшнюю также политику послѣдняго, находя, что онъ недостаточно высоко держитъ знамя Великобританской державы и роняетъ ея престижъ. Когда въ серединѣ семидесятыхъ годовъ Дизраэли снова сталъ во главѣ торійскаго министерства, изъ поднятія престижа Англіи въ международной политикѣ онъ прямо сдѣлалъ нѣчто въ родѣ своей спеціальной миссіи, что въ высокой степени содѣйствовало усиленію его популярности въ странѣ.

Главный періодъ всей политической дѣятельности Дизраэли, это—шесть лѣтъ его премьерства между первымъ и вторымъ министерствами Гладстона. Эти два человѣка во многихъ отношеніяхъ представляли полную противоположность. Если Дизраэли началъ чуть не радикаломъ, чтобы кончить консерваторомъ, то его соперникъ Гладстонъ совершилъ эволюцію какъ-разъ въ обратномъ направленіи [2]). У Дизраэли большую роль играли мотивы личнаго честолюбія, тогда какъ поведеніе Гладстона отличалось большой принципіальностью. Первый всячески тормазилъ реформы, хотя подчасъ и уступалъ необходимости, второй былъ министромъ-реформаторомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, подъ конецъ своей жизни даже далеко ушедшимъ

---

[1]) *Kebbel.* Life of the earl of Derby (1890).

[2]) Біографіи Гладстона написаны были *G. Barnett Swith'омъ*, *G. W. E. Russel'емъ*, (1891), *James Ellis'омъ*, (1892), *Ritchie* (1898), *H. W. Paul'емъ* (1901), *S. Buxton'омъ*, (1901), *W. Stead'омъ* (A memorial of great life, 1904), *Marie Dronsart* (1893; съ очень полной библіографіей) и др. Главнымъ трудомъ о Гладстонѣ слѣдуетъ признать книгу о немъ, написанную *Morley'емъ*. (Трудъ Морлея изложенъ въ статьѣ *С. Ѳ. Фортунатова* „Новая біографія Гладстона“ въ „Рус. Мысли“ за 1904 г.). — По-русски см. *Брайсъ*. Гладстонъ (1901).—*В. Дерюжинскій*. Гладстонъ (въ сборн. „Изъ исторіи политической свободы“, 1906). *Его же* статья о Гладстонѣ въ кн. „Выдающіеся англійскіе политическіе дѣятели XIX в.“ (1904).—Въ Павленковской коллекціи популярныхъ біографій книжка о Гладстонѣ написана *А. В. Каменскимъ* (1892).

впередъ отъ большинства современниковъ. Въ смыслѣ удачливости, конечно, Дизраэли стоялъ далеко впереди Гладстона, но послѣдній оставлялъ его далеко позади себя въ смыслѣ служенія высокимъ интересамъ человѣчности. Внѣшняя политика Дизраэли была проникнута исключительно заботами объ эгоистическихъ интересахъ Англіи, и въ этомъ отношеніи онъ былъ сродни Бисмарку, у Гладстона же было много благожелательности къ чужимъ націямъ, и самое величіе Англіи онъ полагалъ главнымъ образомъ во внутреннемъ ея преуспѣяніи, а не въ побѣдахъ и одолѣніи по отношенію ко всему остальному міру.

Отъ своего отца, богатаго негоціанта, бывшаго одно время членомъ парламента, Вильямъ Эвартъ Гладстонъ унаслѣдовалъ, вмѣстѣ съ значительнымъ состояніемъ большой интересъ къ политикѣ и чисто консервативную точку зрѣнія въ рѣшеніи ея вопросовъ. Консервативное направленіе поддерживалось въ годы его юности и прохожденіемъ университетскаго курса въ Оксфордѣ, гдѣ царило, по позднѣйшему отзыву самого Гладстона, весьма недовѣрчивое отношеніе къ свободѣ, хотя тотъ же Оксфордскій университетъ, какъ и средняя школа въ Итонѣ, въ которой онъ учился раньше, внушили ему, съ другой стороны, глубокій интересъ къ наукамъ и къ литературѣ. Уже студентомъ Гладстонъ производилъ сильное впечатлѣніе на товарищей, предсказывавшихъ ему блестящую политическую карьеру. Послѣдніе годы пребыванія Гладстона въ Оксфордѣ совпали съ временемъ, когда рѣшался вопросъ о первой парламентской реформѣ, но молодой студентъ отдалъ дань своему политическому консерватизму въ страстной рѣчи противъ этого билля, произнесенной въ одномъ изъ мѣстныхъ кружковъ. Съ настроеніемъ настоящаго тори въ политикѣ въ Гладстонѣ соединялась глубокая религіозность, прямо даже толкавшая его на вступленіе въ ряды англиканскаго духовенства: только рѣшительное сопротивленіе отца помѣшало ему сдѣлаться священникомъ. Весною 1832 г. Гладстонъ окончилъ курсъ; лѣтомъ того же года прошла въ парламентѣ реформа выборовъ, въ концѣ же года вчерашній студентъ, которому только-что исполнилось двадцать три года, былъ избранъ въ члены парламента, какъ кандидатъ торійской партіи. Очень скоро молодой депутатъ сдѣлался извѣстностью по недюжинному ораторскому своему таланту, по находчивости въ преніяхъ, по разнообразію знаній, такъ что не далѣе, какъ черезъ два года, т.-е. когда ему было двадцатьпять лѣтъ, Робертъ Пиль включилъ его въ составъ своего консервативнаго министерства [1]). Когда черезъ четыре мѣсяца это министерство пало, Гладстонъ сдѣлался однимъ изъ видныхъ представителей оппозиціи: къ этому времени (1838) относится появленіе

[1]) О Пилѣ и его министерствѣ см. т. V, стр. 209.

въ свѣтъ его книги „Государство въ своемъ отношеніи къ церкви", въ которой онъ защищалъ принципъ государственной церкви, и которая вызвала большой шумъ. Членомъ оппозиціи Гладстонъ пробылъ около шести лѣтъ, когда же въ 1841 г. Пиль снова возвратился къ власти, то Гладстонъ снова занялъ мѣсто въ консервативномъ министерствѣ. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ былъ вопросъ о хлѣбныхъ законахъ и о свободѣ торговли вообще [1]), и вотъ по этому вопросу Гладстонъ впервые разошелся со своими торійскими избирателями, превратившись изъ протекціониста въ фритрэдера. Однажды по случаю вторичнаго вступленія въ кабинетъ послѣ кратковременной отставки ему нужно было подвергнуться переизбранію въ своемъ округѣ [2]), но онъ на это не рѣшился, зная, что его „измѣна" вызвала негодованіе избирателей. Въ 1847 г. на его долю выпала честь представлять въ палатѣ общинъ Оксфордскій университетъ, но въ это время Гладстонъ уже былъ болѣе умѣреннымъ консерваторомъ, нежели раньше, именно онъ принадлежалъ теперь къ такъ называемымъ пилитамъ [3]).

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ произошелъ разрывъ Гладстона съ торійской партіей, въ составѣ которой онъ находился двадцать лѣтъ. Именно, въ 1852 г. онъ отказался отъ вступленія въ торійское министерство Дэрби и Дизраэли, а когда вскорѣ затѣмъ это министерство пало, въ концѣ того же года мы видимъ Гладстона въ министерствѣ лорда Эбердина, состоявшаго изъ виговъ и пилитовъ. Въ немъ Гладстонъ занялъ постъ канцлера казначейства,—какъ въ Англіи называется министръ финансовъ,—должность, въ которой онъ оставался до начала 1855 г. и на которую возвратился въ 1859 г., когда образовалось министерство лорда Пальмерстона [4]). Послѣднее было вполнѣ вигскимъ: вступленіе въ него Гладстона для всѣхъ сдѣлалось яснымъ указаніемъ на его переходъ въ ряды этой партіи. Въ Оксфордѣ при его переизбраніи онъ за это чуть не былъ забаллотированъ а когда въ 1865 г. произошли новые выборы, въ Оксфордѣ онъ и на самомъ дѣлѣ не былъ снова выбранъ и попалъ въ палату лишь по избранію въ другомъ мѣстѣ. Какой оборотъ приняло въ это время его политическое міросозерцаніе видно изъ того, что, ставши, по смерти Пальмерстона, лидеромъ либеральной партіи въ палатѣ общинъ, онъ не замедлилъ внести въ нее билль о реформѣ парламентскихъ выборовъ. Судьба гладстоновскаго предложенія извѣстна [5]): его билль провалился, и

[1]) Т. V, стр. 95—97.
[2]) Ср. т. III, стр. 60.
[3]) Т. V, стр. 212.
[4]) Объ этомъ министерствѣ т. V, стр. 754 и слѣд.
[5]) См. выше, стр. 32.

самъ онъ вышелъ въ отставку, уступивъ мѣсто Дизраэли, который, какъ мы знаемъ [1]), и провелъ реформу. И въ этомъ дѣлѣ Гладстонъ сыгралъ въ качествѣ вождя оппозиціи видную роль путемъ внесенія въ билль консервативнаго министерства либеральныхъ поправокъ. Побѣда либераловъ на выборахъ 1868 г. вернула Гладстона къ власти и на этотъ разъ уже въ качествѣ премьера. Первое министерство Гладстона продолжалось немного болѣе пяти лѣтъ (съ декабря 1868 по февраль 1874 г.). Потомъ Гладстонъ еще разъ былъ премьеромъ въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, и это второе его министерство продолжалось тоже съ небольшимъ пять лѣтъ (съ апрѣля 1880 до іюля 1885 г.), когда и была проведена третья парламентская реформа. Вскорѣ (въ январѣ 1886 г.) Гладстонъ и въ третій еще разъ сдѣлался премьеромъ, но лишь на полгода. Наконецъ, въ 1892 г. образовалось и четвертое министерство Гладстона (небывалый въ лѣтописяхъ англійскаго парламента случай, чтобы одно и то же лицо сдѣлалось премьеромъ въ четвертый разъ), и продолжалось оно около полутора года (съ августа 1892 по мартъ 1894 г.).

Намъ еще придется въ дальнѣйшемъ много говорить о дѣятельности Гладстона, который, какъ мы уже видѣли, начавъ свою парламентскую дѣятельность въ рядахъ крайнихъ торіевъ закончилъ ее лидеромъ наиболѣе прогрессивныхъ либераловъ и въ тѣсномъ союзѣ съ радикалами. Въ этомъ отношеніи постепенное, такъ сказать, лѣвѣніе Гладстона напоминаетъ намъ ту эволюцію, какой подверглась отъ консерватизма къ либерализму политическая дѣятельность прусскаго министра-реформатора начала XIX в., барона Штейна [2]). Какъ и у Штейна, это измѣненіе политическихъ убѣжденій было результатомъ глубокой внутренней работы мысли и,—нужно прибавить,—совѣсти, что̀ отличаетъ обоихъ этихъ государственныхъ дѣятелей отъ Бисмарка, который тоже вѣдь не остался стоять на своей первоначальной реакціонно-юнкерской точкѣ зрѣнія. Какъ и Бисмаркъ, Гладстонъ былъ великимъ реалистомъ въ политикѣ, умѣвшимъ ей вѣрно ставить цѣли и намѣчать средства къ ихъ достиженію, прислушиваясь къ запросамъ жизни и примѣняясь къ условіямъ времени, но у Гладстона было много и того идеализма, котораго совершенно былъ лишенъ желѣзный канцлеръ, сознательно подчинявшій право силѣ. Гладстонъ схватывалъ новые запросы жизни не только умомъ, но и чувствомъ, и въ своихъ мѣропріятіяхъ имѣлъ въ виду не только пользу, но и справедливость. Постоянная работа совѣсти придавала его дѣятельности тотъ общій колоритъ гуманности, котораго не могутъ

---

[1]) См. выше, стр. 33.

[2]) Т. IV, стр. 184 и слѣд.

изгладить изъ памяти о ней частныя отступленія. Это уваженіе къ справедливости сообщало и внѣшней политикѣ Гладстона характеръ какого-то благородства, ибо онъ не такъ гнался, какъ многіе другіе, за тѣмъ, чтобы только и заниматься покореніемъ всякаго врага и супостата,—обстоятельство, ставившееся Гладстону въ вину многими „патріотами“. У насъ еще будетъ впереди рѣчь о кампаніи, поднятой имъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ противъ турецкихъ звѣрствъ по поводу „болгарскихъ ужасовъ“ [1]), здѣсь же мы только вспомнимъ о тѣхъ „Письмахъ къ графу Эбердину“, въ которыхъ Гладстонъ, самъ проживши въ Неаполѣ зиму съ 1850 на 1851 г., заклеймилъ своимъ негодованіемъ передъ лицомъ всего міра ужасы реакціоннаго правленія „короля-бомбы“ [2]).

Королева Викторія,—съ начала царствованія которой въ годъ второй парламентской реформы исполнилось тридцать лѣтъ,—далеко не одинаково относилась къ этимъ двумъ премьерамъ, поочередно призывавшимся ею къ образованію министерства. Первоначально, когда Гладстонъ былъ только министромъ финансовъ въ кабинетѣ Эбердина, королева готова была имъ чуть не восторгаться, но потомъ она лишила его своего расположенія, когда Гладстонъ сталъ склоняться въ сторону реформъ, казавшихся ей слишкомъ радикальными. На нѣкоторыя его мѣропріятія она давала согласіе, лишь скрѣпя сердце, такъ какъ не могла иначе поступать. Зато Дизраэли былъ настоящимъ ея любимцемъ. Между ними были наилучшія личныя отношенія, что объясняется, съ одной стороны, сходствомъ ихъ воззрѣній по всѣмъ вопросамъ политики и внутренней, и внѣшней, а съ другой—пріятнымъ обращеніемъ Дизраэли, умѣвшимъ всегда выставлять на видъ свою монархическую лойяльность, почтеніе и преданность какъ по отношенію къ самому сану, такъ и по отношенію къ его носительницѣ. Это онъ посовѣтовалъ королевѣ для поднятія престижа Англіи отправить принца Уэльскаго, наслѣдника престола, въ путешествіе по Индіи, обставленное необычайно пышно (съ осени 1875 до конца весны 1876 г.), а потомъ по его же иниціативѣ парламентскимъ актомъ 1 мая 1876 г. королева Викторія была провозглашена „императрицей Индіи“ [3]). Дизраэли за эту услугу не остался безъ награды, которая была ему дана въ видѣ возведенія его въ лорды съ титуломъ графа Биконсфильда. Особенно непріязненно Викторія стала относиться къ

---

[1]) См. ниже, въ главѣ XII.

[2]) Т. V, стр. 641.

[3]) Въ парламентѣ Дизраэли обѣщалъ, что этотъ титулъ будетъ употребляться только внѣ Англіи, но королевѣ онъ такъ пришелся по вкусу, что она скоро стала пользоваться имъ при подписываніи государственныхъ актовъ, а впослѣдствіи онъ появился и на монетахъ.

Гладстону въ это министерство Дизраэли-Биконсфильда. Ей не нравилась рѣзкая критика, какой Гладстонъ въ это время подвергалъ правительственную политику, особенно же ей было непріятно, что въ своихъ рѣчахъ онъ постоянно противополагалъ одни другимъ интересы народныхъ массъ и высшихъ классовъ: это принималось ею за самую грубую демагогію. Когда въ 1881 г. Биконсфильдъ, побитый на выборахъ, долженъ былъ выйти въ отставку, она не сразу призвала Гладстона для образованія новаго министерства, а думала поручить это Гартингтону, лишь номинально бывшему тогда лидеромъ либеральной партіи, и только послѣ рѣшительнаго его отказа и категорическаго заявленія, что премьеромъ долженъ быть Гладстонъ, ему поручено было образованіе министерства. Нужно, однако, прибавить, что Викторія въ общемъ всегда почти умѣла подчинять свое личное нерасположеніе государственнымъ соображеніямъ и даже, какъ мы увидимъ, оказала Гладстону немалое содѣйствіе при проведеніи третьей парламентской реформы.

Разсмотримъ теперь преобразованія, проведенныя Гладстономъ въ первое его министерство, начиная съ того, что̀ имъ въ это время было сдѣлано для успокоенія Ирландіи.

Нерасположеніе ирландцевъ къ Англіи было очень стараго происхожденія [1]). Въ концѣ XVIII в. подъ вліяніемъ французской рево-

---

[1]) Для дальнѣйшаго подробности во многихъ мѣстахъ „Исторіи Западной Европы“, особенно т. II, стр. 529 и 582; т. IV, стр. 21 — 22, 441, 490—492; т. V, стр. 226—232 и 753—754. Что касается литературы по ирландскому вопросу, она весьма значительна: *Heré*. Les origines de la crise irlandaise (Rev. des deux mondes за 1880 г.). — *Его же*. La crise irlandaise depuis la fin du XVIII siécle jusqu'à nos jours (1885).—*Fr. de Pressensé*. L'Irlande et l'Angleterre depuis l'acte d'union jusqu'à nos jours. 1800—1888 (1889).—*L. Paul-Dubois*.—L'Irlande contemporaine et la question irlandaise (1907).—*К. Каутскій*. Ирландія. — *Г. Аѳанасьевъ*. Судьбы Ирландіи (1886 г.; вошло въ составъ I т. его „Историческихъ и политическихъ статей“, изд. 1909 г., гдѣ на стр. 188—224 разсматривается время Гладстона). — *Его же*. Исторія Ирландіи (1907; для времени съ конца шестидесятыхъ годовъ см. стр. 232 и слѣд.). — Въ „Мірѣ Божіемъ“ за 1904 и 1905 г. помѣщенна обширная статья *Е. В. Тарле* (съ обильными библіографическими указаніями) подъ заглавіемъ „Ирландія отъ возстанія 1798 г. до аграрной реформы нынѣшняго министерства“ (т.-е. кабинета Бальфура, при которомъ въ 1903 г. была совершена новая аграрная реформа). Вторая часть этой работы, разсматривающая интересующую насъ эпоху, главнымъ образомъ, съ шестидесятыхъ годовъ XIX в., къ сожалѣнію, много короче (около 65 стр.) первой (болѣе 200 стр.), но во всякомъ случаѣ должна быть отмѣчена здѣсь, какъ самое до сихъ поръ подробное на русскомъ языкѣ изложеніе исторіи Ирландіи за послѣднія десятилѣтія XIX в. — Особенно обширна литература по аграрнымъ отношеніямъ въ Ирландіи. *Paul Fournier*. La question agraire en Irlande. — *A. Leroy-Beaulieu*. L'Irlande et le land-bill de M. Gladstone (Rev. des deux mondes за 1881 г.). — *В. В. Сокольскій*. Аг-

люціи въ Ирландіи существовало даже движеніе въ пользу отложенія отъ Англіи. Въ видѣ наказанія за это ирландскій парламентъ былъ отмѣненъ, и представители отъ мѣстнаго населенія стали засѣдать въ англійскомъ парламентѣ, не допускавшемъ, однако, католиковъ въ свои члены, хотя большинство населенія острова и принадлежало именно къ римской церкви. Всѣ попытки устранить эту ненормальность долго разбивались о сопротивленіе со стороны англійскихъ консерваторовъ, пока движеніе въ пользу равноправія католиковъ въ двадцатыхъ годахъ XIX в. не приняло особенно настойчивый и по временамъ бурный характеръ. Проведеніе въ 1829 г. „эманципаціи католиковъ“ не оправдало тѣхъ ожиданій, какія на нее возлагались: Ирландія стала высылать католическихъ депутатовъ, но положеніе дѣлъ въ странѣ отъ этого не измѣнилось. Въ видѣ компенсаціи за эту уступку парламентъ тогда же, въ 1829 г., повысилъ избирательный цензъ въ Ирландіи, а реформа 1832 г., сопровождавшаяся для Англіи увеличеніемъ числа избирателей, въ Ирландіи дала противоположный результатъ. Притомъ англиканизмъ сохранялъ въ Ирландіи значеніе государственной церкви, въ силу чего громадное католическое большинство населенія вынуждалось платить десятину англиканскому духовенству, обладавшему въ странѣ вдобавокъ богатыми церковными помѣстьями. Высшій слой общества былъ здѣсь протестантскій, католическою оставалась народная масса, какъ извѣстно, еще съ середины XVII в. обезземеленная: она состояла изъ мелкихъ арендаторовъ, безправныхъ, невѣжественныхъ, доведенныхъ до полной нищеты.

Со времени эманципаціи католиковъ все-таки въ парламентѣ была ирландская партія, становившаяся на сторону то торіевъ, то виговъ и тѣмъ иногда добивавшаяся кое-какихъ второстепенныхъ уступокъ. Въ сороковыхъ годахъ старый боецъ за эманципацію католиковъ, бывшій тогда вождемъ ирландской партіи, О'Коннель началъ было агитацію въ пользу возвращенія Ирландіи отдѣльнаго парламента, но только вызвалъ этимъ репрессивныя мѣры и противъ своего народа, и лично противъ самого себя. Тогда возникло извѣстное общество Молодой Ирландіи, чисто революціонная организація, вступившая въ сношенія съ подобными же организаціями на континентѣ [1]).

рарный вопросъ въ Ирландіи („Загран. Вѣстн.“ за 1882 г.). — *Н. И. Зиберъ.* Аграрный вопросъ въ Ирландіи („Юрид. Вѣстн.“ за 1882; написано на основаніи протоколовъ парламентской коммиссіи 1881 г. для изслѣдованія аграрныхъ отношеній въ Ирландіи). — *А. Мануиловъ.* Аренда земли въ Ирландіи (1895).—Земельный вопросъ въ Ирландіи. Изд. Гл. Упр. землеустр. и земледѣл. (1907). Въ главѣ XVII указываются еще соч. о Парнеллѣ и объ ирландскомъ гомрулѣ.

[1]) Ср. выше, стр. 43.

Въ 1848 г. подъ вліяніемъ февральской революціи ирландскіе заговорщики сдѣлали попытку поднять возстаніе, но она окончилась неудачею и только ухудшила положеніе страны. Кое-какія частныя реформы въ Ирландіи тѣмъ не менѣе производились, но онѣ или вынуждались необходимостью (напр., устройство общественнаго призрѣнія въ 1838 г.), или имѣли цѣлью расположить въ пользу правительства болѣе мирную часть населенія для борьбы съ революціонерами. Въ послѣднемъ отношеніи въ свое время особенно старался Пиль, но предложенный имъ проектъ обезпеченія правъ арендаторовъ былъ отвергнутъ палатой лордовъ. Наиболѣе бѣдствовалъ народъ въ Ирландіи во время голода 1846 г., вызваннаго неурожаемъ картофеля: съ одной стороны, это бѣдствіе сильно увеличило эмиграцію ирландцевъ въ Америку, съ другой стороны, вызвало развитіе въ странѣ преступности, въ которой видное мѣсто принадлежало аграрнымъ поджогамъ, грабежамъ и убійствамъ.

Послѣ неудачи 1848 г. ирландское революціонное движеніе на время затихло, но въ шестидесятыхъ годахъ возобновилось, поддерживаемое многочисленными ирландцами, эмигрировавшими въ Сѣверную Америку. За океаномъ среди нихъ возникла особая организація феніевъ (fenians), поставившая своею задачею превращеніе Ирландіи въ независимую республику. Она имѣла агентовъ и приверженцевъ въ самой Ирландіи, гдѣ феніевъ переловили и разсажали по тюрьмамъ, потомъ отдали подъ судъ и гдѣ, какъ это случалось и раньше, по этому случаю было пріостановлено въ 1865 г. дѣйствіе habeas-corpus-act'a [1]). Отвѣтомъ со стороны ирландцевъ на это были поджоги и убійства и новая попытка возстанія. Сѣверо-американскіе феніи стали вербовать солдатъ изъ ирландцевъ, принимавшихъ участіе въ сѣверо-американской войнѣ, и даже замышляли совершить вторженіе въ Канаду. Въ самой Ирландіи правительство обратило вниманіе на множество туземцевъ, въ свое время бывшихъ офицерами и солдатами въ указанномъ междоусобіи, а теперь возвращавшихся на родину. Особенно много шуму надѣлалъ взрывъ феніями одной тюрьмы въ самой Англіи. Въ Ирландію были посланы войска для охраны лендлордовъ и чиновниковъ, а къ берегамъ острова—флотилія, которая должна была обезопасить его отъ возможной высадки феніевъ. Пущены были въ ходъ и казни главарей движенія [2]). Два десятилѣтія исключительно репрессивныхъ мѣръ нисколько не успокоили Ирландію;онѣ только еще больше ожесточили ея населеніе противъ англичанъ. Фенiанское дви-

---

[1]) О значеніи пріостановки этого акта см. т. IV, стр. 468.

[2]) Ср. выше о защитѣ ирландцевъ Интернаціоналомъ (стр. 49, примѣч.).

женіе, какъ мы увидимъ, послѣ сравнительнаго затишья семидесятыхъ годовъ возродилось съ особою силою въ восьмидесятыхъ [1]).

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Гладстону пришлось вступить въ управленіе Англіей. Можно сказать, что послѣ того вся его политическая карьера была потомъ тѣсно связана съ рѣшеніемъ ирландскаго вопроса, этого больного мѣста внутренней политики Англіи. Первымъ дѣломъ Гладстона было лишить англиканскую церковь господствующаго положенія въ Ирландіи,—дѣломъ, замѣтимъ, человѣка, за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ стоявшаго на стражѣ принципа государственной церкви [2]). Гладстонъ поднялъ вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи еще при предшествовавшемъ министерствѣ. Когда имъ было сдѣлано соотвѣтственное заявленіе въ парламентѣ, Дизраэли возсталъ противъ его плана во имя святости „союза между церковью и государствомъ“, въ каковомъ союзѣ онъ усматривалъ „основной двигатель цивилизаціи“ и даже „единственный оплотъ религіозной свободы“. Нѣсколько дней продолжались въ парламентѣ пренія по этому вопросу, результатомъ было принятіе большинствомъ 65 голосовъ принципіальной резолюціи въ духѣ требованія Гладстона, что̀ повлекло за собою подачу Дизраэли и его товарищами въ отставку, которая не была, однако, принята королевой, такъ какъ дѣло парламентской реформы не было еще завершено новыми законами о выборахъ въ Шотландіи и Ирландіи. Это дѣло, впрочемъ, не заставило себя ждать, и когда реформа была закончена, вмѣсто отставки Дизраэли, былъ объявленъ роспускъ парламента съ назначеніемъ новыхъ выборовъ—уже на основаніи законовъ 1867—68 гг. Такъ какъ выборы 1868 г. послали въ палату общинъ безъ малаго четыре сотни (393) либераловъ и только съ небольшимъ двѣ съ половиною сотни (265) консерваторовъ, то Дизраэли ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ снова подать въ отставку. Сдѣлавшись первымъ министромъ, Гладстонъ, прежде всего и поставилъ въ парламентѣ вопросъ, изъ-за котораго произошло паденіе Дизраэли,—объ отмѣнѣ англиканской церкви въ Ирландіи. Въ мартѣ 1869 г. имъ былъ внесенъ въ палату общинъ билль, предлагавшій прекратить съ 1871 г. существованіе въ Ирландіи государственной церкви, что̀ и было принято послѣ очень продолжительныхъ преній большинствомъ слишкомъ ста голосовъ. Въ палатѣ лордовъ билль постигла уже иная

---

[1]) О феніанскомъ движеніи существуетъ особая литература. *John O'Leary.* Recollections of fenians and fenianism (1896). — *Thomas Beach.* Twenty five years in the secret service. — *P. Tynnan.* The irish invincibles and their times (1893) и др. Феніями (финами, фенами, фіанами) назывались члены дружинъ древнихъ ирландскихъ королей.

[2]) См. выше, стр. 305.

судьба, такъ какъ наиболѣе вліятельные лорды рѣшили его отвергнуть. Извѣстіе объ этомъ заставило вмѣшаться въ дѣло самоё королеву. Лично она не сочувствовала идеѣ Гладстона, но онъ настаивалъ на своемъ и даже составилъ для королевы особую записку о необходимости осуществленія его идеи, подъ вліяніемъ чего Викторія и сочла себя обязанною оказать ему содѣйствіе, тѣмъ болѣе, что какъ-разъ по этому вопросу было побито парламентомъ прежняго состава прежнее министерство, парламентъ же новаго состава очень недвусмысленно высказался за реформу: вѣдь если бы парламентъ опять былъ распущенъ, новые выборы не дали бы иного результата. Королева обращалась непосредственно съ просьбою не проваливать билля и къ архіепископу кентербёрійскому, примасу англиканской церкви, и къ лорду Дэрби, и только послѣ страстной борьбы и не безъ сильнаго сопротивленія билль наконецъ прошелъ и въ палатѣ лордовъ [1]).

Другимъ важнымъ вопросомъ, касавшимся Ирландіи, было положеніе арендаторовъ въ имѣніяхъ крупныхъ лендлордовъ, большею частью проживавшихъ въ Англіи [2]). Англійское аграрное законодательство было цѣликомъ на сторонѣ землевладѣльцевъ, совершенно противъ арендаторовъ, у которыхъ не было никакихъ гарантій ни прочности арендъ въ смыслѣ сроковъ, ни постоянства условій въ смыслѣ величины наемной платы, ни справедливаго вознагражденія за сдѣланныя на арендныхъ участкахъ улучшенія. Все это по земельному биллю (land-bill) Гладстона должно было прекратиться, т.-е. землевладѣльцы лишались права выдворять съемщиковъ за исключеніемъ случаевъ неплатежа, и кромѣ того, на землевладѣльцевъ возлагалась обязанность вознагражденія уходящихъ арендаторовъ за все, что̀ ими было истрачено на постройки, разныя улучшенія и т. п. или во что имъ обходилась перемѣна одной фермы на другую. Въ этомъ лендбиллѣ было еще предположеніе о государственной помощи такимъ фермерамъ, которые вошли бы съ землевладѣльцами въ соглашеніе о пріобрѣтеніи въ собственность нанимаемыхъ фермъ. Лендлорды пришли въ настоящій ужасъ отъ такого покушенія на имущественную ихъ неприкосновенность, вслѣдствіе чего пренія въ парламентѣ были особенно страстны и продолжительны, но у Гладстона было

---

[1]) „Irish church-act“ 1869 г., какъ говорили, произвелъ „disestablishment“ англиканской церкви. Этотъ терминъ будетъ намъ понятенъ, если мы вспомнимъ, что англиканская церковь издавна носитъ названіе „установленной“ (established): значитъ, рѣчь идетъ здѣсь о ея, такъ сказатѣ, „разустановленіи“. *Дайси* (*Dicey*) въ книгѣ, названной на стр. 298, въ этомъ фактѣ видитъ примѣръ побѣды общественнаго мнѣнія въ законодательствѣ (стр. 334—336 франц. пер.).

[2]) Т. V, стр. 226 и 231. Ср. выше, стр. 49 (примѣч.), гдѣ приводится мнѣніе Маркса о значеніи ирландскаго землевладѣнія для англійской знати.

прочное большинство въ палатѣ общинъ, за него же было и общественное мнѣніе всѣхъ классовъ націи, не имѣвшихъ интереса поддерживать старыя привилегіи поземельной знати [1]). Нижняя палата очень значительнымъ большинствомъ приняла билль, который въ концѣ концовъ прошелъ и черезъ верхнюю палату, гдѣ, конечно, противъ него велась упорная борьба со стороны наиболѣе крайнихъ представителей торійской партіи (1870). Если Гладстонъ расчитывалъ, что новое законодательство скоро успокоитъ бурное настроеніе ирландскаго населенія, то онъ долженъ былъ сейчасъ же признать, что ошибся.

Немедленныхъ результатовъ ирландскій „land-bill“ дать не могъ въ виду сложности и огромности дѣла, всякихъ уловокъ со стороны ендлордовъ и ихъ упорнаго нежеланія продавать участки, а также недовѣрія арендаторовъ. Притомъ, дѣло было не въ одной аграрной реформѣ,—какъ было и не въ одной реформѣ церковной,—потому что въ Ирландіи было сильно стремленіе и къ мѣстной автономіи, тѣмъ болѣе понятное, что центральнымъ правительствомъ по отношенію къ Ирландіи слишкомъ часто принимались чрезвычайныя мѣры. И на этотъ разъ, въ 1870 г., Гладстонъ испросилъ у парламента для органовъ исполнительной власти въ Ирландіи необычныя полномочія для борьбы съ проявленіями мятежнаго духа. Чего хотѣли въ Ирландіи, можно видѣть изъ возникновенія въ ней, въ томъ же 1870 г., особой ассоціаціи (Home government association), поставившей своею цѣлью добиться для страны автономіи. Въ первые же годы эта ассоціація, переименованная въ 1873 г. въ „Лигу гомруля“ (Home rule league), очень широко развила свою дѣятельность и пріобрѣла большое значеніе въ странѣ. Политическіе противники Гладстона пользовались продолжавшеюся въ Ирландіи смутою, чтобы доказывать ошибочность, съ ихъ точки зрѣнія, его политики: сколько-де ни дѣлать ирландцамъ уступокъ, онѣ ихъ не успокоятъ, а только еще болѣе разожгутъ ихъ аппетиты. Въ Ирландіи совершались аграрныя преступленія, вызывавшіяся случаями выдворенія арендаторовъ за неплатежъ ими денегъ лендлордамъ. Особенно усилились случаи подобныхъ выдворенiй къ концу семидесятыхъ годовъ, когда въ теченіе одного полу-

[1]) *Дайси* въ только что отмѣченной книгѣ о вліяніи общественнаго мнѣнія на законодательство въ Англіи въ XIX в. справедливо усматриваетъ въ ирландскихъ земельныхъ актахъ отрицаніе прежняго „бентамистскаго“ принципа свободнаго соглашенія сторонъ, совершенно невозможное въ законодательствѣ между 1830 и 1860 гг., когда ни у членовъ парламента, ни у ихъ избирателей не было убѣжденій, нашедшихъ выраженіе въ ирландскихъ land-act'ахъ. Особенно проявилось ограниченіе свободы договоровъ въ запрещеніи вносить въ нихъ такое условіе, въ которомъ арендаторъ отказывался бы отъ права требовать вознагражденія за сдѣланныя улучшенія (стр. 247 и 248 франц. пер.). Ср. ниже, прим. на стр. 335—336.

года передъ внесеніемъ Гладстономъ новаго аграрнаго билля во второе его министерство было согнано съ насиженныхъ мѣстъ болѣе тысячи арендаторовъ. Къ этому времени до-нельзя умножились всякаго рода аграрныя преступленія вплоть до убійствъ [1]). Кромѣ того, въ 1879 г. нѣкоторыми ирландскими членами парламента (Парнеллемъ и Дэвитомъ) была основана ирландская „Земельная лига“ (Land league) для оказанія денежной помощи наиболѣе бѣднымъ земледѣльцамъ въ случаяхъ неурожаевъ, эпизоотій и, конечно, неимѣнія средствъ для взноса арендной платы. Въ Англіи дѣятельность этой лиги была немедленно заподозрѣна, т.-е. ея членовъ стали обвинять въ подстрекательствѣ или пособничествѣ въ отношеніи къ аграрнымъ преступленіямъ. Гладстону и въ слѣдующія свои министерства въ виду всего этого пришлось особенно энергично заниматься ирландскимъ вопросомъ.

Кромѣ послѣдняго, въ первое свое министерство Гладстонъ занялся разрѣшеніемъ и другихъ важныхъ вопросовъ, давно уже поставленныхъ самою жизнью. Въ Англіи при выборахъ въ парламентъ голосованіе происходило открытое, что было очень выгодно для вліятельныхъ кандидатовъ, которымъ оно предоставляло возможность оказывать давленіе на зависѣвшихъ отъ нихъ избирателей. Уже въ первой половинѣ XIX в., — даже съ конца еще XVIII столѣтія,—представители въ Англіи демократическихъ идей требовали введенія тайной подачи голосовъ на парламентскихъ выборахъ [2]), но среди либераловъ идея эта не пользовалась сочувствіемъ, а Милль даже выставилъ противъ нея рядъ теоретическихъ соображеній [3]). Гладстонъ тоже долгое время оставался сторонникомъ открытаго голосованія, пока, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не сталъ на отвергавшуюся имъ раньше

---

[1]) Къ числу способовъ борьбы, пущенныхъ въ ходъ ирландцами въ эти годы, нужно прибавить своего рода наложеніе интердикта на наиболѣе непріятныхъ или вредныхъ землевладѣльцевъ и ихъ управляющихъ. Въ 1880 г. подвергся дѣйствію этой мѣры нѣкто Бойкотъ, управляющій одного лорда въ Ирландіи. Будучи особенно неумолимъ по отношенію къ неисправнымъ арендаторамъ, которые безъ всякой жалости имъ выдворялись, онъ навлекъ на себя такую ненависть окружающихъ, что, не желая у него служить, его бросили вся его прислуга и всѣ рабочіе, а торговцы стали отказывать ему самому и членамъ его семьи въ продажѣ даже съѣстныхъ припасовъ. Въ концѣ концовъ самому Бойкоту пришлось выселиться въ другую мѣстность. Онъ потомъ огласилъ въ печати всѣ эти приключившіяся съ нимъ непріятности, чѣмъ достигъ, главнымъ образомъ, лишь превращенія своей фамиліи въ нарицательное существительное для обозначенія описаннаго способа борьбы: слова „бойкотъ“, „бойкотировать“ ведутъ свое происхожденіе отъ этого частнаго случая.

[2]) Т. IV, стр. 472 и 489 и т. V, стр. 234 и др.

[3]) Т. V, стр. 775.

точку зрѣнія. Не по принципіальнымъ, а по чисто эгоистическимъ соображеніямъ главными противниками тайнаго голосованія были консерваторы; поэтому, когда гладстоновскій „ballot bill“, принятый палатою общинъ, перешелъ въ палату лордовъ, та его отвергла (1871). Въ слѣдующемъ, 1872 году Гладстонъ снова предложилъ эту реформу, и на сей разъ она прошла и въ верхней палатѣ, хотя только въ качествѣ временной мѣры на восемь лѣтъ; конечно, по истеченіи этого срока возвратъ къ прежнему порядку былъ уже немыслимъ.

Содѣйствуя демократизаціи выборовъ Гладстонъ не могъ не обратить вниманія еще и на то, что демократическій строй требуетъ широкой организаціи народнаго образованія [1]). До первой парламентской реформы государственная власть въ Англіи совершенно не заботилась объ этомъ важномъ предметѣ, такъ что дѣло народнаго образованія находилось всецѣло въ вѣдѣніи самого общества, главнымъ же образомъ въ рукахъ конфессіональныхъ ассоціацій, въ родѣ „Національнаго общества для распространенія просвѣщенія въ духѣ установленной (англиканской) церкви“, находившагося подъ предсѣдательствомъ примаса этой церкви, архіепископа кентербёрійскаго. Кромѣ того, существовали и ассоціаціи безъ рѣзко вѣроисповѣдной окраски, хотя тоже съ религіознымъ оттѣнкомъ, какимъ было, напр., „Британское общество“, состоявшее изъ представителей диссидентскихъ исповѣданій. Въ первый разъ въ 1832 г. парламентъ вотировалъ субсидію на народное образованіе въ 20 т. фунтовъ стерлинговъ [2]), которая и была распредѣлена между двумя названными просвѣтительными обществами, а впослѣдствіи эта сумма постепенно увеличивалась. Въ 1839 г. для контроля за расходованіемъ субсидіи были учреждены особые школьные инспектора и даже образовался при тайномъ совѣтѣ (privy council) особый комитетъ (Commitee on education) для высшаго надзора [3]) съ вице-президентомъ во главѣ. Давая деньги двумъ соперничавшимъ между собою обществамъ, государство не вмѣшивалось въ веденіе ими школьнаго дѣла [4]). Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ изъ 2.300.000 дѣтей моложе тринадцати лѣтъ въ учебныхъ заведеніяхъ обоихъ обществъ числилось около 1.300.000, т.-е. болѣе поло-

---

[1]) Для дальнѣйшаго см. соч. *П. Г. Мижуева* „Среднее образованіе въ Англіи“, „Лондонскія школы и народное образованіе въ Англіи“ и др.

[2]) Т. V, стр. 206.

[3]) Т. V, стр. 207.

[4]) Еще Милль высказывался противъ того, чтобы государство брало на себя непосредственно начальное образованіе народа. Въ школьномъ законодательствѣ съ семидесятыхъ годовъ *Дайси* видитъ побѣду того, что онъ называетъ „коллективизмомъ“, и именно въ смыслѣ того, что имъ подводится подъ категорію „equalisation of advantages“ (объ этомъ см. ниже, примѣч. на стр. 336). *Dicey*, стр. 260 и слѣд. по франц. пер.

вины общаго числа, причемъ вовсе безъ школьнаго образованія оставалось въ странѣ еще около двухъ милліоновъ дѣтей [1]). Демократизація парламентскихъ выборовъ въ 1867 г. поставила на очередь вопросъ о необходимости лучшей организаціи народнаго образованія, и среди возникшихъ въ это время просвѣтительныхъ обществъ особенно выдвинулась „Бирмингамская лига обученія“ съ лозунгомъ обязательнаго, дарового и свѣтскаго образованія. Министерство Гладстона такъ далеко, какъ требовала эта лига, не пошло. „Актъ объ элементарномъ образованіи“, составленный Фёрстеромъ и проведенный Гладстономъ въ 1870 г., далъ впервые Англіи государственную организацію начальной школы. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ были учреждены школьные комитеты, выбиравшіеся мѣстнымъ населеніемъ, съ возложеніемъ на нихъ обязанности заботиться о томъ, чтобы по возможности всѣ дѣти учились въ школахъ. Комитетамъ предоставлено было право открывать свои школы и получать на ихъ содержаніе вспомоществованія отъ казны, устанавливать въ своихъ мѣстностяхъ школьный налогъ и освобождать отъ платы за ученіе дѣтей бѣдныхъ родителей или вообще не брать за обученіе никакой платы, причемъ тотъ или другой комитетъ могъ по своему усмотрѣнію вводить и обязательное посѣщеніе школы дѣтьми соотвѣтственнаго возраста. На усмотрѣніе этихъ комитетовъ было оставлено также и устройство религіознаго образованія—учить ли вообще дѣтей въ школѣ закону Божію, но непремѣнно безъ конфессіональнаго характера преподаванія, или же предлагать самимъ родителямъ заботиться о религіозномъ воспитаніи ихъ дѣтей. Всѣ прежнія школы, получавшія казенныя субсидіи, должны были существовать попрежнему. Вліяніе школьнаго акта 1870 г. на развитіе начальнаго образованія въ Англіи было громадное, о чемъ свидѣтельствуетъ быстрый ростъ числа дѣтей, обучавшихся въ элементарныхъ школахъ разныхъ наименованій: въ 1869 г. оно равнялось только двумъ съ третью милліонамъ, а черезъ десять лѣтъ уже дошло до трехъ съ половиною милліоновъ; соотвѣтственно возрастала и правительственная субсидія этимъ школамъ. Общественная иниціатива тоже дѣлала немало для распространенія образованія. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій общественной иниціативы въ этомъ дѣлѣ было возникновеніе такъ называемаго „University extension movement“, или, какъ принято у насъ выражаться, „народныхъ университетовъ“ [2]). Гладстонъ

---

[1]) О невѣжествѣ, встрѣчавшемся въ рабочемъ классѣ Англіи въ серединѣ XIX в., см. т. V, стр. 224.

[2]) Такъ называемая „university extension“ (расширеніе университета), или демократизація высшаго образованія ведетъ свое начало отъ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Это движеніе въ Англіи имѣетъ уже цѣнную исторію, послуживъ вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ

затронулъ отчасти и среднее образованіе, по отношенію же къ высшему добился отмѣны старыхъ порядковъ въ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, въ силу которыхъ лица неангликанскаго исповѣданія или вовсе не могли участвовать, или были крайне стѣсняемы въ полученіи стипендій, ученыхъ степеней и т. п. Два раза лорды проваливали билли Гладстона на этотъ счетъ и уступили только въ третій разъ въ 1871 г. [1]). Немалое значеніе имѣли для культурнаго роста англійской націи и такія мѣропріятія Гладстона, какъ отмѣна штемпельнаго налога на газеты, конечно, ихъ удешевившая, уменьшеніе таксы за пересылку періодическихъ изданій и т. п.

Весьма важную часть преобразовательной дѣятельности Гладстона составляетъ еще законодательство о рабочихъ союзахъ, или трэдъ-юніонахъ. Намъ уже приходилось говорить о томъ важномъ значеніи, какое они пріобрѣли въ англійской жизни [2]), а между тѣмъ законодательство скорѣе ихъ только терпѣло, чѣмъ признавало ихъ право на существованіе. Образованіе „коалицій“ между рабочими регулировалось тогда въ Англіи закономъ 1825 г. [3]), во всякомъ случаѣ устарѣвшимъ, не соотвѣтствовавшимъ болѣе ни реальнымъ отношеніямъ, ни правосознанію эпохи. Коалиціи допускались съ разными ограниченіями, которыя могли истолковываться мировыми судьями въ крайне неблагопріятномъ для рабочихъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что продолжали еще дѣйствовать и очень старые законы, составленные въ духѣ крайняго неравенства между хозяевами и наймитами: именно, если предприниматель увольнялъ рабочаго съ нарушеніемъ условій найма, онъ только платилъ неустойку, тогда какъ рабочій за самовольный уходъ подвергался тюремному заключенію до трехъ мѣсяцевъ, да кромѣ того, въ конфликтахъ подобнаго рода къ дачѣ свидѣтельскихъ показаній допускался только хозяинъ, рабочій—нѣтъ. Какъ примѣнялись эти законы на практикѣ и сколько раздраженія они вносили въ жизнь, можно видѣть изъ того, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ

для аналогичныхъ начинаній въ другихъ странахъ, но уже въ восьмидесятыхъ и даже девяностыхъ годахъ. Объ „university extension“ въ Англіи существуетъ цѣлая литература: *Roberts.* Eighteen years of university extension (1891).— *Herbert B. Adams.* University extension in Great Britain (1900). — *Джемсъ и Руссель.* Народные университеты въ Англіи (1897). – *П. Милюковъ.* Распространеніе народнаго образованія въ Англіи, Америкѣ и Россіи (въ „Рус. Бог.“ за 1896 г.).—*П. Мижуевъ.* Народные университетскіе дома въ Лондонѣ.

[1]) Въ связи съ этимъ можно упомянуть объ актѣ 1871 г., которымъ въ Англіи были введены государственные экзамены на разныя гражданскія должности въ особой „civil service commission“. При Гладстонѣ былъ также отмѣненъ обычай покупки офицерскихъ мѣстъ въ арміи.

[2]) См. выше, стр. 48, но особенно т. V, стр. 217, 765 и 807—810.

[3]) См. т. IV, стр. 559—560.

могло возбуждаться по десяти тысячъ преслѣдованій въ годъ. Англійскіе предприниматели вели упорную борьбу съ трэдъ-юніонами, между прочимъ, напр., обязывая своихъ рабочихъ не вступать въ союзы. Если рабочіе,—что случалось особенно часто въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ періодъ процвѣтанія англійской промышленности [1]),—устраивали забастовки ради увеличенія платы или сокращенія рабочаго времени, предприниматели отвѣчали на это „локаутомъ“ (lockout), т.-е. закрытіемъ своихъ промышленныхъ заведеній. Конечно, это только подливало масла въ огонь, и рабочіе начинали мстить жестокимъ хозяевамъ, не останавливаясь даже передъ преступленіями. Трэдъ-юніоны приняли дѣятельное участіе въ агитаціи, приведшей ко второй парламентской реформѣ, и стали примыкать къ образовавшемуся около того же времени Интернаціоналу, повліявъ отчасти на самую его организацію [2]). Работодатели тоже раздражались, приписывая всѣ стачки вліянію трэдъ-юніоновъ, и были очень довольны, когда судьи стали держаться той точки зрѣнія, что на трэдъ-юніоны нельзя распространять покровительство, оказываемое законами обществамъ взаимопомощи, такъ какъ эти коалиціи только наносятъ вредъ и промышленности, и самимъ рабочимъ. Общая пресса тоже крайне неблагопріятно относилась къ трэдъ-юніонамъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они своимъ подстрекательствомъ и своими угрозами только бунтуютъ рабочихъ, въ то же время подвергая ихъ во время забастовокъ всѣмъ бѣдствіямъ нищеты. Дѣлопроизводители рабочихъ организацій особенно обвинялись прессою во всемъ этомъ, какъ люди своекорыстные и живущіе на счетъ бѣдствій массы, хотя сами они утверждали, наоборотъ, что союзы всячески стремятся къ мирному улаженію столкновеній. Имъ даже удалось это доказать передъ оффиціальной коммиссіей, которая должна была изслѣдовать дѣятельность трэдъ-юніоновъ за истекшее десятилѣтіе передъ 1867 г., и потому заключеніе коммиссіи оказалось весьма благопріятнымъ для домогательствъ рабочаго класса. На основаніи этого мнѣнія въ 1871 г. парламентъ принялъ законъ, признавшій за трэдъ-юніонами право на существованіе и на судебную защиту, разрѣшавшій даже забастовку, какъ средство борьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дополнялся особымъ уголовнымъ закономъ, каравшимъ принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ для болѣе успѣшнаго проведенія забастовки: напр., запрещалось препятствовать, хотя бы простымъ предупрежденіемъ, приходу постороннихъ рабочихъ въ забастовавшее заведеніе, оказывать какое-либо давленіе на штрейкбрехеровъ путемъ хотя бы простого ихъ подсчета и т. п. Такъ какъ эти

---

[1]) Т. V, стр. 761—762.

[2]) См. выше, стр. 48, 58 и 167.

ограниченія права забастовокъ давали судьямъ возможность приговаривать къ тюрьмѣ за всякіе пустяки, рабочіе стали добиваться отмѣны указаннаго закона, организовавъ для этого особый комитетъ, который долженъ былъ настаивать на удовлетвореніи желаній рабочаго класса передъ членами палаты общинъ. Такъ какъ, однако, Гладстонъ не далъ своего согласія на отмѣну только-что изданнаго закона, то масса рабочихъ на слѣдующихъ парламентскихъ выборахъ уже не голосовала болѣе за либеральную партію, тѣмъ болѣе, что консерваторы, наоборотъ, пообѣщали рабочимъ исполнить ихъ желаніе. Въ 1874 г. ненавистный для рабочихъ законъ былъ, дѣйствительно, отмѣненъ, а въ 1875 г. консерваторы провели новый законъ, устанавливавшій полное равенство передъ закономъ какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ, отмѣнявшій всѣ оговорки закона 1825 г. и наказаніе тюрьмою за нарушеніе условій найма и провозглашавшій принципъ, въ силу котораго все, что признаётся законнымъ для одного человѣка, должно почитаться таковымъ и для группы объединившихся лицъ. Это въ высшей степени важное для рабочихъ законодательство 1871 — 75 гг. немало содѣйствовало возвращенію трэдъ-юніонизма къ его прежней мирной политикѣ и разлученію его съ традиціями Интернаціонала, вліянію котораго съ теченіемъ времени сталъ подчиняться [1]).

Только-что разсказанный эпизодъ съ вопросомъ о легализаціи трэдъ-юніоновъ указываетъ, между прочимъ, на то, какою силою начали дѣлаться рабочіе въ Англіи: отъ ихъ голосовъ въ значительной мѣрѣ зависѣлъ исходъ выборовъ 1874 г. Обѣ старыя политическія партіи признавали силу рабочаго класса. Ростъ его политическаго самосознанія заставилъ либерала Гладстона проектировать, а консерваторовъ Дерби и Дизраэли провести парламентскую реформу. Въ 1874—75 гг. консерваторы сдѣлали даже больше, отмѣнивъ тѣ стѣс-

---

[1]) См. выше, стр. 171. Въ цитировавшейся уже книгѣ *Дайси* есть нѣсколько страницъ (250 — 255 франц. перев.), посвященныхъ актамъ 1871 и слѣд. гг. о трэдъ-юніонахъ и акту 1875 г. о коалиціяхъ. Эти законы ставятъ рабочіе союзы и стачки совершенно въ иное положеніе, нежели законъ 1825 г., который *Дайси* называетъ „бентамистскимъ“. Актъ 1875 г. объявилъ свободными отъ уголовнаго преслѣдованія по обвиненію въ преступномъ соглашеніи (indictable as a conspiracy) дѣйствія, совершаемыя скопомъ, разъ такія дѣйствія не вмѣняются въ вину при совершеніи ихъ отдѣльными лицами. Онъ даже далъ „родъ легальной санкціи“ тому, что въ просторѣчіи называется во время стачекъ „picketing“ (сниманіе съ работы или обходъ съ цѣлью удостовѣриться, не работаетъ ли кто-нибудь), если только это не сопровождается застращиваніемъ или насиліемъ. Въ англійскомъ рабочемъ законодательствѣ, начиная съ семидесятыхъ годовъ, авторъ признаётъ результатъ „комбинированнаго сліянія демократіи и коллективизма“ въ особомъ смыслѣ, въ какомъ имъ употребляется этотъ послѣдній терминъ (о чемъ см. ниже, примѣч. на стр. 336).

ненія, которыхъ не рѣшился отмѣнить либеральный министръ-реформаторъ. Когда въ его лицѣ вигизмъ отказался удовлетворить желанія рабочихъ, они перешли на сторону консерваторовъ, скоро даже сдѣлавшихся сторонниками трэдъ-юніоновъ, какъ оплота противъ революціоннаго духа. Съ 1847 г. либералы составляли большинство въ палатѣ общинъ, выборы 1874 г. впервые послѣ столькихъ лѣтъ дали большинство консерваторамъ. Впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ думать, чтобы пораженіе Гладстона на выборахъ 1874 г. было исключительно результатомъ его сопротивленія требованіямъ рабочихъ.

Всѣ заботы Гладстона были направлены на внутреннія преобразованія, настоятельно требовавшіяся жизнью, и оживленіемъ законодательной дѣятельности парламента послѣ реформы 1867 г., подобнымъ оживленію, бывшему и послѣ реформы 1832 г. [1]). Противники либеральнаго министра-реформатора даже обвиняли его въ томъ, что онъ изъ-за этихъ реформъ пренебрегаетъ интересами Англіи въ международной политикѣ и тѣмъ совершенно роняетъ ея престижъ. Гладстонъ, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ могъ не нравиться сторонникамъ болѣе энергичной внѣшней политики. Во-первыхъ, онъ сильно сократилъ расходы на армію и флотъ, хотя это и не значило, что онъ не думалъ о приведеніи вооруженныхъ силъ страны въ большее соотвѣтствіе съ условіями времени [2]). Во-вторыхъ, его миролюбивую политику порицали за ея уступчивость. Съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки у Англіи давно тянулся одинъ споръ [3]), рѣшить который

---

[1]) Т. V, стр. 84 и вся глава X.

[2]) Въ Англіи была оставлена прежняя система вербовки солдатъ, но сокращены были сроки дѣйствительной службы съ образованіемъ запаса изъ отслужившихъ свой обязательный срокъ, а главнокомандующій арміей, ранѣе подчиненный только монарху, былъ поставленъ въ зависимость отъ кабинета.

[3]) Рѣчь идетъ о знаменитомъ „алабамскомъ дѣлѣ“. Во время сѣверо-американскаго междоусобія начала шестидесятыхъ годовъ у южанъ былъ крейсеръ „Алабама“, наносившій долгое время большой вредъ купеческимъ судамъ сѣверянъ, но наконецъ ими потопленный. Этотъ крейсеръ, какъ и другія суда подобнаго рода, былъ построенъ въ Англіи и вышелъ изъ англійскаго же порта, въ чемъ вашингтонское правительство усмотрѣло нарушеніе Англіей нейтралитета, потребовавъ поэтому возмѣщенія убытковъ, какіе сѣверо-американскіе граждане потерпѣли отъ „Алабамы“ и другихъ каперовъ. Переговоры, ведшіеся по этому дѣлу обоими правительствами, грозили серьезными осложненіями. Въ третейскомъ судѣ участвовало по представителю обѣихъ сторонъ, а кромѣ нихъ, въ составъ суда вошли делегаты итальянскаго короля, бразильскаго императора и президента швейцарскаго союзнаго совѣта. Этотъ эпизодъ вызвалъ въ свое время цѣлую литературу. *Bluntschli.* Opinion impartiale sur la question de l'Alabama (1870). — *Geffken.* Die Alabamafrage (1872). Въ историческихъ и догматическихъ изложеніяхъ международнаго права алабамскому вопросу обыкновенно отводится довольно видное мѣсто.

Гладстонъ предложилъ вашингтонскому правительству третейскимъ судомъ, состоявшимся въ 1872 г. въ Женевѣ и приговорившимъ Англію уплатить американцамъ болѣе трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Среди англичанъ было очень много недовольныхъ приговоромъ, находившихъ, что Гладстону нужно было „показать себя" американцамъ, но самъ онъ былъ доволенъ, что обѣ націи дали примѣръ рѣшенія международной распри судебнымъ приговоромъ, а не силою оружія. Много недовольныхъ Гладстономъ было и потому, что онъ не воспротивился Россіи, когда въ 1870 г. она объявила о прекращеніи нейтральности Чернаго моря [1]), а нѣсколько позднѣе предприняла хивинскую экспедицію.

Законный срокъ первой палаты общинъ, выбранный послѣ реформы 1867 г., истекалъ въ 1875 г., но Гладстонъ рѣшилъ распустить парламентъ въ 1874 г., надѣясь, что новые выборы дадутъ опять либеральное большинство. Результатъ, однако, получился совсѣмъ иной: консерваторовъ было выбрано около 350, либераловъ человѣкъ на сто меньше, да группа ирландскихъ автономистовъ получилась человѣкъ въ 60. Какъ только это стало извѣстнымъ, Гладстонъ подалъ въ отставку, и первымъ министромъ сдѣлался Дизраэли. Внутреннія реформы были оставлены, стремленія Ирландіи перестали приниматься въ расчетъ, и все вниманіе было обращено на то, чтобы поднять престижъ Англіи, уроненный, по убѣжденію торіевъ, Гладстономъ. Мы уже говорили выше о поѣздкѣ въ Индію будущаго Эдуарда VII и о провозглашеніи Викторіи индійскою императрицею [2]), а въ другомъ мѣстѣ [3]) у насъ будетъ идти рѣчь о политикѣ Дизраэли (превратившагося въ этотъ періодъ въ графа Биконсфильда) въ восточныхъ осложненіяхъ, начиная отъ герцеговинскаго возстанія 1875 г. до берлинскаго конгресса 1879 г. Въ то время, какъ успѣшная внѣшняя политика Дизраэли дѣлала его имя все болѣе и болѣе популярнымъ, Гладстонъ былъ сначала у тогдашняго общественнаго мнѣнія въ немилости, и только блестящая кампанія его противъ туркофильства англійской политики, о которой рѣчь тоже будетъ въ другомъ мѣстѣ, вернула ему, хотя и не сразу, прежнюю популярность въ массахъ. Особенно большіе тріумфы выпадали на долю Гладстона во время выборной кампаніи послѣ роспуска Биконсфильдомъ, въ началѣ 1880 г., парламента, выбраннаго въ 1874 г. Еще въ 1879 г. Гладстонъ получилъ изъ Шотландіи приглашеніе поставить свою кандидатуру въ графствѣ Мидлотіанъ, въ которомъ находится шотландская столица. Уже самая поѣздка его, осенью 1879 г., въ Эдинбургъ превратилась

[1]) См. выше, стр. 116.
[2]) См. выше, стр. 307.
[3]) См. ниже, въ главѣ XII.

въ настоящее „тріумфальное шествіе“, какъ самъ онъ объ этомъ выражался: его торжественно встрѣчали по дорогѣ, произносили привѣтственныя рѣчи, выслушивали его отвѣты, а Эдинбургъ нѣсколько дней только и жилъ митингами, на которыхъ выступалъ Гладстонъ съ рѣчами, громившими кабинетъ Биконсфильда. Энтузіазмъ къ нему не уменьшился и во время его вторичнаго пріѣзда въ Эдинбургъ въ роли кандидата на депутатское мѣсто отъ Мидлотіанскаго графства. Выборы 1880 г. дали въ результатѣ около 350 либераловъ и 250 консерваторовъ, т.-е. тѣ и другіе помѣнялись цифрами сравнительно съ 1874 годомъ, Число гомрулеровъ осталось приблизительно то же. Биконсфильдъ вышелъ въ отставку, королева Викторія сдѣлала-было попытку обойти Гладстона при образованіи новаго министерства [1]), но „великій старецъ“ все-таки сдѣлался главою новаго кабинета, исторія котораго разсказывается нами уже въ другомъ мѣстѣ [2]).

Теперь намъ предстоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе на разсмотрѣніи того, какъ, благодаря новому составу избирателей, гораздо болѣе демократическому, чѣмъ то было раньше, измѣнились самыя условія политической жизни въ странѣ, и какъ это заставило обѣ старыя историческія партіи приспособиться къ демократическому составу избирателей и пойти по пути, на который уже давнымъ давно вступили ближайшіе родичи англичанъ по ту сторону Атлантическаго океана. Уже реформа 1832 г. нанесла ударъ старой системѣ, когда избиратели подкупались и мѣста въ палатѣ продавались, такъ какъ число голосующихъ значительно увеличилось, и было уничтожено множество гнилыхъ мѣстечекъ [3]), реформа же 1867 г. еще болѣе затрудняла прямые подкупы, и всѣмъ, желающимъ попасть въ парламентъ, оставалось только вести планомѣрную агитацію, успѣхъ которой былъ мыслимъ лишь при извѣстной организаціи политическихъ единомышленниковъ. Вотъ въ этомъ-то отношеніи въ Англіи и произошла крупная перемѣна.

Несмотря на давнее существованіе англійскихъ политическихъ партій, онѣ долгое время не имѣли внѣпарламентскаго существованія. „Избиратели, говоритъ современный знатокъ исторіи англійскихъ политическихъ партій [4]), представляли собою только личный кортежъ

[1]) См. выше, стр. 308.

[2]) См. въ главѣ XVII.

[3]) Т. V, стр. 84.

[4]) *M. Ostrogorski* на стр. 150 соч., названнаго выше (стр. 298). Дальнѣйшее изложеніе основано на данныхъ труда Острогорскаго, къ нѣкоторымъ обобщеніямъ котораго я считалъ нужнымъ относиться съ нѣкоторою осторожностью еще ранѣе того, какъ прочиталъ въ книгѣ *L. Lowell'я*, названной выше (стр. 299), слѣдующія слова о трудѣ нашего соотечественника: „His description is very complete, but, while accurate, is like by to mislead a su-

соперниковъ, вступавшихъ въ единоборство; они были какъ бы ихъ вассалами или продавались имъ за деньги въ день выборовъ". Мѣстныя котеріи, конечно, всегда существовали, но единственныя партійныя организаціи общенаціональнаго характера имѣлись только въ нѣдрахъ самого парламента, и депутаты, входившіе въ составъ его партій, оставались совершенно независимыми отъ своихъ избирателей. Впервые парламентская реформа 1832 г. заставила англійскія политическія партіи позаботиться о томъ, чтобы оказывать болѣе систематическое вліяніе на страну. До 1832 г. въ Англіи не существовало никакихъ избирательныхъ списковъ или какихъ-либо документовъ, удостовѣряющихъ право на участіе въ выборахъ, эти списки были введены только съ реформою выборовъ, а забота составленія списковъ была возложена на инспекторовъ бѣдныхъ (overseers of the poor), назначавшихся въ отдѣльныхъ приходахъ мировыми судьями: очевидно, предполагалось, что они лучше другихъ могли знать, кто подходитъ въ приходѣ подъ условія избирательнаго ценза. Каждый имѣлъ право просить о внесеніи его въ избирательный списокъ, и каждому же было предоставлено указывать на всѣ случаи неправильнаго занесенія въ списокъ, т.-е. все здѣсь было основано на частной иниціативѣ. Очень и очень многіе или не пользовались своимъ правомъ записываться, потому что это было сопряжено съ особыми хлопотами и даже съ расходомъ въ одинъ шиллингъ, или не являлись защищать свое право, если оно кѣмъ-либо оспаривалось. Такимъ образомъ, само государство не вмѣшивалось въ это дѣло, частныя же лица проявляли большую пассивность и равнодушіе, что заставляло самихъ кандидатовъ заниматься привлеченіемъ избирателей къ записи въ регистры, которыхъ требовалъ законъ. Сначала въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ для этого прибѣгали къ весьма неодинаковымъ средствамъ, но уже довольно рано съ указанною цѣлью тамъ и сямъ стали организоваться особыя общества (registration societies) изъ мѣстныхъ дѣятелей, бравшихъ

---

perficial reader, who night easily yet an impression that the extreme cases were typical, although the writer takes pains not to say so. Mr. Bryce's caution in the preface (къ англ. переводу книги Острогорскаго) should, therefore, be borne in mind" (I, 467). По мнѣнію Лоуэлля, авторъ указанной книги усматриваетъ въ партійныхъ махинаціяхъ (party machinery) нѣчто скорѣе искусственное и фатальное (weird), а не то, что является „естественнымъ результатомъ человѣческаго поведенія (human conduct) при данныхъ условіяхъ, причемъ не ставитъ себя мысленно въ положеніе политическихъ людей Англіи и не задается вопросомъ, что бы самъ онъ сталъ дѣлать на ихъ мѣстѣ. Отсюда, по выраженію Лоуэлля, сдѣланное Острогорскимъ изображеніе имѣетъ нѣкоторый оттѣнокъ несоотвѣтствія съ дѣйствительностью („his analysis has a slight air of unreality"), I, 468. Ср. ниже (въ главѣ XVII) мнѣніе Лоуэлля о теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Англіи.

на себя и расходы по регистраціи, равно какъ и всю процедуру записи отдѣльныхъ лицъ или защиту ихъ правъ въ случаѣ ихъ оспариванія. Одновременно съ зарожденіемъ мѣстныхъ организацій начали возникать и въ центрѣ особые клубы съ цѣлью оказыванія вліянія на страну. Организаціи подъ названіемъ клубовъ существовали въ Англіи и раньше, но впервые совсѣмъ новое значеніе центровъ политической агитаціи въ странѣ онѣ получили только въ тридцатыхъ годахъ XIX в., когда стали вступать въ сношенія съ отдѣльными лицами или кружками во всей Англіи: торійскій „Carlton club“ съ такимъ характеромъ возникъ еще въ 1831 г. съ цѣлью противодѣйствія парламентской реформѣ, а въ 1836 г,, когда уже вполнѣ выяснилось значеніе клуба въ политической борьбѣ, примѣру консерваторовъ послѣдовали и либералы, основавъ свой „reform club“. Главную роль въ этихъ клубахъ стали играть такъ называемые „whips“, такъ сказать, помощники партійныхъ лидеровъ въ парламентѣ, уже раньше существовавшіе и у торіевъ, и у виговъ. Эти центральныя организаціи стали входить въ самыя дѣятельныя сношенія съ мѣстными обществами и кружками. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ образовалась даже самостоятельная „Liberal registration association“, содѣйствовавшая возникновенію мѣстныхъ регистраціонныхъ обществъ, посылавшая имъ свои совѣты, инструкціи, указанія на кандидатовъ, объединявшая ихъ дѣятельность и т. п. Примѣру либераловъ послѣдовали консерваторы, тоже создавшіе аналогичную организацію. Парламентская реформа 1867 г. еще болѣе дѣлала необходимою организованную политическую агитацію во время выборовъ. Радикалы города Бирмингама, въ которомъ сразу прибавилось около 30 т. новыхъ избирателей, первые подали мысль о необходимости всѣмъ мѣстнымъ либераламъ создать сплоченную организацію, которая состояла бы въ томъ, чтобы либеральные избиратели каждаго квартала соединялись вмѣстѣ и выбирали изъ своей среды представителей для управленія общими дѣлами партіи: собраніе партійныхъ делегатовъ Бирмингама должно было, между прочимъ, и намѣчать кандидатовъ въ члены парламента. Это предложеніе было принято, въ городѣ образовался либеральный комитетъ, и для выборовъ 1868 г. имъ были намѣчены желательные кандидаты на всѣ три депутатскія мѣста, принадлежавшія Бирмингаму. По закону каждый могъ подавать голосъ только за двухъ кандидатовъ, и потому комитетъ опредѣлилъ, въ какомъ кварталѣ за какую пару должны были подавать голоса тамошніе избиратели, чтобы за всѣми тремя былъ обезпеченъ вѣрный успѣхъ. Комбинація могла удасться, однако, только подъ условіемъ полной партійной дисциплины при подачѣ голосовъ, и потому лозунгомъ выборовъ было: „вотируйте, какъ вамъ сказано“ (vote as you are told). Со стороны консерваторовъ придумана была

махинація, чтобы все разстроить подложными бюллетенями, но во-время это было замѣчено, и попытка спутать карты только еще болѣе утвердила либеральныхъ избирателей въ мысли о необходимости „вотировать, какъ было сказано“, хотя часть старыхъ радикаловъ протестовала противъ подачи голосовъ „не въ роли свободныхъ людей, а въ роли автоматовъ“. Въ 1868 г. бирмингамскими либералами была одержана побѣда. Въ 1873 г. они испробовали тотъ же способъ на муниципальныхъ выборахъ и провели въ мэры своего города радикала Джозефа Чэмберлена [1]), который съ новымъ же муниципальнымъ совѣтомъ дѣятельно занялся городскимъ благоустройствомъ при ревностной поддержкѣ со стороны либеральной части населенія. Это тоже послужило на пользу либеральной ассоціаціи, которая теперь выработала себѣ очень прочную организацію. Въ каждомъ кварталѣ на публичномъ митингѣ выбирался комитетъ изъ неограниченнаго числа членовъ съ правомъ неограниченнаго же самопополненія, т.-е. кооптаціи, а надъ этими районными комитетами стоялъ общегородской исполнительный комитетъ, въ составъ котораго входили предсѣдатели и секретари районныхъ и по три делегата отъ каждаго квартала, выбранныхъ ad hoc на публичномъ митингѣ. Бирмингамъ раздѣлялся на 16 кварталовъ, и такимъ образомъ въ общегородскомъ комитетѣ было восемьдесятъ членовъ, имѣвшихъ сверхъ того право пополнить себя еще тридцатью лицами. Этотъ исполнительный комитетъ съ 480 делегатами, выбранными въ количествѣ 30 отъ каждаго изъ 16 кварталовъ, составляли такъ называемый „генеральный комитетъ“, большое совѣщательное собраніе. Наконецъ, оба центральныхъ комитета выбирали особое бюро изъ 11 членовъ, или правленіе. Въ общей сложности получалась организація въ 594 человѣка [2]), откуда ея названіе— „шестьсотъ“. Такъ какъ въ правленіе шестьсотъ выбирали только четыре лица, а семеро выбирались исполнительнымъ комитетомъ, учрежденіемъ до извѣстной степени кооптативнымъ, и такъ какъ на районныхъ митингахъ часто являлись однѣ и тѣ же летучія компаніи (travelling compagnies), что было вполнѣ возможнымъ при неодновременности этихъ митинговъ, то составъ организаціи получался довольно однородный, и въ немъ господствовала большая сплоченность. Чэмберленъ и его друзья вполнѣ распоряжались „шестьюстами“, считавшимися въ свою очередь довѣренными лицами либеральныхъ избирателей. Организація устраивала публичные митинги, частныя собранія, кружковыя совѣщанія для обсужденія и мѣстныхъ, и даже

[1]) *S. H. Jeyes.* The right hon. J. Chamberlain (1896). — *Ach. Viallate.* J. Chamberlain (1899).

[2]) 480 членовъ генеральнаго комитета + 110 (т.-е. 80 + 30) исполнительнаго совѣта + 4 лица, выбранныхъ генеральнымъ комитетомъ въ правленіе.

общегосударственныхъ вопросовъ. Въ составѣ генеральнаго комитета было много богатыхъ буржуа, не жалѣвшихъ денежныхъ жертвъ на разныя общественныя нужды, а существованіе въ Бирмингамѣ большого контингента средней буржуазіи, состоявшей изъ ряда переходныхъ ступеней отъ крупныхъ капиталистовъ къ пролетаріату, обезпечивало за ассоціаціей и большое вліяніе на массу населенія. Организація сдѣлалась скоро очень популярной и вліятельной въ населеніи. Наоборотъ, консерваторы въ Бирмингамѣ утратили всякое значеніе и своими выступленіями противъ господствующей группы только еще болѣе содѣйствовали внесенію „политики“ въ чисто муниципальныя дѣла. Ежегодные выборы въ городской совѣтъ каждый разъ сопровождались борьбою обѣихъ политическихъ партій, все болѣе и болѣе получавшею неблагопріятный исходъ для консерваторовъ. На лицъ, принадлежавшихъ къ послѣдней партіи, въ населеніи готовы были смотрѣть, какъ на „внутреннихъ враговъ“, противъ которыхъ можно бороться всякими способами. Когда консерваторы устраивали свои митинги, на нихъ поднимался такой шумъ и крикъ, что послѣ ряда неудачныхъ попытокъ довести собраніе до благополучнаго конца консерваторы совершенно отказались отъ устройства митинговъ въ Бирмингамѣ. При такомъ положеніи дѣлъ и парламентскіе выборы въ этомъ городѣ должны были кончаться въ пользу либераловъ. Въ 1876 г. Бирмингамъ послалъ въ палату общинъ самого Чэмберлена.

Мало того, бирмингамскіе либералы стали пропагандировать свою систему, какъ образецъ для подражанія, во всей странѣ. Этой системѣ, говорили ея сторонники, „удалось сдѣлать изъ муниципальной и изъ политической жизни, вмѣсто спазмодическихъ избирательныхъ движеній, жизнь, полную содержанія, искренности, правды и энтузіазма“. Путемъ внесенія политики во всѣ мѣстныя дѣла, „путемъ этого расширенія идеи либерализма, ассоціація связала себя съ развитіемъ общей жизни города“. Ни въ какомъ другомъ городѣ „демократія не получила столь широкаго истолкованія въ значеніи народа, понимаемаго, какъ одно организованное цѣлое.... Либеральная ассоціація, говорили еще, является средствомъ, при помощи котораго люди, вѣрящіе въ возможность болѣе высокаго состоянія цивилизаціи, нежели нынѣ существующее, и обладающіе осуществимыми идеалами, пытались и продолжаютъ пытаться привести въ исполненіе ясные и опредѣленные планы въ пользу культуры, благополучія и процвѣтанія общества“ [1]). Пропагандѣ „бирмингамскаго плана“ немало содѣйствовала неудача либераловъ на общихъ выборахъ 1874 г., когда впервые

[1]) *H. Crosskey.* The liberal association — „the 600“ — of Birmingham (1877).

послѣ 1841 г. страна послала въ палату общинъ подавляющее консервативное большинство: либералы приписали тогда свое пораженіе недостатку организаціи, и вотъ „бирмингамскій планъ“, какъ думали многіе, на будущее время долженъ былъ сдѣлать невозможными подобныя неожиданности. По примѣру Бирмингама даже тамъ, гдѣ не было такихъ особенно благопріятныхъ условій, какъ въ этомъ городѣ, стали возникать свои организаціи „ста“, „трехсотъ“, „четырехсотъ“ и т. п. Событія, разыгрывавшіяся въ это время на Балканскомъ полуостровѣ, не замедлили сдѣлаться предметомъ агитаціи со стороны всѣхъ этихъ вновь возникавшихъ организацій [1]). Общее дѣло, сводившееся къ борьбѣ съ консервативнымъ министерствомъ на почвѣ внѣшней политики Англіи, сближало между собою мѣстныя либеральныя ассоціаціи, и скоро явилась мысль о постоянномъ общеніи между ними, о созданіи для нихъ и центральной организаціи. Въ концѣ мая 1877 г. по приглашенію мѣстной ассоціаціи въ Бирмингамъ съѣхались делегаты восьмидесяти трехъ другихъ подобныхъ организацій на конференцію, открывшую свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ Чэмберлена. Въ своей вступительной рѣчи предсѣдатель указалъ на то, что предпринимаемое дѣло кладетъ начало новой эрѣ въ судьбахъ англійскаго либерализма, ибо современныя политическія условія требуютъ „введенія широкихъ круговъ народа (the people at large) въ совѣты партіи и предоставленія имъ участія въ направленіи ея дѣятельности“. Суть новаго устройства бирмингамской ассоціаціи въ томъ, что „каждый либералъ есть ея членъ ipso facto, въ силу только своего либерализма, безъ всякой иной квалификаціи“, и что въ ней „голосъ послѣдняго бѣдняка имѣетъ такое же значеніе, какъ и голосъ перваго богача“, а потому въ основѣ ассоціаціи лежитъ всеобщая подача голосовъ. Объединеніе такихъ ассоціацій, говорилъ еще Чэмберленъ, можетъ дать своего рода парламентъ и притомъ не для выработки новаго „credo“ либерализма, а для того, чтобы внести бо́льшую опредѣленность и рѣшительность въ либеральную политику, чѣмъ только будетъ усилено вліяніе общественнаго мнѣнія на лидеровъ партіи, часто отъ него отстающихъ, за нимъ не поспѣвающихъ [2]). Другіе ораторы, защищавшіе „бирмингам-

[1]) См. ниже, въ главѣ XII.

[2]) Въ одной парламентской рѣчи 1904 г. „Чэмберленъ выразилъ большія симпатіи къ референдуму и свое сожалѣніе по поводу того, что въ Англіи не существуетъ этого средства узнавать волю народа относительно какого-нибудь важнаго политическаго вопроса“. Впрочемъ, онъ указалъ при этомъ и на суррогатъ референдума: „послѣ продолжительной подготовки общественнаго мнѣнія путемъ преній и агитаціи можно въ концѣ концовъ предложить народу рѣшеніе даннаго вопроса на общихъ выборахъ“. *Сидней Лоу*, отмѣчая это мнѣніе Чэмберлена, находитъ его правильнымъ, т.-е. цѣлесообразнымъ и удобоисполнимымъ. Государственный строй Англіи (1908), стр. 90.

скій планъ", выражались еще рѣзче въ смыслѣ необходимости, чтобы не лидеры изъ Лондона давали указанія „народу" въ провинціяхъ, а чтобы самъ „народъ" указывалъ либераламъ, чего онъ хочетъ. Нельзя, говорили они еще, чтобы для агитаціи по каждому отдѣльному вопросу возникали спеціальныя лиги: гораздо лучше слить ихъ въ одну могучую федерацію, въ „парламентъ внѣ имперскаго законодательства", свободный парламентъ общественнаго мнѣнія. Делегаты одобрили этотъ планъ, основанный на „довѣріи къ народу" (trusting in the people), лишь бы при всемъ томъ не было сдѣлано никакого ущерба независимости мѣстныхъ ассоціацій. Въ результатѣ получилось основаніе „Національной федераціи либеральныхъ ассоціацій", болѣе извѣстной подъ сокращеннымъ названіемъ „Національной либеральной федераціи". Немедленно же вслѣдъ за конференціей,—даже вечеромъ того же дня,—когда состоялось основаніе конференціи, въ Бирмингамѣ былъ собранъ большой публичный митингъ, на которомъ главнымъ ораторомъ выступилъ самъ Гладстонъ, хотя въ то время и не бывшій уже оффиціальнымъ лидеромъ либеральной партіи, но фактически остававшійся настоящимъ ея главою. Въ собраніи, въ которомъ насчитывали до 30 тысячъ народу, Гладстонъ произнесъ рѣчь, заключавшую въ себѣ горячую похвалу федераціи, какъ основанной на широкомъ демократическомъ началѣ [1]). Главнымъ предметомъ рѣчи Гладстона былъ, однако, восточный вопросъ.

---

[1]) Гладстону въ исторіи англійской конституціи за послѣднія десятилѣтія извѣстный теоретикъ англійскаго государственнаго права *Сидней Лоу* приписываетъ въ одномъ отношеніи особенное значеніе. Въ своей книгѣ „Государственный строй Англіи" (русск. перев. 1908 г.) Лоу видитъ главную черту новѣйшей политической эволюціи своего отечества въ „уменьшеніи могущества и значенія палаты общинъ сравнительно съ значеніемъ министерства, съ одной стороны, и избирателей съ другой". Если, по его словамъ, революція 1689 г. перенесла „центръ тяжести государственной власти отъ короны къ палатѣ общинъ", то „главное измѣненіе, происшедшее послѣ 1832 г., заключалось въ дальнѣйшемъ передвиженіи государственной власти отъ парламента къ кабинету, причемъ кабинетъ сдѣлался отвѣтственнымъ въ большей степени передъ самими избирателями, чѣмъ передъ избранными ими представителями", стр. 47. „Ни одинъ государственный дѣятель, говоритъ *Лоу* въ другомъ мѣстѣ, не содѣйствовалъ этому процессу въ такой степени, какъ Гладстонъ", хотя онъ же „постоянно высказывалъ свою вѣру въ теорію полнаго подчиненія министровъ палатѣ", стр. 17. Лоу, прибавимъ еще, находитъ, что „фактъ уменьшенія власти палаты общинъ привлекаетъ къ себѣ гораздо меньше вниманія, чѣмъ онъ того заслуживаетъ", стр. 66. Ср. нѣсколько замѣчаній о будущемъ кабинета въ книгѣ *L. Lowell'я* „The government of England" (1908; т. I, стр. 79—80) по поводу того, что „the cabinet is daily coming into closer contact with the nation", но въ особенности см. гл. XXIII книги *Лоуэлля* (1, 423—434), разсматривающую взаимныя отношенія кабинета и страны („The cabinet and the country").

Основатели федераціи не скрывали, что она должна была быть боевымъ средствомъ противъ консерваторовъ: этого, конечно, было достаточно, чтобы торійская пресса отнеслась враждебно къ новой организаціи, и чтобы лидеръ консерваторовъ примѣнилъ къ ней американскую кличку „caucus“, обозначающую разные избирательные подвохи, продѣлки и фокусы вплоть до подкуповъ и спаиванія избирателей [1]). Это не испугало организаторовъ федераціи, которые смѣло присвоили себѣ эту кличку въ расчетѣ, что время и опытъ соединятъ съ нею другой, болѣе привлекательный смыслъ. Конечно, восьми десятковъ мѣстныхъ ассоціацій было еще мало для того, чтобы федерація представляла собою дѣйствительную политическую силу, и потому вожди занялись дѣятельною пропагандой новой идеи. Самъ Гладстонъ въ своихъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи, усиленно рекомендовалъ федерацію. Въ составъ ея стали входить все новыя и новыя мѣстныя организаціи, и прежніе политическіе дѣятели либеральной партіи считали себя вынужденными присоединяться къ этому движенію, причемъ иногда выговаривали себѣ право назначать, наприм., въ какую-либо ассоціацію „трехсотъ“ отъ себя цѣлую сотню членовъ на двѣ сотни, выбранныя на публичныхъ митингахъ. Случалось, что въ иныхъ мѣстахъ народная масса относилась недовѣрчиво къ партіи, въ которой дотолѣ главную роль играли денежные люди, но случалось и такъ, что мѣстные лидеры либераловъ сами не хотѣли идти въ „caucus“; въ послѣднихъ случаяхъ ассоціація по бирмингамскому плану все-таки основывалась, что, впрочемъ, не упраздняло прежнихъ „registration societies“ или „liberal associations“, какъ и вся федерація въ цѣломъ не упраздняла старой организаціи партіи въ самомъ парламентѣ. Нужно только отмѣтить, что новыя организаціи и на мѣстахъ, и въ центрѣ все болѣе и болѣе брали перевѣсъ надъ старыми.

Результатомъ описаннаго нововведенія было то, что съ англійскаго либерализма все болѣе и болѣе начали стираться черты прежняго вигизма. Среди самихъ виговъ начались несогласія еще послѣ реформы 1832 г., которая ввела въ палату общинъ нѣкоторое число радикаловъ, а реформа 1867 г. открывала передъ радикалами и прямо заманчивыя перспективы, хотя выборы 1868 г. и не оправдали ихъ на-

---

[1]) Терминъ „caucus“ возникъ еще въ XVIII в. для обозначенія маленькихъ кружковъ, ведшихъ закулиснымъ образомъ всю подготовительную работу по выборамъ. Этимологія этого слова неясна; нѣкоторые производятъ его даже отъ индѣйскаго слова „kaw-kaw-was“, обозначающаго совѣтовать. См. *M. Ostrogorski*, I, 110, примѣч. 2. Въ дальнѣйшемъ мы пользуемся этимъ словомъ, какъ удобнымъ по своей краткости, для обозначенія описываемаго явленія, не вкладывая въ него обиднаго смысла.

деждъ на достиженіе большинства, что раздражало радикаловъ, начавшихъ довольно рѣзко нападать на болѣе умѣренныхъ членовъ прогрессивной партіи, не исключая самого Гладстона. Чэмберленъ былъ именно однимъ изъ наиболѣе недовольныхъ вмѣстѣ со всѣми новыми организаціями либераловъ. Анти-турецкіе митинги второй половины семидесятыхъ годовъ критиковали не только туркофильство министерства, но и вялую политику либеральной оппозиціи въ этомъ вопросѣ. Все чаще и чаще на этихъ митингахъ раздавались голоса, что только на нихъ, только въ новой федераціи можно находить настоящихъ либераловъ. Все это было, въ сущности, однимъ изъ симптомовъ того, что англійскій либерализмъ переживалъ глубокій кризисъ.

Основами стараго англійскаго вигизма были защита имъ привилегіи парламента и защита индивидуальной свободы [1]). Первоначальный составъ партіи былъ аристократическій, пока, главнымъ образомъ, въ XVIII в. [2]) подъ знамена этой партіи не начала становиться буржуазія, не думавшая, однако, оспаривать лидерства въ партіи у представителей аристократическихъ традицій и привилегій. Въ партіи существовала цѣлая градація оттѣнковъ, приближавшихъ нѣкоторые ея элементы къ торизму, другіе, наоборотъ, радикализму, но большинство занимало среднюю позицію умѣреннаго либерализма, какъ политическаго, такъ и экономическаго, съ приверженностью къ парламентаризму и индивидуализму. Новое движеніе, центромъ котораго сдѣлался Бирмингамъ, не могло не претить среднему вигу, застывшему въ своихъ то аристократическихъ, то плутократическихъ убѣжденіяхъ и предразсудкахъ: въ движеніи на первую роль претендовали новые общественные слои, „улица“, толпа (mob). Особенно шло въ разрѣзъ съ традиціями вигизма подчиненіе политической дѣятельности непосредственно велѣніямъ народа: старый либерализмъ строго держался принципа, въ силу котораго въ свободной странѣ ни отдѣльныя личности, ни цѣлыя корпораціи,—какъ бы послѣднія ни были значительны по числу входящихъ въ нихъ лицъ,—не могутъ пользоваться абсолютною, нераздѣльною, непосредственною властью, такъ какъ, по тому же принципу, все въ государствѣ должно было держаться равновѣсіемъ независимыхъ одна отъ другой властей. „Для насъ, говорили старые виги, вопросъ не въ томъ, что̀ соотвѣтствуетъ народному мнѣнію, а въ томъ, что̀ разумно и правильно, и мы думаемъ, что одною изъ обязанностей каждаго государственнаго чело-

---

[1]) Т. II, стр. 584. О томъ, что этотъ индивидуализмъ съ шестидесятыхъ годовъ сталъ колебаться, см. ниже, въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 335—336.

[2]) Т. III, стр. 93.

вѣка является бороться съ народными предразсудками, хотя бы съ рискомъ потерять власть и занятыя мѣста“ [1]).

По новой системѣ никто не долженъ былъ ставить своей кандидатуры на парламентскихъ выборахъ помимо либеральной организаціи. Сами „сотни“ не производили выборовъ кандидатовъ въ строгомъ смыслѣ слова, но устраивали нѣчто въ родѣ публичнаго конкурса кандидатовъ передъ избирателями, требуя притомъ напередъ отъ кандидатовъ безусловнаго подчиненія условіямъ, какія имъ будутъ предъявлены; изъ этого правила не дѣлалось исключенія и для тѣхъ, которые уже раньше были членами парламента и хотѣли бы быть избранными вновь. Далеко не всѣ политическіе дѣятели соглашались на это, и наприм., въ Брэдфордѣ на этой почвѣ возникъ надѣлавшій много шуму во всей странѣ конфликтъ между мѣстнымъ „коукёсомъ“ и знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ Фёрстеромъ [2]), который былъ представителемъ Брэдфорда въ палатѣ общинъ уже около тридцати лѣтъ. Въ первомъ министерствѣ Гладстона Фёрстеръ занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія и оказалъ большую услугу начальному образованію въ Англіи, до него не имѣвшему правильной организаціи. Созданію послѣдней, какъ извѣстно, мѣшали конфессіональныя несогласія разныхъ группъ населенія, никакъ не могшихъ столковаться между собою по вопросу о преподаваніи въ элементарныхъ школахъ закона божія, Фёрстеръ же провелъ законъ объ обязательномъ народномъ образованіи съ полнымъ исключеніемъ религіознаго преподаванія вездѣ, гдѣ мѣстное населеніе этого потребовало бы, и съ допущеніемъ тамъ, гдѣ населеніе высказалось бы въ обратномъ смыслѣ, только чтенія Библіи, но безъ всякихъ догматическихъ толкованій и катехизисовъ [3]). Этотъ законъ встрѣтилъ рѣзкую критику со стороны какъ радикаловъ, находившихъ недопустимою уступку религіозному преподаванію, такъ и со стороны нонконформистовъ, полагавшихъ, что закономъ создается нѣчто въ родѣ привилегіи для государственной церкви; поэтому еще въ 1870 г. противъ закона Фёрстера началась въ странѣ сильная агитація. Центромъ ея сдѣлался Бирмингамъ, однимъ изъ главныхъ вдохновителей былъ Чэмберленъ, и какъ-разъ эта агитація привлекла въ мѣстные „коукёсы“ большое количество нонконформистовъ, ставшихъ даже играть главную роль въ этихъ организаціяхъ. Послѣ отставки Гладстона, когда роль лидера либераловъ перешла къ Гартингтону, Фёрстеръ оставался, пожалуй, самымъ виднымъ членомъ въ генеральномъ штабѣ партіи. Между

---

[1]) По всему этому вопросу въ печати возникла полемика, относящіяся къ которой статьи названы у *М. Острогорскаго*, т. I, стр. 174 и 179.

[2]) *T. W. Reid.* Life of W. L. Forster (1888).

[3]) См. выше, стр. 316.

тѣмъ въ Брэдфордѣ была организована по бирмингамскому образцу либеральная ассоціація, въ составъ которой вошло много фанатическихъ нонконформистовъ и даже во главѣ которой сталъ одинъ изъ противниковъ закона Фёрстера. Брэдфордскіе „триста“ предложили Фёрстеру выставить свою кандидатуру, но съ обязательствомъ повиновенія „коукёсу“. Старый депутатъ рѣшительно отъ этого отказался, заявивъ, что онъ не хочетъ „подчиниться правилу, которое, хотя бы даже только въ теоріи, дозволяетъ частной ассоціаціи стать между нимъ и избирателями, столь долгое время представлявшихся имъ въ парламентѣ. Я, говорилъ онъ еще,—депутатъ отъ цѣлаго города и не могу считать съ своей стороны корректнымъ сдѣлаться довѣреннымъ лицомъ или делегатомъ какой-либо организаціи въ округѣ, какъ бы значительна она ни была и какъ бы ни было полно мое согласіе съ нею по политическимъ вопросамъ“. Мало того, Фёрстеръ подвергъ рѣшительной критикѣ самую идею „коукёса“, что вызвало со стороны предсѣдателя брэдфортскихъ „трехсотъ“ очень энергичную отповѣдь. Вся англійская печать обратила серьезное вниманіе на этотъ мѣстный конфликтъ, какъ на инцидентъ, имѣющій принципіальное значеніе. Въ согласіи съ очень распространеннымъ взглядомъ „Times“ спрашивалъ, чего можно будетъ ожидать отъ менѣе видныхъ и отъ менѣе независимыхъ людей, если даже такой испытанный и извѣстный дѣятель, какъ Фёрстеръ, вынуждается пройти подъ ярмомъ ассоціаціи. Брэдфордская организація стояла на своемъ, хотя и подчеркивала, что между нею и Фёрстеромъ нѣтъ никакихъ разногласій по политическимъ вопросамъ. Противъ кандидатуры Фёрстера „коукёсомъ“ были пущены въ ходъ всѣ средства. Въ числѣ видныхъ лицъ, выразившихъ Фёрстеру по этому случаю свои симпатіи, былъ самъ Гладстонъ, даже предложившій ему свои услуги въ качествѣ посредника, но Фёрстеръ отклонилъ это предложеніе, заявивъ, что въ данномъ случаѣ для какого-либо посредничества нѣтъ мѣста, и не скрывъ своего опасенія, какъ бы не составилось мнѣнія о благопріятномъ отношеніи Гладстона къ новому правилу. Быть можетъ, писалъ онъ, люди, назначающіе комитетъ, сами являются только маленькой фракціей партіи, а тогда нѣтъ ли мѣста для опасенія, что они не выродятся въ дѣльцовъ по выборамъ (wire pullers) на американскій образецъ? Единственное средство избѣжать такого печальнаго результата, это—попрежнему предоставлять кандидату входить въ непосредственное общеніе со всѣми избирателями и съ партіей въ ея цѣломъ въ данной мѣстности. Во всякомъ случаѣ, оппозиція противъ брэдфордскаго „коукёса“ во всей странѣ была столь сильна, что послѣдній пошелъ на уступки и въ своемъ уставѣ обязательность требованія отъ кандидата обѣщанія подчиниться замѣнилъ факультативностью (вмѣсто „будетъ

требоваться", было поставлено: „можетъ быть потребовано"). Послѣ этой уступки, имѣвшей скорѣе формальное, нежели реальное значеніе, Фёрстеръ согласился войти въ составъ ассоціаціи [1]). Въ сущности, это была побѣда новой системы, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ подобныя ассоціаціи заставили кандидатовъ безусловно подчиниться предъявленнымъ имъ требованіямъ, хотя бывали и случаи извѣстной уступчивости и со стороны ассоціацій. Въ прессѣ брэдфордскій конфликтъ вызвалъ принципіальное обсужденіе вопроса о „коукёсахъ" въ цѣломъ рядѣ статей, брошюръ и рѣчей конца семидесятыхъ годовъ [2]). Глава всего этого движенія, Чэмберленъ, чѣмъ ближе было время выборовъ, все болѣе обнаруживалъ склонность къ нѣкоторой уступчивости, боясь, что отъ излишней рѣзкости въ постановкѣ спорнаго вопроса выиграютъ только торіи.

Блестящая побѣда либераловъ надъ консерваторами на выборахъ 1880 г. была принята сторонниками бирмингамской системы за доказательство необходимости и впредь ея держаться, и, пожалуй, болѣе другихъ ликовалъ Чэмберленъ, который по этому поводу обратился къ странѣ съ настоящей прокламаціей въ формѣ письма въ редакцію „Таймса". Онъ именно указывалъ на то, что теперь новая организація пустила глубокіе корни въ общественную жизнь страны, и выражалъ желаніе, чтобы политическіе дѣятели относились къ этой системѣ безъ прежнихъ предразсудковъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма въ „Таймсъ" Чэмберленъ сдѣлался членомъ новаго кабинета Гладстона. Общественное мнѣніе готово было видѣть въ этомъ возвышеніи Чэмберлена [3]) награду ему за его дѣятельность въ избирательной компаніи, да и самъ онъ, какъ тогда вообще думали, понималъ не иначе причину своего возвышенія, хотя, повидимому, Гладстону просто хотѣлось имѣть въ своемъ кабинетѣ одного болѣе ра-

---

[1]) Въ 1880 г. Фёрстеръ опять запялъ министерскій постъ въ кабинетѣ Гладстона, но вслѣдствіе несогласія съ нимъ по ирландскому вопросу вышелъ въ отставку въ 1882 г., что дало поводъ брэдфордскому „коукёсу" поднять противъ него настоящую травлю и даже начать подготовку его провала на новыхъ выборахъ, до чего, впрочемъ, Фёрстеръ не дожилъ.

[2]) Названія ихъ приведены во 2 прим. на стр. 188 перваго тома *М. Острогорскаго.*

[3]) Въ этомъ фактѣ кое-что было совсѣмъ необычайнымъ. Во-первыхъ, Чэмберленъ сдѣлался министромъ всего лишь черезъ четыре года послѣ парламентской дѣятельности, т.-е. слишкомъ быстро. Во-вторыхъ, онъ сразу былъ принятъ въ составъ „кабинета", т.-е. истиннаго совѣта министровъ, въ которомъ участвуютъ далеко не всѣ члены „министерства" (ministry), причемъ обыкновенно членами кабинета дѣлаются люди, уже побывавшіе на второстепенныхъ должностяхъ министерства. Объ этомъ „кабинетѣ въ кабинетѣ" см. у *Сиднея Лоу.* Государственный строй Англіи (1908), стр. 141 и слѣд.

дикально настроеннаго члена, и онъ остановился на Чэмберленѣ, такъ какъ другіе возможные кандидаты по тѣмъ или другимъ соображеніямъ были найдены имъ неподходящими. Въ самой мысли о томъ, что всею своею побѣдою либералы были обязаны одному „коукёсу“, нельзя не видѣть сильнаго преувеличенія. Конечно, были и другія, болѣе общія причины пораженія торіевъ. Передъ 1880 г. общественное мнѣніе въ Англіи уже начинало тяготиться политикой Дизраэли, которую стали находить слишкомъ предпріимчивой, даже прямо авантюристской, слишкомъ ставящей все подъ вопросъ, что же будетъ завтра, т.-е. не внушающей довѣрія въ прочность даннаго положенія. Экономическій кризисъ, переживавшійся въ эти годы Англіей, тоже вмѣнялся въ вину торійскому министерству, хотя бы для судящихъ не на основаніи „post hoc, ergo propter hoc“ нерѣдко не было никакой связи между политикой правительства и тѣмъ, что дѣла шли плохо. Если бы только одинъ „коукёсъ“ организовалъ всю побѣду либераловъ, то она должна была бы ограничиться только одними городами, но мы ее видимъ въ 1880 г. и въ графствахъ, гдѣ новая система едва только начинала примѣняться. Новая ассоціація хвасталась еще тѣмъ, что, благодаря ей, совсѣмъ стала отходить въ прошлое система вліятельныхъ кошельковъ, но и это было невѣрно, такъ какъ въ 1880 г. были обнаружены довольно частые случаи избирательныхъ подкуповъ даже въ самихъ же мѣстныхъ „сотняхъ“.

Распространенію въ обществѣ убѣжденія въ томъ, что побѣда либераловъ была результатомъ организаціи „коукёсовъ“, немало содѣйствовали сами торіи, утѣшавшіе себя поэтому мыслью, что большинство избирателей отвернулось отъ нихъ не по внутреннимъ мотивамъ, и что побѣдила, въ сущности, только ловкая интрига. Это тоже поднимало престижъ „коукёса“ и обезпечивало за нимъ роль и въ будущемъ послѣ того, какъ онъ окончилъ свою побѣдоносную кампанію 1880 г. [1]).

До сихъ поръ мы разсматривали новую организацію либеральной партіи, но реформа 1867 г. не могла не вызвать аналогичнаго явленія и въ консервативной партіи.

Распространеніе въ 1867 г. избирательныхъ правъ на широкіе

---

[1]) Къ этому изложенію генезиса „caucus'a“ нужно прибавить, что федерація по бирмингамскому плану не была единственной либеральной организаціей. Въ 1864 г. въ Манчестерѣ образовалась „Національная унія реформы“, въ составъ которой вошло много членовъ бывшей кобденовской „Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ“ (т. V, стр. 95), и которая немало поработала въ пользу реформы 1867 г. Она не прекратила по достиженіи этой цѣли вполнѣ своего существованія, но поставила себѣ новыя задачи, послѣ же успѣха „caucus'a“ въ 1880 г. прямо усвоила его цѣли и его тактику. Въ 1880 г. съ тою же цѣлью организаціи общественнаго мнѣнія и управленія его движеніями возникла еще „London and counties liberal union“.

слои городского населенія казалось дѣломъ весьма опаснымъ для консервативной партіи, но вожди этой партіи не теряли надежды, что и среди новыхъ избирателей могутъ найтись родственные имъ по политическому настроенію люди, а потому и въ консервативной партіи началась организаціонная дѣятельность съ цѣлью вербовки новыхъ сторонниковъ, на которыхъ можно было бы опираться при столь измѣнившихся условіяхъ политической жизни. Стали основываться консервативныя ассоціаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ объединяться въ особый „Національный союзъ консервативныхъ и конституціонныхъ ассоціацій“ съ центральнымъ органомъ изъ делегатовъ отъ мѣстныхъ организацій. Новая „унія“ должна была быть только помощницею стараго „Central conservative office“ торійской партіи, отнюдь „не узурпировать функціи лидерства (leadership) партіи“. Самое устройство „уніи“ было аристократическо-іерархическаго характера: въ ней были, напр., „патроны“ большею частью изъ лордовъ и на первомъ планѣ герцоговъ, да и въ самомъ исполнительномъ совѣтѣ организаціи рядомъ съ делегатами мѣстныхъ ассоціацій очень видную роль играли члены, попадавшіе въ него не по избранію. Задачею этого союза было „обращаться къ народу болѣе непосредственно, съ болѣе ясными и положительными заявленіями, нежели это дѣлалось прежде“. Лозунгомъ всего движенія, направленнаго на уловленіе массъ, былъ такъ называемый народный торизмъ, идея котораго впервые получила формулировку въ умѣ Дизраэли. Нужно было, по этой идеѣ, снять съ торизма его реакціонный ярлыкъ, приблизить его къ демократіи, обновить его и тѣмъ сдѣлать болѣе способнымъ къ борьбѣ при измѣнившихся условіяхъ политической жизни. „Торійская партія, любилъ повторять Дизраэли, будетъ ничѣмъ, если не будетъ партіей національной. Это вовсе не конфедерація знати и вовсе не демократическая толпа, а партія, образованная изъ всѣхъ многочисленныхъ классовъ населенія“. Принципы этой партіи—свобода, порядокъ, законъ, религія, которые не могутъ быть ввѣрены ни индивидуальному сужденію, ни капризамъ или страстямъ массъ, естественными же вождями политическаго общества должны были, по теоріи Дизраэли, оставаться землевладѣльцы. Самая свобода Англіи, говорилъ онъ, имѣетъ свое основаніе въ томъ, что въ странѣ есть классъ, который одинаково не довѣряетъ какъ деспоту, такъ и толпѣ, и вокругъ котораго всегда можетъ собраться и объединиться народная масса. Въ 1868 г. торіи включили, кромѣ того, въ свою программу рядомъ съ „охраною учрежденій“ и „защитою государства“ еще „улучшеніе положенія народа [1])“. Въ этомъ народномъ то-

[1]) Въ указанной выше (стр. 298) книгѣ *Дайси* (*Dicey*) исторія Англіи въ XIX в. раздѣлена на періоды стараго торизма (до 1830 г.), индивидуализма

ризмѣ все, въ сущности, стремилось къ одной цѣли—привлекать голоса новыхъ избирателей въ пользу торійскихъ кандидатовъ. Призывая въ свои ассоціаціи и рабочихъ, консерваторы, однако, остерегались отъ того, чтобы смѣшиваться или сливаться съ ними, устраивая для нихъ отдѣльные клубы или, какъ послѣдніе назывались, „conservative workingmen's associations", хотя это не совсѣмъ-то гармонировало съ „національной" теоріей Дизраэли [1]). Выборы 1868 г. показали, что англійскіе рабочіе вовсе не были такими консерваторами, какими ихъ выставлялъ Дизраэли, но въ министерство Гладстона торіи все-таки

или бентамизма (до 1870) и коллективизма (1865—1900), т.-е. господства доктрины, которая относится съ сочувствіемъ къ государственому вмѣшательству въ интересахъ народныхъ массъ, т.-е. рабочихъ классовъ, хотя бы отъ этого получался извѣстный ущербъ для индивидуальной свободы (стр. 60 франц. нер.): къ этому времени сложился новый торизмъ, унаслѣдовавшій отъ стараго вѣру въ „отеческій деспотизмъ государстка", которая въ немъ соединилась съ извѣстнымъ демократизмомъ, но въ то же время и въ самомъ либерализмѣ стала утверждаться увѣренность въ полезности государственнаго вмѣшательства. *Дайси* опровергаетъ тотъ взглядъ, что поворотъ отъ „бентамизма" къ „коллективизму" былъ результатомъ второй и третьей реформъ парламентскихъ выборовъ, т.-е. демократизаціи англійской конституціи, и ссылается на то, что законодательство гораздо болѣе демократическихъ Соединеннымъ Штатовъ менѣе „соціалистично", нежели законодательство Англіи (стр. 204 и слѣд.). Онъ сводитъ это явленіе къ нѣсколькимъ источникамъ, каковы слѣдующіе факты, за подробностями о которыхъ отсылаемъ къ разнымъ мѣстамъ нашего V тома: это—филантропическое теченіе, повліявшее на возникновеніе фабричнаго законодательства (т. V, стр. 215), трэдъ-юніонизмъ, основывающійся на принципѣ коллективнаго соглашенія и ограничивающій индивидуальную свободу договоровъ (т. V, стр. 807 и слѣд.), перемѣна въ экономическихъ идеяхъ образованныхъ классовъ, нашедшая свое выраженіе въ „Основахъ политической экономіи" Милля (т. V, стр. 811—812), замѣна въ организаціи промышленныхъ предпріятій отдѣльныхъ лицъ коллективностями (corporate bodies) въ видѣ акціонерныхъ компаній, дѣятельность которыхъ ослабляетъ дѣйствіе единичнаго лица и въ то же время вызываетъ необходимость государственнаго контроля (*Dicey*, стр. 229—233), и, наконецъ, сама реформа 1867 г., положившая конецъ господству среднихъ классовъ, которые особенно склонны были руководиться принципами „бентамизма" (*ibid.*, 234). Проявленія принципа „коллективизма" въ законодательствѣ *Дайси* сводитъ къ четыремъ категоріямъ: 1) расширенія идеи и области примѣненія покровительства, 2) ограниченія свободы договоровъ, 3) предпочтенія коллективной дѣятельности предъ индивидуальною и 4) „уравненіе выгодъ" въ пользу лицъ, поставленныхъ въ худшія съ другими условія. Ср. также выше (стр. 313, 315 и 319), гдѣ сдѣланы ссылки на *Дайси*. Прибавимъ, что *L. Lowell* то же самое направленіе, противоположное лозунгу „laisez faire", обозначаетъ терминомъ „paternalism", росту котораго посвящаетъ небольшую главу (LXV) во второмъ томѣ своего „The government of England" (стр. 520—530).

[1]) Ср. аналогичное поведеніе по отношенію къ рабочимъ и родоначальниковъ нѣмецкаго націоналъ-либерализма (выше, стр. 273).

успѣли перетянуть на свою сторону много рабочихъ и особенно ремесленниковъ, какъ это обнаружили неблагопріятные для либераловъ выборы 1874 г. Организація консервативныхъ клубовъ и обществъ пошла теперь еще быстрѣе и успѣшнѣе, причемъ изъ центра раздавалась проповѣдь необходимости дисциплины на манеръ македонскихъ фалангъ и римскихъ легіоновъ, какъ это прямо было сказано въ одной изъ рѣчей Дизраэли представителямъ консервативныхъ ассоціацій [1]).

X. Италія въ первое десятилѣтіе послѣ присоединенія Рима [2]).

Взглядъ на первое десятилѣтіе въ исторіи объединенной Италіи. — Общая характеристика семидесятыхъ годовъ въ исторіи Италіи. — Итальянскія политическія партіи семидесятыхъ годовъ.—Внѣшняя политика Италіи за этотъ періодъ и ея вліяніе на политику внутреннюю.—Правленія правыхъ и лѣвыхъ.—Отношеніе къ папству и къ церковнымъ дѣламъ. — Итальянскіе республиканцы и ирредентистское движеніе.—Тяжесть налоговъ и народное недовольство.—Начало соціалистической пропаганды въ Италіи

Въ моментъ занятія Рима войскомъ Виктора-Эммануила подходило къ концу первое десятилѣтіе существованія Итальянскаго ко-

---

[1]) Дальнѣйшая исторія Англіи отъ 1880 по 1900 г. излагается въ главѣ XVII, въ которой разсматривается и послѣдующая эволюція либеральной и консервативной организацій.

[2]) Отсылаемъ къ стр. 5—8 и 114—116 настоящаго тома, въ особенности же къ главѣ XXVII тома пятаго для періода 1859—1870 г. Есть нѣсколько трудовъ по исторіи Италіи, въ которыхъ изложеніе, начинающееся со второго десятилѣтія XIX в., доводится до смерти Виктора-Эммануила (1878) или до 1880 г.: *Fr. Bertolini.* Storia d'Italia dal 1814 al 1878 (1880).—*J. W. Probyn.* Italy from the fall of Napoleon I to the death of Victor-Emmanuel (1884).—*Bragagnolo e Bertazzi.* Il risorgimento nazionale, 1818—1878 (1900).—*Petrucelli della Gattina.* Storia dell' idea italiana (II томъ доведенъ до 1880 г.).—*N. Nisco.* Storia d'Italia dal 1814 al 1880 (1880 — 1890; девять томовъ). — *Элли Сорен.* Исторія Италіи отъ 1815 года до смерти Виктора-Эммануила (1898; въ этой книгѣ событія послѣ занятія Рима до 1878 г. изложены всего на пяти страницахъ, но къ переводу приложена еще статья, страницъ въ 50, *В. В. Водовозова* подъ заглавіемъ „Италія въ царствованіе Гумберта I“).—До конца XIX в. изложеніе доводится въ книгѣ *Піетро Орси* „Современная Италія. Исторія послѣднихъ 150 лѣтъ до вступленія на престолъ Виктора-Эммануила III“ (1907; событія 1870—1900 гг., внутреннія и внѣшнія, изложены въ главѣ XIX на 24 стр., отъ 253 по 276; гл. XX на десяти слѣдующихъ стр. даетъ картину „Италіи въ 1900 г.“). Для эпохи, непосредственно предшествовавшей превращенію Рима въ столицу и для самаго этого событія см.: *R. de Cesare.* Roma e stato del papa dal ritorno di Pio IX al 20 settembre, 1850—1870. (1907).—*E. Bourgeois et E. Clermont.* Rome et Napoléon III (1907).—*S. Castagnola* Da Firenze a Roma, 1870—71 (1896).—*R. Cadorna.* La liberazione di Roma nel 1870 (1889; по поводу этой

ролевства. Включеніе Рима въ составъ Италіи произошло 3 октября 1871 г. по произведенному, вслѣдъ за 20 сентября, народному голосованію [1]), а подобное же народное голосованіе въ Неаполѣ и Сициліи (послѣ болѣе раннихъ голосованій въ Средней Италіи) было 21 октября 1860 г. [2]). Образованіе единаго національнаго королевства обошлось недешево итальянскому народу. Чего-нибудь да стоили двѣ войны, которыя пришлось вести съ Австріей; не малыхъ средствъ требовала необходимость содержать и въ мирное время большіе армію и флотъ; наконецъ, новое королевство приняло на себя долги упраздненныхъ монархій, вообще очень плохо ведшихъ государственное хозяйство и обременявшихъ себя большими займами. Сама Сардинія еще до 1859 г. для своихъ вооруженій надѣлала большихъ долговъ: въ 1847 г. ея долгъ опредѣлялся въ 100 милліоновъ франковъ, въ 1859 г. уже въ 700 милліоновъ слишкомъ [3]). Страна бѣдная, безъ развитой обрабаты-

---

книги *C. Ricotti* въ 1890 г. издалъ свои „Osservazioni“).—*Ugo Pesci.* I primi anni di Roma capitale. — Спеціально періодъ Итальянскаго королевства охватываютъ: *Luigi Chiala.* Pagine di storia contemporanea dal 1858 al 1897 (1897; книга важная для исторіи внѣшней политики Италіи). — *I. Ghiron.* Annali d'Italia in continuazione al Muratori ed al Coppi, 1867—1880 (1888—1890).— *C. Corsi.* Italia, 1870 — 1895 (1896).—Нѣсколько сочиненій посвящено обоимъ первымъ королямъ — Виктору-Эммануилу и Гумберту I: *Rüffer.* König Victor-Emmanuel (1878). — *G. Massari.* La vita ed il regno di Vittorio-Emanuele II (1878). — *J. Zeller.* Pie IX et Victor-Emmanuel. Histore contemporaine de l'Italie, 1846 — 1878 (1879). — *V. Bersezio.* Trent'anni di vita italiana. Il regno di Vittorio-Emanuele II (1878—1895; пять томовъ).—*Puccianti Giuliani.* Vittorio Emanuele ed il risorgimento italiano (1887).—*L. Cappelletti.* Storia di Vittorio Emanuele e del suo regno (1892—1894; три тома).—*C. Rinaudo.* Umberto I di Savoia, rè d'Italia (1899).—*Ugo Pesci.* Il re martire. La vita ed il regno di Umberto I (1900).—Укажемъ еще на книги, дающія общую характеристику новѣйшей Италіи: *A. Brachet.* L'Italie qu'on voit et l'Italie qu'on ne voit pas (1883; важно для исторіи ирредентизма).—*F. Ottonieri.* L'Italia presente ed i suoi fati (1897).—*Bolton King and Thomas Okey.* Italy to-day (1901).—*T. S. Nitti.* L'Italia all' alba del secolo XX (1901). — „Исторія итальянскихъ финансовъ имѣетъ цѣлую литературу: рядъ книгъ *Bonghi, Sachs'a, A. Plebano, F. Nitti* указанъ у *Орси* (стр. 328), а кромѣ того, см. *Cucheval-Clarigny.* Les finances de l'Italie, 1866—1885 (1885).—*Werner Sombart.* Die Handelspolitik Italiens (1892).— По соціальной исторіи Италіи см. *Sonnino.* I contadini in Sicilia (1876; ср. ниже въ главѣ XVIII).—*P. Pillari.* Le lettere meridionali ed altri scritti sulla questione sociale in Italia (1885).—*N. Colajanni.* Gli avvenimenti di Sicilia e loro cause (1896). — *Его же.* Nel regno di Mafia (1900).—*А. Анджіолини.* Исторія соціализма въ Италіи (1907). — *L. Breganze.* Agostino Depretis ed i suoi tempi (1894). — Литература по исторіи папства въ 1870 — 1900 гг. указывается въ главѣ XX.

[1]) Т. V, стр. 698.

[2]) Т. V, стр. 689—690.

[3]) Т. V, стр. 681.

вающей промышленности, съ крайне несовершенными аграрными отношеніями, съ невѣжественнымъ населеніемъ, страна, въ которой вѣками хозяйничали реакціонный абсолютизмъ, клерикалы и аристократія, съ трудомъ переносила увеличеніе налоговъ, къ которому правительство объединенной Италіи прибѣгало, чтобы выходить изъ постоянныхъ финансовыхъ затрудненій. Правда, еще Кавуръ въ Сардинскомъ королевствѣ секуляризировалъ множество монастырей, и этому примѣру слѣдовало и правительство объединенной Италіи, которое стало и распродавать секуляризованныя земли, но этого было мало, и приходилось вводить новые налоги. Особенно былъ недоволенъ народъ тѣмъ, что въ 1868 г. былъ возстановленъ отмѣненный въ 1859 г., вслѣдствіе крайней своей обременительности и непопулярности, налогъ на помолъ, создававшій дороговизну хлѣба. Начатая Кавуромъ политика поощренія обрабатывающей промышленности и торговли, соединенная съ признаніемъ государственнаго невмѣшательства въ борьбу капитала и труда, обогащала извѣстную часть общества, но для народной массы ничего за то не предпринималось ни правительствомъ, ни національнымъ представительствомъ, имѣвшимъ строго буржуазный характеръ: на 27 милліоновъ населенія избирателей было лишь 600 тысячъ. Народъ былъ бѣденъ до объединенія и оставался бѣднымъ послѣ объединенія. Народнымъ недовольствомъ успѣшно пользовались враждебныя правительству партіи, т.-е. и клерикалы, и республиканцы. Однимъ изъ симптомовъ экономической и культурной отсталости Италіи было страшное развитіе въ ней,—особенно въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, бандитизма, находившагося въ политическомъ отношеніи подъ вліяніемъ сторонниковъ абсолютизма. Бандиты терроризировали населеніе вообще и въ особенности сторонниковъ единаго королевства, но нерѣдко бандиты находили сочувствіе и поддержку и у мирныхъ жителей.

Главнымъ стремленіемъ итальянскихъ демократовъ въ шестидесятыхъ годахъ было овладѣть Римомъ, хотя бы для этого нужно было повторить то же самое, что въ 1860 г. было сдѣлано съ Сициліей и Неаполемъ. Но „римскій вопросъ“ былъ не только внутреннимъ, итальянскимъ вопросомъ, но и вопросомъ внѣшней, международной политики. Католическія государства и въ особенности Франція были противъ присоединенія Рима къ итальянскому королевству. Викторъ-Эммануилъ долженъ былъ даже заключить съ Наполеономъ III конвенцію, обезпечивавшую за папою власть надъ вѣчнымъ городомъ и его областью [1]). Въ 1862 и 1867 гг. Гарибальди дѣлалъ попытки овладѣть Римомъ со своими добровольцами, но оба раза онъ терпѣлъ

[1]) См. выше, стр. 115.

неудачу (при Аспромонтѣ и Ментанѣ) и самъ попадалъ въ плѣнъ [1]). Только съ паденіемъ второй имперіи во Франціи внѣшнее препятствіе къ присоединенію Рима исчезло, и Римъ сдѣлался столицей Италіи. Первый періодъ исторіи объединеннаго королевства итальянской націи окончился.

Исторію Италіи со времени присоединенія Рима до конца XIX в. можно раздѣлить на два періода, гранью между которыми является 1881 годъ, хотя это дѣленіе не совпадаетъ ни съ перемѣною царствованія въ 1878 г., ни со смѣною у власти двухъ главныхъ партій итальянскаго парламента. Что касается до царствовавшихъ въ Италіи въ послѣдней трети XIX в. королей, то въ указанномъ 1878 г., по смерти Виктора-Эммануила, на итальянскій престолъ вступилъ сынъ его Гумбертъ I, царствовавшій до послѣдняго года XIX вѣка, замѣна же правленія правыхъ, пользовавшихся властью съ 1861 г., правленіемъ лѣвыхъ произошло въ 1876 г. На первый изъ указанныхъ періодовъ позволительно смотрѣть, какъ на естественное продолженіе предыдущаго десятилѣтія, потому что до 1881 г. въ общемъ итальянская политика шла по проложенному уже пути, и только съ начала восьмидесятыхъ годовъ эта политика круто поворачиваетъ на новую дорогу, которую можно назвать стремленіемъ къ великодержавію. Въ настоящей главѣ и будетъ разсмотрѣнъ періодъ 1870 — 1881 гг. Это былъ періодъ окончательнаго устроенія объединеннаго государства и финансовой расплаты по завершившемуся объединенію, причемъ сохранялись прежнія внѣшнія отношенія. До 1876 г., начиная еще съ 1861 г., у власти стояли все одни и тѣ же люди изъ конституціонной правой (Мингетти, Селла, Риказоли, Фанти и др.), только различнымъ образомъ комбинировавшіеся въ разныхъ министерствахъ, вслѣдствіе чего за ними упрочилась кличка „консортеріи“, т.-е. котеріи. Еще въ шестидесятыхъ годахъ лѣвымъ, во главѣ которыхъ стоялъ Ратацци [2]), два раза (въ 1862 и 1867 гг.) удавалось образовывать свои министерства, но они прочностью не отличались, просуществовавъ каждое приблизительно лишь по полугоду, а затѣмъ „консортерія“ до 1876 г. правила страною безъ перерывовъ. Только въ 1874 г. общіе выборы впервые поколебали положеніе правой, указавъ на значительное усиленіе въ странѣ оппозиціи. Если политика правой опредѣлялась, главнымъ образомъ, старою кавуровскою традиціей [3]), то оппозиція, наоборотъ, первоначально тяготѣла больше къ гарибальдійству, но съ теченіемъ времени ея радикализмъ сталъ все болѣе и болѣе сглаживаться и уступать мѣсто оппортунизму, очень похожему на по-

[1]) Т. V, стр. 693 и 695.
[2]) Т. V, стр. 673.
[3]) Т. V, стр. 678 и слѣд.

литику правой, если только не принимать въ расчетъ ненависть къ клерикализму, оставшуюся неизмѣнною. Выборы 1874 г. послали въ палату 220 членовъ оппозиціи на 288 г. приверженцевъ правительства, но это большинство не было потомъ удержано министерствомъ Мингетти: въ одномъ голосованіи по поводу новыхъ налоговъ министерство потерпѣло пораженіе, когда же образовавшееся потомъ министерство бывшаго гарибальдійца Депретиса распустило палату и назначило новые выборы, въ палату явилось 385 министерскихъ членовъ (кромѣ двадцати республиканцевъ) и всего лишь 94 депутата правой.

При разсмотрѣніи распредѣленія депутатовъ обѣихъ партій по провинціямъ оказывается, что сѣверныя области болѣе тяготѣли къ правой [1]), южныя—къ лѣвой. Перевѣсъ, полученный въ 1876 г. лѣвыми, можно сказать, усилилъ политическое значеніе Юга, депутаты котораго и вошли главнымъ образомъ въ новое министерство, причемъ слѣдуетъ еще отмѣтить и то, что воздержаніе ревностныхъ католиковъ отъ выборовъ по требованію папы [2]) значительно ослабляло правую. Лѣвое большинство не было, однако, компактнымъ: оно дробилось на отдѣльныя фракціи, между которыми по тѣмъ или другимъ вопросамъ возникали разныя временныя комбинаціи, что̀ приводило къ довольно-таки частымъ министерскимъ кризисамъ, по крайней мѣрѣ, частичнымъ [3]). Мѣнялись при этомъ только лица, направленіе же оставалось неизмѣннымъ и въ концѣ концовъ настолько умѣреннымъ, что нерѣдко министерство находило поддержку со стороны правой противъ болѣе радикальной части лѣвой, вожди которой („пентархія“ Криспи, Кайроли, Никотера, Дзанарделли и Баккарини) сами тѣмъ не менѣе тоже вступали въ сотрудничество съ главнымъ составителемъ мининистерствъ, Де-

---

[1]) Пьемонтскіе депутаты были сначала на сторонѣ лѣвой, но когда столица была перенесена изъ Турина во Флоренцію, недовольные этимъ, они образовали особую партію, которая еще въ 1869 г. примкнула къ тогдашнему министерству правыхъ.

[2]) См. выше, стр. 7—8.

[3]) Въ декабрѣ 1877 г. министерство Депретиса пало изъ-за министра внутреннихъ дѣлъ Никотеры, но новое съ Криспи, вмѣсто Никотеры, было сформировано опять Депретисомъ, удержавшись лишь до марта 1878 г., когда образовалось министерство Кайроли, въ которомъ уже въ октябрѣ были произведены существенныя измѣненія, и которое въ декабрѣ тоже пало. Преемникомъ Кайроли былъ опять Депретисъ, но лишь на полгода (до іюля 1879 г.), послѣ чего премьерство опять перешло къ Кайроли. Послѣдній удержался у власти, въ ноябрѣ 1879 г., однако, образовавъ новое, коалиціонное министерство въ союзѣ съ Депретисомъ, продержавшееся до 1881 г., когда (въ маѣ) опять премьеромъ сдѣлался Депретисъ, остававшійся потомъ на своемъ посту до смерти (1887). Впрочемъ, въ теченіе и этихъ шести лѣтъ его министерство неоднократно выходило въ отставку, но образованіе новыхъ кабинетовъ постоянно поручалось тому же Депретису.

претисомъ. Въ общемъ прослѣдить всю эту „внутреннюю политику“ партійныхъ интригъ и комбинацій—задача крайне трудная и неблагодарная, потому что дѣло сводилось часто къ чисто личному компетиторству бывшихъ раньше гарибальдійцами сицилійцевъ [1]) Депретиса и Криспи и неаполитанцевъ Никотеры, Кайроли и Дзанарделли. Въ лѣвой всегда были своя временная министерская партія, и своя партія на сей разъ оппозиціонная, правая же въ зависимости отъ обстоятельствъ то оказывала поддержку министерству, то, наоборотъ, присоединялась къ оппозиціи. Такое положеніе вещей дѣлало короля верховнымъ рѣшителемъ министерскихъ кризисовъ, что только содѣйствовало продолженію стараго пріема Виктора-Эммануила оставаться самому закулиснымъ двигателемъ всей правительственной дѣятельности при сохраненіи внѣшнихъ формъ парламентаризма [2]). Разсматривая иностранную политику Виктора-Эммануила за это время, можно прійти къ заключенію, что въ общемъ онъ предпочиталъ видѣть во главѣ министерства человѣка, державшагося нужнаго ему направленія въ вопросахъ не внутренней политики, а политики внѣшней. Такъ было и при его преемникѣ Гумбертѣ I.

Въ виду послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ бросить общій взглядъ на внѣшнюю политику Италіи въ разсматриваемый періодъ. Франція, какъ мы знаемъ, сначала помогала объединенію Италіи, получившей прямо изъ ея рукъ и Ломбардію, и Венеціанскую область, но та же Франція потомъ мѣшала включенію въ составъ королевства Рима и его области, что́ послужило потомъ помѣхою для заключенія франко-итальянскаго союза). Поэтому отношеніе итальянцевъ къ Франціи было двойственное: на сѣверѣ больше помнили и цѣнили первую роль Франціи, на югѣ и въ Римской области, наоборотъ, не забывали второй; правые симпатизировали Франціи, у лѣвыхъ господствовала къ ней антипатія. Кампанія французскихъ католиковъ въ пользу возстановленія папской власти [4]), конечно, не могла содѣйствовать усиленію въ Италіи французскихъ симпатій. Итальянское правительство, не становившееся послѣ 1871 г. ни на сторону Франціи, ни на сторону Германіи, въ виду католической агитаціи во Франціи не могло не начать подумывать о сближеніи съ Германіей, тѣмъ болѣе, что уже былъ прецедентъ союза съ Пруссіей—въ 1866 г. противъ Австріи [5]). Такому сближенію, однако, мѣшало то, что Пруссія и Австрія были теперь соединены узами пріязни, тогда какъ въ Италіи еще хорошо помнили

---

[1]) Т. V, стр. 688.
[2]) См. выше, стр. 8.
[3]) См. выше, стр. 91.
[4]) См. выше, стр. 202.
[5]) Т. V, стр. 693—694.

времена хозяйничанья въ ней австріаковъ, а наиболѣе пламенные патріоты, образовавшіе партію „неискупленной Италіи“ (Italia irredenta), даже прямо мечтали отнять у Австріи южную часть Тироля и Тріестъ съ его областью, гдѣ господствуетъ итальянскій языкъ. Ирредентистская агитація особенно усилилась въ министерство Кайроли, образовавшееся черезъ два мѣсяца по смерти Виктора-Эммануила, когда въ Италіи довольно открыто дѣйствовали ирредентистскіе кружки имени Барсанти, унтеръ-офицера, разстрѣляннаго за неповиновеніе начальству. Въ Австріи косо смотрѣли на эту агитацію и подозрѣвали, что Кайроли ее поддерживаетъ, да и въ Германіи относились съ подозрительностью къ завѣдомо французскимъ симпатіямъ этого министра. Викторъ-Эммануилъ въ послѣдніе годы своего царствованія больше держался за Депретиса, симпатіи котораго склонялись на сторону Германіи и который послѣ короткаго министерства Кайроли снова сдѣлался министромъ (сначала одинъ, потомъ въ составѣ министерства своего соперника). Такъ дѣло тянулось до 1881 г., когда Депретисъ снова безраздѣльно сталъ управлять Италіей и придалъ ея политикѣ рѣшительно германофильскій курсъ.

Таково было общее политическое положеніе въ Италіи въ разсматриваемый періодъ. Перейдемъ теперь къ частностямъ.

Въ моментъ занятія Рима военными силами Виктора-Эммануила въ Италіи власть находилась въ рукахъ министерства правыхъ, во главѣ котораго съ 1869 г. стоялъ Джіованни Ланца и въ составъ котораго входили министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста и финансовъ Селла, всѣ трое державшіеся одного и того же направленія въ цѣляхъ соблюденія строгой экономіи въ финансахъ и охраны свободы церкви по формулѣ Кавура: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“ [1]). Финансовый вопросъ, какъ извѣстно, ставился въ Италіи очень остро вслѣдствіе того, что ей очень дорого обошлось объединеніе и въ смыслѣ расходовъ на войны, и чрезвычайныхъ тратъ на необходимѣйшія внутреннія реформы. Пришлось дѣлать постоянные займы и думать о покрытіи ежегодныхъ дефицитовъ,—впрочемъ, постепенно уменьшавшихся (съ 353 милліоновъ лиръ въ 1861 г. до 208 милліоновъ въ 1872),—а между тѣмъ усиленіе милитаризма послѣ 1870—71 г. не могло не коснуться и Италіи, такъ какъ потребовалось введеніе всеобщей и обязательной воинской повинности, и вообще сознана была необходимость реорганизаціи арміи по прусскому образцу [2]). Однимъ изъ мотивовъ вооруженій, укрѣпленія границъ и постройки вокругъ Рима системы фортовъ было опасеніе за неприкосно-

[1]) Т. V, стр. 691.

[2]) См. выше, стр. 127—128.

венность новой столицы противъ возможной попытки возстановить свѣтскую власть папы.

Вопросъ о новомъ положеніи верховнаго главы католической церкви, лишившагося своихъ владѣній, былъ другою заботою итальянскаго правительства начала семидесятыхъ годовъ. Вопросъ это былъ трудный, не только внутренне-итальянскій, но и международный, поскольку папство является учрежденіемъ универсальнымъ, въ судьбахъ котораго не могли не быть заинтересованными другія страны, въ особенности католическія націи и ихъ правительства. Въ самомъ кабинетѣ сначала не было полнаго единодумія по этому вопросу: Ланца стоялъ за примѣненіе принципа свободы церкви и за удовлетвореніе интересовъ другихъ странъ, Селла — за то, чтобы больше имѣть въ виду домашніе интересы Италіи, которые могутъ требовать нѣкоторыхъ репрессивныхъ мѣръ. Въ концѣ концовъ восторжествовала первая точка зрѣнія, что̀ и привело къ принятію итальянскимъ парламентомъ 13 мая 1871 г., еще до перевода его изъ Флоренціи въ Римъ [1]), „закона о гарантіяхъ“. Этимъ закономъ за особой папы обезпечивалась такая же неприкосновенность, какая принадлежала и королю, съ предоставленіемъ папѣ права и на вооруженную охрану. Въ обладаніи папы, съ своего рода экстерриторіальностью, были оставлены Ватиканскій и Латеранскій дворцы въ самомъ Римѣ, а внѣ Рима лѣтняя резиденція папъ на берегу Альбанскаго озера, Кастель-Гандольфо, причемъ правительство должно было уплачивать папѣ ежегодную пенсію въ 3.220.000 лиръ. Гарантировалась и полная независимость папства въ его универсальной сущности, т.-е. свобода выбора новаго папы конклавомъ, свобода созыва соборовъ, безпрепятственность сношеній съ католическимъ духовенствомъ во всемъ мірѣ и съ иностранными государями посредствомъ дипломатическихъ миссій и т. п. Въ самой Италіи за папою сохранялась полная духовная власть съ правомъ издавать буллы и другія обращенія къ вѣрнымъ безъ правительственной цензуры, назначать епископовъ,—отъ которыхъ даже не требовалось присяги свѣтской власти, не то, что утвержденія ею епископовъ въ ихъ должностяхъ,—оставаться высшимъ руководителемъ разныхъ духовныхъ учрежденій и т. п.

Пій IX и слышать не хотѣлъ о такомъ „нечестивомъ, нелѣпомъ и безумномъ“ законѣ, изданномъ „подальпійскимъ (subalpino) парламентомъ“. Его энциклика, датированная 15 мая 1871 г., была формальнымъ и торжественнымъ протестомъ противъ нарушенія его правъ. Онъ объявилъ себя „узникомъ“ въ Ватиканѣ, отказался отъ ка-

---

[1]) Въ силу закона 26 января 1871 г., сдѣлавшаго Римъ столицей королевства.

кихъ бы то ни было сношеній съ агентами „узурпатора“ и запретилъ вѣрнымъ чадамъ церкви принимать участіе въ выборахъ. На этотъ протестъ не было обращено никакого вниманія: въ іюлѣ 1871 г. въ новую свою столицу торжественно въѣхалъ самъ король [1]) и переселились всѣ министерства, въ ноябрѣ же того же года въ вѣчномъ городѣ въ первый разъ была открыта и сессія итальянскаго парламента. Пій IX до самой своей смерти (7 февраля 1878 г., черезъ мѣсяцъ послѣ кончины Виктора-Эммануила) оставался непримиримымъ противникомъ „Субальпинскаго“ королевства,—отношеніе, которое было унаслѣдовано и его преемникомъ, Львомъ XIII [2]).

Законъ о гарантіяхъ былъ принятъ, какъ простой законъ, т.-е. ни въ качествѣ дополненія къ конституціи, ни въ качествѣ международнаго договора, который былъ бы только утвержденъ парламентомъ. Въ Италіи было немалое опасеніе, что Франція, пожалуй, вступится за свѣтскую власть. Даже разные неважные факты истолковывались въ этомъ смыслѣ [3]). Въ 1873 г. министерство, проведшее законъ о гарантіяхъ, побитое по поводу одного финансоваго вопроса, уступило мѣсто кабинету Мингетти, гдѣ впервые заговорили о возможности сближенія съ Австріей и Германіей [4]). До него, впрочемъ, было еще далеко. Въ 1875 г. Викторъ-Эммануилъ даже обнаружилъ свое расположеніе къ Франціи во время извѣстнаго эпизода [5]) съ опасностью новой войны между Германіей и Францією. Пока во Франціи въ 1877 г. не побѣдили республиканцы, призракъ „новой“ римской экспедиціи все еще продолжалъ тревожить итальянцевъ.

Кромѣ закона о гарантіяхъ итальянскому правительству при-

---

[1]) „Вотъ мы и въ Римѣ, сказалъ Викторъ-Эммануилъ на привѣтствіе городского головы,—и мы здѣсь останемся“. Королевской резиденціей сдѣлался Квиринальскій дворецъ.

[2]) О положеніи папства подробнѣе см. въ главѣ XX.

[3]) Избраніе Тьера, считавшагося недругомъ итальянскаго объединенія, назначеніе имъ посла при Ватиканѣ, отсутствіе французскаго посла при въѣздѣ Виктора-Эммануила въ Римъ, обсужденіе во французскомъ національномъ собраніи епископской петиціи въ пользу возстановленія свѣтской власти папы (ср. выше, стр. 202), удержаніе въ Чивитта-Веккіи французскаго военнаго судна, которое могло бы служить убѣжищемъ для папы, переходъ власти во Франціи, въ 1873 г., къ клерикаламъ и образованіе министерства Broglie (см. стр. 201 и слѣд.), внезапный отзывъ французскаго посланника при Квириналѣ, Фурнье, личнаго друга Виктора-Эммануила, и т. п. *Lavisse et Rambaud*, т. XII, стр. 285—286.

[4]) Въ 1873 г. Францъ-Іосифъ пригласилъ Виктора-Эммануила въ Вѣну на всемірную выставку; по настоянію Мингетти онъ принялъ приглашеніе и, кромѣ того, посѣтилъ Берлинъ. Отвѣтные визиты послѣдовали въ 1875 г. Ср. выше, стр. 120.

[5]) См. выше, стр. 120—122.

шлось улаживать и другія церковныя дѣла. Въ 1872 и 1873 гг. итальянскій парламентъ уничтожилъ теологическіе факультеты въ государственныхъ университетахъ и распространилъ на Римскую область дѣйствіе ранѣе изданнаго закона о закрытіи религіозныхъ конгрегацій и отобраніи въ казну ихъ имуществъ [1]). Въ 1873 г. въ палату депутатовъ былъ внесенъ законопроектъ о введеніи обязательнаго гражданскаго брака, но обсужденіе его было отложено въ виду сильнаго возбужденія, вызваннаго этимъ законопроектомъ [2]). Подобные законы или проекты тѣмъ легче возникали, что при воздержаніи католиковъ отъ выборовъ клерикализмъ не могъ имѣть многочисленныхъ представителей въ палатѣ. Только въ 1872 г. въ Неаполѣ, а въ 1874 и въ другихъ мѣстахъ (на этотъ разъ по постановленію съѣзда католическихъ ассоціацій) католики стали участвовать въ муниципальныхъ выборахъ, чтобы проводить въ мѣстныя управленія сторонниковъ духовной начальной школы. По этому послѣднему предмету уже въ министерство Депретиса-Никотеры былъ изданъ законъ, вводившій обязательное обученіе дѣтей извѣстнаго возраста (отъ 6 до 9 лѣтъ) вездѣ, гдѣ для этого имѣется достаточное количество школъ, но безъ обязательности уроковъ закона Божія. Такъ какъ, однако, правительство располагало лишь незначительными средствами для открытія новыхъ школъ, а старыхъ было въ общемъ недостаточно, то оговорка о факультативности была весьма существеннымъ пунктомъ новаго закона о народномъ образованіи, для послѣдняго невыгоднымъ. Тѣмъ не менѣе народная безграмотность, составляющая одно изъ культурныхъ золъ Италіи, стала все-таки уменьшаться. Въ 1871 г. болѣе половины новобранцевъ (56%) были безграмотными, въ 1881 г.—уже меньше половины (47%), причемъ пониженіе выразилось девятью процентами, но какъ медленно шло это пониженіе и въ слѣдующемъ десятилѣтіи, видно изъ того, что въ 1891 г. все еще сорокъ новобранцевъ изъ ста не умѣли читать и писать. Во всякомъ, однако, случаѣ, законъ 1877 г. имѣлъ важное принципіальное значеніе, потому что придавалъ школѣ свѣтскій характеръ. Если мы примемъ въ расчетъ только-что упомянутые законы, имѣвшіе своею цѣлью ослабленіе вліянія духовенства на народъ, то должны признать, что и въ Италіи въ годы церковной борьбы въ Германіи происходилъ свой культуркампфъ, менѣе громкій, притомъ не оставшійся безъ вліянія на послѣдовавшее сближеніе Италіи съ Германіей. Разница сводилась къ тому, что въ германскомъ народномъ представительствѣ была сильная клерикальная партія, какой въ Италіи, при воздержаніи католиковъ отъ выборовъ, не было.

---

[1]) См. Т. V, стр. 681 и выше, стр. 339.

[2]) Онъ былъ принятъ въ 1878 г.

Пій IX оставался непреклоннымъ на счетъ „ne elettori, ne eletti“, и только его преемникъ, Левъ XIII, снялъ этотъ запретъ. Другая разница между германскимъ и итальянскимъ культуркампфомъ заключалась въ томъ, что по многимъ пунктамъ итальянскому правительству приходилось быть уступчивѣе германскаго по той простой причинѣ, что его положеніе было болѣе щекотливымъ и требовало большей осторожности: для Германіи папа былъ иностранцемъ, тогда какъ Италія была его отечествомъ, страною, гдѣ онъ жилъ, и тамошнему правительству нужно было оберегать себя отъ упрековъ въ лишеніи папы возможности исполнять обязанности главы церкви; провозглашеніе принципа „свободной церкви въ свободномъ государствѣ“ все-таки обязывало и не позволяло стать на точку зрѣнія подчиненія церкви государству. Вотъ почему итальянское правительство не было такъ ревниво-строго, какъ нѣмецкое, въ вопросѣ замѣщенія епископскихъ каѳедръ, предоставивъ папѣ въ этомъ дѣлѣ совершенную свободу и не обращая вниманія на случаи некорректнаго поведенія духовныхъ лицъ. Неутвержденіе Викторомъ-Эммануиломъ въ угоду Пію IX закона, лишавшаго семинаристовъ льготы по отбыванію воинской повинности, показываетъ, что уступчивость могла идти и со стороны самого короля.

У объединенной въ формѣ конституціоннаго королевства Италіи, кромѣ католическаго клира, были внутренніе враги и въ лицѣ республиканцевъ. Старый вождь „Молодой Италіи“, Мадзини, скончался въ 1872 г. Послѣ того, какъ въ 1867 г. Викторъ-Эммануилъ принялъ противъ Гарибальди суровыя мѣры по поводу его римскаго предпріятія [1]), Мадзини сталъ доказывать полную непримиримость стремленій итальянской демократіи съ правленіемъ Виктора-Эммануила и съ особымъ рвеніемъ агитировалъ за республику. Онъ не воспользовался и амнистіей 1866 г., чтобы вернуться на родину, гдѣ его неоднократно выбирали въ парламентъ. Онъ поѣхалъ-было только въ Сицилію, когда тамъ въ 1870 г. вспыхнуло республиканское возстаніе, но былъ арестованъ на пути и отправленъ въ Гаэту, откуда его, впрочемъ, черезъ два мѣсяца выслали за границу. Послѣдніе годы онъ жилъ въ итальянской Швейцаріи (въ Лугано) и издавалъ газету „La Roma del popolo“, но умеръ въ Пизѣ, возвращаясь на родину. Викторъ-Эммануилъ не воспротивился отданію патріоту-республиканцу посмертныхъ почестей, хотя торжественныя его похороны (въ Генуѣ) не могли не получить характера республиканской демонстраціи. Гарибальди прожилъ послѣ превращенія Рима въ столицу Италіи немного болѣе десяти лѣтъ (онъ умеръ въ 1882 г.), но уже больной и старый. И по отношенію къ этому народному герою „король-джентльменъ“

[1]) Т. V, стр. 695.

старался держать себя самымъ корректнымъ образомъ. Онъ очень хлопоталъ о томъ, чтобы снять съ Италіи упрекъ, что она не съумѣла избавить такого человѣка, какъ Гарибальди, на склонѣ его дней отъ стѣсненнаго матеріальнаго положенія. Въ 1874 г. парламентъ назначилъ Гарибальди большую денежную ренту, но тотъ ее отклонилъ въ виду плохого состоянія итальянскихъ финансовъ, и лишь два года спустя собственная его семья настояла на томъ, чтобы онъ принялъ эту пенсію. И Мадзини, и Гарибальди были такимъ образомъ слишкомъ стары, чтобы играть крупную политическую роль. Криспи, пользовавшійся долгое время значеніемъ среди республиканцевъ [1]), еще въ шестидесятыхъ годахъ перешелъ на сторону монархіи, когда произнесъ сдѣлавшіяся знаменитыми слова: „монархія насъ соединяетъ, республика раздѣляетъ“. Самою видною фигурою среди парламентскихъ республиканцевъ сдѣлался впослѣдствіи поэтъ и драматургъ Кавалотти, родомъ изъ Милана, страстный противникъ австрійцевъ, гарибальдіецъ, потомъ публицистъ, громившій итальянское правительство, съ 1873 г. депутатъ, ставшій однимъ изъ самыхъ видныхъ ирредентистовъ. Среди итальянскихъ демократовъ было всегда сильно тяготѣніе къ Франціи, и оно могло только еще усилиться, когда во Франціи окончательно побѣдила республика. Наоборотъ, къ Австріи, подъ „игомъ“ которой еще оставались итальянцы южной части Тироля и Тріеста, тяготившіеся германизаторской политикой вѣнскаго правительства, итальянскіе демократы продолжали питать прежнюю ненависть. Они не думали о возвращеніи Ниццы и Савойи или о присоединеніи Тессина, но южный Тироль и Тріестъ,—на которые виды были еще у Кавура,—по мнѣнію итальянскихъ демократовъ, должны были быть отняты у Австріи. Кромѣ того, они съ неудовольствіемъ взирали и на новую Германскую имперію, сдѣлавшуюся союзницей

[1]) Во время сицилійской революціи 1848 г. онъ былъ членомъ временнаго правительства и депутатомъ, но послѣ подавленія революціи спасся бѣгствомъ за границу. На родину онъ пріѣзжалъ дважды съ большою для себя опасностью въ 1859 г. и въ это время училъ сицилійскихъ революціонеровъ приготовлять разрывные снаряды. Кромѣ того, онъ былъ иниціаторомъ и участникомъ сицилійскаго предпріятія Гарибальди (т. V, стр. 688), который даже сдѣлалъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Перешедши на сторону монархіи, Криспи продолжалъ, однако, оставаться представителемъ крайнихъ лѣвыхъ взглядовъ и нападалъ на правительство за его отношеніе къ Гарибальди. Это нужно помнить, когда будетъ идти рѣчь о Криспи, какъ министрѣ (въ главѣ XVIII), а также имѣть въ виду, что въ 1848 г. и много позднѣе онъ проповѣдовалъ братство народовъ и необходимость защищать слабыя государства отъ насилій. См. о немъ соч. *V. Riccio* (1887), *Narjoux* (1890), *F. Cavalloti* (L'Italia sotto Crispi e la democrazia, 1891), *Hans Barth'a* (1893), *Margiotta* (Fr. Crispi, son oeuvre néfaste, 1898) и *Stillmann* (Fr. Crispi, insurgent, exile, revolutionist and statesman, 1899).

Австріи и во внутренней своей жизни укрѣплявшей не тѣ порядки, которые могли быть симпатичны радикальной демократіи. Понятно, что поѣздка короля, въ 1873 г., въ Вѣну и въ Берлинъ [1]) возбудила большое неудовольствіе среди итальянскихъ республиканцевъ, только еще усилившееся, когда стало замѣчаться все большее и большее сближеніе Виктора-Эммануила съ обоими нѣмецкими императорами. Раздраженіе противъ Австріи увеличилось въ 1878 г., послѣ того, какъ берлинскій конгрессъ наградилъ монархію Габсбурговъ новою областью [2]).

Къ этому времени и относится начало движенія, получившаго названіе ирредентизма [3]), поставившаго своею цѣлью искупленіе или освобожденіе итальянскихъ братьевъ изъ-подъ власти Австріи. Въ 1878 г. въ Италіи происходили ирредентистскіе митинги подъ предсѣдательствомъ Кавалотти, Менотти Гарибальди (сына народнаго героя) и другихъ вождей демократіи. Депретисъ, самъ когда-то гарибальдіецъ, боролся съ этимъ движеніемъ разными полицейскими мѣрами, но когда у власти былъ Кайроли, онъ относился къ движенію снисходительно, чѣмъ и вызывалъ противъ себя нареканія. Мы сейчасъ будемъ еще говорить о проявленіяхъ въ Италіи конца семидесятыхъ годовъ народнаго недовольства, вызывавшагося экономическими причинами, а пока отмѣтимъ, что это недовольство было хорошею почвою для революціонной агитаціи. Въ 1878 году, въ томъ самомъ, въ которомъ было два покушенія на жизнь Вильгельма I [4]), подвергся покушенію и только что начавшій царствовать въ Италіи Гумбертъ I. Именно, 17 ноября король съ министромъ Кайроли проѣзжалъ въ открытой коляскѣ по улицамъ Неаполя, когда нѣкто, по имени Пассананте, бросился на Гумберта I съ кинжаломъ. Хотя министръ принялъ ударъ на себя и даже былъ раненъ, это не спасло его отъ нареканій въ попустительствѣ по отношенію къ демократической агитаціи. За этимъ покушеніемъ послѣдовалъ рядъ другихъ преступленій, изъ которыхъ нѣкоторые такъ или иначе были направлены противъ Австріи. Такъ, въ 1882 г. въ Австріи одинъ итальянскій студентъ съ нѣмецкой фамиліей Оберданка дѣлалъ приготовленія къ убійству Франца-Іосифа, за что̀ подвергся казни; въ память Оберданка его имя стали принимать ирредентскіе кружки въ Италіи. Въ подобномъ же преступленіи обвиняли въ Австріи одного итальянца-аптекаря, но онъ спасся бѣгствомъ въ Италію, гдѣ былъ оправданъ судомъ присяжныхъ. Къ той же категоріи проявленій ненависти къ Австріи относится случай съ под-

[1]) См. выше, стр. 120 и 345.
[2]) См. ниже, въ главѣ XII.
[3]) См. выше, стр. 343.
[4]) См. выше, стр. 291—292.

брошеннымъ подъ зданіе австрійскаго посольства въ Римѣ разрывнымъ снарядомъ (1883). Подобнаго рода эпизоды одно время даже очень мѣшали установленію хорошихъ отношеній между вѣнскимъ и римскимъ правительствами.

Недовольство народной массы въ Италіи, о которомъ мы упомянули, было слѣдствіемъ ея тяжелаго матеріальнаго положенія, являвшагося, правда, наслѣдіемъ стараго режима, но не обращавшаго на себя достаточно вниманія и при новомъ режимѣ [1]). Народъ изнывалъ подъ тяжестью налоговъ и съ особенною ненавистью относился къ пошлинѣ на помолъ. Когда лѣвая была въ оппозиціи, она только и дѣлала, что спрашивала, скоро ли правительство сочтетъ возможнымъ отмѣнить этотъ налогъ, но очутившись сама у власти въ 1876 г., не знала, гдѣ же найти болѣе 75 милліоновъ ливровъ, получавшихся казною съ населенія въ видѣ указанной пошлины. Между тѣмъ экономная политика правой привела къ тому, что дефициты изъ бюджета исчезли, а потомъ начались и превышенія доходовъ надъ расходами— милліоновъ въ десять и даже больше въ годъ, а въ 1881 г. и прямо въ 21 милліонъ. Это улучшеніе финансоваго положенія позволило министерству провести въ палатахъ полную отмѣну пошлины за помолъ съ возмѣщеніемъ получавшагося отъ нея дохода другими косвенными налогами [2]). На общее улучшеніе финансоваго положенія Италіи указывало и то, что въ 1881 г. сдѣлалась возможною отмѣна принудительнаго курса бумажныхъ денегъ. Въ исторіи итальянскихъ финансовъ это было временемъ процвѣтанія, за которымъ съ 1884 г. послѣдовалъ періодъ, наоборотъ, быстраго паденія по наклонной плоскости дефицитовъ.

Благополучіе государственнаго казначейства еще не обозначаетъ благополучія среди самого населенія. Пользуясь его недовольствомъ противъ правительства, ничего не дѣлавшаго для подъема народнаго благосостоянія, въ массахъ довольно дѣятельно агитировали и республиканцы и Интернаціоналы. Въ Италіи особенно энергично и успѣшно велась бакунинская пропаганда [3]). 1873 годъ оказался очень тяжелымъ въ экономическомъ отношеніи вслѣдствіе постигшаго Италію недорода. Въ 1874 г. страну охватило народное движеніе, выразившееся въ стачкахъ, которыя были здѣсь почти что новостью, и въ безпорядкахъ по поводу дороговизны съѣстныхъ припасовъ. Вотъ этимъ народнымъ броженіемъ и задумали воспользоваться какъ республиканцы, такъ и интернаціоналисты, среди которыхъ особенно

---

[1]) См. выше, стр. 338—339.

[2]) На водку, керосинъ и дворянскіе титулы (!).

[3]) См. выше, стр. 78—79.

видную роль игралъ Кафіеро, большой поклонникъ Бакунина, отдавшій на дѣло революціи свои очень большія денежныя средства. Дѣло подготовленія возстанія велось въ тайнѣ, но полиція выслѣдила заговорщиковъ-республиканцевъ и многихъ изъ нихъ арестовала. Мѣстомъ начала возстанія бакунинская партія назначила Болонью, куда явился и самъ Бакунинъ: были въ окрестностяхъ города заготовлены ружья и патроны, въ самомъ городѣ — матеріалы для быстраго сооруженія баррикадъ, и на сторонѣ заговорщиковъ были два унтеръ-офицера, обѣщавшіе открыть арсеналъ; конечно, былъ выработанъ и планъ внезапнаго ночного нападенія на Болонью. Какой-то доносчикъ предупредилъ начальство, заговоръ не удался, Бакунину пришлось спасаться бѣгствомъ. Подготовлявшіяся вспышки инсуррекціи и въ другихъ мѣстахъ тоже потерпѣли неудачу. Движеніе окончилось полнымъ пораженіемъ: начались репрессіи, аресты, высылки, закрытія демократическихъ обществъ, потомъ судебные процессы, обвинительные приговоры и спеціальныя гоненія на Интернаціоналъ. Въ 1877 г. сдѣлана была новая инсуррекціонная попытка въ Южной Италіи („беневентская банда“), и независимо отъ нея во многихъ мѣстахъ происходили народныя волненія по поводу дороговизны съѣстныхъ припасовъ, безработицы и т. п. Революціонныя организаціи все время не прекращали своей дѣятельности, продолжая агитировать, устраивать повстанческія банды и т. п., все еще подъ знаменемъ бывшаго Интернаціонала. Пассананте, совершившаго покушеніе на короля, онѣ не считали своимъ, но его покушеніе послужило поводомъ для новыхъ обысковъ, арестовъ и репрессій, особенно послѣ того, какъ кто-то бросилъ орсиніевскую бомбу въ процессію, выражавшую на улицахъ Флоренціи радость по поводу спасенія короля отъ руки убійцы, и въ результатѣ были убитые и раненые. Это новое преступленіе приписали интернаціоналистамъ, тогда какъ сами они готовы были видѣть въ брошенной бомбѣ лишь полицейскую провокацію. По этому дѣлу были и осужденные. Это революціонное движеніе въ Италіи семидесятыхъ годовъ преимущественно шло подъ знаменемъ Интернаціонала въ его бакунинскомъ, анархистскомъ пониманіи. Итальянскія народныя массы хватались за революціонные лозунги интеллигентныхъ интернаціоналистовъ, думая путемъ возстаній добиться улучшенія своего положенія, но силѣ недовольства въ этихъ массахъ совершенно не соотвѣтствовали ни степень разумѣнія цѣлей и средствъ, ни степень организованности и дисциплины: пожалуй, даже ничего этого не было. Мало-по-малу и въ интеллигентныхъ вожакахъ революціи, и въ увлеченныхъ ихъ обѣщаніями рабочихъ стало проявляться разочарованіе: первые впослѣдствіи начали все болѣе и болѣе переходить на сторону „научнаго соціализма“ Маркса, другіе — возлагать свои надежды на

профессіональныя организаціи. Восьмидесятые годы въ исторіи соціальнаго движенія въ Италіи рѣзко отличаются поэтому отъ семидесятыхъ, хотя анархизмъ, появившійся здѣсь въ семидесятыхъ годахъ, далъ еще немало яркихъ проявленій и послѣ 1880 года [1]).

XI. Борьба національностей въ Австро-Венгріи послѣ введенія дуализма [1]).

Централизмъ, дуализмъ и федерализмъ въ монархіи Габсбурговъ. — Сложность исторіи этой монархіи въ послѣдней трети XIX вѣка. — Вліяніе германской политики съ 1871 г. на внутреннюю жизнь Австро-Венгріи.—Министерство Андраши.—Выгодное для Венгріи положеніе, какое она заняла въ монархіи послѣ установленія дуализма.—Мадьяризація населенія Венгріи.—Слабость вѣнскаго рейхсрата, раздѣленнаго на національныя партіи.—Замѣна Гогенварта Ауэрспергомъ въ австрійскомъ министерствѣ.—Избирательные порядки въ Австріи и реформа 1873 г.—Историческія права и національныя стремленія отдѣльныхъ габсбургскихъ коронныхъ земель. — Мѣстныя политическія партіи. — Чешско-нѣмецкія отношенія въ Богеміи. — Перипетіи вопроса о Пражскомъ университетѣ. — Польско-русинскія отношенія въ Галиціи.

Самымъ сложнымъ и запутаннымъ, а потому и самымъ труднымъ внутреннимъ вопросомъ монархіи Габсбурговъ со времени превра-

---

[1]) Исторія Италіи въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ разсматривается въ главѣ XVIII.

[1]) Для исторіи Австріи, до 1866 г. входившей въ составъ Германіи, съ конца сороковыхъ до середины шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка см. главы XXI—XXIII и XXVIII пятаго тома „Исторіи Западной Европы“, равно какъ соотвѣтствующій отдѣлъ въ первой главѣ настоящаго тома, стр. 8 — 18, гдѣ даны и указанія на литературу по австро-венгерскому конституціонализму. Для эпохи, разсматриваемой въ настоящей главѣ и въ главѣ XIX см. *Mischler-Ulbrich.* Oesterreichisches Staatswörterbuch.—*Gustav Kolmer.* Parlament und Verfassung in Oesterreich (въ пяти томахъ разсмотрѣны періоды: 1848—69, 1869—79, 1879—85, 1885—91 и 1891—95).—*Rogge.* Oesterreich seit der Katastrophe Beust-Hohenwart (1879).—*Dr. D. Rauter.* Gesch. Oesterreichs von 1848—1890. Skizze mit besonderer Berücksichtigung der Verfassungsentwickelung (1891). — *R. Charmatz.* Oesterreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907 (въ первой, только что вышедшей въ свѣтъ части изложеніе доведено до 1879 г.).—*Dantscher.* Der monarchische Bundesstaat Oesterreich-Ungarn (1880).—*L. Gumplowicz.* Das oesterr. Staatsrecht (1891).—*C. S. Whitman.* The realm of the Habsburgs (1893).—*K. Kramář.* L'avenir de l'Autriche („Rev. de Paris“ за 1898 г.).—*Springer.* Grundlagen und Entwickelungsziele der Oest.-Ung. Monarchie (1906).—*Fr. v. Wieser.* Ueber Vergangenheit und Zukunft der oesterreichischen Verfassung (1908). Послѣднія три работы имѣютъ публицистическое значеніе.—По исторіи спеціально „Ausgleich'a“ съ семидесятыхъ годовъ: Ungarn und Deutschland. Zwanglose Hefte zur Vermittelung des richtigen Verständnisses zwischen beiden Nationen (1872).—*Gr. Leo Thun.* Zur Revision des ungarischen Ausgleiches (1877).—*B. Helfert.* Revision des ungarischen

щенія ея въ двуединую Австро-Венгрію,—какъ, впрочемъ, и прежде,—былъ вопросъ національностей. Уже въ 1848 г. въ вѣнскомъ учреди-

---

Ausgleiches (1876).—*Karel Adamek.* Uhry a Rakousko. Národohospodářské a statistické rozhledy (1891). — *Fr. Fiedler.* Rakousko-uherska vyrovnávi po r. 1878 (1903).—*Springer.* Die Krise des Dualismus und das Ende der Deákistischen Episode in der Geschichte der Habsburgischen Monarchie (1904).—*K. Roenner.* Die Krise des Dualismus (1904; брош.).—*Count A. Apponyi.* A brief sketch of the Hungarian constitution and the relations between Austria and Hungary (1908).—Особенно богата литература по этнографіи Австро-Венгріи: Die Völker Oesterreich-Ungarns (1881 и слѣд.).—*B. Auerbach.* Les races et les nationalités en Autriche (1898).—*Т. Флоринскій.* Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства (1907).—Въ первомъ томѣ указаннаго на стр. 8 и 9 сборника подъ заглавіемъ „Česká politika" для вопроса объ австро-венгерскихъ національностяхъ есть очень обстоятельныя статьи: 1) „Rakousko-Uhersko po stránce národnostní", первую часть которой, историческую, написали *Lubor Niederle* и *Fr. Hýbl*, а вторую, статистическую,—*Т. Živansky*, и 2) „Narodnostní a jazyková otázka v Rakousko-Uhersku", первая половина которой (о Цислейтаніи) написана *Ed. Koerner'омъ*, вторая—*К. Kadlec'омъ*. Обѣ статьи — съ богатыми указаніями на научную и публицистическую литературу. Кромѣ того, укажемъ по національному (и языковому) вопросу въ монархіи Габсбурговъ: *J. A. Helfert.* Die sprachliche Gleichberechtigung in der Schule und deren verfassungsmässige Behandlung (1861). — *Jos. Frhr. von Eötvös.* Die Nationalitäten-Frage (1865; пер. съ венг. рукоп.).—*General Türr.* Die Nationalitätenfrage in ihrem Zusammenhange mit der Wehrfrage (1868).—*Dr. Ad. Fischhof.* Der oester. Sprachenzwist (1888).—Sine ira. Der sogenannte Sprachenkampf in Oesterreich. (1888). Die Verfassung als die Quelle des Nationalitätenhaders in Oesterreich. Studie eines *Patrioten* (1897).—*Madeyski.* Die Nationalitätenfrage (1898).—*Onciul.* Zur oesterreichischen Sprachenfrage (1898).—*Czernin.* Der Nationalitäten- und Sprachenstreit in Oesterreich (1900).—*С. Лозинскій.* Политическія партіи и національный вопросъ въ Австріи (1907). — *Walter Schücking.* Das Nationalitätenproblem. Eine politische Studie über die Polenfrage und die Zukunft Oesterreich-Hungarns (1908).—*R. Springer* (псевдонимъ *К. Рённера*, пишущаго еще подъ псевдонимомъ *Синоптикуса*), авторъ названной выше книги „Grundlagen" и пр., по національному вопросу написалъ: „Der Kampf der oesterreichischen Nationen um den Staat" (Русск. пер., *Р. Шпрингеръ*. Національная проблема. Борьба національностей въ Австріи, 1909) и *Synopticus.* Staat und Nation (два русск. пер. *Вл. Жаботинскаго* и *М. Ратнера*, 1907). Между прочимъ, спеціально трактуютъ вопросъ съ соціалистической точки зрѣнія: *Фр. Геръ*. Соціализмъ и національный вопросъ (ст. въ сборникѣ „Задачи соціалистической культуры", 1907; есть и въ отд. оттискѣ). — *О. Бауеръ*. Національный вопросъ и соціалъ-демократія (1908). Можно назвать еще рядъ публикацій по вопросу о положеніи и значеніи нѣмецкаго элемента въ монархіи Габсбурговъ: *T. W. Teifen.* Die Besitzenden und die Besitzlosen in Oesterreich (1906; есть русск. пер. 1907 г.).—*Dr. Ad. Fischhof.* Oesterreich und die Bürgschaften seines Bestandes (1869). — Die Deutschen in Oesterreich. Ihre nationale Stellung und ihre politischen Aufgaben (1879).—*K. Julius.* Die Deutschen in Oesterreich-Ungarn und ihre Bedeutung für die Monarchie (1879). — *Dr St. Poray Ritter v. Madeyski.* Die deutsche Staatssprache oder Oesterreich ein deutscher Staat (1884). — Die Deutschen im Nationa-

тельномъ сеймѣ, въ которомъ не было представителей ни Венгріи, ни Ломбардо-Венеціанскаго королевства, насчитывалось восемь національностей: нѣмцы, чехи, сербо-хорваты (изъ Далмаціи), словенцы, поляки, русины (изъ Галиціи), итальянцы (изъ Истріи) и валахи (изъ Буковины), и уже здѣсь обнаружился сильный антагонизмъ между нѣмецкою, до того времени господствовавшею національностью, и славянскими народностями [1]), которыя раньше находились въ подчиненномъ положеніи, но уже начали возрождаться къ исторической жизни [2]) и въ сеймѣ 1848 г. имѣли даже большинство. До революціи сорокъ восьмого года австрійское правительство держалось строго централистической и германизаторской политики, вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживая междуплеменныя распри среди отдѣльныхъ частей населенія. Въ такой тактикѣ, пожалуй, заключалась чуть не вся государственная мудрость эпохи. „Мои народы, говорилъ первый „австрійскій“ императоръ, Францъ I, французскому послу,—мои народы чужды одинъ другому, но тѣмъ лучше... Я посылаю венгровъ въ Италію, а итальянцевъ въ Венгрію, и каждый стережетъ своего сосѣда. Они не понимаютъ другъ друга и другъ друга ненавидятъ. Изъ ихъ антипатіи другъ къ другу рождается порядокъ, и ихъ взаимная ненависть служитъ основаніемъ общаго мира“ [3]). Извѣстно, какую выгоду извлекла династія Габсбурговъ изъ ненависти однихъ ея подданныхъ къ другимъ, и насколько междуплеменный антагонизмъ способствовалъ продленію абсолютизма въ Австріи. И для установленія въ этой монархіи

---

litäten-Staat Oesterreich (1887).—*Hainisch.* Die Zukunft der Deutsch-Oesterreicher (1892).—*Herkner.* Книга съ тѣмъ же заглавіемъ (1893).—*Weil.* Le pangermanisme en Autriche. Наконецъ, для исторіи Венгріи, ея устройства и мадьяризаціи славянъ: *A. Patterson.* The Magyars, their country and its institutions (1870).—*A. de Bertha.* La Hongrie moderne, de 1849 à 1901.—*A. Sinković.* Kroatien auf der Marterbank oder wichtige Enthüllungen über die politische Action der ungarisch-kroatischen Regierung in jüngst verflossener Zeit (1872).—*Г. А. де Волланъ.* Мадьяры и національная борьба въ Венгріи (1877).—Aeltere und neuere Magyarisirungs-Versuche in Ungarn mit besonderer Rücksicht auf die Slovaken (1876).—*Pič.* Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht (1882).—Die magyarische Staatsidee, Kirche und Nationalitäten in Ungarn. Geschildert von einem Slovaken (1887).—*Karel Kàlal.* O mad'arizaci Slovenska („Osvěta“ за 1898).—*Gr. J. Mailàt.* Hungaricae res: I. Die Nationalitäten in Ungarn. II. Ungarn und Oesterreich. III. Ungarn und Kroatien (1908).—*Scotus Viator (Seton Watson).* Racial problems in Hungary (1908). См. также книжку *Mercator'a*, на которую ссылки дѣлаются ниже. Соч. по исторіи чеховъ, поляковъ и русиновъ въ Австріи указывается ниже.

[1]) Т. V, стр. 543 и слѣд.

[2]) См. въ V томѣ главу XVII (о славянскомъ возрожденіи въ первой половинѣ XIX в.).

[3]) Ср. т. IV, стр. 358—359.

конституціоннаго режима вопросъ національностей создавалъ не мало затрудненій, тѣмъ болѣе, что правительство долго не могло рѣшительно стать на опредѣленную точку зрѣнія относительно этого вопроса. Династія Габсбурговъ, одна изъ старѣйшихъ во всей Европѣ, была династіей чисто нѣмецкаго происхожденія и всѣмъ своимъ прошлымъ была связана съ германизмомъ. Уже Іосифъ II въ концѣ XVIII в. серьезно занялся германизаціей не-нѣмецкихъ частей своей монархіи [1]), а съ начала XIX в., когда эта монархія, бывшая до того времени конгломератомъ королевствъ и княжествъ, превратилась въ единую Австрійскую имперію [2]), централизмъ и германизація сдѣлались основными директивами ея внутренней политики. За централизмъ стояли и австрійскіе нѣмцы, желавшіе сохранить въ монархіи господствующее положеніе, но эти же самые нѣмцы были либералы и хотѣли конституціи, которой династія, наоборотъ, не хотѣла. Славяне были въ общемъ гораздо консервативнѣе нѣмцевъ и поэтому представляли собою болѣе надежную упору для правительства, которому, однако, съ другой стороны, не могли нравиться ихъ антицентралистическія стремленія.

Особенно сильны были центробѣжныя стремленія въ Венгріи. Не одна Пруссія не всѣми частями своими входила въ составъ Германскаго союза [3]). Восточная его граница совпадала съ старой границей Священной Римской имперіи, въ составъ которой земли короны св. Стефана, т.-е. Венгрія, не входили, какъ, наоборотъ, входили земли короны св. Вацлава, т.-е. Чешское королевство. Богемія, Моравія и оставшаяся за Австріей часть Силезіи прямо считались германскими землями Австріи, ибо издавна составляли часть средневѣковой Римско-Германской имперіи, имѣли мѣстами нѣмецкое населеніе или онѣмеченное дворянство, отчасти и городское сословіе, а послѣ бѣлогорской битвы 1620 г. утратили былую политическую самостоятельность [4]). Въ Венгріи германизація была явленіемъ и болѣе позднимъ, и менѣе развитымъ, да и сеймъ венгерскій не испыталъ той печальной судьбы, какая выпала, наприм., на долю сейма чешскаго. Во всякомъ случаѣ, въ пользу дуалистическаго устройства монархіи существовала болѣе прочная историческая традиція, чѣмъ въ пользу устройства федералистическаго—въ его старомъ значеніи, имѣвшемъ свою опору въ историческихъ правахъ отдѣльныхъ областей, а не въ новомъ значеніи національнаго самоопредѣленія, ведущемъ свое происхожденіе отъ французской революціи съ ея декларацією правъ

[1]) Т. III, стр. 352—353.
[2]) Т. IV, стр. 144.
[3]) См. выше, стр. 226.
[4]) Т. II, стр. 366.

человѣка и гражданина, изъ которой вытекало и право каждаго народа на независимость и свободу или, какъ теперь принято выражаться, на самоопредѣленіе.

Борьба, которую вели противъ централизаціонной политики вѣнскаго правительства ненѣмецкія народности Австріи, была борьбою областного сепаратизма противъ цѣлокупнаго государства (Gesammtstaat) во имя историческаго права, во имя прежнихъ мѣстныхъ привилегій, которыми въ прежнія времена были, въ сущности, привилегіи сословій, пользовавшихся представительствомъ въ земскихъ сеймахъ. Австрійскій федерализмъ на первыхъ порахъ былъ скорѣе федерализмомъ территоріальнымъ, чѣмъ національнымъ, да и въ позднѣйшія времена, наприм., чешскіе національсты стремились не къ равноправію чеховъ и нѣмцевъ въ Богеміи, а къ тому, чтобы на территоріи, границы которой были границами короны св. Вацлава, господствовалъ чешскій языкъ и въ тѣхъ притомъ частяхъ этой территоріи, гдѣ населеніе было уже вполнѣ нѣмецкимъ. Федералисты въ Австрійской монархіи стремились больше воскресить историческую старину (напр., былое государственное право, statni pravo Чехіи), чѣмъ создать новыя отношенія. Вѣнскіе централисты смотрѣли на эти стремленія, какъ на областной сепаратизмъ, который уничтожалъ всю историческую работу габсбургскаго государствостроительства, сами игнорируя, однако, что народности, имѣющія собственные языки и культурныя особенности, равно какъ и свои историческія преданія, не могутъ быть втиснуты въ однообразныя рамки, какія на нихъ накладывалъ германизаторскій централизмъ.

И въ концѣ сороковыхъ годовъ, и въ началѣ шестидесятыхъ австрійское правительство колебалось между принципами централизма, дуализма и федерализма, пока своего рода компромиссомъ между ними не явилась конституція 1867 г., ставшая на точку зрѣнія дуализма по отношенію ко всему составу монархіи, а по отношенію къ австрійской ея половинѣ создавъ нѣчто среднее между централизмомъ и федерализмомъ [1]). По крайней мѣрѣ ни то, ни другое начало не получило въ австрійской конституціи преобладающаго значенія.

Все это должно было найти свое фактическое выраженіе въ крайней сложности исторіи монархіи Габсбурговъ въ послѣдней трети XIX в. и, конечно, въ наши также дни. Выступая во внѣшней политикѣ [2]), какъ монархія, руководимая единою волею, во внутренней

---

[1]) См. выше, стр. 11—12.

[2]) *K. Kramař.* Rakouská zahraniční politika v XIX stol. (въ изд. „Ceská Politika“, т. I, стр. 89—180, гдѣ разсматривается время „od bitvy u Sedanu do doby nejnovější“).—*R. Charmatz.* Deutsch-österreichische Politik. Studien über Liberalismus und über die auswärtige Politik Oesterreichs (1907).—*A. Ché-*

своей жизни это государство оправдываетъ свое двойственное, съ 1867 г., названіе „Австро-Венгріи", причемъ своя, такъ сказать, отдѣльная исторія есть не только у каждой изъ этихъ двухъ половинъ монархіи, но имѣютъ свою особую исторію и ихъ взаимныя отношенія: одно — исторія того соглашенія, которое между Австріей и Венгріей установила конституція 1867 г., другое—внутренняя исторія одной Австріи, третье, совсѣмъ особое — внутренняя исторія одной Венгріи. На этомъ дѣло не останавливается: кромѣ исторіи 1) общей австро-венгерской внѣшней политики и 2) взаимныхъ отношеній между Австрійской имперіей и Венгерскимъ королевствомъ, равно какъ отдѣльно взятыхъ исторій, 3) австрійской и 4) венгерской, и въ каждой изъ двухъ послѣднихъ,—въ особенности же въ первой изъ нихъ,—нужно еще принимать въ расчетъ исторіи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ „королевствъ и земель", населенныхъ разными національностями. Въ современной Германской имперіи мы тоже, кромѣ исторіи ея, какъ единаго цѣлаго, можемъ еще интересоваться болѣе мѣстной исторіей Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, Вюртемберга, Бадена и т. д., тѣмъ болѣе, что все это, какъ-никакъ, отдѣльныя государства, имѣющія особыхъ монарховъ и свои парламенты, тогда какъ въ Австро-Венгріи государь—одинъ и если въ монархіи два парламента, то всѣ эти Богеміи, Галиціи, Хорватіи имѣютъ лишь областные сеймы, лишенные политическаго значенія. А между тѣмъ въ Германіи въ одномъ отношеніи гораздо больше единства, чѣмъ въ Австро-Венгріи. Пусть въ Германской имперіи около двухъ десятковъ государей, столицъ и парламентовъ, но все-таки это — единая нація, какія бы племенныя отличія ни существовали въ нѣмецкой народности и какъ бы ни былъ еще развитъ мѣстный патріотизмъ съ его партикуляристическими стремленіями. Въ Австрійской имперіи, т.-е. въ Цислейтаніи одинъ монархъ, одна столица, одинъ парламентъ, но цѣлый рядъ народностей съ разнымъ историческимъ прошлымъ, съ глубокими различіями въ настоящемъ и съ очень неодинаковыми стремленіями по отношенію къ будущему. Особенно изъ всей совокупности австрійскихъ земель выдѣляются двѣ ненѣмецкія территоріи, изъ которыхъ одну составляютъ Богемія [1]) и Моравія съ чешскимъ большинствомъ населенія,

---

radame. L'Allemagne, la France et la question d'Autriche (1902).—*Его же.* L'Europe et la question d'Autriche au seuil du vingtième siècle.

[1]) По-русски Богемію можно называть и Чехіей. Первое названіе (нѣм. Boehmen), вообще болѣе распространенное, имѣетъ чисто географическое значеніе, тогда какъ другое (чешское Čechy, т.-е. чехи)—значеніе этнографическое и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можетъ быть распространено и на Моравію (чешск. Morava) съ австрійской Силезіей (чешск. Slezsko); вмѣстѣ взятыя Богемія-Чехія, Моравія и Силезія самими чехами обозначаются, какъ

другую — Галиція [1]) съ населеніемъ наполовину польскимъ, наполовину малорусскимъ (русинскимъ, или украинскимъ). Венгрія тоже заключаетъ въ своемъ составѣ обособленную въ національномъ отношеніи область—Хорватію. Не говоримъ о болѣе мелкихъ народностяхъ обѣихъ половинъ монархіи. Каждая изъ этихъ отдѣльныхъ національностей имѣетъ свою особую внутреннюю исторію, и взаимныя ихъ отношенія какъ въ отдѣльныхъ областяхъ (напр., между нѣмцами и чехами въ Богеміи или поляками и русинами въ Галиціи), такъ и

„чешскія земли", причемъ первая пользуется титуломъ королевства (království), вторая—маркграфства, третья—герцогства (ср. выше, стр. 12). Для внутреннихъ отношеній Чехіи въ этомъ болѣе обширномъ смыслѣ см. спеціально ей посвященный особый томъ извѣстнаго „Научнаго словаря Отта" (Ottuv Slovnik naučny). — Кромѣ того, отсылаемъ къ нѣкоторымъ трудамъ, названнымъ на стр. 8 и 9 (особенно изд. „Česká politika"). — *Jos. Alex. Frhr. von Helfert.* Die böhmische Frage in ihrer jüngsten Phase (1873).—*Adolf Srb.* Bohemicae res. Zur Abwehr deutsch. nationaler Angriffe (1884).—*Его же.* Boj za naše právo národní (1888).—*Его же.* Deutscher Terrorismus bei der Volkszählung in Böhmen im Jahre 1890 (1894).—*Kalousek.* České státní právo (1871; 2 изд. 1892).—*Čelakovský.* České dějiny právné (1892).—*Srb.* Politické dějiny národa českého od roku 1861 až do nastoupení ministerstva Badenova r. 1895 (1899—1901).—*T. Masaryk.* Česká otázka.—*Его же.* Naše nynější krise (1895).—*K. Kramář.* Anmerkungen zur böhmischen Politik (1908; разсматривается 25-лѣтіе отъ Бадени до Кёрбера).—*J. Penížek.* Aus bewegten Zeiten—1895 bis 1905 (1908).—*J. Bourlier.* Les tchèques et la Bohême contemporaine.

[1]) Оффиціальное названіе—„королевство Галиціи и Лодомеріи" и „великое герцогство Краковское". Какъ общіе труды по исторіи Галиціи въ послѣдней трети XIX в., можно рекомендовать: *W. Feldman.* Stronnictwa i programmy polityczne w Galicyi, 1846—1906 (1907). Въ этомъ двухтомномъ трудѣ дается краткій очеркъ исторіи Галиціи отъ ея присоединенія къ Австріи, дѣлающійся нѣсколько болѣе подробнымъ, начиная съ событій 1846 и 1848 гг.—*В.л. Студницкій.* Польша въ политическомъ отношеніи, отъ раздѣловъ до нашихъ дней (1908), гл. XI: „Австрійская Польша и ея отношеніе къ Австріи".—*Л. Василевскій.* Современная Галиція (1900).—*Его-же.* Современная Польша и ея политическія стремленія.—*М. Грушевскій.* Очеркъ исторіи украинскаго народа (1904; главы XXIII и XXIV).—*Ів. Франко.* З останнїх десятолїть XIX віку („Літер.-Наук. Вістникъ" за 1901 г.)—*L. Dębicki.* Z historyi XIX wieku.—*Wł. Rapacki.* Ludność Galicyi (1874).—По отдѣльнымъ вопросамъ: *Studnicki.* O wyodrębnieniu Galicyi. — Ruś Galicyiska, jej separatyzm, przyczyny tegoż, działania i skutki. Napisał Rusin (1888).—*A. Sulima.* Polityka polska a skarga rusinów (1880).—*Szczepanowski.* Nędza w Galicyi (1888).—*A. Krzyżanowski.* Die Grundbesitzvertheilung in Galizien (Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, 1895).—*Z. Daszyńska-Golińska.* Własność rolna w Galicyi (1900).—*M. Lipszyc.* Wirtschaftliche Studien aus Galizien (1901).—*Światłomir.* Ciemnota Galicyi w świetle cyfr i faktów.—*K. Kumaniecki.* Szkolnictwo ludowe w Galicyi wobec analfabetyzmu (1906).—Польскій трудъ *Tr. Bujaka* „Galicya", первый томъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ 1908 г., имѣетъ чисто описательный характеръ и притомъ касается отношеній уже 1900—1906 гг.

во всей Австрійской имперіи или во всемъ Венгерскомъ королевствѣ [1]) тоже составляютъ одну изъ важныхъ сторонъ исторіи государства Габсбурговъ. Можно даже сказать, что національный вопросъ или, вѣрнѣе говоря, національные вопросы главнымъ образомъ и оказываютъ главное давленіе на всю внутреннюю политику этой монархіи.

Съ общимъ направленіемъ внѣшней политики Австро-Венгріи въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ XIX в. мы отчасти уже познакомились выше [2]), отчасти будемъ еще говорить объ этой политикѣ за всѣ семидесятые годы въ другихъ мѣстахъ [3]). Главное въ этой политикѣ, это—сближеніе съ Германіей, искусно устроенное Бисмаркомъ. Обѣ державы могли бы сильно вредить одна другой, если бы, наприм., католическая Австрія въ эпоху культуркампфа стала поддерживать своихъ германскихъ единовѣрцевъ, какъ въ свою очередь, если бы объединенная Германія стала агитировать въ направленіи дальнѣйшаго объединенія среди нѣмецкихъ подданныхъ Габсбурговъ. Оба правительства какъ-бы сошлись на томъ, чтобы, подѣливъ между собою нѣмецкую націю, не поднимать вопросовъ, которые могли бы ихъ раздѣлять, а помогать другъ другу противъ всѣхъ враговъ установившихся политическихъ отношеній, поскольку послѣднія для обоихъ были выгодны. Это соглашеніе между двумя нѣмецкими династіями не могло не отразиться неблагопріятнымъ образомъ на славянскихъ подданныхъ Габсбурговъ. Мы еще увидимъ, что въ 1871 г. цислейтанское министерство Гогенварта начало дѣлать шаги, благопріятствовавшіе стремленіямъ славянъ, но Бисмаркъ былъ наименѣе склоненъ допустить какое бы то ни было славянизированіе вѣнской политики, которое было бы только на руку Россіи. Конечно, и самъ Францъ-Іосифъ всегда оставался въ душѣ нѣмцемъ и особенно дорожилъ вѣрноподданническими чувствами австрійскихъ нѣмцевъ, отвергавшихъ уступки славянамъ. Какъ Бейстъ ни ненавидѣлъ Пруссію, онъ не былъ ни другомъ славянъ, ни сторонникомъ союза съ Россіей, понимая вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо, что раздраженіе нѣмецкихъ подданныхъ Франца-Іосифа можетъ лишь содѣйствовать пропагандѣ пангерманизма въ нѣмецкихъ областяхъ Австріи. Во время двухъ своихъ свиданій съ Францемъ-Іосифомъ въ 1871 г. въ Ишлѣ и въ Зальцбургѣ [4]) Вильгельмъ I старался его убѣдить, что, собственно говоря, Австріи оказана услуга устраненіемъ отъ нея заботъ о германскихъ дѣлахъ и что, съ другой стороны, Германская имперія можетъ оказать могущественную под-

---

[1]) Кромѣ мадьяро-хорватскихъ отношеній, имѣютъ, напр., важность и хорвато-итальянскія.

[2]) См. стр. 110—112 и 119—120.

[3]) См. ниже, въ гл. XII и XIII.

[4]) См. выше, стр. 119.

держку нѣмецкому элементу въ Австріи противъ славянскаго напора. При этомъ Вильгельмъ I намекалъ Францу-Іосифу, что нужно было бы убрать Бейста, съ которымъ какъ-разъ въ это же время Бисмаркъ говорилъ о необходимости устранить Гогенварта, параллельно съ этимъ ведя переговоры съ Андраши объ условіяхъ его вступленія во власть, вмѣсто Бейста. Дипломатическая интрига удалась какъ нельзя лучше. Послѣ нѣкотораго колебанія Францъ-Іосифъ въ томъ же году по настоянію Бейста далъ отставку Гогенварту, рѣшившись нарушить всѣ обѣщанія, сдѣланныя славянамъ, а нѣсколько дней спустя совершенно неожиданно для себя получилъ отставку и самъ Бейстъ, мѣсто котораго занялъ Андраши. Федералистическое направленіе, какое начинала принимать внутренняя политика Франца-Іосифа, уступило мѣсто строгому дуализму къ выгодѣ для Германіи и Бисмарка и къ выгодѣ для Венгріи и Андраши, къ невыгодѣ же только славянскихъ подданныхъ Франца-Іосифа. Таково было для австрійскихъ славянъ значеніе первыхъ только шаговъ, сдѣланныхъ вѣнскимъ правительствомъ въ смыслѣ сближенія съ Берлиномъ.

Замѣчательно самое прошлое новаго, съ 1871 г., австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Въ молодыхъ годыхъ гр. Юлій Андраши былъ членомъ сейма 1847 — 48 г., участвовалъ потомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ императорскихъ войскъ, ѣздилъ съ порученіемъ отъ революціоннаго правительства въ Константинополь, за что послѣ усмиренія венгерскаго возстанія былъ приговоренъ заочно къ смертной казни посредствомъ повѣшенія. Ему удалось спасти себя отъ этого своевременнымъ бѣгствомъ. Изгнаніе продолжалось болѣе десяти лѣтъ, такъ какъ только въ 1860 г. мать выхлопотала ему разрѣшеніе вернуться на родину. Въ 1861 г. онъ былъ выбранъ въ сеймъ, въ которомъ присоединился къ партіи Дэака [1]), а когда состоялось австро-венгерское соглашеніе 1867 г., онъ даже сдѣлался предсѣдателемъ самостоятельнаго министерства и министромъ государственной обороны. О близости его къ Францу-Іосифу въ эти годы свидѣтельствуетъ то, что послѣдній бралъ его съ собою въ свои путешествія въ Парижъ на всемірную выставку 1867 г. и въ Египетъ на открытіе, въ 1869 г., Суецскаго канала, какъ бралъ съ собою и въ семидесятыхъ годахъ въ Берлинъ, въ Петербургъ, въ Венецію, въ Рейхштадтъ на свиданія съ германскимъ, русскимъ и итальянскимъ государями [2]) Во время франко-германской войны, когда Франца-

[1]) Дэакъ—венгерскій патріотъ, дѣйствовавшій еще съ Кошутомъ, а впослѣдствіи подготовившій соглашеніе 1867 г. О немъ т. V, стр. 436—437, 576, 724 и 741.

[2]) Объ этихъ свиданіяхъ см. выше, на стр. 120, кромѣ рейштахдтскаго, о которомъ ниже въ главѣ XII.

Іосифа нѣкоторое время соблазняла мысль о возможности расплаты съ Пруссіей за 1866 годъ [1]), Андраши выступилъ однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ нейтралитета Австріи въ этой войнѣ, а потомъ, какъ мы только-что видѣли, сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ сближенія съ Германіей. Отставка Бейста и назначеніе на постъ министра иностранныхъ дѣлъ (и императорскаго двора) Андраши знаменовали собою рѣшительный поворотъ политики вѣнскаго правительства на новый путь. О дальнѣйшей дѣятельности Андраши, оставшагося на своемъ посту до осени 1879 г., рѣчь будетъ идти еще впереди [2]), но до самаго конца она сохраняла свой основной характеръ установленія возможно большей близости между Вѣною и Берлиномъ.

Въ этомъ новомъ направленіи вѣнской политики весьма важное значеніе принадлежало тому обстоятельству, что австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ не нѣмецъ, а мадьяръ. Только человѣкъ этой національности, вообще не нѣмецъ, у котораго могла бы еще сидѣть въ головѣ велико-германская идея, и вдобавокъ, чисто мадьярскій патріотъ, понимавшій, что для Венгріи устраненіе Австріи изъ Германіи положительно было выгодою, могъ такъ легко отказаться отъ политики соперничества Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Само сближеніе Австро-Венгріи съ Германіей, какъ-никакъ, ставившее монархію Габсбурговъ въ извѣстную зависимость отъ имперіи Гогенцоллерновъ, гораздо менѣе давило на внутреннюю политику Венгріи, нежели на внутреннюю политику другой половины монархіи. Поддерживая въ Австріи германизмъ противъ славянства, Германія оказывала на цислейтанскія дѣла такое вліяніе, какого не могло, да и не имѣло надобности, оказывать на дѣла Трансслейтаніи. Австро-венгерское соглашеніе раздѣлило власть въ монархіи между нѣмцами и мадьярами, но нѣмцы все-таки не могли не чувствовать себя частью великаго племеннаго цѣлаго, центръ тяжести котораго лежалъ за предѣлами монархіи, тогда какъ у себя въ Венгріи мадьяры были вполнѣ цѣльною и независимою народностью.

Въ качествѣ „реальныхъ политиковъ“ мадьяры очень хорошо понимали свое новое положеніе въ государствѣ и пользовались всѣми случаями, чтобы добиться въ двуединой монархіи не только „паритета“, но и перевѣса [3]). Въ интересахъ дуализма во времена Андраши

[1]) См. выше, стр. 91.

[2]) Въ главахъ XII и XIII.

[3]) Интересныя на этотъ счетъ признанія см. въ мадьярской книжкѣ *Mercator'a*, переведенной на нѣм. яз. подъ заглавіемъ „Die Nationalitätenfrage und die ungarische Reichsidee“ (1908), стр. 19, 28 и слѣд. „Das Habsburgische Reich waren in der Vergangenheit die Deutschen, in Zukunft werden wir das Reich sein“, стр. 59.

мадьяры желали, чтобы въ другой половинѣ монархіи господствовали нѣмцы, но это не значитъ, чтобы они отдавали предпочтеніе нѣмцамъ, какъ таковымъ, а не потому, что въ рейхсратѣ нѣмцамъ тогда принадлежало большинство, славяне же относились къ дуализму непріязненно [1]) Равнымъ образомъ, и въ своихъ отношеніяхъ къ Германіи Андраши старался использовать „дружбу“ Бисмарка такъ, чтобы отъ этого былъ въ выигрышѣ дуализмъ, т.-е. въ концѣ концовъ Венгрія.

Австро-венгерское соглашеніе 1867 г. было принято различными австрійскими народностями далеко неодинаково, да и самое утвержденіе его вѣнскимъ рейхсратомъ было лишь признаніемъ совершившагося факта, т.-е. принятія его императоромъ и правительствомъ. Нѣмецкіе автономисты привѣтствовали соглашеніе, какъ помѣху для федерализма, который только повредилъ бы положенію самихъ нѣмцевъ, но нѣмецкіе централисты долго не сдавались, пока не вынуждены были примириться съ создавшимся положеніемъ. Всѣ усилія славянъ были направлены къ тому, чтобы сломить нѣмецкую супрематію, что же касается Франца-Іосифа, то его намѣреніемъ было, умиротворивъ Венгрію, заняться умиротвореніемъ народностей Австріи. Такова именно была задача министерства Гогенварта, и тотъ же смыслъ имѣлъ императорскій рескриптъ богемскому земскому сейму отъ 12 сентября 1871 г., въ которомъ выражено было монаршее желаніе особенно упорядочить отношеніе Богемскаго королевства къ цѣлокупной монархіи, объявлялось признаніе правъ этого королевства и высказывалась готовность подтвердить ихъ коронаціонной присягой. Сеймъ отвѣчалъ на высочайшій рескриптъ вѣрноподданическимъ адресомъ и выработалъ „основныя статьи“ будущаго устройства края. Ими признавалось соглашеніе 1867 г., но его предполагалось дополнить координированіемъ Богеміи съ остальною Австріею, въ чемъ мадьяры не могли не усмотрѣть противорѣчія съ „Ausgleich'омъ“, такъ какъ Венгрія въ качествѣ суверенаго государства заключила договоръ съ

---

[1]) Только-что названный авторъ говоритъ, что среди его соотечественниковъ очень распространено „das irrige politische Dogma, es sei ein wesentliches Erforderniss des Dualismus, dass in Oesterreich das deutsche Element die Hegemonie übe“. Это было естественно при Андраши, когда нѣмцы были въ большинствѣ, а славяне, вдобавокъ, были врагами дуализма, „nicht so aber verhält sich die Lage *heute*“ (курсивъ автора), когда введеніе всеобщаго избирательнаго права въ Австріи очень многое измѣняетъ въ положеніи дѣлъ, и когда среди чеховъ и поляковъ уже нѣтъ враговъ дуализма, стр. 22—23. „Heute, читаемъ далѣе, hat es schon gar keinen Sinn, wenn wir noch immer an der politischen Devise festhalten wollen, dass wir in Oesterreich die Hegemonie der Deutschen unterstützen mussen“, стр. 24. Авторъ находитъ, что теперь это—анахронизмъ.

одною равною ей Австріей, а не съ двумя равными между собою Австріей и Богеміей, что только привело бы отъ дуализма къ тріализму. Осуществленію чешскаго плана помѣшали Бейстъ и Андраши. Это вмѣшательство тогдашняго венгерскаго министра-президента во внутреннія австрійскія дѣла было предметомъ запроса въ венгерскомъ парламентѣ, но Андраши возразилъ, что намѣренія Гогенварта касались, въ сущности, обѣихъ составныхъ частей монархіи.

Дальнѣйшая исторія австро-германскаго соглашенія, какъ и его начало [1]), показываетъ, что въ немъ львиная доля выпала на долю Венгріи. Менѣе населенная и менѣе экономически развитая, она выговорила себѣ право участвовать въ общемъ бюджетѣ монархіи только 30%, что, конечно, имѣло свои основанія, но, неся меньшіе расходы, она стремилась имѣть, сравнительно съ Австріей, бо́льшія выгоды. Она заявила, что не обязана брать на себя какую бы то ни было часть государственныхъ долговъ, заключенныхъ безъ согласія ея сеймовъ, а если тѣмъ не менѣе соглашается участвовать въ погашеніи нѣкоторой ихъ доли, то лишь по великодушію и въ какомъ сама найдетъ нужнымъ размѣрѣ, возложивъ чуть не всю тяжесть расплаты на Австрію, чтобы самой оставаться впредь свободною отъ старыхъ долговъ. Мы уже видѣли [2]), что по цѣлому ряду важныхъ экономическихъ вопросовъ Венгрія выговорила себѣ право самостоятельнаго распоряженія, если бы у нея на этотъ счетъ не состоялось соглашенія съ Австріей: мадьяры пользовались одною этою возможностью, чтобы держать другую половину монархіи въ зависимости отъ своихъ желаній въ томъ случаѣ, если бы вѣнское правительство не стало соблюдать условій соглашенія. Между обѣими половинами монархіи происходилъ дѣятельный экономическій обмѣнъ, причемъ изъ Австріи ввозились въ Венгрію продукты обрабатывающей промышленности, изъ Венгріи въ Австрію—произведенія сельскаго хозяйства, и монетная единица, само собою разумѣется, должна была оставаться общей. Между тѣмъ мадьяры не хотѣли признавать ничего, что произошло въ денежномъ дѣлѣ въ эпоху абсолютизма и стали выговаривать для себя разныя уступки и льготы. Всѣ ихъ усилія были направлены къ тому, чтобы добиться разнаго рода выгодъ въ отношеніи австрійскаго банка, получившаго въ 1878 г., при возобновленіи экономическаго соглашенія, дуалистическую организацію. Но особенно въ болѣе благопріятномъ для Венгріи, чѣмъ для Австріи смыслѣ были разрѣшены теперь нѣкоторые важные вопросы въ областяхъ таможенныхъ тарифовъ и косвенныхъ налоговъ, поскольку интересы промышленной Австріи и

---

[1]) См. выше, стр. 16 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 16.

земледѣльческой Венгріи между собою не совпадали. Почти во всѣхъ случаяхъ разногласія между обѣими половинами монархіи побѣда оставалась на сторонѣ мадьярской половины надъ нѣмецкою. Послѣднюю ослабляли внутренніе раздоры съ постоянными колебаніями правительственной политики между централизмомъ и федерализмомъ и частыми министерскими кризисами, тогда какъ въ Венгріи у господствующей націи не было опасныхъ соперниковъ, государство было болѣе единымъ и правительство, опирающееся на большинство сейма, болѣе сильнымъ.

Мадьяры вынуждены были дать автономію одной Хорватіи [1]), всѣ же остальныя земли короны св. Стефана составили единое и нераздѣльное королевство. Въ эпоху абсолютизма Трансильванія была отдѣлена отъ Венгріи [2]), но теперь она была возсоединена, и румынское большинство ея населенія должно было подчиниться мадьярскому меньшинству, причемъ и нѣмецкое населеніе этой области, такъ называемые „саксы", тоже лишилось своихъ прежнихъ привилегій. Въ 1868 г. венгерскій сеймъ принялъ законъ о національностяхъ, признавъ вездѣ, кромѣ Хорватіи, господство мадьярскаго языка, какъ государственнаго, съ допущеніемъ мѣстныхъ языковъ лишь въ муниципальной жизни, да и то съ разными ограниченіями, поскольку употребленіе ихъ было „необходимо съ точки зрѣнія практической возможности" и не вредило внутреннему единству страны. Даже въ ограниченной сферѣ своего примѣненія законъ о національностяхъ постоянно нарушался, такъ какъ, напримѣръ, и церковь, и школа были признаны лучшими орудіями мадьяризаціи иноплеменнаго населенія,—одна изъ наиболѣе печальныхъ страницъ исторіи Венгріи послѣ того, какъ она возвратила себѣ свое государственное существованіе. Для мадьярскихъ патріотовъ искусственная передѣлка славянъ, саксовъ и румынъ въ мадьяръ стала одною изъ задачъ всей національной политики, и ради достиженія своей цѣли они всѣ средства считали хорошими вплоть до мѣропріятій насильственнаго характера. Они на словахъ гордятся либерализмомъ своего закона 1868 г., но не-мадьярскія народности думаютъ на этотъ счетъ иначе и не перестаютъ жаловаться на мадьярскія притѣсненія именно въ пользованіи своими языками [3]).

---

[1]) См. выше, стр. 17—18.

[2]) Т. V, стр. 436 и 575 и выше, стр. 12.

[3]) Общій обзоръ вопроса можно найти въ книжкѣ *Merkator'a* „Die Nationalitätenfrage und die ungarische Reichsidee" (1908). Авторъ, самъ мадьяръ, рѣшительно высказывается, однако, противъ искусственной и насильственной мадьяризаціи, создающей мадьярамъ лишь враговъ среди другихъ народностей Венгріи. Въ тоже время онъ констатируетъ усиленіе этого направленія: „unsere nationale Politik wird von einem immer mehr zunehmenden chauvinistischen

Дуалистическое устройство монархіи съ рядомъ координированныхъ властей, каковы два парламента съ ихъ делегаціями и три министерства (австрійское, венгерское и общее) давало общему монарху возможность чаще и сильнѣе проявлять свою личную волю, особенно въ вопросахъ внѣшней политики, но по отношенію къ политикѣ внутренней, несомнѣнно, въ Венгріи Францъ-Іосифъ былъ гораздо болѣе конституціоннымъ государемъ, чѣмъ въ Австріи. Въ первой изъ нихъ установился парламентаризмъ [1]), во второй допускалась возможность изданія временныхъ законовъ безъ рейхсрата [2]). Страна болѣе отсталая и въ экономическомъ, и въ культурномъ отношеніи, съ крайне устарѣлыми во многихъ отношеніяхъ административными и судебными порядками [3]), гораздо лучше, такимъ образомъ, осуществляла требованія конституціоннаго строя, нежели другая половина монархіи, гдѣ жизнь въ другихъ отношеніяхъ далеко ушла впередъ. Въ виду особаго положенія, занятаго Венгріей, Францъ-Іосифъ иногда дѣлалъ вообще ей такіе авансы, что австрійцы прямо считали себя обижаемыми. Мы уже видѣли, какого положенія при монархѣ достигъ бывшій повстанецъ 1848 г., Андраши, но и многіе другіе дѣятели революціи командовали теперь территоріальной арміей гонведовъ, подчиненныхъ по сосоглашенію 1867 г. только венгерскимъ правительству и парламенту. На первыхъ порахъ въ Венгріи нерѣдко происходили конфликты между австрійскими генералами и венгерскими гражданскими властями, но Францъ-Іосифъ не обнаруживалъ наклонности къ тому, чтобы побѣдителями изъ этихъ конфликтовъ выходили непремѣнно австрійскіе генералы: политика заставляла кое на что смотрѣть сквозь пальцы.

Geiste durchdrungen... Der Chauvinismus, der im Wesen ein zu feuriges und falsches patriotisches Gefühl bedeutet, hat heute schon in unserem öffentlichen Leben die Oberhand gewonnen“ (стр. 7) и т. п. Цѣль этой шовинистической политики онъ видитъ въ томъ, чтобы „создать изъ 20 милліоновъ жителей страны единую и говорящую, и чувствующую по-венгерски націю“ (стр. 8). Авторъ думаетъ, что мадьяризація будетъ дѣлать свое дѣло автоматически, и указываетъ на усиленіе мадьяризаціи, приводя, напр., что въ 1881 г. мадьяры составляли 46,7% населенія, въ 1891—48,6%, а въ 1901 уже 51,4% (стр. 13). См. стр. 68—72, гдѣ дается анализъ венгерскаго закона о національностяхъ. Ср. *Bidermann.* La loi hongroise des nationalités („Rev. de droit international“ за 1869 и 1870 гг.).

[1]) Основа его въ „законѣ III 1847—48 г. объ образованіи венгерскаго отвѣтственнаго министерства“.

[2]) См. выше, стр. 13. Въ „законѣ XII 1790—91 г.“, сохраняющемъ силу въ Венгріи, прямо сказано, что „никогда королевство и его части не будутъ управляться на основаніи произвольныхъ актовъ или такъ называемыхъ патентовъ“.

[3]) Ср. отзывъ мадьяра *Mercator'a* (стр. 62), начинающійся словами: „die Ursache dessen, dass unsere Verwaltung noch immer *asiatische* ist“, и т. д.

Другую картину представляетъ намъ собою Австрія подъ дѣйствіемъ конституціи 1867 г. Въ Венгріи единственную возможность примѣненія политики „divide et impera“ создавала бы лишь хорватская оппозиція, если бы мадьяры не устроили своего соглашенія съ хорватами, опасаясь, что правительство воспользуется ими, какъ въ 1848 г., въ Австріи же для настоящей раздѣлительной политики существовало широкое поле примѣненія. Стоитъ только сравнить поведеніе австрійской и венгерской делегацій при обсужденіи общихъ вопросовъ, чтобы видѣть разницу: венгерская отличалась единствомъ и стойкостью, въ австрійской двору ничего не стоило разбивать голоса, склоняя тѣ или другіе на свою сторону.

Силу народнаго представительства Австріи подрывали національныя несогласія. Составъ рейхсрата по конституціи былъ расчитанъ такимъ образомъ по числу представителей отъ отдѣльныхъ королевствъ и земель [1]), что въ немъ большинство принадлежало нѣмцамъ. Первыми протестовали противъ этого чехи, которые и раньше, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, не хотѣли давать согласія на невыгодную для нихъ конституцію [2]). Въ августѣ 1868 г. они составили декларацію, отрицавшую за Цислейтаніей всякое историческое и политическое право на существованіе, потому что, говорилось въ ней, чешская корона имѣетъ такія же права, какъ и венгерская, и отношенія между Чехіей и другими государствами царствующаго дома могутъ быть установлены лишь съ обоюднаго согласія монарха и націи. Послѣ этого, вплоть до 1870 г., чехи перестали появляться и въ рейхсратѣ, и въ мѣстномъ сеймѣ; и это было причиной народныхъ волненій, заставившихъ правительство даже объявить Прагу въ осадномъ положеніи. По стопамъ чеховъ пошли поляки, составивъ резолюцію съ требованіемъ автономіи для Галиціи. Заволновались также словинцы, итальянцы. Правительство пошло на уступки: уступило полякамъ въ вопросѣ употребленія польскаго языка и согласилось на расширеніе компетенціи мѣстнаго сейма, но предложило послѣднее также и чехамъ, которымъ обѣщало даже мѣсто въ кабинетѣ, отказавъ имъ, однако, въ признаніи ихъ языка. Никого все это, какъ слѣдуетъ, не удовлетворяло, и дѣло кончилось тѣмъ, что въ рейхсратѣ остались одни нѣмцы. Въ самомъ правительствѣ не было единства, вслѣдствіе чего одинъ за другимъ слѣдовали министерскіе кризисы. Въ февралѣ 1871 г. было наконецъ назначено министерство Гогенварта, въ составъ котораго вошло два чеха Іиречекъ и Габетинекъ, первый съ портфелемъ народнаго просвѣщенія, другой—юстиціи, къ величайшему не-

---

[1]) См. выше, стр. 12.
[2]) Т. V, стр. 725.

годованію нѣмцевъ и всей нѣмецкой прессы. Это министерство, между прочимъ, объявило Ватикану объ отмѣнѣ реакціоннаго конкордата 1855 г. [1]), поводомъ къ чему было провозглашеніе папской непогрѣшимости, но болѣе Гогенварту ничего не удалось сдѣлать. Противъ него были обѣ палаты рейхсрата. Началась систематическая оппозиція нѣмецкаго большинства противъ всѣхъ проектовъ, заключавшихъ въ себѣ уступки національностямъ, даже поднималась рѣчь объ отказѣ вотировать бюджетъ. Рейхсратъ былъ распущенъ, причемъ новые выборы дали правительству большинство и въ областныхъ сеймахъ, и въ рейхсратѣ, что на этотъ разъ уже нѣмцевъ заставило удалиться изъ рейхсрата. Какъ-разъ къ этому времени относятся императорскій рескриптъ чешскому сейму и отвѣтъ на него со стороны сейма [2]). Чехи требовали себѣ, въ сущности, такого же положенія, какимъ пользовалась Венгрія, настоящей новой конституціи. Къ ихъ желаніямъ присоединилась также и Моравія. Францъ-Іосифъ склоненъ былъ все дать, лишь бы богемскій сеймъ выбралъ теперь же депутатовъ въ рейхсратъ, гдѣ сторонники федерализма, составивъ большинство, могли бы легально измѣнить конституцію, такъ какъ самъ онъ, императоръ, „больше ничего уже октроировать не желаетъ“. Стоявшая во главѣ депутаціи аристократія не хотѣла идти этимъ путемъ, надѣясь все получить прямо отъ самого монарха, а тѣмъ временемъ на Франца-Іосифа было оказано извѣстное уже намъ воздѣйствіе [3]) со стороны нѣмцевъ (Бейстъ) и мадьяръ (Андраши), указавшихъ ему, какими опасностями грозятъ только-что установившемуся дуалистическому порядку чешскія притязанія. Кончилось, что Францъ-Іосифъ отказался отъ своего плана, въ чемъ ему помогли сами чехи, упорствовавшіе въ непризнаніи существующей конституціи, согласіе на которую ставилось имъ со стороны правительства, какъ необходимое условіе дальнѣйшихъ переговоровъ.

Преемникомъ Гогенварта былъ князь Адольфъ Ауэрспергъ, принадлежавшій къ нѣмецкой либерально-конституціонной партіи. Тронная рѣчь, которою открылась сессія рейхсрата въ концѣ декабря 1871 г., заключая въ себѣ обѣщаніе укрѣпленія конституціи, вмѣстѣ съ тѣмъ констатировала, что намѣреніе императора „идти, съ согласія рейхсрата, до конца на пути уступокъ, совмѣстимыхъ съ единствомъ государства“, не привело къ возстановленію внутренняго мира. Первымъ же дѣломъ новаго министерства въ началѣ 1872 г. было произвести избирательную реформу.

---

[1]) Т. V, стр. 646—647. См также ниже, въ гл. XX.

[2]) См. выше, стр. 362.

[3]) См. выше, стр. 360 и 363.

Мы уже знаемъ [1]), что австрійскій рейхсратъ состоялъ изъ депутатовъ, избиравшихся не прямо населеніемъ, а провинціальными ландтагами и притомъ лишь изъ среды своихъ сочленовъ. Въ 1861 г. имѣлось въ виду, что рейхсратъ долженъ былъ состоять изъ депутатовъ всѣхъ частей монархіи, и число его членовъ опредѣлялось въ три съ половиною сотни, но послѣ потери Венеціанской области и отдѣленія Транслейтаніи число членовъ рейхсрата уменьшилось до 203. Въ теченіе десяти лѣтъ дѣйствія порядка, созданнаго въ 1861 г., съ перерывомъ въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, такая система обнаружила всѣ свои неудобства, вытекавшія изъ того, что рейхсратъ являлся какъ бы конгрессомъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ королевствъ и земель [2]), и стоило лишь той или другой области чрезъ свой ландтагъ отказаться отъ участія въ рейхсратѣ, какъ цѣлая область могла считать себя необязанною подчиняться рѣшеніямъ центральнаго представительства. Намъ уже извѣстно [3]), какъ часто это случалось въ теченіе всѣхъ шестидесятыхъ годовъ, причемъ по данному сначала венграми примѣру къ такому способу борьбы прибѣгали и славяне, и нѣмцы, смотря по тому, кто въ данный моментъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ правительственною политикою. И послѣ отставки Гогенварта богемскій сеймъ отказался отъ выбора своихъ депутатовъ въ рейхсратъ. Когда правительство распускало послѣдній, то ему приходилось распускать и ландтаги въ надеждѣ на то, что новые выборы будутъ давать болѣе сговорчивыхъ депутатовъ, но его расчеты невсегда оправдывались. Какъ бы то ни было, нѣмецкіе либералы, всегда стремившіеся въ Австріи къ централизму, были недовольны федеративнымъ строемъ рейхсрата, и вотъ теперь, когда они сами были у власти, они и стали хлопотать о коренномъ измѣненіи порядка избранія депутатовъ въ рейхсратъ. Прежде всего, 13 марта былъ изданъ вре-

[1]) См. выше, стр. 12.

[2]) Первая попытка замѣнить личную или династическую унію, въ какой находились отдѣльныя земли теперешней Австріи, федеративною связью была сдѣлана еще въ XVI в. Именно, въ 1530 г. Фердинандъ I пригласилъ въ Линцъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ сеймовъ для обсужденія общихъ мѣръ противъ турокъ, но это приглашеніе было встрѣчено въ сеймахъ не только несочувствіемъ, но прямымъ раздраженіемъ, такъ какъ отдѣльныя государства монархіи Габсбурговъ еще менѣе были склонны поступиться своей автономіей, чѣмъ въ иныхъ странахъ отдѣльныя провинціи. Это была эпоха, когда даже въ самой Чехіи сеймики („съѣзды“) отдѣльныхъ округовъ обнаруживали стремленіе къ конкурренціи съ центральнымъ сеймомъ королевства (ср. стр. 296 и 352 моей книги „Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ“ (1906). Отъ 1530 до начала конституціонной эпохи въ Австріи протекло три съ половиною вѣка: вотъ отъ какой эпохи былъ унаслѣдованъ „королевствами и землями“ Габсбурговъ ихъ партикуляризмъ!

[3]) См. выше, стр. 10, 366, 367, а также т. V, стр. 725 и 741.

менный законъ, разрѣшавшій замѣщать ваканціи, какія могли бы открыться во время сессіи, депутатами, которые выбирались бы уже не ландтагами, а непосредственно избирателями. Это значило, наприм., по отношенію къ чехамъ, что разъ ихъ сеймъ не посылалъ депутатовъ въ рейхсратъ, вакантныя мѣста послѣднихъ могли быть замѣщены прямыми выборами въ отдѣльныхъ богемскихъ округахъ, изъ которыхъ многіе имѣли нѣмецкое населеніе, вовсе не желавшіе бойкотировать рейхсратъ. Оно такъ и случилось: нѣмецкіе округа выбрали своихъ представителей. Въ началѣ апрѣля слѣдующаго (1873 г.) этотъ временный законъ превратился въ постоянный [1]), причемъ число депутатовъ было повышено съ 203 до 353 съ новымъ распредѣленіемъ мѣстъ между отдѣльными королевствами и землями, а въ нихъ между отдѣльными категоріями избирателей. Наприм., Богемія, которая по закону 1861 г. должна была имѣть 54 депутата, теперь получила право на 92 депутатскихъ полномочія. Разряды избирателей были оставлены тѣ же, что и раньше, какъ это опредѣлялось земскими уставами отдѣльныхъ королевствъ и земель, изданными въ 1861 г. Именно это были „куріи“ 1) крупныхъ землевладѣльцевъ, 2) городовъ и торговыхъ палатъ (двѣ куріи) и 3) сельскихъ общинъ. Наприм., на крупное землевладѣніе въ Богеміи приходилось 23 мѣста, на города—32, на торговыя палаты—7, на сельскія общины—30, а соотвѣтствующія цифры для Галиціи были 20, 13, 3 и 27, для Зальцбурга (число представителей котораго было повышено съ 3 до 5) — 1, 2 (города и торговыя палаты) и 2. Въ самомъ рейхсратѣ это „представительство интересовъ“ выражалось цифрами: 85 представителей крупнаго землевладѣнія, 137 — городовъ и торговыхъ палатъ и 131 сельскихъ общинъ. Какое число избирателей представлялъ собою одинъ депутатъ каждой куріи, можно видѣть хотя бы изъ того, что по даннымъ конца XIX в. въ первой куріи одинъ депутатъ приходился человѣкъ на шестьдесятъ избирателей, во второй—тысячи на три, въ третьей менѣе, чѣмъ на тридцать человѣкъ, въ четвертой—тысячъ на двѣнадцать. При распредѣленіи числа депутатовъ отъ отдѣльныхъ областей и при разграниченіи избирательныхъ округовъ все искусство было направлено на то, чтобы и ариѳметика, и геометрія сослужили надлежащую службу нѣмецкому элементу. (Это имѣлось въ виду еще при первоначальномъ раздѣленіи избирателей на куріи при томъ соображеніи, что крупные землевладѣльцы и торговыя палаты были главнымъ образомъ нѣмецкими, и что главная сила не-нѣмецкаго населенія была въ селахъ, получившихъ потому болѣе

[1]) Онъ былъ принятъ 120 голосами противъ 2.
[2]) См. выше, стр. 12.

слабое представительство). Реформа 1873 г. тщательно слѣдила за тѣмъ, чтобы и при общемъ увеличеніи числа депутатовъ преобладаніе оставалось за нѣмцами. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, т.-е. лѣтъ черезъ пять послѣ реформы 1873 г., въ австрійской палатѣ депутатовъ нѣмцевъ насчитывалось около 220 на 130 только не-нѣмцевъ, т.-е. на славянъ (около 115) и итальянцевъ (около 15), такъ что изъ 353 членовъ нѣмцы обладали большинствомъ человѣкъ въ 90. Другими словами, нѣмцы составляли въ рейхсратѣ около 61%, что́, разумѣется, далеко не соотвѣтствовало численности нѣмецкаго населенія сравнительно съ численностью населенія не-нѣмецкаго.

Министерство Ауэрсперга оставалось у власти семь лѣтъ. Теперь у Австріи былъ рейхсратъ, не зависѣвшій уже отъ отдѣльныхъ областныхъ сеймовъ, что̀ стали мало-по-малу понимать сами „декларанты“ и „резолюціонисты“ [1]). Упорнѣе всѣхъ были чехи, которые только осенью 1878 г. рѣшились порвать съ политикой бойкота и появились въ богемскомъ сеймѣ, что̀ было первымъ признакомъ ихъ примиренія съ положеніемъ дѣлъ и предзнаменованіемъ ихъ возвращенія затѣмъ и въ самый рейхсратъ, Моравія же еще раньше, въ 1874 г., послала своихъ депутатовъ въ Вѣну. Поляки тоже скоро сдались, тѣмъ болѣе, что, по совѣту Андраши, имъ дѣлались разныя уступки, какъ завѣдомымъ врагамъ Россіи; тотчасъ же по проведеніи реформы 1873 г. полякамъ было дано одно мѣсто въ кабинетѣ. Между правительствомъ и поляками даже стали устанавливаться такія отношенія, что нерѣдко на нихъ смотрѣли, какъ на партію правительственную, особенно послѣ того, какъ проведенные подъ сильнымъ административнымъ давленіемъ выборы 1876 г. въ галиційскій сеймъ дали въ немъ большинство клерикально-аристократической партіи, обнаружившей большую склонность къ тому, чтобы вступать съ правительствомъ въ частныя соглашенія. Опираясь на серьезное большинство, состоявшее изъ нѣмцевъ, министерство Ауэрсперга могло не особенно считаться съ оппозиціей, въ которой, кромѣ польскаго „кола“, нужно отмѣтить „правовую партію“, или „клубъ Гогенварта“, какъ назывались федералистически настроенные представители мелкихъ національностей. Что касается до нѣмцевъ, то они въ рейхсратѣ распадались на правую централистскую, либеральный клубъ и лѣвую, подраздѣлявшуюся на демократовъ и нѣмецкихъ націоналовъ. На сторонѣ правой былъ и клубъ Коронини почти цѣликомъ чисто итальянскаго состава, и ей не принадлежало даже полной трети всѣхъ нѣмецкихъ голосовъ. Самую значительную группу составлялъ либеральный клубъ, „старые“, какъ

[1]) Сторонники „декларацiи“ и „резолюцiи“, о которыхъ см. выше, стр. 366.

ихъ еще называли: въ немъ была чуть не половина всѣхъ нѣмецкихъ депутатовъ, т.-е. около ста человѣкъ, тогда какъ лѣвая, или „молодые“ обладали приблизительно шестьюдесятью пятью голосами. Нѣмецкое большинство было настроено антиклерикально, что̀ отразилось на церковномъ законодательствѣ 1874 г., которое должно было восполнить пробѣлы въ законахъ, образовавшіеся вслѣдствіе отмѣны конкордата [1]). Новые законы установили высшій надзоръ государства надъ духовенствомъ разныхъ исповѣданій, признали за некатоликами право основывать религіозныя общины (статья въ пользу старо-католиковъ) и т. п. Папа протестовалъ, но Францъ-Іосифъ въ своемъ отвѣтѣ на его письмо, такъ сказать, сложилъ съ себя отвѣтственность на рейхсратъ [2]).

Таковы были, въ общихъ чертахъ, отношенія между обѣими половинами монархіи Габсбурговъ и въ каждой изъ нихъ, взятой въ качествѣ отдѣльнаго государства, но, какъ мы видѣли, жизнь всей монархіи вообще и въ особенности цислейтанской ея части осложнялась противоположными стремленіями отдѣльныхъ областей. Конституціонные акты 1861 и 1867 г. разсматривали Австрію, какъ своего рода федерацію королевствъ и земель, живущихъ подъ скипетромъ одной династіи [3]). Но именно это была федерація территоріальныхъ, а не національныхъ единицъ [4]), федерація областей, границы кото-

---

[1]) *Gautsch von Frankenthurn.* Die konfessionellen Gesetze vom 7 und 20 Mai 1874 (1874).

[2]) Отмѣтимъ еще, что въ началѣ министерства Ауэрсперга въ Вѣнѣ была всемірная выставка 1873 г., въ одно время съ которой произошелъ знаменитый „вѣнскій крахъ“, бывшій, подобно берлинскому краху 1872 г. (ср. выше, стр. 252), слѣдствіемъ грюндерскихъ спекуляцій. И въ столицѣ Австріи образовались строительныя, желѣзнодорожныя и банковыя компаніи, устраивавшія дутыя предпріятія, пускавшія въ оборотъ массу призрачныхъ цѣнностей и въ въ концѣ концовъ прогорѣвшія: послѣдовалъ рядъ банкротствъ, отъ которыхъ масса народа понесла большіе убытки, и которыя долгое еще время угнетающимъ образомъ дѣйствовали на общее экономическое состояніе страны.

[3]) См. выше, стр. 9 и слѣд.

[4]) См. въ книгѣ *Р. Шпрингера* „Національная проблема“, параграфъ, озаглавленный „Коронная земля и нація“, стр. 177 и слѣд. „Извѣстно, говоритъ онъ, между прочимъ, и каждому понятно, что главной проблемой является разграниченіе націй, а не территорій. Съ первой частью проблемы начинаютъ свою аргументацію наши федералисты. Но въ самый важный моментъ они незамѣтно подставляютъ коронныя земли и отъ необходимости федераціи національностей умозаключаютъ къ необходимости федераціи коронныхъ земель“. Такое смѣшеніе понятій авторъ лишь у немногихъ объясняетъ недоразумѣніемъ, у большинства же, по его мнѣнію, „оно является умнымъ политическимъ расчетомъ“, стр. 179. „До тѣхъ поръ, говоритъ онъ еще, пока коронныя земли не идентичны съ національностями,—а таковыми онѣ нигдѣ и никогда не бываютъ и быть даже не могутъ,—до тѣхъ поръ изъ потребностей націо-

рыхъ не совпадали съ границами племенными и изъ которыхъ нѣкоторыя могли ссылаться на свои старыя историческія права, на свое особое государственное право, нарушенное побѣдой абсолютизма, но долженствовавшее быть возстановленнымъ. Всѣ государственные акты Венгріи 1867 г. полны ссылокъ на старые законы земель короны св. Стефана вплоть до упоминанія, какъ объ отмѣненномъ, объ одномъ постановленіи „Золотой буллы“ 1222 года [1]), причемъ къ Венгріи Францъ-Іосифъ обѣщалъ присоединять и вновь пріобрѣтаемыя страны. Чехи, въ сущности, хотѣли возстановить и для Богеміи, какъ отдѣльнаго королевства, а не для чешской національности, какъ таковой, свое старое, историческое „государственное право“ (státné právo), подобное тому „галицко-владимірскому государственному праву“, на которое ссылалось само же австрійское правительство еще въ 1772 г., включая Галицію въ число, какъ тогда говорили, „государствъ Габсбургскаго дома“. При несовпаденіи областныхъ и этнографическихъ границъ и при существованіи территорій со смѣшаннымъ населеніемъ являлся вопросъ о томъ, каковы же должны быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ права того или другого мѣстнаго языка. Мы знаемъ, что австрійская конституція признала равноправность всѣхъ народностей и обѣщала осуществленіе этого принципа по отношенію къ землямъ, гдѣ обитаютъ нѣсколько народностей [2]). Германизаторскимъ стремленіямъ централистовъ федералисты противопоставляли требованіе широкаго развитія мѣстныхъ языковъ, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, чтобы этимъ мѣстнымъ языкамъ дано было господствующее положеніе надъ языками инороднаго меньшинства. Возстановленіе государственнаго права той или другой области должно было влечь за

нальной автономіи нельзя ничего вывести въ пользу автономіи коронныхъ земель“, стр. 180. Въ другомъ мѣстѣ *Шпрингеръ* называетъ коронныя земли „внутреннимъ врагомъ габсбургской монархіи“, указывая при этомъ на причину ихъ живучести: „именно потому, что коронныя земли сулятъ національному большинству господство, большинство во всѣхъ земляхъ, даже нѣмцы, а слѣдовательно и большинство рейхстага такъ сильно льнетъ къ этимъ землямъ“, стр. 52. Ср. также его замѣчаніе, что, требуя коронаціи австрійскаго императора королемъ чешскимъ, многіе чехи на мѣсто современной идеи о національномъ королевствѣ „подсовываютъ антикварную мысль о территоріальномъ господствѣ“: эта коронація — символъ ихъ надежды на полное господство въ Богеміи, стр. 239. Редакторъ перевода книги (*М. Б. Ратнеръ*) въ своемъ къ нему предисловіи совершенно вѣрно отмѣчаетъ „крупную заслугу автора въ дѣлѣ разграниченія идей *территоріальной, областной*, съ одной стороны, и *экстерриторіальной, національной* автономіи, съ другой стороны“, прибавляя, что „смѣшеніе этихъ двухъ различныхъ понятій—явленіе обычное въ литературѣ вообще, въ русской въ особенности“, стр XXIII.

[1]) Ср. выше, стр. 15.

[2]) См. выше, стр. 13.

собою признаніе за мѣстнымъ языкомъ государственнаго значенія, какъ это и произошло въ Венгріи съ языкомъ мадьярскимъ [1]). Въ историческихъ предѣлахъ Чешскаго королевства каждый патріотически настроенный чехъ желалъ господства чешскаго языка даже по отношенію къ давно онѣмеченнымъ окраинамъ, на что богемскіе нѣмцы, съ своей стороны, не хотѣли согласиться, ссылаясь тоже на параграфъ конституціи, заключавшій обѣщаніе никого не принуждать изучать второй языкъ. Дѣло усложнилось еще тѣмъ, что въ Богеміи нѣмцы жили не только сплошными округами, напр., на границахъ съ Саксоніей и Баваріей, но были еще перемѣшаны съ чехами въ другихъ мѣстахъ и особенно въ городахъ. Столица Чехіи, Прага, еще въ двадцатыхъ годахъ XIX в. имѣла чисто нѣмецкій внѣшній обликъ, и по-чешски въ ней говорило только простонародье [2]). Подобное сожительство разныхъ національностей мы встрѣчаемъ и въ другихъ коронныхъ земляхъ Австріи, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ нихъ иногда первенствующая роль принадлежала не нѣмцамъ, а другимъ народностямъ, какъ, напр., полякамъ въ Галиціи или итальянцамъ на Адріатическомъ побережьѣ. Правда, Галиція очень удобно дѣлится на западную съ польскимъ населеніемъ и восточную съ русинскимъ, но она составляла только одну коронную землю, въ которой историческое право было за польскимъ языкомъ и въ русинской части которой существуетъ сильное своимъ соціальнымъ вліяніемъ польское меньшинство, состоящее изъ помѣщиковъ и горожанъ: во Львовѣ, столицѣ Галиціи, большинство населенія и теперь состоитъ изъ поляковъ, хотя этотъ городъ окруженъ русинскимъ сельскимъ населеніемъ. Наконецъ, въ довершеніе всей національной путаницы слѣдуетъ отмѣтить еще тотъ фактъ, что очень часто люди разныхъ національностей принадлежали и къ разнымъ общественнымъ классамъ. Нерѣдко и въ Австріи, и въ Венгріи славянское населеніе отдѣльныхъ областей состояло преимущественно изъ крестьянской массы, землевладѣльческій же классъ, равно какъ городскіе торгово-промышленные классы состояли въ значительной мѣрѣ изъ нѣмцевъ (и евреевъ, больше тяготѣвшихъ къ нѣмцамъ). Такъ какъ издавна нѣмецкій языкъ былъ языкомъ династіи и двора, администраціи и арміи, народнаго образованія и торговли, то со стороны нѣмцевъ, разбросанныхъ по разнымъ не-нѣмецкимъ областямъ, было естественно стремиться къ тому, чтобы вездѣ, гдѣ было много нѣмцевъ, удерживать за своимъ языкомъ прежнее господство, и въ свою очередь, изъ центра оказывалась поддержка мѣстнымъ аристократическимъ и бургерскимъ элементамъ, принимавшая

---

[1]) См. выше, стр. 364.
[2]) Т. V, стр. 402.

одновременно и національный, и классовый характеръ по отношенію къ не-нѣмецкому крестьянскому и рабочему населенію. Понятно, что вездѣ нѣмцы старались сохранить и укрѣпить за собою выгодный для нихъ status quo, или фактическое соотношеніе силъ, что̀ стало называться „der nationale Besitzstand“, и въ этомъ отношеніи примѣру нѣмцевъ подражали въ тѣхъ областяхъ, гдѣ у нѣмцевъ не было особенно для нихъ выгоднаго „Besitzstand'a“, или поляки, или итальянцы. Въ Галиціи, гдѣ подавляющее большинство помѣстнаго дворянства, а въ городахъ чиновничество, люди либеральныхъ профессій, и отчасти купечество и ремесленники были поляками, эта народность тоже могла ссылаться на свой „stan posiadania“. Однимъ словомъ, рядомъ со ссылками на старое историческое право, въ силу котораго можно было бы, напр., ввести чешскій языкъ въ давнымъ давно ставшіе нѣмецкими округа Чехіи, дѣлались ссылки и на современный фактическій „Besitzstand“, на основаніи изреченія „beati possidentes“, что̀ ставило иногда непреодолимыя преграды осуществленію обѣщанной равноправности народностей. Наприм., въ составъ нѣмецкаго „Besitzstand'a“ въ Чехіи входилъ пражскій университетъ, изъ-за котораго еще во времена Гуса шла борьба между обѣими націями и который впослѣдствіи сдѣлался чисто нѣмецкимъ. Другой примѣръ — два польскихъ университета, краковскій и львовскій, въ Галиціи и ни одного русинскаго при численномъ, хотя и небольшомъ, перевѣсѣ русинскаго населенія. Въ области средняго образованія мы видимъ такія же проявленія національнаго неравенства: въ той же Галиціи въ данный моментъ, т.-е. въ началѣ XX столѣтія, на 46 польскихъ среднихъ школъ приходится только 6 русинскихъ, одна польская школа на 98 т. душъ, одна русинская на 422 т. душъ и т. п. Къ этому же выгодному для однихъ и невыгодному для другихъ „фактическому обладанію“ относится, конечно, и установленная конституціей 1867 г. куріальная система выборовъ [1]), поскольку привилегированные классы болѣе или менѣе совпадали и съ привилегированными національностями. Благодаря этой системѣ, даже въ областныхъ сеймахъ славянскихъ странъ нѣмцы могли забирать большую силу. Вотъ все это и приводило къ тому, что борьба національностей въ Австріи происходила и въ центрѣ, т.-е. въ рейхсратѣ, и въ областныхъ учрежденіяхъ (въ земскихъ сеймахъ), и даже въ отдѣльныхъ округахъ и общинахъ со смѣшаннымъ населеніемъ [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 369.

[2]) Въ 1908 г. нѣкто *C. M. Danzer* предпринялъ политическій опросъ о положеніи Австріи, результатомъ котораго явилась небольшая книжка подъ заглавіемъ „Das neue Oesterreich, eine politische Rundfrage“. Основныя идеи самого Данцера сводятся къ тому, что австрійская конституція 1867 г. не со-

Въ каждой австрійской національности и въ каждой коронной землѣ образовались свои политическія партіи. Въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ земляхъ преобладаніе принадлежало либераламъ или консерваторамъ, смотря по тому, преобладалъ ли въ странѣ торгово-промышленный классъ, какъ это было въ Нижней Австріи, въ Штиріи, въ Каринтіи, или классъ помѣщичій, что̀ наблюдается въ Верхней Австріи, или преданное клиру крестьянство, какъ мы это видимъ въ Тиролѣ. Всѣ названныя области не знали національнаго вопроса, благодаря чисто нѣмецкому составу своего населенія, кромѣ Тироля, южная часть котораго населена итальянцами, естественно требовавшими для себя особаго управленія. Словенскому населенію Крайны и сопредѣльныхъ областей пришлось вести борьбу или съ нѣмцами, или съ итальянцами; съ послѣдними, кромѣ того, вели борьбу,—нужно замѣтить, весьма усиленную,—и далматинскіе хорва̀ты. О положеніи дѣлъ въ семидесятыхъ годахъ въ Чехіи и Галиціи особая рѣчь будетъ идти ниже, а пока этотъ общій обзоръ междуплеменныхъ отношеній закончимъ указаніемъ на то, что не-нѣмецкая часть рейхсрата раздробилась на семь отдѣльныхъ національныхъ клубовъ, или „колъ“ [1]),

---

отвѣтствуетъ реальнымъ отношеніямъ, не осуществивъ и надежды на образованіе „eines nationalen Einheitsstaates“. Взаимная борьба національностей только обезсиливаетъ ихъ самихъ, и потому нужно выйти изъ этого положенія. Въ книжкѣ собраны мнѣнія по этому вопросу восьмидесяти политическихъ дѣятелей и писателей разныхъ національностей, населяющихъ Австрію. Прочитывая ихъ, я обратилъ особое вниманіе на ихъ отношеніе къ вопросу о дѣленіи Австріи на коронныя земли (Kronlandseintheilung): для однихъ оно имѣетъ лишь чисто историческое значеніе, въ настоящемъ же является настоящимъ несчастьемъ, разъ „zwei oder mehrere Nationen in einem Kronlande zusammengesperrt sind“, для другихъ, напротивъ, это дѣленіе имѣетъ не одно историческое значеніе, будучи и теперь „обусловлено географически, экономически, соціально и національно“. Среди авторовъ, стоящихъ на первой точкѣ зрѣнія, есть и такіе, которые утверждаютъ, что въ Австріи и думать нечего о „всеобщемъ національномъ соглашеніи“, пока въ головахъ сидитъ лозунгъ „von den historischen Staatsrechten“. При этомъ поднимается постоянно вопросъ о томъ, что называется „der faktische Besitzstand“ отдѣльныхъ народностей: при этомъ одни жалуются на неясность этого понятія (наприм., unter dem Begriffe versteht man einerseits das nationale Territorium, anderseits die errungenen nationalen Rechten, Stellen, Würden in öffentlichen Institutionen, Aemtern, Ländern und im Staate, стр. 78), другіе—на случаи несоотвѣтствія „національнаго Besitzstand'a“ съ „естественными отношеніями“, или на то, что для однихъ этотъ „Besitzstand“ является выгоднымъ (наприм., для поляковъ въ Галиціи), для другихъ невыгоднымъ. Различіе взглядовъ, нашедшихъ мѣсто въ книжкѣ, зависитъ не всегда отъ принадлежности ихъ авторовъ къ той или другой національности, но и отъ ихъ политическихъ міросозерцаній.

[1]) Чехи, поляки, русины, словенцы, хорваты, итальянцы, румыны (изъ Буковины).

представлявшихъ собою иногда очень мелкія національности и нерѣдко становившихся на сторону нѣмецкихъ консерваторовъ рейхсрата. Можно даже сказать, что къ нѣмецкимъ консерваторамъ клерикальнаго или феодальнаго пошиба вообще очень сильно тяготѣли однородные элементы славянскаго представительства. Это было продолженіемъ еще ранѣе,—именно въ 1848 г.,—обнаружившагося явленія, состоявшаго въ томъ, что либерализмъ представленъ былъ главнымъ образомъ нѣмцами, въ то же время централистами, тогда какъ консерватизмъ былъ тѣсно связанъ со славянскимъ федерализмомъ. Францъ-Іосифъ и теперь въ національномъ вопросѣ болѣе симпатизировалъ нѣмцамъ, въ вопросахъ внутренней политики болѣе консервативнымъ славянамъ, такъ что ему постоянно приходилось колебаться и лавировать между двумя различными политиками, поневолѣ, значитъ, дѣлаться оппортунистомъ, хотя, съ другой стороны, при существованіи въ рейхсратѣ цѣлаго ряда національныхъ партій въ этомъ представительномъ собраніи никогда не могло образоваться компактнаго и прочнаго большинства.

Главными борцами противъ нѣмецкаго преобладанія въ Австріи выступили чехи [1]). Когда въ 1861 г. Австрія получила общую конституцію, а Богемія въ числѣ другихъ коронныхъ земель—свой областной уставъ, чехи выбрали своихъ депутатовъ и въ рейхсратъ, и въ земскій сеймъ, но въ 1863 г., недовольные нѣмецкой централистической политикой правительства, чешскіе депутаты, какъ извѣстно [2]), покинули рейхсратъ. Послѣ этого чехи были въ безпрерывной оппозиціи, хотя по временамъ правительство дѣлало имъ кое-какія уступки или, по крайней мѣрѣ, манило ихъ обѣщаніями. Главнымъ предметомъ стремленій чеховъ было возстановленіе ихъ государственнаго права. Въ 1867 г., когда выборы въ богемскій сеймъ дали и тутъ большинство мѣстнымъ нѣмцамъ, чешскіе депутаты покинули этотъ сеймъ, заявивъ протестъ, въ которомъ не признали законности сейма [3]). Мы видѣли также, что въ 1871 г. чехамъ блеснула-было надежда на осуществленіе ихъ государственнаго права, даже на пріѣздъ Франца-Іосифа въ Прагу для торжественнаго возложенія на свою голову короны св. Вацлава, но намъ уже извѣстно и то, какъ кратковременна была эта

---

[1]) За чешско-нѣмецкою распрею признаютъ большое значеніе для себя даже мадьяры. „Der Schlüssel der oesterreichischen Frage ist Böhmen, denn das ist der erste Kollisionspunkt der Deutschen und Slaven in Oesterreich... Aber nicht nur für die oesterreichische, sondern auch für die ungarische Frage ist Böhmen der Schlüssel“. *Mercator*, стр. 26.

[2]) Т. V, стр. 725.

[3]) Къ этому періоду относится „декларація“ 1868 г., о которой см. выше, стр. 362 и 366.

надежда, въ чемъ нельзя не усматривать одного изъ косвенныхъ слѣдствій исхода франко-германской войны [1]). Чехи попрежнему продолжали бойкотировать и свой сеймъ, и рейхсратъ, но какъ-разъ въ это время среди нихъ началось раздѣленіе между „старыми“ и „молодыми“, изъ которыхъ послѣдніе высказались за прекращеніе забастовки. Въ 1874 г. въ сеймѣ мы уже видимъ засѣдающими семь „младочеховъ“, а въ 1878 г. въ него вернулись и всѣ остальные подъ непосредственнымъ давленіемъ избирателей, находившихъ дальнѣйшее уклоненіе безцѣльнымъ и даже вреднымъ. Въ 1879 г. чешскіе депутаты вернулись и въ рейхсратъ, послѣ чего въ исторіи Чехіи начинается періодъ правительственныхъ уступокъ и такихъ быстрыхъ успѣховъ чешскаго дѣла, что теперь уже нѣмцы стали опасаться за свое положеніе въ Богеміи. Но объ этомъ періодѣ рѣчь будетъ идти уже въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящаго тома, посвященномъ восьмидесятымъ и девяностымъ годамъ [2]).

Что касается до образованія „старочешской“ и „младочешской“ партій, то оно произошло путемъ постепеннаго выдѣленія изъ чешской національной партіи ея лѣваго крыла. Эта національная партія, какъ было уже сказано выше, стояла на точкѣ зрѣнія историческаго государственнаго права Чешскаго королевства, или „земель короны св. Вацлава“, т.-е. кромѣ самой Чехіи, еще Моравіи и Силезіи, гдѣ, кстати сказать, нѣмецкій элементъ былъ вообще гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ въ самой Чехіи. Такимъ образомъ, это была партія „историческаго права“, отрицавшая, однако, право давности, т.-е. въ данномъ случаѣ все, что произошло послѣ битвы при Бѣлой горѣ въ 1620 г. [3]). По теоріи чешской національной партіи, нашедшей свое выраженіе въ „декларацiи“ 1868 г., Чешское королевство соединено съ Австріей лишь династической уніей, которая не мѣшаетъ, однако, этому королевству при каждой перемѣнѣ царствованія заключать договоръ со своимъ государемъ въ формѣ обоюдной ихъ присяги, т.-е. коронаціонной со стороны короля въ соблюденіи конституціи и одновременно вѣрноподданнической со стороны сейма. Въ силу этой теоріи чешская національная партія и не хотѣла признавать рейхсратъ, какъ учрежденіе, не имѣющее никакого историческаго основанія и потому лишенное всякаго законнаго права распространять свою власть на Чехію. По вопросу о бойкотѣ рейхсрата возникло, впрочемъ, въ чешской партіи теченіе, въ которомъ все сильнѣе стала звучать нота сомнѣнія въ

---

[1]) См. выше, стр. 359—360.
[2]) См. въ главѣ XIX.
[3]) Т. II, стр. 336.

цѣлесообразности такого способа борьбы. На этой почвѣ и началось раздѣленіе, когда младочехи появились сначала въ богемскомъ сеймѣ, а потомъ настояли и на прекращеніи бойкота по отношенію къ рейхсрату. Не отличаясь такою непримиримостью къ австрійской конституціи, какую проявили старочехи, младочехи въ другихъ отношеніяхъ обнаружили болѣе либерализма и демократизма. Различіе во взглядахъ между обѣими фракціями когда-то единой національной партіи обнаружилось къ 1879 г. уже съ такою силою, что на выборахъ этого года онѣ выступили, какъ двѣ отдѣльныя партіи, между которыми происходило настоящее соперничество, за какимъ же направленіемъ пойдетъ нація. Старочехамъ ихъ противники стали ставить въ вину тяготѣніе ихъ къ клерикальнымъ и феодальнымъ элементамъ, какъ земскаго сейма, такъ и рейхсрата, и ихъ оппортунистическую политику компромиссовъ по отношенію къ правительству. Старочехи, стоявшіе и раньше въ своей непримиримости за чисто пассивную оппозицію, были недовольны, наоборотъ, активно-оппозиціоннымъ тономъ младочеховъ. Сами они, не отказываясь отъ чешскаго государственнаго права въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, каждый разъ отказывались поддерживать младочеховъ, когда тѣ въ сеймѣ предъявляли требованіе, чтобы въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь непремѣнно упоминалось о необходимости возвращенія Чехіи ея государственнаго права. Какъ мы еще увидимъ, въ восьмидесятыхъ годахъ старочехи были уже правительственною партіей, защищавшею отъ младочешскихъ нападокъ и милитаризмъ, и сближеніе съ Германіей, и вообще всю внутреннюю политику министерства. То, чего особенно добивались старочехи, касалось, главнымъ образомъ, правъ чешскаго языка въ школѣ, въ судѣ, въ администраціи, но они были противниками какихъ-либо прогрессивныхъ реформъ, отстаивая, наприм., куріальную систему выборовъ, противъ младочеховъ, требовавшихъ всеобщаго избирательнаго права вмѣстѣ съ расширеніемъ свободы печати, собраній, союзовъ и т. п. Главную свою опору старочехи имѣли въ помѣщичьей и торговой куріяхъ, по самому существу своему болѣе консервативныхъ, отчасти и вообще въ болѣе зажиточныхъ слояхъ мѣщанства и крестьянства, между тѣмъ какъ младочехи старались привлечь на свою сторону болѣе демократическіе элементы городского и сельскаго населенія, вслѣдствіе чего включали въ свою программу такія требованія, какъ облегченіе налоговаго бремени, дешевый кредитъ и т. п. Главнымъ вождемъ старочеховъ, немало способствовавшимъ той вліятельной роли, какую они играли въ восьмидесятыхъ годахъ, былъ Ригеръ, какъ главою младочеховъ въ восьмидесятыхъ годахъ сдѣлался Грегръ, одинъ изъ видныхъ представителей усиленнаго руссофильства, особенно отличавшаго младочешскую

партію [1]). Настоящая дѣятельность обѣихъ партій относится уже къ слѣдующему періоду. Пока достаточно отмѣтить, что въ восьмидесятыхъ годахъ главными представителями чеховъ въ рейхсратѣ были старочехи, и что такимъ образомъ изъ Чехіи въ австрійскій рейхсратъ шло главнымъ образомъ консервативное теченіе, усиливавшее клерикально-феодальные элементы нѣмецкой его части. Богемскіе нѣмцы, выбиравшіеся въ члены палаты депутатовъ нѣкоторыми округами „королевства", наоборотъ, были большею частью либералы.

Для лучшей характеристики чешско-нѣмецкихъ отношеній въ Богеміи мы позволимъ себѣ остановиться здѣсь нѣсколько подробнѣе на эпизодѣ раздѣленія пражскаго университета на нѣмецкій и чешскій. Вопросъ этотъ имѣетъ свою довольно длинную исторію, получившую завершеніе уже въ слѣдующемъ періодѣ, вслѣдствіе чего въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется забѣжать нѣсколько впередъ [2]).

Пражскій университетъ сталъ оставлять латинскій языкъ въ преподаваніи еще въ XVIII вѣкѣ, но, конечно, латынь смѣнилась нѣмецкимъ языкомъ, чешскій же былъ допущенъ лишь для пастырскаго богословія на теологическомъ факультетѣ и для одного „практическаго предмета" на медицинскомъ; въ XIX в. послѣднимъ было признано повивальное искусство, читавшееся для акушерокъ. Кромѣ того, въ 1793 г. въ пражскомъ университетѣ была учреждена лектура чешскаго языка и литературы, но съ 1832 г. и этотъ предметъ читался по-нѣмецки. Въ 1848 г. дѣло стало-было измѣняться, и начали читать курсы на чешскомъ языкѣ такіе профессора, какъ Челяковскій,

---

[1]) Фрáнтишекъ-Ладиславъ Ригеръ вмѣстѣ съ тестемъ своимъ Палацкимъ (т. V, стр. 572 и 575) былъ однимъ изъ видныхъ представителей чешскаго народа въ австрійскомъ конституціонномъ сеймѣ 1848 г. Въ качествѣ публициста онъ отстаивалъ потомъ права чешской національности, между прочимъ, и передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ (книга „Le slaves d'Autriche", изданная въ 1860 г. въ Парижѣ). Въ шестидесятыхъ годахъ Ригеръ работалъ въ органѣ Юлія Грегра „Narodní listy", но оставилъ его изъ-за разногласія съ главнымъ редакторомъ по вопросу объ отношеніи къ польскому возстанію 1863 г., которому Грегръ сочувствовалъ, но которое порицалось Палацкимъ и Ригромъ. Органами послѣднихъ были потомъ „Narod" и „Pokrok" (Прогрессъ). См. *H. Hantich.* François-Ladislas Rieger („Revue politique et parlementaire" за 1905 г.). Что касается Грегра, названнаго въ текстѣ, то его не слѣдуетъ смѣшивать съ упомянутымъ въ этомъ же примѣчаніи его младшимъ братомъ (его звали Эдуардомъ, того Юліемъ). Какъ вождь младочеховъ, онъ сталъ играть особенно видную роль только послѣ избранія своего въ рейхстагъ въ 1883 г.

[2]) Въ 1907 г. чешскій университетъ въ Прагѣ отпраздновалъ первую четверть своего существованія, что было ознаменовано выходомъ въ свѣтъ книги: *J. Goll.* Rozdělení pražské university Karlo—Ferdinandowy roku 1882 a počátek samostatné university české (1908). — Die Karl-Ferdinands-Universität in Prag und die Čechen (1886; брош.).

Ганушъ, Воцель, Ганка [1]), нѣсколько позже Томекъ (чешская исторія котораго есть и въ русскомъ переводѣ), но къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ преподаваніе на чешскомъ языкѣ, противное общему духу австрійской реакціи того времени, пришло въ упадокъ: самое слушаніе лекцій, читаемыхъ по-чешски, считалось признакомъ политической неблагонадежности. Преподаваніе на чешскомъ языкѣ, да и то очень немногихъ предметовъ, стало оживляться только съ 1860 г., и даже были въ то время такіе профессора, которые читали лекціи и по-нѣмецки, и по-чешски. Изъ-за стремленія чеховъ къ равноправности обоихъ языковъ въ пражскомъ университетѣ между представителями обѣихъ національностей произошли, однако, пререканія, которыя изъ университета перешли и въ богемскій сеймъ. Въ 1866 г. Ригеръ потребовалъ на сеймѣ, чтобы по всѣмъ предметамъ, по которымъ сдаются экзамены, на всѣхъ факультетахъ были учреждены двойныя каѳедры, и чтобы экзамены можно было сдавать и по-чешски. Противъ этого предложенія возражалъ чешскій графъ Леонъ Тунъ, который стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что въ Богеміи вообще можно было употреблять въ общественной жизни оба языка для обѣихъ же національностей. Въ университетѣ, по его мнѣнію, нужно было предоставить право профессорамъ читать лекціи, а студентамъ сдавать экзамены, какъ кому нравится, т.-е. или по-нѣмецки, или по-чешски, или хотя бы и на обоихъ языкахъ. Съ своей стороны, нѣмцы, опасаясь за самое существованіе своего университета, уже тогда предлагали совсѣмъ раздѣлиться, но чехи этого не хотѣли. Сеймъ 1866 г. принялъ резолюцію Туна, и самъ академическій сенатъ, т.-е. совѣтъ университета въ 1868 г. выразилъ готовность принять къ исполненію эту резолюцію. Иначе отнеслось къ дѣлу правительство, бывшее недовольнымъ по поводу политическаго поведенія чеховъ [2]). Только съ образованіемъ кабинета Гогенварта, въ составѣ котораго министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлался чехъ Іосифъ Іиречекъ, дѣло стало принимать для чеховъ болѣе благопріятный оборотъ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ былъ выработанъ и одобренъ министромъ народнаго просвѣщенія планъ раздѣленія университета на параллельные факультеты, одни съ нѣмецкимъ, другіе съ чешскимъ преподаваніемъ. Когда Іиречка смѣнилъ нѣмецъ Штремайръ, дѣло снова остановилось, но планъ раздѣленія университета на параллельные факультеты становился все болѣе и болѣе популярнымъ въ Чехіи. Уже въ 1872 г. была составлена въ этомъ смыслѣ петиція пражскимъ городскимъ совѣтомъ, къ которой стали присоединяться и другіе города.

[1]) Авторъ „новѣйшаго произведенія древне-чешской письменности". Т. IV, стр. 402—403

[2]) См. выше, стр. 366.

Своего, отдѣльнаго университета чехи еще тогда не добивались вовсе, хотя на богемскомъ сеймѣ 1876 г., будучи сами въ меньшинствѣ, и указывали правительству на возможность, если бы оно нашло это лучшимъ, основать совсѣмъ новый университетъ для чеховъ. Не было у чеховъ требованія объ отдѣльномъ университетѣ и послѣ, когда они, отказавшись отъ политики воздержанія, послали своихъ депутатовъ въ рейхсратъ. Въ 1879 г. въ особомъ меморіалѣ правительству чешскіе депутаты возвращались къ точкѣ зрѣнія Ригра отъ 1866 г. Наоборотъ, нѣмецкіе депутаты изъ Богеміи въ своемъ меморіалѣ правительству, поданномъ въ 1880 г., отстаивали необходимость сохраненія за Пражскимъ университетомъ его чисто нѣмецкаго характера, если же,— прибавляли они,—нужно удовлетворить желанія чеховъ, то пусть уже будетъ имъ данъ отдѣльный университетъ: нѣмцы продолжали бояться, что принятіе предложенія Ригра поведетъ только, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, къ чехизаціи университета. Когда содержаніе этого меморіала сдѣлалось извѣстнымъ профессорамъ изъ чеховъ, они составили на него отвѣтъ, въ которомъ уже высказывались за планъ временъ министерства Гогенварта, который, въ сущности, былъ составленъ однимъ изъ этихъ профессоровъ (Томкомъ). На этотъ разъ, однако, раздѣленіе на параллельные факультеты разсматривалось и самими чехами, какъ переходная мѣра къ полному отдѣленію. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ пражскій академическій совѣтъ составилъ самъ петицію въ рейхсратъ, которую поддержали и другіе австрійскіе университеты вѣнскій, грацскій, иннсбрукскій и черновицкій), боявшіеся утраквизаціи пражскаго университета.

Въ самомъ дѣлѣ, раздѣленіе было лучшимъ, что̀ при тогдашнихъ обстоятельствахъ можно было придумать: университетъ съ двумя равноправными языками преподаванія былъ утопіей, въ дѣйствительности же по поводу замѣщенія каѳедръ, экзаменовъ и т. п. происходили взаимныя обвиненія, не говоря уже о многихъ чисто практическихъ неудобствахъ. Само правительство увидѣло необходимость раздѣленія, тѣмъ болѣе, что въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ высшія сферы въ Вѣнѣ находили не лишнимъ дать награду чехамъ за ихъ „законопослушность“. Въ апрѣлѣ 1881 г. было издано „высочайшее постановленіе“, повелѣвавшее устроить (einrichten) университетъ въ Прагѣ такимъ образомъ, чтобы, вмѣсто одного, было два университета, нѣмецкій и чешскій, но чтобы оба они разсматривались, какъ продолженіе прежняго Пражскаго университета и чтобы поэтому каждый сохранялъ прежнее названіе „Carolo-Ferdinandeum“. Нѣмцы, раньше чеховъ высказывавшіеся за раздѣленіе, всегда стояли за то, чтобы чешскій университетъ былъ совершенно новымъ, и рѣшеніе, признававшее чешскій университетъ равноправнымъ съ нѣмецкимъ продолженіемъ стараго, было, разумѣется,

въ пользу чеховъ, поскольку у университета были разные фонды, учрежденія и т. п. Нѣмцы были недовольны такимъ оборотомъ дѣла, и въ рейхсратѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли еще правительство право основывать новые университеты. Правительство, впрочемъ, не настаивало на своемъ правѣ, объявивъ, что данный случай представляетъ собою только исключеніе изъ общаго правила. Когда дѣло дошло до ассигнованія кредитовъ на устройство чешскихъ философскаго и юридическаго факультетовъ, то рейхсратъ отпустилъ до смѣшного малыя суммы, какъ на личный ихъ составъ (9 тыс. гульденовъ), такъ и на оборудованіе аудиторій, кабинетовъ и лабораторій (14 тыс. гульденовъ). Вопросъ, кое-какъ рѣшенный въ палатѣ депутатовъ, задержала затѣмъ на довольно продолжительное время палата господъ, и только въ февралѣ 1882 г. могла состояться санкція парламентскихъ рѣшеній, оказавшихся необходимыми для исполненія „высочайшаго постановленія“. Настоящимъ наслѣдникомъ стараго „Carolo-Ferdinandeum'a“ сдѣлался университетъ нѣмецкій, чешскому было только обѣщано устроить новыя учрежденія, что же касается до библіотеки и архива, то они были оставлены въ общемъ пользованіи [1]), равно какъ и актовый залъ (aula). Изъ-за раздѣла университетскихъ зданій возникли пререканія, потому что нѣмцы хотѣли оставить за собою старѣйшее зданіе (Carolinum), отдавъ чехамъ построенное позднѣе (Clementinum), но чехи проявили большое упорство, чтобы тоже имѣть свою долю въ „историческомъ зданіи“ университета. Споры происходили также и по вопросу о томъ, въ какихъ отношеніяхъ будутъ находиться преемники ректора и декановъ въ двухъ университетахъ къ своимъ предшественникамъ, занимавшимъ эти должности въ единомъ университетѣ: прежніе ректоръ и деканы признали своими преемниками только нѣмецкихъ ректора и декана, и академическій сенатъ отказалъ чехамъ даже въ томъ, чтобы дать имъ на прокатъ университетскія инсигніи для торжественнаго акта (это заставило чеховъ заказать себѣ новыя инсигніи). По земскому уставу 1861 г. [2]) въ составъ богемскаго сейма долженъ былъ входить ректоръ университета, но ландмаршалъ, кн. Карлъ Ауэрспергъ, доложилъ сейму о выборѣ только новаго нѣмецкаго ректора, котораго и пригласилъ къ участію въ работахъ сейма, какъ будто чешскаго университета вовсе и не существовало. Потомъ уже само правительство позаботилось о томъ, чтобы и ректоръ чешскаго университета занялъ мѣсто въ сеймѣ. Та же

[1]) Общимъ оставался еще и богословскій факультетъ, такъ какъ архіепископъ пражскій, кардиналъ Шварценбергъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ раздѣленія; только послѣ его смерти чешскій университетъ получилъ свой отдѣльный богословскій факультетъ (съ $189^1/_2$ академическаго года).

[2]) См. выше, стр. 12.

фактическая неравноправность двухъ университетовъ проявилась и въ томъ, что на государственныхъ экзаменахъ отъ чешскихъ студентовъ обязательно требовалось знаніе нѣмецкаго языка, но отъ нѣмецкихъ студентовъ знанія чешскаго не требовалось [1]). Конечно, во все время споровъ между нѣмцами и чехами изъ-за университета съ нѣмецкой стороны постоянно выдвигались такіе аргументы, что у чеховъ не хватитъ своихъ научныхъ силъ, что чешская научная литература крайне слаба, что самъ чешскій языкъ недостаточно выработанъ, дабы стать органомъ высшаго преподаванія и т. п. За двадцать пять лѣтъ своего существованія чешскій университетъ опровергъ всѣ эти опасенія, и въ концѣ XIX в. чехи уже настаивали на томъ, что одного университета для всей земли чешской мало, и что потому нуженъ другой чешскій университетъ—въ Моравіи [2]).

---

[1]) Только Бадени въ 1897 г. потребовалъ знанія правительственными чиновниками въ Богеміи обоихъ языковъ, но съ отставкою Бадени это распоряженіе утратило силу.

[2]) См. ниже, въ главѣ XIX. Аналогичный университетскій споръ существуетъ и во Львовскомъ университетѣ, гдѣ равнымъ образомъ идетъ борьба между польскимъ большинствомъ и русинскимъ меньшинствомъ. Львовскій университетъ былъ учрежденъ въ 1784 г. съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, но въ 1848 г. правительство объявило, что преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ будетъ только временнымъ, пока не подготовятся мѣстныя ученыя силы. Обѣщаніе это было, впрочемъ, забыто, хотя отъ 1848 — 49 гг. и остались въ Львовскомъ университетѣ двѣ русинскія каѳедры (языка съ литературой и пастырскаго богословія). Сдѣлавъ въ 1861 г. Краковскій университетъ польскимъ, правительство намѣревалось Львовскій университетъ сдѣлать постепенно русинскимъ, но отмѣна нѣмецкаго языка произошла здѣсь только въ 1871 г., причемъ говорилось уже о введеніи преподаванія на одномъ изъ языковъ края (Landessprache). „Въ продолженіе трехъ лѣтъ, говоритъ львовскій профессоръ-украинецъ Грушевскій, каѳедры были замѣщены поляками, благодаря дружнымъ усиліямъ польской администраціи, университета и министерства, въ которомъ польское вліяніе было достаточно сильно... Въ 1874 г. Львовскій университетъ былъ фактически польскимъ, и разъ завладѣвъ университетомъ, поляки оказались въ немъ вполнѣ господами положенія“. *М. Грушевскій.* Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи (1905), стр. 31—32. Русинамъ дано было лишь нѣсколько каѳедръ (сначала четыре, потомъ шесть). Въ сущности, лекціи могутъ читаться на томъ или другомъ языкѣ, но читаются только на польскомъ, такъ какъ каѳедры занимаются поляками, хотя ученыя силы стали находиться и между русинами. См. также брошюру *проф. Грушевскаго* „Справа украиньского університету у Львові“ (1899), а также *Finkel i Starzyński.* Historya uniwersytetu lwowskiego. Въ настоящее время русинское меньшинство стало на точку зрѣнія утраквизаціи, въ которой поляки видятъ опасность для себя; поэтому они терпятъ лишь нѣкоторое количество каѳедръ, занятыхъ русинами. Вопросъ объ основаніи отдѣльнаго русинскаго университета въ Галиціи многими теперь считается только вопросомъ времени. Извѣстно

Особая враждебность австрійскихъ нѣмцевъ къ чехамъ объясняется не только тѣснымъ сожительствомъ обѣихъ національностей въ Чехіи, но бывшимъ всегда особенно рѣзко выраженнымъ у чеховъ ихъ „панславистическимъ“ направленіемъ. Дѣйствительно, чехи еще въ первой половинѣ XIX в. были главными дѣятелями славянскаго возрожденія и проповѣдниками славянской взаимности: въ дѣятельности чешскихъ патріотовъ какъ бы воплощался весь духъ славянской оппозиціи противъ всего нѣмецкаго [1]). Не могло нравиться нѣмцамъ и то руссофильство, какимъ всегда отличалось большинство чешскаго образованнаго общества [2]). Совсѣмъ иными должны были быть отношенія австрійскихъ нѣмцевъ къ полякамъ. Въ Галиціи, гдѣ польской народности принадлежало экономическое и культурное преобладаніе, нѣмцевъ было не такъ много, какъ въ Чехіи, и слѣдовательно, въ этой области не могло существовать тѣхъ острыхъ отношеній, какія создались въ Чехіи. Съ другой стороны, у поляковъ не было такого напряженнаго славянскаго самосознанія въ его враждебно-противоположномъ отношеніи къ германизму, какое характеризуетъ чеховъ, руссофильство же послѣднихъ здѣсь замѣнялось, наоборотъ, крайнею непріязнью къ Россіи. Таковы были причины того, что къ полякамъ Вѣна могла относиться вообще уступчивѣе. Правда, еще въ серединѣ XIX в. австрійское правительство относилось крайне подозрительно къ польскимъ національнымъ стремленіямъ, и это особенно испытала на себѣ галиційская шляхта во время знаменитаго погрома помѣщиковъ крестьянами въ 1846 г. [3]), но стоило только полякамъ заявить о своей лойяльности и доказать эту лойяльность поведеніемъ въ рейхсратѣ, чтобы получить отъ правительства все, вплоть до господства надъ русинскою народностью, состоявшею главнымъ образомъ изъ крестьянской массы. Австрійское правительство охотно защищало угнетенныя народности, когда нужно было на нихъ опираться въ борьбѣ съ ихъ угнетателями, если только послѣдніе вызывали противъ себя неудовольствіе, но разъ положеніе измѣнялось, правительство охотно становилось на сторону сильныхъ противъ слабыхъ. Въ свое время это испытали на себѣ хорваты, выданные Вѣною мадьярамъ, пришлось это испытать на себѣ и русинамъ.

Славянское возрожденіе первой половины XIX в. коснулось,

также, что за послѣдніе годы въ Австріи довольно острое значеніе пріобрѣлъ и вопросъ объ основаніи особеннаго университета для итальянскихъ подданныхъ монархіи.

[1]) Т. V, стр. 401 и слѣд.

[2]) Особенно косо смотрѣли правительство и нѣмцы на роль, какую играли чехи въ славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, бывшемъ въ 1867 г.

[3]) Т. V, стр. 412.

какъ извѣстно [1]), и той части малорусскаго племени, которая населяетъ восточную половину Галиціи. Однимъ изъ обычныхъ проявленій галицко-русскаго національнаго возрожденія сдѣлалось крайнее нерасположеніе къ полякамъ, соединявшееся съ самою вѣрноподданническою преданностью австрійскому правительству. Въ Вѣнѣ этотъ антагонизмъ былъ очень хорошо извѣстенъ, и на немъ въ 1848 г. губернаторъ Галиціи, гр. Стадіонъ, обосновалъ всю свою политику: пока въ русинахъ была нужда, имъ оказывалось всякое покровительство, а потомъ, когда надобность могла считаться миновавшею, ихъ предоставляли ихъ собственной судьбѣ. Заявленіе русинами о правахъ своей народности было столь неожиданнымъ фактомъ, что составилось даже нелѣпое мнѣніе, будто „рутены", какъ оффиціально обозначалась эта народность, были плодомъ административнаго измышленія австрійскихъ властей, когда новшествомъ было только примѣненіе нѣмцами термина „Ruthenen" къ населенію, обозначавшемуся прежде, какъ „Russen" [2]). Поляки были крайне недовольны развитіемъ среди русиновъ національнаго самосознанія и усматривали въ этомъ преступную измѣну единству польской націи, гибельный сепаратизмъ, якобы внушенный части населенія врагами польскаго народа [3]). И у австрійскихъ властей, и у польскихъ политическихъ дѣя-

---

[1]) Т. V, стр. 404—405.

[2]) Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. особенно охотно русскую Галицію называли „Russia rubra" (Червоная Русь) или „Rotrussland", населеніе— „Rotreussen".

[3]) О томъ, какъ иногда понимается русинскій вопросъ въ польской публицистикѣ, свидѣтельствуетъ, наприм., небольшая книжка „„Ruś Galicyjska, jej separatyzm, przyczyny tego ż, działania i skutki" (1888), авторъ которой называетъ себя „русиномъ, но не изъ шайки Стадіона и не съ московскимъ алфавитомъ". Между прочимъ, авторъ говоритъ слѣдующее: „Русинскій вопросъ (kwestya ruska), никогда прежде никѣмъ не поднимавшійся и не обращавшій на себя ничьего вниманія (zaniedbana), никого вообще не касавшійся (nikogo w ogóle nie obchodząca), бывшій безразличнымъ и совершенно постороннимъ для самихъ русиновъ, вполнѣ неизвѣстнымъ во всей Европѣ и въ цѣломъ мірѣ, признавался заодно съ вопросомъ польскимъ, какъ это и было на самомъ дѣлѣ. Само по себѣ небольшое различіе въ говорѣ русинскаго люда (w mowie ludu rusińskiego), котораго никто, кромѣ простонародья, не употреблялъ и который былъ такъ соединенъ съ польскимъ языкомъ, что сами поляки пользовались имъ въ короткихъ и остроумныхъ присловьяхъ, считалось только нарѣчіемъ наравнѣ съ мазурскимъ, шлёнскимъ (=силезскимъ), кашубскимъ и другими нарѣчіями образованнаго польскаго языка. Теперь этотъ вопросъ, поднятый безъ всякихъ законныхъ и добросовѣстныхъ поводовъ, безъ всякихъ охоты и стремленій самихъ же русиновъ, только въ цѣляхъ превратной политики враговъ народа (т.-е. поляковъ)", и т. д. „Трудно, говоритъ еще авторъ, понять и объяснить то, что значительная часть народа подверглась заблужденію, безчестнымъ махинаціямъ, гнусной политикѣ развращеннаго врага

телей была одна общая забота — не допускать тяготѣнія малорусскаго населенія Галиціи къ Россіи, что̀, между прочимъ, выразилось въ попыткѣ бывшаго въ шестидесятыхъ годахъ намѣстникомъ Галиціи, польскаго патріота гр. Агенора Голуховскаго ввести въ украинскій языкъ латинскую азбуку. Представитель федералистическаго теченія, онъ стремился къ автономіи Галиціи [1]), но, по его мнѣнію, автономная Галиція должна была быть безусловно польскою, что̀ онъ и осуществлялъ всѣми мѣрами, какія находятся въ распоряженіи власти, когда и еще не разъ занималъ должность намѣстника Галиціи.

Послѣ установленія австро-венгерскаго дуализма вѣнское правительство охотно дѣлало уступки польскимъ притязаніямъ, напр., въ видѣ замѣны польскимъ языкомъ нѣмецкаго въ галиційской администраціи, но поляки не отставали отъ чеховъ въ своемъ оппозиціонномъ отношеніи къ рейхсрату, изъ котораго они подобно чехамъ тоже выходили [2]). Министерство Гогенварта относилось въ высшей степени сочувственно къ автономіи Галиціи [3]), но его планы не осуществились, и поляки продолжали оставаться въ оппозиціи. Имъ, конечно, мудрено было бы ссылаться на такое же „государственное право“ въ обладаніи каковымъ считали себя мадьяры и чехи, но и они добивались расширенія законодательной компетенціи своего земскаго сейма, распространивъ ее вообще на вопросы внутренняго управленія и суда, народнаго образованія, торговли, кредита и т. п., съ тѣмъ, чтобы въ рейхсратѣ галиційскіе послы принимали участіе въ обсужденіи и рѣшеніи лишь общихъ дѣлъ всей монархіи [4]). Въ своемъ бойкотѣ рейхсрата поляки оказались, однако, менѣе упорными, нежели чехи, въ награду за что̀ стали получать все бо̀льшія и бо̀льшія уступки, тѣмъ болѣе, что́ Вѣнѣ не могли не нравиться феодально-клерикальныя тендеціи наиболѣе вліятельныхъ польскихъ круговъ

народа, обратилась къ самымъ подлымъ средствамъ пропаганды сепаратизма, чтобы отдѣлиться отъ всего народа, съ ненавистью въ сердцѣ противъ собственныхъ братьевъ, отдавая предпочтеніе вражеской никчемной политикѣ передъ освященными теченіемъ вѣковъ законами исторіи, религіи, политики“ и т. д. Любопытно, что у насъ тоже есть люди, утверждающіе, что эту же самую національность изобрѣла, наоборотъ, польская интрига на погибель единства русскаго народа и на зло Россійской имперіи.

[1]) Въ 1859—1860 г. онъ былъ австрійскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. *Br. Łoziński.* Agenor Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich.

[2]) См. выше, стр. 370.

[3]) Въ составѣ этого министерства былъ полякъ (Грохольскій) и вообще австрійское правительство не отказывалось назначать министрами поляковъ (Голуховскій, Потоцкій и др.).

[4]) Требованія „резолюціи“, о которой выше, стр. 366.

Галиціи. Полякамъ въ этой странѣ тѣмъ легче было достигнуть господства, что при куріальной системѣ большинство въ мѣстномъ сеймѣ не могло не быть польскимъ. Въ 1877 г. на полтораста членовъ львовскаго сейма приходился русинскихъ депутатовъ только одинъ десятокъ, четырьмя же годами раньше ихъ было даже только три. „Мы, откровенно признавался одинъ изъ австрійскихъ министровъ этой эпохи [1]), пожертвовали имъ (т.-е. полякамъ) рутенами", и это была полная правда. Русинамъ предстояла сильная борьба за національную равноправность, но долгое время руководителями народа въ этомъ отношеніи были мѣстные консерваторы, пока среди украинской интеллигенціи не началось болѣе прогрессивное направленіе. Самое, однако, возникновеніе послѣдняго стоитъ въ связи съ еще бо̀льшимъ, нежели между старо- и младо-чехами въ Богеміи, расколомъ единой національной оппозиціи на „москалефиловъ" и „народовцевъ" [2]), распри между которыми, конечно, не могли содѣйствовать успѣху ихъ борьбы съ побѣдоноснымъ полонизмомъ.

Въ общемъ уже въ семидесятыхъ годахъ вполнѣ опредѣлилось особенно дружелюбное отношеніе австрійскаго правительства къ польскому элементу въ Галиціи, — отношеніе, создавшее въ слѣдующемъ періодѣ для этой области особенно привилегированное положеніе во всей Цислейтаніи [3]).

Въ этой главѣ могъ бы быть еще разсмотрѣнъ вопросъ о томъ, каковы же были тѣ отношенія, которыя устанавливались въ австрійскомъ рейхсратѣ между разными славянскими народностями, напр., между чехами и поляками, но факты, проливающіе свѣтъ на эту сторону политической жизни Австріи, удобнѣе разсмотрѣть въ обзорѣ ея исторіи за послѣднія два десятилѣтія XIX в. [4]).

---

[1]) Гербстъ.

[2]) *О. Терлецкій.* Москвофилы и народовцы (1874 и 1902).—*М. Драгомановъ.* Литературно-суспильни партій въ Галичини (1904).

[3]) Въ статьѣ *гр. Адальберта Дзѣдушицкаго* „Galizien unter Kaise Franz-Joseph I", помѣщенной по поводу шестидесятилѣтняго юбилея Франца-Іосифа въ первомъ декабрьскомъ выпускѣ „Oesterreichische Revue" за 1908 г., проводится мысль, что политика „примиренія" Галиціи съ Австріей была всецѣло съ самаго же начала личнымъ дѣломъ императора. Въ серединѣ XIX в. въ Галиціи „allgemein wurde die russische und preussische Regierung über die oesterreichische gestellt", а потомъ Францъ-Іосифъ сдѣлался „популярнѣйшею личностью" какъ и въ Галиціи, такъ и за ея предѣлами, „so weit das polnische Idiome erklingt" (стр. 356). Послѣднее замѣчаніе понятно подъ перомъ поляка, думающаго, кстати, что польско-русинская распря является лишь подражательнымъ отголоскомъ національной вражды въ Богеміи: „ausserdem hat das Beispiel der nationalen Fehde in Böhmen das Verhältniss zwischen Polen und Ruthenen oft getrübt" (стр. 358).

[4]) Въ главѣ XIX.

XII. — Отношеніе Западной Европы къ балканскимъ дѣламъ второй половины семидесятыхъ годовъ [1]).

Внутренняя исторія и внѣшняя политика. — Восточный вопросъ и его роль въ исторіи международныхъ отношеній европейскихъ государствъ. — Австрійскіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ.—Вліяніе разгрома Франціи на положеніе Турціи.—Герцеговинское возстаніе и вмѣшательство Европы въ дѣла Балканскаго полуострова.—Славянское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ и отношеніе къ нему Европы. — Русско-турецкая война 1877—78 гг. — Санъ-Стефанскій миръ и берлинскій конгрессъ. — Западное вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ.

Разсмотрѣвъ въ послѣднихъ семи главахъ внутреннюю исторію Франціи, Германіи, Англіи, Италіи и Австро-Венгріи въ семидесятыхъ

---

[1]) Кромѣ соч. по восточному вопросу, указывавшихся въ томахъ IV (стр. 135, 227) и V (стр. 1, 144 и 652) для болѣе ранняго времени, см. *A. Debidour.* Histoire diplomatique de l'Europe. т. II, гл. XIII (La crise orientale et le traité de Berlin, стр. 477—534).—*Bengesco.* Essai d'une notice bubliographique sur la question d'Orient de 1821 à 1897 (1897).—*E. Bourgeois.* Manuel historique de politique étrangère (въ трехъ частяхъ доведено до 1878 г.).—*F. Bamberg.* Geschichte der orientalischen Angelegenheiten im Zeitraume der Pariser und der Berliner Friede (1888).—*Driault.* La question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours (1905; 3 изд.).—*Choublier.* La question d'Orient depuis le traité de Berlin (1897).—*A. Beer.* Die orientalische Politik Oesterreichs (1883).—*С. Горяиновъ.* Босфоръ и Дарданелы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ, по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главномъ архивахъ (1907).—*Герц. Аргайльскій.* Отвѣтственность Англіи въ восточномъ вопросѣ (1908).—Равнымъ образомъ въ трудѣ *С. Татищева* объ Александрѣ II, на который мы ссылались выше (стр. 120), см. „книгу VI" подъ заглавіемъ „Освобожденіе балканскихъ христіанъ, 1875—1880" (стр. 291—576). Въ частности о Босніи и Герцеговинѣ см.: *А. Гильфердингъ.* Боснія, Герцеговина и Старая Сербія (1859; вошло въ Собр. соч.).—*Г. Б.* Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ (1875).—*А. Паевичъ.* Изъ Црне Горе и Херцеговине (1891).—*Н. Кораблевъ.* Боснія и Герцеговина, ихъ прошлое и настоящее (1908).—О берлинскомъ конгрессѣ: *Bluntschli.* Le congrès du Berlin („Revue du droit international", 1881).—*G. Wyrouboff.* La question d'Orient et le traité de Berlin. — *W. Brunswick.* Le traité de Berlin annoté et commenté.—*Baron d'Avril.* Négociations relatives au congrès de Berlin. — *Hanotaux.* Le congrès de Berlin. („Revue de deux mondes" за 1908 г.; отрывокъ изъ приготовленнаго къ печати IV тома его „Histoire contemporaine"). Для исторіи занятія Босніи и Герцеговины войсками Франца-Іосифа и положенія обѣихъ областей подъ австро-венгерскимъ управленіемъ укажемъ: Die Occupation Bosniens und Herzegovine durch die Kais.-Kön. Truppen (1880; оффиц. изд.). — *А. Липранди.* Австрійская оккупація Босніи и Герцеговины (1895).—*Petriniensis.* Bosnien und das Kroatische Staatsrecht (1908).—*L. Neumann.* L'empire Austro-Hongrois, la Bosnie et l'Herzégovine („Rev. d. droit internat.", 1879).—*Lingg.* Die staatsrechtliche Stellung Bosniens und der Her-

годахъ XIX в., прежде чѣмъ перейти къ изложенію главныхъ событій и явленій той же ихъ внутренней жизни въ два послѣднія десятилѣтія вѣка, мы остановимся теперь на международныхъ отношеніяхъ въ послѣдней трети столѣтія [1]) и на колоніальной политикѣ западноевропейскихъ государствъ за это же время [2]). Во многихъ отношеніяхъ внутренняя исторія не можетъ быть достаточно выяснена безъ очерка этихъ внѣшнихъ отношеній. И въ предыдущихъ главахъ намъ уже приходилось ссылаться на нѣкоторые факты изъ исторіи международныхъ отношеній [3]), но въ дальнѣйшемъ надобность въ этомъ будетъ встрѣчаться еще чаще. Дѣло въ томъ, что внутренняя и внѣшняя политика отдѣльныхъ государствъ находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Экономическое, культурное и политическое состояніе страны всегда такъ или иначе отражается на ея международномъ положеніи, которое въ свою очередь производитъ то или другое давленіе на внутреннюю жизнь. Союзы между отдѣльными государствами не всегда обусловливаются соображеніями внѣшней безопасности, но и мотивами внутренняго значенія, а съ другой стороны сами даютъ извѣстную окраску внутренней политикѣ. Кромѣ того, правительства нерѣдко выдвигаютъ впередъ вопросы международнаго характера для отвлеченія отъ внутреннихъ вопросовъ, да и сами народы очень часто изъ-за внѣшнихъ цѣлей на время забываютъ свои домашнія дѣла. Далѣе, иностранная политика представляетъ собою поле, на которомъ совершаются также столкновенія политическихъ партій какъ между собою, такъ и съ правительствомъ. Наконецъ, въ игрѣ бываютъ еще замѣшанными и экономическіе интересы отдѣльныхъ націй. Государства ведутъ между собою войны и безъ кровопролитій, такъ называемыя таможенныя войны и заключаютъ не только мирные или союзные договоры, но и договоры торговые. Часто международные конфликты какъ-разъ и возникаютъ изъ экономическаго соперничества, и, наоборотъ, дурныя отношенія въ торговой политикѣ являются въ результатѣ недоразумѣній на политической почвѣ. Съ другой стороны, вопросы свободной торговли и протекціонизма въ политикѣ внутренней тѣсно переплетаются съ вопросами внѣшней политики, не говоря уже о томъ, что вопросы колоніальной политики имѣютъ громадное значеніе какъ во внѣшней, такъ и во внутренней исторіи одновременно

zegowina („Arch. für öffentl. Recht“, 1889). — *Schneller*. Die staatsrechtliche Stellung Bosniens und der Herzegowina, 1892). — *Spalaïkovitch*. La Bosnie et l'Herzégovine („Etud. d'hist. diplom. et de droit intern., 1897). — *Knell*. La Bosnie et l'Herzégovine (1900). — *Андрэ Барръ*. Босnія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ (1909)

[1]) Главы XII и XIII.

[2]) Глава XIV.

[3]) См., напр., выше, стр. 342, 359 и др.

Въ настоящей главѣ намъ, собственно говоря, придется заняться исторіей международныхъ отношеній только второй половины семидесятыхъ годовъ, такъ какъ все существенно важное до 1875 г. включительно уже было разсмотрѣно раньше [1]). На этотъ разъ вниманіе наше должно быть направлено на отношеніе Западной Европы къ новому обороту, который былъ принятъ восточнымъ вопросомъ подъ вліяніемъ герцеговинскаго возстанія 1875 г.

На вѣнскомъ конгрессѣ восточный вопросъ былъ обойденъ по настойчивому желанію Александра I, и изъ всѣхъ государствъ Европы, территоріальная неприкосновенность которыхъ была гарантирована международнымъ соглашеніемъ, исключеніе было сдѣлано для одной Турціи. Султанъ равнымъ образомъ не былъ приглашенъ участвовать и въ Священномъ союзѣ, какъ союзѣ исключительно христіанскомъ [2]). Россія въ это время только-что отторгла отъ Оттоманской имперіи Бессарабію, и Меттернихъ подозрѣвалъ, что русскій императоръ думаетъ въ союзѣ съ Франціей продолжать разрушеніе когда-то грозной имперіи. Опасенія австрійскаго министра были совершенно напрасны, потому что Александръ I оставилъ начавшееся въ 1821 г. греческое возстаніе на произволъ судьбы, какъ чисто революціонное [3]), и только Николай I въ союзѣ съ Англіей и Франціей [4]),—которыя потомъ были, наоборотъ, противницами его восточной политики,—поддержалъ грековъ въ ихъ борьбѣ съ турками, что̀ было одною изъ причинъ русско-турецкой войны 1828 — 29 г. Австрія въ это время не вела дѣятельной политики на Востокѣ, и главною соперницею русской восточной политики во все царствованіе Николая I послѣ адріанопольскаго мира и основанія Греческаго королевства сдѣлалась Англія. Своею цѣлью Англія поставила поддержку европейскаго равновѣсія, для котораго считала существенно важнымъ охранять неприкосновенность владѣній султана. На сторону Англіи стала и Франція, но ни та, ни другая не оказали султану помощи, когда противъ него возмутился его намѣстникъ въ Египтѣ, Мехметъ-Али. Защита цѣлости имперіи пришла тогда со стороны Россіи, воспользовавшейся всѣми этими обстоятельствами для того, чтобы заключить (1833) выгодный для себя договоръ съ султаномъ, еще болѣе, чѣмъ адріанопольскій миръ, подчинившій Турцію русскому вліянію [5]). И въ это время Австрія не предпринимала ничего на Востокѣ, такъ какъ іюльская революція закрѣпила узы Священнаго союза, въ смыслѣ единодушія Австріи,

---

[1]) См. первую половину главы IV, стр. 108—122.
[2]) Т. IV, стр. 318—319.
[3]) Т. IV, стр. 318.
[4]) Т. V, стр. 12—13.
[5]) Т. V, стр. 159.

Пруссіи и Россіи [1]). Австрія продолжала бездѣйствовать и тогда, когда въ 1839 г. Турція потерпѣла пораженіе въ войнѣ съ египетскимъ пашею, несмотря на то, что въ это время англо-французское соглашеніе разстроилось, такъ какъ Англія болѣе благопріятствовала султану, а Франція намъ; въ это время Пальмерстонъ даже вступалъ въ переговоры съ австрійскимъ правительствомъ, желая имѣть его на своей сторонѣ и получить отъ него содѣйствіе въ поддержкѣ султана, но опять вопросъ нашелъ свое разрѣшеніе, благодаря тому, что видамъ Англіи согласился благопріятствовать русскій императоръ. Впрочемъ, когда уже состоялось соглашеніе четырехъ великихъ державъ (всѣхъ, кромѣ Франціи) въ пользу султана, и вмѣстѣ съ турецкой и англійской эскадрой, усмирявшей Мехмета-Али, дѣйствовала и австрійская эскадра. Послѣ этого, какъ извѣстно, былъ заключенъ (1841) общій договоръ всѣхъ державъ съ Турціей, закрывшій Дарданеллы и Босфоръ для военныхъ флотовъ всѣхъ націй [2]).

Такимъ образомъ, къ исходу первой половины XIX в. Турецкая имперія находилась подъ охраною соперничавшихъ между собою державъ, помогшихъ части грековъ освободиться отъ власти султана, но поддержавшихъ его въ борьбѣ съ египетскимъ пашею. Главными дѣйствующими силами были при этомъ Англія, Франція и Россія, Австрія же съ Пруссіей играли весьма второстепенную роль. Монархія Габсбурговъ въ это время болѣе интересовалась своимъ положеніемъ въ Германіи и въ Италіи [3]), чѣмъ своимъ отношеніемъ къ Балканскому полуострову, и только событія 1866—1871 гг. направили ея политику въ эту сторону. Послѣ усмиренія революціи 1848 г. Австрія вообще держалась за Россію, содѣйствіемъ которой пользовалась не только при подавленіи венгерскаго возстанія, но и во время требованія, предъявленнаго ею султану—выдать пять тысячъ мадьяръ, спасшихся бѣгствомъ въ Турцію послѣ разгрома Венгріи. Султанъ тогда отказалъ Австріи, и мадьяры впослѣдствіи этого не забыли. Въ своихъ заботахъ о наслѣдствѣ „больного человѣка“, какъ Николай I называлъ Турцію, онъ хлопоталъ главнымъ образомъ о соглашеніи съ Англіей, какъ бы совершенно игнорируя Австрію, на покорность которой надѣялся, но когда, въ 1853 г., началась новая восточная война, и на защиту Турціи выступили Франція и Англія, австрійская политика впервые вышла изъ своей пассивности. Францъ-Іосифъ, не объявляя войны Россіи, сталъ на сторону союзниковъ; его войска вмѣстѣ съ турецкими заняли дунайскія княжества, причемъ по соглашенію же съ Австріей

---

[1]) Т. V, стр. 68 и слѣд.

[2]) Т. V, стр. 165.

[3]) Т. IV, стр. 320 и слѣд., 364 и слѣд. и т. V, стр. 428 и слѣд., 559 и слѣд. и др.

были выработаны союзниками и тѣ „пункты“, которые ими были предъявлены Россіи. Какъ извѣстно, это были переходъ дунайскихъ княжествъ подъ протекторатъ всей Европы, вмѣсто одной Россіи, какъ было прежде, свободное судоходство по Думаю, нейтрализація Чернаго моря и сохраненіе за султаномъ всей полноты власти надъ его подданными при покровительствѣ христіанамъ со стороны всѣхъ европейскихъ державъ. Нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ спеціально интересовали именно Австрію, присоединеніе которой къ врагамъ Россіи позволило говорить объ удивившей весь свѣтъ неблагодарности Австріи по отношенію къ Россіи [1])

По окончаніи войны 1853—56 г. парижскій конгрессъ подтвердилъ неприкосновенность территоріи Оттоманской имперіи и отказался отъ вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, когда турецкое правительство обѣщало произвести реформы въ интересахъ христіанскихъ подданныхъ султана. Послѣ этого политическое вліяніе въ Турціи перешло къ Франціи, при поддержкѣ которой въ согласіи съ Россіей, но противъ Англіи и Австріи произошло объединеніе Молдавіи и Валахіи въ единую Румынію [2]). Восточный вопросъ на время былъ улаженъ. Россія занялась внутренними реформами, да и Австріи въ эпоху войнъ 1859, 1864 и 1866 г. и начала конституціонныхъ преобразованій тоже было не до Балканскаго полуострова. Только послѣ 1866 г., когда Австрія исключена была изъ Германіи и утратила свою послѣднюю позицію въ Италіи, передъ Францемъ-Іосифомъ открылась дорога къ компенсаціи за происшедшія потери путемъ пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ [3]).

Монархія Габсбурговъ съ самаго утвержденія турокъ на Балканскомъ полуостровѣ была главною европейскою сосѣдкою Оттоманской имперіи. Въ 1526 г. подъ власть Габсбурговъ перешла Венгрія, которая до того времени вела борьбу съ надвигавшейся на центральную Европу турецкой грозой, но вскорѣ послѣ воцаренія новой династіи въ этой странѣ бо̀льшая ея часть вошла въ составъ Турціи. Преемникамъ перваго венгерскаго короля изъ новой династіи пришлось постепенно

---

[1]) Т. V, стр. 655. Австрія хотѣла вовлечь въ войну весь Германскій союзъ и взяла на себя передачу Россіи ультиматума, потомъ ею принятаго.

[2]) Т. V, стр. 658. *С. Н. Палаузовъ.* Румынскія господарства Валахія и Молдавія въ историко-политическомъ отношеніи (1859). — *Mano.* L'union des principautés roumaines (1900).—*Pompiliu Eliade.* De l'influnce française sur l'esprit publique en Roumanie (1898). Обѣ державы оказали и въ Сербіи поддержку Обреновичамъ противъ Австріи.

[3]) Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель еще въ 1861 г. писалъ герцогу Грамону, послу въ Вѣнѣ, о желаніи Австріи получить Боснію и Герцеговину за утрату Ломбардіи.

отвоевывать это свое королевство отъ турокъ [1]), и одно время династія Габсбурговъ имѣла такой успѣхъ, что въ составъ ея владѣній входили нѣкоторыя земли къ югу отъ Дуная, отъ которыхъ потомъ она, впрочемъ, отказалась [2]). Борьба Габсбурговъ съ турками въ XVI и XVII вв. была упорная, сопряженная съ опасностями, такъ какъ турки дважды, въ 1529 и 1687 гг., дѣлали нападенія на самоё Вѣну. Въ 1699 г. Габсбурги были уже обладателями всей Венгріи, а въ 1775 г. пріобрѣли отъ Турціи Буковину. Іосифъ II даже носился съ планомъ въ союзѣ съ Россіей совсѣмъ прогнать турокъ изъ Европы и подѣлить между собою бывшія турецкія владѣнія [3]). Вскорѣ начались войны съ французской революціей и Наполеономъ I, послѣ которыхъ Австріи досталась вмѣстѣ съ Венеціанскою областью и узкая полоса земли на Балканскомъ полуостровѣ по берегу Адріатическаго моря, подъ названіемъ Далмаціи [4]), что̀ сдѣлало Австрію сосѣдкою Оттоманской имперіи не только съ сѣвера, но въ одномъ мѣстѣ и съ запада, и привело Австрію въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ Босніей и Герцеговиной. Здѣсь, въ западной части Балканскаго полуострова, подъ властью турокъ продолжала жить значительная часть сербо-хорватскаго племени, другая часть котораго населяла южную Венгрію, Хорватію и Далмацію, а къ югу отъ послѣдней Черногорію, успѣшно отстаивавшую свою независимость отъ турокъ. Многіе турецкіе сербы уходили во владѣнія Габсбурговъ, поступали въ австрійскую военную службу, какъ, напр., вождь сербскаго возстанія въ началѣ XIX в. Кара-Георгій, и въ Австрію же спасались бѣгствомъ сербскіе повстанцы, когда имъ приходилось на время отказываться отъ своей національной мечты о независимости отъ турокъ. Когда Сербія сдѣлалась автономнымъ княжествомъ, ея правительству, въ сороковыхъ годахъ XIX в., приходилось угождать не только султану, въ отношеніи къ которому сербскій князь былъ вассаломъ, но и Австріи, какъ могущественной сосѣдкѣ. Въ народѣ были даже недовольны слишкомъ угодливой политикой князя (Александра Карагеоргіевича) передъ мусульманскою и католическою державами, и онъ былъ низложенъ, а второй его преемникъ изъ династіи Обреновичей, Михаилъ, уже носился съ мыслью объ объединеніи всѣхъ православныхъ сербовъ въ одно государство, къ великому неудовольствію Австріи, покровительствовавшей поэтому Карагеоргіевичамъ. Къ этой эпохѣ относятся герцеговинское возстаніе, подавленное турками (1862), и планъ князя Михаила, вскорѣ послѣ того убитаго (1868), получить отъ султана въ управленіе

[1]) Т. II, 357 и др. и III, 40—41.
[2]) Т. III, стр. 359.
[3]) Т. III, стр. 359.
[4]) Т. IV, стр. 241.

и Боснію за уплату дани. Когда Сербія лишь номинально стала зависѣть отъ султана, и въ ней со введеніемъ конституціи (1869) началось культурное и экономическое развитіе, княжество стало очень быстро сближаться съ Австріей въ хозяйственномъ отношеніи, что влекло за собою и болѣе австрофильскую внутреннюю политику правительства, тогда какъ народная масса продолжала тяготѣть къ Россіи. Великосербская агитація особенно не нравилась австрійскому правительству, между прочимъ, и въ виду того, что у монархіи Габсбурговъ были свои подданные сербской народности, притомъ же сербскіе патріоты надѣялись на помощь Россіи. Подобнымъ же образомъ Австрія должна была выступить и противницей объединенія Молдавіи и Валахіи въ единую Румынію, сама имѣя массу подданныхъ этой національности въ Трансильваніи [1]). Въ данномъ случаѣ австрійское правительство поддерживало султана, бывшаго за раздѣльное существованіе дунайскихъ княжествъ. Объединеніе нашло, однако, сильнаго покровители въ лицѣ Наполеона III, стоявшаго за принципъ національностей [2]). Позднѣе въ Румыніи возникло даже движеніе „неискупленной Румыніи", вожди котораго указывали на то, что еще болѣе трехъ милліоновъ румынъ остаются внѣ предѣловъ національнаго королевства и что изъ нихъ болѣе двухъ съ половиною милліоновъ находятся подъ властью Габсбурговъ. По отношенію къ сербамъ и къ румынамъ австрійское правительство чувствовало себя совершенно такъ же, какъ раньше по отношенію къ нѣмцамъ и итальянцамъ внѣ предѣловъ габсбургской монархіи.

Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ вѣнское правительство повело болѣе энергичную политику на Балканскомъ полуостровѣ. Въ 1874 г. съ Сербіей и Румыніей были заключены торговые договоры, тѣснѣе связывавшіе оба княжества съ Австро-Венгріей въ экономическомъ отношеніи. Не безъ политическаго значенія была поѣздка Франца-Іосифа въ 1875 г. въ Далмацію [3]), такъ какъ въ Дубровникѣ (Рагузѣ) и Кривошьѣ императоръ принималъ депутацію изъ сосѣднихъ турецкихъ областей [4]). Нѣкоторые готовы были даже ставить

---

[1]) *A. Djuvara.* Hongrois et roumains (1895).—*A. Bertha.* Magyars et roumains devant l'histoire (1899). — *A. Xénopol.* Magyars et roumains. Réponse à M. de Bertha (1900).

[2]) Т. V, стр. 657.

[3]) На возвратномъ пути изъ Италіи. Ср. выше, стр. 120.

[4]) Въ двухнедѣльномъ журналѣ „Oesterreichische Revue" (въ № отъ 1 декабря 1908) помѣщена статья *бар. Хлумецкаго* „Kaiser Franz-Josephs Balkanpolitik", гдѣ проводится мысль о чисто личной иниціативѣ императора-юбиляра (2 декабря 1908 г. исполнилось 60 лѣтъ со дня вступленія Франца-Іосифа на престолъ) въ дѣлѣ присоединенія Босніи и Герцеговины. Авторъ напоминаетъ о путешествіи Франца-Іосифа, въ 1875 г., въ Далмацію, когда

это путешествіе Франца-Іосифа въ область, сопредѣльную съ Босніей и Герцеговиной, въ связь съ возстаніемъ, вспыхнувшимъ въ нихъ очень скоро, но такое происхожденіе возстанія опровергается съ очень компетентныхъ сторонъ [1]).

Главнаго врага своихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ Австрія видѣла въ Россіи, традиціонной покровительницѣ турецкихъ христіанъ. Неисполненіе султаномъ обѣщаній 1856 г. снова заставило христіанскихъ подданныхъ султана обратить свои взоры на единовѣрную Россію, которая и послѣ 1856 г. продолжала отстаивать интересы отдѣльныхъ балканскихъ народностей, тогда какъ

„die ersten Fühler nach Bosnien und der Herzegowina ausgestreckt wurden", а именно на поклонъ къ нему въ Рагузу пріѣзжали изъ Герцеговины высшія духовныя лица (Kirchenfürsten), а въ Кривошѣ была принята депутація босно-герцеговинскихъ нотаблей. Авторъ подчеркиваетъ, что лишь во время этого путешествія лица, окружавшія императора, поняли цѣль этой поѣздки („welche weitgesteckten Ziele sie dienen sollte"), послѣ чего и въ болѣе широкихъ кругахъ заговорили „von der Erwerbung des Hinterlandes wie von einem zweifellos bevorstehenden Ereignisse". Въ статьѣ отмѣчается и то, что намѣстникомъ Далмаціи былъ военный генералъ, находившійся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ самимъ государемъ и потому мало зависѣвшій отъ министерства: это позволяло „in Dalmatien eine von der Zentralregierung unabhängigere Politik zu führen", — признаніе, характеризующее австрійскій конституціонализмъ. Баронъ Родичъ (намѣстникъ) такъ и поступалъ, всячески, между прочимъ, покровительствуя „юго-славянскому элементу въ Далмаціи" противъ итальянскаго, имѣвшаго связи съ нѣмецкимъ большинствомъ рейхсрата: такая политика „war eben die notwendige Vorbedingung für eine bosnisch-herzegowinische Aktion". Оппозиція, какою была встрѣчена три года спустя оккупація Босніи и Герцеговины въ австрійской палатѣ депутатовъ, бар. Хлумецкій называетъ близорукою (стр. 322). Въ объявленной въ 1908 г. аннексіи Босніи и Герцеговины онъ видитъ „nur die Folge des klugen, von der Alltagsstimmung unbeirrten Handelns des Monarchen" (стр. 323).

[1]) Нѣкоторыя подробности о встрѣчахъ Франца-Іосифа съ босняками и герцеговинцами во время его путешествія по Далмаціи, я нашелъ въ случайно бывшей у меня подъ руками книгѣ *Пророковића-Невесињаца* „Невесињска буна 1874 и почетакъ устанка у Херцеговини 1875 године" (Београдъ, 1905). Именно здѣсь говорится о принятіи Францемъ-Іосифомъ депутаціи изъ сосѣднихъ турецкихъ провинцій, между прочимъ, съ жалобами на турокъ (стр. 124 и слѣд.), равно какъ о жалобахъ изъ обѣихъ провинцій, приносившихся австрійскому правительству въ предшествующихъ годахъ (стр. 121—122), но рѣшительно отвергается связь герцеговинскаго возстанія съ этимъ путешествіемъ (Ово је било прво царево путовање у те земље; а како оно пада баш у очи устанка, то му неки политичари придају значај, какав није имало. На име, они и сâм почетакъ устанка вежу за то путовање. Не знајући да рад на устанку датира много изъ раније, готови би били рећи, да није било тога путовања, не би било ни устанка, стр. 100—101). Что касается до австрійской пропаганды, то авторъ считаетъ ее явленіемъ гораздо болѣе раннимъ, нежели пораженіе Австріи въ 1866 г.

Франція совѣтовала султану сліяніе ихъ всѣхъ въ единую націю. Паденіе имперіи во Франціи, сопровождавшееся объявленіемъ со стороны Россіи отмѣны нейтрализаціи Чернаго моря [1]), имѣло своимъ слѣдствіемъ переходъ вліянія въ Константинополѣ отъ Франціи попрежнему къ Россіи. Особымъ покровительствомъ съ русской стороны стали пользоваться среди турецкой „райи“ болгары, угнетавшіеся не только турками, но и высшимъ греческимъ духовенствомъ, которому были они подчинены, не имѣя собственнаго, національно-болгарскаго церковнаго устройства. И въ этомъ случаѣ стремленія Австріи и Россіи встрѣтились враждебно между собою: австрійскіе агенты католической пропаганды стали обращать болгаръ въ унію, Россія же добилась отъ султана согласія на учрежденіе для болгаръ особаго, независимаго отъ патріарха духовнаго главы, экзарха (1872). Уже въ этомъ выразилось вліяніе въ Константинополѣ русской дипломатіи, которое вообще очень усилилось, какъ было сказано, послѣ разгрома Франціи. Одна изъ причинъ, заставившихъ Австрію искать сближенія съ Германіей, заключалась именно въ желаніи заручиться сильною поддержкою противъ русскаго преобладанія на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ черногорцы, сербы, болгары и отчасти румыны видѣли въ Россіи естественную покровительницу, между тѣмъ какъ и турецкое правительство слушалось русскихъ совѣтовъ [2]).

Таковы были международныя отношенія въ восточной половинѣ Европы, когда лѣтомъ 1875 г. совершенно неожиданно вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ. Въ Россіи съ самаго начала многіе думали, что подстрекательницею была въ данномъ случаѣ Австрія, какъ, наоборотъ, въ Западной Европѣ стали въ подстрекательствѣ обвинять Россію [3]). Во всякомъ случаѣ въ Россіи герцеговинское возстаніе

---

[1]) См. выше, стр. 116.

[2]) О томъ, что въ Россіи еще въ началѣ 70 гг. знали или подозрѣвали о замыслахъ вѣнскаго правительства относительно Босніи и Герцеговины, см. въ названной выше (стр. 388) книгѣ *С. Горянинова*, на стр. 280 и 282. Въ 1875 г. о возможности округленія Австро-Венгріи со стороны Босніи Бисмаркъ говорилъ русскому послу. *Ibid.*, 287.

[3]) Горчакову, говоритъ *Debidour*, (II, 479—480) „la Roumanie, la Serbie, le Montenégro servaient de bases d'opérations pour agiter la Bosnie et l'Herzégovine, la Bulgarie... Aussi, dès le commencement de 1875, les agents moscovites se montraient-ils au sud du Danube plus hardis et plus remuants que par le passé“. Послѣднее мнѣніе сдѣлалось даже общимъ мѣстомъ въ исторической литературѣ. „Эти тайныя дѣйствія (славянскихъ комитетовъ въ Россіи и русскихъ консульскихъ агентовъ) были разоблачены письмами, которыя турецкое правительство добыло въ 1872 г. и обнародовало въ 1877 г. Остается спорнымъ, дѣйствовали ли русскіе агенты по распоряженію своего правительства или безъ его вѣдома“. *Ш. Сеньобосъ.* „Политическая исторія современной Европы“ (изд. Суворина 1897 г., стр. 761). „Nicht minder sicher aber ist, dass

было встрѣчено большимъ сочувствіемъ „угнетеннымъ славянскимъ братьямъ“, но еще бо̀льшую поддержку нашли повстанцы въ единоплеменныхъ Черногоріи и Сербіи. Въ Австро-Венгріи стали прямо опасаться, какъ бы начавшееся движеніе не окончилось присоединеніемъ Герцеговины къ Черногоріи, а Босніи къ Сербіи. Если Францъ-Іосифъ и имѣлъ виды на обѣ эти области, какъ на вознагражденіе за утраты въ другихъ мѣстахъ, а въ самихъ этихъ областяхъ и велась католическая пропаганда, да и мѣстные католики стремились присоединиться къ Австріи, то ни въ той, ни въ другой половинѣ габсбургской монархіи вовсе не желали такого присоединенія въ виду того, что и своихъ славянъ было достаточно. Всѣ усилія графа Андраши были направлены къ тому, чтобы Герцеговина и Боснія оставались въ составѣ Оттоманской имперіи. Русское правительство тоже стояло на той точкѣ зрѣнія, что не нужно давать пожару разрастись, а для этого было предположено установить въ Вѣнѣ „центръ соглашенія“ (un centre d'entente) трехъ императорскихъ дворовъ [1]), дабы вмѣстѣ съ остальными великими державами „побудить возставшихъ къ покорности, сербовъ и черногорцевъ къ нейтралитету, а Турцію къ милосердію и справедливымъ преобразованіямъ“. Съ самаго, однако, начала переговоровъ между Бисмаркомъ и Андраши было, повидимому, условлено направлять все дѣло такъ, чтобы въ концѣ концовъ состоялось присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи, хотя Бисмаркъ внѣшнимъ образомъ и держалъ себя такъ, какъ будто его единственнымъ желаніемъ было установить полное согласіе между Россіей и Австро-Венгріей по вопросу о Босніи и Герцеговинѣ. Въ сущности, рѣшено было оказать давленіе на Порту, чтобы она произвела необходимыя внутреннія реформы, и въ этомъ смыслѣ былъ составленъ такъ называемый берлинскій меморандумъ, декларація трехъ императорскихъ дворовъ, къ которой примкнули Франція и Италія (весна 1876 г.), но Англія отказалась отъ присоединенія къ ней, такъ какъ стоявшій тогда во главѣ англійскаго правительства Дизраэли слѣдовалъ традиціонной политикѣ сентъ-джемскаго кабинета, заключавшейся въ томъ, чтобы противодѣйствовать всѣмъ планамъ Россіи касательно Оттоманской имперіи. Впрочемъ, берлинскій ме-

---

die russische Sendboten ihre Hand im Spiele hatten... Geheime Schriftstücke, welche der türkische Gesandte in Wien, Khalil pascha, durch Kauf an sich brachte, lassen hierüber nicht den geringsten Zweifel. *G. Egelhaaf.* Geschichte der neuesten Zeit, стр. 101—102. Ср. *O. Kaemmel,* стр. 439.

[1]) „Сближеніе съ Австріей повлекло за собою признаніе за нею со стороны Россіи права на вліяніе въ славянскихъ земляхъ, которымъ мы одни пользовались и которое до той поры ревниво оберегали“. *С. Горяиновъ.* Босфоръ и Дарданеллы, стр. 283.

морандумъ остался неотправленнымъ по адресу, потому что событія его опередили, и онъ уже оказался негоднымъ при новыхъ обстоятельствахъ, наступившихъ въ 1876 г.

Въ содержаніе книги, имѣющей своимъ предметомъ исторію Западной Европы, не можетъ входить сколько-нибудь подробный разсказъ о событіяхъ, разыгравшихся на Востокѣ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, начиная герцеговинскимъ возстаніемъ и кончая санъ-стефанскимъ миромъ, которымъ завершилась послѣдняя война Россіи съ Турціей. Насъ здѣсь должны интересовать только факты западно-европейской исторіи, имѣющіе отношеніе къ тому, что̀ въ это время происходило на Балканскомъ полуостровѣ: взгляды и поведеніе правительствъ, съ одной стороны, и настроеніе, господствовавшее въ отдѣльныхъ націяхъ, съ другой. Мы ограничимся лишь тѣмъ, что напомнимъ вкратцѣ главныя изъ упомянутыхъ событій въ ихъ хронологическомъ порядкѣ. Въ іюлѣ 1875 г., какъ было уже сказано, началось герцеговинское возстаніе, скоро перебросившееся въ Боснію. Поддерживаемое Черногоріей и Сербіей, оно къ веснѣ слѣдующаго года только усилилось, и примѣру герцеговинцевъ съ босняками тогда послѣдовали болгары (первая вспышка въ маѣ), которыхъ стали съ страшною жестокостью усмирять турецкіе баши-бузуки. Одновременно среди мусульманъ началось движеніе противъ христіанъ и европейцевъ, и въ Салоникахъ толпа убила французскаго и германскаго консуловъ. Въ столицѣ Турціи происходило революціонное движеніе противъ султана Абдулъ-Азиса. Главную роль въ агитаціи играла партія младотурокъ, и когда передъ дворцомъ руководимая софтами, студентами высшей мусульманской школы происходила враждебная султану демонстрація, Абдулъ-Азисъ далъ отставку прежнему министру, сдѣлавъ великимъ визиремъ одного изъ вождей младо-турокъ, Мидхада-пашу, что̀, однако, не спасло султана. Убѣжденный младо-турками, что Абдулъ-Азисъ неспособенъ управлять имперіей, глава турецкаго духовенства, шейхъ-уль-исламъ, издалъ „фетву“, на основаніи которой султанъ былъ низложенъ (30 мая), а вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ лишилъ себя жизни, или „былъ самоубитъ“, какъ выражались нѣкоторыя русскія газеты, кивавшія при этомъ въ сторону Англіи [1]). Очистившееся мѣсто занялъ его племянникъ Мурадъ V, царствовавшій, однако, только три мѣсяца, такъ какъ онъ сошелъ съ ума и тоже былъ низложенъ. Въ его короткое царствованіе (въ іюлѣ) Турціи объявила войну Сербія (Черногорія открыто перешла

[1]) Острое словцо было, впрочемъ, пущено въ ходъ однимъ сотрудникомъ „Journal des Débats“, написавшимъ въ своей статьѣ, что „le sultan déposé a été suicidé“.

на сторону возстанія еще раньше), и новому султану, Абдулъ-Гамиду, пришлось напрячь всѣ силы Турціи для борьбы со славянами на сѣверѣ Балканскаго полуострова. Всѣ эти событія заставили европейскія державы болѣе дѣятельно вмѣшаться въ дѣла Оттоманской имперіи, причемъ наиболѣе энергіи было проявлено со стороны Россіи (посылка изъ Россіи въ Сербію денежной помощи и добровольцевъ, русскій ультиматумъ, остановившій движеніе турокъ въ Сербію послѣ одного пораженія сербовъ [1]), противодѣйствіе же русской политикѣ оказывала преимущественно Англія, тѣмъ самымъ поощрявшая правительство султана въ его сопротивленіи требованіямъ державъ. Однимъ изъ средствъ для избавленія Турціи отъ европейскаго вмѣшательства, по мнѣнію младо-турецкаго министерства, было введеніе въ Оттоманской имперіи конституціи, которая къ удивленію всей Европы совершенно внезапно была торжественно провозглашена въ самомъ концѣ 1876 г. Однако, турецкая конституція была недолговѣчна: въ началѣ 1877 г. Мидхатъ-паша, творецъ конституціи, былъ уволенъ отъ должности великаго визиря, а собранная на основаніи конституціи палата депутатовъ, отвергшая отъ имени оттоманской націи требованія державъ, была распущена, чтобы потомъ и вообще не собираться [2]). Въ апрѣлѣ 1877 г. Россія объявила Турціи войну.

Ходъ событій на Балканскомъ полуостровѣ въ 1876 г. принялъ такое направленіе, что совершенно сдѣлалъ невозможною безучастность по отношенію къ нимъ „Европы“. Присоединеніе къ возстанію Черногоріи, Сербіи и Болгаріи, упорное сопротивленіе представленіямъ державъ со стороны турецкаго правительства, низложеніе двухъ султановъ, объявленіе конституціи сами по себѣ были факты, которые должны были усилить дѣятельность дипломатіи, а тутъ еще взбудоражившія общественное мнѣніе въ Европѣ салоникское убійство, кровавое усмиреніе болгарскаго возстанія, опасность подобнаго же разгрома Сербіи, съ одной стороны, и тревога европейскихъ кредиторовъ Турціи, оказавшейся не въ состояніи выплачивать аккуратно проценты по займамъ, съ другой, также вынуждали европейскія правительства дѣйствовать болѣе рѣшительно. За берлинскимъ меморандумомъ послѣдовали новые шаги, каковы конференція пословъ шести великихъ державъ въ Константинополѣ, составившая въ концѣ 1876 г. отвергнутый затѣмъ Портою проектъ реформъ, отозваніе держа-

---

[1]) „Поощряя русскихъ добровольцевъ въ ихъ борьбѣ за независимость Сербіи, мы одновременно подписывали тайный договоръ съ Австріею, коимъ признавали за нею право на присоединеніе Босніи и Герцеговины, населенныхъ сербами“. *С. Горяиновъ*, стр. 345. См. ниже о рейхштадтскомъ свиданіи.

[2]) До 1908 г., когда въ Турціи произошла революція, возстановившая дѣйствіе конституціи.

вами изъ Константинополя, въ началѣ 1877 г., своихъ пословъ и такъ называемый лондонскій протоколъ, подписанный представителями шести великихъ державъ во второй половинѣ марта 1877 г. Въ послѣднемъ было сказано, что если надежды державъ на обѣщанныя турецкимъ правительствомъ реформы не оправдаются и положеніе христіанъ въ Турціи не улучшится настолько, чтобы предупредить повтореніе смутъ, періодически нарушающихъ спокойствіе Востока, то державы найдутъ такой порядокъ вещей несогласнымъ со своими частными интересами и съ интересами всей Европы, и что потому онѣ заранѣе предоставляютъ себѣ право сообща принять мѣры, какія признаютъ наиболѣе цѣлесообразными для дѣйствительнаго обезпеченія какъ благосостоянія турецкихъ христіанъ, такъ и всеобщаго мира. Россія, которая въ это время уже начала свои вооруженія, присоединила декларацію, выражавшую согласіе приступить къ разоруженію, если Турція заключитъ миръ съ Черногоріей (съ Сербіей миръ былъ уже заключенъ) и выкажетъ готовность поставить войска свои на мирную ногу и серьезно приняться за осуществленіе реформъ, которыхъ отъ нея требуютъ; „если же,—сказано было далѣе,—произойдетъ рѣзня, подобная той, что окровавила Болгарію, то всѣ мѣры къ демобилизаціи будутъ немедленно пріостановлены“. Порта 28 марта отвергла эту послѣднюю попытку мирнаго улаженія балканскаго кризиса, и двѣ недѣли спустя (12 апрѣля) Александръ II подписалъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи.

Разсмотримъ теперь, какъ относились къ балканскимъ событіямъ 1875—1876 гг. въ отдѣльныхъ государствахъ Западной Европы.

Начнемъ нашъ обзоръ съ Англіи, которая наиболѣе мѣшала европейскому концерту и тѣмъ, несомнѣнно, поддерживала упорство турокъ. Здѣсь во главѣ правительства въ это время стоялъ Дизраэли, принявшій власть изъ рукъ Гладстона всего за годъ съ небольшимъ до начала восточныхъ осложненій [1]). Враги Гладстона обвиняли его въ томъ, что онъ уронилъ внѣшній престижъ Англіи и слишкомъ мирволилъ Россіи, допустивъ отмѣну въ 1870 г. нейтрализаціи Чернаго моря и экспедицію для завоеванія Хивы. Дизраэли, наоборотъ, какъ мы знаемъ, поставилъ одною изъ задачъ внѣшней политики поднять „скомпрометтированный“ его предшественникомъ престижъ Англіи. Однимъ изъ средствъ для этого онъ считалъ возвращеніе къ традиціямъ Пальмерстона по отношенію къ восточному вопросу—поддерживать Турцію противъ Россіи. Въ движеніи славянъ въ 1875—1876 гг. онъ усмотривалъ только слѣдствіе происковъ Россіи и старался всячески убѣждать англійское общественное мнѣніе въ томъ,

---

[1]) См. выше, стр. 321.

что въ извѣстіяхъ, идущихъ изъ Турціи о дурномъ обращеніи турокъ съ христіанами, много преувеличеній. Когда одна англійская газета („Daily News“) въ іюлѣ 1876 г. помѣстила первыя извѣстія о жестокостяхъ башибузуковъ при усмиреніи болгарскаго возстанія, министерство въ парламентѣ заявило, что въ этихъ извѣстіяхъ чуть не изъ мухи сдѣлали слона, и высказалось недвусмысленно, что во всемъ этомъ дѣлѣ видны козни русскаго правительства. Посылка на Балканскій полуостровъ спеціальнаго уполномоченнаго, который, какъ предполагалось, подтвердитъ мнѣніе министерства, привела совсѣмъ къ другому результату, потому что газетныя корреспонденціи въ общемъ оказались вѣрными. Не подлежало болѣе никакому сомнѣнію, что масса болгарскихъ селеній была разграблена и сожжена башибузуками и что было перебито болгаръ нѣсколько тысячъ (по счету англійскаго консула 12 — 15 т., по донесенію сѣверо-американскаго консула даже отъ 25 до 40 т.), не считая тысячъ уведенныхъ въ плѣнъ. Несмотря на то, что это произвело весьма сильное впечатлѣніе [1]), Дизраэли все-таки удалось поселить въ широкихъ кругахъ населенія крайне враждебное отношеніе къ Россіи, явившейся главною защитницею христіанскихъ подданныхъ султана. Русскому правительству приписывались опасные замыслы относительно Индіи, которые, какъ думали въ Англіи, сдѣлались бы очень близкими къ осуществленію, если бы Россія одолѣла Турцію. Нѣкоторыми, особенно шумливыми и крикливыми элементами англійскаго общества овладѣла настоящая шовинистическая лихорадка, и поддержка правительствомъ Турціи находила, благодаря этому, массу сторонниковъ въ населеніи.

Въ это время Гладстонъ, вскорѣ по выходѣ своемъ въ отставку заявившій объ оставленіи и положеніи лидера партіи и, слѣдова-

---

[1]) Извѣстія о болгарскихъ ужасахъ взволновали общественное мнѣніе въ Англіи. Въ это время, какъ мы видѣли въ другомъ мѣстѣ (стр. 324 и слѣд.) въ отдѣльныхъ городахъ возникали либеральныя ассоціаціи „ста“, „трехсотъ“ и т. п., которыя и не замедлили использовать эту тему въ борьбѣ со своими политическими противниками. Вожди этихъ ассоціацій обвиняли консервативное правительство въ моральномъ соучастіи въ турецкихъ звѣрствахъ. По почину извѣстныхъ намъ бирмингамскихъ „шестисотъ“ въ нѣсколько дней было устроено около полутораста митинговъ негодованія въ разныхъ городахъ, и даже созваны были съѣзды делегатовъ отъ отдѣльныхъ ассоціацій съ цѣлью организовать національный „конвентъ“ по восточному вопросу. Дѣло до такого „конвента“ не дошло, но въ Лондонѣ состоялся колоссальный антитурецкій митингъ, на которомъ присутствовало немало делегатовъ отъ провинціальныхъ либеральныхъ ассоціацій. До самаго берлинскаго конгресса главнымъ предметомъ оппозиціонной агитаціи была внѣшняя политика кабинета, хотя возбужденіе, бывшее результатомъ болгарскихъ ужасовъ, мало-помалу улеглось. Агитаціи по поводу турецкихъ звѣрствъ посвящена цѣлая глава (стр. 482—510) во II томѣ „Платформы“ *Г. Д. Джефсона* (рус. пер. 1901 г.).

тельно, какъ бы отказавшійся отъ всякой политической дѣятельности въ будущемъ, былъ до такой степени возмущенъ турецкими звѣрствами и политикой правительства по отношенію къ балканскому кризису, что рѣшился рѣзко высказаться въ печати по поводу того, что происходило въ Болгаріи, и того, какъ отнеслось къ этому министерство. Его горячо и сильно написанная брошюра „Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ“ въ нѣсколько дней, осенью 1876 г., разошлась въ количествѣ цѣлыхъ десятковъ тысячъ экземпляровъ и произвела громадное впечатлѣніе въ обществѣ къ великому неудовольствію туркофиловъ, министерства и самой королевы, одобрявшей политику Дизраэли, который около этого времени и получилъ отъ нея титулъ графа Биконсфильда [1]). Заклеймивъ турецкія звѣрства соотвѣтственными эпитетами, Гладстонъ бросилъ въ лицо министерству обвиненіе въ моральной солидарности съ этими звѣрствами [2]). Не ограничиваясь этимъ, онъ написалъ еще для періодической прессы рядъ статей и новую брошюру „Lessons in massacre“, которую выпустилъ въ свѣтъ передъ

---

[1]) См. выше, стр. 307 и 321.

[2]) Брошюра Гладстона была переведена по-русски. Это—цѣлый обвинительный актъ противъ тогдашняго министерства, которое къ „изумленію и ужасу“ англійскаго общества вовлекло націю „въ нравственную отвѣтственность за самыя черныя, самыя позорныя злодѣянія, какія только видѣлъ міръ въ XIX столѣтіи, если не съ тѣхъ поръ, какъ міръ себя помнитъ“. Правительство повело такъ дѣло, что устранило возможность его обсужденія и въ парламентѣ, и въ самой націи, оттянувъ свои сообщенія до глухой поры, „когда всѣ классы общества, наиболѣе обладающіе досугомъ и наиболѣе участвующіе въ образованіи и направленіи общественнаго мнѣнія, представляются единицами, разсѣянными по цѣлой странѣ и по чужимъ краямъ. Но, прибавлялъ Гладстонъ, есть чувства, которыя никогда не празднуютъ, никогда не даютъ себѣ отдыха: это—чувства чести, долга, состраданія и, смѣю прибавить еще, чувство *стыда*. Рабочіе люди нашей страны, на которыхъ менѣе, чѣмъ на всякомъ иномъ классѣ, отражается дѣйствіе вакаціоннаго сезона,—къ чести своей положили начало движенію и заявили, что великое сердце Британіи не перестало еще биться“. Предъявляя такія обвиненія, Гладстонъ прямо утверждалъ, что правительство обманываетъ довѣріе націи, оказывая отъ ея имени нравственную и матеріальную поддержку Турціи и въ то же время скрывая отъ націи истинное положеніе дѣлъ. Можно подумать, говоритъ Гладстонъ, что „намѣреніе министерства было не просвѣтить общественное мнѣніе, а держать его въ потемкахъ“.—„Старый слуга престола и государства,—писалъ еще Гладстонъ,—я умоляю своихъ соотечественниковъ, отъ которыхъ дѣло зависитъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ отъ всякаго другого народа въ Европѣ,—умоляю настоятельно и неуклонно требовать, чтобы наше правительство, дѣйствовавшее до сихъ поръ въ одномъ направленіи, дѣйствовало отнынѣ въ другомъ, и обратило всю свою силу, въ совокупности съ прочими европейскими государствами, на искорененіе турецкой исполнительной власти въ Болгаріи. Пусть теперь турки уничтожаютъ свои злоупотребленія единственно для нихъ возможнымъ способомъ, и именно пусть убираются сами“.

самымъ объявленіемъ Россіей войны Турціи, когда шовинистическій задоръ въ Англіи достигъ своего апогея: вторая брошюра Гладстона уже не имѣла успѣха первой, и вліяніе ея на общественное мнѣніе оказалось весьма слабымъ. Наконецъ, Гладстонъ задумалъ перенести свою полемику и въ парламентскія пренія. Когда онъ высказалъ такое намѣреніе своей партіи, послѣдняя стала убѣждать его не дѣлать этого въ виду крайне неблагопріятнаго настроенія большинства націи. Гладстонъ, однако, доказывалъ необходимость выразить протестъ противъ всѣхъ дѣйствій турецкаго правительства, на сторонѣ котораго не должно было быть ни сочувствія, ни помощи со стороны Англіи въ войнѣ, великодушно начатой Россіей. Вскорѣ послѣ объявленія войны онъ сказалъ въ парламентѣ блестящую рѣчь, продолжавшуюся болѣе двухъ часовъ и клонившуюся къ тому, что на турецкое правительство можно дѣйствовать только силою и что эту силу по отношенію къ нему должна употребить и Англія, не оставляя за одною Россіею славу защиты угнетенныхъ турками христіанъ. Въ этой рѣчи Гладстонъ краснорѣчиво обращался къ прошлому своей родины, когда англійскій народъ, гдѣ только могъ, оказывалъ содѣйствіе дѣлу справедливости и свободы; эту благородную традицію онъ противопоставлялъ другой, на которую ссылалось правительство, традиціи—поддерживать Турцію. Указываютъ на англійскіе національные интересы, но развѣ можно забывать изъ-за нихъ нравственные принципы, велѣнія долга и человѣколюбія? Какъ бы, однако, англичане ни дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ, послѣдній часъ турецкаго господства на Балканскомъ полуостровѣ насталъ: хорошо ли, чтобы угнетенные славяне получили свободу тѣмъ способомъ, который непріятенъ англичанамъ? Въ заключеніе Гладстономъ были предложены соотвѣтствовавшія общему духу рѣчи резолюціи, но онѣ были отвергнуты 354 голосами изъ 577. Успѣхи Россіи на войнѣ только еще болѣе раззадоривали англичанъ, и дѣло дошло до того, что Гладстонъ не могъ считать себя гарантированнымъ отъ непріятностей со стороны уличной толпы. Какія бы то ни было публичныя выраженія сочувствія освободительной войнѣ или неодобренія внѣшней политикѣ Биконсфильда стали почти и даже совсѣмъ невозможными, и крайніе шовинисты срывали митинги, сколько-нибудь благопріятные взглядамъ Гладстона. Мы еще увидимъ, что Гладстонъ равнымъ образомъ выступилъ потомъ и съ рѣзкою критикою политики правительства по окончаніи войны, когда подводились ея итоги, но громадное большинство англичанъ, такъ или иначе высказывавшихъ свои политическія мнѣнія, одобряло образъ дѣйствій тогдашняго министерства. Только много позднѣе къ Гладстону вернулась его прежняя популярность, которой онъ такъ повредилъ своими смѣлыми выступленіями

противъ Турціи въ то время, когда чуть не вся Англія была по преимуществу туркофильской.

Другою рѣзко туркофильскою націею въ концѣ семидесятыхъ годовъ выступили мадьяры. Послѣ 1849 г. эта господствующая въ Венгріи національность не могла забыть и простить то, что̀ ей сдѣлано было русскимъ правительствомъ, помогшимъ Австріи справиться съ революціей и такимъ образомъ ставшимъ поперекъ достиженія мадьярами политической свободы. Свою ненависть къ Россіи мадьяры проявили въ усиленномъ туркофильствѣ. Съ другой стороны, имъ вовсе не улыбалась перспектива усиленія славянъ вообще и въ частности сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ, по сосѣдству съ венгерскими славянами, на которыхъ мадьярская нація смотрѣла лишь какъ на этнографическій матеріалъ для претворенія въ мадьяръ. Съ точки зрѣнія узко-эгоистическаго интереса этой національности наиболѣе желательнымъ казалось, чтобы турецкіе славяне оставались подъ властью султана и такимъ образомъ можно было избѣжать непріятнаго и опаснаго сосѣдства. Въ одной недавней публикаціи какого-то мадьярскаго патріота объ этомъ моментѣ въ новѣйшей исторіи Венгріи говорится, какъ о непреходящей заслугѣ Андраши передъ родиной, о томъ, что онъ далъ санкцію со стороны габсбургской монархіи освобожденію балканскихъ славянъ и оказалъ сопротивленіе военнымъ кругамъ (особенно партіи фельдцейхмейстера Куна) и „венгерскому шовинистическому мнѣнію“, требовавшимъ, чтобы послѣ плевнинской неудачи русской арміи было использовано военное ослабленіе Россіи и была отрѣзана линія отступленія русскихъ. „Поступи мы тогда подобнымъ образомъ, признаётся авторъ, мы навлекли бы на себя непримиримую ненависть не только всѣхъ славянъ, но и всего цивилизованнаго свѣта“ [1]). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ мадьярской прессѣ такихъ голосовъ не было: политика Андраши шла совершенно въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ его соотечественниковъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы Андраши въ восточномъ кризисѣ семидесятыхъ годовъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Гладстона. Лично онъ былъ и противъ присоединенія Босніи съ Герцеговиною къ обоимъ сербскимъ княжествамъ, и противъ образованія изъ нихъ особой автономной области, считая лишь необходимымъ добиться отъ султана реформъ, для чего всѣ державы должны были оказать на Турцію извѣстное давленіе. Его точка зрѣнія и была принята Россіей, но когда обнаружилось, что султанъ будетъ сопротивляться, Андраши готовъ былъ видѣть въ этомъ интригу русскаго посла, гр. Игнатьева,

---

[1]) Die Nationalitätenfrage und die ungarische Reichsidee von *Mercator* (1908, перев. съ мадьяр.), стр. 40.

заподозрѣннаго имъ въ стремленіи возвратиться къ тѣмъ временамъ, когда Порта находилась подъ исключительною опекою Россіи. Съ упрекомъ на поведеніе русскаго посла въ Константинополѣ Андраши обратился къ русскому послу въ Вѣнѣ, а тотъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія русскаго государственнаго канцлера Горчакова, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, что въ случаѣ принятія предложенія Андраши Россіей, державами и самой Турціей, разъ только смуты возобновятся въ Босніи и Герцеговинѣ, Австро-Венгрія будетъ имѣть преимущественное право вмѣшательства въ дѣла этихъ областей, какъ сосѣднихъ съ нею, займетъ ихъ своими войсками и кончитъ, пожалуй, включеніемъ ихъ въ свои владѣнія. Горчаковъ не раздѣлялъ послѣдняго опасенія вѣнскаго посла и рѣшилъ дѣйствовать по программѣ, предложенной Андраши. Такимъ образомъ, послѣднему принадлежитъ весь планъ дипломатическаго воздѣйствія на Турцію, къ которому у Биконсфильда было такое недоброжелательное отношеніе и результатомъ котораго могло быть или оставленіе Босніи съ Герцеговиной подъ властью Турціи, или присоединеніе ихъ къ Австро-Венгріи.

Германія не была такъ непосредственно заинтересована событіями, происходившими въ Турціи, какъ Англія или Австро-Венгрія. И иностраннымъ дипломатамъ, и въ рейхстагѣ имперскій канцлеръ не разъ высказывалъ ту мысль, что Германія можетъ хлопотать лишь объ улаженіи кризиса въ цѣляхъ сохраненія европейскаго мира при улучшеніи быта христіанскихъ подданныхъ султана, что въ общемъ ея политика должна быть по возможности нейтральною по отношенію къ противорѣчивымъ интересамъ другихъ державъ, и что такой нейтралитетъ диктуется ей самимъ географическимъ положеніемъ Германіи, заставляющей ее хлопотать о дружбѣ съ сосѣдями. На одномъ парламентскомъ обѣдѣ Бисмаркъ прямо заявилъ, что онъ ни въ коемъ случаѣ не посовѣтуетъ своему государю вмѣшиваться въ восточный вопросъ, пока не будетъ затронутъ въ немъ такой интересъ, „который стоилъ бы крѣпкихъ костей хотя бы одного померанскаго мушкатера“. Задачу Германіи въ балканскомъ кризисѣ онъ даже опредѣлялъ, какъ задачу всячески предупреждать войну, а если она вспыхнетъ между Россіей и Турціей, то не дать войнѣ разгорѣться, локализировать ее. Конечно, не все, что говорилъ Бисмаркъ, было выраженіемъ его настоящей мысли. Съ самаго же начала балканскаго кризиса онъ разыгрывалъ роль примирителя интересовъ и точекъ зрѣнія Россіи и Австро-Венгріи при сильномъ тяготѣніи въ сторону послѣдней, съ министромъ которой, Андраши, онъ находился въ это время и въ личной дружбѣ, ненавидя, наоборотъ, Горчакова [1]). Русскій канц-

[1]) Ср. стр. 121—122.

леръ не скрывалъ, что цѣлью вмѣшательства Европы должно было быть постепенное образованіе изъ христіанскихъ областей Турціи вассальныхъ, но автономныхъ княжествъ,—съ этою мыслью сходилась въ существѣ дѣла программа, начертанная Гладстономъ,—но противъ нея Андраши рѣшительнѣйшимъ образомъ и возставалъ, доказывая, что этимъ была бы только увѣковѣчена борьба мѣстныхъ христіанъ и мусульманъ, источникъ новыхъ смутъ. И по другимъ, болѣе частнымъ пунктамъ между Горчаковымъ и Андраши возникали разногласія; многія русскія предложенія вѣнскимъ кабинетомъ отклонялись, какъ, напр., и предложеніе занятія Босніи австрійскими и Болгаріи русскими войсками. Бисмарку приходилось постоянно примирять эти противорѣчивыя желанія обѣихъ союзницъ Германіи, очень искусно помогая торжеству австро-венгерской точки зрѣнія, своею же видимою защитою русскихъ предложеній,—за что его неразъ горячо благодарили изъ Петербурга,—только поощряя русскую политику въ тѣхъ ея рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, которыя въ концѣ концовъ привели къ войнѣ. Въ исходѣ декабря 1876 г. на вопросъ русскаго посла о томъ, какой оборотъ могутъ принять дѣла отъ неуспѣха конференціи пословъ въ Константинополѣ, Бисмаркъ уже безъ обиняковъ говорилъ, что Россія должна идти впередъ, должна „открыть пальбу“, ибо „нельзя допустить разговоровъ, что она отступила передъ турками“, хотя бы это стоило большихъ матеріальныхъ жертвъ и было сопряжено съ финансовыми затрудненіями. „Я, прибавлялъ Бисмаркъ, можетъ быть, и не зашелъ бы такъ далеко, какъ вы, но теперь уже поздно“. „Я, говорилъ онъ еще, постоянно твержу императору: Россіи нужно нѣсколько бунчуковъ и побѣдная пальба въ Москвѣ“. Въ заключеніе своей длинной рѣчи онъ указывалъ на то, что политическое положеніе для Россіи благопріятно, и что никто ее стѣснить не можетъ, Германія же изъ дружбы станетъ только радоваться будущимъ русскимъ успѣхамъ и во всякомъ случаѣ противиться имъ не захочетъ [1]). Зная о содержаніи секретныхъ переговоровъ, которые вела Россія въ Вѣнѣ, чтобы добиться нейтралитета Австро-Венгріи на случай войны, Бисмаркъ даже подчеркивалъ передъ представителемъ Россіи при берлинскомъ дворѣ, что не станетъ оказывать поддержки Австро-Венгріи, если послѣдняя будетъ питать свои прежнія предубѣжденія касательно русской политики, станетъ дѣйствовать по отношенію къ Россіи непріязненно или откажется отъ исполненія данныхъ ей обѣщаній. Видимое расположеніе Бисмарка къ Россіи, за которое, какъ только-что было сказано, ему посылали изъявленія благодарности изъ

[1]) Бисмарка въ то время обвиняли въ томъ, что онъ толкаетъ Россію на войну съ Турціей, и ему не разъ приходилось оправдываться въ этомъ.

Петербурга, выражалось еще и въ томъ, что онъ защищалъ передъ другими державами безкорыстіе и великодушіе русскаго императора отъ всякихъ подозрѣній и нареканій. Наконецъ, онъ указывалъ русскому послу, что не всѣ въ Германіи думаютъ такъ, какъ думаетъ онъ, имперскій канцлеръ: именно многіе „серьезные умы“ не переставали твердить, что поддержка, оказанная Россіи со стороны Германіи, можетъ впослѣдствіи повредить самой же Германіи, но онъ, Бисмаркъ, вѣритъ въ русскую дружбу и считаетъ правильнымъ, чтобы Германія отблагодарила Россію за услуги, оказанныя прусской политикѣ въ дѣлѣ германскаго объединенія.

Затаенною мыслью Бисмарка было обезсиленіе Россіи. Извѣстный дипломатическій инцидентъ 1875 г. [1]) произвелъ на желѣзнаго канцлера крайне тягостное впечатлѣніе, которое въ немъ было еще живо въ 1876—77 гг. Изъ двухъ имперій, находившихся съ 1871 г. въ соглашеніи съ Германіей, все влекло его въ сторону Австро-Венгріи, и ея интересы были ему ближе, чѣмъ интересы Россіи. Всѣ переговоры Россіи съ правительствомъ Франца-Іосифа были ему извѣстны, но правительство Александра II далеко не было посвящено въ то, что̀ было предметами соглашеній между Берлиномъ и Вѣною. Лѣтомъ 1876 г., на личномъ свиданіи въ Рейхштадтѣ (въ Богеміи) между русскимъ и австрійскимъ императоромъ, со стороны послѣдняго было сдѣлано рѣшительное заявленіе, что интересы его монархіи не допускаютъ образованія за Дунаемъ большого славянскаго государства, и что какое бы то ни было территоріальное измѣненіе на Балканскомъ полуостровѣ должно повлечь за собою компенсацію Австро-Венгріи въ сопредѣльныхъ съ нею провинціяхъ Турціи. Русскій императоръ согласился съ этимъ взглядомъ и вмѣстѣ съ этимъ указалъ на свое желаніе возвратить Россіи часть Бессарабіи, отторгнутую въ 1856 г. [2]). Оффиціально Андраши и послѣ этого продолжалъ настаи-

---

[1]) См. выше, стр. 120—121.

[2]) Въ Рейхштадтѣ рѣчь шла о присоединеніи не всей Босніи, а только турецкой Хорватіи. *С. Горяиновъ*, стр. 291 и 296. Въ январьской конвенціи между Россіей и Австро-Венгріей 1877 г. говорится уже обо всей Босніи и Герцеговинѣ, занимаемыхъ Австріей съ извѣстнымъ вознагражденіемъ Россіи. См. вообще всю XIV главу указанной книги. Россія неоднократно заявляла, что останется вѣрною соглашенію, стр. 321. Въ ноябрьской книжкѣ „Fortnightly Review“ за 1908 г., на основаніи конфиденціальнаго и притомъ высокоавторитетнаго источника, *Diplomaticus* сообщаетъ любопытныя подробности о „секретномъ рейхштадтскомъ договорѣ“. По словамъ автора, въ 1876 г. Горчаковъ стоялъ передъ альтернативой или воевать съ Австріей, или выторговать у нея невмѣшательство въ балканскія дѣла. Изъ этихъ двухъ возможностей онъ выбралъ вторую, хотя совершенно имъ не исключалась и первая. Въ Рейхштадтѣ, во время свиданія русскаго и австрійскаго императоровъ, былъ

вать на проведеніи своей программы реформъ безъ дарованія Босніи и Герцеговинѣ автономіи, отклоняя и предложеніе о занятіи обѣихъ областей австро-венгерской арміей, но Бисмаркъ, уже раньше направлявшій Австро-Венгрію на Балканскій полуостровъ, учитывалъ и личное желаніе Франца-Іосифа, какъ важный политическій факторъ. Когда между Вѣною и Петербургомъ начались переговоры на счетъ условій нейтралитета Австро-Венгріи относительно войны Россіи съ Турціей, сначала безъ содѣйствія и даже безъ вѣдома Германіи Бисмаркъ началъ было опасаться, какъ-бы не образовалась враждебная коалиція изъ обѣихъ союзницъ Германіи съ придачею къ нимъ Франціи,—возобновленіе комбинаціи временъ семилѣтней войны,—но опасенія его оказались напрасными, потому что соглашеніе, въ которомъ предвидѣлась возможность военнаго занятія Австро-Венгріей Босніи и Герцеговины, было доведено до свѣдѣнія германскаго правительства. Тѣмъ не менѣе Бисмарку было крайне непріятно, что въ этомъ соглашеніи онъ не игралъ роли посредника, что Австро-Венгрія обошлась безъ услугъ Германіи, чтоБоснію и Герцоговину она какъ бы получала изъ рукъ одной Россіи, и онъ поспѣшилъ вселить въ вѣнскомъ правительствѣ крайнее недовѣріе къ Россіи, сообщивъ, что уже послѣ свиданія русскаго и австрійскаго императоровъ первый изъ нихъ зондировалъ въ Берлинѣ, осталась ли бы Германія нейтральною въ случаѣ войны Россіи съ Австро-Венгріей,—противъ которой у Россіи были-де собраны и войска для вторженія въ

составленъ протоколъ, которымъ Россія обязывалась, между прочимъ, не посылать своихъ войскъ черезъ Сербію, не занимать Константинополя и т. п., а также обѣщала представить результаты войны съ Турціей на разсмотрѣніе державъ, подписавшихъ парижскій и лондонскій трактаты, Австрія же должна была получить право на оккупацію Босніи и Герцеговины и управленіе ими, если будетъ признана независимость Сербіи и Черногоріи и обнаружится неспособность Турціи поддерживать порядокъ въ названныхъ областяхъ. Такъ какъ Горчаковъ не могъ не видѣть всей невыгодности подобнаго соглашенія для Россіи, то всячески отдалялъ срокъ заключенія формальнаго договора на основѣ этого протокола, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлавъ необходимый шагъ, чтобы узнать въ Берлинѣ, какъ отнеслась бы Германія къ австро-русской войнѣ. Бисмаркъ далъ знать въ Петербургъ, что въ случаѣ такой войны Германіи пришлось бы стать на защиту Австріи, и въ то же время сообщилъ Австріи, какъ о запросѣ съ русской стороны, такъ и о своемъ на него отвѣтѣ. Послѣ этого Андраши добился превращенія рейхштадтскаго соглашенія въ формальный договоръ, что совершилось въ серединѣ января 1877 г.—Въ связи съ этимъ укажемъ на рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ въ 3 Государственной Думѣ 11 (24) декабря 1908 г. со ссылкою на зависимость Россіи въ вопросѣ объ аннексіи Босніи и Герцеговины „отъ политической преемственности и отъ предыдущихъ обязательствъ“, такъ какъ „завѣса, прикрывающая прошлое, отчасти приподнята“: „я, сказалъ А. П. Извольскій, не имѣю возможности отрицать подлинности разглашенныхъ документовъ—будапештской конвенціи 1877 г. и берлинской декларація 1878 г.“

Восточную Галицію,—и что только рѣшительный отказъ Германіи предотвратилъ войну. Одновременно съ этимъ русскому послу онъ говорилъ, что предупредилъ австрійскаго посла о необходимости строго соблюдать заключенный съ Россіей уговоръ, потому что Германія отнюдь не допуститъ чего-либо невыгоднаго для Россіи. „Эти преданія припрятаннаго кинжала, добавилъ онъ, — преданія чисто австрійскія, отнюдь не наши". Благодаря такой двуличной политикѣ Бисмарка, закрѣпленіе письменнымъ договоромъ состоявшагося между Россіей и Австро-Венгріей соглашенія затормазилось, и между обѣими державами было поселено взаимное недовѣріе.

Ведя свою линію, Бисмаркъ опредѣленно заявлялъ, что Германія не дастъ своихъ батальоновъ для участія въ военномъ вмѣшательствѣ или для занятія какихъ-либо турецкихъ областей. Онъ ссылался при этомъ, между прочимъ, на то, что положеніе турецкихъ христіанъ не очень заботитъ германскую націю, хотя и сознавался, что въ случаѣ надобности ему легко будетъ повліять на общественное мнѣніе своей страны въ смыслѣ благопріятномъ или неблагопріятномъ для русскаго военнаго вмѣшательства въ пользу этихъ христіанъ, такъ какъ Бисмаркъ вообще и любилъ, и умѣлъ давать желательное направленіе періодической печати въ Германіи [1]). То, что онъ говорилъ о настроеніи нѣмцевъ по поводу положенія и стремленій балканскихъ христіанъ, было, однако, вѣрно. Среди нѣмцевъ не было такого туркофильства, какимъ отличались англичане и мадьяры, но, конечно, не было и ничего похожаго на то увлеченіе дѣломъ христіанскихъ подданныхъ Турціи, столь характерное для русскаго общества въ это время. Тотъ особый, спеціальный мотивъ, который заставлялъ русскихъ такъ, какъ это тогда было, сочувствовать балканскимъ народностямъ, боровшимся за свою свободу, то обстоятельство, что это были народности славянскія, одноплеменныя съ народомъ русскимъ,— это скорѣе было минусомъ, чѣмъ плюсомъ въ глазахъ нѣмцевъ, да и вообще, пожалуй, многихъ людей и изъ другихъ національностей Запада. Заступничество Россіи за славянъ, боевыя ноты, звучавшія въ славянофильской или просто шовинистической прессѣ, военныя приготовленія Россіи противъ турокъ, напомнили многимъ западноевропейскимъ публицистамъ старое пугало панславизма, опаснаго и для европейской цивилизаціи, и для свободы всей Европы [2]). Особенно панславистическіе страхи всегда были сильны среди нѣмцевъ и мадьяръ. Кромѣ того, стала воскресать и легенда о завѣщаніи Петра Великаго на счетъ завоеванія Константинополя,—легенда, о кото-

[1]) Вспомнимъ только о рептильномъ фондѣ (стр. 261).

[2]) Т. V, стр. 458 и слѣд.

рой, какъ о предметѣ „политической миѳологіи“, пришлось теперь говорить и самому Горчакову, удивлявшемуся, что выкопали такое, повидимому, давно сданное въ архивъ „старье“ (vielleries). Роль, которую играли славянскіе народы Австріи и Россія въ борьбѣ съ революціей 1848 г. [1]), тоже не располагала и теперь либеральные и радикальные круги Запада въ пользу славянскаго движенія и русской политики. Конечно, австрійскіе славяне, въ особенности чехи, сочувствовали освободительной борьбѣ, но и тутъ исключеніе составляли поляки, которымъ былъ еще слишкомъ памятенъ 1863 годъ. Среди нихъ господствовало антирусское настроеніе и желаніе побѣды Турціи. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ враждебное отношеніе къ славянамъ исхода сороковыхъ годовъ было тою призмою, черезъ которую многіе не въ одной Германіи смотрѣли на совершавшіяся тогда событія. Извѣстно, что послѣ подавленія революціи сорокъ восьмого года Карлъ Марксъ призывалъ къ „непримиримой борьбѣ на жизнь и смерть со славянствомъ, измѣнившимъ революціи“, къ „истребительному и безпощадному терроризму“, указывая, что этого требуетъ интересъ человѣчества [2]). Теперь снова стали звучать подобныя же ноты и въ томъ, что говорилъ самъ Марксъ, и въ томъ, что писалось въ соціалъ-демократической прессѣ [3]).

Исторія восточной войны 1877—78 г. не входитъ въ планъ настоящей книги, и мы остановимся только на отношеніи къ ней западныхъ державъ. Когда война вспыхнула, Франція и Италія тотчасъ же заявили о своемъ нейтралитетѣ,—онѣ непосредственно не были задѣты этимъ фактомъ,—а Вильгельмъ I и Бисмаркъ выразили Александру II и русскому правительству увѣренія въ неизмѣнной дружбѣ. Вѣнскій кабинетъ съ самаго же начала завелъ рѣчь о тайномъ уговорѣ на счетъ Босніи и Герцеговины; но теперь Андраши уже прямо говорилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ, что вознагражденіе въ Босніи и Герцеговинѣ дѣлается-де, повидимому, неизбѣжнымъ, хотя и прибавлялъ,—совершенно вѣрно отмѣчая фактъ,—что общественное мнѣніе по обѣ стороны Лейты не расположено въ пользу земельныхъ пріобрѣтеній. Только одно англійское правительство отнеслось съ нескрываемымъ раздраженіемъ къ объявленію войны Россіей Турціи, въ особенности же къ ссылкѣ русскаго правительства на то, что оно въ данномъ случаѣ поступаетъ только въ согласіи съ чувствами и интересами Европы. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Дэрби, даже сдѣлалъ русскому правительству заявленіе о томъ, что

---

[1]) Т. V, стр. 578 и слѣд.

[2]) Т. V, стр. 580. Ср. выше стр. 77, примѣч.

[3]) Ср. ниже въ главѣ XXIII объ отношеніи соціалъ-демократіи къ національному вопросу.

Англія выйдетъ изъ состоянія нейтралитета, разъ Россіей какъ-нибудь будутъ затронуты Суэзскій каналъ, Египетъ, Константинополь, Босфоръ, Дарданеллы и Персидскій заливъ, гдѣ у Англіи есть-де свои кровные интересы. Русскому правительству пришлось дать Англіи успокоительныя завѣренія по всѣмъ предметамъ ея тревогъ. Когда послѣ паденія Плевны побѣда въ войнѣ была уже безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ Россіи, изъ Лондона было сдѣлано представленіе, что Россія должна избѣжать хотя бы даже временнаго занятія Константинополя, а австро-венгерскія делегаціи сдѣлали запросъ Андраши, продолжаетъ ли онъ думать, что территоріальное приращеніе для монархіи будетъ вреднымъ, но тотъ отдѣлался шутливою ссылкою на то, что при прежнихъ войнахъ, ведшихся по сосѣдству съ монархіей, спрашивали, какую провинцію ей придется утратить, а теперь боятся, не предстоитъ ли ей, наоборотъ, пріобрѣсти новую область. Между тѣмъ со стороны Россіи были сообщены Германіи и Австро-Венгріи предположительныя условія мира, среди которыхъ былъ проектъ дать Босніи и Герцеговинѣ автономное управленіе съ гарантіями, установленными при ближайшемъ участіи Австро-Венгріи, что̀, конечно, никакъ не соотвѣтствовало видамъ вѣнскаго двора. Андраши предъявилъ противъ этихъ условій нѣкоторыя возраженія, особенно противъ образованія большой Болгаріи и на этотъ разъ въ полномъ согласіи съ требованіями Англіи указалъ на необходимость подвергнуть мирный договоръ пересмотру державъ, участвовавшихъ въ парижскомъ трактатѣ 1856 г. Россіи пришлось дать въ этомъ смыслѣ обѣщаніе великимъ державамъ. Когда русскіе перешли черезъ Балканы и стала грозить опасность занятія ими Константинополя [1]), такъ какъ Турція не соглашалась на русскія условія мира, въ англійскомъ министерствѣ возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли послать англійскую эскадру въ Дарданеллы, дабы предотвратить захватъ русскими Константинополя и Босфора, что̀ и было рѣшено въ началѣ января 1878 г. съ принятіемъ въ тотъ же день рѣшенія просить у парламента чрезвычайнаго кредита въ размѣрѣ шести милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на вооруженія. Это предложеніе было принято въ палатѣ общинъ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Въ февралѣ подъ столицей Турціи на сушѣ стояла русская армія, на морѣ—англійская эскадра,

[1]) Когда императоръ Александръ II узналъ о движеніи русской арміи къ Константинополю, то, какъ передаютъ, сказалъ: „если суждено, то пусть водружаютъ крестъ на св. Софіи“, а великій князь Константинъ Николаевичъ совѣтовалъ какъ можно скорѣе занять Константинополь и, возвѣстивъ объ окончаніи вѣковой борьбы христіанства съ исламомъ и о прекращеніи турецкаго владычества въ Европѣ, созвать туда представителей великихъ державъ для ликвидаціи сообща турецкаго наслѣдства.

въ чемъ одномъ заключалась опасность войны между Австріей и Россіей. Австро-Венгрія тоже заняла вызывающее положеніе. Андраши требовалъ созванія въ Вѣнѣ европейской конференціи для обсужденія условій будущаго мира, и когда изъ Россіи пришелъ отвѣтъ съ согласіемъ на конференцію, но только не въ Вѣнѣ, а въ какомъ-либо городѣ, не принадлежащемъ ни одной изъ великихъ державъ, онъ былъ страшно этимъ разсерженъ. Андраши долго не соглашался на русское предложеніе подвергнуть спорные между Россіей и Австріей пункты сепаратному обсужденію представителей трехъ державъ, такъ что Горчакову пришлось просить Бисмарка объ улаженіи спора, могущаго разстроить соглашеніе трехъ императоровъ, эту „ось политическаго положенія Европы“, и объ отвлеченіи Австро-Венгріи отъ сближенія съ Англіей. Убѣждая вѣнское правительство, что русскія предположенія относительно условій будущаго мира вполнѣ правильны, Горчаковъ указывалъ на то, что Австро-Венгрія можетъ легко вознаградить себя занятіемъ Босніи и Герцеговины. Въ это самое время (въ началѣ февраля) Бисмаркъ произнесъ въ рейхстагѣ рѣчь въ отвѣтъ на запросъ о восточной политикѣ Германіи, сдѣланный правительству въ виду усложненія международныхъ отношеній въ Европѣ. Русскія требованія онъ назвалъ въ этой рѣчи не затрогивающими интересовъ Германіи въ такой степени, чтобы стоило рисковать хорошими отношеніями имперіи къ сосѣднимъ державамъ, замѣтивъ, однако, что всѣ будущія территоріальныя измѣненія нуждаются въ утвержденіи державъ, участвовавшихъ въ парижскомъ трактатѣ. Для этого и должна быть созвана конференція, но Германія отнюдь не намѣрена взять на себя роль третейскаго судьи: ея роль, это—роль „честнаго маклера“, добивающагося лишь того, чтобы между тяжущимися сторонами было достигнуто соглашеніе. Бисмаркъ распространился при этомъ и о чисто моральномъ характерѣ политической связи, установившейся между тремя имперіями, зиждущейся на личныхъ отношеніяхъ какъ между самими монархами, такъ и между ихъ руководящими министрами, и о безпристрастномъ отношеніи германской политики къ обѣимъ имперіямъ. Русское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ убѣждалъ въ переговорахъ съ нимъ держаться соглашенія съ Австро-Венгріей, указывая на опасность соглашенія послѣдней съ Англіей, готовой вооруженною рукою противодѣйствовать планамъ Россіи: если бы Англія и Австро-Венгрія начали войну съ Россіей, Германія могла бы остаться только нейтральною, ибо присоединись она къ Россіи, противный лагерь немедленно усилился бы присоединеніемъ къ нему Франціи. Другими словами, совѣты Бисмарка русскому правительству клонились къ тому, чтобы убѣдить его въ необходимости идти на уступки.

Андраши съ своей стороны упорствовалъ. Когда мысль о кон-

ференціи въ Вѣнѣ потерпѣла фіаско, онъ разослалъ приглашенія на конференцію въ Баденъ-Баденѣ, но и Бисмаркъ, и Дэрби заявили, что лично они въ ней участвовать не будутъ. Это заставило Горчакова обратиться къ германскому имперскому канцлеру съ просьбою—созвать въ Берлинѣ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ настоящій конгрессъ изъ первыхъ министровъ великихъ державъ. Эта просьба и согласіе на нее Вильгельма I и Бисмарка датированы 16 и 18 февраля, а 19 февраля состоялся прелиминарный миръ между воюющими сторонами въ Санъ-Стефано, подъ самымъ Константинополемъ.

Санъ-Стефанскій миръ оставлялъ за султаномъ въ Европѣ лишь Константинополь съ Адріанополемъ и Солониками на в., Эпиръ съ Ѳессаліей на ю. и Албанію, равно какъ Боснію и Герцеговину на з., вся же центральная часть отъ Дуная до Архипелага и отъ Чернаго моря до Охридскаго озера должна была составить въ вассальной зависимости отъ султана, но автономное княжество Болгарское. Черногорію, Сербію и Румынію, участвовавшія въ войнѣ, Турція должна была признать независимыми государствами, и онѣ должны были получить земельныя приращенія: Черногорія—со стороны Албаніи, Герцеговины и Адріатики, Румынія—въ видѣ всей Добруджи съ возвращеніемъ Россіи части Бессарабіи, Сербія—изъ Старой Сербіи. Между Сербіей и Черногоріей былъ оставленъ за султаномъ Ново-Базарскій санджакъ, который долженъ былъ связывать Боснію и Герцеговину съ другими частями турецкой территоріи. Въ послѣднихъ вводились реформы по проекту константинопольской конференціи передъ началомъ войны съ измѣненіями, опредѣленіе которыхъ должно было произойти по соглашенію между Россіей и Австро-Венгріей. Эпиръ, Ѳессалія и Албанія получали устройство по образцу введеннаго на о-вѣ Критѣ въ 1868 г. Реформы имѣлись въ виду и по отношенію къ армянамъ. Кромѣ того, Россія должна была получить огромное денежное вознагражденіе съ замѣною большей ея части (1100 милліоновъ изъ 1410 милліоновъ) земельною уступкою въ Малой Азіи съ Ардаганомъ, Карсомъ, Батумомъ и Баязетомъ. Наконецъ, былъ еще рядъ менѣе важныхъ пунктовъ. 4 марта состоялся обмѣнъ ратификацій этого договора.

Приглашеніе на конгрессъ, разосланное Германіей, было принято всѣми великими державами, но Англія сдѣлала это лишь подъ условіемъ разсмотрѣнія на конгрессѣ всѣхъ пунктовъ мирнаго договора, заключеннаго въ Санъ-Стефано. Это требованіе Горчаковъ нашелъ нужнымъ отклонить, ибо, принявъ его, Россія явилась бы въ роли не равноправной участницы, а какой-то подсудимой. Но Биконсфильдъ пошелъ и еще дальше при содѣйствіи лорда Солсбёри (Salisbury), сдѣлавшагося министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто Дэрби,

который не соглашался на такую политику и вышелъ въ отставку. Въ Англіи былъ объявленъ сборъ резервовъ, а представителямъ ея при иностранныхъ дворахъ былъ разосланъ циркуляръ, гдѣ говорилось о полной невозможности санъ-стефанскаго договора, дѣлающаго Россію единственною госпожею Востока и вполнѣ порабощающаго ей Оттоманскую имперію, что̀ вредитъ многимъ интересамъ Англіи. Весьма рѣшительно возражала по поводу санъ-стефанскаго договора и Австро-Венгрія, которая потребовала занятія Босніи и Герцеговины съ округами, предназначенными для Черногоріи, и съ Ново-Базарскимъ санджакомъ, а кромѣ того, заявила, что не даетъ своего согласія ни на предоставленіе Черногоріи морского порта, ни на границы, установленныя для Сербіи и особенно для Болгаріи, а именно на включеніе въ это княжество Македоніи и на южную его границу, слишкомъ близкую къ Адріанополю. Только подъ условіемъ удовлетворенія этихъ требованій относительно территоріальныхъ измѣненій на Балканскомъ полуостровѣ, Австро-Венгрія обѣщала въ остальномъ поддерживать Россію на конгрессѣ, въ противномъ же случаѣ вѣнское правительство вступало въ сдѣлку съ лондонскимъ кабинетомъ [1]). Другими словами, Россіи угрожала новая война при недовольствѣ еще Румыніи, Греціи и Сербіи. Въ Россіи готовились къ этой войнѣ, но и вели переговоры съ обѣими державами, чтобы ея избѣжать. Бисмаркъ, котораго русское правительство попрежнему просило воздѣйствовать на Австро-Венгрію, только говорилъ, что для самой же Россіи выгоднѣе дать этой державѣ завязнуть на Балканскомъ полуостровѣ и что во всякомъ случаѣ рискованно воевать съ Австро-Венгріей, тѣмъ болѣе, что ему, Бисмарку, всегда думалось,—онъ это повторилъ и теперь,—что русскимъ „нужно лишь нѣсколько турецкихъ бунчуковъ, да побѣдная пальба въ Москвѣ“. За то Бисмаркъ предложилъ свое посредничество по отношенію къ Англіи, но изъ этого ничего не вышло. Для предотвращенія войны оставалось одно средство, т.-е. еще раньше предложенный Горчаковымъ конгрессъ, и только русскому послу въ Англіи, гр. Шувалову, удалось

[1]) Въ статьѣ *Diplomaticus'a* о рейхштадтскомъ соглашеніи, о которой см. выше (стр. 407), говорится, что послѣ подписанія санъ-стефанскаго договора въ Вѣну былъ отправленъ гр. Игнатьевъ, который долженъ былъ добиться согласія Австріи на санъ-стефанскій договоръ, за что ей было предложено присоединить Боснію и Герцеговину. Отвѣтомъ со стороны Андраши было указаніе на то, что „за Боснію и Герцеговину все уже сполна уплачено“, такъ что нечего болѣе поднимать этотъ уже „покончennый“ вопросъ. Съ своей стороны, онъ предложилъ новую сдѣлку: пусть Россія согласится поставить Македонію подъ протекторатъ Австріи, и тогда послѣдняя не будетъ имѣть ничего противъ того, чтобы предоставить Россіи совершенную свободу дѣйствій въ Болгаріи. Игнатьевъ на эту комбинацію, однако, не согласился.

наконецъ сойтись относительно конгресса на нѣкоторой средней формулѣ, дѣлавшей возможнымъ участіе въ немъ Англіи. Главное было въ согласіи Россіи на уступки относительно раздѣленія Болгаріи на двѣ части съ разнымъ устройствомъ и урѣзки границъ южной ея части, равно какъ относительно предоставленія права наблюдать за исполненіемъ обѣщаній турецкаго правительства въ другихъ областяхъ—всѣмъ вообще державамъ, а не одной Россіи и т. п. Англо-русское соглашеніе имѣло секретный характеръ, но Бисмарку оно было сообщено, и онъ тогда разослалъ приглашеніе на конгрессъ.

Уполномоченными на берлинскій конгрессъ въ началѣ лѣта 1878 г. явились самъ Бисмаркъ, Андраши, Биконсфильдъ съ Солсбёри, Горчаковъ съ Шуваловымъ, далѣе французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Ваддингтонъ [1]), итальянскій гр. Корти и турецкій Каратеодори-паша. Пріѣхали также представители Греціи, Румыніи, Сербіи и Черногоріи, но ихъ не допустили на конгрессъ съ правомъ голоса, хотя представители двухъ первыхъ и были выслушаны уполномоченными великихъ державъ. Засѣданія конгресса подъ предсѣдательствомъ Бисмарка [2]) открылись 1 іюня, и въ восьмомъ его засѣданіи Андраши прочиталъ мемуаръ, въ которомъ доказывалъ, что установленная въ санъ-стефанскомъ договорѣ административная автономія никогда не успокоитъ сопредѣльныхъ съ Австро-Венгріей Босніи и Герцеговины съ ихъ населеніемъ, состоящимъ изъ мусульманъ, православныхъ и католиковъ, и что въ распоряженіи Турціи даже нѣтъ такихъ средствъ, какія нужны для умиротворенія представителей этихъ трехъ исповѣданій, враждующихъ между собою. Выводъ отсюда былъ тотъ, что оставленіе Босніи и Герцеговины подъ властью Турціи было бы равносильно созданію настоящаго очага вѣчныхъ безпорядковъ, увеличеніе же на счетъ обѣихъ областей Сербіи и Черногоріи несовмѣстимо

---

[1]) См. выше, стр. 220.

[2]) *Hanotaux* въ статьѣ о берлинскомъ конгрессѣ, имѣющей войти въ составъ IV т. его „Histoire de la France contemporaine“ (въ „Revue des deux mondes“ за 1908 г.) опредѣляетъ задачи, которыя ставилъ себѣ предсѣдатель конгресса, Бисмаркъ, указаніемъ на желаніе его, какъ можно болѣе, испортить взаимныя отношенія Россіи и Австро-Венгріи, поднять значеніе послѣдней, а вмѣстѣ съ нею и всего германскаго міра на Балканскомъ полуостровѣ и воспрепятствовать сближенію Франціи какъ, съ одной стороны, съ Россіею, такъ, съ другой, и съ Италіей. Все время онъ очень искусно направлялъ работы конгресса въ желательномъ для себя смыслѣ, проявляя почти постоянно „нѣсколько военную рѣзкость“ (показаніе гр. Шувалова, записками котораго пользовался *Hanotaux*); даже англійскіе уполномоченные подчинялись его начальническому тону. Въ очень непривлекательномъ видѣ изображается въ статьѣ кн. Горчаковъ (между прочимъ, словами другого русскаго уполномоченнаго, гр. Шувалова).

съ коммерческими интересами Австро-Венгріи; остальное договорилъ Солсбёри, предложивъ въ интересахъ самой Турціи занятіе обѣихъ областей Австро-Венгріей, которая и стала бы ими управлять [1]). Бисмаркъ поддержалъ это предложеніе, за нимъ—Биконсфильдъ и Ваддингтонъ, вслѣдъ за чѣмъ Андраши заявилъ, что австро-венгерское правительство соглашается на такую комбинацію; тогда къ предложенію присоединился и Горчаковъ. Представитель Турціи [2]) сталъ было возражать, но Бисмаркъ его обрѣзалъ, сказавъ, что конгрессъ собрался не для того, чтобы удерживать за Турціей ея владѣнія, а для сохраненія мира, и что онъ вполнѣ расчитываетъ на полученіе въ этомъ смыслѣ турецкимъ уполномоченнымъ инструкціи отъ своего правительства. Черезъ нѣсколько дней такая инструкція, дѣйствительно, пришла, и предложеніе Австро-Венгріи занять Боснію и Герцеговину и вступить въ управленіе ими было объявлено принятымъ единогласно. Давно затаенное желаніе Франца-Іосифа, поддерживавшееся въ немъ Бисмаркомъ и не встрѣтившее въ 1876 г. возраженія

---

[1]) „Солсбёри первоначально согласился на занятіе Босніи и Герцеговины Австро-Венгріей только, пока продолжалось занятіе Болгаріи русскими войсками, но отказывался признавать домогательство Австро-Венгріи на присоединеніе этихъ областей. На конгрессѣ оба англійскихъ уполномоченныхъ выразили кн. Горчакову свое отвращеніе къ политической безнравственности притязанія Австро-Венгріи. Но это чувство отвращенія исчезло, когда сами англичане захватили Кипръ, такъ какъ въ засѣданіи конгресса 28 іюля предложеніе о передачѣ Босніи и Герцеговины въ управленіе Австро-Венгріи исходило отъ самихъ великобританскихъ уполномоченныхъ и поддерживалось кн. Бисмаркомъ". *С. Горяиновъ*, стр. 347. Мадьярскій публицистъ, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ *Mercator*, настаиваетъ въ своемъ объясненіи помощи, оказанной Андраши англійскими уполномоченными во время берлинскаго конгресса, на томъ, что Англіи нужно было превращеніе Австро-Венгріи въ „балканскую державу", дабы предупредить захваты на п—овѣ со стороны Россіи: „das war von Seite Englands die einfachste und—fügen wir hinzu—die billigste Art, sich den Suez-Kanal zu sichern". Die Nationalitätenfrage und die ungarische Staatsidee, стр. 42.

[2]) *G. Hanotaux* въ статьѣ своей о берлинскомъ конгрессѣ въ „Revue des deux mondes" за 1908 г. пользовался, между прочимъ, мемуарами Каратеодори-паши, бывшаго первымъ уполномоченнымъ Турціи. Послѣдній просилъ итальянскаго уполномоченнаго, гр. Корти, поддерживать Турцію противъ австрійскихъ притязаній (бывшихъ невыгодными и для Италіи, которая не могла хотѣть усиленія Австро-Венгріи на Адріатикѣ). Когда гр. Корти однажды рѣшился спросить, на какую же точку зрѣнія становится Австро-Венгрія въ вопросѣ объ оккупаціи Босніи и Герцеговины, Андраши, переглянувшись съ Бисмаркомъ, коротко и сухо отвѣтилъ, что это—европейская точка зрѣнія, и что къ этому больше прибавить онъ ничего не можетъ. Потомъ гр. Корти оправдывалъ передъ Каратеодори-пашей послѣдовавшее за этими словами съ его стороны молчаніе тѣмъ, что ему вовсе не хотѣлось ввязывать Италію въ войну изъ-за этого дѣла.

со стороны русскаго императора, такимъ образомъ, исполнилось, несмотря на то, что обѣ господствующія національности монархіи Габсбурговъ были противъ этого присоединенія. Англія особенно благосклонно отнеслась къ занятію Австро-Венгріей двухъ турецкихъ провинцій, желая, чтобы монархія Габсбурговъ заняла позицію на Балканскомъ полуостровѣ и тѣмъ самымъ впредь мѣшала хозяйничать Россіи,—самое дешевое средство, какъ выражается одинъ мадьярскій публицистъ [1]), обезпечить за собою обладаніе суэзскимъ каналомъ.

Берлинскій конгрессъ кончилъ свои засѣданія 1 іюля, когда былъ подписанъ составившійся изъ отдѣльныхъ 64 статей трактатъ. Великая Болгарія санъ-стефанскаго договора была раздроблена на вассальное княжество Болгарію къ с. отъ Балкановъ и на автономную турецкую область Восточную Румелію, а все остальное пространство, зачерченное по санъ-стефанскому договору въ карту Болгаріи, съ побережьемъ Эгейскаго моря было оставлено за турецкимъ правительствомъ. Боснію и Герцеговину было предоставлено оккупировать Австро-Венгріи съ сохраненіемъ за Турціей по отношенію къ нимъ суверенныхъ правъ. Черногорію Порта признала независимой, и княжество получило приращеніе территоріи, но нѣсколько урѣзанное сравнительно съ санъ-стефанскимъ договоромъ, да торговый портъ Антивари. Обѣщанное приращеніе Сербіи, объявленной независимымъ, какъ и Румынія, княжествомъ, тоже было урѣзано, Румынія же получила Добруджу взамѣнъ придунайской части Бессарабіи, возвращенной Россіи. Въ Малой Азіи Россія отказалась отъ Баязета. Выговорены были и разныя обѣщанія со стороны Турціи въ пользу христіанъ, оставшихся въ ея непосредственномъ подданствѣ. Русскій оккупаціонный корпусъ долженъ былъ остаться жить въ Болгаріи и въ Восточной Румеліи для того, чтобы своимъ присутствіемъ обезпечить новое устройство, подлежавшее въ нихъ введенію, но только въ Болгаріи это дѣло поручено было Россіи подъ надзоромъ коммиссаровъ великихъ державъ, а въ Восточной Румеліи дѣломъ должна была заняться особая коммиссія изъ представителей всѣхъ державъ, принимавшихъ участіе въ конгрессѣ [2]).

Извѣстно, какимъ недовольствомъ — и притомъ весьма понятнымъ — были встрѣчены рѣшенія берлинскаго конгресса со стороны русскаго общественнаго мнѣнія, считавшаго такое окончаніе побѣдоносной войны прямо позоромъ для Россіи. Расчлененіе Болгаріи санъ-стефанскаго договора на три части, отдача Босніи и Герцеговины, ни за что, ни про что, Австро-Венгріи, урѣзка предположенныхъ границъ

[1]) *Mercator*, op. cit., стр. 42.

[2]) Текстъ берлинскаго трактата помѣщенъ, между прочимъ, въ книгѣ *Фр. Листа* „Международное право въ систематическомъ изложеніи“ (Приложенія, стр. VIII и слѣд. въ русскомъ переводѣ изд. 1909 г.)

Сербіи и Черногоріи, оставленіе подъ непосредственною властью Турціи остальныхъ областей съ христіанскимъ населеніемъ безъ достаточныхъ гарантій, наконецъ, ограниченіе правъ Россіи по отношенію къ дѣламъ Балканскаго полуострова вообще,—все это, говорили въ Россіи, не соотвѣтствовало понесеннымъ ею жертвамъ и цѣли, съ которою была предпринята война. Раздраженіе противъ Англіи и Австро-Венгріи, въ угоду которымъ былъ такъ сильно измѣненъ санъ-стефанскій договоръ, распространялось въ Россіи и на Германію, на ея имперскаго канцлера, этого „честнаго маклера“, который *такъ* отплатилъ Россіи за ея содѣйствіе объединенію Германіи. Европа оказалась враждебною дѣлу освобожденія славянъ. Въ Англіи, наоборотъ, находили, что Биконсфильдъ былъ слишкомъ уступчивъ по отношенію къ Россіи. Когда къ концу конгресса одна англійская газета обнародовала тайное соглашеніе, состоявшееся между Англіей и Россіей передъ самымъ конгрессомъ, англійская печать очень рѣзко напала на правительство, возбудивъ негодованіе и въ обществѣ. Биконсфильдъ былъ до такой степени задѣтъ этимъ неудовольствіемъ, что выразилъ-было желаніе подать въ отставку, дабы его преемникъ могъ взять назадъ согласіе Англіи на присоединеніе Батума къ Россіи, но Бисмаркъ вмѣшался въ это дѣло и не допустилъ Биконсфильда до такого шага, если только намѣреніе Биконсфильда было серьезнымъ, а не манёвромъ для полученія нѣкоторыхъ уступокъ со стороны Россіи. Въ сущности, англійскіе шовинисты должны были быть довольными, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Биконсфильдъ заключилъ тайный договоръ и съ Турціей, взявъ на себя обязательство защищать ея мало-азіатскіявладѣнія отъ Россіи и получивъ за эту услугу позволеніе занять островъ Кипръ. На конгрессѣ англійскіе уполномоченные выторговали у Россіи отказъ отъ Баязета и обѣщаніе превратить Батумъ въ порто-франко, причемъ Биконсфильдъ воспользовался этимъ для обнародованія тайнаго договора относительно Кипра. Мало того, англійскому правительству удалось расположить султана въ пользу союза съ Англіей и достигнуть въ Константинополѣ такого вліянія, какимъ въ свое время пользовались въ немъ Россія и Франція, а позднѣе, въ годы, предшествовавшіе турецкой революціи 1908 г., Германская имперія. Все это примирило англичанъ съ тѣмъ, что̀ имъ казалось непріемлемымъ въ берлинскомъ конгрессѣ. Внѣшній престижъ Англіи стоялъ высоко: цѣль политики Биконсфильда была достигнута. Только очень немногіе соглашались съ Гладстономъ, порицавшимъ эту политику. Въ своей парламентской рѣчи по поводу поведенія Биконсфильда и Солсбёри на берлинскомъ конгрессѣ онъ указывалъ на то, что прежде всего ихъ образъ дѣйствій не соотвѣтствовалъ свободнымъ учрежденіямъ Англіи и ея исторической традиціи: рѣчи

англійскихъ уполномоченныхъ напоминали собою скорѣе Меттерниха, нежели Каннинга, Пальмерстона, Росселя, ибо это были рѣчи въ защиту рабства. Соглашеніе относительно Кипра Гладстонъ тоже не одобрялъ, потому что изъ-за него Англія въ значительной степени утратила симпатіи и уваженіе цивилизованныхъ націй. Престижъ государствъ, говорилъ онъ, основывается не на одной матеріальной силѣ, но и на правдолюбіи и честности правительствъ. Для Англіи выгодно ея островное положеніе, изолирующее ее отъ остальной Европы, но можетъ настать день, когда и морально Англія окажется изолированною среди другихъ націй.

Для Австро-Венгріи занятіе присужденныхъ ей на берлинскомъ конгрессѣ областей Турціи оказалось дѣломъ не совсѣмъ легкимъ. Правда, оккупація совершилась безъ труда, но затѣмъ произошло мусульманское возстаніе, которому очень помогала горная мѣстность; пришлось вести трудную и дорого стоющую кампанію для подавленія возстанія, что повлекло за собою увеличеніе налоговъ. Мы видѣли [1]), что ни нѣмцы, ни мадьяры не были сторонниками занятія Босніи и Герцеговины, опасаясь усиленія славянскаго элемента въ монархіи, и дѣйствительно среди хорватовъ сдѣлалась очень популярною политическою идеею мысль объ образованіи Великой Хорватіи, которая включала бы всѣ страны, говорящія на ихъ языкѣ. И въ австрійскомъ рейхсратѣ, и въ венгерскомъ сеймѣ были крайне недовольны оккупаціей турецкихъ областей, произведенной безъ согласія обоихъ народныхъ представительствъ и оказавшейся крайне обременительной для казны, тогда какъ сами эти области не приносили никакого дохода. Оба министерства были близки къ выходу въ отставку, да и делегаціи отказали дать дополнительный кредитъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ требовало правительство.—Австро-Венгрія получила въ 1878 г. приращеніе территоріи въ 60 т. кв. километровъ (въ Босніи 51 т., въ Герцеговинѣ 9,1 т.) съ населеніемъ въ 1.500.000 (1.300.000 босняковъ и 200.000 герцеговинцевъ), доставившимъ еще немало хлопотъ правительству. Кромѣ того, по особой конвенціи съ турціей заключенной въ апрѣлѣ 1879 г., Австро-Венгрія заняла также Ново-Базарскій санджакъ, лежащій между Сербіей и Черногоріей и имѣющій важное стратегическое значеніе [2]).

Расчлененіе Европейской Турціи на новыя христіанскія государства сопровождалось ихъ европеизаціей, внесеніемъ въ ихъ жизнь вообще культурныхъ политическихъ началъ, выработанныхъ Западною

[1]) См. выше, стр. 404.

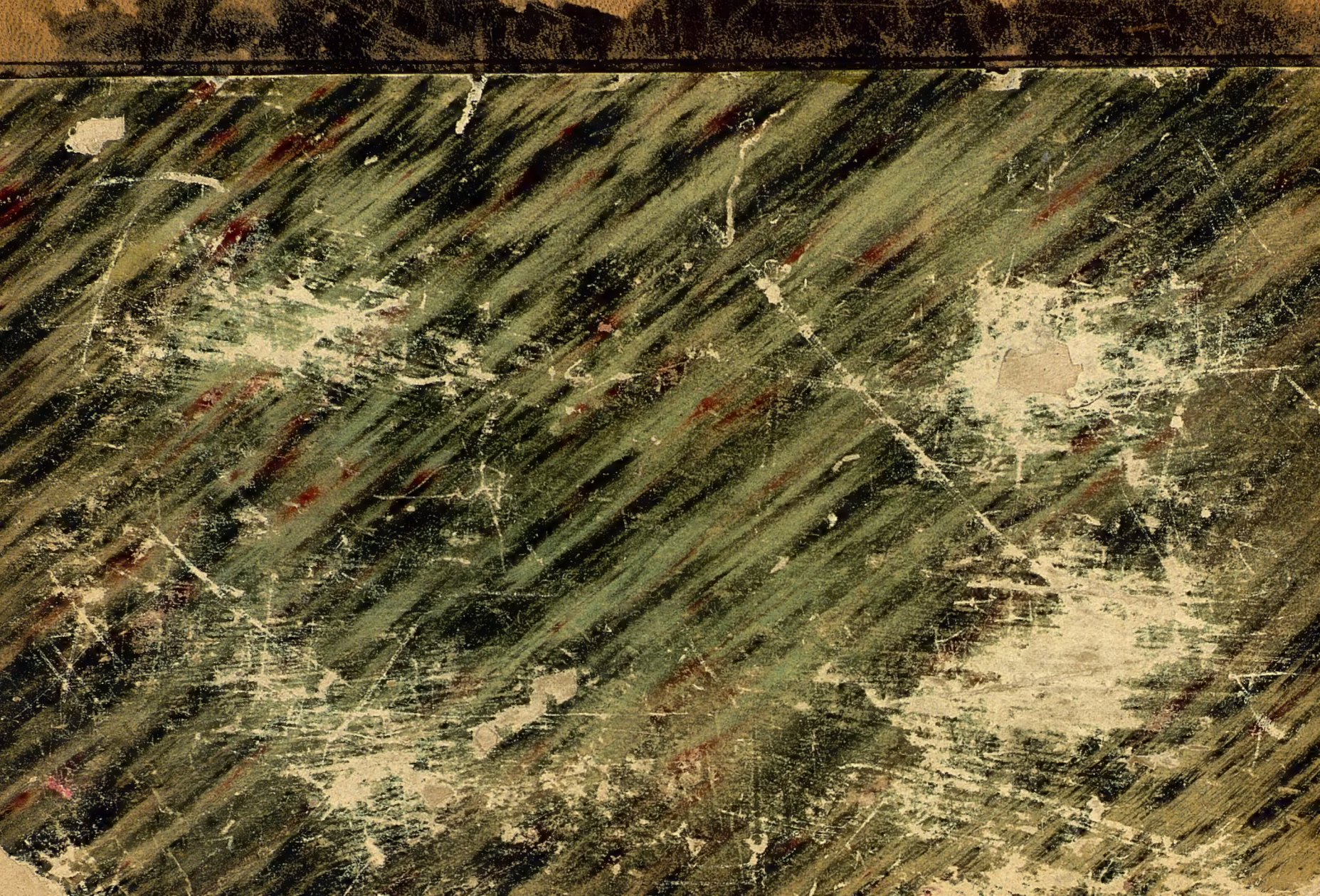
[2]) Слишкомъ хорошо въ данную минуту извѣстно, что лѣтомъ 1908 г. Австро-Венгрія превратила „оккупацію“ Босніи и Герцеговины въ аннексію, причемъ Ново-Баварскій санджакъ былъ возвращенъ Турціи.

Европою и въ частности конституціонныхъ порядковъ. Примѣръ въ этомъ отношеніи былъ показанъ Греціей въ первой половинѣ XIX в. Еще въ двадцатыхъ годахъ, во время борьбы съ турками, греческое національное собраніе выработало республиканскую конституцію, которая, впрочемъ, существовала только на бумагѣ; превратившись въ 1832 г. въ монархію, Греція получила конституцію лишь въ 1844 г., а въ 1863 г. эта конституція была нѣсколько измѣнена въ болѣе либеральномъ смыслѣ. Въ Сербіи первая конституціонная попытка была сдѣлана тоже довольно рано, именно въ 1835 г., но только въ 1837 г. власть князя была ограничена сенатомъ изъ пожизненныхъ членовъ. Настоящая конституція по европейскому была введена въ Сербіи въ 1869 г. съ представительной скупщиной, избираемой народомъ. Въ 1879 г. перешла къ конституціонному строю и только-что освободившаяся Болгарія. Въ Румыніи конституціонное движеніе началось еще до ея образованія изъ Молдавіи и Валахіи, въ которыхъ первыя требованія конституціи относятся къ 1848 г., но правильная конституціонная жизнь началась здѣсь лишь съ 1866 г., когда введена была новая, нынѣ дѣйствующая конституція, составленная, какъ и греческая, по образцу бельгійской. Западныя державы, подававшія помощь Греціи и Румыніи при пріобрѣтеніи ими независимости, стали, конечно, оказывать большое вліяніе на ихъ внутреннюю жизнь. Во вновь образовавшихся государствахъ образовалась интеллигенція, въ составъ которой входили люди, получившіе образованіе въ западныхъ университетахъ, за исключеніемъ Болгаріи, первые дѣятели которой очень часто пріобрѣтали свои знанія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Впрочемъ, позднѣе и болгарская молодежь стала ѣздить учиться въ Западную Европу. Проведенію западныхъ вліяній способствовало и то обстоятельство, что государями христіанскихъ княжествъ Балканскаго полуострова дѣлались большею частью принцы изъ западноевропейскихъ династій. Только въ Сербіи образовались двѣ національныя династіи Карагеоргіевичей и Обреновичей, да своя династія Черногоріи, Греція имѣла королями сначала баварскаго, потомъ датскаго принца. Румынія не долго имѣла князя туземнаго происхожденія, получивъ потомъ государя въ лицѣ одного изъ членовъ королевской линіи Гогенцоллерновъ [1]). Въ Болгаріи правилъ сначала принцъ Александръ Баттенбергскій, потомъ Фердинандъ Саксенъ-Кобургскій. Западно-европейскія правительства въ свою очередь хлопотали о пріобрѣтеніи вліянія въ балканскихъ государствахъ, чтобы парализовать то вліяніе, которымъ пользовалась въ нихъ держава-освободитель-

[1]) *Zingeler.* Die Hohenzollern in Rumänien (1890).

ница, Россія, и при этомъ искусно извлекали для себя выгоды изъ ея политическихъ ошибокъ и реакціонныхъ поползновеній.

Получить вліяніе въ Сербіи особенно стремилось австро-венгерское правительство, находившее въ этомъ отношеніи поддержку либеральной партіи и правительства самой Сербіи [1]). Когда послѣ войны 1878 г. власть въ Бѣлградѣ перешла къ радикальной партіи, враждебной австро-венгерской политикѣ, изъ Вѣны добились отставки руссофильскаго министерства, и власть досталась сторонникамъ монархіи Габсбурговъ. Одною изъ наградъ князю Милану за его австрофильскую политику было согласіе Вѣны на титулъ короля, который онъ сталъ носить съ 1889 г. Впрочемъ, вся исторія Сербіи съ 1878 г. является исторіей борьбы партій, въ которой перевѣсъ переходилъ и къ руссофиламъ. Въ Болгарскомъ княжествѣ тоже съ самаго начала шла борьба между австро-венгерскимъ и русскимъ вліяніями, но такъ какъ послѣднее очень часто переходило въ прямое вмѣшательство, то противъ него возникла въ странѣ сильная національная оппозиція. Когда въ 1885 г. въ Восточной Румеліи произошелъ переворотъ, цѣлью котораго было соединеніе этой провинціи съ Болгаріей, и князь Александръ оказалъ этому дѣлу помощь, согласившись на сліяніе въ одно обѣихъ Болгарій, Россія протестовала противъ такого нарушенія берлинскаго трактата и продолжала стоять на этой точкѣ зрѣнія даже тогда, когда самъ султанъ согласился признать болгарскаго князя губернаторомъ Восточной Румеліи. Съ этого началось долговременное отчужденіе Болгаріи отъ Россіи, оказавшееся выгоднымъ для укрѣпленія въ новомъ княжествѣ другихъ вліяній. Князя Александра свергли съ престола въ 1886 г. за антиславянскую политику, но Россіи не удалось провести на выборахъ новаго князя своего кандидата, и въ угоду Австро-Венгріи былъ выбранъ княземъ католическій принцъ Фердинандъ Кобургскій, бывшій офицеромъ австро-венгерской арміи.


[1]) Ср. выше, стр. 393—394.